42 Ш90
9027 Ш
2401

МАТЕРІАЛЫ

ПО ИЗУЧЕНІЮ

ГИЛЯЦКАГО ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА,

СОБРАННЫЕ И ОБРАБОТАННЫЕ

Л. Я. Штернбергомъ.

ТОМЪ I.

Образцы народной словесности.

Часть 1-ая.

Эпосъ (поэмы и сказанія, первая половина).

Тексты съ переводомъ и примѣчаніями.

Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 24 мая 1900 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Fig 2

49
Ш 90

42
Ш9

МАТЕРІАЛЫ

ПО ИЗУЧЕНІЮ

ГИЛЯЦКАГО ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА,

СОБРАННЫЕ И ОБРАБОТАННЫЕ

Л. Я. Штернбергомъ.

ТОМЪ I.

Образцы народной словесности.

БИБЛІОТЕКА
Института Народов Севера
Ленинград, Соборный 17
Инв. № 2401

Часть 1-ая.

Эпосъ (поэмы и сказанія, первая половина).

Тексты съ переводомъ и примѣчаніями.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 24 мая 1900 г.).

Государственный
для
пакетов
Южный вок.
вдеть въ газеты

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюль 1908. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Оглавленіе.

	стран.
Введеніе	V — XXII
Отдѣлъ I.	1 — 147
А. Поэмы. На восточно-сахалинскомъ (тымовскомъ) діалектѣ. (Ӈастунд)	1 — 139
1. Аӡмыч̓ ӈиӈывың меның. Два брата. (Примѣчанія)	2 (14)
2. Мыӡ-ӈи́ӈывың. Нашъ Гилякъ. (Прим.)	21 (30)
3. Мытқы́ң еӈlанг ч̓ахӷ. Трое мальчиковъ (Прим.)	35 (40)
4. Шанх меның аӡмыч̓ ӈиның. Женщины двѣ, мужчина одинъ. (Прим.)	43 (51)
5. Пхнаӷ ӈиӈывың ӈеның ijа́ӈӈej ӈара́. Юноша одинъ, его жена тоже. (Прим.)	54 (59)
6. Шанх ӈин быӷк. Одинокая женщина. (Прим.)	61 (75)
7. Аӡмыч̓-ехlунг-кін шанх-ехlанг-хін. Мальчикъ и дѣвочка. (Прим.)	79 (88)
8. Аӡмыч̓ ч̓ахӷ ӈиӈывың. Три брата. (Прим.)	92 (101)
9. Ӈиӈывың ӈеның иёхыlунг. Гилякъ одинъ и его мальчикъ. (Прим.)	103 (108)
10. Пхнаӷ - ӈиӈывың ӈин быӷк. Одинокій юноша. (Прим.)	110 (114)
11. Ыч̓х ӈеның мам ӈиның. Старикъ одинъ, старуха одна. (Прим.)	115 (121)
12. Таф ӈахӷ пыӷк. Юрта одна только. (Прим.)	113 (126)
13. Мам ӈин. Старуха одна. (Прим.)	127 (129)
14. Ехlунг ӈин быӷк. Одинокій мальчикъ. (Прим.)	130 (136)
Отдѣлъ I. Б. Поэмы на западномъ діалектѣ (поддіалектъ побережья Амурскаго лимана). (Ныӡытыиң)	142 — 147
15. Ыкіlы ӈejманх, ыкіlы ӈejмаӷ ӈин. Бѣдная старуха, бѣдный старикъ одинъ. (Прим.)	142 (145)
Отдѣлъ II. Сказанія. А. На восточно-сахалинскомъ діалектѣ (Тыӆгунд)	150 — 232
16. Намгуӷ маӷ. Двѣ синицы. (Прим.)	150 (155)

	стран.	
17. Malax-нахзіӈ-івн-шанххун. Женщины съ vagina dentibus armata. (Прим.)	159	(164)
18. Варіантъ къ № 17. (Прим.)	166	(168)
19. Тоже. (Прим.)	169	(169)
20. Тоже. (Прим.)	170	(171)
21. Ӈіӈывың-шахн-хген-пал-ӈіӈывың. Горный человѣкъ, женившійся на гиляцкой женщинѣ. (Прим.).	171	(175)
22. Варіантъ къ № 21. (Прим.)	178	(182)
23. Кlунд-шанх-хген-ӈіӈывың. Гилякъ, женившійся на женщинѣ-тигрѣ. (Прим.)	183	(184)
24. Чхыф-пу-авын-шанх. Женщина, вышедшая замужъ за медвѣдя. (Прим.)	186	(188)
25. Пал-аӈӈej-хген-ӈіӈывың. Гилякъ, женившійся на горной женщинѣ. (Прим.)	188	(191)
26. Варіантъ къ № 25. (Прим.)	192	(192)
27. Lаӆгӈ-пу-авн-шанх. Женщина, вышедшая замужъ за тюленя. (Прим.)	192	(195)
28. Кеӽ-пу-авн-шанх. Женщина, вышедшая замужъ за лисицу. (Прим.)	195	(196)
29. Ӈіӈывың-урін-чхыф. Благодѣтельный медвѣдь. (Прим.)	197	(199)
30. Варіантъ къ № 29	200	
31. Ӈіӈвуӈ манlанд ара́ кlунд ӈіхыlанд ара́. Храбрый Гилякъ и благодарный тигръ. (Прим.)	201	(204)
32. Варіантъ № 1. (Прим.)	208	(211)
33. Тоже № 2. (записанъ по русски). (Прим.)	211	(212)
34. Тоже № 3. (записанъ по русски у племени Негда). (Прим.)	213	(214)
35. Пал-мілк-кlунд. Тигръ—горный чортъ. (Прим.)	215	(217)
36. Ӈіхыla кlунд. Благодарный тигръ. (Прим.)	218	(221)
37. Варіантъ № 1. (Прим.)	223	(223)
38. Туґур-ызінтох акін ӈіӈывың. Гилякъ, оскорбившій хозяина огня. (Прим.)	224	(225)
39. Чаӆмк-еӆlанґ. Сынъ Матери воды. (Прим.)	225	(226)
40. Варіантъ № 1. (по русски). (Прим.)	228	(229)
41. Варіантъ № 2. Кавpі еӆlанґ. Сынъ камбалы. (Прим.)	230	(231)
42. Варіантъ № 3. Кхані-еӆlанґ. Сынъ вахни. (Прим.)	231	(232)

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Прежде всего нѣсколько словъ о народѣ, создавшемъ предлагаемые образцы фольклора.

Гиляки[1]) — крошечное племя, не превышающее численностью шести тысячъ душъ. Территорія ихъ — сѣверная половина Сахалина, лиманъ и низовья Амура до с. Гери и прилегающее материковое побережье. Въ культурномъ отношеніи—это примитивные полуосѣдлые рыболовы и охотники, правда, уже сравнительно давно знакомые съ желѣзомъ, благодаря общенію съ маньчжурами и ~~японцами~~. Ихъ упряжное животное — собака. Зимнее жилище — землянка... Религія — примитивный анимизмъ съ обычными его спутниками — культомъ ~~антропоморфныхъ~~ «хозяевъ» природы, животныхъ, разнаго рода духовъ и, наконецъ, сородичей-богоизбранниковъ... Соціальный строй покоится на основѣ родового союза (по мужской линіи), не знающаго ни патріархальной власти, ни другихъ принудительныхъ элементовъ. Родъ — единственная и высшая форма общественной организаціи: ~~ни сложный родъ, ни племенной союзъ имъ неизвѣстенъ~~. Семейный строй — бракъ, ~~моногандрическій по формѣ, но фактически допускающій свободное половое общеніе съ лицами опредѣленныхъ родственныхъ группъ~~. Лица, принадлежащія къ одной и той-же группѣ по своимъ сексуальнымъ правамъ, носятъ общее родственное названіе (классификаціонная система родства, впервые найденная у Гилякъ авторомъ въ 1891 г.[2]).

Въ соматическомъ отношеніи — это монголоидное племя, первона-

1) Подробнѣе см. статью автора «Гиляки» (Этнографич. Обозр. №№ 60, 61 и 63), тоже и отдѣльное изданіе, М., 1905 г.

2) См. «Гиляки», op. cit., гл. III и VI.

чальный типъ котораго, подъ вліяніемъ постояннаго притока крови сосѣднихъ племенъ, въ настоящее время крайне запутанъ примѣсью чертъ аинскаго и тунгусскаго типовъ. Но, потерявъ въ значительной степени свою антропологическую индивидуальность, Гиляки въ другихъ отношеніяхъ стоятъ совершенно изолированно среди окружающихъ ихъ народовъ: съ одной стороны—Айновъ (Айну), съ другой—тунгусскихъ племенъ: Ольчей Ороковъ, Орочей, Гольдовъ. Объ этой изолированности свидѣтельствуютъ, прежде всего, какъ многія своеобразныя черты ихъ матеріальной культуры, такъ и въ особенности ихъ соціально-религіозныя учрежденія[1]). Но самой знаменательной особенностью этого таинственнаго племени, привлекающей къ нему интересъ одинаково какъ этнографа, такъ и лингвиста,— это его *языкъ*. Ни по лексическому матеріалу, ни по грамматическому строю, языкъ Гилякъ не можетъ быть сближаемъ ни съ языками ихъ непосредственныхъ сосѣдей — съ одной стороны Айновъ, съ другой— упомянутыхъ тунгусскихъ племенъ, ни съ другими извѣстными намъ языками азіатскаго континента, и, наоборотъ, есть основаніе думать, что ближе всего гиляцкій языкъ стоитъ къ языкамъ американскимъ[2]). Отсюда естественный интересъ къ языку и фольклору этого племени, которые могутъ пролить свѣтъ на темнѣйшую страницу этнографіи — на древнюю связь между народами Восточной Азіи и Сѣверной Америки.

На основаніи, главнымъ образомъ, этой лингвистической изолированности, покойный академикъ Леопольдъ Шренкъ, сдѣлавшій первыя записи словъ гиляцкаго языка и первый давшій намъ монографическую работу[3]) объ этомъ племени, выдѣлилъ Гилякъ, вмѣстѣ съ Чукчами, Юкагирами, Камчадалами, Коряками, Енисейскими остяками, Айнами, въ особую группу *палеазіатовъ*. Нѣкоторые изъ языковъ этихъ изолированныхъ народовъ, равно какъ и ихъ фольклоръ, какъ, напр., чукотскій, коряцкій, камчадальскій, юкагирскій, отчасти аинскій, въ настоящее время достаточно изучены, и въ результатѣ получились очень интересныя сближенія[4]).

Что касается гиляцкаго языка, то до начала этого вѣка всѣ свѣдѣнія объ этомъ языкѣ, имѣющія научное значеніе, ограничивались спискомъ

---

1) Подробности см. ст. «Гиляки», op. cit. гл. I, III и IV.

2) См. L. Sternberg, «Bemerkungen über die Beziehungen zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikanischen Sprachen» (Internat. Amerikanisten-Kongress, 1904), также ст. «Гиляки», гл. I.

3) L. v. Schrenck, «Reisen und Forschungen im Amurlande». B. III.

4) Ср. W. Bogoras, «The Folklore of northeastern Asia, as compared with that of northwestern America» (Amer. Antrop., 1902, v. 4)—W. Iochelson, «Ueber asiatische und amerikanische Elemente in den Mythen der Korjaken» (XIV Amerikanisten-Kongress, 1904).— Тексты, собранные гг. В. Г. Богоразомъ и В. И. Іохельсономъ среди чукочъ и юкагировъ, изданы Имп. Академіей Наукъ въ 1900 г.

словъ и выраженій, записанныхъ въ 50-хъ годахъ Шренкомъ и Гленомъ и весьма тщательно обработанныхъ въ 1891 г. профессоромъ В. Грубе [1]), причемъ, къ сожалѣнію, въ распоряженіи послѣдняго не было ни одного связнаго переведеннаго текста, на основаніи котораго можно было бы сдѣлать какія-нибудь грамматическія заключенія. Четыре маленькія гиляцкія пѣсни, записанныя Шренкомъ, остались непереведенными и потому не могли быть использованы.

Въ ноябрѣ 1900 г. въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ (Т. XIII, № 4) появились «Образцы матеріаловъ по изученію гиляцкаго языка и фольклора», собранныхъ на островѣ Сахалинѣ и въ низовьяхъ Амура пишущимъ эти строки. Въ этой статьѣ, кромѣ введенія и главы о фонетикѣ и способѣ транскрибированія, данъ оригинальный текстъ цѣлой поэмы съ дословнымъ переводомъ и обширными лингвистическими примѣчаніями, дающими достаточное представленіе о фонетическихъ особенностяхъ и грамматическомъ строѣ гиляцкаго языка.

Такимъ образомъ, это былъ первый и единственный въ то время текстъ гиляцкаго фольклора, ставшій достояніемъ науки. Въ настоящемъ изданіи мы даемъ первое систематическое собраніе гиляцкихъ текстовъ съ дословнымъ переводомъ и фольклорными примѣчаніями. Предлагаемая первая часть обнимаетъ только начало эпоса; далѣе послѣдуютъ, кромѣ окончанія эпоса, остальные тексты всѣхъ родовъ поэзіи Гилякъ, но и въ этомъ неполномъ видѣ настоящее собраніе, позволяемъ себѣ думать, должно представить интересъ одинаково какъ для лингвиста, такъ и для этнографа и фольклориста.

II.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ собранныхъ текстовъ, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они были собраны. Изученіемъ Гилякъ и ихъ сосѣдей я занимался съ нѣкоторыми перерывами съ января 1891 г. по май 1897 г. [2]) Въ теченіе этого времени я объѣхалъ весь островъ Сахалинъ (территорія Гилякъ, Ороковъ, и Айну), материковое побережье, лиманъ и низовья Амура (амурскіе Гиляки, Ольчи и Гольды),—наконецъ, Императорскую гавань и прилегающую территорію Орочей. Когда я приступилъ (1891 г.) къ изученію Гилякъ, упо-

1) Dr. Wilhelm Grube, «Giljakisches Wörterverzeichniss nebst grammatischen Bemerkungen» (Anhang z. III B. Reisen und Forsch. im Amurlande von Dr. L. v. Schrenck).

2) Подробнѣе о работахъ автора на Сахалинѣ и въ Пріамурскомъ краѣ, см. упомянутые «Образцы матеріаловъ» въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», Т. XIII, № 4, вступленіе.

мянутая работа д-ра Грубе еще не появилась, и съ нею мнѣ пришлось ознакомиться только послѣ возвращенія въ Европу. По условіямъ моего пребыванія на Сахалинѣ, очень долго для меня оставались недоступными и работы Шренка объ исторіи и матеріальномъ бытѣ пріамурскихъ народовъ, которыя значительно могли-бы облегчить мои первые шаги. Къ счастію, это обстоятельство не имѣло никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для характера моихъ работъ. Прежнія мои научныя занятія — преимущественно въ области гуманитарныхъ наукъ—естественно толкали меня какъ разъ въ ту область, которая менѣе всего, какъ оказалось, была разработана Шренкомъ, именно въ область соціальной и духовной культуры. Меня интересовали, прежде всего, строй семьи, рода, религія, наконецъ, поэзія и языкъ. Особенно меня интересовали въ то время первыя двѣ отрасли, и, болѣе всего свѣдущій въ нихъ, я съ нихъ и началъ. Для перваго ознакомленія съ новымъ для меня строемъ жизни, я предпринялъ объѣздъ селеній сѣверной части Сахалина, дѣлалъ посемейную перепись населенія, попутно изучая родственную номенклатуру. При этой работѣ, требовавшей кропотливыхъ повтореній однообразныхъ вопросовъ, достаточно, казалось, — для начала, по крайней мѣрѣ, — небольшого запаса словъ, добытаго изъ области терминологіи родства и хозяйственныхъ отношеній, для переговоровъ при переписи и для контролированія Гиляка, подготовленнаго мною для работы переводчика. Безъ особенныхъ затрудненій шло также и первоначальное ознакомленіе съ внѣшними формами быта и религіозными обрядами.

Но уже очень скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что безъ основательнаго знанія языка подлинная жизнь заинтересовавшаго меня племени, и особенно психическія стороны ея, останутся для меня сокрытыми. Пришлось, поэтому, оставить все остальное и взяться, прежде всего, за изученіе языка. Условія для этого были мало благопріятны. Среди русскихъ не было ни одного человѣка, знакомаго съ гиляцкимъ языкомъ, хотя на языкахъ другихъ туземцевъ,— наприм., на аинскомъ,—свободно объяснялись даже многіе чиновники. Но не для однихъ русскихъ гиляцкій языкъ оставался недоступнымъ. Исконные сосѣди Гилякъ—Орочи, Айны, Ольчи—легко усваивали всѣ другіе употребительные мѣстные языки, но не гиляцкій. И Гилякамъ приходилось въ сношеніяхъ съ сосѣдями объясняться на аинскомъ, орокскомъ, гольдскомъ, но не на своемъ собственномъ языкѣ. Но менѣе всего было среди нихъ лицъ, болѣе или менѣе свѣдущихъ въ русскомъ языкѣ. Переводчика всякій разъ приходилось создавать, готовить его даже для спеціальнаго рода вопросовъ. Первое время приходилось особенно трудно, такъ-какъ въ моей невольной резиденціи, въ сел. Віахту на пустынномъ берегу Татарскаго пролива, не было ни одного Гиляка, хоть сколько-нибудь знающаго по-русски. Мои попытки къ изученію языка по слуху, разговорнымъ путемъ, не имѣли успѣха. Фонетика

и грамматическій строй оказались до такой степени чуждыми и трудно преодолимыми, что отъ практическаго метода изученія пришлось разъ навсегда отказаться. Я рѣшилъ, поэтому, подойти къ своей задачѣ болѣе долгимъ путемъ теоретическаго изученія. Окруживъ себя, при первой представившейся возможности, нѣсколькими молодыми Гиляками, кое-какъ объяснявшимися по-русски, я сталъ записывать краткіе тексты, добиваясь въ то же время анализа фразъ, дословнаго перевода и осмысливанія грамматическихъ особенностей. На первыхъ порахъ работа шла крайне трудно, ибо мои учителя съ трудомъ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что фразы состоятъ изъ отдѣльныхъ словъ, и съ легкимъ сердцемъ огорашивали меня длиннѣйшими періодами, которые я едва успѣвалъ записывать въ самомъ несовершенномъ видѣ. Вдобавокъ, кропотливые разспросы быстро надоѣдали имъ, и наши сеансы шли съ большими перерывами. Но съ каждымъ днемъ, съ каждой разобранной фразой дѣло становилось легче, ибо подвигался впередъ не только я, но и мои учителя. Они не только пріобрѣтали больше познаній въ русскомъ языкѣ, но и научались анализировать свой собственный языкъ. Нерѣдко мнѣ приходилось съ удивленіемъ слышать, какъ еле объясняющійся по-русски подростокъ пытается перевесть мнѣ совершенно инкорпорировавшуюся форму суффикса—послѣлога или плеонастическій префиксъ соотвѣтствующими русскими предлогами и опредѣленіями,—процессъ, требующій тонкаго лингвистическаго чутья, котораго меньше всего можно было ожидать отъ первобытнаго человѣка.

Къ сожалѣнію, учителя безконечно мѣнялись, и едва, бывало, успѣваешь приспособить кого-нибудь, какъ онъ уже торопится уѣзжать, и масса времени уходила на постоянное обученіе своихъ собственныхъ учителей [1]).

Но если въ грамматическія тайны мнѣ удалось проникнуть сравнительно легко, то не такъ дѣло обстояло съ фонетикой. Усвоеніе нѣкоторыхъ даже основныхъ для гиляцкаго языка звуковъ, какъ, напр., особаго вида «корональныхъ» и «дорсальныхъ», давалось лишь послѣ долговременныхъ усилій и постоянныхъ самопровѣрокъ. Чтобы разобраться въ нѣкоторыхъ звукахъ, приходилось часто допытываться у самихъ Гилякъ, какія манипуляціи они продѣлываютъ тѣми или другими органами рѣчи, и часто этотъ методъ оказывался наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Прибѣгъ я и къ другому способу. Я обратился къ одному изъ друзей, Б. О. Пилсудскому, въ то время тоже проживавшему на Сахалинѣ и интересовавшемуся инородцами, съ просьбой параллельно со мной записывать нѣ-

1) Уже послѣ моего отъѣзда выработался переводчикъ Индынъ, ученикъ Б. О. Пилсудскаго, окончившій городское училище во Владивостокѣ, но, къ несчастью, скоро ставшій жертвой науки и скончавшійся отъ туберкулеза.

которые тексты, дабы возможно было контролировать правильность записанныхъ звуковъ. Но два европейца—мы часто расходились въ воспріятіи нѣкоторыхъ звуковъ. Таковы трудности гиляцкой фонетики, для исчерпывающаго анализа которой потребовался-бы долгій трудъ цѣлаго ряда подготовленныхъ изслѣдователей.

Преодолѣвъ первоначальныя трудности грамматическаго разбора текстовъ и усвоенія основъ фонетики, пріобрѣвъ достаточный запасъ лексическаго матеріала, я столкнулся съ дальнѣйшими трудностями, хорошо знакомыми всякому собирателю инородческихъ текстовъ, именно съ трудностями, сопряженными съ нахожденіемъ подходящихъ лицъ для записыванія отъ нихъ *цѣльныхъ* поэтическихъ произведеній.

Нѣтъ ничего легче, какъ имѣть случай послушать гиляцкаго сказочника. Но записывать за нимъ чрезвычайно трудно. Прежде всего, Гилякъ говоритъ чрезвычайно быстро; далѣе, языкъ сказочника — архаическій, очень отличный отъ разговорнаго, и многіе Гиляки сами нуждаются въ разъясненіяхъ. Вдобавокъ существуетъ цѣлый родъ поэзіи, т. наз. нàстунд, образцы котораго произносятся въ экстазѣ, чаще всего поются и притомъ съ такой головокружительной быстротой и съ такими завываніями и модуляціями, что нѣтъ никакой возможности не только записывать, но часто и улавливать общій смыслъ распѣваемаго текста.

Для воспроизведенія такихъ текстовъ нѣтъ иного средства, какъ заставить разсказчика диктовать слово за словомъ, фразу за фразой. Этой скучной работы Гиляки не любятъ: она ихъ утомляетъ больше любого физическаго труда. Чтобы пріучить человѣка къ такой работѣ, требуется время, и использовать его удобнѣе всего, поэтому, только стаціонарно. Вотъ почему, хотя мною собрано много текстовъ отъ различныхъ лицъ въ различныхъ мѣстахъ гиляцкой осѣдлости, но *бóльшая* часть исходитъ изъ двухъ-трехъ пунктовъ, гдѣ я могъ работать довольно продолжительное время на одномъ мѣстѣ. Да и въ этихъ пунктахъ приходилось пользоваться для систематической работы услугами очень немногихъ — двухъ-трехъ лицъ, иногда довольствуясь и однимъ, такъ какъ сказочниковъ-профессіоналовъ, т. е. дѣйствительныхъ поэтовъ и импровизаторовъ, очень мало, а изъ нихъ— при ихъ крайней нервности—не всякій обладаетъ здоровымъ терпѣніемъ, чтобы слово за словомъ диктовать большія поэмы въ нѣсколько сотъ строкъ. Заполучивъ такого индивида, естественно стараешься выжать изъ него какъ можно больше, предпочитая его одного многимъ посредственностямъ.

III.

Объ этихъ сказочникахъ-профессіоналахъ, своеобразныхъ бардахъ, стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Гиляцкій сказочникъ—исключительная натура, настоящій избранникъ боговъ. Недаромъ сказочниками чаще всего являются шаманы или ихъ наслѣдники. О знаменитыхъ гиляцкихъ шаманахъ обыкновенно, наряду со всевозможными сверхъестественными подвигами, разсказываютъ, что они проводили цѣлые дни въ безпрерывномъ разсказываніи сказокъ и распѣваніи импровизированныхъ поэмъ. Бываютъ, конечно, исключенія, но по психической природѣ своей сказочникъ и шаманъ—родственныя натуры. И тѣ, и другіе—болѣзненные, нервные, истеричные типы, легко впадающіе въ экстазъ—обладаютъ даромъ видѣній; и тѣ, и другіе вѣрятъ въ свое избранничество и имѣютъ собственныхъ духовъ-покровителей.

Характерной чертой гиляцкаго сказочника—это даръ импровизаціи. Самыя замѣчательныя формы импровизаціи имѣютъ мѣсто въ состояніи настоящаго транса. Внезапно лицо поэта блѣднѣетъ, глаза становятся большими и неподвижными, весь онъ вытягивается въ полный ростъ, и изъ груди его выкатывается неудержимый потокъ нечеловѣческихъ речитативовъ, то гулкихъ и страшныхъ, какъ вой голодныхъ хищниковъ, то мрачныхъ, душераздирающихъ, какъ причитанія на посмертныхъ кострахъ, то нѣжныхъ, ровныхъ и тихихъ, какъ звуки гиляцкой одностру́нной скрипки, и потокъ этотъ безъ всякихъ паузъ и передышекъ льется до тѣхъ поръ, пока поэтъ не исчерпаетъ сюжета и, изможденный, обезсиленный, не падаетъ среди нѣмого одобренія аудиторіи на твердую нару... При видѣ такихъ сценъ невольно вспоминается извѣстная историческая сцена въ домѣ Гете, когда гостившій у него Мицкевичъ, внезапно вскочивъ со своего мѣста, блѣдный, съ остановившимся взоромъ, въ состояніи полнаго автоматизма, съимпровизировалъ передъ геніальнымъ хозяиномъ длинную стихотворную поэму...

Импровизаціи поэта, даже самыя обычныя—внушенія особаго *духа*, міф-кехң (земной духъ), который имѣетъ свое мѣстопребываніе на кончикѣ языка пѣвца, диктуя ему свои божественныя фантазіи. Съ покровительствомъ этого духа связана сама жизнь пѣвца. Существуетъ трогательное повѣрье, что въ тотъ моментъ, когда покровительствующій духъ покидаетъ бѣднаго пѣвца, послѣдній умираетъ. Оттуда и то страшное напряженіе всѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ пѣвца во время импровизаціи, когда путемъ нечеловѣческихъ выкриковъ и завываній онъ безсознательно гипнотизируетъ себя, чтобы поддержать въ себѣ тотъ подъемъ, съ которымъ связана его жизнь. Оттуда и трогательная заботливость аудиторіи пѣвца, которая во все время сеанса поддерживаетъ его ободряющими вос-

клицаніями, не давая ему уснуть внезапно, ибо бываютъ случаи, когда подъ утро усталый пѣвецъ, послѣ цѣлой ночи напряженія, обрываетъ на полусловѣ и засыпаетъ, и бывало также, что пѣвецъ при этомъ, не то отъ переутомленія, не то отъ страха быть покинутымъ своимъ духомъ-хранителемъ, дѣйствительно засыпалъ навѣки...

Одного изъ такихъ поэтовъ-избранниковъ,—правда начинающаго, почти подростка, но уже славившагося своими талантами,—мнѣ удалось наблюдать очень близко изо дня въ день въ теченіе нѣсколькихъ недѣль совмѣстнаго съ нимъ сожительства. Это былъ сынъ знаменитаго, уже покойнаго въ то время ады-тымовскаго шамана, юноша лѣтъ 15—16, по имени Койнытъ.

Бѣдный, какъ Іовъ, одинокій, безпріютный, богатый только духами-помощниками для этой жизни и большими надеждами въ загробной (онъ имѣлъ цѣлыхъ двѣ души въ наслѣдіе отъ отца, который, въ свою очередь, имѣлъ ихъ цѣлыхъ четыре), онъ отдался весь своему призванію, получалъ видѣнія, истерическіе припадки, импровизировалъ поэмы, пѣлъ пѣсни, и Гиляки, страстные любители поэзіи, цѣлыми ночами слушали его, даря его потомъ юкалой, ремнями и т. п. мелочами. Вотъ этотъ юноша, готовившійся стать со временемъ шаманомъ, согласился, благодаря посредничеству нашихъ друзей-Гилякъ, переѣхать на время въ сел. Рыковское, чтобы, за теплый уголъ и соблазнительныя прелести русскаго стола, дѣлиться со мною богатствами своей фантазіи и знаніями своего племени.

Изъ эпизодовъ нашего сожительства особенно памятнымъ остался для меня тотъ моментъ, когда при мнѣ снизошла на него, если можно такъ выразиться, шаманская благодать... Однажды онъ заспался дольше обыкновеннаго. Мы сидѣли съ другимъ гиляцкимъ подросткомъ, хорошимъ разсказчикомъ Индыномъ, и бесѣдовали. Внезапно Койнытъ, спавшій въ той же комнатѣ, вскочилъ со своего ложа съ нечеловѣческимъ крикомъ и, поднявъ руки кверху, съ безумнымъ взоромъ, искаженнымъ лицомъ, сталъ импровизировать... И я, и мой собесѣдникъ оцѣпенѣли отъ этого бурнаго потока воплей, завываній, рычаній, выкриковъ, бѣснованій, за шумомъ которыхъ только время отъ времени долетали до насъ обрывки фразъ и словъ, и не успѣли мы притти въ себя отъ этой неожиданности, какъ крики внезапно оборвались, и Койнытъ съ полузакрытымя глазами, блѣдный, безсильный, опустился на свое ложе. «Ну,—сказалъ Индынъ,—теперь ужъ Койнытъ человѣкомъ не будетъ, кехӈ хочетъ заставить его свой законъ держать»... Такъ тѣсно связана поэзія въ представленіи Гилякъ съ религіей.

Впрочемъ, поэзія культивируется у Гилякъ не одними избранниками, въ родѣ Койныта. Людей съ поэтическимъ темпераментомъ среди нихъ довольно много. Вдобавокъ, какъ всѣ первобытные люди, Гиляки обладаютъ тонко развитой памятью, и каковъ бы ни былъ первоначальный источникъ

той или другой пьесы, въ концѣ концовъ, переходя изъ устъ въ уста, она становится общимъ народнымъ достояніемъ. Почти нѣтъ, поэтому, среди Гилякъ человѣка, который не зналъ бы цѣлаго ряда тѣхъ или другихъ распространенныхъ сюжетовъ или пѣсенъ. Вся разница — въ искусствѣ передачи, въ стилѣ, въ подробностяхъ. Но публично рѣдко какой Гилякъ рѣшается выступить, и когда въ долгія зимнія ночи въ большой юртѣ собирается народъ послушать поэзіи, готовый сидѣть до самаго утра, то на сценѣ всегда фигурируетъ настоящій поэтъ—избранникъ «духа».

IV.

Несмотря на отсутствіе письменности, репертуаръ духовнаго творчества Гилякъ довольно богатъ и разнообразенъ. Они сами различаютъ слѣдующіе виды поэзіи.

I. Кеӈ аінд (букв.: «событія дѣлать»)—*историческій* эпосъ, сказанія о дѣйствительныхъ событіяхъ болѣе или менѣе памятнаго прошлаго, преимущественно изъ области войнъ, кровавой мести. Обычная ихъ форма—сжатое безъ всякихъ прикрасъ повѣствованіе о перипетіяхъ того или другого событія. Характерно, что изъ собственныхъ именъ въ такихъ разсказахъ фигурируютъ только названія мѣстностей, но собственныя имена дѣйствующихъ лицъ отсутствуютъ: все, что даетъ о нихъ повѣствователь, заключается въ упоминаніи, что то были жители такой-то деревни. Тѣмъ болѣе странно это, что у тунгусскихъ народовъ, сосѣднихъ съ Гиляками, историческій эпосъ изобилуетъ собственными именами героевъ.

Основная причина этого страннаго факта, повидимому, кроется въ особенностяхъ строя гиляцкаго рода, не знающаго никакихъ организованныхъ элементовъ власти, въ тѣхъ условіяхъ соціальной организаціи, при которыхъ настоящимъ героемъ является не отдѣльное лицо, а сплоченный коллективъ рода. Сила этого послѣдняго именно заключается въ удивительномъ сочетаніи безграничной солидарности всѣхъ съ полной свободой развитія личности,—поэтому-то въ трудную минуту общаго бѣдствія, когда требуются герои, ихъ нѣтъ только потому,что всѣ—герои. У тунгусскихъ племенъ, сосѣдей Гилякъ, какъ у бывшихъ оленеводовъ-кочевниковъ, наоборотъ, сила рода гораздо слабѣе. Впрочемъ, воздержаніе отъ употребленія собственныхъ именъ героевъ прошедшаго могла быть вызвана и религіозными соображеніями, такъ какъ Гиляки тщательно избѣгаютъ упоминать имена своихъ покойниковъ.

Спеціально этотъ родъ поэзіи не культивируется. Фантазія поэта не увлекается историческими сюжетами. О нихъ повѣствуетъ отецъ дѣтямъ, старики—молодежи, но на вечерахъ сказочниковъ ихъ слышать не прихо-

дится. Для фольклориста сухіе съ виду историческіе разсказы представляютъ тѣмъ не менѣе большой интересъ, какъ богатый матеріалъ для изученія быта и особенно обычаевъ мести и войны.

II. Тыл̀гунд—сказаніе, быль (вѣроятно, отъ прилагательнаго тыlанд—далекій, старинный)—эпосъ съ непремѣннымъ элементомъ *чудеснаго*. Сюда входятъ, прежде всего, миѳы о происхожденіи міра и человѣка, сказанія о жизни того или другого «хозяина» природы, божественнаго животнаго, духа и т. д. Далѣе, идутъ разсказы, въ которыхъ наряду съ обыкновенными смертными фигурируютъ тѣ же герои миѳа и культа,—боги-хозяева, обоготворенные звѣри и люди и всевозможные духи неба, моря и земли. Значительную часть этого рода тыл̀гунд составляютъ разсказы о любовныхъ связяхъ и даже брачныхъ союзахъ людей съ разнаго рода животными—земноводными и водяными: медвѣдями, тиграми, тюленями, даже рыбами и т. д., причемъ животныя, согласно основному міросозерцанію Гиляковъ, рисуются какъ существа совершенно человѣкоподобныя, и по физической своей природѣ, и по образу жизни, но которыя въ то же время любятъ показываться человѣку въ образѣ тѣхъ или другихъ животныхъ.

Другой обычный сюжетъ—охотничьи приключенія, причемъ фабулу опять-таки составляетъ столкновеніе человѣка съ добрыми и злыми духами, чаще всего съ животными. Изъ этой категоріи особенный интересъ представляютъ разсказы о благодарныхъ животныхъ — тиграхъ и медвѣдяхъ, испытавшихъ на себѣ великодушіе человѣка. Благодарное животное обыкновенно забираетъ съ собою избавителя въ свой домъ, одариваетъ его пушниной, иногда отдаетъ замужъ свою сестру или дочь и навсегда становится вѣрнымъ союзникомъ человѣка. Нѣкоторыя изъ этихъ легендъ — по сюжету — представляютъ поразительную аналогію съ греко-римскимъ цикломъ сказаній о благодарныхъ животныхъ.

Наконецъ, идутъ всевозможные бытовые разсказы вплоть до юмористическихъ включительно, но съ непремѣннымъ элементомъ чудеснаго, будетъ-ли это участіе духовъ, или особые магическіе таланты героя-человѣка.

Характерная особенность для *всѣхъ* видовъ тыл̀гунд заключается въ томъ, что Гиляки видятъ въ нихъ не продукты фантазіи, а реальныя событія, имѣвшія мѣсто въ дѣйствительности. Выдумывать тыл̀гунд—грѣхъ. Тыл̀гунд можно передавать только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до разсказчика. Это отношеніе къ тыл̀гунд—прямой результатъ основного міровоззрѣнія Гиляка, который все анимизируетъ и антропоморфируетъ, для котораго все одинаково реально — и дѣйствительное, и кажущееся, сущее и воображаемое, и явленія нормально воспринимаемыя, и явленія сна или галлюцинаціи, обыденное и чудесное. При такомъ міровоззрѣніи нѣтъ мѣста

критикѣ фактовъ. Все, что разсказано, какъ фактъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя бы это былъ разсказъ человѣка галлюцинировавшаго или видѣвшаго тѣ или другія событія во снѣ. Роль сновъ, какъ важнаго источника созданія тыл̀гунд, явственно проглядываетъ во многихъ наиболѣе типичныхъ текстахъ, въ которыхъ значительная часть фабулы происходитъ во снѣ, какъ, напримѣръ, въ разсказахъ о благодарныхъ животныхъ, гдѣ отцу героя снится цѣлый діалогъ съ тигромъ, такъ что невольно напрашивается мысль, не происходила-ли вся исторія во снѣ. Всѣ легенды о половыхъ сношеніяхъ и бракахъ людей съ животными основаны точно такъ же на снахъ. У Орочей, напримѣръ, преданіе о происхожденіи одного рода отъ тигра, по ихъ же словамъ, основано на томъ, что какой-то дѣвицѣ приснилось, что тигръ провелъ съ ней ночь любви.

Такую же роль, какъ сны, играютъ болѣзненные обманы зрѣнія, эротическія галлюцинаціи и т. п. явленія; такъ, въ разсказахъ №№ 25, 26 заброшенный въ тайгу охотникъ принимаетъ то березу, то дверь, то гребень за горную красавицу.

Вотъ почему такой важный элементъ въ этомъ родѣ поэзіи составляютъ событія изъ охотничьей жизни. Во время промысловаго періода охотникъ проводитъ цѣлыя недѣли одинъ въ своемъ лѣсномъ балаганѣ лицомъ къ лицу съ дикими звѣрями, ужасами суровой природы и невзгодами холода и голода. Даже въ обычное время его сны полны образами звѣрей и фантасмагоріями его демонологіи. Но въ дни голода, въ дни, когда одинокій человѣкъ замурованъ бушующей пургой въ своемъ крошечномъ лѣсномъ балаганѣ, его лихорадящее воображеніе видитъ всѣ фантасмагоріи наяву. А видѣнія, сны для Гиляка — сама дѣйствительность.

Такъ или иначе, Гилякъ относится къ тыл̀гунд — независимо отъ его содержанія, будь это важнѣйшій космогоническій миѳъ или фантастическій разсказъ охотника — съ одинаковымъ довѣріемъ. Всѣ чудесные элементы въ тыл̀гунд—факты, не подлежащіе сомнѣнію. Тыл̀гунд, поэтому, въ жизни Гиляка — неписанная книга священныхъ преданій, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, живая религіозная хрестоматія, на которой и старъ, и младъ воспитывается въ знаніи родной миѳологіи и теогоніи.

По конструкціи и развитію фабулы, по художественному реализму лучшихъ образцовъ, тыл̀гунд—самая совершенная форма гиляцкаго эпоса. По внѣшнему строю—это обыкновенно прозаическіе разсказы; стихотворныя части въ видѣ лирическихъ изліяній дѣйствующихъ лицъ — случайные эпизоды.

Ш. Ѝастунд, (также ѝаста̀унд), ныз̀ытынц — героическая поэма, своего рода импровизированный тыл̀гунд, отъ котораго онъ отличается прежде всего способомъ и формой воспроизведенія. Тыл̀гунд, какъ мы видѣли, пере-

дается изъ рода въ родъ въ разъ навсегда установленномъ видѣ. Творецъ его—народъ. Нàстунд, наоборотъ, импровизируется всякій разъ божественнымъ избранникомъ—поэтомъ и разсматривается слушателями не какъ преданіе о дѣйствительномъ фактѣ, а какъ продуктъ поэтическаго откровенія. Изъ всѣхъ отдѣловъ гиляцкой поэзіи нàстунд ближе всего подходитъ къ нашимъ сказкамъ, но отношеніе къ нимъ совершенно другое, чѣмъ у насъ. Гилякъ видитъ въ нихъ не выдумку, а видѣніе, внушенное духомъ—покровителемъ поэта. Въ отличіе отъ тылгунд, произносимаго обыкновенной повѣствовательной интонаціей, нàстунд, наоборотъ, всегда поется въ состояніи экстаза. Что касается содержанія, то хотя зачастую въ немъ мы встрѣчаемъ обычные миѳическіе элементы и комбинаціи, какъ и въ тылгундѣ, но въ общемъ построеніи того и другого разница существенная. Въ тылгунд — центральными фигурами могутъ быть одинаково и люди, и боги, и духи, и звѣри и т. д. Въ нàстунд—центральной фигурой является всегда человѣкъ, герой; всѣ остальные элементы, боги, звѣри, духи—только обстановка для подвиговъ этого центральнаго героя - человѣка.

Герой этотъ всегда безъ исключенія фигура безымянная: «человѣкъ одинъ», «женщина одна», «мальчикъ одинъ» и т. д. Мѣсто дѣйствія столь же неопредѣленно. Упоминаются, правда, два-три главныхъ пункта территоріи гиляцкой осѣдлости, въ родѣ Головы или Ногъ земли, но названія селенія или опредѣленной мѣстности никогда не встрѣчаются. «Я житель средины бухты» — вотъ единственный отвѣтъ героя на разспросы любопытствующихъ.

Характерная черта этихъ безымянныхъ героевъ — ихъ *одиночество*. Весьма рѣдко поэтъ надѣляетъ героя братомъ, сестрой, матерью, и то это люди слабые, безпомощные. Наоборотъ, типичный герой совершенно одинокъ, до такой степени, что когда требуются самые необходимые помощники, — напримѣръ, послы для вызова на войну, для приглашенія на трапезу медвѣдя и т. п.,—ему приходится дѣлать деревянныя фигуры и давать имъ соотвѣтствующія порученія. Мы видимъ здѣсь полную противоположность кĕраінд—историческому эпосу, гдѣ героемъ обычно является коллективъ—союзъ сородичей. Но и одиночки —живые типы гиляцкой дѣйствительности. Въ нихъ отражается оборотная сторона родового строя,—трагизмъ лица, очутившагося *безъ рода* и, слѣдовательно, лишеннаго родовой защиты и помощи.

Бываютъ случаи, когда сородичи человѣка вымерли или живутъ слишкомъ далеко отъ пострадавшаго человѣка. Бываетъ, что человѣкъ, погрѣшившій противъ рода, вынужденъ выселиться въ отдаленное мѣсто. Бываетъ, что эпидемія или война уноситъ все населеніе уединенной деревни, и трагически выживаетъ какой-нибудь дряхлый старикъ, безпомощная женщина, осиротѣлый ребенокъ. Отсюда и разношерстность героевъ нàстунд. То это

человѣкъ, вынужденный одинъ на свой собственный страхъ и рискъ мстить за убитаго отца, за похищенную женщину. То это чудомъ уцѣлѣвшій во время эпидеміи, идущій на месть противъ злыхъ духовъ, лишившихъ его сородичей. То это одинокій ребенокъ — сирота, «одной только пылью поднимающейся живущій» и подвергающійся кознямъ людоѣдовъ, то это дряхлый старикъ или старуха, обреченные на голодную смерть, то это ребенокъ, дѣвственно зачатый отъ одинокой, безпомощной женщины. Къ нимъ-то, къ этимъ одинокимъ и обездоленнымъ, и больше всего влечетъ симпатія гиляцкаго пѣвца.

Ихъ, этихъ слабыхъ и безпомощныхъ, сочувственная фантазія поэта одаряетъ избранничествомъ, сверхъестественной силой, ловкостью, хитростью, помощью духовъ,—словомъ, всѣмъ тѣмъ, что имъ необходимо въ ихъ неравной борьбѣ, — превращая слабыхъ во всемогущихъ.

И, дѣйствительно, нѣтъ подвига, на который бы не былъ способенъ нашъ безымянный герой. «Среди нынѣ живущихъ людей кто тебѣ подобный имѣется?»,—такъ характеризуютъ этого героя даже его враги. Онъ одинъ съѣдаетъ цѣлаго медвѣдя, онъ побѣдоносно сражается не только съ могучими родами людей, но съ людоѣдами и всемозможными чудовищами; онъ дѣлаетъ себѣ послушныхъ рабовъ изъ бузины и лиственницы; онъ вызываетъ на бой цѣлыя селенія горныхъ людей; онъ—могучій шаманъ и повелитель духовъ, вызволяющихъ его изъ самыхъ отчаянныхъ бѣдъ; онъ дѣлаетъ чудесныя исцѣленія и умѣетъ превращаться въ кукушку, чтобы завоевать неприступную красавицу; онъ взбирается на небеса и спускается въ преисподнюю за душами предковъ; онъ умираетъ и воскресаетъ; онъ то благодѣтельный спаситель ближнихъ, то патологически жестокъ, кончая иногда свою героическую карьеру превращеніемъ въ подземнаго человѣка; вся жизнь героя—цѣпь подвиговъ, и часто поэтъ заставляетъ даже наслѣдниковъ его продолжать эту безконечную цѣпь въ теченіе ряда поколѣній.

Такъ необыкновенны и разнообразны подвиги героя. Между тѣмъ, первоначальные стимулы къ его выступленіямъ, какъ мы видѣли, — самые обыкновенные въ быту Гилякъ: то самозащита, то месть за убійство или похищеніе женщины, то даже просто потребность въ женщинѣ («жену искать пошелъ»). Для члена рода во всѣхъ такихъ обстоятельствахъ не требуется никакихъ спеціальныхъ добродѣтелей, ибо онъ дѣйствуетъ не одинъ, а въ тѣсномъ союзѣ со многими. Для одинокаго въ такомъ положеніи, наоборотъ, требуются добродѣтели сверхъ-человѣческія, помощь сверхъестественная.

Въ смыслѣ конструкціи настунд совершенно соотвѣтствуетъ особенности творчества, его порождающаго. Экстазъ импровизатора мѣшаетъ

спокойному художественному творчеству, толкая его на необузданное нанизываніе фактовъ, на смѣшеніе сюжетовъ, на растягиваніе разсказа вплоть до второго, третьяго поколѣнія героя.

Изъ другихъ видовъ народнаго творчества отмѣтимъ:

IV. Іхныӷыунд — обширный отдѣлъ мелкаго эпоса, обнимающаго эпосъ животный, пословицы, анекдоты, каламбуры.

V. Утхаврнд (безтѣлый) — загадки.

VI. Ындынд, ајф чіӷ, хоlвнд — басни.

VII. Юридическія обрядовыя формулы.

Въ лирикѣ Гиляки различаютъ:

VIII. Lунд — пѣснь вообще. Сюда входятъ пѣсни колыбельныя, эротическія, сатирико-юмористическія. Особенный видъ послѣднихъ—это пѣсни, распѣваемыя на медвѣжьемъ праздникѣ подъ аккомпаниментъ ударовъ палочками по подвѣшенному бревну.

IX. Alахтунд — лирическая стихотворная поэма эротическаго содержанія, самая совершенная форма гиляцкой лирики, какъ по образности, такъ и по драматизму.

X. Чам-lунд — шаманскія пѣсни.

XI. Черіонд — плачи на посмертныхъ кострахъ передъ началомъ сожженія покойниковъ.

XII. Молитвы, заговоры и пр.

О лирикѣ, которая войдетъ въ слѣдующіе выпуски, мы не будемъ здѣсь много распространяться. Ограничимся немногими необходимыми замѣчаніями.

Лирика — самая оригинальная и сильная отрасль гиляцкой поэзіи. Въ ея мотивахъ нѣтъ ничего заимствованнаго, все дышетъ непосредственностью, оригинальностью, силой и свѣжестью образовъ, глубокимъ чувствомъ природы. Пѣсни и лирическія поэмы Гилякъ—пьесы, создаваемыя ad hoc, каждымъ отдѣльнымъ лицомъ по тому или другому случаю. Творчество вдохновенія здѣсь оплодотворяется силой непосредственно пережитаго. Многія пѣсни и поэмы — по большей части подслушанныя изліянія даровитыхъ пѣвцовъ — становятся впослѣдствіи общимъ достояніемъ, но и въ народномъ обиходѣ онѣ продолжаютъ носить печать своего автобіографическаго происхожденія. Въ противоположность эпосу, гдѣ собственныя имена по общему правилу отсутствуютъ, въ лирикѣ имена дѣйствующихъ лицъ всегда налицо, и это—имена подлинныя. Начиная диктовать лирическую пьесу, Гилякъ всегда предварительно сообщаетъ: «эту пѣснь пѣлъ такой-то, въ такомъ-то селѣ, по такому-то случаю». Преобладающій мотивъ—любовь: описаніе красотъ возлюбленной, страданія любви, паломничество къ возлюбленной, сопровождаемыя поэтическими опи-

саніями природы, борьба съ препятствіями, діалоги возлюбленныхъ, наконецъ, предсмертныя пѣсни возлюбленныхъ. Эти послѣднія особенно характерны. У Гилякъ не рѣдки случаи самоубійства несчастной пары влюбленныхъ, увѣренныхъ, что въ загробномъ мірѣ они освободятся отъ тѣхъ препятствій, которыя они встрѣчаютъ къ своему браку здѣсь на землѣ. Передъ тѣмъ, какъ исполнить актъ самоповѣшенія (обрядовая форма самоубійства), возлюбленные поютъ другъ другу пѣсни. Но случается, что кто-нибудь, сорвавшись съ петли, остается въ живыхъ и не находитъ мужества повторить трагическій опытъ, и тогда предсмертныя пѣсни становятся общимъ достояніемъ. Наряду съ трогательными пѣснями страдающей любви, находимъ и мотивы безжалостнаго высмѣиванія отвергнутыхъ поклонниковъ... Авторы пѣсенъ — одинаково мужчины и женщины.

Форма пѣсенъ — стихотворная: размѣренныя, часто риѳмованныя строки съ логическими удареніями. Риѳма—примитивная: обыкновенно тождественныя окончанія глагольныхъ формъ. Богатству и глубинѣ содержанія пѣсни совершенно не соотвѣтствуетъ—по европейскому вкусу—музыкальная фразировка путемъ горловыхъ модуляцій и завываній, изрѣдка только чередующихся съ симпатичными пассажами грудного тембра.

Возвращаясь къ эпосу, которому посвященъ настоящій первый выпускъ, необходимо, прежде всего, сказать, что, въ противоположность лирикѣ, онъ не остался безъ вліянія со стороны сосѣднихъ народностей, съ которыми Гиляки связаны не только узами сосѣдства, но и взаимными брачными союзами и другими формами общенія, какъ покупка рабовъ, торговыя сношенія и переселенія.

Особенно сильно должно было сказаться вліяніе амурскихъ Ольчей и Гольдовъ, которыхъ сами Гиляки считаютъ лучшими сказочниками. Представители этихъ тунгусскихъ племенъ находятся въ тѣсномъ общеніи не только съ сосѣдними имъ Гиляками на Амурѣ, но и съ ихъ единоплеменниками на о. Сахалинѣ. Этотъ послѣдній — излюбленное мѣсто для охоты и мѣновой торговли пушниной; сюда на зиму стекаются Ольчи и Гольды съ Амура, гдѣ охота скудна, а конкурентовъ много. Здѣсь, проводя цѣлую зиму въ гиляцкихъ юртахъ, они, вмѣстѣ съ товарами для обмѣна, приносятъ съ собою свой безконечный запасъ сказокъ, полныхъ чудесъ и юмора, и оставляютъ ихъ въ наслѣдіе своимъ слушателямъ. Кое-что въ эпосъ Гилякъ внесли и китайцы, частью черезъ амурскихъ тунгусовъ, частью непосредственно, сталкиваясь съ Гиляками во время своихъ торговыхъ объѣздовъ. Что касается Айновъ, то они—непосредственные сосѣди Гилякъ на Сахалинѣ, а въ качествѣ вывозимыхъ рабовъ они въ прежнее время бывали частыми гостями и на Амурѣ.

Но эти заимствованія и инородныя вліянія, свойственныя эпосу каждаго народа, нисколько не умаляютъ самоцѣнности гиляцкаго эпоса.

Заимствованіе обыкновенно не идетъ дальше фабулы или даже одной какой-нибудь частности сюжета, все остальное—подлинныя бытовыя картины, вѣрованія и психика Гиляка. Многіе сюжеты, которые, судя по нѣкоторымъ частностямъ, кажутся заимствованными, на самомъ дѣлѣ сюжеты вторичные, пришедшіе къ тунгусскимъ народамъ отъ Гилякъ и въ подновленномъ видѣ вернувшіеся къ своему первоначальному источнику, и фольклористу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится принимать во вниманіе этотъ непрерывавшійся процессъ взаимнаго заимствованія между тунгусскими и палеазіатскими народами.

Въ примѣчаніяхъ къ текстамъ мы пытались, по мѣрѣ возможности, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выяснить степень инородныхъ вліяній, равно какъ и указывать наиболѣе ясные случаи близости съ тѣми или другими миѳологическими циклами. Въ послѣсловіи къ послѣднему выпуску, когда передъ читателями будетъ весь матеріалъ эпоса, мы дадимъ общій обзоръ этихъ весьма важныхъ сближеній. Въ настоящее время считаемъ нужнымъ ограничиться однимъ замѣчаніемъ въ этомъ направленіи. Эпосъ гиляцкій обнаруживаетъ сходныя черты съ тремя эпическими циклами—индо-европейскимъ, урало-алтайскимъ и, наконецъ, американскимъ.

Что касается первыхъ двухъ цикловъ, то изъ наиболѣе характерныхъ по сходству съ ними образцовъ заслуживаютъ упоминанія двѣ серіи: одна—сказанія о благодарныхъ животныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя иногда до деталей напоминаютъ таковыя греко-римскаго круга (исторіи съ Эльписомъ, Ментором, Андрокломъ, нѣкоторыя басни Эзопа и т. п., ср. II, 31, пр. 1) и другая серія, не менѣе любопытная, не вошедшая въ настоящій выпускъ, — сказанія о сумочкѣ съ «тягой земной».

Къ числу типичныхъ американоидныхъ сюжетовъ, вошедшихъ въ настоящій выпускъ, мы относимъ весь обширный циклъ тылгунд, обнимающихъ разсказы о бракахъ и половыхъ сношеніяхъ между людьми и животными, столь характерные для эпоса сѣверо-американскихъ индѣйцевъ[1]) и американоидныхъ племенъ крайняго Сѣверо-востока Азіи—Чукочъ и Коряковъ и совершенно чуждые въ то же время эпосу урало-алтайскому; далѣе,

---

1) До сихъ поръ этотъ циклъ миѳовъ былъ извѣстенъ преимущественно среди индѣйцевъ крайняго сѣверо-запада Америки. Теперь онъ констатированъ такъ далеко, какъ Дакота. Въ послѣднемъ выпускѣ Journal of American Folklore (1907 г., вып. 78), полученномъ здѣсь послѣ того, какъ тексты были отпечатаны, находимъ ст. Wissler'a, Some Dakota myths, гдѣ (ср., напр., The woman with a bear lover) находимъ поразительныя сближенія съ гиляцкими разсказами даже въ нѣкоторыхъ деталяхъ. Анализъ этихъ сближеній составитъ предметъ особой статьи.

очень типичны въ американскомъ духѣ сказанія о людяхъ, рожденныхъ отъ людей и рыбъ («рыбные люди» американскаго эпоса); далѣе, сказанія о множественности солнцъ, о похищеніи солнца птицей, о vagina mulieris dentibus armata (въ деталяхъ) и, наконецъ, множество отдѣльныхъ деталей въ сказаніяхъ самаго различнаго рода.

Вліяніе первыхъ двухъ цикловъ — урало-алтайскаго и индо-европейскаго — не требуетъ особыхъ объясненій и не представляетъ ничего удивительнаго, между тѣмъ какъ наличность американскихъ элементовъ—особенно если принять во вниманіе американоидныя черты строя гиляцкаго языка и нѣкоторыя важныя сближенія въ областяхъ матеріальной и соціальной культуры—представляетъ исключительный интересъ для этнографа-историка въ важныхъ для него проблемахъ о древнѣйшихъ связяхъ между народами крайняго востока Азіи и крайняго запада Америки. Пишущій эти строки не поклонникъ увлеченій сходствомъ миѳовъ. Несомнѣнно, что, при единствѣ психики рода человѣческаго, совершенно одинаковые миѳы могутъ создаваться и независимо отъ взаимныхъ вліяній. Но столь же несомнѣнна возможность общаго генезиса миѳа, какъ результатъ прежняго культурнаго общенія. И если въ территоріи распространенія Гилякъ и черезъ нихъ у ихъ сосѣдей мы находимъ миѳическія особенности, совершенно не характерныя для урало-алтайцевъ и, наоборотъ, типичныя для американскихъ народовъ и американоидныхъ палеазіатовъ крайняго сѣверо-востока Азіи, то это фактъ, безсомнѣнно, имѣющій серіозное значеніе.

Но и безотносительно гиляцкій эпосъ представляетъ высокій интересъ для фольклориста. Превосходный матеріалъ для пониманія примитивнаго искусства и поэтическаго творчества, психики и міровоззрѣнія первобытнаго человѣка вообще, гиляцкій эпосъ въ то же время отличная документальная иллюстрація самыхъ запутанныхъ сторонъ первобытнаго семейнаго строя. Приведемъ одинъ примѣръ. Теперь среди ученыхъ царитъ большой скептицизмъ по вопросу о классификаторской системѣ родства. Разочаровавшись въ прежнемъ излишнемъ увлеченіи гипотезами Моргана, ученые теперь впадаютъ въ другую крайность, будучи склонны отрицать самый фактъ существованія классификаторской системы. Но изслѣдователь, внимательно прочитавшій предлагаемые гиляцкіе тексты, въ которыхъ на каждомъ шагу во всей наготѣ дѣйствительности фигурируютъ «отцы», «матери», «мужья», «зятевья» и прочіе множественные термины классификаціоннаго родства отдѣльнаго человѣка, не станетъ отрицать несомнѣнной этимологіи и соціальнаго значенія этихъ терминовъ. И такъ во многихъ другихъ вопросахъ.

Въ настоящую первую часть вошли 14 героическихъ поэмъ на восточномъ діалектѣ и одна на западномъ и 27 сказаній на восточномъ діалектѣ. Въ слѣдующія части перваго тома войдутъ: остальная часть тыӀгунд на восточномъ діалектѣ, всѣ тыӀгунд на западномъ діалектѣ, далѣе, остальные виды эпоса, вся лирика и, наконецъ, фразеологическія записи. Тексты первой части собраны мною въ разныхъ пунктахъ осѣдлости Гилякъ, но значительная часть перваго отдѣла нӀастунд записана отъ юноши Койныта, съ которымъ я работалъ въ с. Рыковскомъ втеченіе зимы 1897 г.

На восточномъ діалектѣ говорятъ Гиляки долины р. Тыми и Охотскаго побережья. Общимъ именемъ западнаго діалекта мы обозначаемъ тѣ говоры, очень близкіе между собою, на которыхъ говорятъ Гиляки материка и западнаго берега Сахалина. Тексты на отдѣльныхъ говорахъ нами не выдѣлены особо, но они будутъ отмѣчены въ окончательномъ оглавленіи къ послѣднему выпуску.

Въ отдѣлъ тыӀгунд вошло четыре очень интересныхъ варіанта, записанныхъ моимъ другомъ Б. О. Пилсудскимъ отъ отличнаго сказочника Ниспайна, и мною, послѣ провѣрки на мѣстѣ съ другими Гиляками, транскрибированныхъ и переведенныхъ. Б. О. Пилсудскій передалъ въ мое распоряженіе и другіе записанные имъ тексты, которые войдутъ въ слѣдующіе выпуски, за что приношу ему свою глубокую признательность.

Переводъ текстовъ сдѣланъ мною почти дословно, причемъ я употребилъ всѣ усилія, чтобы онъ въ то же время по возможности передавалъ ясно духъ и смыслъ подлинника. Всѣ слова русскаго текста, не соотвѣтствующія буквально подлиннику или введенныя только для ясности или по неизбѣжнымъ требованіямъ русскаго языка, какъ напр., отсутствующіе въ гиляцкомъ языкѣ союзы и т. п., напечатаны курсивомъ.

Каждый текстъ снабженъ подробными фольклорными примѣчаніями. Въ нихъ, кромѣ объясненія наиболѣе трудныхъ мѣстъ перевода, выясняются тѣ особенности быта, психики и религіозныхъ воззрѣній, которыя необходимы для полнаго пониманія текста, указываются, далѣе, слѣды миграціи и иноплеменныхъ вліяній, и, наконецъ, во многихъ случахъ сдѣланы попытки сближенія съ другими циклами эпоса и миѳа.

Въ заключеніи считаю долгомъ выразить свою глубокую признательность академикамъ К. Г. Залеману, и В. В. Радлову, благодаря дѣятельному сочувствію которыхъ я получилъ возможность обработать свои матеріалы при Академіи Наукъ и увидѣть ихъ въ печати, а К. Г. Залеману въ частности—за его цѣнныя указанія и содѣйствіе при изданіи этой работы.

СПБ. 14 января 1908 г.

ОТДѢЛЪ I.

ПОЭМЫ.

А.

НА ВОСТОЧНО-САХАЛИНСКОМЪ (ТЫМОВСКОМЪ) ДІАЛЕКТѢ.

(НАСТУНД).

БИБЛИОТЕКА
Института Народов Севера
Ленинград, Свободный 17
Инв. №

1.

Аӡмыч̇-нi ӧ ы в ы ң м е н ы ң.

Аӡмыч̇-нiӧывың меның павыт ӈунывынхарт. Аканд рунд наныгы-ӆу, iа̀с̀х чо наныгра́. Нӷа наныгыр̆ вiр̆ на̀н̆-чiнг-хаур̆ пшыр̆, ч̇ай чхыф наныгыр̆ вiр̆ на̀нхыс̀ ӈiур̆ пшыр̆. Iа́кi iтр̆: «Ес̀мохра́, па̀с̀х-iхунд нiiнд ес̀мохра́! А̀с̀ха́, jеjа́ iна̀те́!» Iа́с̀х кӳзiр̆ чхар̆ тара́, iа́кi кӳзiр̆ ч̇ах пера́, iа́с̀х wан̀ ко̆ч̇ра́ чхар̆ шор̆-jӳгыр̆ чувра́, jетóт jеч̇р̆ пакi арра́; чхыв-нан-тур сiк iнхарра́, ӈаро́р̆ твiр̆: «Па̀с̀х-iхунд нiнд кржыӡохра́! Нiхохра́! А̀с̀ха́, ӆаӈгр̆ наныгыр̆ вiја́!» Iа́с̀х кӳзiр̆ ӆаӈгр̆ наныгыр̆ вiр̆ вiфке́. Пiла́ӈ таугур̆ на̀п ӈунывыр̆, ӈунд кур̆ шор̆-пшы́р̆. «А̀с̀ха́, jеjá!» Iа́с̀х чхар̆ тар̆ шор̆-jӳгыр̆, ч̇ах пер̆ шор̆-jӳгыр̆, wан̀ ко̆ч̇р̆ jера́, jеч̇р̆ пакi арра́, iа́кi сiк iнра́: «Ес̀мохра́, па̀с̀х-iхунд нiнд

Два брата.

Два брата вмѣстѣ долго жили. Старшій братъ ничего не промышлялъ, младшій братъ рыбу промышлялъ. *Вотъ* онъ звѣря промышлять пошелъ, безъ единаго пришелъ; снова медвѣдя промышлять пошелъ, одного убивъ, пришелъ. Старшій братъ сказалъ: «Очень пріятно, добычи своего младшаго брата кушать очень пріятно! *Ну*, братъ, вари, ѣсть станемъ!» Младшій братъ вышелъ, дровъ нарубилъ; старшій братъ вышелъ, воды набралъ; младшій братъ котелъ *на очагъ* поставилъ, дрова принесъ, огонь развелъ; сваривъ, съ огня снялъ, своего старшаго брата кормилъ; *онъ* мясо цѣлаго медвѣдя все *безъ остатка* съѣлъ, потомъ кончивъ *сказалъ*: «Я добычи своего младшаго брата поѣлъ, досыта наѣлся! Спасибо! *Ну*, братъ, тюленя промышлять иди!» Младшій братъ вышелъ, тюленя промышлять пошелъ, далеко пошелъ. Большой тюлень одинъ тамъ былъ, *онъ* убилъ его, *домой* принесъ. «*Ну*, братъ, свари *его*!» Младшій братъ дровъ нарубивъ принесъ; воды набравъ принесъ, котелъ на очагъ поставилъ, сварилъ, съ огня снялъ, своего старшаго брата кормилъ; старшій братъ все съѣлъ: «*Я* предоволенъ! Добычи своего младшаго брата поѣлъ; до сыта наѣлся!

кржызохра́! Ӈіхындра́! Ась́ха́, тлаӆӀі нанығыја́!» Іась́х кузіӆ віфкэ́, тлаӆӀі ӈан пшыӆ іхуӆ млохыс̀ шоӆ-пшы́ӆ. «Ась́ха́, ізја́!» Іась́х ізіӆ. «Ась́ха́, еӈнкуӆ зоосхуӆ јеја́!» Іась́х зоосхуӆ јероӆ јечӆ пакі арыӆ, іа́кі сік ӈіӆ. «Есмохра́! Пась́хрох ӈіхохра́! Ась́ха́, кузіӆ тоӽ нанығја́!» Іась́х кузіӆ тоӽ нанығыӆ віфкэ́. Tollаӆ-ӆаӈ-ос̀-waj-піӆ-hунывнкуӆ іптыӆ ӽаӆ іхуӆ гыіӆ шоӆ-пшы́ӆ тафты сіӆ. Іа́кі кузіӆ: «Ась́ха́, еӈнкуӆ ізіӆ јеја́!» Іась́х ізіӆ зоосхуӆ шоӆ-ју́гыӆ јеӆ сік јеӆха́рыӆ hароӆ јарыӆ, сік ӈіӆ. «Есмохра́! пась́хрох ӈіхохра́! Ась́ха́, аӈӽej нанығыӆ віја́! Чі тупых віфкэ́ пілаӆ тав-ӈа́ӽӆ hунывіндра́!» Іась́х кузіӆ віфкэ́, тав-ӈа́ӽӆ hунывыӆ, hуӆ тафтох југыӆ ӈајму́ӆ мам ӈіныӆ hунывыӆ, пахзіӆ-чінг хаврыра́; ӽхalаӆ іптыра́: «Ӈеӈыӆнг пшынд-ру? Ollo, чі кыр-lo?» Іе́ӈӆнг: «Кырндра́!» — «Ollo, ч̌ах пејо́!» Іе́ӈӆнг ч̌ах пеӆ шоӆ -пшы́ӆ. «Ollo, чхаӆ тојо́!» Іе́ӈӆнг чхаӆ таӆ шоӆ-ју́гыӆ. «Ollo, waӈ коч̌јо́!» Waӈ коч̌ӆ тус̀ hенд јечӆ ӈіӆ, ӈроӆ твіӆ кузіӆ-ві́ӆ віфкэ́, тав-мэ́ӽӆ hунывыӆ. Ӈаӽӆтох віӆ југыӆ, ычх ӈеныӈ мам ӈеныӈ верах ӈеныӈ hат hунывындхун. Hу мам: «Ох-ох-ох! ӈеӈыӆнг пшынд-то? Вэ́рохо, теӈаӆ пызнкун херја́!»

Спасибо! О братъ, оленя промышляй!» Младшій братъ вышелъ, далеко пошелъ; оленя одного увидѣвъ убилъ, цѣликомъ принесъ. «О братъ, шкуру сними!» Младшій братъ шкуру снялъ. «О братъ, живо порѣжь *его*, свари!» Младшій братъ порѣзалъ, сваривъ съ огня снялъ, своего старшаго брата кормилъ, старшій братъ все съѣлъ. «*Я* предоволенъ! Моему младшему брату спасибо! О братъ, иди лося промышлять!» Младшій братъ вышелъ, лося промышлять далеко пошелъ. Увидѣвъ *лося*, лежавшаго подъ толстой елью, онъ выстрѣлилъ, убилъ, потащивъ принесъ, на дворѣ положилъ. Старшій братъ вышелъ: «Ну, братъ, живо, шкуру снявъ свари!» Младшій братъ шкуру снялъ, порѣзалъ, *въ юрту* занесъ, сталъ варить, все сварилъ, потомъ его кормилъ; все съѣлъ. «Я предоволенъ! своему младшему брату спасибо! О младшій братъ, жену промышлять иди! *Послѣ того какъ* ты отсюда далеко пойдешь, большая юрта одна тамъ будетъ!» Младшій братъ вышелъ, долго ходилъ; юрта одна стояла, въ эту юрту когда вошелъ, старушка одна тамъ была, зубовъ у нея совсѣмъ не было; *она*, глаза поднявъ, на него посмотрѣла: «Сынъ мой пришелъ? Сынокъ, ты *не* голоденъ-*ли*?» Ея сынъ: «Я голоденъ!» — «Сынокъ, воды набери!» Ея сынъ воды набравъ принесъ. «Сынокъ, дровъ наруби!» Ея сынъ дровъ нарубивъ принесъ. «Сынокъ, котелъ на очагъ поставь!» Онъ котелъ поставилъ, мяса наварилъ, снялъ, сталъ ѣсть; поѣвъ, кончилъ, пошелъ, далеко пошелъ; двѣ юрты стояли. Къ одной подошелъ, *въ нее* спустился, старикъ одинъ, старуха одна, рабъ одинъ, столько *ихъ* тамъ жило. Эта старуха: «О, о, о! мой сынъ пришелъ? Эй рабъ, пойди, своимъ хозяевамъ разскажи!» По-

Теӈаӷ: «Ызи̇ŋкупа́! хазӷланг ŋӈа пычкыӈгра́, маӷын евве́!» Walхыс̀ тота́ маӷыт евд извыт ӄхарыхаш кігут. Ӈу мам итӷ: «Ес̀мохро́! ӈорлаӈ тус̀к иӈинд ес̀мохро́! Ӈіхохра́!» Ӈуӈ ычх озіӷ: «О, о, о! ӈаӷ ŋӈа пычкінд-ӏо? Тајрот ӈунывынд! Јаӈграхра́! Хофке́ тајротнје! Ес̀мохро́! ӈорлаӈ турк иӈинд 30 ес̀мохро́! Вераха́, цаӷх-ӈівуӈ цаја́!» Верах кузіӷ-віӷ павыв пшыӷ цаӷх пшынд. «Ымӷија́! схуӈ ŋӈа інты-ӏо? Пат чах ӽанкуінд!» Хотот ӈымпа́т татныфк озд шот теӈат. Мыз̀-ӈіӈывыӈ итӷ: «Ехос̀кун кv маӷын ген шоӷ-те́-ӈын ӈіхывын, ӈіхве́!» — «Ӈыӈка́, махтурта́!» Сік маӷыхарт ычх ӈін быӷк ӈунывыӷ. Мыз̀-ӈіӈывыӈ пс̀іівуӷ ӈыӈ ычх вочӷ walыхыс̀кыс̀ ізівыӷ лохы-35 выӷ іхуӷ, ӈуӈ ычх окхун хеӷ хера́. Уӈіркхун теӈат: «Ӈіӈ-ычх іхунд-ӏо?» — «Ӈуӈко́, јанг тваф̀ке́ зат іхундро!» Чеко чывуӷ ізн тунывыӷ раӈхунд, сік кухарыӷ. Ӈуных віф̀ке́, тав-на́хӷ ӈунывыӷ, југна̣ мам ӈіныӈ ычіх ӈіныӈ ӈат ӈунывхарг. Ӈуӈ ычх озіӷ: «Антыхо́, ӣакрух пшынд-на́?» — «Hal-ӈыта́ піндра́, пы~ӷк ӈунып̀ке́, мраӈгіндра́ пшындра́!» — «Чакі-ат мунд-ӏы?» — 40 «Ӈыӈка́!» — «Аӈӈеј наныгыӷ пшынд-ӏы?» — «Ӈыӈка́! ту-міф-чо́нӷ-ах-пін-шанх-цат пшындра́!» Ӈуӈ ычх итӷ: «Паj-вájá! Ӈіӈывыӈ віт муф̀ке́, мхоӈ

шелъ: «Эй, хозяева! жирный звѣрь пришелъ, идите, держите *его*!» Они цѣпь взявъ пришли, схватили его, *цѣпь* накинули, къ столбамъ привязали. Та старуха сказала: «Какъ я рада! сладкаго мяса покушать какъ я рада! Спасибо!» Тотъ старикъ проснулся: «О, о, о! такой звѣрь пришелъ? *Я ничего* не зналъ! Чортъ побери! *Я* крѣпко спалъ, не зналъ ничего! Какъ я радъ! сладкаго мяса поѣсть какъ я радъ! Эй рабъ, за гостемъ сходи!» 30 Рабъ пошелъ, вечеромъ пришелъ, гость пришелъ. «О зять! ты этого звѣря видѣлъ-ли? Завтра тебѣ предоставлю застрѣлить *его*!» Выспавшись, они на другой день рано утромъ встали, *гостей* взяли, пошли: Нашъ Гилякъ сказалъ: «Вонъ тотъ топоръ, идите, возьмите, принесите, меня рубите, меня убейте!» — «Ладно, дѣйствительно!» Всѣ *до единаго* пошли, старикъ одинъ только остался. Нашъ Гилякъ высвободился, этого старика поставилъ *на свое мѣсто*, къ цѣпи привязалъ, набросился *на него*, убилъ его; одежду 35 этого старика взялъ, на себя одѣлъ. Людоѣды пришли: «*Какъ*? Нашъ старикъ убилъ его?» — «Да, онъ пытался вырваться (*цѣпь* дергалъ), я билъ *его*, убилъ!» *Съ этими словами онъ* ножъ схватилъ, на нихъ бросился, сталъ колоть, всѣхъ перебилъ. Оттуда далеко пошелъ; юрта одна стояла; когда *онъ туда* вошелъ, старуха одна, старикъ одинъ, *всего* столько *ихъ* тамъ проживало. Этотъ старикъ поднялся: «О гость, ты откуда пришелъ?» — «Я въ серединѣ бухты живу; одиноко долго жилъ; скучно стало, пришелъ!» — «Развѣ твой старшій братъ умеръ?» — «Да!» — «*Такъ* жену 40 промышлять пришелъ-*ты*?» — «Да! за женщиной, живущей на краю Головы этой земли, я пришелъ!» Этотъ старикъ сказалъ: «Боже упаси!

ӈиӷывың-lo віт мундрá, чан віў муіныңгрá!» Мыз-ӈíвң ітў: «Ӈахајрó, віи муіндрá!» Ӈуң ычх ітў: «Мамá, інінд-ныў пеӷlуг арјá!» Ја-мáм озíў ініпд-ныў јарыў. Ініро́ў твінгạ́ кузíў віў, міф-чóцгў-ах віў, тав-ӈáхў ӈунывыў, ӈуң тафтох југнгạ́ ычх ӈеның ӈунывыў: «Óнтхо! шаӡтох-вііфуг-ӈиӷывың-ná? Аӈӷej наныгыў пшыхáj урнкуў ытјá!» — «Ӈыцкá! аӈӷej наныг-lах паўк туң-токóфтох пўындрá!» — «Ӈах-нáн пшоў-вінкјá!» — «Ӈі паўк вііндрá!» Кузíў віфкé, пілáң тав-ӈáхў ӈупывыў, ӈуң тафтох віў југыў, ычх ӈеның ипхнаў-ӈиӷывың ӈеның мам ӈеныц, Ӈыӏы пнā~ў-шапх ӈеның шагунд паз̀ў-пáз̀ў -ух пхозíў ӈузмі-піў ӈунывыў. Ӈуң ычх озíў кхaláў інты́ў: «Ӈиӷывың јаңў пшынд-ná? чіхуіндрá! Ӈеӷlуг кеіl пшыхáj чіхуіндрá!»—«Атк-ычіхá! јаңў махын ӈенд-ná?» Ӈуң ычіх: «Ō-чіјá!» Мыз-ӈíӷывың озíў wахыс̀ іхывыў іхуў, чáj пхнаў-ӈиӷывың кувыў іхуў, пхнааў-шапхрох віў іхуў. Јумгуў-ухуў роўў геў чармфхыс̀ ӈавў јупрóў пі-млы-мі сíў шоў пфорох ехыў пшыў. Ӈуң ухуў гусíў павыв кхојнынгạ́ јајхоў кхоў. Ӈымпáт татн осӈгạ́ — пхнаў -шапх ӈеның wајӷот кхот. Озд. Ӈaláў пакі пшынгạ́ іáкі уігé, паӈӷej херыў:

(Никакъ нельзя!) Люди ходили, все помирали; человѣкъ десять пошло, померли, ты тоже, если пойдешь, помрешь!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Пускай, пойду, помру!» Этотъ старикъ сказалъ: «*Ну*, старуха, закуску приготовь, нашего сына накорми!» Старуха встала, закуску приготовила, его накормила. Поѣвши, кончивъ, онъ изъ *юрты* вышелъ, пошелъ, до края Головы земли добрался; юрта одна тамъ стояла; когда онъ въ эту юрту спустился, старикъ одинъ тамъ былъ: «О гость! куда направился *ты*? Жену промышлять *если* ты пришелъ, *то* хорошенько скажи!» — «Да! только для-того чтобы жену раздобыть, я въ этакое мѣсто забрался!» — «Дай, я тебя повезу!» — «Я самъ пойду!» Вышелъ, далеко пошелъ; большая юрта одна стояла; *онъ* къ этой юртѣ подошелъ, въ нее спустился; старикъ одинъ, юноша одинъ, старуха одна *тутъ были*; очень молодая женщина одна, окруженная со всѣхъ сторонъ драгоцѣнностями, по серединѣ сидѣла. Этотъ старикъ поднялся, глаза поднявъ, онъ на него посмотрѣлъ: «Зачѣмъ Гилякъ пришелъ? убью тебя! Если ты мою дочку взять пришелъ, убью тебя!» — «Дѣдушка! чего ты такъ крѣпко ругаешься?» Этотъ старикъ: «Молчать!» Нашъ Гилякъ всталъ, саблей рубя сталъ рубить его, убилъ; затѣмъ юношу сталъ рубить, убилъ его; къ дѣвушкѣ подошелъ, ее убилъ. Верхнюю пуговицу у нея срѣзалъ, въ шелковую матерію завернулъ; завязавъ, въ свою сумочку положилъ, понесъ, въ свою деревню вернулся. Эту пуговицу *онъ* досталъ *и* вечеромъ, когда спать собрался, съ нею вмѣстѣ улегся. На другой день утромъ, когда проснулся,—*онъ* съ молодой женщиной (одной) совмѣстно спалъ. Встали. И вотъ, когда онъ своего старшаго брата искать сталъ (посмотрѣлъ), его старшаго брата не оказалось; *онъ* своей

«Оꙁіӈ іӈінд-ныи іӈінатé!» Ах оꙁіӈ іӈінд-ныӈ іӈіӈ, іӈінтóт твіт паӈӷej херыӈ: «Ӈалá, ӈі пакі нанытын вііньıӈгра, ӈꙁоӈхӈ ӈajá!» Іáӈӷej ꙁоӈхӈ ӈаӈ, ӈарóӈ твінꝺ́ кузіӈ-вíӈ віфкé, мычкыӈ тав-ӈáхӈ ӈунывыӈ. Ӈуӈ тафтох jугиꝺ́, мам ӈеныӈ ӈунывыӈ, ӈу мам ӽалáӈ іптыр: «Олá, шаꙅтох вііфунд-ná?» Мыꙁ-ӈíӷывывыӈ ітӈ: «Пакі панытыт вііфундрá!» — «Олá, пхыjá! Чакі манӀаӈ паӀ-мілк геӈ jajвуӈгрá; чі віахáj чіхуӈ чіӈіньıӈгрá, тунхé ехjá!» — «Каукрá, вііндрá!» Кузіӈ віфкé, пілáӈ-тор-рав-ӈáхӈ-тох віӈ jугиꝺ́, ычх ӈеныӈ пілаӈ паӀ-мілк ӈан іáкі ӈунывыт. Мыꙁ-ӈíӷывыӈ ітӈ: «Акá, ехн пфорох маӷнатé!» Ӈуӈ паӀ -мілк ітӈ: «Ō-чіó! jаӈӈ ӈеӷӀуи кеӈ шоӈ-мáӷыныинд? Чіхун трур ӈііндрá!» Мыꙁ-ӈíӷывыӈ ітӈ: «Ӈі черах аꙁмуӈ кендрá, індыjá!» Ja-wáj-рох віӈ ӽхоӈӽх waj-сіӈ. Ӈуӈ паӀ-мілк: «Рунд-ны тунд?» ӈаӈ ӈытыӈ. Мыꙁ-ӈíӷывыӈ чеӽхохыс сꙅпӈ іхуӈ, пакі геӈ шоӈ-мáӷыӈ пфорох маӷыт ӈунывыт. Іáкі чо наныгыӈ віӈ, ӈаӈ-чіи-хауӈ пшыӈ, іáꙅх чо паныгыӈ віӈ, шаӈхá хуӈ пшыӈ пакі арыӈ. Іáкі ітӈ: «Есмохрó, ӈіхохрó! Аꙅхá, ӈі аӈӷej нанытын вііньıӈгра, тамы́ӈ -ӈунывvé! Ӈі наф вііхáj аӈ-ӵáхӈ пшыіндрá!» Кузіӈ паӀ-ерхн-тох кныӈкӈ

женѣ сказалъ: «Встань, закуску приготовь, поѣдимъ!» Вотъ она встала, закуску приготовила, онъ ѣлъ, *когда* поѣли, кончили, онъ своей женѣ сказалъ: «Ну, я своего старшаго брата искать пойду; ты мнѣ голову причеши!» Жена ему голову причесала; потомъ, когда кончила, онъ вышелъ, пошелъ, далеко пошелъ; маленькая юрта одна стояла; въ эту юрту когда онъ спустился, старуха одна тамъ была; эта старуха, глаза поднявъ, на него посмотрѣла: «Сынъ *мой*, куда ты направляешься?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Своего старшаго брата искать направился!»—«Сынъ *мой*, вернись! Твоего старшаго брата могучій горный чортъ забравъ *у себя* держитъ; если ты пойдешь, онъ, тебя убивъ, съѣстъ; отсюда вернись!» — «Нѣтъ, пойду!» Вышелъ, долго ходилъ, къ большой зимней юртѣ одной пришелъ; когда онъ *туда* спустился, старикъ одинъ, большой чортъ горный одинъ *и* его старшій братъ тамъ жили. Нашъ Гилякъ сказалъ: «О братъ, назадъ въ свою деревню пойдемъ!» Этотъ чортъ лѣсной сказалъ: «Молчать! зачѣмъ моего сына взявъ увезти хочешь? Убивъ тебя, твое мясо ѣсть буду!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я для тебя подарокъ взялъ, посмотри!» Къ нему (къ его подножію) подошелъ, колокольчикъ у его ногъ (внизу) положилъ. Этотъ горный чортъ, *спросивъ*: «Что это такое?» при этомъ нагнулся. Нашъ Гилякъ, ножомъ пырнувъ, убилъ его, своего старшаго брата взялъ, съ нимъ вмѣстѣ въ свою деревню пришли, жили. Старшій братъ рыбу промышлять пошелъ, безъ единой пришелъ; младшій братъ рыбу промышлять пошелъ, съ богатымъ уловомъ (много убивъ) пришелъ, своего старшаго брата накормилъ. Старшій братъ сказалъ: «Я предоволенъ, спасибо! О братъ, я жену промышлять пойду, *никуда* не отлучайтесь! Я теперь, когда уйду, *черезъ* три года вернусь!» Вышелъ, въ

теӈаӷ теӈафкé. Оӡк ӈан ӈунывыӷ, ӈуӈ оӡк ітӷ: «Ӈіӈывыӈá, тунхé пхыӷ ехјá!» Ӈу ӈіӈывын ітӷ: «Тунхé пхыјныт-ӏо!» Ӈуӈ оӡк ітӷ: «Чі маӈӏаӈ уӈіӷкхун чевеіндрá, чі јаӈӷ віінынд-нá? Пхыӷ ехјá!» Мыз-ӈіӈывын озіӷ віфкé, тав-ӈáхӷ ӈунывыӷ. Ӈуӈ тафтох југиӈá.... ытытá!... ӈіӈывыӈ тамхрá! Ычх ӈіныӈ ӈуныврá, мам ӈеныӈ ӈуныврá. Ӈу мам озіӷ туӷ: «Антхá, еӈнкуӷ кузіӷ-віјá! тундхун уӈіӷкхунтá! чі југынд тајрот ӈупывындхунтá, еӈнкуӷ кузіӷ-віјá!» Мыз-ӈіӈывын кузіӷ-вíӷ віфкé, пілáӈ тав-ӈáхӷ ӈунывыӷ, елéфтох вíӷ ӄхарыӷ чіӈӈаӷ: ӈузмірох ӈіӈывын-ау ӄхō~т. Мыз-ӈіӈывыӈ југыӷ, ычх ӈеныӈ ӈырі-фíӷ муӷ ӈунывыӷ. Ӈуӈ ычхтох југыӷ је-ӄхáрыӷ тівӷ ӈупыӷ ӈунывыӷ. Наиӷ мам ӈіныӈ: «Ӈіӈ-ычх мунпá ӏакрынна, моӷхáӷ озінд-ӏы? Олхуна́ ӄан пычх осувé!» Ычх озіӷ ӄар евӷ јосуӷ: «Тапеорá моӷхафурыӷ ітнд? муӷ ӈунывнá!» Мыз-ӈіӈывын ӈуных кузіӷ віфкé, пал-ӈіӈывыӈкун -таф-тох віӷ југыӷ, пал-ӈіӈывын ычх ӈеныӈ мам ӈеныӈ ӈат ӈунывхарт. Ӈуӈ ычх ітӷ: «Олá, чі јаӈӷ пшынд-нá? Паӈӈej-ӈаӷ пшынд-ӏы?» Мыз-ӈіӈывыӈ ітӷ: «Ӈыӈкá, паӈӈej-ӈат пшындрá!» — «Чаӈӈej ēӈерӈ мычкыӈ таф піндрá. Ӈіӈывын ерах пшыт ерах іхмыфкé, амáмын-чіиг-акіӷ ӈунывындрá.» Мыз

гору быстро (теряясь изъ виду) пошелъ (поднялся), долго поднимался. Заяцъ одинъ тамъ оказался, этотъ заяцъ сказалъ: «О Гилякъ, отсюда назадъ вернись!» Этотъ Гилякъ сказалъ: «Отсюда не стану возвращаться!» Этотъ заяцъ сказалъ: «Тебя могучіе людоѣды схватятъ, ты зачѣмъ пойдешь? Назадъ вернись!» Нашъ Гилякъ всталъ, далеко пошелъ, юрта одна тамъ стояла. Когда онъ въ эту юрту вошелъ.....ой, ой, ой!... людей много! Старикъ одинъ *также* тутъ былъ, старуха одна тамъ была. Эта старуха встала, къ нему подошла: «О гость, сейчасъ-же уходи отсюда! это людоѣды! о твоемъ приходѣ они не знаютъ, сейчасъ же уходи!» Нашъ Гилякъ ушелъ, далеко пошелъ, большая юрта одна стояла; онъ близко къ ней подошелъ, остановился, прислушиваться сталъ: въ юртѣ (внутри) гулъ человѣческихъ голосовъ раздавался. Нашъ Гилякъ вошелъ, старикъ одинъ на полу у входа мертвымъ лежалъ. Онъ къ этому старику спустился, къ нему на спину усѣлся. Тогда старуха одна: «Нашъ старикъ умеръ, я думала; онъ ожилъ, всталъ будто-бы? Дѣти, идите, своего отца разбудите!» Ея мужъ всталъ, подошелъ, схватилъ, поднялъ его: «Что же это сказали, *что* онъ живъ? онъ мертвъ!» Нашъ Гилякъ отсюда пошелъ, далеко пошелъ, къ юртѣ горныхъ людей подошелъ, спустился въ нее; горный человѣкъ, старикъ одинъ, старуха одна, столько тамъ проживало. Этотъ старикъ сказалъ: «Сынъ *мой*, зачѣмъ *ты* пришелъ? За женой-ли пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Да, за женой пришелъ!» — «Твоя жена вонъ тамъ въ маленькой юртѣ живетъ. Люди къ ней приходили, съ ней *все* совокуплялись, *послѣ этого* она ноги потеряла!» Нашъ Гилякъ: «Въ такомъ видѣ (такъ)

Краевед. музей 126 для

-нйӈывыӈ: «Наӆгун геiн шоӈ-вiiндра́!» Мыз-нйӈывыӈ теӈаӈ jугнӡ́, нйӈывыӈ неныӈ ijа́нӈej ajхоӈ кхоӈ. Мыз-нйӈывыӈ iнтыӈ заӈ-iхуӈ, паӈӈej кеӈ шоӈ
90 -ма́ӈыӈ iе́ӈах iнтыӈгр. Iе́ӈ iтӈ: «Тата́ шанх-lо! Jаӆӈ ама́мын-чiӈ-акiӈ hунывынд-на́? Шанх-еӈlуг hунывынд урахра́!» Hузух hуныгут, hымпа́т-нан ехт -ма́ӈыт, маӈыфке́ сархут тамх-та́т; нйӈывыӈ неныӈ изнтох пшыӈ. «Чi шакрух -пшыг-нйӈывыӈ-на́?» Hу нйӈывыӈ iтӈ: «Нi тоl-нйӈывыӈта, чаха шау-воӈ -на́?» Мыз-нйӈывыӈ iтӈ: «Нi наl-hыта́-воныӆта́! Нась пырк песавӈ hунывындра́, нi аӈӈej наныгыӈ пшындра́; чаха шактох вiiхынд-на́?» Hу нйӈывыӈ
95 iтӈ: «Нан паl-шанх-ӆат вiiфундра́; нi-ге́инын-шанх hуныв-lо?»—«Таjруӆра!» Мыз-нйӈывыӈ озд маӈра́, hу нйӈывыӈ озiӈ теӈара. Мыз-нйӈывыӈ паӈӈej-хiн пшафтох маӈыт, jугыӈ iась понаӈн-iвыв-пiӈ кхоӈ, iась-аӈӈej пivыв-пiӈ кхоӈ-iхымыӈ. Iа́кi iтӈ: «Асха́, jаӆӈ кхонд-на́? Озiӈ чо наныгыӈ нарjа́!» Iась
100 озiӈ: «Нгауӈ ӷофке́ кхондра́, наӈӈej jа-нга́уӈ ӷондра́, чi паӈк чо наныгjа́, чi паӈк нһа наныгjа́!» Iа́кi iтӈ: «Нi ычх мундра́, шактох нһа наныгырра́, шактох чо наныгырра́!» Iась озiӈ ветаро́ӈ кузiӈ, нiлыро́ӈ jугнӡ́ Iаӆгӈ нан куӈ шоӈ-пшыӈ. Iа́кi iтӈ: «Jоха́, озjа́, тур hеӈ нарjа́!» Jа-jох озiр тур hеӈ

взявъ, увезу!» Нашъ Гилякъ пошелъ; когда онъ въ *ту юрту* спустился, человѣкъ одинъ съ его женой на одной постели спалъ. Нашъ Гилякъ увидѣвъ *это*, билъ *его*, убилъ, свою жену взявъ, *внизъ* понесъ, ея отцу показалъ. Ея отецъ сказалъ: «Ой, ой, ой, что за женщина! Почему она
90 безъ ногъ осталась? Дѣвушкѣ *на одномъ мѣстѣ* сидѣть весьма хорошо!» Они тутъ переночевали, на другой день обратно пошли; долго спускались, отдыхать *присѣли*, табакъ курили; человѣкъ одинъ къ нимъ подошелъ. «Ты откуда пришелъ?» Тотъ человѣкъ сказалъ: «Я морской человѣкъ, а ты откуда?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я житель деревни, что̀ по серединѣ бухты! Мой младшій братъ одинъ только домъ караулить остался, я жену промышлять пошелъ; а ты куда ходилъ?» Тотъ человѣкъ сказалъ: «А я за
95 горной женщиной отправился; дома-ли женщина, которую я взять хочу?»— «Не знаю!» Нашъ Гилякъ, вставъ, *подъ гору* пошелъ, тотъ человѣкъ, вставъ *въ гору* пошелъ. Нашъ Гилякъ со своей женой къ своей юртѣ спустились; когда онъ вошелъ, его младшій братъ на средней нарѣ спалъ, жена брата на своей нарѣ крѣпко спала. Старшій братъ сказалъ: «О братъ, чего ты спишь? Встань, рыбы налови, меня накорми!» Младшій братъ всталъ: «Брюхо сильно болѣло, *потому* спалъ; у жены тоже брюхо болитъ; ты самъ рыбу
100 лови, ты самъ звѣря промышляй!» Старшій братъ сказалъ: «Я старикомъ сталъ, гдѣ мнѣ рыбу ловить, гдѣ мнѣ звѣря промышлять!» Младшій братъ всталъ, одѣвшись, вышелъ; когда послѣ долгаго отсутствія онъ въ юрту пришелъ, тюленя одного убитаго (убивъ) принесъ. Его старшій братъ сказалъ: «Эй, невѣстка, встань, мясо вари, меня накорми!» Его невѣстка встала,

jeчр̆ iзн арыр̆, сік iніхарыр̆: «Есмохра́! Пасхрох ніхохра́!» Іаро́р̆ ійа́кі кузір̆ нґна наныгыр̆ вір̆ віфке́, тіаԓні нан хур̆, ԓнузух туґур ічір̆, тіаԓні нан сік ініхарыр̆ Іаро́р̆ пшыр̆ jугыр̆. Іа́нґ̆ej ітр̆: «Ычіха́, нґна ху-lo?» Нанґ̣ іы́чх ітр̆: «Нан-чін хавундра́!» — «Ычіха́, чі тіаԓні нан кур̆ ініхарыԓра́!» Іа́сх кузір̆ чхыф наныгыр̆ вір̆ віфке́, чхыв нан тај-міф пір̆ аллыс нір̆. Вір̆ jolaxр̆ jанґах пфеснкур̆ еспр̆ іхыс ніур̆ ізір̆ вапр̆ шор̆-пшы́р̆. Ворох малыфтох пшыԓґна́ ojо́р̆, шанххун кузіт чача́т, пшыр̆ тафтох шор̆-jу́гыр̆: «Ака́, ау-ворох ԓарх ԓаjа́, мех ніґ̆ывыԓ шор̆-пшыjа́! Ізнах чхыв-тур-нір̆ jajумуԓке́!» Іа́кі ах кузір̆ вір̆, іа́сх ԓунывыр̆ тур ԓеր̆, тур ԓефке́ іа́кі пшыр̆. «Ака́! ніґ̆ывыԓкун пшыjны-lo?» Іа́кі ітр̆: «Ԓыԓка́! ах пшыjфундхунта́!» Іа́сх: «Шаԓхыс ніґ̆ывыԓ-на́?» — «Мех ніґ̆ывыԓта́!» Іа́сх кузір̆ тыкнґ̣ імуспірох мухыс пшыт теґ̆ат пімн тлыт ēj~естох jeчід. Мыз-ніґ̆ывыԓ ізнтох маґ̆ыр̆: «Антхкун пшынд, тајрот ԓунывынд! Ԓalbе́ теґ̆ан тур нінта́!» Теґ̆ат тафтох jугыт тур ізн арыр̆ ініфке́. Мам неныԓ ычх нінын кржызд нґаур̆ мантырт мут. Ну ніґ̆ывыԓкун маґ̆ыт ехт пфорох вііхарт. Ԓымпа́т ԓајму́ԓ ычіх нінын

мясо сварила, съ огня сняла, ихъ кормила; онъ все съѣлъ: «Я предоволенъ! Своему младшему брату спасибо!» Потомъ его старшій братъ вышелъ, звѣря промышлять пошелъ, долго ходилъ, оленя одного убилъ; тутъ-же огонь разложилъ, цѣлаго (одного) оленя всего съѣлъ, потомъ вернулся, *въ юрту* вошелъ. Его жена сказала: «Мужъ *мой*, *ты* звѣря убилъ-ли?» Тогда ея мужъ сказалъ: «Ни единаго нѣтъ!» — «Мужъ *мой*, ты оленя (одного) убивъ, всего съѣлъ!» Младшій братъ вышелъ, медвѣдя искать пошелъ; долго ходилъ; медвѣдь одинъ на тундрѣ былъ, ягоды ѣлъ. Онъ подошелъ, закричалъ на него *и*, давъ ему броситься на себя, копьемъ ударивъ, убилъ его, снялъ шкуру, *на спину* взвалилъ, принесъ. Когда онъ близко къ деревнѣ подошелъ, онъ запѣлъ; женщины вышли, стали по бревну барабанить; онъ пришелъ, въ юрту *шкуру* занесъ: «О старшій братъ, въ деревню *что* внизъ *по рѣкѣ*, за гостями сходи, двадцать человѣкъ приведи! Пусть они вкусъ медвѣжьяго мяса отвѣдаютъ!» Старшій братъ вышелъ, пошелъ, младшій братъ остался, мясо варилъ; когда онъ мясо сварилъ, старшій братъ явился. «О братъ! люди придутъ-ли?» Старшій братъ сказалъ: «Да! они уже выѣхали!» Младшій братъ: «Сколько человѣкъ?» — «Двадцать человѣкъ!» Младшій братъ вышелъ; когда взглянулъ, къ его причалу на лодкѣ подъѣхали, *на берегъ* вышли, свою лодку стали вытаскивать, во....о....онъ куда дотащили. Нашъ Гилякъ къ нимъ подошелъ: «Гости пріѣхали! я не зналъ *ничего*! Ну, пойдемъ, мясо давайте ѣсть!» Пошли, въ юрту спустились, онъ мясомъ ихъ сталъ кормить, они здорово кушали. Старуха одна, старикъ одинъ объѣлись, брюхо у нихъ лопнуло (порвали брюхо), померли. Тѣ люди пошли, вернулись, въ свою деревню окончательно пришли. На

пшыр̆: «Ӈырра́, ӈиӈывыӈкун чиӈтох ухмуйl пшыіфхарыӈра́!» Мыз̀-ӈиӈывыӈ
120 итр̆: «Із̀нах пшыӈгја́, наугух пшыӈгја́!» Ӈуӈ ӈиӈывыӈ кузір̆-вір̆. Мыз̀-ӈиӈывыӈкун меныӈ ѣтата́ пунд гета́ ку гета́ ӄхах гета́ wa хгета́ кузід маӈыт ӽомр̆тох маӈыт Ӈунывыт. Ӈафке́ Ӈу ӈиӈывыӈ екрухе́ пшыіфхарт. Малафтох із̀н пшыӈа̨ Ӈус̀тох із̀н ӽат із̀н хуфке́. Мен быр̆к мор̆ханга́ ехт вінкут із̀н арі віт із̀н ворох віт еӈlунгкун сік кухарта́. Ӈатóт пфорох пшыт іа́с̀х
125 итр̆: «Lаӈгр̆ наныгын вііндра́!» Іа́с̀х кузір̆ Іаӈгр̆ наныгыр̆ віфке́, ур-ӈа́ӽр̆-тох вір̆, пілаӈ тол̀-мілк ӈан Ӈунывыр̆. Інтыр̆ іхlур̆ піӈгр̆, пфорох тол̀-мілк ірір̆ пшыр̆. Іа́кі пас̀х-хін угрыт кузіт ерах ухмут ухмуфке́. Іа́кі мур̆, ѵаj ухмут іа́кі мор̆ха́р̆, ѵаj ухмуфке́ тол̀-мілк кут з̀оос̀хут Ӈукр̆-Ӈукр̆тох чух-чу́гыд. Нанга́ іа́нӈ̆ej кузір̆: «Ыѵіха́! пал̀-мілк черах маӈінынд фуруӈгра́, патух
130 маӈінынд; чі чіхуil маӈінынд фуруӈгра́! Ē~стох теӈар̆ міф кызір̆ Ӈузмі фір̆, јанг маӈіфунга̨ хымі еспр̆ іхуја́!» Ӈу ӈиӈывыӈ теӈар̆ міф кызро́р̆ Ӈузмі-фір̆ -Ӈунывыр̆. Ӈымпа́т Ӈуӈ пал̀-мілк маӈіфунга̨ хымі еспр̆ іхур̆, іхро́р̆ кузір̆

другой день престарѣлый старикъ одинъ пришелъ: «Имѣйте въ виду (вотъ), люди къ вамъ воевать придти собираются (въ большомъ количествѣ соби-
120 раются)!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Пусть придутъ, сегодня же пускай приходятъ!» Тотъ человѣкъ ушелъ. Наши Гиляки оба одѣлись, луки взяли, стрѣлы взяли, копья взяли, сабли взяли, вышли, спустились, къ берегу спустились, тамъ сидѣли. Спустя *нѣкоторое время* тѣ люди снизу (т. е. по теченію) появились (подходить начали въ большомъ количествѣ). Когда *тѣ* близко подошли, они туда въ нихъ стрѣлять стали, въ нихъ много разъ стрѣляли. Когда двое только въ живыхъ осталось, они, давъ имъ обратно уйти, за ними вслѣдъ пошли, въ ихъ деревню пришли, мальчиковъ всѣхъ перебили. Послѣ этого они въ свою деревню вернулись; младшій братъ
125 сказалъ: «Тюленя искать пойду!» Младшій братъ вышелъ, тюленя искать долго ходилъ, къ острову одному подъѣхалъ. Большой чортъ морской одинъ тамъ былъ. Увидѣвъ его, онъ испугался, убѣжалъ; въ его деревню морской чортъ вслѣдъ за нимъ пришелъ. Старшій братъ вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ вышли, съ нимъ сражались, долго сражались. Старшій братъ умеръ; снова сражались, старшій братъ воскресъ; снова долго сражались; морского чорта убили, *на куски* разрѣзали, во всѣ стороны *въ жертву* бросали. Спустя *нѣкоторое время* его жена *на дворъ* вышла: «Мужъ *мой*! горный чортъ къ тебѣ спуститься собирается, говорятъ, на завтра собирается,
130 чтобы тебя убить, придти собирается, говорятъ! Вонъ туда взберись, яму выкопай, внутрь ея заберись, когда онъ подходить станетъ, ты, вверхъ копьемъ ударивъ, убей его!» Этотъ Гилякъ пошелъ, яму выкопавъ, въ ней засѣлъ. На другой день, когда этотъ горный чортъ приблизился, онъ, вверхъ

ɜооɕхоў ӈукў-ӈу́кўтох чауў. Чаурóў твіў пшафтох маӷыў југыў іáкі уигé іáкі-аӈӷej уигé іáӈӷej уигé, тугур-чіӈ торхарра́. Хомўтох маӷыў інтынг̊а́ мілк-ијáкі-геў-тів latў, пршафтох југыў теӷаў, іӈрóў кузіў. Пакі арі віў віфкé, пілаӈ куты́-ӈáхў ӈунывыў, ӈуӈ куты́-рулк југуў југуфкé млы-ворох југыў југиг̊а́ тав-ӈáхў ӈунывыў. Ӈуӈ тафтох југиг̊а́ іáкі ӈунывра́, іáӈӷej ӈунывра́, ијáкі-аӈӷej ӈунывра́. «Чіӈ јаӈынд тусто́х пшыт ӈунывындхун -па́?»—«Јаӈкоіпынд-па́? Пал-мілк ніӈ геў тусто́х ніӈ тоў-пшынг̊а́ шамра́ӈгын ехіўа́?» — «Ielbé, угрыхарын вінта́! сӗӈкун пфорох вінта́!» — «Каукра́! пал-мілк јехоха́j мізи хуіндра́!» — «Еӗӈкун вінта́!» Кузіт ехт-пшыфкé, пал-мілк ізн туў пшыў. Пал-мілкрох ухмухарыфкé, пал-мілк хут ӈузух выкызінд, ехыт пшафтох пшыт. Ӈунывыфкé ијáкі-аӈӷej азмыч-еӗыӈг ӈеныӈ пандў асханд-аӈӷej еӗыӈг ӈеныӈ аівуў — ӈуӈт-ан азмыч-еӗӏуг. Пеӗӏуӷкун вантуфкé, ізн еӗӏуӷкун піla-ӈíӷывыӈ мухарт. Ӈанг̊а́ ізн еўкун мен-ы-мын мухарт, ізн тоў-віт ізп тувыт пшыт ӈунывыфкé. Ізн іўцкун мен-ы-мын мухарт, ізн еӗӏуӷкун ваўк ӈунывыфкé. Аканд: «Ні тол-ерхыш-

---

копьемъ ударивъ, убилъ его; убивъ, вышелъ, разрѣзалъ на части, во всѣ стороны *въ жертву* бросалъ. Разбросавъ, кончивъ, къ своей юртѣ спустился, вошелъ, его старшаго брата нѣтъ, его жены нѣтъ, старшаго брата жены нѣтъ, *даже* очагъ совсѣмъ потушенъ. Онъ къ берегу спустился; увидѣвъ, *что* былъ слѣдъ чорта, забравшаго его старшаго брата, онъ въ свою юрту спустился, *на нару* забрался; поѣвши, вышелъ. За своимъ старшимъ братомъ вслѣдъ пошелъ, далеко пошелъ; большая дыра одна оказалась (тамъ была); въ эту дыру спустился, долго спускался, въ селеніе мертвыхъ спустился; *когда онъ туда* спустился, юрта одна тамъ стояла. Когда онъ въ эту юрту спустился, его старшій братъ тамъ оказался, его жена оказалась, его старшаго брата жена оказалась. «Вы чего сюда пришли, засѣли?» — «А что же намъ дѣлать? Послѣ того какъ лѣсной чортъ, насъ забравъ, сюда принесъ, какъ намъ назадъ пойти?» — «Ну, давайте, вмѣстѣ пойдемъ! сейчасъ-же въ свою деревню пойдемъ!» — «Нельзя! если лѣсной чортъ узнаетъ, онъ насъ убьетъ!» — «Сейчасъ же пойдемъ!» Они вышли, долго возвращались, лѣсной чортъ за ними прибѣжалъ. Съ лѣснымъ чортомъ долго сражались, лѣсного чорта убили, тамъ же бросили, вернулись, въ свою юрту пришли. Послѣ того какъ они долго тутъ жили, у жены старшаго брата мальчикъ (одинъ) родился, у жены младшаго брата ребенокъ одинъ былъ — этотъ тоже мальчикъ. Своихъ дѣтей они выростили, ихъ дѣти взрослыми людьми совсѣмъ стали. Послѣ этого ихъ отцы оба окончательно померли, они ихъ повезли, сожгли, вернулись, долго жили. Ихъ матери обѣ окончательно померли, дѣти только остались (долго жили).

тох аӈӗj папыгын вііндра́! Аєха́, чі пал-ерхн-тох аӈӗj панытыр вія́!» Іа́кі мухыс тол-ерхн-тох ко̆р, ія́сх пал-ерхн-тох теӈӑр теӈафке́. Тав-на́х̆р-тох теӈыр̆ jугыр̆. Ычх нінын мам нінын hат hунывыт. Ныӈ ычх ознкур̆ іптынга̊ jер̆ озір̆: «Ола́, чі шактох вііфунд-на́? Шас аjамыр̆ вііфунд-на́? Аӈӗj напыгыр̆ вііфунд-ны?» Jеӈlуг ітр̆: «Ныӈка́!» Нанга̊ jер̆ ітр̆: «Ола́, ні-пал вііндра́ чаӈӗj нанытын вііндра́! Ытк-ах-пан вінкjа́! ытк він геіндра́!» Jер̆ озір̆ віхывра́ hаро́р̆ кузір-вы́р̆; пыунга̊ jер̆ пшыр̆: «Чаӈӗj гет hундіндра́, вір̆ геjа́! Пал-ніӈывын-еӈlунта́! еӈнкур̆ вір̆ гер̆ шор̆-пшыjа́!» Jеӈlуг кузір̆ віфке́, тав-на́х̆р̆ hунывыр̆, hуӈ тафтох jугнга̊ hajму́г мам нєныӈ пхнар̆-шанх нєпыӈ шапх урыхра́ чоӈгр̆ кыlахра́ мєсх тамхра́ wат малхохра́. Ну мам озір̆: «Тынірá чаӈӗj, чытк гер̆ туспінкур̆. Чах пенгно́н генкуіндра́!» Hуӈ шапх озір̆ тчк гера́ кузір̆ чах пер̆ шор̆-те́ӈыр̆, чхыф-тур hеро́р̆ jечр̆: «Ычха́, пшыjа́, ронін інате́!» Мыз-ні́ӈывыӈ вір̆ ронір̆ інір̆ інро́р̆ твінга̊: «Hаlа́, ехнате́!» Пфорох ехыт-ма́ӈыт. Іа́кі тол-ніӈывыӈ-шанх гер̆ шор̆-те́ӈыр̆ hунывра́ hунывыфке́. Hajму́ӈ ычх нєпыӈ пшыр̆ пшынга̊ hуӈ ычх ітр̆: «Ныррá,

---

Старшій *сказалъ*: «Я въ море жену промышлять пойду, *а ты* меньшой, ты въ гору жену промышлять иди!» Старшій братъ на лодкѣ въ море пустился, младшій братъ въ гору поднялся, долго поднимался. Къ юртѣ одной поднялся, туда спустился. Старикъ одинъ, старуха одна (столько *всего*) тамъ жили. Когда онъ увидѣлъ этого старика, приподнявшагося *на нарѣ*, *оказалось*, *это* его *же* отецъ приподнялся: «Сынъ мой, ты куда направляешься? Знаешь-ли, куда направляешься? Ты не жену-ли промышлять направился?» Сынъ сказалъ: «Ну, да!» Тогда его отецъ сказалъ: «Сынъ мой, я самъ пойду, твою жену искать пойду! Пусти отца самого пойти! отецъ пойдетъ, возьметъ!» Его отецъ всталъ, опоясался, потомъ отправился; когда стемнѣло, его отецъ пришелъ: «Я твою жену взялъ, тамъ оставилъ, иди, возьми! *Это* горнаго человѣка дочь! живо иди, возьми, привези!» Его сынъ вышелъ, долго ходилъ; юрта одна стояла; когда онъ въ эту юрту вошелъ, *тамъ была* престарѣлая старуха одна, молодая женщина одна, красавица-женщина; волосы *у нея* длиннѣйшіе, сережекъ *на ней* множество было, желѣза (*желѣзныхъ побрякушекъ*) множество. Эта старуха встала: «Вотъ это твоя жена, твой отецъ, взявъ *ее*, здѣсь оставилъ. Послѣ того какъ она воды нанссетъ, я дамъ *тебѣ ее* взять!» Эта женщина встала, чумашку взявъ, вышла, воды набрала, принесла; медвѣжьяго мяса наваривъ, *съ огня* сняла: «Муженекъ, иди сюда, давай сообща кушать!» Нашъ Гилякъ подошелъ, вмѣстѣ *съ ней* ѣлъ, поѣвши, кончивъ, *сказалъ*: «Ну, домой пойдемъ!» Они въ свою деревню вернулись. Старшій братъ морского человѣка женщину взялъ, привезъ, тутъ жилъ, долго жилъ. Глубокій старикъ одинъ пришелъ; пришедши, этотъ старикъ сказалъ: «Имѣй въ виду, морскіе люди къ тебѣ

тол̀-нӥ̆ывың черах наӈіоң пшыінынгра́, шаңха́ нӥ̆ывың чіңтох ухмуіl ітхарынгра́!» — «Ычіха́, вӥ̆ітја́: 'Ахгуве́! ноңгарн-хавӯ-lo? та пшыве́! нах-ан наутуфуӯ, ітја́!» Нуң ычх вӥ̆ітӯ. Нымпа́т ухму́іl пшыха́рыт пшыт, ја-му́сніх тӗӈат, најму́ӈ ычіх нінынң тӗӈынкут: «Ухмуіl тӗӈандра́!» Мызнӥ̆ывынңкун кузіт ухмут ухмуфке́, сік кухарырт тафтох југыта́ ке́ гета́ пакі-хін угрыт чо наныгыт віохарыт. Чо наныгыфке́, му нім сарут шоӯ-пшы́т махут потахарт, потато́т кхавунга́ ӈоно́нд хонд нунчіт. Laңгӯ наныгыт вӥ̆т, му нім сарут шоӯ-пшы́т јаң-ңох том аіт. Чхыф наныгыт вӥ̆т, і-на́хӯ-тох вінга́ — ытыта́! лахі малхохра́! чхыф інӥ̆ӯ, нузух јавнд нуныфке́. Вук-вукунга́ чхыв-нап мӑӈыӯ чо рукӯ, нусто́х хат нӥ̆ут. Нымпа́т ізіт ізіто́т твіт ваит шоӯ-ма́ӈыт. — «Ака́, пытхун херја́!» Ијакі тӗӈаӯ пытхун херыӯ, іеӯ мӑӈыӯ чхыф-тур нірӧ́ӯ кржызнга́ панӈ̆ејрох азмыӯ шоӯ-те́ӈыӯ. Нымпа́т чај чхыф наныгыӯ вӥ̆ӯ віфке́, пілаӈ чхыв нан аллыс нінкуӯ інтыӯ, нусто́х јолахӯ јаңгах пфезӯ-пшыңкӯ еспӯ нӥуӯ шоӯ-ма́ӈыӯ пакі арыӯ, нарӧ́ӯ твіӯ твінга́ наніӈыфкун тоӯ-вӥ̆ӯ выкызра́, нарӧ́ӯ пшыт нунывындхун. Фуру́.

войной собираются придти; множество человѣкъ съ тобой воевать будутъ, рѣшительно сказали.»—«О старикъ, иди, скажи: 'Оставьте! развѣ не жалко меня? не приходите! я поклонъ посылаю' скажи!» Этотъ старикъ пошелъ, сказалъ. На другой день воевать *много человѣкъ* прибыло, прибыли, у его причала высадились, глубокаго старика одного послали: «Мы воевать пришли!» Наши Гиляки вышли, сразились, долго сражались, всѣхъ перебили, въ юрту спустились, неводъ взяли, со старшимъ братомъ вмѣстѣ рыбу ловить надолго отправились. Рыбу долго ловили, лодку цѣлую (одну) наполнили, привезли, чистили, развѣсили для сушки; когда кончили сушить, когда *рыба* высохла, вѣшала сняли, *рыбу съ вѣшалъ* собрали, сложили. Тюленя промышлять поѣхали, лодку цѣлую наполнили, привезли, изъ его сала жиръ вытопили. Медвѣдя искать пошли, когда къ рѣчкѣ одной пришли — ой, ой, ой! кэты множество! медвѣдь се кушалъ; они караулить его засѣли. Когда стемнѣло, медвѣдь одинъ пришелъ, рыбу поймалъ; они въ него (туда) выстрѣлили, убили. На другой день шкуру сняли, шкуру снявъ, кончивъ, на спину взвалили, понесли.—«О старшій братъ, нашимъ отцамъ сообщи!» Его старшій братъ въ гору пошелъ, своимъ отцамъ сообщилъ; его отецъ пришелъ, медвѣжьяго мяса поѣвъ, насытившись, его женѣ подарокъ поднесъ. На другой день опять медвѣдя промышлять пошелъ; послѣ того какъ долго ходилъ, большого медвѣдя одного, ягоды кушавшаго, увидѣлъ, вспугнулъ его (туда крикнулъ), далъ ему броситься, копьемъ ударивъ убилъ, принесъ, своего старшаго брата накормилъ, потомъ кончилъ, покончивъ, его кости увезъ, сложилъ (бросилъ), затѣмъ вернулись, жили. Сказано.

Примѣчанія къ № 1.

1 *(строка 1)*. Буквально: 'двое мужчинъ'. Слово рувта́ — 'братья были' — пропущено, потому-что изъ дальнѣйшаго ясно видно, что это были братья. Вообще слово «братъ» (рувӈ) въ гил. яз. совсѣмъ не соотвѣтствуетъ нашему понятію объ этомъ терминѣ, скорѣе совпадая съ нѣмецк. терминомъ Geschwister (родные и агнатные братья и сестры всѣхъ степеней родства), и потому, если желаютъ ясно выразить понятіе братскаго родства между мужчинами, то непремѣнно нужно прибавить къ термину рувӈ слово а̀змыч̀ 'мужчина', причемъ рувӈ иногда совсѣмъ пропускается.

2 *(стр. 2)*. Павыт — 'вмѣстѣ', буквально: 'себя содержали', т. е. общимъ хозяйствомъ жили.

3 *(стр. 2)*. Термины: аканд — 'старшій братъ' и а̀с̀х — 'младшій братъ' точно также, какъ и рувӈ — 'братъ, сестра', употребляются въ гиляцкомъ языкѣ не только для обозначенія понятія братьевъ родныхъ, но и братьевъ агнатныхъ всѣхъ степеней родства (двоюродныхъ, троюродныхъ и т. д.). Причина этой распространительной терминологіи заключается въ томъ, что по нормамъ гиляцкаго брака каждый Гилякъ пользуется правами полового общенія съ женами *всѣхъ* своихъ старшихъ братьевъ (родныхъ и агнатныхъ), и потому всѣ исходящіе одного и того же поколѣнія братьевъ являются по отношенію другъ къ другу братьями и сестрами.

Обязательное употребленіе при обозначеніи братьевъ терминовъ 'старшій' и 'младшій' вытекаетъ изъ необходимости, чтобы каждый уже съ дѣтства зналъ, кто ему аканд, т. е. лицо, съ женой котораго онъ имѣетъ право на половое общеніе, и кто а̀с̀х, съ женой котораго такое общеніе запрещено, тѣмъ болѣе, что старшинство въ гиляцкомъ смыслѣ не всегда совпадаетъ со старшинствомъ фактическимъ, которое кромѣ того и опредѣлить не всегда легко.

4 *(стр. 3)*. Іа̀с̀х — букв.: '*его* младшій братъ'. Притяжательныя мѣстоименія въ подобныхъ случаяхъ являются простыми плеоназмами, играя роль скорѣе члена опредѣленнаго въ европ. языкахъ, и потому мы такія мѣстоименія будемъ всегда оставлять безъ перевода. Замѣтимъ кстати, что такія слова, какъ іа́с̀х, іа́кі и т. п., составленныя изъ мѣстоименія і — 'его' и существительнаго, начинающагося съ гласнаго, произносятся также и ја̀с̀х, јакі и даже ија́с̀х, ија́кі и т. д.

5 *(стр. 4)*. Ӈанхыс̀ ӈіуў — 'одного убилъ'. Гл. ӈіунд — 'убивать' употребляется исключительно только тогда, когда рѣчь идетъ о медвѣдѣ, изъ почтенія къ которому нельзя употреблять обычнаго термина іхунд — 'убивать'. ӈіунд требуетъ послѣлога хыс̀ — послѣлога ablativi instrumentalis.

6 *(стр. 4)*. А̀с̀ха́ — букв.: 'о, младшій братъ; о, меньшо́й'. И въ обращеніяхъ братья, точно также и сестры, между собой употребляютъ термины: ака́, а̀с̀ха́, нанаха́, (т. е. зват. падежи отъ акі, а̀с̀х, нанах), — термины, выражающіе понятія: 'старшій или младшій (братъ), старшая или младшая (сестра)'. Ср. великорусскіе термины: старшо́й, меньшо́й. Въ такихъ случаяхъ (обращеніяхъ) мы безразлично оба термина переводимъ словами: братъ или сестра, опуская слова 'младшій' и 'старшій'.

7 *(стр. 8)*. Таугуў — особый видъ крупныхъ тюленей: Phoca barbata. Кожа этихъ животныхъ идетъ на приготовленіе обуви, ремней, и служитъ предме-

томъ мѣновой торговли между сахалинскими и материковыми Гиляками. Чаще всего встрѣчается на восточномъ берегу о. Сахалина.

8 *(стр. 8)*. Таугуў ӈан ӈунывыў — 'тюлень одинъ тамъ былъ'. Числительное одинъ (ӈан, ӈін, ӈаҳў и т. д.) въ гиляцкомъ языкѣ очень часто употребляется, какъ плеоназмъ, играя роль, подобную членамъ въ европ. языкахъ.

9 *(стр. 18)*. Аӈӯej паныгыў віjá—'жену промышлять иди'. Употребленіе термина панығынд 'промышлять, добывать' одинаково въ выраженіяхъ: чо панығынд 'рыбу ловить', ӈӈа панығынд 'на звѣря охотиться' и аӈӯej панығынд 'жену добывать' — весьма характерно, рельефно отражая широко распространенный нѣкогда обычай добывать женъ тѣми же средствами, что̀ и всякую другую добычу, т. е. насиліемъ или хитростью.

10 *(стр. 19)*. Jугыў — 'вошелъ въ юрту, спустился', букв.: 'нырнулъ'. Въ гиляцк. языкѣ почти для каждаго рода движенія имѣются спеціальные термины, которые никогда не смѣшиваются. Идти, напр., по направленію къ берегу моря или рѣки и вообще спускаться сверху внизъ выражается сл. маӯынд; отъ берега идти въ гору и вообще подниматься снизу вверхъ — теӯанд; идти вверхъ по рѣкѣ — тунд, внизъ — ӄонд и т. д. Среди этихъ терминовъ особенно характерны два: jугынд — 'войти въ юрту', букв.: 'нырнуть' и кузі̀нд — 'выйти изъ юрты', букв.: 'вынырнуть', термины, ведущіе свое происхожденіе отъ того отдаленнаго времени, когда типъ гиляцкой юрты былъ камчадальскій и входъ въ нее былъ черезъ дымовое отверстіе, слѣдовательно, процессы выхода и входа въ юрту дѣйствительно были подобны нырянію и вынырянію. — Въ виду полной невозможности всегда передавать буквально по-русски всѣ подобные сингуляризмы, не нарушая ясности перевода, мы разъ на всегда оговариваемся, что интересующіеся буквальнымъ значеніемъ этихъ терминовъ найдутъ полное объясненіе въ словарѣ и грамматикѣ.

11 *(стр. 20)*. Выраженіе 'сынъ мой' на устахъ совершенно, повидимому, чужой для нашего героя старухи, не является никоимъ образомъ простой фигурой рѣчи. Гиляцкая родственная номенклатура настолько распространительна, что термины: 'отецъ, мать, сынъ, братъ' и т. п. примѣняются часто между собою лицами, совершенно чуждыми другъ другу, если только хотя-бы ихъ самые отдаленные предки состояли въ соотвѣтственныхъ степеняхъ родства.

12 *(стр. 20 и слѣд.)*. Ollo, неjó, тоjó, ӄоӵjó и пр. Разсказчикъ намѣренно искажаетъ нѣкоторыя слова въ обращеніяхъ старухи, дабы придать ея рѣчи индивидуальный старушечій оттѣнокъ. Правильно слѣдовало-бы сказать: olá, неjá, тоjá, ӄоӵjá и т. д.

13 *(стр. 25)*. Верохо вм. верахá; верах — рабъ или вообще работникъ, исполняющій дома или въ пути тяжелую черную работу (рубитъ дрова, стряпаетъ и т. п.). Еще въ недавнее время у Гилякъ и другихъ народовъ Пріамурскаго края существовали рабы (ах, верах, крыгрыў), которые покупались у китайцевъ и у айновъ. Рабы цѣнились очень дорого и бывали доступны только очень немногимъ богатымъ людямъ. Въ третьемъ поколѣніи рабы пріобрѣтали свободу.

14 *(стр. 25)*. Теӯаў — 'пойди', букв.: 'поднявшись'. Это значитъ, что либо хозяева жили выше того мѣста, гдѣ была юрта старухи, либо они жили въ свайной постройкѣ (ӈо), въ которую *взбираются* по лѣстницѣ (бревну съ уступами).

15 *(стр. 26)*. 'Жирный звѣрь пришелъ'. Старуха, равно какъ и тѣ, за которыми она послала, были людоѣды (уӈі̀ўк'и). Это особая порода подземныхъ чертей (мів-мі̀лк), для которыхъ Гиляки такой же объектъ охоты, какъ звѣри лѣсные для

послѣднихъ. На языкѣ этихъ уӈӣр'овъ Гилякъ такъ и называется нӈа 'звѣрь'. Уӈӣр'и отличаются по наружности отъ людей только несимметричнымъ расположеніемъ глазъ. Образъ жизни ихъ такой же, какъ и у Гилякъ. Когда имъ попадается въ руки человѣкъ, они тогда устраиваютъ «медвѣжій» праздникъ, въ которомъ роль убиваемаго медвѣдя играетъ человѣкъ.

16 *(стр. 27)*. 'Къ столбамъ привязали'. На медвѣжьемъ праздникѣ медвѣдь привязывается на цѣпи между двухъ столбовъ, точнѣе сказать, между двухъ деревъ, очищенныхъ отъ коры и изукрашенныхъ разными религіозными украшеніями въ видѣ стружекъ (інáу). Эти деревья считаются священными и сохраняются неприкосновенными отъ одного праздника до другого. Нашего героя тоже привязали межъ такихъ священныхъ деревъ, готовя его къ религіозному убіенію.

17 *(стр. 28)*. Старикъ этотъ былъ мужъ старухи и тесть тѣхъ, за которыми былъ посланъ рабъ. Ему, какъ старѣйшему, надлежало сдѣлать всѣ распоряженія по празднику.

18 *(стр. 30)*. Ӆарх-нівуӈ ӆаjá — 'за гостемъ сходи!'. Одна изъ самыхъ важныхъ особенностей медвѣжьяго праздника состоитъ въ томъ, что главнѣйшую роль въ немъ играетъ не родъ хозяина медвѣдя, а родъ *зятя*, которому посылается спеціальное приглашеніе. Зятю и его сородичамъ предоставляется честь убіенія медвѣдя, имъ же и отдается почти все мясо убитаго животнаго. Приглашеніе дѣлается обыкновенно самому почетному представителю рода зятя, который уже отъ себя приглашаетъ сородичей. Приглашенные носятъ спеціальное названіе ӆарх'овъ, которое мы, за неимѣніемъ болѣе подходящаго слова, переводимъ словомъ 'гость'. Такимъ образомъ выраженіе: ӆарх ӆаjá — 'за гостемъ сходи!' означаетъ пригласить зятя и его родъ на медвѣжій праздникъ.

19 *(стр. 35 и слѣд.)*. Возвратившіеся людоѣды приняли Гиляка, одѣвшагося въ одежду старика, за этого послѣдняго, и онъ, на гнѣвный вопросъ людоѣдовъ, почему «старикъ убилъ Гиляка» преждевремено, отвѣчаетъ, выдавая себя за старика, что онъ сдѣлалъ это потому, что тотъ цѣпь дергалъ, пытаясь вырваться.

20 *(стр. 38)*. Озінд — специфическій терминъ гиляцкаго быта. Любимая поза Гиляка на досугѣ лежать вытянувшись на нарѣ. Когда же кто-нибудь входитъ въ юрту, лежащій приподнимается на нарѣ и усаживается. Вотъ это приподниманіе на нарѣ и называется озінд, хотя глаголъ этотъ употребляется и въ значеніи 'проснуться, встать послѣ сна'.

21 *(стр. 38 и слѣд.)*. Выраженія 'я въ серединѣ бухты живу' или 'я житель деревни, что по серединѣ бухты' (наI-ӈытá-вонын) — обычный уклончивый отвѣтъ героевъ сказокъ на вопросъ объ ихъ мѣстожительствѣ. Вообще же уклончивые отвѣты нашего героя, напр., о своемъ братѣ, о которомъ говоритъ, что онъ будто-бы умеръ, объясняются подозрительностью, весьма естественной въ людяхъ, ищущихъ приключеній.

22 *(стр. 30)*. Старикъ, хотя лично не зналъ своего гостя, но по разспросамъ догадался, кто онъ, и потому разспрашиваетъ его о братѣ. При немногочисленности гиляцкаго племени, жители самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга селеній отлично знаютъ не только имена, но и детали интимной жизни другъ друга. Подобное знаніе является даже обязательнымъ для каждаго Гиляка, такъ какъ даже самыя отдаленныя степени родства играютъ важную роль въ брачныхъ вопросахъ. Нашъ герой оказался сыномъ (по гиляцкой терминологіи) старика.

23 *(стр. 40)*. 'На краю Головы этой Земли'. Островъ Сахалинъ представляется Гиляку цѣльнымъ, живымъ божественнымъ существомъ (міф — 'земля'), голову котораго составляетъ мысъ Маріи (Міф-чо́цгр̆) на западномъ берегу, а ноги — два южныхъ полуострова, упирающихся въ проливъ Лаперуза. Голова Земли — самое священное мѣсто острова — въ свою очередь представляетъ собою самостоятельное божественное существо, которому при перевалѣ черезъ Подбородокъ Земли — Ӈыты-кр̆ы, мысъ въ 12 верстахъ южнѣе м. Маріи — приносятся жертвоприношенія.

24 *(стр. 49)*. Шагунд паз̆р̆-па́з̆р̆-ух-пхозір̆ — букв.: 'драгоцѣнности съ обѣихъ сторонъ себѣ поставила'. Паз̆р̆ буквально значитъ 'половина', 'сторона'. Пхозір̆ — производное, повидимому, отъ чінд — 'класть, ставить' и возврати. мѣст. пі; звуки хо — вставные для благозвучія.

25 *(стр. 49)*. 'Окруженная драгоцѣнностями'. Драгоцѣнности (шагунд) — особый видъ имущества, состоящій изъ разныхъ дорого-стоющихъ, покупаемыхъ у китайцевъ и японцевъ, вещей въ родѣ шелка въ кускахъ, шелковыхъ халатовъ, дорогихъ шубъ, далѣе коній съ серебряной инкрустаціей, большихъ котловъ, луковъ изъ китоваго уса, японскихъ сабель, женскихъ украшеній и т. п. вещей. Количествомъ подобныхъ цѣнностей опредѣляется богатство отдѣльныхъ лицъ. Въ обыденной жизни эти цѣнности не играютъ никакой особенной роли. Значеніе ихъ выступаетъ только въ наиболѣе серіозные — радостные или печальные — моменты жизни. Когда надо, наприм., уплатить виру для прекращенія междуродовой войны; когда предстоитъ пышно выпроводить близкаго человѣка въ царство мертвыхъ; когда предстоитъ платить калымъ за жену сына или снабдить богатымъ приданымъ выходящую замужъ дочь, купить раба и въ тому подобныхъ случаяхъ, завѣтное шагунд выступаетъ на сцену. — Наша героиня сидитъ окруженная драгоцѣнностями потому, что она собирается выходить замужъ, и окружающія ее цѣнности — выставленное на показъ приданое ея.

26 *(стр. 53)*. Лумгур̆-ухур̆ — букв.: 'ея шейной ямочки пуговица', т. е. приходящаяся противъ яремной ямочки, иначе говоря, верхняя. Верхняя пуговица на мужскомъ или женскомъ платьѣ обыкновенно бываетъ искусной работы, чаще всего костяная, украшенная разными вырѣзанными на ней узорами. Обладаніе верхней пуговицей платья возлюбленной — драгоцѣнный талисманъ, способный творить чудеса.

27 *(стр. 56)*. Іа́кі уігé — 'его старшаго брата не оказалось'. Похищеніе брата нашего героя явилось актомъ мести со стороны родственниковъ убитыхъ имъ у Головы Земли людей.

28 *(стр. 58)*. Процедуру причесыванія, состоящую не только въ расчесываніи волосъ и заплетаніи косы, но и въ отыскиваніи и уничтоженіи паразитовъ (причемъ казнь ихъ производится зубами), — эту процедуру всегда исполняютъ женщины — мать или жена, а внѣ дома всякая другая женщина, чаще всего изъ разряда тѣхъ, съ которыми дозволяется дѣлать романы. — Передъ отправленіемъ въ путь, какъ бы спѣшно и настоятельно ни было дѣло Гиляка, онъ обязательно заставитъ сдѣлать себѣ прическу.

29 *(стр. 61)*. Пал̀-мі̀лк — 'горный чортъ'. По представленіямъ Гилякъ, каждая стихія — земля (собственно внутренность ея), горы и лѣса, вода (море и рѣки), небо, огонь — имѣетъ своихъ спеціальныхъ обитателей. Соотвѣтственно стихіямъ, въ которыхъ они живутъ, они носятъ названія: міф-ӈіӈывың 'подземный

БИБЛИОТЕКА
Института Народов Севера
Ленинград, Обводный 17
Инв. № 2207

человѣкъ', пал̀-нйӈывыӈ 'лѣсной чел.', 'горный человѣкъ', тол̀-нйӈывыӈ 'морской чел.', тлы-нйӈывыӈ 'небесный чел.', названія совершенно тождественныя съ названіями представителей германской миѳологіи: Waldmann, Bergmann, и т. д. По наружному виду своему, по образу жизни, понятіямъ—они ничѣмъ не разнятся отъ Гиляка, но отличаются нѣкоторыми сверхъестественными дарованіями, напр., умѣніемъ принимать видъ любого звѣря, дерева, камня и пр. Ихъ домашними животными служатъ тѣ самые звѣри, которые составляютъ предметъ добычи Гилякъ, напр., медвѣди у 'горнаго человѣка'. Всѣ они спеціально заботятся о благоденствіи Гилякъ, посылая ему рыбу, звѣря, выручая изъ бѣды; только немногіе изъ нихъ, какъ 'небесный человѣкъ', благодаря отдаленности своей, индифферентны къ судьбѣ Гиляка. На ряду съ этими благодѣтельными или индифферентными существами, въ каждой стихіи имѣются породы такихъ же гилякообразныхъ существъ, которыя всячески стараются дѣлать зло Гиляку. Они носятъ общее названіе мйл̀к, которое, за неимѣніемъ лучшаго слова, передаемъ словомъ «чортъ». Соотвѣтственно стихіямъ, въ которыхъ они живутъ, мйл̀к'и называются то пал̀-мйлк 'горный чортъ', то тол̀-мйл̀к 'морской чортъ' и т. д. Эти мйл̀к'и постоянно подстерегаютъ Гиляка, посягая на его здоровье и жизнь; смерть всегда есть результатъ исключительно козней мйл̀к'а, который чаще всего поселяется въ тѣлѣ Гиляка и медленно поѣдаетъ его. Но бываютъ случаи (какъ въ нашемъ разсказѣ), когда мйл̀к'и похищаютъ людей и держатъ у себя насильно, заставляя работать на себя или вступать съ ними въ половыя сношенія. Горный чортъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ сородичемъ старика, убитаго нашимъ Гилякомъ.

30 *(стр. 75 и слѣд.)*. Эти старики были плѣнники хозяевъ-людоѣдовъ. Замѣтивъ вошедшаго Гиляка, старуха подошла къ нему и предупредила роднаго человѣка объ опасности.

31 *(стр. 80—83)*. Читателю можетъ показаться темнымъ это мѣсто. Дѣло въ томъ, что нашъ герой хотѣлъ посмѣяться надъ старухой, быть можетъ потому, что она тоже была людоѣдкой. Съ этой цѣлью онъ усѣлся на трупѣ старика, и, благодаря темнотѣ юрты, старухѣ показалось, что покойникъ ожилъ. Но когда старуха разбудила мужа, чтобы онъ убѣдился, живъ-ли мнимо-умершій старикъ, нашъ Гилякъ незамѣтно улетучился изъ юрты, и такимъ образомъ успѣшно одурачилъ ея обитателей.

32 *(стр. 87)*. Амáмын-чинг-áкйр̆-ӈунывындрá — букв.: 'ходить вовсе не умѣя пребываетъ'. Потеря ногъ считается результатомъ половыхъ излишествъ. Краснорѣчивое подтвержденіе своего предположенія Гиляки находятъ въ животномъ мірѣ: лоси, напр., къ осени, послѣ періода излишествъ, теряютъ ноги и исхудалые, безжизненные, еле бродятъ.

33 *(стр. 89)*. Ӏйáӈ̆ей—'съ его *женой*'. Называть женщину еще до вступленія съ ней въ бракъ, даже совершенно незнакомую, своей *женой* (аӈ̆ей)— самое обыкновенное явленіе у Гилякъ, у которыхъ, согласно своеобразнымъ особенностямъ ихъ брачнаго института, цѣлый разрядъ женщинъ уже отъ рожденія считаются 'женами' извѣстнаго разряда мужчинъ.

34 *(стр. 91)*. Старикъ подтруниваетъ надъ дочерью. Послѣдняя фраза старика (шанх-еӈ̆ӏун ӈунывынд урахрá) представляетъ собою каламбуръ: гл. ӈунывынд можетъ означать 'на одномъ мѣстѣ сидѣть' (подразумѣвается слово: тамáр̆) и также 'быть', а урахрá значитъ 'очень хорошо' и 'очень красива' такъ что эта

фраза можетъ быть переведена или, какъ въ текстѣ: 'для дѣвушки никуда не ходить очень похвально', или: 'что за распрекрасная дѣвица!' Въ обоихъ случаяхъ цѣль фразы—насмѣшка.—Своеобразная женитьба старшаго брата требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Авторъ поэмы, рисуя въ лицѣ старшаго брата типъ лѣнтяя, неудачника, остался вполнѣ вѣренъ себѣ, надѣливъ его женой, потерявшей ноги вслѣдствіе распутной жизни. Не безъ намѣренія также онъ ему выбралъ жену изъ племени 'горныхъ' людей, племени, не славящагося красотой своихъ женщинъ. Наоборотъ, горные люди часто заглядываются на гиляцкихъ красавицъ и похищаютъ ихъ. Впрочемъ, браки между гиляками и 'горными', 'морскими', 'небесными' и т. д. людьми — обычное явленіе въ поэзіи.

35 *(стр. 110)*. 'Онъ запѣлъ... женщины по бревну барабанить стали'.—Когда Гилякъ убиваетъ въ тайгѣ медвѣдя, то, при возвращеніи, немного не доходя до своей деревни, онъ останавливается и начинаетъ издавать традиціонные торжествующіе клики (ојóнд). Когда въ деревнѣ услышатъ эти клики, мужчины выбѣгаютъ къ нему на встрѣчу, а бабы начинаютъ особаго рода музыку (ч̀ач̀анд), состоящую въ томъ, что выбиваютъ палочками по горизонтально подвѣшенному бревну торжественныя мелодіи, подъ звуки которыхъ герой вмѣстѣ со шкурой убитаго медвѣдя съ тріумфомъ вступаетъ въ деревню. Музыкой этой чествуютъ не столько побѣдителя, сколько медвѣдя, которому стараются воздать всевозможныя почести. Во время медвѣжьяго праздника эта своеобразная музыка не прерывается втеченіи нѣсколькихъ дней.

36 *(стр. 111)*. 'Пусть они вкусъ медвѣжьяго мяса отвѣдаютъ!'—Хвастливая насмѣшка надъ сосѣдями, которые будто-бы никогда въ жизни медвѣдя не убивали.

37 *(стр. 116)*. 'Гости пріѣхали! А я ничего не зналъ!'— обычная любезность при встрѣчѣ гостей, верхъ бонтонности съ точки зрѣнія гиляцкаго этикета.

38 *(стр. 117)*. Н'ауў мантырт мут — 'брюхо порвали, померли'. — Хозяева на медвѣжьемъ праздникѣ изо всѣхъ силъ стараются выказать свое гостепріимство и обкормить своихъ гостей, и потому роковыя послѣдствія отъ обжорства въ такихъ случаяхъ нерѣдки.

39 *(стр. 118)*. Старикъ этотъ — традиціонный вѣстникъ войны. Сородичи старика и старухи, умершихъ отъ обжорства, считали своимъ священнымъ долгомъ отомстить за ихъ смерть хозяину праздника, который черезчуръ обильнымъ угощеніемъ, быть можетъ и преднамѣренно-обильнымъ, былъ виновникомъ ихъ смерти. Таковъ былъ casus belli, за которымъ послѣдовало объявленіе войны черезъ старика. Вообще для наличности casus belli вовсе не требуется сознательнаго причиненія смерти, а совершенно достаточно послужить лишь поводомъ смерти, напр., посредствомъ нечаяннаго выстрѣла изъ ружья и т. п. случаевъ. Объявленіе войны всегда предшествуетъ и дѣлается оно черезъ лицо, не принадлежащее къ воюющимъ родамъ. Лицо это обыкновенно старикъ, обладающій репутаціей оратора (ӽlaj-ńiӈывыӈ). Это же лицо ведетъ переговоры во время примиренія посредствомъ выкупа, виры,

40 *(стр. 124)*. 'Мальчиковъ всѣхъ перебили'.—При междуродовыхъ войнахъ только лица женскаго пола считаются неприкосновенными; что же касается лицъ муж. пола, то даже грудным младенцамъ не дается пощады, дабы они, возмужавъ, не могли явиться мстителями.

41 *(стр. 128)*. Ӈукў̆-ӈу́кў̆тох чух-чу́гыд — 'во всѣ стороны въ жертву бросали'. Мяса животныхъ и всякихъ другихъ существъ, приносящихъ зло человѣку, Гиляки не ѣдятъ, а рѣжутъ на куски и бросаютъ во всѣ стороны въ жертву добрымъ

богамъ. Такъ напр., поступаютъ съ мясомъ медвѣдя, задравшаго человѣка. Терминъ чух-чу́гынд общій терминъ жертвоприношенія.

42 *(стр. 130)*. Одинъ изъ пріемовъ военныхъ дѣйствій, какъ у Гилякъ, такъ и у Айновъ, состоитъ въ томъ, что выкапывается траншея (яма глубиной въ человѣческій ростъ), — обыкновенно на берегу моря, на горѣ, или вообще на пути предполагаемаго нашествія непріятеля, — и въ этой траншеѣ устраивается засада. Когда непріятель приближается, въ него изъ-за засады начинаютъ стрѣлять или, если онъ проходитъ совсѣмъ близко, то пускаютъ въ него копьемъ. Эти траншеи-ямы такъ и называются военными ямками (ухмун-ту́лкч).

43 *(стр. 133)*. Чаунд — 'бросать въ жертву' — терминъ, употребляющійся для жертвы горному и водяному богу.

44 *(стр. 134)*. Ту́гур-чінг торхарра́ — 'очагъ совсѣмъ потушенъ'. Тушеніе огня на очагѣ считается величайшимъ грѣхомъ противъ бога огня, и потому чортъ, мстившій нашему герою, не ограничился похищеніемъ его родныхъ, но еще потушилъ огонь на очагѣ.

45 *(стр. 135)*. Характерная черта гиляцкаго характера: въ самыя серіозныя минуты жизни, прежде чѣмъ предпринимать что нибудь, Гилякъ долженъ основательно поѣсть, какъ въ данномъ случаѣ, когда естественнѣе всего было-бы нашему Гиляку, не возвращаясь въ юрту, погнаться за чортомъ по свѣжему слѣду.

46 *(стр. 136)*. 'Большая дыра, встрѣтилась'. Дыра эта — спускъ въ подземное царство, селеніе мертвыхъ (млы-во), мѣсто, куда переселяются Гиляки послѣ смерти. Млы-во ничѣмъ въ сущности не отличается отъ надземнаго царства: и тамъ имѣются долины и горы, рѣки и моря; то же небо, тѣ же свѣтила, которыя поочередно дежурятъ то у насъ, то тамъ; тѣ же рыбы, тѣ же звѣри. И Гилякъ, переселившійся туда, ведетъ тамъ тотъ же образъ жизни, что̀ и на землѣ.

47 *(стр. 146)*. Мухарт — 'окончательно померли'. Здѣсь употреблена интенсивная форма вм. обыкновенной мунд, мут, которая употребляется и для обозначенія кажущихся формъ смерти, напр., обморока. Такія формы Гилякъ тоже считаетъ дѣйствительной смертью, съ той разницей только, что душѣ удается все таки вернуться назадъ въ тѣло.

48 *(стр. 151)*. 'Его же отецъ приподнялся'. 'Его отецъ послѣ смерти сталъ 'горнымъ человѣкомъ'. Это случается обыкновенно только съ избранниками, которымъ удалось почему-либо привлечь симпатіи какого-нибудь 'горнаго' человѣка. Это избранничество обходится недешево: чтобы послѣ смерти обратиться въ горнаго, морского, подземнаго или небеснаго человѣка, необходимо либо быть задраннымъ медвѣдемъ, либо утонуть, либо сгорѣть, либо же умереть отъ болѣзни, спеціально посланной покровителемъ.

49 *(стр. 160)*. 'Сообща кушать', т. е. ѣсть изъ одной посуды, иногда и поочередно одной ложкой,— одинъ изъ немногихъ символическихъ обычаевъ, связанныхъ съ брачными церемоніями, обычай совершенно тождественный съ римской confarreatio.

50 *(стр. 171)*. Кэта — Salmo lagocephalus. Этотъ видъ лосося вмѣстѣ съ другимъ видомъ (S. protaeus) составляютъ основу пропитанія Гиляка. Являясь съ астрономической точностью въ опредѣленные сезоны метать икру въ прѣсной водѣ, лососи несмѣтными стаями устремляются во всѣ рѣки и рѣчушки территоріи Гилякъ, равно какъ и въ воды Амурскаго лимана.—Численность ихъ такова, что одному че-

ловѣку безъ всякихъ приспособленій, одной острогой можно добыть ихъ въ день сотнями. Распластанная и вывяленная на солнцѣ рыба служитъ главнѣйшимъ продуктомъ питанія Гиляка и его собакъ втеченіи долгой зимы.

51 *(стр. 171)*. 'Они караулить его засѣли'.—Время хода кэты, переполняющей всѣ рѣки и рѣчушки, когда медвѣди цѣлыми толпами выходятъ на берегъ лакомиться рыбой, — любимое время охоты на звѣря, котораго подкарауливаютъ обыкновенно ночью, убивая его изъ ружья, или, если онъ бросается, то копьемъ.

52 *(стр. 173)*. Пытхун — 'своимъ отцамъ' т. е. семьѣ того старика (его отца), который горнымъ человѣкомъ сталъ (см. пр. 48). Выраженіе: пытхун — 'его отцы, семья отца' — очень характерное въ гил. языкѣ. По гиляцкой родственной номенклатурѣ человѣкъ можетъ имѣть *много* отцовъ и матерей, т. е. лицъ, которыхъ онъ называетъ этими именами, такъ что «пытхун» собственно значитъ 'лица, которыхъ называю отцами', но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣетъ и значеніе *собирательнаго* имени: 'отецъ и его семья', 'отцовскіе'. То же явленіе и въ юкагирскомъ языкѣ (см. В. И. Іохельсонъ, Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, стр. 50, прим. 6).

53 *(стр. 177)*. 'Его кости увезъ'.—Медвѣжьи кости считаются священными, и ихъ складываютъ въ особый амбаръ въ тайгѣ, вмѣстѣ со всѣми принадлежностями медвѣжьяго праздника.

2.

Мыз̀-нӥ́ӈывыӈ.

Ыч̌іх н̀еныӈ пнаӈ-нӥӈывыӈ н̀еныӈ hат мен быӈк hунывыт. Мыз̀-нӥӈывыӈ чо наныгыӈ вӥӈ, hой н̀ан хуӈ шоӈ-пшыӈ; јероӈ јечӈ пыч̌іх арӥнтох-чӥнг хавырыӈ. Hуӈ ыч̌іх черјора́. Оc̀хаӈ кузӥ̀ӈ вӥфкэ́, чхыф н̀ан муӈ-hунывынкуӈ інтыӈ хгеӈ. Ізроӈ, hузух туѓур ічӥӈ зооc̀хуӈ шаӈ ін̀ӥӈ; ін̀ӥфкэ́, hуӈ пнаӈ-нӥӈывыӈ пшыӈ: «Ыч̌іха́, н̀ін̀ых ваӈк-hавӈ н̀аріла́!» Hуӈ ыч̌іх ітӈ: «Пі-іхуг-hой-н̀ӥја́!» Hуӈ пхнаӈ-нӥӈывыӈ: «Н̀і намыӈ јет сік ін̀іхарыны́! н̀і

Нашъ Гилякъ.

Старикъ одинъ, молодой человѣкъ одинъ (были), вдвоемъ только жили. Нашъ Гилякъ рыбу ловить пошелъ, 'гоя' одного убилъ, принесъ; сваривъ, снялъ *съ огня*, своего старика не накормилъ нисколько. Этотъ старикъ заплакалъ. Разсердившись вышелъ, *долго* ходилъ, медвѣдя одного мертвымъ лежащаго увидѣлъ, взялъ. Снявъ шкуру, *онъ* здѣсь огонь разложилъ, порѣзалъ *его*, жарилъ, ѣлъ; *послѣ того какъ онъ долго* ѣлъ, тотъ юноша пришелъ: «Старикъ, немножко только меня накорми!» Этотъ старикъ сказалъ: «Тобою убитаго гоя ѣшь!» Этотъ юноша *въ отвѣтъ:* «Я вчера, его сваривъ, весь *безъ остатка* съѣлъ! я какъ *въ живыхъ оста-*

шактох морхаінд-на́? кырґгыз̀ муіндһаіхна́!» Һуң ычіх: «Кырґгыз̀ мухајро́! ні јацың јарныліша́?» Һу ніґывың чекхухыс̀ пычіх-кура́. Јанг чхыв-тур сік хгер ініхарыр, пычіх-тур нір, Һаро́р твінґ̣ ехыр, прафтох вір-југыр. Чај кузір вікке́. Пхнар-ніґывың ненең чхар-тар-іхымынкур інтыр, чекхокыс̀ ес̀пр іхур, ја-ру́р сік ніхарыр. Чај Һуных вікке́, тав-на́хрtох вір, југнґ̣ ычіх нең мам ніңың Һат Һунывыт. Һуң ычіх-кін, Һуң мам-хін хур; ізн тур Һер ніхарыр. Һуных кузір ехыр вір. Пшафтох југнґ̣, пхнар-ніґывың нең Һунывыр. Мыз̀-ніґывың ітр: «Чі јанр пшыр-југынд-на́?» Һу ніґывың: «Ні тузух чер кут ініхарындра́.» Мыз̀-ніґывың озір, ухмуфке́, Һуң унірк кур Һаро́р шор-кузір шувр выкызра́; Һаро́р твінґ̣, југыр ірра́, тамх-тара́, Һаро́р твінґ̣, прафтох вір-југыр. Ірың-мам озір: «Оґла́! чі вір-ухмунд јано́?» Мыз̀-ніґывың: «Ні віт-ухмунд; іхто́т шувыт, выкызта́, Һато́т пшындра́.» — «Оґла́, нухтын вінате́!» Нухтыт, Һуң тафтох пшыт, івыт. «Ыма́, ні ухмун віінынґра́, ургур Һунывја́! ні ан тохр Һанґ̣ пшыіндра́.» Һу мам ітр: «Ні кырґгыс̀ муіхна́!» Мыз̀-ніґывың: «Ургур Һунывја́!» Мыз̀-ніґывың кузір вікке́, пілаң-пах-таф-нахр-тох вір-југыр. Һузмі Ылы-пілаң-ычіх-ніңың Һунывыр; wат-нахызір кызра́, ја-ракніхун wат

жусь (живой буду)? съ голоду *придется* умереть!» Этотъ старикъ *говоритъ*: «Съ голоду помирай *себѣ*! я чѣмъ виноватъ буду?» Этотъ человѣкъ ножомъ своего старика убилъ. Его медвѣжье мясо все взялъ, съѣлъ безъ остатка, своего старика мясо съѣлъ, потомъ покончивъ вернулся, въ свою юрту вошелъ. Опять вышелъ, *долго* ходилъ. Юношу одного, дрова рубившаго *усердно*, *онъ* увидѣлъ, ножомъ кольнувъ убилъ, его мясо все съѣлъ. Опять отсюда *далеко* пошелъ, къ юртѣ одной подошелъ *и когда онъ* вошелъ, старикъ одинъ, старуха одна *тамъ* оказались. И этого старика, и эту старуху убилъ; ихъ мясо сварившъ, *досыта* наѣлся. Отсюда *онъ* вышелъ, назадъ пришелъ. *Когда онъ* въ свою юрту вошелъ, юноша одинъ оказался *тамъ*. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты зачѣмъ пришелъ?» Этотъ Гилякъ: «Я здѣсь твоего отца убивъ съѣлъ.» Нашъ Гилякъ поднялся, *долго* боролся, этого людоѣда убилъ, потомъ вынесъ, сжегъ, бросилъ; потомъ покончивъ вошелъ, поѣлъ, табаку покурилъ, потомъ покончивъ, въ свою юрту пришедши вошелъ. Его мать-старуха поднявшись *спросила:* «Сынъ! твой походъ какъ?» Нашъ Гилякъ: «Я ходилъ, воевалъ; убивъ, сжегъ, бросилъ, затѣмъ пришелъ.» — «Сынъ, давай переселиться!». Переселились, въ ту юрту пришли, жили. «Матушка, я воевать *собираюсь* идти, прощай! я пять лѣтъ спустя приду.» Эта старуха сказала: «Я съ голоду умру!» Нашъ Гилякъ *сказалъ:* «Прощай!» Нашъ Гилякъ вышелъ, *долго* ходилъ, въ большую каменную юрту одну вошелъ. Здѣсь внутри одинъ очень глубокій (большой) старикъ жилъ; желѣзные зубы *были у него*, его ногти желѣзные ногти

-ракын кызра́. Озӥ́р, јаф ахр̆ нух варара́, јанг намых ахр̆ керхур̆ парыра́. «Антхо́, ӥакрух чі пшынд-на́?» Мызэ-нӥ́ӷывын: «Ӈі нал'-ӈыта́ -воныӈта́, черах ухмуил пшындра́: чі кыха́ј, ӈіхура́; ӈі кыха́ј, чіхуна́!» Ӈуӈ ычх ітр̆: «Млохыс чхаухаріндра́!» Мызэ-нӥ́ӷывын: «Чват-нахзӥ́р чан ржызӥ́рку́ынд!» Мызэ-нӥ́ӷывын ерах вӥ́р ухмуфке́, іхур̆; Ӈуных кузӥ́р вӥфке́. Тамла̄ӈ-во-ӈахӑр̆-тох вӥнга̊́, ӈыта́-фӥӈ-таф-тох југнга̊́, чхыв ӈан Ӈуны- выр̆. Ӈуӈ чхыф ітр̆: «Антыха́, чі ӥакрух пшынд-на́?» Мызэ-нӥ́ӷывын: «Ӈі отх-мӥф-пӥӈ-нӥ́ӷывыӈта́!» Ӈуӈ чхыф: «Отх-мӥф піха́ј, кузӥ́р вӥја́! та ӈӥӈ тафтох југја́!» Мызэ-нӥ́ӷывын: «Чхыф-тур аӈніфке́, пшындра́; чӥӈ ӈанхыс Ӈіуӈ ӥнӥl пшындра́!» Ах wa сівӯр̆ шор̆-тӯр̆ іхывыр̆, іхыс Ӈіур̆ кузӥ́р. Чхар̆ тарор̆ шор̆-јӯгыр̆ шувра́ ізра́, твӥр̆ зоосхӯр̆ кочр̆; јерор̆ ӥнӥр̆; ӥнрор̆ твӥнга̊́ кузӥ́р. Тав-ӈа́хр̆тох вӥр̆-југнга̊́, чхыв ӈан мам ӈеныӈ ычіх ӈіныӈ Ӈат Ӈунывыт. Ӈуӈ ычх озӥ́р̆ кхала́р̆ інтыра́: «Оӷла́, пхачіӈ-пхачіӈ-нӥ́ӷывыӈ -ӈар̆ вӥја́!» Ӈуӈ чхыф кузӥ́р̆-вӥ́р̆. Ӈілыро́р̆ пшыр̆. La-вӥӈ-lo, орныр̆-lo, кілыӈ-lo, јохо-lo, колты-lo, сік хгер̆ шор̆-пшы́р̆. Ӈај Ӈуӈ ычх ітр̆: «Ӈала́, пхачіӈ -пхачіӈ мілк сік хгер̆ шор̆-пшыја́!» Ах вӥр̆, мілк сік хгер̆ шор̆-пшы́р̆. Ӈуӈ

были. Поднялся, его *волосы на бородѣ* (борода) тоже иголкамъ подобны были, его волосы *на головѣ* (тоже) крючкамъ подобны были. «Гость, откуда ты пришелъ?» Нашъ Гилякъ: «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты, съ тобой воевать пришелъ: *если* ты сильнѣе, меня убьешь; *коли* я сильнѣе, тебя убью!» Этотъ старикъ сказалъ: «Цѣликомъ тебя проглочу!» Нашъ Гилякъ: «Твои желѣзные зубы ударивъ *въ дребезги* разобью!» Нашъ Гилякъ къ нему подошелъ, *долго* воевалъ, убилъ; отсюда пошелъ, *долго* ходилъ. *Когда* онъ въ одну большую деревню пришелъ *и* вошелъ въ находящуюся по серединѣ юрту, *тамъ* медвѣдь одинъ оказался. Этотъ медвѣдь сказалъ: «Гость, ты откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ: «Я въ поганой землѣ живущій человѣкъ!» Этотъ медвѣдь: «*Если* въ поганой землѣ живешь, *то* убирайся! въ нашу юрту не входи!» Нашъ Гилякъ: «*Такъ какъ* медвѣжьяго мяса очень захотѣлось, *то* я пришелъ; *чтобы*, изъ васъ одного убивъ, съѣсть, я пришелъ!» Вотъ японскую саблю обнаживъ, *онъ* приблизился, *сталъ* рубить, убилъ его, вышелъ. Дровъ нарубивъ, принесъ *въ домъ*, *развелъ огонь* (зажегъ), шкуру снялъ, кончилъ, порѣзалъ *его*, поставилъ *варить*; сваривъ, ѣлъ; поѣвши, покончивъ, вышелъ. *Когда онъ* въ юрту одну вошелъ, *тамъ* медвѣдь одинъ, старуха одна *и* старикъ одинъ оказались. Этотъ старикъ всталъ, поднялъ глаза, посмотрѣлъ: «Сынъ *мой*, за разными, разными людьми сходи!» Этотъ медвѣдь пошелъ. Послѣ долгаго отсутствія пришелъ. И амурскихъ жителей, и ороковъ, и тунгусовъ, и якутовъ, и гольдовъ, всѣхъ забравъ привелъ. Опять этотъ старикъ сказалъ: «А ну-ка, разныхъ, разныхъ чертей, всѣхъ забравъ, приведи!» Вотъ *онъ* пошелъ,

ычх: «Антха́, ӈала́ кузйр ухмуја́!» Мыз-нйӷывың кузйр, ухмуфке́, изи сік хуха́рыр. Ах ӈуных виф кé. Тав-на́хр̆тох вйр-југна̊, ычих ниның ӈунывыр. Ӈуң ычих итр̆: «Антха́, чі шакрух пшынд-на́?» Мыз-нйӷывың итр̆: «Ни нал'-ӈыта́-воныңта́, чі чамың-ло?» Ӈуң ычх: «Ни ӈылы-пила-чамыңта́! Е—хостох маӷыр, накс кур шор-те́ӷар, нау вахыр, нах ӈункја́!» Мыз-нйӷывың маӷыр, накс кур шор-те́ӷар, нау вахыр јупро́р јангах ӈункр. «Кы, кы, кы! Чі туных виф кé, манӷанг-ун̆ирк-керох виниңгра́; чі интыха́ј, wat-хе ӈаиндра́.» Мыз-нйӷывың итр̆: «Ургу́р ӈуја́! нинкр шамра́ңгң виинд-на́? ургу́р индыја́!» Чај ӈуфке́: «Чі туных виаха́ј, wat-херох виаха́ј, тleyла́ң оск азја́, ӈуң оск херја́: 'ӈала́, туң wat-хе зоосхоја́, нах винкја́! мычкың кхаркх них чаринdра́' ӈар херрájá!» Ӈуң чаман ах твир. Мыз-нйӷывың кхоро́р озир виф кé, ӈуң wat-херох вина̊ маӷыр ӈупр̆: «Оска́, пшыја́, ни кхаркх чаринdра́!» Ӈуң оск пшыр. «Ӈала́, оска́, туң wat-хе зоосхоја́! чі зоосхоха́ј, кхаркх них чаринdра́!» Ах кханых итр̆: «Ӈала́, нйӷывына́, кхоја́!» Мыз-нйӷывың ах кхор. Кхоро́р јаӈшина̊, јоск итр̆: «Ӈала́, кхаркх нарја́!» Мыз-нйӷывың итр̆: «Ни

чертей всѣхъ забралъ, привелъ. Старикъ этотъ *говоритъ*: «А ну-ка, гость, выходи воевать!» Нашъ Гилякъ вышелъ, *долго* воевалъ, ихъ всѣхъ перебилъ. Вотъ *онъ* отсюда *далеко* пошелъ. *Когда* въ юрту одну вошелъ, старикъ одинъ *тамъ* оказался. Старикъ этотъ сказалъ: «Гость, ты откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я изъ деревни, что̀ по срединѣ бухты, *а* ты *не* шаманъ-ли?» Этотъ старикъ: «Я очень большой шаманъ! Вотъ туда спустившись, прутья нарубивъ, принесши, 'ина́у' настругивъ, меня заставь шаманить!» Нашъ Гилякъ пошелъ, прутья нарубилъ, принесъ, 'инау' настружилъ *и*, обвязавъ *ими шамана*, заставилъ его шаманить. «Охъ, охъ, охъ! Ты отсюда *когда далеко* пойдешь, въ неводъ могучаго людоѣда попадешь; если посмотришь, желѣзный неводъ будетъ.» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Хорошенько шаманъ! я какъ пойду? хорошенько смотри!» Опять *онъ сталъ долго* шаманить: «Ты отсюда *если* пойдешь, въ желѣзный неводъ *если* попадешь (придешь), бѣлаго зайца позови, этому зайцу скажи: 'А ну-ка тотъ желѣзный неводъ разбей, меня освободи (заставь уйти)! маленькой сараной одной тебя накормлю', — такъ скажи!» Этотъ шаманъ вотъ кончилъ. Нашъ Гилякъ выспавшись всталъ, далеко пошелъ *и*, въ этотъ желѣзный неводъ попавши, спустился, сѣлъ: «Заяцъ, приди, я сараной тебя накормлю!» Заяцъ этотъ прибѣлъ. «А ну-ка, заяцъ, этотъ желѣзный неводъ разбей! *коли* разобьешь, сараной одной тебя накормлю!» Вотъ бѣлякъ (*заяцъ*) сказалъ: «А ну-ка, Гилякъ, усни!» Нашъ Гилякъ вотъ уснулъ. *Когда* онъ выспался *и* проснулся, его заяцъ сказалъ: «А ну-ка, сараной меня накорми!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «У меня сараны нѣтъ!» Этотъ заяцъ ска-

ӽхарӽх хавриндра́!» Ӈуӈ оск итӽ: «Ӈала́, чі тохӽ куӽ ӈарја́!» Мыз̀-ӈіӽывыӈ: «Ӈі мраӆгіндра́, пат-нан ӽхарӽх чаріндра́!» Ӈуӈ ӽханых віӽ. Мыз̀-ӈіӽывыӈ віфке́. Пілаӈ-тав-ӈа́хӽ-тох віиӷ́, ӈуӈ тафтох југыӽ: «Ӈала́! рунд мілк-на́ тунд таф пінта́, ӈерах ухмуја́!» Тык-waj-ух пілаӈ пхыјк ӈан кузіӽ. Ӈуӈ пхыјк ітӽ: «Антха́, шакрух пшынд-на́? кырыха́ј, екхуӈ ірох маӷыӽ, Ӏоімуӈ куӽ іӈја́!» Мыз̀-ӈіӽывыӈ ітӽ: «Ӈі шактох іхуіра́?» Ах мыз̀-ӈіӽывыӈ маӷыӽ; інтыӈ́ пілаӈ Ӏоім ӈан Ӈунывыӽ. Мыз̀-ӈіӽывыӈ ја-ӈа́кі воӽ іхуӽ шоӽ-те́ӷаӽ шаӽ; іӈро́ӽ твіӈ́, ах віӽ віфке́. Міф-чо́ӈгӽ-ах-тох віиӷ́, тав-ӈа́хӽ Ӈунывыӽ. Ӈуӈ таftох југӈ́, мытькы̀ӈ ычіх ӈеныӈ Ӈунывыӽ. Ӈуӈ ычх: «Ӈала́, антха́, чі шакрух пшы-ӈіӽывыӈӈ́?» Мыз̀-ӈіӽывыӈ ітӽ: «Ӈі nal -Ӈыта́-воныӈта́!» Ӈуӈ ычх ітӽ: «Аӈӷ̀ej наныгыӽ пшыха́ј, ургу́ӽ ітја́! ӈі чроӽ-віиндра́! ёхос̀-пфіӈ-мурох, Ӈу мурох маӷыӽ југыӽ ӽхоја́!» Мыз̀-ӈіӽывыӈ кузіӽ маӷыӽ, Ӈу мурох југыӽ ӽхофке́. Осӈ́, јахзу́ӈ-ыгрыӈ-кевхн -піӽ Ӈунывыӽ. Ја-му́ ахӽ уігё. Ур-міф-піӽ Ӈунывыӽ. Мыз̀-ӈіӽывыӈ ах черјоӽ черјофке́. Кікуру́х носкіаӈ пфоті маӷыӽ. Ӈуӈ пфоты́ воӽ, пхнаутах јупӽ евӽ, тлы-ерхн-тох мавыӽ. Макыфке́. Пілаӈ-тав-ӈахӽ-тох мавыӽ. Југӈ́,

---

залъ: «Ну, ты, лося убивъ, меня накорми!» Нашъ Гилякъ: «Мнѣ лѣнь, завтра сараной тебя накормлю!» Этотъ бѣлякъ ушелъ. Нашъ Гилякъ *долго* ходилъ. Подошедши къ одной большой юртѣ, онъ въ эту юрту вошелъ: «Эй! какой чортъ въ этой юртѣ живетъ, выходи на войну (воюй) со мною!» Изъ-подъ наръ большая выдра одна вышла. Выдра эта сказала: «Гость, откуда *ты* пришелъ? *если ты* голоденъ, вонъ туда къ рѣкѣ спустившись, форель поймавъ (убивъ) кушай!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «*А* я какъ её поймаю?» Вотъ нашъ Гилякъ спустился *къ рѣкѣ; когда* онъ посмотрѣлъ, *то* большая форель одна оказалась. Нашъ Гилякъ *её за* хвостъ поймалъ, убилъ, *домой* принесъ, жарилъ; поѣвши, покончивши, онъ (вотъ) пошелъ, долго ходилъ. *Когда онъ* до конца Головы Земли добрался, *тамъ* юрта одна оказалась. *Когда онъ* въ этотъ домъ вошелъ, *тамъ* маленькій старичекъ одинъ былъ. Этотъ старикъ: «Эй, гость, ты откуда *пришелъ*?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я изъ деревни, что̀ по срединѣ бухты!» Этотъ старикъ сказалъ: «*Если* жену искать пришелъ, хорошенько скажи! я тебя повезу! вонъ къ той моей (находящейся) лодкѣ, къ той лодкѣ спустившись *и* забравшись *въ нее*, *ляг спать* (спи)!» Нашъ Гилякъ вышелъ, спустился, въ эту лодку забрался, долго спалъ. *Когда* онъ проснулся, *то* среди неизвѣстнаго чернаго моря оказался. Его лодки же не оказалось. *Онъ* на островѣ очутился. Нашъ Гилякъ вотъ заплакалъ, *долго* плакалъ. Сверху *(съ неба)* тонкій шнуръ спустился. За этотъ шнуръ ухватившись, обвязавши (свое) брюхо и держась *такимъ образомъ*, *онъ* на небо сталъ подниматься. *Высоко* поднялся. Въ большую юрту одну поднялся. *Когда онъ*

пхнаӈ-ӈіӷывыцкун тоӷ ӈіӷывыц ӈунывыт, тоӷ шанх ӈунывыт, еӷӏуп-ӵа́хӈ ӈунывыт; чо-рохо, ӈӈа-рур-тохо ӈіт. Мыз̀-ӈі́ӷывын ітӈ: «Ӈалвé, тур ӈарвé!» Ӈу ӈіӷывыцкун ітд: «Каукрé чарінтох! паӈк наныгыӈ іхуӈ ӈіјá!» Мыз̀-ӈі́ӷывыц ітӈ: «Ӈі шаных напыгын іхун ӈіӈра́? Ӈі паӈк наныгыха́j, чін ӈерах ухмуіндра́!» Ӈу ӈіӷывыцкун кузіт, ухмуфкé, сік ізн кухá-рыӈ. Мыз̀-ӈі́ӷывын праптох југыӈ, ӈуӌ ычх куӈ. Ӈарóӈ кузіӈ віфкé, тамӏа́-ӈіӷывыцкун-вóрох віӈ, ӈыта́-фін-тафтох југыӈ. Ӈу ӈіӷывыц ітӈ: «Антха́, чі јаӈӈ пшынд-на́? ухмуіӏ пшыха́j, кузіӈ-віја́!» Мыз̀-ӈі́ӷывын ітӈ: «Ӈі ухмунтох агундра́!» Ӈу ӈіӷывын: «Ӈала́, кузіӈ ухмуја́!» Ах кузіт ухмуфкé; мыз̀-ӈі́ӷывын муӈ, ӈу ӈіӷывыцкун праптох југыт. Ӈунывхарӈа́, мыз̀-ӈі́ӷывын моӈха́ӈ, ізн тафкун сік шувха́рыӈ, ізн хухарыӈ. Ӈуных віфкé, піӏа́ӈ-тав-ӈа́хӈ-тох віӈ-југыӈ, мам ӈенын ӈунывыӈ. Ӈу мам озіӈ: «Антха́, шакрух пшынд-на́?» Мыз̀-ӈі́ӷывын: «Ӈі отх-міф-ӈіӷывын-та́!» Ӈу мам ітӈ: «Чі јаӈӈ-пшы-ӈіӷывыцӈа́?» Мыз̀-ӈі́ӷывын: «Ӈі аӈӷej наныгыт пшындра́!» Ӈу мам ітӈ: «Аӈӷej наныгыӈ пшыха́j, ӗ~хӈ піӏа́ӈ-паӏ̀-фін-шанхрох теӷаӈ хгеја́!» Мыз̀-ӈі́ӷывын ітӈ: «Ӈыцка́, теӷын хгеіндра́!» Ах кузіӈ теӷыфкé, піӏа́ӈ-паӏ̀-наскі-шхырох макӈа́, тав-ӈа́хӈ

вошелъ, *тамъ* молодыхъ людей пять человѣкъ оказалось, пять женщинъ оказалось, дѣтей трое оказалось; *они* и рыбу, и *дичь* (звѣриное мясо) кушали. Нашъ Гилякъ сказалъ: «А ну-ка, мясомъ меня накормите!» Эти люди сказали: «Не станемъ тебя кормить! самъ поохоться, убей, кушай!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Гдѣ я стану охотиться, убивать, *чтобы* поѣсть? *Если* мнѣ самому охотиться *приходится*, *то* вы со мной воевать будете!» Эти люди вышли, *долго* воевали, *онъ* всѣхъ ихъ перебилъ. Нашъ Гилякъ въ свою юрту *вернулся* (вошелъ), того старика убилъ. Потомъ вышелъ, *долго* ходилъ, въ *большое* (многолюдное) селеніе пришелъ, *и* въ юрту, находившуюся въ *самой* серединѣ *селенія*, вошелъ. *Хозяинъ* (Гилякъ) этотъ сказалъ: «Гость, ты чего пришелъ? *если* воевать пришелъ, убирайся вонъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я воевать не хочу!» Тотъ Гилякъ: «Ну, выходи воевать *съ нами*!» Вотъ *они* вышли, *долго* воевали; нашъ Гилякъ умеръ, а тѣ Гиляки въ свой домъ вошли. *Спустя нѣсколько времени*, нашъ Гилякъ ожилъ, всѣ ихъ юрты сжегъ *дотла*, *а* ихъ перебилъ. Отсюда *далеко* пошелъ, въ большую юрту одну вошелъ, старуха одна *тамъ* оказалась. Эта старуха поднялась *съ нара*: «Гость, ты откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ: «Я поганой земли человѣкъ!» Эта старуха сказала: «Ты зачѣмъ *пришелъ*?» Нашъ Гилякъ: «Я жену искать пришелъ!» Эта старуха сказала: «*Если* ты жену искать пришелъ, вонъ на той большой горѣ живущую женщину (взобравшись) возьми!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Хорошо, взобравшись возьму!» Вотъ *онъ* вышелъ, *долго* взбирался, *когда же онъ* на верхъ хребта боль-

ḥунывыр̆. Ḥуӈ тафтох jугиӷ́, пхнар̆-шанх ӈеныӈ ḥунывыр̆, верáх ӈеныӈ ḥунывыр̆. Ḥу верáх iтр̆: «Ḥалá, антхá, чi jаӈр̆ ӈiӈ-тáфтох пшынд-нá?» Ах мыз̀-ӈíӷывыӈ iтр̆: «Ехӈ шанх хгеiныт пшындрá. Вераха́! кузi̇̀р̆ ӈорох теӷар̆, iӈiнд-ныр̆ шор̆-мáӷыр̆, ӈарjá!» Верáх кузi̇̀р̆ теӷар̆ iӈiнд-нырóр̆ шор̆-мáӷыр̆ jарыр̆. Мыз̀-ӈíӷывыӈ ḥуӈ пхнар̆-шанх-хiн роӈiнд iӈiнд; iӈiрóр̆ твiнӷ́, ӄхоӆhi хvрóр̆, чхнаj, мiнр̆ чхнаj аjiр̆: «Туӈ ӄхоӆhi-чхнajхунá, туӈ таф хгыiн ӈворох ӈшор̆-вijá!» Ḥуӈ ӄхоӆhi-чхнaj таӈар̆. Мыз̀-ӈíӷывыӈ тафтох jугыр̆: «Туӈ чхнaj ӈшор̆-вiiл iтiндрá. Вераха́, кузi̇̀р̆ чхар̆ тajá!» Ḥу верáх кузi̇̀р̆ чхар̆ тарóр̆ шор̆-jугыр̆, шувр̆ раӄх ḥерá, ḥарóр̆ jечр̆ ӷосiр̆. Мыз̀-ӈíӷывыӈ-кiн паӈӷej-хiн роӈiнд iӈiнд, ḥатóт твiнӷ́ тхур̆ пыз̀тá, ах ӄхохáрыт, ḥатóт озiт кузiт. Тыкнӷ́, прафхомi-фiт ḥунывыт. Мыз̀-ӈíӷывыӈ прафтох нухтыр̆-вiр̆. Jугиӷ́ iiрӈ-мам ары кыр̆-мыр̆ ḥунывыр̆: «Оӷlá, чо наныгыр̆ ӈарóр̆, ӈах мункjá!» Jеӷlуӷ чо наныгыр̆ вiр̆, ḥоj мар̆ хур̆ шор̆-пшы́р̆; jерóр̆ jечр̆ jарыр̆. Iӈрóр̆ твiрá; тамх-тарá, твiрá: «Оӷlá! кузi̇̀р̆ чхар̆ тajá; малхóӆкр̆ шарóр̆ ӈшувjá!» Мыз̀-ӈíӷывыӈ кузi̇̀р̆, чхар̆ тар̆, ḥарóр̆ твiр̆. Jугиӷ́, iiрӈ-мам мур̆ ḥунывыр̆. Пiрӈ хгыiр̆ шор̆-кузi̇̀р̆ шувр̆ выкыз̀р̆,

---

шой горы поднялся, *тамъ* юрта одна оказалась. Когда онъ вошелъ въ ту юрту, молодая женщина одна *тамъ* оказалась, рабъ одинъ оказался. Рабъ этотъ сказалъ: «Эй, гость, ты зачѣмъ въ нашъ домъ пришелъ?» Вотъ нашъ Гилякъ сказалъ: «Вонъ ту женщину я взять пришелъ. Рабъ! иди, въ амбаръ взберись, приготовь закуску, принеси, меня накорми!» Рабъ вышелъ, *въ амбаръ* взобрался, приготовивъ закуску, принесъ, его накормилъ. Нашъ Гилякъ и эта молодая женщина вмѣстѣ ѣли; поѣвши, покончивши, *онъ*, бузины нарубивъ, фигуры, восемь фигуръ сдѣлалъ: «О тѣ фигуры изъ бузины, этотъ домъ потащивши, въ мою деревню меня перенесите!» Эта фигура изъ бузины голову подняла. Нашъ Гилякъ въ юрту *вернулся*: «Эта фигура сказала, *что* меня *домой* перенесетъ. Рабъ, иди, дровъ наруби!» Этотъ рабъ вышелъ, нарубивъ дровъ, принесъ, развелъ огонь, 'буду' сварилъ, потомъ снялъ *съ огня*, разложилъ *по чашкамъ*. Нашъ Гилякъ и его жена вмѣстѣ кушали, потомъ покончивъ, постель постлали, затѣмъ *отлично* выспались, потомъ встали, вышли. *Когда они* посмотрѣли, *то оказалось, что* находятся возлѣ своей юрты. Нашъ Гилякъ переселился въ свою юрту. *Когда онъ* вошелъ *туда*, его мать-старуха почти уже съ голоду умершей была: «Сынъ *мой*, рыбы наловивъ *и* меня накормивъ, дай мнѣ умереть!» Ея сынъ ловить рыбу пошелъ, двухъ 'гоевъ' поймалъ, принесъ; сваривъ, снялъ *съ огня*, накормилъ её. Поѣвши, кончила; табакъ курила, кончила: «Сынъ *мой!* иди, дровъ наруби; много нарубивъ, сожги меня!» Нашъ Гилякъ пошелъ, дровъ нарубилъ, потомъ кончилъ. *Когда онъ* вернулся, его мать-старуха *уже* мертвая была. Свою мать *онъ* вытащилъ, по-

ӈарóр̆ jугыр̆, паӈ̆ӷej херыр̆: «Ӈi тоӆ-ӈiӷывыӈтох ухмун вiiндрá, ӈамык аӈ ухмуiндрá. Верахкунá! чхар̆ тан шувнá, чо наныгын iхуп iӈiнá, ӈан ӈунывé!» Wa геր̆ iхурá; iхвi хгер̆ iхурá; пунд геր̆ шорá; пах-пулунк хгер̆ шорá, кузiр̆; wат-члаӈhi хгер̆ iр̆прá. Вiфкé. Маӆхолáӈ-во-ӈáх̆р̆тох вiнг̊á, је-слáӈhi кхарыр̆, је-слáӈhi iтр̆: «Ӈi туных пiӈгiндрá, чi вiр̆ ухмуjá!» Мыз̀ -ӈiӷывыӈ пфунд орурá, iзн тафтiрох вiр̆. Мыз̀-ӈiӷывыӈ полахр̆: «Тоӆ-ӈiӷывыӈкунá, кузiн ухмувé!» Ӈуӈ тоӆ-ӈiӷывыӈкун кузiт ухумут ухмуфкé; iзн сiк хухарыр̆ пс̀архур̆ маӷыр̆. Пос̀р̆. Кхорóр̆ ос̀нг̊á, пiлáӈ-тав-мi-фiр̆ ӈунывыр̆. Ја-рóтхун сiк jупхартá, ја-ӈáчхкун упхартá. Кхаӆы́р̆ тывнг̊á, пiлáӈ тоӆ-мiлк чеӄхохы̀с̀ еспр̆. Мыз̀-ӈiӷывыӈ ах мур̆. Ӈуӈ тоӆ-мiлк з̀оос̀хур̆ jер̆; iӈрóр̆, твiр̆, тєӷар̆ позiр̆ кхор̆. Кхорóр̆ jаӈ̆ш̆iр̆ кхаӆы́р̆ тывыр̆: мыз̀ -ӈiӷывыӈ морхáр̆ озiр̆, пфа сівур̆, вiр̆ ја-нгáур̆ чевр̆. Ӈу мiлк: «Ыӈ-нгаурá! рунд-нá ӈi-нгáур̆ чевнд?» Мыз̀-ӈiӷывыӈ ч̀ај је-ӈнгах чевр̆ затвур̆. «Ы-ы̆-ыjк! ӈi-нгаӷá!» Ч̀ај мыз̀-ӈiӷывыӈ је-з̀óӈхр̆ кvвыр̆ iхур̆, ӈарóр̆ кузiр̆ вiр̆ вiфкé, пе-с̀лáӈhiрох вiр̆ iр̆пыр̆. Је-с̀лáӈhi пуiр̆. Тлырох макыр̆, маӆхолáӈ-во-ӈáх̆р̆-тох вінг̊á, паз̀р̆-ах-пiӈ-тафтох jугыр̆, верáх ӈiныӈ ӈунывыр̆. «Вераха́!

---

105 везъ, сжегъ, бросилъ, потомъ вернулся, своей женѣ сказалъ: «Я съ морскими людьми воевать пойду, семь лѣтъ воевать буду. Рабы! дрова рубя, будете жечь, рыбу *ловя* (ища, убивая) будете ѣсть, такъ живите!» Саблю взявъ, одѣлъ *на себя;* колчанъ взявъ, одѣлъ *на себя;* лукъ взявъ понесъ; каменный кастетъ взявъ понесъ, вышелъ; желѣзнаго оленя взявъ, сѣлъ верхомъ *на него. Долго* ѣхалъ. Когда онъ подъѣхалъ къ большой деревнѣ одной, его олень остановился, его олень сказалъ: «Я отсюда убѣгу, 110 *а* ты иди, воюй!» Нашъ Гилякъ свой лукъ согнулъ, къ преддверію ихъ дома подошелъ. Нашъ Гилякъ закричалъ: «Эй, люди морскіе, выходите на войну!» Эти люди морскіе вышли, воевали, *долго* воевали; *онъ* всѣхъ ихъ перебилъ и отправился отдохнуть (себѣ). Легъ. *Когда* онъ выспавшись проснулся, *то* очутился въ большой юртѣ. Его руки были (совсѣмъ) *крѣпко на крѣпко* связаны, его ноги связаны. Когда онъ, поднявъ глаза, посмотрѣлъ, большой морской чортъ *его* ножомъ кольнулъ. Нашъ Гилякъ вотъ умеръ. Этотъ морской чортъ порѣзалъ его, сварилъ; поѣвши, покончилъ, за- 115 брался *на нары*, легъ, заснулъ. Выспавшись, проснулся, поднявъ глаза, посмотрѣлъ: нашъ Гилякъ ожилъ, всталъ *и*, обнаживъ свою саблю, подошелъ, въ брюхо *(его)* вонзилъ. Этотъ чортъ: «Ой *мое* брюхо! кто-это мое брюхо кольнулъ?» Нашъ Гилякъ еще *въ* глазъ его кольнулъ, выбилъ. «Ой, ой, ой! ой глазъ мой!» Еще Гилякъ нашъ голову его разрубилъ, убилъ, потомъ отправился, пошелъ, *долго* ходилъ, къ своему оленю пришелъ *и* сѣлъ на него верхомъ. Его олень полетѣлъ. Онъ на небо поднялся, *и когда* 120 прибылъ въ большую деревню одну *и* вошелъ въ *крайнюю* юрту, *тамъ* рабъ

вір пызінгкун керјá; ӈах-áн ухмуіl шшыфур ітјá!» Ӈу верáх кузір вір, Ӈарóр шшыр: «Антхá! ӈызінгкун черах ухмуіl шшындхунтá!» Мыз-ӈíӷывың кузір. Ускштох кузнгá, кхахкыс еспыт. Мыз-ӈíӷывың мур. Ӈу ӈíӷывыңкун прафтох ехыт вііхáрыт. Мыз-ӈíӷывың ӄaj морхáр вір ухмуфкé, ізн сік хухáрыр, пе-сláӆhi сіврá, шфорох ехыр маӷыр. Jугнá, jаӈӷej уігíр: «Верахá! ӈаӈӷej jанку?» Верах ітр: «Чаӈӷej пал-ӈíӷывың хгендрá!» Мыз-ӈíӷывың ітр: «Ӈalá, чі іӈінд-ныр ӈарjá, схунтах ӄах-пер ӈахынкjá!» Ах верах іӈінд-ныр jаррá, ӈеныӆ ӄах-пер jахрá. Мыз-ӈíӷывың ӄах тарóр, твінгá, тамх тарá, Ӈарóр твінгá: «Ӈі пал-ӈíӷывыцкунтох він ухмуіндрá!» Кузір, пе-сláӆhi хгер ірпрá. Теӷафкé, пілáӆ-тав-ӈахр-тох теӷар. Jугнгá, jаӈӷej -хін чхыв-ӈан-хін wajхут кхот. Мыз-ӈíӷывың тоӄ-рóкр вір, wахыс еспр іхур, паӈӷej хгер маӷыр, прафтох jугрá. Тамх тарóр кузір, ӈезнарох теӷар, тусӄ ӈех волýр, чхнај ајір, Ӈарóр твінгá ітр: «Туӆ чхнајхунá, wатхыс ӈраф-тхы ајвé! тыӆ ырkух јајін твівé!» Ах маӷыр, прафтох jугыр; іӈрóр твір. Ах кхорóр осӈá, wат-тав-мі-фір Ӈунывындхун. Фуру.

одинъ оказался. «Рабъ! иди, своимъ хозяевамъ сообщи; скажи, *что* я воевать пришелъ!» Рабъ этотъ пошелъ, потомъ вернулся: «О гость! мои хозяева съ тобой воевать пришли!» Нашъ Гилякъ вышелъ. *Когда* онъ въ сѣняхъ очутился (вышелъ), *его* копьемъ кольнули. Нашъ Гилякъ умеръ. Эти люди обратно въ свой домъ *окончательно* отправились *было*. Нашъ Гилякъ опять ожилъ, пошелъ, *долго* воевалъ, ихъ всѣхъ перебилъ, на своего оленя сѣлъ *и* въ свою деревню обратно пришелъ. *Когда* онъ вошелъ *(въ юрту)*, его жены не оказалось: «Рабъ! гдѣ жена моя?» Рабъ сказалъ: «Твою жену лѣсной человѣкъ взялъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ну, ты, закуску приготовивъ, меня накорми, вонъ тѣмъ черпакомъ меня напои!» Вотъ рабъ, приготовивъ закуску, его накормилъ, однимъ черпакомъ напоилъ. Нашъ Гилякъ, напившись воды, покончивъ, покурилъ табаку, потомъ покончивъ, *сказалъ:* «Я на лѣсныхъ людей войной пойду!» Вышелъ, своего оленя взялъ, на него сѣлъ. *Долго въ гору* поднимался, въ большую юрту одну взобрался. *Когда* онъ вошелъ, его жена и медвѣдь одинъ *вмѣстѣ* подъ однимъ одѣяломъ спали. Нашъ Гилякъ крадучись подошелъ, саблей кольнулъ, *медвѣдя* убилъ, свою жену взялъ, пошелъ, въ свою юрту *вернулся*. Покуривъ табаку, вышелъ, по близости поднялся *въ гору*, срубилъ елку (одну), сдѣлалъ фигуры, потомъ покончивъ, сказалъ: «*Эй*, тѣ фигуры, сдѣлайте верхъ моей юрты изъ желѣза! въ эту же ночь кончайте работу!» Вотъ *онъ назадъ пошелъ* (спустился), въ свою юрту вошелъ; поѣвши, кончилъ. Вотъ *когда* онъ выспался и проснулся, они оказались находящимися въ желѣзной юртѣ. Конецъ (сказано).

Примѣчанія къ № 2.

1 *(строка 1)*. Герои гиляцкаго эпоса — персонажи безъимянные и именуются обыкновенно терминомъ: мыз̀-нйӈывыӈ — 'нашъ Гилякъ'. Поэтому, когда въ разсказѣ фигурируетъ нѣсколько героевъ, получается нѣкоторая путаница съ нашей точки зрѣнія. Въ нашей поэмѣ и юноша, который убилъ старика въ началѣ поэмы, и главный герой, убившій перваго юношу, оба называются мыз̀-нйӈывыӈ. Безъимянность героевъ — обычная особенность не одного гиляцкаго, но и первобытнаго эпоса вообще. Ср. A. Lang, Custom and Myth, p. 4 [1]).

2 *(стр. 2)*. Мыз̀-нйӈывыӈ — 'нашъ Гилякъ', т. е., молодой человѣкъ.

3 *(стр. 3)*. Ноj — соленоводная рыба (изъ породы тайменей), заходящая въ рѣки метать икру. Русскіе ее называютъ 'гой'. Ловится круглый годъ въ рѣкахъ и въ морѣ. Ходитъ не стаями, а въ одиночку. Бываетъ очень крупныхъ размѣровъ (до 2-хъ и болѣе аршинъ въ длину). Кожа ея идетъ на лѣтнюю обувь и одежду. Гой составляетъ предметъ нѣкотораго культа у Гилякъ. На мѣстѣ добыванія его, на берегу рѣки, ставятъ священныя заструженныя палочки (інáу). Голова его съ почетомъ выставляется на шестахъ близь юрты. Съ нимъ связываютъ множество повѣрій. Такъ, напримѣръ, гой часто является съ добрыми вѣстями отъ разныхъ боговъ; когда онъ почему-либо не ловится, это признакъ того, что гдѣ-нибудь умираетъ сородичъ, или же сородичи бьютъ медвѣдя въ тайгѣ, либо добываютъ медвѣженка.

4 *(стр. 4—5)*. Гиляки обыкновенно не только не ѣдятъ дохлыхъ животныхъ, но боятся даже пользоваться ихъ шкурой, какъ-бы она цѣнна ни была, считая, согласно своему воззрѣнію на смерть, что причина смерти животнаго вселеніе въ него злого духа. Въ данномъ случаѣ старикъ рѣшился ѣсть мясо дохлаго медвѣдя, только вынужденный крайней необходимостью, голодомъ.

5 *(стр. 10)*. 'Своего старика мясо ѣлъ'.—Людоѣдство никогда не было нормальнымъ обычаемъ у Гилякъ. Исключительные случаи канибализма могли быть только результатомъ какихъ-нибудь психозовъ. Канибализмъ въ поэмахъ, повидимому, навѣянъ поэзіей Айновъ, но возможно, что онъ и самостоятельнаго происхожденія, связанный культомъ и антропоморфизмомъ животныхъ (подробнѣе см. Предисловіе).

6 *(стр. 14)*. Незнакомый юноша былъ сынъ убитаго старика и жилъ въ другомъ домѣ со своей матерью, второй женой старика. Такой обычай чаще всего встрѣчается у Айновъ, у которыхъ мужъ живетъ въ юртѣ только съ одной женой, остальныя живутъ въ другихъ юртахъ, каждая со своими дѣтьми въ особомъ помѣщеніи; часто жены живутъ даже не въ одномъ и томъ же селеніи съ мужемъ, а въ селеніи своихъ родителей. У Гилякъ всѣ жены обыкновенно живутъ въ одной юртѣ съ мужемъ, но только въ сезонъ рыбной ловли, въ видахъ чисто экономическихъ, разселяются въ разныхъ болѣе или менѣе удаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, благопріятныхъ для промысла.

7 *(стр. 18)*. Прафтох — 'въ свою юрту', т. е. въ юрту, гдѣ онъ до того жилъ со своей матерью.

---

1) One of the leading personages to be met in the traditions of the world is really no more than *Somebody*. There is nothing this wondrous creature cannot achieve.

8 *(стр. 20)*. 'Переселились', т. е. въ зимнюю юрту; пухтынд — спеціальный терминъ переселенія изъ лѣтняго въ зимнее селеніе. Зимники обыкновенно находятся подальше отъ берега моря и на защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ.

9 *(стр. 21)*. 'Я воевать пойду'.—Война у Гилякъ никогда не носила хищническаго, корыстнаго характера; она всегда являлась исключительно актомъ мести за убійство сородича или походомъ для насильственнаго возвращенія похищенной женщины. Обыкновенно въ походѣ принимали участіе всѣ сородичи, иногда даже два, три рода соединялись, если приходилось имѣть дѣло съ очень сильнымъ противникомъ. Но такъ-какъ для удовлетворенія чувства мести достаточно было убить только одного, двухъ человѣкъ виновнаго рода, то часто роль мстителя бралъ на себя одинъ какой-нибудь сильный человѣкъ, который въ открытомъ бою или карауля врага въ засадѣ убивалъ нужное число противниковъ. Объявленіе войны впрочемъ всегда предшествовало. Если на войнѣ виновный родъ потерялъ убитыми не больше, чѣмъ вдвое, числа имъ убитыхъ, то дѣло кончалось миромъ. Въ противномъ случаѣ возгоралась новая война. Герой нашей поэмы тоже предпринялъ походъ, побуждаемый канибальскимъ убійствомъ отца, которое, въ виду своей чрезвычайной жестокости, требовало и чрезвычайныхъ мѣръ отомщенія.

10 *(стр. 21)*. Ургуў ḥунывјá—букв.: 'хорошо живи, прощай'. Гиляки не употребляютъ обыкновенно никакихъ ни встрѣчныхъ, ни прощальныхъ привѣтствій, такъ-какъ между многими категоріями родственниковъ, даже между братьями и сестрами, запрещены всякіе разговоры. Съ родителями бесѣды допускаются. Прощальное привѣтствіе нашего героя объясняется чрезвычайной серіозностью момента (отправленіемъ въ продолжительный походъ).

11 *(стр. 21)*. 'Черезъ пять лѣтъ приду'.—Гиляцкій годъ равняется нашему полугодію.

12 *(стр. 23)*. 'Въ большую каменную юрту одну'. — Каменная юрта (пах-таф) — терминъ гиляцкой миѳологіи. Каждый утесъ, скала, гора—каменный домъ какого-нибудь гилякоподобнаго божества, добраго или злого. Поводомъ къ такому представленію могли послужить пещеры въ скалахъ. Въ частности въ каменныхъ юртахъ обитаютъ жители миѳическихъ морскихъ острововъ, по которымъ странствуютъ души шамановъ во время трансовъ и камланія.

13 *(стр. 30)*. 'Медвѣдь одинъ тамъ жилъ'. — Это былъ 'горный' человѣкъ. А 'горные' люди, хотя и ведутъ такой же образъ жизни, какъ и Гиляки, но чаще всего облекаются въ форму медвѣдя; когда же они снимаютъ съ себя медвѣжью шкуру, то они принимаютъ видъ настоящаго Гиляка. Вообще же во всякомъ медвѣдѣ Гилякъ подозрѣваетъ переодѣтаго, такъ сказать, въ медвѣдя 'горнаго' человѣка. Этому представленію нисколько не противорѣчитъ другое представленіе о медвѣдѣ, какъ о собакѣ 'горнаго' человѣка.

14 *(стр. 32)*. 'Я поганой земли человѣкъ'.—Нашъ герой не изъ одной только обычной подозрительности скрылъ названіе своей деревни. Дѣло въ томъ, что, когда Гилякъ находится въ долгомъ отсутствіи изъ своей родной деревни, онъ боится тогда называть свою родину ея настоящимъ именемъ, дабы не вызвать зависти какого-нибудь злого божества, которое можетъ либо помѣшать ему вернуться на родину, либо само заберется туда и начнетъ свои опустошенія. И потому онъ въ такихъ случаяхъ называетъ свою родину отталкивающимъ именемъ ётх-міф (земля экскрементовъ). Такъ Гиляки восточнаго берега Сахалина, возвращаясь на лодкѣ съ охоты

на тюленя, когда завидятъ издали родную деревню на берегу, называютъ ее не иначе, какъ о́тх-міф.

15 *(стр. 34)*. 'Японскую саблю (wa) обнажилъ'.—Японскіе кинжалы и сабли пріобрѣтались Гиляками или черезъ Айновъ или непосредственно въ Сирапуси (аинское сел. на юж. оконечности зап. берега Сахалина) у японскихъ торговцевъ, съ которыми Гиляки вели мѣновой торгъ. Превосходныя качества японской стали и изящество отдѣлки ручки и ноженъ японской сабли оцѣнены по достоинству Гиляками, которые охотно ихъ пріобрѣтаютъ и хранятъ, какъ 'драгоцѣнности' (см. № 1, пр. 25).

16 *(стр. 35)*. Ко̀чӯ — 'поставилъ', т. е. поставилъ котелъ съ мясомъ на очагъ на обычномъ его мѣстѣ. Большіе японскіе или маньчжурскіе котлы имѣютъ на наружной части дна три ножки, которыми котелъ устанавливается на трехъ камняхъ, укрѣпленныхъ въ очагѣ; когда котелъ въ такомъ положеніи, подъ нимъ можно разводить огонь. Камни называются ӣчӯ и считаются до извѣстной степени священными.

17 *(стр. 37)*. 'Сынъ мой'.—Обращеніе относится къ медвѣдю, который былъ сыномъ старика. Вся семья состояла изъ 'горныхъ' людей, которые являются то въ образѣ человѣка, то въ образѣ медвѣдя. — Старикъ послалъ сына за гостями, собираясь устроить нѣчто въ родѣ медвѣжьяго праздника, на которомъ роль убиваемаго медвѣдя долженъ былъ играть нашъ Гилякъ.

18 *(стр. 38)*. Ӣлынд значитъ: 'быть въ долгомъ отсутствіи', но также и: 'убирать', такъ что ӣлырӯ́ можетъ быть переведено: '*послѣ того какъ онъ* (т. е. старикъ) убралъ', т. е. убралъ юрту по праздничному и сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ медвѣжьему празднику. Одна изъ важнѣйшихъ процедуръ наканунѣ праздника состоитъ въ томъ, что церемѣняютъ землю въ очагѣ и приносятъ жертвоприношенія хозяину и хозяйкѣ огня. На днѣ очага кладутъ при этомъ застружженныя палочки (інáу), которыя предварительно кормятъ (въ стружки накладываютъ сладкія луковицы и коренья).

19 *(стр. 38)*. La-вiң — 'амурскіе жители'. Этимъ именемъ часть сахалинскихъ Гилякъ зоветъ тунгусское племя Ольчей (амурскихъ нани по моей терминологіи) въ отличіе отъ амурскихъ Гилякъ, которыхъ они называютъ la-ерх-фiң(г). Гиляки сѣвернаго Сахалина зовутъ Ольчей и Ороковъ однимъ и тѣмъ же названіемъ орныӯ. Ольчи занимаютъ въ низовьяхъ Амура территорію между территоріями Гилякъ и Гольдовъ (отъ рус. с. Богородское до с. Ниже-Тамбовское) и составляютъ одно племя съ сахалинскими Ороками и Орочами побережья Татарскаго пролива.

20 *(стр. 38)*. Орныӯ — 'Ороки' (по Шренку, сахалинскіе нани, по моей терминологіи) — живутъ на восточномъ берегу Сахалина въ территоріи Гилякъ, въ низовьяхъ р. Пороная въ территоріи Айновъ и отдѣльными семьями въ разныхъ частяхъ острова.

21 *(стр. 39)*. Јохо — 'Якуты'; явились въ Пріамурскомъ краѣ вслѣдъ за появленіемъ русскихъ и живутъ отдѣльными семьями разбросанно среди Ороковъ и Тунгусовъ; преимущественно занимаются мѣновой торговлей.

22 *(стр. 44)*. Ехосто́х—туда, т. е. къ берегу рѣки, гдѣ растетъ тальникъ.

23 *(стр. 45)*. Нау, інáу — заимствованная отъ Айновъ принадлежность культа. Інáу — различныхъ размѣровъ деревяшки съ грубыми зарубками въ средней или верхней части, означающими части человѣческаго лица (глаза, носъ, ротъ). Но

самая характерная и важная часть іна́у—это различной формы и длины застружки, сдѣланныя на деревяшкѣ. Собственно застружки и даже просто стружки безъ корпуса и называются іна́у, потому что именно въ нихъ Айнъ и Гилякъ видятъ всю силу этой принадлежности культа, что̀ видно и изъ самой этимологіи слова. Іна́у, нау происходитъ либо отъ гл. іну—'слушать' и ау—'языкъ' или отъ ні—'дерево' и ау; и, слѣдоват., означаетъ или 'языкъ, который слушаетъ', или 'языкъ дерева'. И, дѣйствительно, въ каждой застружинѣ Айнъ видитъ таинственное изображеніе языка. Поэтому онъ и разсматриваетъ іна́у, какъ посланника, который, выслушавъ его порученія, сотнями своихъ языковъ (ау) передастъ эти порученія самымъ краснорѣчивымъ образомъ тому или иному богу, къ которому іна́у командируется. Отъ Айновъ культъ іна́у перешелъ почти ко всѣмъ народностямъ Пріамурскаго края. Гиляцкіе шаманы во время камланія повязываютъ себѣ голову и опоясываютъ себя священными стружками.

24 *(стр. 45)*. Lункjа́ — букв.: 'заставь пѣть'.—Во время камланія шаманъ, призывая духовъ и сообщая присутствующимъ свои видѣнія и бесѣды со своими покровителями, употребляетъ своеобразные музыкальные речитативы, сопровождаемые аккомпаниментомъ на бубнѣ. Поэтому и камланіе называется чам-lунд—'шаманское пѣніе'.

25 *(стр. 48, 49)*. 'Хорошенько смотри!' — Весьма характерное выраженіе, рисующее психологію шамана, который въ трансѣ видитъ недоступное взору обыкновеннаго смертнаго и видитъ не только настоящее, но и будущее.

26 *(стр. 49)*. 'Бѣлаго зайца позови!'—Заяцъ въ зоокультѣ Гилякъ играетъ всегда роль благодѣтельнаго посланника боговъ. Съ обычнымъ своимъ антропоморфизмомъ Гилякъ рисуетъ себѣ этихъ животныхъ въ видѣ особаго племени гилякообразныхъ существъ, имѣющихъ своего 'хозяина'— хӑныхъ-ызы̀нг; онъ большой, какъ корова, совершенно бѣлый, носъ длинный. — Бросая голову зайца, ее предварительно повязываютъ ароматнымъ растеніемъ, пучкой (Polygonum Weyrichii Schm., по гиляц. hапс). Челюсть зайца служитъ талисманомъ и вѣшается надъ нарой во время болѣзни.

27 *(стр. 50)*. Хӑрхӑх, хӑрк̆—луковица Fritillaria kamtschatkensis.—Луковицы этого растенія, точно также, какъ и луковицы Lilium spectabile, въ большомъ количествѣ выкапываются Гиляками и употребляются въ свѣжемъ видѣ (вареныя и печенныя въ золѣ), а также сушатся на солнцѣ на зиму. Хӑрхӑх считается большимъ лакомствомъ и употребляется также и для жертвоприношеній.

28 *(стр. 59)*. Выдра—Lutra vulgaris, водится въ рѣкахъ и озерахъ. — Въ гиляцкой миѳологіи часто играетъ роль злого, демоническаго существа.

29 *(стр. 70)*. Сверху, т. е. съ неба.—Небо, какъ и земля, населено гилякообразными людьми (тлы-нӣ̆ывың), ведущими такую же жизнь, какъ и Гиляки. Есть тамъ и чудовища самыя разнообразныя, какъ напр., многоголовыя существа. Небесные люди часто предпринимаютъ экскурсіи на землю и вылавливаютъ земныхъ людей удочками, пускаемыми съ неба.—Центромъ небесной земли считается полярная звѣзда — тлы-нгаур̆ 'небесное брюхо'.

30 *(стр. 73)*. Нгһа-рур — букв.: 'звѣриное мясо'.

31 *(стр. 77)*. 'Того старика убилъ', т. е. того старика, который измѣннически пустилъ его въ неизвѣстное море.

32 *(стр. 81)*. 'Нашъ Гилякъ умеръ', т. е. упалъ замертво съ нашей точки

зрѣнія, но, по мнѣнію пѣвца, онъ дѣйствительно умеръ, а если потомъ все таки снова ожилъ, то это потому, что волшебной силой нашего героя душа его снова вернулась въ тѣло.

33 *(стр. 81)*. Ḥунывхарңа̊ — букв.: 'послѣ того какъ они, т. е. хозяинъ и его люди, долго пробыли *въ юртѣ*'.

34 *(стр. 91 и слѣд.)*. Букв.: 'вышедши, въ амбаръ взобравшись, закуску приготовивъ, принесши, меня накорми!'

35 *(стр. 94)*. Чхнај—'фигура'.—Всякое изображеніе (чхнај) имѣетъ душу того цѣлаго или части живого существа, на подобіе котораго оно сдѣлано. Но сверхъ того чхнај можетъ еще имѣть и сверхъестественную силу и способности: можетъ исцѣлять отъ болѣзни, передавать порученія къ божествамъ, исполнять приказы своего хозяина и т. д. Все зависитъ отъ того, какъ и изъ чего сдѣлать чхнај. Такъ, напр., свинцовая фигурка человѣка, повѣшенная на груди, излѣчиваетъ отъ чахотки; деревянное изваяніе желудка исцѣляетъ отъ болѣзней желудка и т. д. Всего легче сдѣлать чхнај, посылаемыхъ къ богамъ: стоитъ только застружить деревяшку, сдѣлать на ней нѣсколько зарубокъ и смазать губы чѣмъ-нибудь вкуснымъ, напр., кровью.

36 *(стр. 95)*. 'Эта фигура голову подняла'.— Одна изъ сдѣланныхъ Гилякомъ восьми фигуръ была старшая по сану между ними и ихъ начальникомъ. Она-то и подняла голову въ знакъ послушанія.

37 *(стр. 97)*. Райх—'буда', маньчжурское пшено.

38 *(стр. 99)*. 'Возлѣ своего дома находятся', т. е. возлѣ дома, гдѣ осталась мать нашего Гиляка.

39 *(стр. 103)*. 'Много нарубивъ, меня сожги'.—Гиляки сожигаютъ своихъ покойниковъ. Чѣмъ больше дровъ на погребальномъ кострѣ, тѣмъ лучше для души покойника и тѣмъ хуже для злого духа, съѣдавшаго покойника во время болѣзни.

40 *(стр. 107)*. Пах-пуӀунк—'каменный кастетъ'.—Каменныя орудія уже давно вышли изъ употребленія у Гилякъ, но и теперь, среди находимыхъ на территоріи Гилякъ орудій каменнаго вѣка, попадаются округленные оббитые камни (кастеты) изъ туфа, пробуравленные насквозь; съ обѣихъ сторонъ вокругъ отверстія выбиты выемки для того, чтобы кастеты удобно было держать въ рукѣ и наносить удары.— Отверстіе служило для того, чтобы, продѣвъ веревку, наносить удары издали. Кастеты могли служить и метательнымъ оружіемъ. Въ новѣйшее время пуӀунк'и дѣлались изъ желѣза, но теперь уже выходятъ изъ употребленія.

41 *(стр. 108)*. 'Желѣзнаго оленя взялъ'.—Олени занимаютъ почетное мѣсто въ пантеонѣ животныхъ. Они тоже живутъ своимъ племенемъ и имѣютъ особаго хозяина. На оленѣ богъ вселенной, Куӯың, объѣзжалъ островъ, приводя его въ нынѣшній видъ, и когда олень этотъ палъ, отъ него образовалась гора Лаӯ-во-паӀ.

42 *(стр. 113)*. Јупхарта́—букв.: 'связали' (безличная форма).

43 *(стр. 120)*. Паз̀ӯ-ах-пиң-таф-тох—букв.: 'въ юрту, находившуюся въ концѣ *одной* половины (*стороны*) *улицы*'.

44 *(стр. 130 и слѣд.)*. 'Съ его женой медвѣдь одинъ спалъ'. — Медвѣдь, конечно, былъ 'горный человѣкъ'. Похищеніе женщины медвѣдемъ считается Гиляками явленіемъ совершенно въ порядкѣ вещей. Смерть женщины часто объясняютъ любовью къ ней медвѣдя.

45 *(стр. 133)*. 'Елку одну срубилъ, фигуру сдѣлалъ'.—Для совершенія такого

подвига, какъ превращеніе юрты Гиляка въ желѣзную, потребовалось сдѣлать соотвѣтственныхъ размѣровъ фигуру изъ цѣлаго дерева.—Туск—Abies ajanensis.

3.

Мытқың еӈlаң ҵаҳр̆.

Мытқың еӈlаң ҵаҳр̆ ḥунывыт; кыlыфтох мін-а-ра́ ḥаӈ таф піт ḥунывыт. Ḥунывыфке́ lылы ḥеқтох ніӈывыӈ-ау ӄхоат. Мызн еӈlуӈкун піӷгынд тык-waj тулкут jугыт піӷгыт ḥунывыт. Ḥунывыфке́ кінр̆ ӈеныӈ jугыр̆: «Туӈ тав-ынкр̆ ӈha івнд-lу? Нафхуно́, jугын наныгынта́!» Ах пфоliот jугыт івыв-тхых ізн наныгыро́-те́рнд. Ҵай ніныӈ jугыр̆ тык-waj-ух ізн наныгыт інтыт; ӈеныӈ кусіт іхут іӈінт, ḥато́т ḥуӈ унірккхун кузіт віаха́рыт. Мізн еӈlуӈкун кузіт lырыхарт; кенг ары́ кучнга́ jугыт; пасх-хін wajхот ӄхохарыт. Ӄхото́т озіт пхымр̆тох ӄхат інтыт: ма-ӈе́х ḥунгур̆; пасх-гін хгет іӈінд. Іӈто́т твіт кузіт lырыфке́. Ijа́сх шамі тывыр̆: «Ака́, аіі~хунд тоӆ-мілк пшыіфуӈ-гра́! Ака́, піӷнате́!» Теӈыт прафтох jугыт тык-waj рулкут піӷгыт. Ḥу мілк теӈар̆ тафті пір̆: «Туӈ таф-ункр̆ ӈha івнд-lу? Шампа́ӷгун jугіра́? Шы-хуты́ мачікӈы́! Шампа́ӷгун jугіра́?» Ізн таф зоосхур̆ jугр̆, ізн наныгыро́

Трое мальчиковъ.

Маленькихъ мальчиковъ трое жило; *въ юртѣ* длиною въ восемь саженъ, въ такой юртѣ жили. *Послѣ того какъ они* долго *такъ* жили, прямо *тамъ*, (*въ лѣсу*) человѣческіе голоса послышались. Наши мальчики спрятались, подъ нары залѣзли, спустились, спрятавшись лежали. *Послѣ того какъ они* долго лежали, чортъ одинъ вошелъ: «Въ этой юртѣ звѣрь есть-ли? Товарищи, зайдемъ, поищемъ!» Вотъ собрались, вошли, поверхъ наръ ихъ искали-искали, *найти* не могли. Еще одинъ вошелъ, подъ нарами ихъ искали, нашли; одного вытащили, убили, съѣли, потомъ эти людоѣды вышли, совсѣмъ ушли. Наши мальчики *на дворъ* вышли, *все время* играли; солнце какъ только закатилось, *они въ юрту* вошли; оба брата на одной постелькѣ *улеглись*, долго спали. Выспавшись встали, къ своей полкѣ добрались, посмотрѣли: юкола одна лежала; братья взяли, ѣли. Поѣвши, кончили, вышли, долго играли. Младшій братъ внизъ (*на море*) посмотрѣлъ: «О братъ, вотъ морскіе черти приближаются! О братъ, спрячемся!» Вернулись, въ свою юрту вошли, подъ нары залѣзли, спрятались. Тотъ чортъ *съ берега* поднялся, въ сѣняхъ сталъ: «Въ этой юртѣ звѣрь есть-ли? Какъ забраться? Дверное отверстіе крошечное! Какъ забраться?» *Онъ* ихъ юрту взломалъ, вошелъ,

-тéрыӈ, кузіӈ-віӈ. Мізи еӈlуԓкун ҷай кузіт lырыфкé, ијáсх ітӈ: «Ћalá, hēхоԓ хомӈтох маӈын lырнатé!» Ах угрыт маӈыт lырыфкé. Кхаи-чо ѝан муӈ теӈынкут інтыт хгет ініит. Пі кржызиӷ теӈыт прафтох jугыт, ан пасх-хін wajхут кхот. Ћымпáт татн озиӷ іáсх піla-ні́ӈывыԓ муӈ, ијáкі піla-ні́ӈывыԓ муӈ. Іáкі ітӈ: «Ћalá, вінатé! Чі мів-ԓáчх-ах-тох віӈ аиӈej кеjá, ні міф-чóԓгӈ-ах-тох він аиӈej кеіндрá; Ћанóн пшыхajнáн чхыф наныгын іхун ініна́, іаԓгӈ наныгын іхун ініна́! Ћанатé!» Іáкі ѐтарá іáсх ѐтарá, Ћат кузіт, кхах кетá пунд гетá. Ћатóт іáкі міф-чóԓгӈ-ах-ерхн-тох вірá, іáсх мів-ԓáчх-ах-ерхн-тох вірá. Іáсх віфкé; піlаԓ чхыв ѝан Ћунывыӈ. Ћуԓ чхыф пхиѓа сівуӈ, озикуӈ; інтыиӷ.... ніӈывыԓ! Ћу ніӈывыԓ ітӈ: «Ћalá, угрын ѝрафтох вінатé!» Угрыт віфкé; піlаԓ тав-ѝáхӈ Ћунывыӈ. Ычіх ѐеныԓ Ћунывыӈ, Ћуԓ ычіх озіӈ: «Антхá, шакрух пшынд-нá?» Мыз-ні́ӈывыԓ ітӈ: «Ћalá! ні nal-Ћытá-воныԓтá, аиӈej наныгыт пшындрá!» Ћуԓ ычіх ітӈ: «Ћalá, иӈаныԓ тівра́, ѝшу хызрá віjá; іхымыӈ накскыс феӈкхáіӈ jангах ѐеԓкршajá!» Мыз-ні́ӈывыԓ: «Ћыԓкá!» Кузіӈ ja-ӷáныԓ гера́, ja-шý хгерá, jанг-пáкс хгерá, феӈкхáіӈ jангах ѐеԓкӈ. Віфкé ja-ӷáныԓ ѝерыӈ муӈ. Мыз-ні́ӈывыԓ амáмыӈ віфкé, мычкѝԓ

ихъ искалъ-искалъ, *найти* не могъ, убрался. Наши мальчики опять вышли, долго играли, *затѣмъ* младшій братъ сказалъ: «Давай, вонъ туда къ берегу спустившись, станемъ играть!» Вотъ *они* вмѣстѣ спустились, долго играли. Кунжу одну дохлую, на берегъ выброшенную, увидѣли, взяли, съѣли. Насытившись, они *съ берега* поднялись, въ свою юрту вошли, опять оба брата на одной постелькѣ спали. На другой день утромъ, когда они встали, младшій братъ взрослымъ человѣкомъ сталъ, старшій братъ взрослымъ человѣкомъ сталъ. Старшій братъ сказалъ: «Давай пойдемъ! Ты, къ краю Ноги Земли отправившись, жену возьми; я къ краю Головы Земли отправившись, жену возьму; потомъ, *когда назадъ* придемъ, медвѣдя поискавъ, убивъ, будемъ ѣсть; тюленя поискавъ, убивъ, будемъ ѣсть! Давай!» Старшій братъ одѣлся, младшій братъ одѣлся, такъ ушли, копья взявъ, луки взявъ. Потомъ старшій братъ по направленію къ краю Головы Земли отправился, младшій братъ по направленію къ краю Ноги Земли отправился. Младшій братъ долго ходилъ; большой медвѣдь одинъ встрѣтился. Этотъ медвѣдь свою шкуру снялъ, выпрямился; *тотъ когда* посмотрѣлъ..... человѣкъ!.. Этотъ человѣкъ сказалъ: «Давай, вмѣстѣ въ мою юрту пойдемъ!» Вмѣстѣ далеко пошли; большая юрта одна стояла. Старикъ одинъ *тамъ* былъ, этотъ старикъ поднялся: «О гость, ты откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Гм.! я изъ деревни что̀ по серединѣ бухты, жену искать пришелъ!» Этотъ старикъ сказалъ: «Вотъ мою собаку запряги, мою нарту возьми, поѣзжай; хорошенько прутомъ погоняй, ее бѣгомъ пусти!» Нашъ Гилякъ: «Ладно!» Вышелъ, его собаку взялъ, его нарту взялъ, его прутъ взялъ, погналъ, ее бѣгомъ пустилъ. *Послѣ того какъ*

-чны́р-таф-ӈакӄ̆тох југыӄ̆. Ӈајмӯӈ мам ӈеныӈ чо шаӄ̆ іӈіl іхымыӄ̆. Мыз̀-ӈі́ӷы- 30
выӈ јасхы́мыӄ̆ іӈіӄ̆. Ӈу мам ітӄ̆: «Рунд ӈі́ӷывыӈ-ат пшыӄ̆, ӈсо ӈасхы́мыӄ̆ іӈіnд? Ӈсо-у́ські́ чхыв наныгыӄ̆ Ӈіуӄ̆ ӈарјá!» Мыз̀-ӈі́ӷывыӈ ітӄ̆: «Ӈі іхlуӈы́! Шактох наныгыӄ̆á?» Ӈу мам ітӄ̆: «Віӄ̆ Ӈіуӄ̆ ӈарјá!» Мыз̀-ӈі́ӷывыӈ ітӄ̆: «Ӈыӈкá, ӈі чхыв наныгнóн пшын чаріndрá!» Мыз̀-ӈі́ӷывыӈ кузі̀ӄ̆ віфкé; тав -ӈáхӄ̆ Ӈунывыӄ̆; Ӈуӈ тафтох југнг̣á, ычі̀х ӈі̀ныӈ Ӈунывыӄ̆ хаз̀ шорá. Мыз̀-ӈі́ӷы- 35
выӈ ітӄ̆: «Чі чам-lуінынд-lы?» Ӈуӈ ычі̀х: «Ӈыӈкá, наух lунтатá, ныунг̣а ыӄ̆к lунтатá, кршӯнг̣а Ӈаіndрá!» Мыз̀-ӈі́ӷывыӈ ітӄ̆: «Ургӯӄ̆ lујá!» Ӈуӈ ычі̀х lуӄ̆ lуфкé ітӄ̆: «Ӈлыхрá, ӈерах пшыјá! Нарlаӷ ӈ̀ha пшыӈгрá, іхун рур ӈінатé!» Мыз̀-ӈі́ӷывыӈ ітӄ̆: «Ӈалá, ӈіхуіхáј тноxкыс̀ чупхарнóн чіных вііndрá!» Мыз̀ -ӈі́ӷывыӈ тнох кеӄ̆, јупхарóӄ̆ кузі̀ӄ̆-ві̀ӄ̆ віфкé; tollа́ӷ-ӄхој-ос̀-waj тівӄ̆ сар- 40
хуӄ̆ тамх-тáӄ̆, Ӈарóӄ̆ твіӄ̆. Ос̀іінг̣á кетвыӄ̆. Пшамк ноч̌ӄ̆ міф ӄхалыӄ̆. Ос̀іінг̣á ерáмк-сіӷ кетвыӄ̆. Ӈунывыфкé. Ӈыунг̣á чхуігыӄ̆ ӈан пшыӄ̆ ја-хікрá тівӄ̆ чеӄ̆: «Ӈыӈ-Ӈыӈ-Ӈыӈ! наӄ̆хаӄ̆ ӈехlунгá, кетвыӄ̆ Ӈунывынd-lá?» Ӈуӈ чхуігыӄ̆ маӷыӄ̆, іӄ̆пыфтох маӷыӄ̆ аӄ̆х̆. Мыз̀-ӈі́ӷывыӈ токӄ̆ віфкé; тав-мéӄ̆х̆ Ӈунывыӄ̆.

онъ долго ходилъ, его собака изнурившись подохла. Нашъ Гилякъ пѣшкомъ далеко пошелъ, въ маленькую травяную юрту одну пришелъ. Старушка одна рыбу жарила, ѣсть *ее* собиралась. Нашъ Гилякъ у нея *рыбу* отобралъ, 30
ѣсть *сталъ*. Эта старуха сказала: «Что это за человѣкъ пришелъ, рыбу мою у меня отобралъ, ѣстъ? За мою рыбу *ты* медвѣдя поискавъ, убивъ, меня накорми!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я боюсь! Гдѣ *его* искать стану?» Эта старуха сказала: «Иди, убей, меня накорми!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ну, ладно, я, медвѣдя поискавъ, пришедши, тебя накормлю». Нашъ Гилякъ вышелъ, далеко пошелъ; юрта одна стояла; когда онъ въ эту юрту вошелъ, старикъ одинъ *тамъ* былъ, бубенъ держалъ. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты 35
шаманить собираешься?» Этотъ старикъ: «Да, сегодня шаманить буду, попозже ночью шаманить буду, до разсвѣта буду!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Хорошенько шамань!» Этотъ старикъ шаманилъ, долго шаманилъ, *затѣмъ* воззвалъ: «О волкъ мой, ко мнѣ явись! Жирный звѣрь пришелъ, его убивъ, мясо будемъ ѣсть!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ну, если убить меня собираешься, *то я*, ремнемъ тебя связавъ, отъ тебя уйду!» Нашъ Гилякъ ремень взялъ, связавъ его пошелъ; далеко пошелъ; подъ толстой лиственницей 40
сѣлъ, отдыхалъ, табакъ курилъ, потомъ кончилъ. *Когда* онъ хотѣлъ подняться, *то оказалось, что онъ къ землѣ* прилипъ. *Онъ* свою руку опустилъ, *ею* о землю уперся. *Когда же хотѣлъ* подняться, его рука тоже прилипла. Долго *тамъ* сидѣлъ. *Когда* стемнѣло, филинъ одинъ явился, надъ нимъ сѣлъ, закричалъ: «Охъ, охъ, охъ! бѣдный сынъ мой, ты прилипши сидишь? Этотъ филинъ спустился, къ мѣсту сидѣнія его спустился, испражнился. Нашъ Гилякъ отлѣпился, далеко пошелъ; двѣ юрты стояли. *Когда онъ* въ одну

Ӈаӽ̆тох југнӑ̊ ӈајмӯ̊ мам нӥныӈ пхнаӽ̆-нӥӈывыӈ мхоӈ нӥӈывыӈ ӈунывт. Мыз̀-нӥӈывыӈ итӽ̆: «Чӥӈ јаӈынд тусӥпиндхун-нгӑ̊?» Ӈу нӥӈывыӈкун итд: «Ӈӥӈ ухмуіl ӈунывындхунтӑ!» Мыз̀-нӥӈывыӈ: «Рунд нӥӈывыӈтох ухмуінынхун-нгӑ̊?» Ӈу нӥӈывыӈкун итд: «Черах ухмујнындрӑ!» Мыз̀-нӥӈывыӈ итӽ̆: «Ӈыӈкӑ, кузӥн ухмунтӑ, нӥ ухмунд есмундрӑ!» Мыз̀-нӥӈывыӈ кузӥӽ̆, ӈу нӥӈывыӈкун кузӥт ухмуфкӗ, ізн сік кухӑрыӽ̆. Ӈуных віфкӗ, пілӑн нӧ-нӑӽ̆ вінгӑ̊, ӈу нӧрох мавыӽ̆, пнах-ранх нӗныӈ ӈунывыӽ̆. Ӈуӈ шанх кылаӈ-тӑјхыс̀ тамых таӽ̆. Мыз̀-нӥӈывыӈ ја-хомі-хӗ ӈупӽ̆. «Ронӥн тамх-танатӗ!» ӈаӽ̆ итӽ̆. Ӈуӈ шанх итӽ̆: «Паӽ̆к шамх тајӑ!» Мыз̀-нӥӈывыӈ итӽ̆: «Ӈалӑ, ронӥн тамх-танатӗ!» Ја-рӑј јасхымыӽ̆ ронӥӽ̆ тамых таӽ̆; рарӧӽ̆ твінгӑ̊, ӈуӈ шанх озӥӽ̆, ініnд-ныӽ̆ ініра́, ронӥнд ініnд, ӈатӧт твіт. Пакыв-а́інкут ча̀ј ӈуӈ шанх ініnд-ныӽ̆ ініра́ ронӥнд ініnд, ӈатӧт твіт. Ӈуӈ шанх тхуӽ̆ пызра́; wајхӯт ӄхот. Ӄхотӧт озӥт ӈуӈ шанх кузӥӽ̆; чӥрӧӽ̆ југнӑ̊: «Ычіха́, меӈ јахзуӈ ворох ншыт ӈуныныӈгра́!» Мыз̀-нӥӈывыӈ итӽ̆: «Ӈво-ра́! Пфорох чӥӈ тоӽ̆-ншындра́!» Ӈуӈ шанх итӽ̆: «Пымк-lо пытк-lо ншын-хаврн-тата́ ншынта́!» Мыз̀-нӥӈывыӈ итӽ̆: «Ӈахајрӧ! Пымк-афӽ̆ ншын-хавӽ̆-хајрӧ!» Мыз̀-нӥӈывыӈ кузӥӽ̆ прафтох

вошелъ, старушка одна, юношей десять человѣкъ тамъ находились. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Вы зачѣмъ тутъ находитесь?» Эти люди сказали: «Мы *для того чтобы* воевать здѣсь находимся!» Нашъ Гилякъ: «Съ какими людьми воевать собираетесь?» Эти люди сказали: «Съ тобою воевать собираемся!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ладно, выйдемъ, давайте воевать, я воевать люблю!» Нашъ Гилякъ *на дворъ* вышелъ, эти Гиляки вышли, долго воевали, онъ ихъ всѣхъ перебилъ. Отсюда *онъ* далеко пошелъ, къ большой свайной юртѣ одной пришелъ, въ эту юрту взобрался, молодая женщина одна тамъ была. Эта женщина изъ длинной трубки табакъ курила. Нашъ Гилякъ подлѣ нея сѣлъ. «Давай, вмѣстѣ станемъ курить!» такъ сказалъ. Эта женщина сказала: «Самъ свой табакъ кури!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ну, давай вмѣстѣ станемъ курить!» *Онъ* трубку у нея отобралъ, вмѣстѣ *съ ней* табакъ курилъ; *когда* покурилъ, кончилъ, эта женщина встала, закуску приготовивъ ѣла, вмѣстѣ ѣли, потомъ кончили. Когда вечеръ насталъ, опять эта женщина, закуску приготовивъ; ѣла, вмѣстѣ ѣли, потомъ кончили. Эта женщина постельку постлала; на одной постелькѣ спали. Выспавшись, встали, эта женщина *изъ юрты* вышла; помочившись, вошедши, *сказала*: «Мужъ *мой*, мы въ незнакомой деревнѣ очутились!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Это моя деревня! Я въ свою деревню васъ привезъ!» Эта женщина сказала: «Ни матери своей, ни отца своего не *успѣвъ* повидать, я пришла!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ничего! (Пусть!) Пусть ты своей матери хотя-бы и не повидала!» Нашъ Гилякъ вышелъ, къ юртѣ своей спустился,

маӈыр̆ jугыр̆; jугнӑ́ iа́кі уігі́р̆. Паӊ̆ӗjхун тор̆-ма́ӈыр̆ ізнах ӊунывнкур̆; пакі нанығыр̆ вір̆ віфкӗ́. Пілаӈ тор-раф ӊаӽ̆р̆ ӊунывыр̆. Ӊуӈ тафтох jугнӑ́, іа́кі ары́ мур̆ ӊунывыр̆. Мыз̀-нііӈывыӈ пакі керыр̆: «Чі jаӈр̆ ӊунывынд-на́? Урнкур̆ ӊхерjа́!» Іjа́кі ітр̆: «Уніркхун ӊевд ӊаівундра́!» Мыз̀-нііӈывыӈ пакі кер̆ кузір̆ віфкӗ́. Пілаӈ-тав-ӊа́ӽ̆р̆-тох вір̆ jугыр̆, пхнаӽ̆р̆-шанх ӊеныӈ ӊуны- 65
выр̆. Мыз̀-нііӈывыӈ ӊуӈ шанх кер̆ шор̆-пшы́р̆ пакі кімр̆. Ӊунывыфкӗ́ іа́кі чхыв нанығыр̆ вір̆. Віфкӗ́ чхыв ӊан ншыр̆, пундхыс̀ ӽаӽ̆р̆, ӊуӈ чхыф везр̆ -пшы́р̆ нахывы́р̆. Ары́ мунӑ́ пфорох пшыр̆; іа́сх jаіфкӗ́ jаӈах урнкур̆. Ӽаj вір̆ чхыв ӊан ншыр̆ пундхыс̀ ӽаӽ̆р̆, ӊуӈ чхыф везр̆-пшы́р̆, нахывыфкӗ́ іхур̆, сік ініхарыр̆. Іjа́сх пакі іхііро́-тёрыр̆. Ӊымпа́т нанығыр̆ вінӑ́, пакі ӊаніӈыф- 70
кун варк ншыр̆. Ӊуӈ чхыф везр̆-пшы́р̆. Мыз̀-нііӈывыӈ ӽхахкыс̀ еспр̆ ніур̆. Ӊуӈ чхыф ӊузух ӈах ajро́р̆ ӊуӈ чхыф-ӈах ӊуӈ чхыф-ӈахмі сір̆; пакі ӊаніӈыфкун ӈахмі сіра́. Ӊаро́р̆ ехыр̆ маӈыр̆ jугыр̆.... ніӈывыӈ ӊеныӈ jаӊ̆ӗj waіхор̆ ӊунывыр̆. Ӊу ніӈывыӈ чоӈгр̆ момпр̆ хгыір̆, клырох шор̆-кузір̆ іхур̆ выкызр̆. Пілаӈ кvхыс̀ чхаӽ̆р̆ таро́р̆ шор̆-jугыр̆, шувра́ паӊ̆ӗj керра́: «Ініnд-ныӈ 75

вошелъ; когда вошелъ, его старшаго брата не оказалось. *Онъ* родню своей жены привезъ, ихъ тутъ поселилъ; своего старшаго брата искать пошелъ, долго ходилъ. Большая зимняя юрта стояла. Когда онъ въ эту юрту вошелъ, его старшій братъ тутъ оказался, едва живой. Нашъ Гилякъ къ своему старшему брату обратился: «Ты чего тутъ сидишь? Хорошенько мнѣ разскажи!» Его старшій братъ сказалъ: «Людоѣды, меня поймавъ, у себя держатъ!» Нашъ Гилякъ своего старшаго брата забралъ, *изъ юрты* вышелъ, далеко пошелъ. Къ большой юртѣ одной пришелъ, вошелъ, молодая 65
женщина одна тамъ была. Нашъ Гилякъ эту женщину взялъ, принесъ, своему старшему брату отдалъ. Долго жили, *потомъ* старшій братъ медвѣдя искать пошелъ. Долго ходилъ, *затѣмъ*, медвѣдя одного увидѣвъ, изъ лука выстрѣлилъ, этотъ медвѣдь *на него* бросился, подмялъ *его*. Еле живой, *онъ* въ свою деревню пришелъ; младшій братъ его долго лѣчилъ, вылѣчилъ его. Снова пошелъ, медвѣдя одного увидѣлъ, изъ лука выстрѣлилъ, тотъ медвѣдь *на него* бросился, долго мялъ его, *наконецъ* убилъ, цѣликомъ съѣлъ. Младшій братъ своего старшаго брата ждалъ—ждалъ, не дождался. На 70
другой день, на поиски отправившись, *онъ* кости только своего брата нашелъ. Тотъ медвѣдь бросился *на него*. Нашъ Гилякъ, копьемъ ударивъ, уложилъ его. Тутъ же срубивъ клѣть, онъ въ эту (медвѣжью) клѣть,—внутрь этой (медвѣжьей) клѣти,—медвѣдя этого положилъ; кости своего старшаго брата *тоже* въ клѣть положилъ. Потомъ вернулся, *къ дому* спустился, вошелъ.... человѣкъ одинъ съ женой его на одной постелькѣ лежалъ. Этого человѣка, онъ, за голову схвативъ, поволокъ, на дворъ вынесъ, убилъ, бросилъ. Большимъ топоромъ дровъ нарубивъ, принесъ, сжегъ, 75
своей женѣ сказалъ: «Закуску приготовь, давайте покушаемъ!» Его жена

ін̀інатé!». Јаѝӈ̆ej ін̀інд-ны̆р; ін̀рóр̆ твір̆ кузір̆. Тыкнӷ́.... тол̀-н̀іӈ̆ывыцкун ухмуіl пшыіфут. Мыз̀-н̀іӈ̆ывыц пх̆ах керá пфунд герá кузір̆. Ізн пшыцкр̆ ухмуфкé, ізн сік кухарыр̆. Праптох југрá паѝӈ̆ej херыр̆: «Ћalá, тлырох макын тлы-н̀іӈ̆ывыӈ мунатé!» Паѝӈ̆ejхуну угрхáрт тлырох макт, пілáӈ 80 -тав-нáх̆р̆-тох віт. Југнӷ́ кенг-ызін'-н̀іӈ̆ывыӈ-тох віт; јавыт Ћунывындхун. Фуру́.

закуску приготовила; поѣвши, кончивъ, онъ *на дворъ* вышелъ. Посмотрѣлъ.... морскіе люди воевать идутъ. Нашъ Гилякъ, свое копье взявъ, свой лукъ взявъ, вышелъ. *Когда* они подошли, онъ долго съ ними сражался, ихъ всѣхъ перебилъ. Въ юрту вошедши, онъ своей женѣ сказалъ: «Давай, на небо взобравшись, небесными людьми сдѣлаемся!» Вмѣстѣ съ женой *и ея родней они* всѣ вмѣстѣ на небо поднялись, къ большой юртѣ одной пришли. Когда 80 они вошли, *то оказалось, что* къ людямъ хозяина солнца пришли; на ихъ иждивеніи тутъ жить стали. Конецъ.

Примѣчанія къ № 3.

1 *(стр. 1)*. Еӈ̆ланг—букв.: 'дитя' (безъ различія пола). Когда желаютъ точно опредѣлить полъ, употребляютъ выраженія: азмыч̀-еӈ̆ланг—'мальчикъ' и шанхеӈ̆ланг—'дѣвочка'.

2 *(стр. 2)*. А—гиляцкая мѣра длины, ручная сажень—разстояніе между оконечностями горизонтально вытянутыхъ рукъ. Выраженіе мін-а-рá представляетъ интересный примѣръ синтетизма и глагольнаго флектированія именъ: количественное числительное мін — 'восемь' слилось съ существительнымъ и оба вмѣстѣ приняли глагольное окончаніе ра.

3 *(стр. 4)*. Кінӈ̆ — синонимъ слова мілк — 'чортъ' (см. № 1, пр. 29). Первый терминъ болѣе употребителенъ въ Западномъ нарѣчіи. Въ данномъ случаѣ чортъ былъ изъ породы уѝірк'овъ—'людоѣдовъ' (см. № 1, пр. 15).

4 *(стр. 8)*. Пасх-хін — 'оба брата', букв.: 'вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ'. Другое дѣйствующее лицо (старшій братъ) пропущено: обычный оборотъ совмѣстности въ гиляцкомъ языкѣ.

5 *(стр. 9)*. Пхымр̆тох—'къ своей полкѣ'—Кымр̆—полки (въ родѣ открытаго шкафчика), помѣщающіяся обыкновенно на боковой нарѣ у стѣнки съ правой стороны отъ входа. На нихъ держатъ припасы и домашнюю утварь.

6 *(стр. 9)*. Ма—'юкола', русско-камчадальское названіе для всякой вяленой рыбы.

7 *(стр. 11)*. Теӈ̆ыт—букв.: 'поднялись', т. е. отъ рѣчки къ юртѣ, стоявшей на высокомъ берегу.

8 *(стр. 15)*. Кхаѝ-чо—'кунжа' (Salmo leucomaenis). —Дохлая кунжа оказалась волшебной пищей, превратившей мальчиковъ во взрослыхъ людей. Божествен-

ная кунжа намѣренно выбросилась на берегъ, чтобы спасти отъ голодной смерти безпомощныхъ дѣтей и обратить ихъ во взрослыхъ сильныхъ людей — характерный примѣръ идеи самопожертвованія боговъ для блага людей у первобытныхъ народовъ.

9 *(стр. 24)*. Старикъ этотъ былъ 'горный' человѣкъ.

10 *(стр. 26)*. 'Мою собаку запряги'. — Обыкновенно въ гиляцкую нарту (сани) запрягаютъ не менѣе 4—5 собакъ, но, повидимому, собаки 'горнаго' человѣка были не совсѣмъ обыкновенныя, и потому старикъ счелъ совершенно достаточнымъ запречь въ нарту гостя только одну собаку.

11 *(стр. 30)*. Чныр-таф—'травяная юрта', шалашъ, крытый осокой или цыновками изъ осоки. Такой типъ лѣтнихъ жилищъ встрѣчается только у Айновъ, по территоріи которыхъ (Нога Земли) нашъ Гилякъ (младшій братъ) странствуетъ въ поискахъ за женой.

12 *(стр. 35)*. Ха̀з шора́—'бубенъ держалъ'.—Бубенъ—обычная принадлежность камланія. Гиляцкій бубенъ эллипсоидальной формы, обтягивается обыкновенно рыбьей кожей. Палочка ударная обтягивается мѣхомъ зайца или кабарги.

13 *(стр. 38)*. Ӈлыхра́—'о волкъ мой!'.—Каждый шаманъ имѣетъ своихъ спеціальныхъ божественныхъ покровителей (кехӈ, кеӯӈ), которые ему помогаютъ въ его дѣятельности, исполняя всякія порученія его при лѣченіи болѣзней, предсказываніи будущаго, борьбѣ съ врагами и т. д. Чаще всего такими кеӯӈ являются представители животнаго міра: птицы, звѣри, морскія животныя и т. д. Обыкновенно шаманъ получаетъ своихъ кеӯӈ по наслѣдству отъ отца, дяди или дѣда, но нерѣдко онъ ихъ благопріобрѣтаетъ и самостоятельно, заслуживъ чѣмъ-нибудь милость того или другого божественнаго существа. Вотъ этихъ-то кеӯӈ шаманъ и призываетъ во время камланія. — Волкъ былъ кеӯӈ нашего старика-шамана, который, будучи уӈӣр'омъ (людоѣдомъ), призвалъ своего кеӯӈ на помощь, чтобы убить Гиляка и съѣсть его мясо.

14 *(стр. 41, 42)*. 'Когда онъ хотѣлъ подняться, то оказалось, что онъ прилипъ'. — Несчастіе это нашъ Гилякъ навлекъ на себя, благодаря мести шамана.

15 *(стр. 42)*. Филинъ въ гиляцкой миѳологіи играетъ всегда роль благодѣтельнаго генія. Въ данномъ случаѣ филинъ былъ кеӯӈ нашего Гиляка, полученный имъ отъ кого-нибудь изъ своихъ предковъ, хотя судя по тому, что филинъ называетъ его своимъ сыномъ, можно также предположить, что это былъ духъ его отца: въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, если человѣкъ умираетъ отъ раны, нанесенной оружіемъ) душа, вмѣсто того, чтобы отправиться въ селеніе мертвыхъ, обращается въ птицу, чаще всего въ ночную, и ночью кричитъ съ деревьевъ.

16 *(стр. 50)*. Свайныя постройки (ӈо) первоначально служили только амбарами для храненія запасовъ сушеной рыбы. Благодаря возвышенному положенію амбаровъ надъ землей, рыба находится въ полной безопасности отъ собакъ и всякихъ лѣсныхъ хищниковъ. Впослѣдствіи, кромѣ амбаровъ на сваяхъ, стали строить и лѣтнія жилища по тому же типу: лѣтомъ такое жилище гарантируетъ отъ затопленій, а втеченіи зимы служитъ амбаромъ. Чтобы сдѣлать свайную постройку недоступной для хищниковъ, достаточно убрать лѣстницу (шестъ съ зарубками), ведущую въ помѣщеніе.

17 *(стр. 51)*. 'Изъ длинной трубки курила'. — Гиляки употребляютъ для куренія китайскія трубки. Для дѣвушекъ, особенно богатыхъ, покупаютъ трубки съ

длиннымъ чубукомъ и дорогимъ мундштукомъ. Длина чубука—признакъ богатства ея обладательницы.

18 *(стр. 53)*. 'Вмѣстѣ станемъ курить!' — Предложеніе женщинѣ курить вмѣстѣ изъ одной трубки (поочередно затягиваясь) означаетъ символическое предложеніе интимныхъ отношеній. Отказъ отъ совмѣстнаго куренія, наоборотъ, символъ того, что женщина отвергаетъ дерзкое предложеніе. Обычай этотъ коренится въ брачной процедурѣ confarreatio (см. № 1, пр. 49). Нѣжные супруги курятъ всегда вмѣстѣ изъ одной трубки поочередно.

19 *(стр. 56)*. 'Вмѣстѣ ѣли' — значитъ, дѣвушка согласилась стать женой нашего Гиляка.

20 *(стр. 57)*. 'Мы въ незнакомую деревню пришли'. — Пашъ Гилякъ волшебствомъ перенесъ жену въ свою родную деревню.

21 *(стр. 61)*. Пань̆ejхун—'родню своей жены', буквально: 'своихъ женъ', т. е. родныхъ и агнатныхъ сестеръ своей жены (которыхъ Гилякъ тоже называетъ ань̆ej — 'жена' и съ которыми имѣетъ право на половое общеніе) и остальную ея родню. Ср. № 1, пр. 52.

22 *(стр. 62)*. Зимнія юрты Гилякъ въ настоящее время двухъ типовъ: древняя землянка и юрта маньчжурскаго образца.

23 *(стр. 63)*. Ары́ муў—'еле живой', букв.: 'чуть-чуть не умеръ'.

24 *(стр. 70)*. 'Кости своего старшаго брата только нашелъ'.—Замѣчательна роль старшихъ братьевъ въ эпосѣ Гилякъ. Они постоянно оказываются неудачниками. Въ нашей поэмѣ старшій братъ, отправившись искать себѣ жену, попадаетъ въ руки людоѣда; его выручаетъ младшій братъ и онъ же достаетъ ему жену. Далѣе идутъ неудачи на охотѣ за медвѣдемъ, оканчивающіяся трагической смертью для неудачника. Такую же роль неудачника играетъ старшій братъ въ поэмѣ № 1.

25 *(стр. 72—73)*. 'Тутъ же срубивъ клѣть' и т. д. — Когда Гилякъ погибаетъ въ борьбѣ съ медвѣдемъ, возникаетъ обязанность для сородичей *отомстить* за него. Для этого отправляются по слѣдамъ за звѣремъ-убійцей и убиваютъ его. Если его настигнуть невозможно, то убиваютъ вмѣсто него двухъ другихъ. Затѣмъ строютъ большую клѣть изъ накатника, въ которую помѣщаютъ убитаго медвѣдя и на него усаживаютъ верхомъ Гиляка, ставшаго его жертвой. Если отъ человѣка остались однѣ только кости (какъ въ данномъ случаѣ), то ихъ кладутъ просто рядомъ съ медвѣдемъ въ клѣти. Втеченіи 3-хъ поколѣній два раза въ годъ сходятся сородичи и приносятъ жертвоприношенія, бьютъ собакъ и т. д. Убитый становится сородичемъ 'горнаго человѣка' и помогаетъ своимъ сородичамъ вмѣстѣ съ хозяиномъ медвѣдя, который выплачиваетъ виру за убитаго, посылая въ изобиліи цѣннаго звѣря.

26 *(стр. 74)*. 'Этого человѣка..... убилъ'. — Человѣка, застигнутаго in flagrante delicto съ женщиной, съ которой онъ не имѣетъ права на половое общеніе, мужъ имѣетъ право убивать на мѣстѣ. Женщина въ такихъ случаяхъ, даже въ случаѣ явной вины съ ея стороны, отдѣлывается только болѣе или менѣе внушительными побоями: убивать ее убыточно, потому-что она куплена за дорогой калымъ.

27 *(стр. 80)*. 'Къ людямъ хозяина солнца пришли', т. е. къ сородичамъ хозяина солнца. — Солнце, по представленіямъ Гилякъ, антропоморфное существо, живущее своимъ родомъ на небѣ. Терминъ «хозяинъ» совершенно соотвѣтствуетъ такому же термину гиляцкаго быта. Гиляки не знаютъ никакой патріархальной

власти; хозяиномъ (ызiг) называется наиболѣе богатый сородичъ, а богатство—синонимъ силы, храбрости, ума, благородства, ловкости, благоволенія боговъ и т. д. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, такой человѣкъ тѣмъ не менѣе не имѣетъ никакихъ особенныхъ правъ надъ своими менѣе одаренными и потому и менѣе богатыми сородичами. У первобытныхъ народовъ богатство—результатъ личныхъ достоинствъ. — Видимое солнце — домъ человѣкоподобнаго солнца. По другому повѣрью, солнце — то мужъ, то жена луны.

4.

Шанх меныӈ азмыч̀ ӈ̀иныӈ.

Шанх меныӈ аз̀мыч̀ ӈ̀иныӈ ч̀ахр̆ вавыхарт ӈунывыпд, пiлаӈ таф пiт. Нанаханд ыр̆к-зiнг муӻыв-чiнг потр̆кыс̀ ӈунывыр̆. Мыз̀-ӈ̀iӻывыӈ iтр̆: «Ӈ̀i ер̆-lо iр̆ӈ-lо паныгын вiiндра́; тама́н ӈунывын ӈ̀iхве́! Ӈ̀iӻывыӈ пхеiха́j к̀ерве́!» Мыз̀-ӈ̀iӻывыӈ в̀етара́, ӈаро́р̆ твiнга́, поитх гера́, тамых тара́, ӈаро́р̆ твiнга́ кузiр̆, к̆хах кера́, пунд гера́, лыгнi р̆жы-ӈ̀ен̆ кер̆ ирра́ вiфке́. Ычiх ӈ̀еныӈ ӈунывыр̆ чо к̀ер̆хор̆. Мыз̀-ӈ̀iӻывыӈ је-ле́фтох вiнга́ ӈуӈ ычх iтр̆: «Антха̀, ӈ̀ерах пшыjá!» Мыз̀-ӈ̀iӻывыщ ерах вiр̆, ӈуӈ ычх iтр̆: «Нафха́, чi ӈ̀акрух пшы-ӈ̀iӻывыӈ-ца?» Мыз̀-ӈ̀iӻывыщ iтр̆: «Ӈ̀i nal-ӈыта́-воныӈ-та́, ер̆ -lо iр̆ӈ-lо паныгыт пшындра́!» ӈуӈ ычх iтр̆: «Чер̆ тафк мундра́, чiр̆ӈ пыр̆к мор̆ха́р̆ ӈупывыпдра́!» Мыз̀-ӈ̀iӻывыӈ iтр̆: «Пар̆к мунд-lы? Ӈ̀iӻывыщ iхунд-

---

Женщины двѣ, мужчина одинъ.

Женщины двѣ, мужчина одинъ, втроемъ вмѣстѣ жили, въ большой юртѣ жили. Старшая сестра день и ночь *все* шила. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я отца и мать искать пойду; вы, никуда не отлучаясь, меня дожидайтесь! Если человѣкъ васъ взять *пожелаетъ*, откажитесь!» Нашъ Гилякъ одѣваться *сталъ*, потомъ кончивъ, свой кисетъ взялъ, табаку покурилъ, потомъ кончивъ вышелъ, копье взялъ, лукъ взялъ, котиковыя, негидальскія лыжи взявъ одѣлъ, далеко пошелъ. Старикъ одинъ сидѣлъ, рыбу крючкомъ ловилъ. *Когда* нашъ Гилякъ къ нему близко (къ его мѣсту) подошелъ, этотъ старикъ сказалъ: «О гость, ко мнѣ подойди!» Нашъ Гилякъ къ нему подошелъ, этотъ старикъ сказалъ: «О другъ, ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я житель деревни, *что по* серединѣ бухты, отца и мать искать пришелъ!» Этотъ старикъ сказалъ: «Твой отецъ давно умеръ, твоя мать только въ живыхъ осталась!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Самъ по-

ӏы?» Ӈуӈ ыӵх ітӽ: «Ӈіӈывын ӡат іхундра́!» Мыӡ-ӈіӈывын ітӽ: «Ӈала́, угры́н вінате́!» Ӈуӈ ыӵх: «Ӈыӈка́!» Угры́т віфке́. Во-ӈа́хӽ ӈунывыӽ, ӈу ворох віт. Паӡӽ-ах-піӈ-таф-тох југиӈа́, ыӵх меныӈ мам меныӈ ипаӽ-шанх неӈӈ пхнаӽ-ӈіӈывын тоӽ ӈіӈывын ӈунывыт. Ӈуӈ ыӵх озіӽ: «Чі ша-воӈ-ӈа́?» Мыӡ-ӈіӈывын ітӽ: «Ӈі пал-ӈіӈывыӈ-та́! Чіӈ pal-ӈыта́-воныӈ-ыӵх ку-ӏо?» Ӈуӈ ыӵх: «Ӈыӈка́, махтурта́!» Мыӡ-ӈіӈывыӈ: «Ӈі чехӏуиӷкун тон ӏеріндра́, ӈіӈывыӈ-ӏернд сікрох ӏеріндра́!» Ӈуӈ ыӵх: «Ӈыӈка́, олхуна́, ӈі-пхна́ӽвуӏ -ӏехырыиӷ-ва́т-пунд тоӽ-југын ту ӈіӈывыӈах іӽлыигынта́!» Іехӏуиӷкун кузіт хгет шоӽ-југыт јорут. Мыӡ-ӈіӈывын іӽлыӽ соӈхӽ. Ӈуӈ ыӵх ітӽ: «Ӈіӈывын весхарын енојё!» Мыӡ-ӈіӈывыӈ: «Hal-ӈыта́-воныӈ-мам шас-піид-ӈа́?» Ӈуӈ ыӵх ітӽ: «Ё-е-аӈӈ ӈуӽкмі піндра́! Олхуна́, ӄап хгусіве́!» Іехӏуиӷкун ӄат хгусіт. Ӈу мам ітӽ: «Ӈехӏуиӷ шшынд-ӏы?» Мыӡ-ӈіӈывын ітӽ: «Ӈыӈка́, ӈі шшындра́, чыӵх јанко́?» Ӈу мам ітӽ: «Ӈі-ыӵх ӈундхун ӡат іхундхунта́!» Мыӡ-ӈіӈывын ітӽ: «Јаӈынд ӈеӽ кундхун-ӈа?» Ӈуӈ ыӵх ітӽ: «Кінӽ-теӈикут іхундра́!» Ӈу мам ітӽ: «Чаӏрандхуниа́! Ола́, кыха́ј, ізн сік хуја́!» Мыӡ-ӈіӈывын ітӽ: «Ухму́ӏ шшындра́!» Ӈуӈ ыӵх ітӽ: «Ухму́ӏ шшыха́ј, hала́-мах ухмун-

---

меръ-ли? Люди-ли его убили?» Этотъ старикъ сказалъ: «Люди колотили, убили его!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Давай, вмѣстѣ пойдемъ!» Этотъ старикъ: «Ладно!» Вмѣстѣ далеко пошли. Деревня одна стояла, въ эту деревню пошли. *Когда* они вошли въ крайнюю юрту, тамъ находились два старика, двѣ старухи, молодая женщина невѣстка, юношей пять человѣкъ. Старикъ этотъ поднялся: «Ты изъ какой деревни?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я горный человѣкъ! *Это* вы старика, жителя деревни, *что* по серединѣ бухты, убили?» Этотъ старикъ: «Да, правда!» Нашъ Гилякъ: «Твоихъ дѣтей взявъ, *съ ними* играть буду, всѣ гиляцкія игры буду играть!» Этотъ старикъ: «Ладно! ребята, мой желѣзный лукъ, *которымъ я* игралъ въ молодости, принесите, этого человѣка натянуть его заставимъ!» Его сыновья вышли, взяли, принесли, согнули его. Нашъ Гилякъ натянулъ его, сломалъ. Этотъ старикъ сказалъ: «Могучій человѣкъ, ой, ой, ой!» Нашъ Гилякъ: «Старуха, жительница деревни, что по срединѣ бухты, гдѣ находится?» Этотъ старикъ сказалъ: «Вонъ тамъ подъ краемъ нары лежитъ! Ребята, идите, вытащите *её*!» Его сыновья пошли, вытащили *её*. Эта старуха сказала: «Сынъ мой пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Да, я пришелъ, а старикъ твой гдѣ?» Эта старуха сказала: «Моего старика *вотъ* эти колотили, убили.» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Почему моего отца убили?» Этотъ старикъ сказалъ: «*Потому-что* сумашедшій былъ, мы убили его!» Эта старуха сказала: «Они солгали! Сынъ *мой*, если ты сильнѣе, ихъ всѣхъ убей!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «*Я* воевать пришелъ!» Этотъ старикъ сказалъ: «Если ты воевать пришелъ,

тá! Олхунá, пфундхун-lо пхахкун-lо хгевé!» Iéхlуңкун кузіт ӄхахкун-lо пфундхун-lо кет jорутá. «Ћalвé, ухмунтá!» Мыз-ңіӈывың ітӽ: «Нукvé, ңах iкуcтох кузукиóн ухмунтá!» Мыз-ңіӈывың lаӽх ваӽк керá, пшорпыңг кемруӽ jеӽрá кузіӽ, пфунд герá, пхах герá, пфунд оруррá, пундхыс iзи хаӽ, ычіх ңеның хаӽ iхуӽ. Ухмуфкé iзи сік кухáрыӽ, тафтох jугыӽ, jіӽң хгеӽ ваӽ шоӽ-вíӽ, прафтох віӽ. Jугңá jео-рáнӽ наӈанд уігíӽ. Ћу мам: «Олá, тнаных ӣактох вінд-нá?» Ћуң шанх ітӽ: «Наных пал-ңіӈывың хгеӽ шоӽ -віндрá!» Мыз-ңіӈывың ітӽ: «Ні аӽӈej напыгыш вііндрá! Ымá, тамыӽ ћуны- выӽ ніхjá!» Ӄхах керá пунд герá кузіӽ. Палерхнтох теӈафкé пілаӈ-пах -таф-ңаӽ-тох віӽ. Ћуң тавух шылыгын куты-рулк тывыӽ: ытытá, унíӽк малхохрá! Мыз-ңіӈывың ћуных віфкé, tollаг-ӄхоj-оc-waj тівӽ сархуӽ; тамх тарóӽ келá позіӽ. Ӄхорóӽ jаћӣіфунгá, ңіӈывың-ау ӄхó ~ ӽ! Озңá: ототá! унíӽк малхохрá! Унíӽк ћуң тавмі-фíӽ ћунывыӽ, walыхыcкыc jызвыт; ћунывыфкé; ыӽк ӄаӽ муӈыв ӄаӽ ћунывыӽ. Мыз-ңіӈывың ітӽ: «Ңоңгарн ңсівун ңах вінкvé!» Ћуң унíӽк ітӽ: «Пілаг wахajмі чіиндрá! Олхунá, сівун пілаг wахajмі чівé!» Ћуң унíӽкхун ишыт сівут, пілаг wахejмі

давай сейчасъ же станемъ воевать! Ребята, луки и копья возьмите!» Его сыновья вышли, копья и луки взяли, натянули.—«Давайте станемъ воевать!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Погодите, *послѣ того какъ* на дворъ выпустите меня, давайте воевать!» Нашъ Гилякъ, оставшись въ одной рубахѣ, засучивъ рукавъ *до локтя*, вышелъ, свой лукъ взялъ, свое копье взялъ, лукъ свой натянулъ, изъ лука выстрѣливъ, старика одного выстрѣломъ убилъ. *Послѣ того какъ они* долго воевали, онъ ихъ всѣхъ перебилъ, въ юрту вошелъ, свою мать взялъ, взваливъ на себя понесъ, въ свой домъ пришелъ. *Когда* они вошли, его старшей сестры не оказалось. Эта старуха (*къ младшей дочери*): «Дитя, твоя старшая сестра куда пошла?» Эта женщина сказала: «Старшую сестру горный человѣкъ взявъ унесъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я жену искать пойду! Матушка, не отлучаясь *никуда*, меня дожидайся!» Копье взялъ, лукъ взялъ, вышелъ. *Послѣ того какъ* въ гору долго поднимался, къ большой каменной юртѣ одной подошелъ. Въ открытое отверстіе этой юрты заглянулъ: ой, ой, ой, чертей много! Нашъ Гилякъ отсюда далеко пошелъ, подъ толстой лиственницей сѣлъ, отдыхалъ; табаку покуривъ, прилегъ (навзничъ легъ). *Когда* онъ выспался *и* сталъ просыпаться, *гулъ* человѣческихъ голосовъ послышался. Когда онъ всталъ: ой, ой, ой! чертей множество! Въ томъ чертовскомъ домѣ *онъ* очутился, къ цѣпи его привязали; *такъ* долго лежалъ; три ночи *и* три дня лежалъ. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Пожалуйста, отвязавъ меня, отпустите!» Тотъ чортъ (т. е. хозяинъ) сказалъ: «Въ большой ящикъ тебя положу! Ребята, отвязавъ въ большой ящикъ положите *его*!» Эти черти явились, сняли *съ цѣпи*, въ большой ящикъ

сіт хітіт ӡугут, ја-wа́јух тугу́р ічіт. Мыӡ-нӥ́ӷывың ітӽ: «Аӡха́! Хӑвхра́!» Ӈуӈ унӥ́ӽкхун: «Керыӽхыӽ-авӽ муіха́ј, мујá!» Мыӡ-нӥ́ӷывың ітӽ: «Туӈ унӥ́ӽкхун шамра́ӈгун ізн куіӷа?» Ах Іуӽ: «Ӈытк-кы̄ӡа́, пах-чхнајá, нӗрах пшыјá, туӈ унӥ́ӽкхун сік ізн тувӽ, ізн хухарјá!» Мыӡ-нӥ́ӷывың-пах-чхнај пӷыӽ, Ӈу wахеј зоосхуӽ. Мыӡ-нӥ́ӷывың кузіӽ, Іыӏы кӏырох кузіӽ. Ӈуӈ пах-чхнај ітӽ: «Туӈ-унӥ́ӽкхун-тугурух-толлаӷ-туӡк-пандӽ-мавыӽ, Ӈуӈ туӡк уӽ, ізн таф ӄхавӽ чооӡхынкјá!» Ӈуӈ-унӥ́ӽкхун-тугурух-туӡк-пандӽ-мавыӽ, Ӈуӈ туӡк уӽ, пај сік унӥ́ӽкхун мухартырӷа́, унӥ́ӽкхун-таф сік чооӡхыӽ. Мыӡ-нӥ́ӷывың Ӈуных віфке́, тав-на́ӽхӽтох віӽ. Југӷа́ Ӈајму́ӈ мам нӥ̈н Ӈуныввыӽ. Ӈу мам озіӽ інтыӽ: «Антх пшынд-Іы?» Ӈаӽ ітӽ. Мыӡ-нӥ́ӷывың ітӽ: «Ӈыӈка́, е...ехз̀...ух унӥ́ӽкхун ара́ піхункундра́, наф піӈгыт, черах пшынд-ра́!» Ӈу мам ітӽ: «Ола́, кырха́ј чхаӽ таја́!» Мыӡ-нӥ́ӷывың кузіӽ, чхаӽ таӽ, чхаӽ тарӧ́ӽ, шоӽ-југыӽ шувра́. Ӈу мам ітӽ: «Ола́, кырха́ј ӌах пеја́!» Мыӡ-нӥ́ӷывың тгк гера́ кузіӽ, ӌар-ӈаӽ маӷыӽ, ӌах перо́ӽ шоӽ-те́ӷыӽ, таftох шоӽ-југыӽ. Ӈу мам ітӽ: «Ола́, кырха́ј, ван вочра́, ӌар-маӽкра́, Іарӧ́ӽ ӗ-е-Ӈеӷ нӧрох теӷыӽ, тур кера́, ӈох гера́, шоӽ-ма́ӷыӽ јеӽ інӥја́!» Мыӡ-нӥ́ӷывың теӷаӽ, ӈох-Іо тур-Іо кеӽ шоӽ-ма́ӷыӽ, јерӧ́ӽ інӥ̈ӽ; інӧ́ӽ твіӽ кузіӽ. Віфке́ малхола́ӈ

положили, *надъ очагомъ* подвѣсили, подъ нимъ огонь развели. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ой, ой, ой! Печетъ!» Эти черти: «Если отъ обжоговъ помрешь, помирай!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Этихъ чертей какъ-бы мнѣ (ихъ) убить?» И онъ запѣлъ: «О божество моего отца, о каменный идолъ, ко мнѣ явись, чертей этихъ, всѣхъ ихъ на смерть сожги!» Каменный идолъ нашего Гиляка явился, ящикъ этотъ взломалъ. Нашъ Гилякъ вышелъ, прямо на дворъ вышелъ. Этотъ каменный идолъ сказалъ: «*Пустъ* толстая ель, выросшая изъ очага этихъ чертей, *пусть* эта ель загорится *и* ихъ домъ уничтожитъ огнемъ!» Изъ очага этихъ чертей выросшая ель загорѣлась, всѣ черти *до одного* подохли, домъ чертей весь былъ уничтоженъ. Нашъ Гилякъ отсюда далеко пошелъ, къ юртѣ одной пришелъ. Когда онъ вошелъ, старушка одна *тамъ* была. Эта старуха поднявшись посмотрѣла: «Гость пришелъ-ли?» такъ сказала. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Да, вонъ тамъ черти едва меня не убили, теперь я убѣжалъ, къ тебѣ пришелъ!» Эта старуха сказала: «Сынокъ, если ты голоденъ, дровъ наруби!» Нашъ Гилякъ вышелъ, дровъ нарубилъ, нарубивъ принесъ, зажегъ. Эта старуха сказала: «Если ты голоденъ, воды набери!» Нашъ Гилякъ, чумашку взявъ, вышелъ, за водой спустился, набравъ воды, понесъ, въ домъ принесъ. Эта старуха сказала: «Сынокъ, *если ты* голоденъ, котелъ *на очагъ* поставь, воды налей, потомъ вонъ въ тотъ амбаръ взберись, мяса возьми, жиру возьми, принеси, свари, ѣшь!» Нашъ Гилякъ взобрался въ *амбаръ*, жиру и мяса досталъ, принесъ, сварившъ ѣлъ; поѣвши кончилъ, ушелъ. *Послѣ того какъ онъ* долго шелъ,

-во-ӈахӳ-тох віӳ. Ӈуӈ тавух југыӳ, ычӏих ӥін быӳк ӈупывыӳ. Ӈуӈ ычӏх озіӳ ӈупрá, понтых геӳ, тамх тарá, ӈарóӳ твінгӧ: «Антхá, чі ша-воӈ-ӈá?»—«Ӥі ӈаl-ӈытá-воныӈтá, аӥӈӧеі наныгыт ӥшындрá!» Ӈуӈ ычӏх ітӳ: «Ӈалá, чі аӥӈӧеј наныгыӳ ӥшыхáј, ӥі-мӯхыс̀ угрын керхӈ-ӥіӈ-шанх-рох він хгенатé!» Мыз̀ -ӥіӈывыӈ ах віӳ віфкé. Ычӏих ӥеныӈ Ӈунывыӳ чо сèвӳ. Мыз̀-ӥіӈывыӈ ерах віӳ: «Ычӏихá, ӥшоӳ-віјá!» Ӈуӈ ычӏх: «Ӈыӈкá, угрын вінатé!» Ӈуӈ ычӏіх-кін угрыт віфкé. Пілáӈ-тав-ӈахӳ Ӈунывыӳ. Ӈуӈ тавух југӥгӧ, ычӏих ӥеныӈ мам ӥіныӈ Ӈаг Ӈунывынд, ӥхнаӳ-шанх ӥеныӈ месх-рамрá, wат малхохрá. Ӈуӈ ычӏих озіӳ: «Чі ӥакрух ӥшы-ӥіӈывыӈ?» Мыз̀-ӥіӈывыӈ ітӳ: «Ӥі ӈаl-ӈытá -воныӈтá, чехӏуг кеіl ӥшындрá!» Ах Ӈуӈ ычӏх ітӳ: «Олá, Ӈуӈ антх чхеіl ӥшындрá, јавјá!» Ӈуӈ шанх ітӳ: «Ӈыӈкá, јавіндрá!» Ӈуӈ ычӏіх ітӳ: «Верахкуná, інінд-ныӈ антх арвé!» Верахкуӥ ініӥнд-ныт антх арт. Мыз̀-ӥіӈывыӈкын паӥӈӧеј-хін ронінд ініӥнд. Ініӥтóт твіт ах паӥӈӧеј-хін угрыт віфкé. Пілáӈ -тав-ӈахӳ Ӈунывыӳ. Ӈуӈ тавтох југӥгӧ, ычӏих ӥін быӳк Ӈунывыӳ. Ӈуӈ ычӏіх озіӳ: «Антхá, чі ша-воӈ-ӈá?» Мыз̀-ӥіӈывыӈ: «Ӥі ӈаl-ӈытá-воныӈтá! Аӥ-ӈӧеј наныгыт ӥшындрá, тыніра́, ӥі-хгеӈ-шанх ургуӳ ыӈтыјá!» Ӈуӈ ычх ітӳ:

въ многолюдную деревню одну пришелъ. Въ юрту (эту) вошелъ, старикъ одинъ только оказался. Этотъ старикъ поднявшись сѣлъ, свой кисетъ досталъ, табакъ курилъ, потомъ кончивъ: «О гость, ты изъ какой деревни?» — «Я житель деревни, что̀ по срединѣ бухты, жену искать пришелъ!» Этотъ старикъ сказалъ: «Ну, если ты жену искать пришелъ, *то* па моей лодкѣ вмѣстѣ *давай* поѣдемъ къ женщинѣ, въ морѣ живущей, *и* возьмемъ *ее*!» Нашъ Гилякъ вотъ вышелъ, далеко пошелъ. Старикъ одинъ сидѣлъ, рыбу кололъ. Нашъ Гилякъ къ нему подошелъ: «Старикъ, меня съ собой возьми (повези)!» Этотъ старикъ: «Ладно, вмѣстѣ пойдемъ!» Съ этимъ старикомъ вмѣстѣ далеко пошли. Большая юрта одна стояла. Когда въ эту юрту вошли, старикъ одинъ, старуха одна тутъ были, *да* молодая женщина одна, мѣдныхъ побрякушекъ много *на ней было*, желѣзныхъ побрякушекъ много *было*. Этотъ старикъ поднялся: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я житель деревни, что̀ по серединѣ бухты, твою дочь *замужъ* взять пришелъ!» Вотъ этотъ старикъ сказалъ: «Дитя *мое*, этотъ гость тебя взять пришелъ, иди за него!» Эта женщина сказала: «Ладно, пойду за него!» Этотъ старикъ сказалъ: «*Эй* рабы, приготовьте закуску, гостя накормите!» Рабы приготовили закуску, гостя накормили. Нашъ Гилякъ вмѣстѣ съ женой своей сообща ѣли. Поѣвши, покончивъ, съ женой вмѣстѣ вотъ отправились. Большая юрта одна стояла. *Когда они* въ эту юрту вошли, старикъ одинъ только тамъ находился. Этотъ старикъ поднялся: «Гость, ты изъ какой деревни?» Нашъ Гилякъ: «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты! Жену искать ходилъ; вотъ это она, на мною взятую жену

«Чаӈӷej шапх урахра́!» Ӈуӈ ычіх кузіӣ, чхаӣ тара́, ӈарóӣ jугыӣ, ваӈ вочра́, раӽ ӈера́ jечӣ, ӈірн чіра́, ӏувӣ сіра́, ӈарóӣ хечӣ ізн арыӣ. Мыз-ӈіӷывыӈкын паӈӷej-хін роӈінд іӈінтóт твінг̊а́, пӈірн јачіт-іхымыт. Ӈуных кузіт віфке́. Пілáӈ-тав-ӈáхӣ-тох віт; југнг̊а́ мам ӈеныӈ Ӈунывыӣ. Ӈу мам ітӣ: «Ола́, чымк ах кыӣ-муіфуӈгра́, еӈнкуӣ віӣ чо наныгыӣ пымк арјá!» Мыз-ӈіӷывыӈ ӈузух кузіӣ віфке́. Пілáӈ-тав-ӈáхӣ-тох вінг̊а́ југнг̊а́, іы́мык Ӈунывра́, јеу-ра́нӣкун Ӈунывта́. Мыз-ӈіӷывыӈ ітӣ: «Ыма́, чі кыӣ-муіфу-ло?» Ііӣын ітӣ: «Ола́, праftох вінате́!» Мыз-ӈіӷывыӈ ітӣ: «Ӈала́, вінта́!» Ах праftох віт; чо наныгыта́ шоӣ-пшы́ӣ, піӣын арыра́. Ііӣӈ ітӣ: «Ӈіхохра́!»—«Ыма́, ӈі чхыф наныгын віындра́!» Мыз-ӈіӷывыӈ ӄхах гера́ пунд гера́ кузіӣ, ӽомӣтох маӷыӣ віфке́. Кеӈӈ ӈан теӈаӣ чхыв ӈан іӈіӣ. Ах ја-шоӄӣ-шóӄӣ-віӣ ӽаӣ. Ӈуӈ чхыф весӣ-пшы́ӣ. Перах пӣынкӣ еспӣ ӈіуӣ, млохыс татáнкӣ хгыіӣ шоӣ-пшы́ӣ. Ізрóӣ праftох шоӣ-југыӣ, јерóӣ јечра́. «Ыма, ӈі кев-ос-ворох цаӣх-цан віындра́!» Ах кузіӣ віфке́. Малхолáнг-во-ӈáхӣ-тох віӣ, ӈыта́-фіӈтаф-тох југыӣ: ытыта́! ӈі́ӷывыӈ малхохра́! Пхнаӣ-ӈіӷывыӈ ӈеныӈ ітӣ: «Нафха́, јаӈӣ пшынд-на́?» Мыз-ӈі́ӷывыӈ ітӣ: «Ӈі цаӣх-цат пшындра́!» Ӈу

хорошенько посмотри!» Этотъ старикъ сказалъ: «Твоя жена—женщина очень красивая!» Этотъ старикъ вышелъ, дровъ нарубилъ, потомъ вернулся, котелъ *на очагъ* поставилъ, будý сварилъ, снялъ *съ огня*, *въ* чашку наложилъ, ложку положилъ, потомъ подалъ, ихъ накормилъ. Нашъ Гилякъ и его жена, вмѣстѣ поѣвши, покончивъ, свою чашку возвратили. Отсюда вышли, далеко пошли. Къ большой юртѣ одной подошли; когда они вошли, старуха одна *тамъ* была. Эта старуха сказала: «Сынъ *мой*, твоя мать уже съ голоду умираетъ, поскорѣе иди, рыбы налови, свою мать накорми!» Нашъ Гилякъ отсюда вышелъ, далеко пошелъ. Когда онъ къ большой юртѣ одной пришелъ и вошелъ *туда*, *тамъ* его мать была, его сестры были. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Матушка, ты съ голоду умираешь?» Его мать сказала: «Сынъ *мой*, въ нашу юрту пойдемъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Давай, пойдемъ!» Вотъ въ свой домъ они пошли; рыбы наловили, принесъ, свою мать накормилъ. Его мать сказала: «*Я* предовольна!» — «Матушка, я медвѣдя искать пойду!» Нашъ Гилякъ, копье взявъ, лукъ взявъ, вышелъ, къ берегу спустился, далеко пошелъ. Кита одного выброшеннаго *на берегъ* медвѣдь (одинъ) поѣдалъ. Вотъ *онъ* къ нему подкрался, выстрѣлилъ. Этотъ медвѣдь бросился *на него*. Подпустивъ *его* къ себѣ, *копьемъ* кольнулъ, убилъ, цѣликомъ *на спину взваливъ* потащилъ, принесъ. Снявъ шкуру, въ свою юрту внесъ; сваривъ, снялъ *съ огня*. «Матушка, я въ деревню, что̀ вверхъ по рѣкѣ, за гостями пойду!» Вотъ онъ вышелъ, далеко пошелъ. Въ многолюдную деревню одну пришелъ, въ среднюю юрту вошелъ: ой, ой, ой, людей много! Юноша одинъ сказалъ: «Другъ, зачѣмъ пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я за

ӈіӷывыӈкун ітыт: «Ӈіӈ шӣаӈх ӈіӷывыӈ він ӈаӣх-муіндра́, чі аӄку́ ӈіӈ архáj черах ухмуіндра́!» Мыз-ӈíӷывыӈ ітӣ: «Ӈерах ухмуіхáj, наф ухмувé!» Ӈу ӈіӷывыӈкун ітыт: «Ӈыӈка́, ухмунта́!» Ах кузіт ухмуфкé ізн сік куӣ. Мыз -ӈíӷывыӈ ехыӣ-шшыӣ. Прафтох jугнг̊а́, іíӣӈ уігé, jео-ра́нӣкун уігé, івыв-ахӣ сік ӌоосхарыӣ. Кузіӣ тывнг̊а́: кінӣ ӈан пілаӈ wat-waxej jео-ра́нӣкун-lo іíӣӈ-lo waxajмі сір хгыіӣ шоӣ-вііфуӣ. Мыз-ӈíӷывыӈ пілаӈ ку хгеӣ шора́, іӣыӣ віфкé, jалыӣ, ja-зóӈхӣ кувӣ іхуӣ, Ӈу waxej зоосхуӣ, пео-ранӣ-lo піӣӈ-lo хгусіӣ. Іíӣӈ мура́, Ӈузух шувӣ выкызӣ, пео-ра́нӣкун тоӣ-шшыӣ. «Ӈі чіӈ ычíх паныгып вііндра́, тамы́н Ӈунывvé!» Мыз-ӈíӷывыӈ кузіӣ, чхаӣ тарóӣ, кучлых ітіӣ, Ӈуӈ тугур-мі-рох ӌакырыӣ маӷыӣ jугыӣ. Jео-ра́нӣ ӌар-ма́ркыӣ, Ӈуӈ тугур тошуӣ, пакі паныгыро́-те́рыӣ. Мыз-ӈíӷывыӈ тлырох маӷыӣ маӷыфкé. Тав-ӈа́хӣ-тох вінг̊а́, пхнаӣ-ӈіӷывыӈ ӈеныӈ Ӈунывыӣ. Мыз-ӈíӷывыӈ ітӣ: «Ӈала́, ӈворох маӷыӣ ӈео-ра́нӣкун хгеjа́!» Ӈу ӈіӷывыӈ ітӣ: «Ӈыӈка́, ӈі маӷіиндра́!» Мыз-ӈíӷывыӈ ітӣ: «Пат маӷjа́, ӈі аӈӷej паныгын вііндра́!» Ӈузух кузіӣ віфкé. Пілáӈ-ӈо-ӈа́хӣ Ӈунывыӣ. Ӈорох jугнг̊а́, пхнаӣ -шанх ӈеныӈ Ӈунывыӣ, поч-урахра́ меɔх-рамхра́ wat-рамхра́. Ах ja-ле́ф

гостями пришелъ!» Эти люди сказали: «Насъ сто человѣкъ пойдетъ, гостями будемъ, если плохо насъ накормишь, съ тобой воевать будемъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Если со мной воевать *хотите, то* сейчасъ воюйте!» Эти люди сказали: «Ладно, станемъ воевать!» Вотъ вышли, долго воевали, ихъ всѣхъ убилъ. Нашъ Гилякъ вернулся. Когда онъ въ свою юрту вошелъ, его матери не оказалось, его сестеръ не оказалось, и нары тоже совсѣмъ сломаны были. Вышелъ, осмотрѣлся: чортъ одинъ, въ большой желѣзный ящикъ его сестеръ и мать (въ ящикъ) положивъ, *на спину* взваливъ уноситъ. Нашъ Гилякъ большой топоръ взявъ понесъ, *долго* гнался, нагналъ, голову ему разрубилъ, убилъ, ящикъ этотъ разбилъ, своихъ сестеръ и свою мать вытащилъ. Его мать умерла, онъ тутъ *же* сжегъ *её*, бросилъ, своихъ сестеръ принесъ. «Я вамъ мужа искать пойду, никуда не отлучайтесь!» Нашъ Гилякъ вышелъ, дровъ нарубивъ, на дворѣ разложилъ огонь, въ этотъ огонь, подпрыгнувъ, бросился (спустившись, нырнулъ). Его сестра лила воду, огонь этотъ потушила, своего брата найти не могла. Нашъ Гилякъ на небо поднялся, долго поднимался. *Когда* онъ въ юрту одну пришелъ, юноша одинъ *тамъ* оказался. Нашъ Гилякъ сказалъ: «А ну-ка, въ мою деревню спустись, моихъ сестеръ *замужъ* возьми!» Тотъ человѣкъ сказалъ: «Ладно, я пойду (спущусь)!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Завтра пойди, я жену искать пойду!» Оттуда вышелъ, далеко пошелъ. Большой амбаръ одинъ стоялъ. *Когда онъ* въ амбаръ вошелъ, тамъ молодая женщина оказалась, очень красивая, мѣдныхъ побрякушекъ очень много было *на ней*, желѣзныхъ побрякушекъ очень много. Вотъ онъ подлѣ нея сѣлъ. Эта жен-

тівр. Ӈуӈ шанх ітр: «Антха́, кузір-віја́! Јаӈр ӈлсф тівнд-на́? Ӈычіх пшыр
110 чіхујныӈгра́!» Мыз-ӈіӈывыӈ: «Ӈі чхеіl пшындра́. Чычіх пшыха́ј, іхупо́н шувн выкызхаріндра́. Роӈіи тамх-танате́! Чі ӈавінд ке́рыха́ј, чупхарно́н чвапын шор-віиндра́!» Ӈуӈ шапх ітр: «Ӈычіх пшыр чіхуіндра́, чі кузір-віја́, јаӈр ӈунывынд-на́?» Мыз-ӈіӈывыӈ ітр: «Пшыхајро́, ӈі іхун выкызіндра́!» Мыз-ӈіӈывыӈ тамых таро́р твір кузір, тафты-фір ӈунывыр. Ӈекрухе́
115 пілаӈ tleylaӈ чхыф ӈан пшыіфур. Мыз-ӈіӈывыӈ: «Чхыва́, ӈі пшыт! Чаӈӈej кеіныт мерк нындра́!» Ӈуӈ чхыф умр веср-пшыр. Мыз-ӈіӈывыӈ ӽхахкыс еспр іхур тафтох југыр. «Ӈі чычх кундра́, кузір індыја́!» Ӈуӈ шанх ітр: «Чі чаӈранд! Ӈычіх пшыха́ј, чіхуіндра́!» Ӈуӈ шанх кузір; тыко́р југиа́ ітр: «Ніӈывыца́, ӈычіх кунд-ца́?» Черјора́. Мыз-ӈіӈывыӈ пнохкыс јупро́р,
120 вапыр шор-вір пфорох вір. Прафтох југиа́, іымӈі ӈунывра́, јаӈӈej ӈунывра́. Аӈӈej меныӈ ајвур ӈунывыр. Мыз-ӈіӈывыӈ пымӈі керыр: «Ӈalá, віја́, патух ехве́!» Іымӈі: «Ӈыӈка́, патух ехіндхунта́!» Мыз-ӈіӈывыӈ чхыв наныгыр віфке́. Сархур, вес ӈан пшыр чхар тівр. Ӈу вес чёр: «Ка ~ ах тлы-ӈіӈывыӈкун черах пат паӈјон маӈіныӈгра́, еӈнкур чхыв наныгыр
125 вірор, пшыр ӈунывја́!» Мыз-ӈіӈывыӈ ӈуных віфке́, мычкын-ӣ-ӈа́хртох

щина сказала: «Эй гость, убирайся! Зачѣмъ возлѣ меня сѣлъ? Мой мужъ,
110 пришедши, тебя убьетъ!» Нашъ Гилякъ: «Я взять тебя пришелъ. *Если* твой мужъ придетъ, *я*, убивъ его, сожгу, *во всѣ стороны* разбросаю. Давай вмѣстѣ табакъ курить! Если за меня замужъ идти не хочешь, *я*, тебя связавъ, на плечи взваливъ, *съ собой* унесу!» Эта женщина сказала: «Мой мужъ, *когда* придетъ, тебя убьетъ, ты убирайся, чего сидишь *тутъ*?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Пусть придетъ, я убивъ его брошу!» Нашъ Гилякъ, покуривъ табаку, кончивъ, вышелъ, въ сѣняхъ сидѣлъ. *Изъ мѣсу* (оттуда)
115 большой бѣлый медвѣдь приближался. Нашъ Гилякъ: «Эй, медвѣдь, я пришелъ! Собираясь взять твою жену, я дважды *съ ней* совокуплялся!» Этотъ медвѣдь разсердился, бросился *на него*. Нашъ Гилякъ, копьемъ ударивъ, убилъ *его*, въ юрту вошелъ. «Я твоего мужа убилъ, иди, посмотри!» Эта женщина сказала: «Ты лжешь! Мой мужъ, когда придетъ, тебя убьетъ!» Эта женщина вышла; посмотрѣвъ, вошедши сказала: «О Гилякъ, ты моего мужа убилъ?» Заплакала. Нашъ Гилякъ, связавъ *её* ремнемъ, на спинѣ унесъ,
120 въ свою деревню пошелъ. Когда въ свою юрту вошелъ, его зять тамъ былъ, его жена была. Двухъ женъ сталъ содержать. Нашъ Гилякъ своему зятю сказалъ: «Ну, иди обратно, завтра отправляйтесь!» Его зять: «Ладно, завтра обратно пойдемъ!» Нашъ Гилякъ медвѣдя искать далеко пошелъ. *Сѣлъ* отдохнуть, ворона одна явилась, на дерево сѣла. Эта ворона закаркала: «Ка...ка...ка... небесные люди къ тебѣ завтра воевать придутъ, по-
125 скорѣе, медвѣдя поискавъ, назадъ приходи!» Нашъ Гилякъ отсюда далеко

вĭр. Чхыв нан ӈусĕпĭр, чо нĭр-іхымыр. Мыз-нĭӈывыӈ ја-шок-шокр-вĭр, кхахкыс еспр ӈіур, млохыс вапыр шор-пшыр; јерор јечр, пымӈі арыр. Ымӈіхун іӈтот твіт, вап-рерт ехт-віт. Мыз-нĭӈывыӈ кхорор, ӈымпат озĭр іӈра, ӈарор твіӈа, пхах кера пфунд гера кузĭр. Клы-фĭр ӈунывыфке, тлы -нĭӈывыӈкун маӈіфут. Мыз-нĭӈывыӈ хымі ізи хар, ізи хафке, чахр нĭӈывыӈ мут кучіт. Ӈу нĭӈывыӈкун сік маӈыт ухмуфке, пај сік кухарыр. Мен нĭӈывыӈ морхат ехт-вісхарт. Мыз-нĭӈывыӈ пі-іху-нĭӈывыӈкун сік міф кызрор сіра, прафтох југыр, пфалыӈ кызіфке, пілаг-ват-раф-тох југыр. Ӈуӈ таф ычіх неныӈ ӈунывыр. Мыз-нĭӈывыӈ ітр: «Ні пшын ӈунывіндра!» Ӈуӈ ычіх ітр: «Ӈыӈка, ӈунывја!» Мыз-нĭӈывыӈ кузĭр, паӈӈејхун-ло пыныхун кер, југыт ӈунывындхун. Фуру.

пошелъ, къ маленькой рѣчкѣ одной пришелъ. Медвѣдь одинъ здѣсь былъ, рыбу пожиралъ. Нашъ Гилякъ, къ нему подкравшись, копьемъ ударивъ убилъ, цѣликомъ взваливъ *на плечи* принесъ его; сваривъ, снялъ *съ огня*, своего зятя кормилъ. Зять съ женами, послѣ того какъ поѣли, кончили, нагрузившись *котомками*, отправились обратно. Нашъ Гилякъ, выспавшись, на другой день всталъ, поѣлъ, потомъ кончивъ свое копье взялъ, свой лукъ взялъ, вышелъ. Послѣ того какъ онъ на дворѣ долго сидѣлъ, небесные люди стали спускаться. Нашъ Гилякъ вверхъ въ нихъ стрѣлялъ, въ нихъ *много разъ* стрѣлялъ, три человѣка мертвыми упали. Эти люди *тогда* всѣ спустились, долго воевали, *онъ* всѣхъ рѣшительно перебилъ. Двое живыми назадъ убрались. Нашъ Гилякъ имъ убитыхъ людей всѣхъ въ землю закопалъ, въ свою юрту вошелъ, *глубоко* въ полу сталъ копать, въ большую желѣзную юрту спустился. Въ этой юртѣ старикъ одинъ находился. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я пришедши здѣсь жить буду!» Этотъ старикъ сказалъ: «Ладно, живи!» Нашъ Гилякъ вышелъ, своихъ женъ, свое имущество взялъ, спустились *туда*, жили. Сказано.

Примѣчанія къ № 4.

1 *(стр. 1)*. Т. е., двѣ сестры съ братомъ.

2 *(стр. 4)*. 'Я своего отца и мать искать пойду'. — Исчезновеніе отца и матери нашего Гиляка произошло, вѣроятно, когда онъ еще былъ ребенкомъ, и только когда онъ сталъ взрослымъ, старшая сестра открыла ему печальную тайну, послѣ чего ему, по гиляцкому обычаю, предстояло отправиться на поиски и, если оказалось-бы, что они были убиты, то отомстить за нихъ.

3 *(стр. 4)*. Тамáн ӈунывын — 'никуда не отлучаясь', букв.: 'спокойно пребывая'.

4 *(стр. 6).* 'Котиковыя, негидальскія лыжи', т. е. лыжи, обитыя котиковой шкурой и сдѣланныя по образцу употребляемыхъ у племени Негда. Негидальскія лыжи, какъ и тунгусскія, отъ которыхъ онѣ ничѣмъ не отличаются, шире и длиннѣе гиляцкихъ и приспособлены для путешествій по гористымъ мѣстамъ; обыкновенно онѣ обшиваются оленьими лапками, котикомъ очень рѣдко. Гиляки употребляютъ для этой цѣли нерпичій мѣхъ.—Негда—тунгусское племя, обитающее по р. Амгуни и ея притокамъ.

5 *(стр. 18).* 'Всѣ гиляцкія игры буду играть'.—Главнѣйшія игры гиляцкой молодежи: фехтованіе на палкахъ, стрѣльба въ цѣль, борьба, бѣгъ взапуски, прыганіе черезъ веревку, скаканіе на одной ногѣ и т. п.—Состязаніемъ съ дѣтьми старика нашъ Гилякъ хотѣлъ показать свою силу и тѣмъ навести страхъ и лишить своихъ враговъ мужества въ предстоявшей битвѣ мести.

6 *(стр. 25).* Кінӯ-теӈынкут іхундра́—'*потому-что* сумашедшій былъ, мы уби́ли его', буквально: '*потому-что* чортъ взобрался *въ него*, мы убили его'. Судя по глаголу теӈынд—'снизу вверхъ взбираться', чортъ, производящій помѣшательство, принадлежитъ къ разряду подземныхъ (мів-мі̀лк, см. № 1, пр. 29). Старикъ имѣлъ основаніе оправдывать свое убійство сумашествіемъ убитаго, такъ какъ у Гилякъ, дѣйствительно, практикуется убиваніе буйныхъ сумашедшихъ. Иногда психически больныхъ запираютъ въ изолированной юртѣ и покидаютъ на произволъ судьбы.

7 *(стр. 27).* 'Я воевать пришелъ!'—Характерное восклицаніе, рисующее религіозную обязательность предварительнаго объявленія войны, совершенно тождественное съ лаконическимъ: «Иду на васъ!» Святослава.

8 *(стр. 46).* «Ӈытк-кыз̀а́, пах-чхнаја́...»—'о божество моего отца, о каменный идолъ'...—Гиляки не дѣлаютъ изваяній изъ камня, но за то всякій случайно найденный камень, напоминающій хоть сколько-нибудь фигуру человѣка или животнаго, считается драгоцѣннымъ фетишемъ, способнымъ покровительствовать и помогать его обладателю. Такимъ фетишемъ можетъ быть не только фигурный предметъ, но и всякая вещь, найденная при не совсѣмъ ординарныхъ обстоятельствахъ. Такъ напр., лоскутъ матеріи, найденный далеко въ тайгѣ подъ давно истлѣвшимъ деревомъ, былъ фетишемъ одного знакомаго Гиляка, который, по общему убѣжденію его единоплеменниковъ, только счастливой находкѣ своей былъ обязанъ всѣмъ своимъ богатствомъ.—Кыз̀, куӯ—общій терминъ для обозначенія и божества и вообще всякаго предмета, который, съ точки зрѣнія Гиляка, обладаетъ сверхъестественными свойствами. Часы съ ихъ таинственнымъ механизмомъ, копье, которымъ убито было много медвѣдей,—одинаково въ его глазахъ кыз̀. Происхожденіе этого термина можно отнести или къ гл. кунд, кынд—'дѣлать', или гл. кынд—'быть сильнымъ', такъ-что буквальное его значеніе: или творецъ, или сила. Интересно, что у тунгусскихъ племенъ кыс̀ тоже означаетъ божество, счастье. Заимствованіе предположить трудно.

9 *(стр. 49).* Пандӯ-маʁыӯ—'выросшая', букв.: 'родившись вверхъ поднялась'.

10 *(стр. 49).* Изъ того, что изъ очага людоѣдовъ выросла толстая ель, нужно заключить, что юрта ихъ находилась подъ землей, и обитатели были подземные черти (мів-мі̀лк).

11 *(стр. 64 и слѣд.).* Нашъ Гилякъ оставилъ безъ отвѣта предложеніе старика повезти его къ морской женщинѣ, угадавъ въ этомъ злой умыселъ, между

тѣмъ сейчасъ же послѣ этого инцидента онъ самъ довѣрчиво предлагаетъ случайно попавшемуся ему старику, коловшему рыбу, взять его съ собой. Этими двумя чертами подчеркивается сверхъестественная прозорливость нашего героя.

12 *(стр. 81)*. Чымк ах кыр̆-муіфунґра́—'твоя мать уже съ голоду умираетъ', букв.: 'начала умирать съ голоду'. Гл. кыр̆-муіфунд—'начинать съ голоду умирать' — одно изъ самыхъ употребительныхъ выраженій, такъ какъ періодическія голодовки чрезвычайно обычное, какъ-бы естественное явленіе въ гиляцкомъ быту. Одинъ мальчикъ, пришедшій ко мнѣ въ гости, на вопросъ, какъ онъ поживаетъ, отвѣтилъ самымъ обыкновеннымъ тономъ: «Ӈі кыр̆-муіфунґра́» — 'я съ голоду помираю'.

13 (*стр. 82, 83*). Мать и сестры нашего героя оказались въ чужой юртѣ, гдѣ они пользовались гостепріимствомъ во время голодовки.

14 (*стр. 85*). Напыгыта́ — 'наловили', т. е. онъ вмѣстѣ съ женой неводили.

15 (*стр. 87*). Кеӈ̆ӈ, также и кенг — 'китъ'. Но кенг значитъ и: 'солнце'. Омонимность или, по крайней мѣрѣ, близкое созвучіе въ названіяхъ для кита и солнца весьма знаменательно, вызывая интересныя сближенія съ миѳологіями другихъ народовъ, у которыхъ, какъ напримѣръ, у древнихъ Индусовъ, солнце (Indra) часто отождествлялось съ тѣмъ или другимъ животнымъ, чаще всего съ быкомъ. — Шренкъ въ своемъ спискѣ гиляцкихъ словъ тоже отмѣтилъ однимъ словомъ кеп и солнца, и кита.

16 (*стр. 89*). Кев-оӡ-ворох — 'въ деревню, что̀ вверхъ по рѣкѣ', букв.: 'въ деревню, что у подножія (оӡ) верхняго (*по теченію*) края высокаго берега'. — Обыкновенно деревни расположены на берегу рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ высокій берегъ обрывается падью. Конечные пункты высокаго берега между двумя слѣдующими другъ за другомъ падями послѣдовательно называются: кеӈ̆-ах—'верхній конецъ по теченію' и аӈ̆н-ах—'нижній'. Отсюда сокращенныя выраженія ке-wo = ке-во — 'верхняя деревня' и а-wo = ау-во (см. № 1, строка 110) — 'нижняя деревня'.

17 (*стр. 120*). Ӏымӈ̆і — 'его зять'. — Этимологія этого слова (отъ ымк— 'мать') раскрываетъ намъ пережитокъ отъ когнатнаго рода (матріархата). Дѣло въ томъ, что зятемъ (мужемъ дочери) обыкновенно является сынъ сестры, а этотъ послѣдній въ материнскомъ родѣ считается сородичемъ *матери* своего тестя. Братъ по отношенію къ сестрѣ еще и теперь играетъ у Гилякъ роль, напоминающую таковую въ когнатномъ родѣ. — Не только тесть, но и всѣ сородичи его зовутъ зятя— ымӈ̆і.

18 (*стр. 121*). 'Двухъ женъ содержалъ'. — Обыкновенно Гилякъ имѣетъ одну жену. Только богатые люди позволяютъ себѣ имѣть 2-хъ, 3-хъ женъ, и то не всегда. Часто многоженство является вынужденнымъ, такъ-какъ по гиляцкимъ обычаямъ младшій братъ, хотя-бы и женатый, обязанъ жениться на вдовѣ старшаго брата, если нѣтъ другого сородича, который пожелалъ-бы взять ее.

19 (*стр. 121*). Ӈалá, віjá, патух ехвé! букв.: 'ну, иди, завтра вернитесь (т. е. вмѣстѣ съ женами)!'—Нашъ Гилякъ предлагаетъ возвратиться во свояси, т. е., на небо, но удерживаетъ ихъ на день, чтобы согласно обычаю угостить зятя медвѣдемъ.

20 *(стр. 124)*. 'Небесные люди завтра воевать придутъ', т. е. отомстить за похищеніе женщины и убійство ея мужа.

21 *(стр. 128)*. Вап-ре́рт, букв.: 'нагрузились *такъ, что больше уже* не могли' (отъ вапид—'нагрузить на спину' и терид—не мочь, не быть въ состояніи), т. е. нагрузили на себя столько, сколько возможно было только донести.

22 *(стр. 132, 133)*. Міф кызро́ў сіра́, букв.: 'землю раскопавъ, положилъ'.—По обычаю, нашъ Гилякъ отдалъ послѣднюю дань своимъ врагамъ, удостоивъ ихъ погребенія. То, что онъ ихъ въ землѣ похоронилъ, а не сжегъ, какъ это принято у Гилякъ, объясняется не мстительностью, а тѣмъ, что онъ, вѣроятно, принадлежалъ къ какому-нибудь роду аинскаго происхожденія, который покойниковъ не сожигаетъ, а хоронитъ, по обычаю Айновъ.

23 *(стр. 133)*. Пфалың кызіфке́, букв.: «свой полъ долго копалъ», т. е., выкопалъ глубокую яму въ своей юртѣ, чтобы переселиться къ подземнымъ людямъ, міф-ӈіӈывың, спасаясь отъ новой мести небесныхъ людей.

24 *(стр. 134)*. 'Я пришедши жить буду'. — Характерная фраза, рисующая первобытный коммунистическій взглядъ Гилякъ на жилище. Нашъ Гилякъ, явившись въ юрту незнакомаго старика, сообщаетъ ему, что онъ собирается у него поселиться, на что старикъ отвѣчаетъ: «Ладно, живи!». Дѣйствительно, жилище каждаго Гиляка всегда открыто для всякаго желающаго поселиться въ немъ, если, разумѣется, имѣется свободное мѣсто на нарахъ.

5.

Пхнаў-ӈіӈывың ӈеның ійа́ӈӈej hара́.

Пхнаў-ӈіӈывың ӈеның ійа́ӈӈej hара́ мен быўк павыт hунывыт. Hунывыфке́ ійа́ӈӈej аллыс-ңаў віў пыкызў. Мызў-ӈіӈывың hымпы́т паӈӈej нанығыў віў. Віфке́. Малхола́ң-во-на́хў-тох вінга́, hыта́-фің-таф-тох југыў. Понаӈи ійа́ӈӈej hунывра́, пхнаў-ӈіӈывың ӈеның hунывра́, тукў-івыв ычіх ӈеның мам ӈеның пхнаў-шанх ӈеның hат hунывыт, тахў-івыв пхнаў-ӈіӈывың меның пхнаў-шанх меның верах чакў hат hунывыт. Мыз

Юноша одинъ, его жена тоже.

Юноша одинъ, его жена тоже, вдвоемъ только вмѣстѣ жили. *Послѣ того какъ они* долго жили, его жена за ягодами пошла, пропала. Нашъ Гилякъ на другой день свою жену искать пошелъ. Долго ходилъ. Въ многолюдную деревню одну пришедши, въ юрту, по срединѣ находившуюся, вошелъ. На средней нарѣ его жена сидѣла, юноша одинъ сидѣлъ, на правой нарѣ старикъ одинъ, старуха одна, молодая женщина одна тоже сидѣла, на лѣвой нарѣ юношей двое, молодыхъ женщинъ двое, рабовъ трое тоже сидѣли.

-ӈiӷывың понаӷнтох тур̆ ӈупыр̆, ӈун шанх iтр̆: «Ыӵiхá, ӈi аллыс-ӆат пшынг̣á, ту ӈiӷывың вiр̆ ӈi хгендрá!» Мыз̀-ӈiӷывың iтр̆: «Чхехajрó! ӈi ухмуiӈ пшындрá!» ӈу ӈiӷывыӆкуп iтд: «Ӆalвé, кузiн ухмунтá!» Мыз̀-ӈiӷывың кузiр̆; ухмуфкé мыз̀-ӈiӷывың мур̆. ӈу ӈiӷывыӆкун тафтох jугнг̣á, мыз̀-ӈiӷывың морхáр̆. «Кузiн ухмунтá» ӆар̆ iтр̆. ӈу ӈiӷывыӆкун кузiт, ухмуфкé ӵaj мур̆. ӈу ӈiӷывыӆкун jугыт, ӵaj морӄáр̆ iтр̆: «Ӆalвé, кузiн ухмунтá!» ӈу ӈiӷывыӆкун кузiт, ухмуфкé сiк кухáрыр̆. Мыз̀-ӈiӷывың паӈӷej кер̆ пшыр̆ пфорох пшыр̆. Jугнг̣á пiаӷ ыӵiх ӈеныӆ ӈунывыр̆, ӈуӆ ыӵiх iтр̆: «Eсмохрá! нӆaх̆ пшынга, нафхныр̆ ӈорӆаӆ тур iӈiнд-варí!» Мыз̀-ӈiӷывың: «Ыӵiхá, кузiн ухмупатé!» Ах кузiт ухмуфкé, ӈуӆ ыӵiх мур̆. Мыз̀-ӈiӷывың хгыiр̆ ӈор̆-вiр̆ выкызiр̆, пшыр̆. Прафтох jугнг̣á jiáӈӷej уiгiр̆. Кузiр̆ шамí тывнг̣á: тол-мiлк ijáӈӷej хгер̆ шор̆-вiiфур̆. Мыз̀-ӈiӷывың му ӷоӵр̆ iр̆ыр̆ вiфкé, jалыр̆ ухмур̆ ухмуфкé. Мыз̀-ӈiӷывың мур̆, ӵaj ухмуфкé ӈу мiлк мур̆. Мыз̀-ӈiӷывың паӈӷej хгер̆ шор̆-тéӷар̆, прафтох jугнг̣á, мам ӈеныӆ ӈунывыр̆: «Olá, чi ӈактох вiрóр̆ пшынд-нá?» Мыз̀-ӈiӷывың iтр̆: «Ӈi, паӈӷej толь-мiлк хгентóт, iр̆т-вíт jалыт, ухмуфкé толь-мiлк хут, паӈӷej хгендрá!» ӈу

Нашъ Гилякъ, на среднюю нару забравшись, сѣлъ, эта женщина сказала: «Мужъ *мой*, *когда* я за ягодами пошла, *вотъ* этотъ человѣкъ пришедши меня забралъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Пусть тебя взялъ! я воевать пришелъ!» Эти люди сказали: «Ну, вышедши *давайте* воевать!» Нашъ Гилякъ вышелъ; *послѣ того какъ долго* дрались, нашъ Гилякъ умеръ. *Когда-же* тѣ люди въ юрту вошли, нашъ Гилякъ воскресъ. «Вышедши давайте воевать!» такъ сказалъ. Тѣ люди вышли, долго воевали, онъ еще разъ умеръ. Тѣ люди *въ юрту* вернулись, *онъ* опять воскресъ, сказалъ: «Давайте, вышедши воевать станемъ!» Тѣ люди вышли, долго воевали, *онъ* всѣхъ перебилъ. Нашъ Гилякъ свою жену взявъ вернулся, въ свою деревню вернулся. Когда вошелъ *въ юрту*, глубокій старикъ одинъ *тамъ* сидѣлъ, этотъ старикъ сказалъ: «*Какъ* хорошо! звѣречекъ пришелъ, теперь складкаго мяса, *вѣроятно*, удастся покушать!» Нашъ Гилякъ: «Старикъ, вышѣдши, давай воевать!» Вотъ вышли, долго воевали, этотъ старикъ умеръ. Нашъ Гилякъ потащилъ *его*, вынесъ, сжегъ, бросилъ, вернулся. *Когда онъ* въ свою юрту вошелъ, его жены не оказалось. Вышелъ, когда внизъ посмотрѣлъ: морской чортъ, его жену взявъ, уноситъ. Нашъ Гилякъ лодку *на воду* спустилъ, погнался, долго ходилъ, нагналъ, воевалъ, долго воевалъ. Нашъ Гилякъ умеръ-*было*, еще *разъ* долго воевали, тотъ чортъ умеръ. Нашъ Гилякъ свою жену взялъ, понесъ, *и* когда въ свою юрту вошелъ, тамъ старуха одна была: «Сынъ мой, ты откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я, *послѣ того какъ* мою жену морской чортъ забралъ, *за нимъ* погнался, нагналъ, долго дрался, морского чорта убилъ, свою жену отобралъ!». Та старуха ска-

мам ітр̆: «Есмохра́! нгһаӽ-тур ӈііпта́!» Мыз-ӈі́ӷывың ітр̆: «Чі уӈі́р̆к-мам һаіндра́?» Ӈу мам ітр̆: «Ӈыӈка́, махтурта́!» Мыз-ӈі́ӷывың ітр̆: «Чі уӈі́р̆к-мам һаха́ј, чіхуіндра́!» Ӈу мам ітр̆: «Ола́, ӈоӷгарја́, та ӈіхуја́!» Мыз-ӈі́ӷывың ві́р̆ зар̆ іхур̆ хгыі́р̆ шор̆-кузі́р̆ выкызр̆, нарор̆ југыр̆ пан̆ӷеј херыр̆: «Ӈала́, ӈі млы-ворох ер̆-ло-ір̆-ло-ӷап вііпдра́!» Іа́н̆ӷеј ітр̆: «Ӈыӈка́, еӈнкур̆ вірор̆ пшыја́!» Мыз-ӈі́ӷывың кузі́р̆; теӷафке́ пілаӈ-кутӹ-ӈаӽр̆-тох ві́р̆, Ӈун кутӹ-рулк југыр̆, југыфке́, пілаӈ-і́-ӈа́ӽр̆-тох маӷыр̆, Ӈун і́-рулк хемі туфке́. Малхолаӈ-во ӈа́ӽр̆ Ӈунывыр̆. Ӈун тафтох југыр̆, ычіх ӈіныӈ мам ӈіныӈ Ӈунывыт. Ӈун ычіх озі́р̆: «Антха́, шакрух пшынд-на́?» Мыз-ӈі́ӷывың ітр̆: «Ӈі нал-Ӈыта́-воныӈ-та́! Ӈер̆-ло ӈі́р̆ӈ-ло шаспінд-на́?» Ӈун ычіх ітр̆: «Чер̆-ло чі́р̆ӈ-ло ёхуӈ-таф піндра́!» Мыз-ӈі́ӷывың кузі́р̆ віфке́; тав-ӈа́ӽр̆ Ӈунывыр̆; Ӈун тавтох југнг̊а́, јер̆-ло, јі́р̆ӈ-ло Ӈунывыр̆. Јер̆ озі́р̆: «Ола́, чі јаӈыр̆ пшынд-на́?» Мыз-ӈі́ӷывың ітр̆: «Ыта́, ыма́, чіӈ-ӈат пшындра́!» Ӈун ычх ітр̆: «Ола́, ӈіӈ пфорох віінд есхандра́!» Мыз-ӈі́ӷывың ітр̆: «Чіӈ есхаха́ј, чіӈ кунон ехын вііндра́!» Ӈуӈ ычіх ітр̆: «Ӈалве́, мах віпта́!» Мыз-ӈі́ӷывың ерkуну угрыхарт пшыт. Пшафтох југнг̊а́, ычіх ӈіныӈ Ӈуны-

---

зала: «*Какъ* хорошо! звѣринаго мясца покушаемъ! Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты людоѣдка-старуха?» Эта старуха сказала: «Да, правда!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Если ты людоѣдка, *то* я тебя убью.» Та старуха сказала: «Сынъ мой, пожалѣй меня, не убивай меня!» Нашъ Гилякъ подошелъ, *сталъ* бить *её* (билъ), убилъ, потащилъ, вынесъ, бросилъ, потомъ вернулся, своей женѣ сказалъ: «Ну, я въ селеніе мертвыхъ за отцомъ и матерью пойду!» Его жена сказала: «Ладно, скоро отправившись, приди!» Нашъ Гилякъ вышелъ; послѣ того какъ долго взбирался, къ большой дырѣ одной пришелъ, черезъ эту дыру спустился, долго спускался, къ большой рѣкѣ одной подошелъ, по этой рѣкѣ вверхъ долго поднимался. Многолюдная деревня одна стояла. *Онъ* въ юрту (эту) вошелъ, *старикъ* одинъ, старуха одна *тамъ* были. Этотъ старикъ поднялся: «О гость, *ты* откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я житель деревни, что по серединѣ бухты! Мой отецъ *и* моя мать гдѣ находятся?» Этотъ старикъ сказалъ: «Твой отецъ и твоя мать *вонъ* въ той юртѣ находятся!» Нашъ Гилякъ вышелъ, долго ходилъ; домъ одинъ стоялъ; *когда* онъ въ эту юрту вошелъ, его отецъ и его мать *тамъ* жили. Его отецъ поднялся: «Сынъ мой, ты зачѣмъ пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Батюшка, матушка, *я* за вами пришелъ!» Этотъ старикъ сказалъ: «О сынъ, мы въ свою деревню отправляться не желаемъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Если вы не желаете, *я*, васъ убивъ, назадъ пойду!» Этотъ старикъ сказалъ: «Ну, сейчасъ давай пойдемъ!» Нашъ Гилякъ съ родителями вмѣстѣ вернулся. *Когда они* въ свою юрту вошли, старикъ одинъ тамъ сидѣлъ, *а* его жены не оказалось.

выр, ijа̀нӈej уигiр. Понаӈн-тык-waj ншынгá, ijа̀нӈej чоӈгр ӈунугур. Мыз̀ -нiӈывыӈ итр: «Ӈанӈej јанкó?» ӈар итнгá. Ӈуӈ ычх итр: «Чанӈej ни iхут рур нiхарндрá!» Мыз̀-нiӈывыӈ јаӈ-цáчх паср пор ферхаiфкé iхур, шор-кузiр, міф кызрóр ӈунчiр, прафтох југрá, пiрӈ керыр: «Ымá, ни анӈej наныгын вiiндрá!» Мыз̀-нiӈывыӈ кузiр вiфкé, пiлáнг-тав-нáхр-тох вiр; југнгá ычiх нiныӈ ӈунывыр. Ӈуӈ ычх итр: «Антхá, чi шактох вiiфунд-нá?» Мыз̀-нiӈывыӈ итр: «Ӈi тол-нiӈывыц-шанх наныгыт вiiфундрá!» Ӈуӈ ычх итр: «Ӈеӈlуиг кејá!» Мыз̀-нiӈывыӈ итр: «Ӈi чеӈlуиг есханд!» Мыз̀-нiӈывыӈ ӈузух кузiр вiфкé, тамláӈ-во-нáхр-тох вiр; ӈытá-фiӈ-таф-тох југнгá, пхнар-шанх ӈеныӈ ӈупывыр. Ӈуӈ шанх итр: «Антхá, шакрух пшынд-нá?» Мыз̀-нiӈывыӈ итр: «Ӈi чхеil пшындрá!» Ӈуӈ шанх итр: «Ӈi хгејахáj, ӈыткрох вiр херјá!» Мыз̀-нiӈывыӈ ах кузiр, тав-нáхр-тох вiр-југыр; ычiх ӈеныӈ мам ӈеныӈ ӈунывыр. Ӈу мам итр: «Чi шакрух пшы-нiӈывыӈ-нá?» Мыз̀-нiӈывыц итр: «Чеӈlуиг кеil пшындрá!» Ӈуӈ ычiх озiр: «Ӈalá, моѐ аiнóн пнафх арвé!» Мыз̀-нiӈывыӈ ах кузiр, панӈejрох вiр: «Чытк итыӈгрá, менгах павыв чмат моѐ нiiнкуil итыӈгрá!» Ија̀нӈej: «Ӈыӈкá!» Ӈуӈ павыв

Когда *онъ* подъ край средней нары посмотрѣлъ, голова его жены *тамъ* лежала. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Жена моя гдѣ?» такъ сказалъ. Этотъ старикъ сказалъ: «Твою жену я убилъ, мясо *безъ остатка* съѣлъ!» Нашъ Гилякъ его за ногу (одну) схватилъ, долго колотилъ, убилъ, вытащилъ, *въ* землю закопавъ *туда* положилъ, въ свою юрту вошелъ, своей матери сказалъ: «Матушка, я жену искать пойду!» Нашъ Гилякъ вышелъ, далеко пошелъ, къ большой юртѣ одной подошелъ; когда вошелъ, старикъ одинъ тамъ былъ. Этотъ старикъ сказалъ: «О гость, ты куда направляешься?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я морскихъ людей женщину искать направился!» Тотъ старикъ сказалъ: «Мою дочь возьми!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я твоей дочери не хочу!» Нашъ Гилякъ оттуда ушелъ, далеко пошелъ, въ многолюдную деревню пришелъ; когда *онъ* въ среднюю юрту вошелъ, молодая женщина одна *тамъ* находилась. Эта женщина сказала: «О гость, откуда *ты* пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я тебя взять пришелъ!» Эта женщина сказала: «Если меня взять хочешь, къ моему отцу ступай, переговори!» Нашъ Гилякъ вотъ вышелъ, въ юрту одну пришелъ; старикъ одинъ, старуха одна тамъ были. Эта старуха сказала: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Твою дочь взять пришелъ!» Тотъ старикъ поднялся: «Ну, мось приготовивъ, моего зятя накормите!» Нашъ Гилякъ вотъ вышелъ, къ своей женѣ пошелъ: «Твой отецъ сказалъ, *чтобы* мы оба, вечеромъ въ гости пришедши, мось кушали (сказалъ)!» Его жена: «Ладно!» Въ этотъ ве-

чмат; моc̀ ӈітóт пшыт; ӽотóт озіт іӈінтá, ӈатóт ехт-вíт. Віфкé пшафтох віт jугыт; jеӽ ары кыӽ-муӽ ӈунывыӽ. «Olá, чхыф наныгыӽ ӈіуӽ ӈарjá!» Мыз̀-ӈíӷывыц ітӽ: «Ӈыцкá, чхыф напыгын ӈіун чаріпдрá!» Мыз̀-ӈíӷывын кузіӽ віфкé; пілáӈ-тај-ӈáӽӽ-тох чхыф ӈан ӈунывыӽ, іӈіӽ-іхымыӽ. Мыз̀ -ӈíӷывыц ja шоk̆-шók̆ӽ-віӽ, k̆хахкыc̀ еспӽ ӈіуӽ. Ізрóӽ ja-гӊáӽӽ вапрá, ja-зóцхӽ вапрá пшыӽ; пфо-лéф-тох пшыӽ, ojjóӽ; jаӈӷej кузіӽ чаtаӽ. Мыз̀-ӈíӷывын пшыӽ, прафтох jугыӽ, тамх-тарóӽ кузіӽ-вíӽ, тур кеӽ шоӽ -пшы̀ӽ. Jерóӽ еӽ-кін ірӽ-кін арыӽ. Ах іӈінтóт твінá, jеӽ ітӽ: «Olá, ӏаӈгӽ наныгыӽ ӈарjá!» Мыз̀-ӈíӷывын кузіӽ; му ӷочрá, tla ӷочрá віфкé; пілаӈ тау- гуӽ ӈан ӈунывыӽ, іӈміӽ еспӽ іхуӽ шоӽ-пшы̀ӽ, ӈалыныӽтох хітіӽ сіӽ. Jаӈӷej кузіӽ; ізрóӽ шоӽ-jугыӽ jеӽ, ӈарóӽ jечӽ jарыӽ. Ӈуц ычх іӈрóӽ твіӽ: «Крызахрá, неӷlунtох ӈіхохрá! Olá, tleylац тоӽ наныгыӽ іхуӽ ӈарjá!» Мыз̀ -ӈíӷывын кузіӽ віфкé, tollаӈ наӈ-оc̀-waj пілаӈ tleylаӈ тоӽ ӈан ӈунывыӽ. Ӈуӈ тоӽ куӽ шоӽ-пшы̀ӽ. «Olá, jаӈ-ӈíф ӈарjá!» Мыз̀-ӈíӷывын jарыӽ. Ӈуц ычх ітӽ: «Ӈіхохрá!» Мыз̀-ӈíӷывын кузіӽ, чхаӽ тарá, шоӽ-jугрá; шувróӽ ітӽ: «Ыtá, ӈі толрох k̆он тав аіндрá!» Кузіӽ k̆оӽ, тав аіӽ твіӽ, теӷаӽ пршаф-

черъ *они* въ гости пошли; мось покушавъ, пошли; выспавшись, встали, ѣли, потомъ обратно пошли. Долго ходили, въ свой домъ пришли, вошли; его отецъ чуть голодной смертью не умеръ. «Сынъ мой, медвѣдя поискавъ, убивъ, меня накорми!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ладно, медвѣдя поискавъ, убивъ, тебя накормлю!» Нашъ Гилякъ вышелъ, далеко пошелъ; на большой тундрѣ одной медвѣдь одинъ былъ, ѣдѣ предавался. Нашъ Гилякъ къ нему подкрался, копье вонзивъ убилъ. Освѣжевавъ, его шкуру *на спину* взваливъ, его голову *на спину* взваливъ, припелъ; *когда* близко къ своей деревнѣ подошелъ, *онъ* запѣлъ; его жена вышла, стала *по бревну* барабанить. Нашъ Гилякъ пришелъ, въ свою юрту вошелъ, табаку покуривъ пошелъ, мясо взявъ принесъ. Сваривъ, своего отца и мать накормилъ. Вотъ поѣвши, кончивъ, его отецъ сказалъ: «Сынъ мой, тюленя поискавъ, меня накорми!» Нашъ Гилякъ вышелъ; лодку *на воду* спустивъ, острогу *на воду* спустивъ, далеко пошелъ; большой тюлень одинъ встрѣтился; острогу направивъ вонзилъ, убилъ, привезъ, на помостъ поднявъ положилъ. Его жена вышла; освѣжевавъ принесла, сварила, потомъ съ *огня* сняла, его накормила. Этотъ старикъ поѣвши кончилъ: «Я сытъ, моему сыну спасибо! Сынокъ, бѣлаго лося поискавъ, убивъ, меня накорми!» Нашъ Гилякъ вышелъ, долго ходилъ, подъ толстой елью большой бѣлый лось одинъ находился. Этого лося убилъ, принесъ. «Сынъ мой, его сердцемъ меня накорми!» Нашъ Гилякъ его накормилъ. Этотъ старикъ сказалъ: «Спасибо!» Нашъ Гилякъ вышелъ, дровъ нарубилъ, принесъ; зажегши сказалъ: «Батюшка, я въ море спустившись юрту сдѣлаю!» Вышедши *въ море* спустился, юрту сдѣлалъ, кончилъ, вернулся, въ свою юрту вошелъ.—«Ба-

тох југыр̆.—«Ыта́, тол̀рох він ӈунывнта́, тол̀-мі̀лк мунта́!» Угрыхарт тол̀рох к̆от ӈунывыт, тол̀-мі̀лк мундхун. Фуру́.

тюшка, въ море пойдемъ, жить станемъ, морскими чертями сдѣлаемся!» Вмѣстѣ въ море спустились, жили, морскими чертями стали. Сказано.

Примѣчанія къ № 5.

1 *(стр. 3)*. Похищеніе женщинъ — явленіе нерѣдкое въ гиляцкомъ быту. Самый удобный моментъ для этого, когда женщины собираютъ ягоды въ горахъ или на тундрахъ. Вдали отъ своей деревни, совершенно беззащитныя, онѣ легко дѣлаются жертвой похитителя или ловеласа. Но ягодники служатъ также удобными пунктами для заранѣе условленныхъ rendez-vous и амурныхъ приключеній, до которыхъ гиляцкая молодежь большіе охотники.

2 *(стр. 5)*. Понаӈын — 'средняя нара', т. е., находящаяся противъ входа въ юрту. Это самая почетная нара, на которой обыкновенно сидитъ хозяинъ юрты и его жена; здѣсь же усаживаются гости.

3 *(стр. 18)*. Шами́ — 'внизъ', т. е., по направленію къ рѣкѣ: обыкновенно юрты расположены на высокомъ берегу рѣки, которая такимъ образомъ приходится ниже лежащей, чѣмъ юрта.

4 *(стр. 22)*. Чі ӣахтох вірӧр̆ ӣшынд-на́? — 'ты откуда пришелъ?', букв.: 'ты, куда шедши, пришелъ?'.

5 *(стр. 27)*. З̀ар̆ іхур̆—'билъ убилъ'.—Гиляки всегда точно опредѣляютъ способъ убійства и выражаютъ это двумя словами, изъ которыхъ первое обозначаетъ самый способъ убійства: такъ вмѣсто 'застрѣлилъ', Гилякъ говоритъ: 'выстрѣливъ убилъ' (х̆ар̆ іхур̆) и т. д., особенность, свойственная также нѣкоторымъ американскимъ языкамъ.

6 *(стр. 29)*. Теӈафке́—'долго взбирался', т. е., вверхъ въ гору (см. № 1, пр. 10), изъ чего слѣдуетъ, что дыра—спускъ въ подземное царство—находится на вершинѣ горы и, слѣдовательно, представляетъ нѣчто въ родѣ кратера потухшаго вулкана,—представленіе, встрѣчающееся у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Преданіе о древнемъ философѣ, бросившемся въ кратеръ вулкана, чтобы попасть въ поля блаженства, связано, вѣроятно, съ подобнымъ же представленіемъ.

7 *(стр. 31 и слѣд.)*. Описаніе селенія мертвыхъ совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительному представленію Гилякъ о загробномъ мірѣ, являющемся простымъ повтореніемъ міра земного съ его горами, рѣками, селеніями, юртами, и т. д. (ср. № 1, пр. 46).

8 *(стр. 42)*. Ӈач̆х пас̀р̆ — 'ногу (одну)'. — Когда говорятъ о парныхъ предметахъ, то вмѣсто числит. ӈах̆р̆—'одинъ' говорятъ: пас̀р̆, паз̀р̆ — 'половина': каждый парный предметъ (глазъ, нога, рука, сторона улицы и т. д.) представляется какъ-бы половиной цѣлаго (пары).

9 *(стр. 50).* 'Если меня взять хочешь, къ моему отцу ступай, переговори!'— Для вступленія въ бракъ всегда требуется согласіе отца или старшаго брата; воля женщины очень рѣдко принимается въ соображеніе. Въ случаѣ отказа со стороны дѣвушки, прибѣгаютъ къ принудительнымъ мѣрамъ: побоямъ, насильственному отправленію и т. п. Благодаря такому отношенію къ чувствамъ женщины, очень часты случаи самоубійства.

10 *(стр. 53).* Мосѝ — 'мось' — самое торжественное блюдо у Гилякъ, обязательная принадлежность всѣхъ религіозныхъ пиршествъ и торжественныхъ угощеній. Главной составной частью этого блюда служитъ клейкій сокъ рыбьихъ кожъ, которыя послѣ легкаго отвариванія тщательно выжимаются руками, иногда и зубами, и полученнымъ такимъ образомъ соусомъ перемѣшиваютъ остальныя входящія части блюда. Чаще всего оно составляется изъ пережеванной во рту вяленой рыбы (юкалы), тюленьяго жира, ягодъ (брусники, клюквы и empetrum nigrum), сараны, отварнаго риса, буды, бобовъ. Зимою его замораживаютъ въ большихъ корытахъ и хранятъ въ запасъ. Мерзлые куски 'мося' — большое лакомство. Чтобы придать мосю чистый бѣлый цвѣтъ, примѣшиваютъ къ нему немного бѣлой глины, которая будтобы придаетъ также и особую пикантность вкуса.—Нашъ Гилякъ, какъ гость и зять, удостоился спеціальнаго угощенія мосемъ.

11 *(стр. 55).* Чмат—'въ гости пришедши'.—По обычаю, черезъ нѣкоторое время послѣ женитьбы, зять вмѣстѣ съ женой пріѣзжаютъ въ гости къ тестю, гдѣ живутъ иногда подолгу и пользуются особеннымъ гостепріимствомъ. «Зятя кормить надо»—принципъ гиляцкаго быта.—Нашъ Гилякъ, пришедшій издалека и не имѣвшій возможности наѣзжать въ гости къ тестю, сразу получаетъ приглашеніе на 'мось' и сейчасъ же выполняетъ вмѣстѣ съ женой эту пріятную обязанность. — То, что невѣста приходитъ въ гости къ своему отцу изъ другой юрты, объясняется тѣмъ, что у старика, вѣроятно, было нѣсколько женъ, которыя вмѣстѣ со своими дѣтьми хозяйничали (во время рыбной ловли) въ отдѣльныхъ юртахъ въ удаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ,—явленіе, нерѣдкое въ гиляцкомъ быту.

12 *(стр. 64).* Tla ǰoчрá — 'острогу на воду спустивъ'... — При охотѣ на тюленей употребляется острога на длинномъ въ нѣсколько саженъ составномъ древкѣ, которое съ лодки спускается на воду, причемъ только наконечникъ остается въ рукахъ охотника, а остальная часть тащится по водѣ вдоль лодки. Завидѣвъ голову тюленя, охотникъ спускаетъ наконечникъ въ воду и направляетъ его къ цѣли, маневрируя древкомъ.

13 *(стр. 67).* Тоx̌, ṫox̌ — лось.—Это животное не встрѣчается на гиляцкой территоріи, и самое названіе его тунгусскаго происхожденія. Но въ сосѣднихъ съ материковыми Гиляками территоріяхъ Ольчей и Орочей лось водится въ большомъ количествѣ и потому хорошо знакомъ Гилякамъ.

14 *(стр. 69).* 'Его сердцемъ меня накорми'. — Сердце лося считается не только лакомымъ блюдомъ, но цѣлебнымъ, дающимъ силу и мужество. Женщинамъ и подросткамъ оно строго запрещено (табу).

6.

Шанх ӈiн быӄк.

Шанх ӈiн быӄк ӈунывынд. Ыӄк-зiнг муӈыв-чiнг потӄ, рунд-рунд отӄ. Ӈарóӄ твiнгӑ, хоӵкн хеӄ jаррá, аӡмыч̌-вiхывыӄкыӵ вiхыврá, пӵоӆхӄ ӈеӈнкуӄ нора, чiӵках кеӄ ӈера, кузiӄ пунд геӄ-шорá, ӄхах геӄ-шорá. Пшав-алахаф-тох вiӄ, тlаӆhi ӈан геӄ iӄпрá вiфкé. Ӈаймýӆ ычх ӈеныц чхаӄ-таӄ -iхымыӄ. Мызн-шáнх ӄхарыӄ. Ӈуӆ ычх ташгыӄ iштыӄ: «Антхá, шакрух пшынд-нá?» Ӈаӄ iтӄ. Мызн-шанх iтӄ: «Ӈi naI-ӈытá-вонышта!» Ӈуӆ ычх iтӄ: «Чво-ыӆкӄ, ша-воӆ-нӑ?» Мызн-шáнх iтӄ: «Мla хаврхáj, та ӽlajá! Нӣак чхернá! Мыiхaj, мыiхнá. Чво-ха шаӵпінд-на?» Ӈуӆ ычх: «А? чi рунд фурінд? Ӈво? Ē~хуӵ пiндрá! Чi вiiхáj, чевн tоllанг wалыхыӵкыӵ чызвыш чiхуiндрá; чiхун чрур ӈiхарiндрá!» Мызн-шáнх iтӄ: «Туӆ ычх чорjojá! Пiхуӄ пфыкызiнкojныӆгрá!» Мызн-шáнх ӄхахкыӵ еӵпӄ iхуӄ, jанг-шан-чхаӄкыз шувӄ; выкызрóӄ вiӄ вiфкé. Пiлаг тав-нáӽӄ ӈунывыӄ. Ӈуӆ тавух jугнӑ, ычх ӈеныӆ мам ӈеныӆ верах меныӆ ӈат ӈунывыт. Ӈуӆ ычх озiӄ ӈупӄ: «Чi шакрух пшы-нiӈы-

---

Одинокая женщина.

Женщина одна только жила. День и ночь *все* себѣ шила, *все* что-нибудь *да* шила. Потомъ покончивъ, юбку взявъ одѣла, мужскимъ поясомъ опоясалась, свои волосы въ одну косу заплела, маньчжурскую шапку взявъ одѣла, вышла, лукъ взявъ съ собой, копье взявъ съ собою. Къ задней стѣнкѣ юрты подошла, оленя одного взявъ на него верхомъ сѣла, далеко поѣхала. Старикъ одинъ *встрѣтился*, рубкой дровъ занимался. Наша женщина остановилась. Этотъ старикъ выпрямился, посмотрѣлъ: «О гость, ты откуда пришелъ?» такъ сказалъ. Наша женщина сказала: «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты!» Этотъ старикъ сказалъ: «А твоя деревня, изъ какой деревни?» Наша женщина сказала: «Если ушей не имѣешь, не разговаривай! Разъ тебѣ сказала! Если-бы ты слышалъ, услышалъ-бы. А твоя деревня гдѣ находится?» Этотъ старикъ: «А? ты что говоришь? Моя деревня? Вонъ гдѣ она! Если ты пойдешь, я, тебя схвативъ, къ толстой цѣпи привязавъ, тебя убью; убивъ твое мясо *безъ остатка* съѣмъ!» Наша женщина сказала: «Эй старикъ, молчать! Убивъ тебя, брошу!» Наша женщина копьемъ кольнувъ убила, на имъ же нарубленныхъ дровахъ сожгла; бросивъ отправилась, далеко пошла. Большая юрта одна стояла. Когда она въ эту юрту вошла, старикъ одинъ, старуха одна, рабовъ двое, столько *ихъ* тутъ жило. Этотъ старикъ поднявшись сѣлъ: «Ты откуда пришедшій

вын-ңа́?» Мызи-ша́нх ітӈ: «Ӥні нал-ӈыта́ воныңта́!» Ӈуң ычх ӵа́ј ітӈ: «Ша-воныӈ?» Мызи-ша́нх ітӈ: «Мӏа хаврха́ј, чорјоја́!» Ӈуң ычх ӵа́ј: «Ша-воныӈ-ңа́?» Мызи-ша́нх: «Чі мӏа хаврха́ј, ӥні кузін-вііндра́!»—«Агуја́, та віја́, ӥні пехӏуӈкун керіндра́!» Мызи-ша́нх кузіӈ, песӏа́ӈӈі тівӈ віфке́. Кханых ӈан ӈунывыӈ. «То-ро-рорр-рор... Ту ӥіӈывың ӣактох вііфунд-на́? Тунхе́ пхыӈ -ехја́! Чі туных віаха́ј, маӈӏа́ӈ уӥіӈк чіхуіндра́!» Мызи-ша́нх ітӈ: «Туӈ-ӈӈа-зіӈ-хӏаінд-јајымынд чорјоја́! Та ітја́: чіхун чфыкызіндра́!» Ӈуң кханых піңгӈ-вӥӈ. Мызи-ша́нх ӈуных віфке́; кех ӈан ӈунывыӈ. Ӈуң кех: «Гау-гау-гау.... Ту ӥіӈывың тунхе́ пхыја́! Чі туных віаха́ј, маӈӏа́ӈ уӥіӈк чіхуіндра́, бај-бајеј!» Мызи-ша́нх: «Туӈ-ӈӈа-зіӈ-хӏаінд-јајымынд чорјоја́, чіхун чфыкызіндра́!» Ӈуң кех піңгӈ-вӥӈ. Ӈуных віфке́, піӏа́ӈ тав-ӈа́хӈ ӈунывыӈ. Мызи-ша́нх југыӈ, ӈајмӯң ычіх ӥеныӈ ӈунывыӈ. Ӈуң ычх озіӈ кхаӏыӈ ітыӈ: «О, о, о! Нафхныӈ ӈорӏаң тур ӥіінд! Мамхча́, озіӈ кузіӈ теӽаӈ пехӏуӈкун керја́!» Ӈајмӯң мам ӥеныӈ озіӈ кузіӈ-ӥілыӈ, ӈарóӈ југӈа́, ӈуң ычх ітӈ: «Меӈ ехӏуӈкун ах маӷіфуӏ?» Ӈу мам: «Меӈ ехӏуӈкун сік мухарнтхун; пехӏуӈкун вінындра́!» Черјора́. Ӈуң ычх ітӈ: «Чі чаӏранд, ӥні теӽын ызи ншыіндра́!» Ӈуң ычх кузіӈ; ӥілырóӈ југынга́, мызи-ша́нх јот-јóтӈ: «Јаң-нó? чехӏуӈкун му-ӏо?»

человѣкъ?» Наша женщина сказала: «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты!» Этотъ старикъ опять сказалъ: «Изъ какой деревни?» Наша женщина сказала: «Если ушей не имѣешь, молчи!» Этотъ старикъ опять: «Изъ какой деревни?» Наша женщина: «Если ты ушей не имѣешь, я уйду!»—«Не смѣй, не ходи, я своимъ дѣтямъ скажу!» Наша женщина вышла, на своего оленя сѣла, далеко поѣхала. Заяцъ одинъ встрѣтился. «То ро-роррр... Эй человѣкъ, ты куда направляешься? Отсюда вернись! Если отсюда пойдешь, могучій людоѣдъ тебя убьетъ!» Наша женщина сказала: «Эй звѣрекъ, говорить умѣющій, молчать! Не говори: убивъ тебя брошу!» Этотъ заяцъ убѣжалъ. Наша женщина отсюда далеко отправилась; лисица одна встрѣтилась. Эта лисица: «Гау-гау-гау... Эй человѣкъ, отсюда вернись! Если отсюда пойдешь, могучій людоѣдъ тебя убьетъ, ой, ой, ой!» Наша женщина: «Эй звѣрекъ, умѣющій говорить, молчать! Убивъ тебя брошу!» Эта лисица убѣжала. *Женщина* отсюда далеко пошла, большая юрта одна попалась. Наша женщина вошла, глубокій старикъ одинъ тамъ находился. Этотъ старикъ всталъ, глаза поднявъ посмотрѣлъ: «О, о, о! Теперь сладкаго мяса покушаю! Старуха, встань, выйди, взберись, нашимъ дѣтямъ сообщи!» Глубокая старуха одна встала, на нѣкоторое время вышла, потомъ *когда* вошла, этотъ старикъ сказалъ: «Наши дѣти идутъ-ли уже?» Эта старуха: «Наши дѣти всѣ *до единаго* померли; дѣтей нашихъ жалко!» Заплакала. Этотъ старикъ сказалъ: «Ты врешь, я пойду, ихъ посмотрю!» Этотъ старикъ вышелъ; спустя нѣкоторое время, когда пришелъ, наша женщина спросила: «Ну,

hаў ітў. Hуң ыч̀х: «Сік мухарндхун!» Мызн-шáнх: «Ни нав-ат моўхан-вііnд -hajахнá!» Мызн-шáнх кузіў-вíў віфкé. Малхолáнг во-нáхўтох вінґá, hытá -фің-таф-тох jугнґá, пнаў-ніўывың неның пхнаў-шанх неның hajмýң ыч̀х нèның hат hунывыт. Hуң ыч̀х озіў: «Антхá, шакрух пшынд-нá?» — «Hal -hытá воныцтá!» Hуң ыч̀х: «Ехунд чакірá!» Мызн-шáнх ітў: «Ни пакі наныгыт пшындрá!» hаў ітў. Hуң ыч̀х: «Пат чакі вііндрá, jаңў пшынд-нá?» Мызн-шáнх кузіў, тав-нáхўтох чмаў віў; jугнґá ыч̀х нін быўк hунывыў. Hуң ыч̀іх озіў: «Чі шакрух пшы-ніўывың-нá?» Мызн-шáпх: «Ни hal-hытá -воныцтá!» — «Ахў пшынд?» — «Наух-нанá пшындрá!» Hуң ыч̀х: «Олá, кузіў пферах керjá, jанґах ініnд-ныў антых арнкjá!» Iéхlуңг тік-waj-ух кузіў-óзіў: «Антх пшынд-Ны? Таjрот hунывынд!» hаў ітў. Кузіў нільрóў jугнґá, верах нèнын-кін угрыт jугыт. Hуң ыч̀х ітў: «Верахá, ініnд-ныў антх арjá!» Hу верах waн̀ ноч̀рá, ҁаў-маўкрá, е герá, hу waн̀рох пс̀оңхў hаў. Hіўк ку -куфкé, hу waн̀ чарыў ноч̀ў jеў; ўор-хорыфкé ыlы́ раx̌-ванх валы́ў. Jеч̀ў нірн чіў, lувў сірá хеч̀ў jарыў. Мызн-шáнх нінных lупў хітіў hілг-ах-кыс̀

что? твои дѣти померли-ли?» такъ сказала. Этотъ старикъ: «Всѣ *до единаго* померли!» Наша женщина: «Я теперь живой уйду, *какъ видно!*» Наша женщина отправилась, далеко пошла. *Когда* она въ многолюдное селеніе одно пришла *и* въ среднюю юрту вошла, юноша одинъ, молодая женщина одна, глубокій старикъ одинъ, столько *ихъ* тутъ было. Этотъ старикъ, поднявшись: «О гость, ты откуда пришелъ?» — «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты!» Этотъ старикъ: «Вотъ это твой старшій братъ!» Наша женщина сказала: «Я своего старшаго брата искать пришла!» такъ сказала. Этотъ старикъ: «Завтра твой старшій братъ пойдетъ, зачѣмъ *теперь* пришла?» Наша женщина вышла, въ юрту одну въ гости пошла; когда вошла, старикъ одинъ только тамъ оказался. Этотъ старикъ, поднявшись: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» Наша женщина: «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты!» — «Когда пришла?» — «Сегодня только пришла!» Этотъ старикъ: «Дочка, иди, нашему рабу скажи, пусть онъ, закуску приготовивъ, гостя накормитъ!» Его дочь изъ-подъ наръ выползла: «Гость пришелъ? Я *ничего* не знала!» такъ сказала. Вышла, спустя нѣкоторое время когда пришла, съ рабомъ однимъ вмѣстѣ пришла. Этотъ старикъ сказалъ: «Рабъ, закуску приготовивъ, гостя накорми!» Этотъ рабъ котелъ поставилъ, воды налилъ, гребень взялъ, надъ этимъ котломъ свою голову чесалъ. Вшей *множество* напустивъ, онъ этотъ котелъ наполнилъ, *на огонь* поставилъ, варилъ; *послѣ того какъ* оно долго кипѣло, совсѣмъ на рисовый супъ похоже стало. Снялъ, въ чашку наложилъ, ложку положилъ, подалъ, накормилъ ее. Наша женщина немного черпнула, *ко рту* поднесла, кончикомъ языка

јел-елнґа́: «Ћорахра́!» Сік ӈіха́рыў кузіў пшафтох віў. Југнґа́ ијáкі ітў: «Пат ехын пфорох вінта́!» Ӽотóт озіт. Вінґа́ віфке́; тleуlаи ӏаӈгў ӈан ћунывыў. Ијáкі ћу ӏаӈгў куў. Ћузух ізтóт, ја́-нґа́уў алыхыт, ћузмі пах-чхнај-ӈаӽў ћунывыў. Ћуӈ пах-чхнај ітў: «Јаӈынд ӈверах кундхун-на́?» Мыз-ӈíӈывыӈ: «Ӈі јахзут іхундра́; ӈі чхен шоў-він чајвуіндра́!» Ћуӈ пах-чхнај ітў: «Ӈшоў-він ӈајвуіха́ј, керӽн піӈгун ӈајвуве́!» Мыз-ӈíӈывыӈ ітў: «Шоў-вінóн пфорох чроў-віна́, моć аін чарна́, ћанóн чах керӽн піӈгуіндра́!» Ћуӈ пах-чхнај ітў: «Ӈі моć есӽандра́, ӈі чворох віінд есӽандра́, ӈі ћунывіндра́!» ћаў ітў. Мыз-ӈíӈывыӈ ітў: «Чізвун чроў-вііндра́!» Мыз-ӈíӈывыӈ пнохкыс ізвыў, толлух хгыіў, пфорох віў-те́ӈаў, пшафтох пфах-чхнај тоў-те́ӈаў шоў-јўгыў. Пфах-чхнајах понаӈн-івыв піӈгур, паӈӈејхун тоў-те́ӈаў, тафтох ізн тоў-јўгыў. «Мама́, моć аіў песӽнај арја́!» Ијáӈӈеі-хін ијáсх-хін рот моć аіт песӽнај арт, ћуӈ чхнај ітў: «Ћала́, ӽсівун ӈах пфорох віӈгве́!» ћаў ітў. Мыз-ӈíӈывыӈ ітў: «Ћала́, чі віаха́ј, еӈнкуў пшыјны-ло?» ћаў ітў. Ћуӈ чхнај: «Ћыцка́, еӈнкун пшыіндра́!» Мыз-ӈíӈывыӈ: «Чі чаӏрандра́!» Ћуӈ чхнај ітў: «Каукра́, ӈі чаӏранд ыы́ јахзунд!» Мыз-ӈíӈывыӈ ітў: «Каукра́, чах віӈгунтох агуіндра́!» Мыз-ӈíӈывыӈ віў евў пila wахајмірох јучіў ћунчіў. Ћуӈ пах-чхнај:

лизнувъ: «Сладко!» Все *безъ остатка* съѣла, вышла, въ свою юрту пошла. Когда вошла, ея старшій братъ сказалъ: «Завтра назадъ въ нашу деревню пойдемъ!» Выспавшись встали. Отправившись долго шли; бѣлый тюлень одинъ встрѣтился. Старшій братъ этого тюленя убилъ. Здѣсь *же* освѣжевавъ его, брюхо его вскрыли, внутри каменная фигура одна тамъ оказалась. Эта каменная фигура сказала: «Почему вы моего раба убили?» Нашъ Гилякъ: «Я не зная убилъ; я, забравъ тебя, унесши, содержать тебя буду!» Эта каменная фигура сказала: «Если меня унесши содержать будете, то, въ морѣ помѣстивъ, меня содержите!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Унесши въ свою деревню тебя принесу, мось приготовивъ, тебя накормлю, потомъ тебя въ морѣ помѣщу!» Эта каменная фигура сказала: «Я мося не хочу, въ твою деревню идти не хочу, я здѣсь останусь!» такъ сказала. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Связавъ тебя, унесу!» Нашъ Гилякъ ремнемъ связалъ, по водѣ поволокъ, въ свою деревню пришелъ, къ своей юртѣ свою каменную фигуру принесши занесъ. Свою каменную фигуру на среднюю нару помѣстилъ, своихъ женщинъ привелъ, въ юрту ихъ привелъ. «Старуха, мось приготовивъ, мою фигуру накорми!» Его жена и младшая сестра вмѣстѣ мось приготовили, его фигуру накормили, эта фигура сказала: «Ну, выпустивъ меня, въ мою деревню отпустите!» такъ сказала. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ну, если ты пойдешь, скоро-ли *назадъ* придешь?» такъ сказалъ. Эта фигура: «Да, скоро приду!» Нашъ Гилякъ: «Ты обманываешь!» Эта фигура сказала:

«Ыjка, ӈгусіjа́!» Мыз̀-ӈі̆ӷывың іт̆р̆: «Муіха́j, муjа́; ӈі ќерптох каукра́!» Ӈуӈ пах-чхнај ќахjоp̆. Мыз̀-ӈі̆ӷывың іхlуp̆, паӈ̆ӷej керыp̆: «Туp̆ jалыхыp̆ хгусіjа́!» Jаӈ̆ӷej туp̆ jалыхгә́, ӈуӈ чхнај кузіp̆, івыв тівра́ ехынавра́. Ӈуӈ чхнај іт̆р̆: «Ту ӈі̆ӷывыӈа́, толв-ӈытанга́ чіхуіндра́!» Ӈуӈ пах-чхнај кузіp̆-вір̆, мыз̀-ӈі̆ӷывың іт̆р̆: «Куӈ чхнај-арі він: інтоха́j з̀ан з̀оосхаріндра́!» Піlаӷ твуфыp̆ кеp̆-шора́, wa хгеp̆-шора́, пупд хгеp̆-шора́, ќхах геp̆-шора́ кузіp̆, му ӷочр̆ віфкє́. Ӈуӈ пах-чхнај тор̆-на́хр̆-тхы-фір̆ ӈунывыр̆. Ӈуӈ пах-чхнај іт̆р̆: «Jаӈр̆ пшынд-на́? Ӈі-ӈар̆ пшынд-lа, ургуp̆ ӈхерjа́!» Мыз̀-ӈі̆ӷывың іт̆р̆: «Тык-рыкjа́, та іт̆jа́! Твувыр̆кыс̀ ӆсан ч̀оосхоіндра́!» Ӈуӈ пах-чхнај ехнавра́: «Ӈі чігрып віндра́; чворох віаха́j, мос̀ аір̆ ӈарjа́!» Ӈар̆ іт̆р̆. Мыз̀-ӈі̆ӷывың іт̆р̆: «Пшыjа́, тус̀ тывjа́!» Ӈуӈ пах-чхнај пшыр̆ тус̀ тівр̆. Мыз̀-ӈі̆ӷывың твувр̆кыс̀ з̀оӈхр̆ ч̀ар̆ з̀оосхоp̆ іхуp̆, пфорох ехыр̆. Пшынга́ ijа́ӈ̆ӷej уігір̆, ijа́сх уігір̆, чхар̆-чхнај ӈахр̆ ӈунывыр̆. Мыз̀-ӈі̆ӷывың іт̆р̆: «Ӈаӈ̆ӷej-lо ӈасх-lо jанко́?» Ӈуӈ чхар̆-чхнај іт̆р̆: «Пал̀-ӈі̆ӷывуӈкун пшыт гендра́!» Мыз̀-ӈі̆ӷывың: «Ӈalá, угрын вінате́, чіхыз̀ х̆lај-ӈі̆ӷывың кеіндра́!» Ӈуӈ чхар̆-чхнај: «Ӈі

«Нѣтъ, я обмана вовсе не знаю!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Нѣтъ, тебя отпустить нельзя!» Нашъ Гилякъ пошелъ, схватилъ её, въ большой ящикъ положилъ, тутъ оставилъ. Эта каменная фигура: «Ой, ой, ой, выпусти меня!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Если умираешь, умирай; я останусь при своемъ!» Эта каменная фигура зарычала. Нашъ Гилякъ испугался, своей женѣ сказалъ: «Иди, открой, выпусти её!» Его жена пошла, и, когда открыла, эта фигура вышла, на нару сѣла, засмѣялась. Эта фигура сказала: «Эй, человѣкъ, въ серединѣ лѣта я тебя убью!» Эта каменная фигура вышла, нашъ Гилякъ сказалъ: «Вслѣдъ за той фигурой пойду: если увижу её, бить буду, *въ дребезги* разобью!» Большой молотъ захвативъ, саблю захвативъ, лукъ захвативъ, копье захвативъ, вышелъ, лодку *на воду* спустилъ, далеко пошелъ. Эта каменная фигура на островѣ одномъ оказалась. Эта каменная фигура сказала: «Зачѣмъ пришелъ? *Не* за мною-ли пришелъ, хорошенько мнѣ скажи!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Молчать, не говори! Молотомъ тебя бить буду, разобью!» Эта каменная фигура разсмѣялась: «Я вмѣстѣ съ тобою пойду; когда въ свою деревню придешь, мось приготовивъ меня накорми!» такъ сказала. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Иди *сюда*, здѣсь садись!» Эта каменная фигура подошла, тутъ сѣла. Нашъ Гилякъ молотомъ по головѣ ударилъ, разбилъ, убилъ, въ свою деревню вернулся. Когда онъ пришелъ, его жены не оказалось, его младшей сестры не оказалось, деревянная фигура одна тутъ осталась. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Моя жена, моя младшая сестра гдѣ?» Та деревянная фигура сказала: «Горные люди пришедши забрали!» Нашъ Гилякъ: «Давай, вмѣстѣ пойдемъ, тебя посредникомъ сдѣ-

ԥаӌх-хаврн, ӣактох вііӈа́?» Мыз-н̀і̆ӈывыӈ ітӈ: «Н̀і чвапыш чроӈ-вііндра́!»
Ӈуӈ чхаӈ-чхнај: «Ӈыӌка́, н̀шоӈ-вііја́!» Мыз-н̀і̆ӈывыӈ маӌч-онтхмі чіӈ вапыӈ
теӈыфке́. Мытӌкыӈ чныр-таф ӈаӽӈ Ӈунывыӈ. Југнӷ́ Ӈајму́ӈ мам ӈеныӈ
Ӈунывыӈ, Ӈу мам ітӈ: «Н̀ујá, паӌ-н̀і̆ӈывыӌкун чаӊ̀ӈ̆ај хгеӌгра́, часӽх геӌгра́!»
Мыз-н̀і̆ӈывыӈ ітӈ: «Ӈаӌа́, ачк-мама́, н̀шоӈ-вііја́, н̀і Іыӏы́ јахзунд!» Ӈу мам:
«Ӈыӌка́, н̀шоӈ-вііја́! Чі н̀ваӈ н̀шоӈ-вііја́! Н̀і ӣактох ам-аміӈа́? н̀і-ԥа́ӌх
ӽондра́!» Мыз-н̀і̆ӈывыӈ ітӈ: «Ӈыӌка́, чвапын чроӈ-вііндра́!» Ваӈ віфке́.
Маӌхоӌа́н-во-н̀а́ӽӈтох вінӷ́, ијаӊ̀ӈ̆ај кузіӈ тафты-фіӈ Ӈунывыӈ. Мыз-н̀і̆ӈы-
выӈ паӊ̀ӈ̆ај керыӈ: «Н̀і пшынд, та ітја́!» Ӈаӈ ітӈ. Ӈуӈ шанх југыӈ. Мыз
-н̀і̆ӈывыӈ југыӈ поӈаӈ̆н-івывтох туӈ Ӈупыӈ. Ыӵіх ӈеныӈ озіӈ: «Чі ӣакрух
пшы-н̀і̆ӈывыӈ-ԥа́?» Мыз-н̀і̆ӈывыӈ ітӈ: «Н̀і тоӌ-н̀і̆ӈывыӈта́!» Ӈуӈ ыӵх: «Чво
кеӈ ів-Іо?» Мыз-н̀і̆ӈывыӈ: «Каукра́, кеӈ хаврндра́!» Ӈуӈ ыӵіх: «Е~хӊ шанх
наӏ-ута́-воныӈ-шанхра́!» Мыз-н̀і̆ӈывыӈ: «Ӈаӊ̀ӈ̆ејра́! Чіӈ кыха́ј, н̀іхупа́, н̀і
кыха́ј; чіӈ сік куна́! Ухмуіӏ пшындра́!» Ӈуӈ ыӵіх ітӈ: «Ӈыӌка́, чі ваӈк
кымӏыја́! Оӌхуна́, н̀і̆ӈывыӈ сік хген шоӈ-пшыве́!» Н̀і̆ӈывыӈ ӈеныӈ кузіӈ
-віӈ, н̀і̆ӈывыӌкун сік хгеӈ шоӈ-пшы́ӈ. Ӈуӈ ыӵіх: «Ӈаӏа́, ухмунта́!» Мыз
-н̀і̆ӈывыӈ кузіӈ: «Ӈаӏве́, н̀і ӽаве́!» Ӈу н̀і̆ӈывыӌкуп ӽафке́; ку сік Ӈанӷ́, мыз

лаю!» Эта деревянная фигура: «Я безъ ногъ, куда мнѣ идти?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я тебя, на спину взваливъ, понесу!» Эта деревянная фигура: «Ладно, понеси меня!» Нашъ Гилякъ, въ сумку изъ рыбьей кожи *её* положивъ, на спину взваливъ, далеко пошелъ. Маленькая травяная юрта одна стояла. *Когда* онъ вошелъ, глубокая старушка одна тамъ оказалась, эта старуха сказала: «Посмотри, горные люди твою жену взяли, твою младшую сестру взяли!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ну, старушка, поведи меня, я совсѣмъ *ничего* не знаю!» Эта старуха: «Ладно, возьми меня съ собой! Ты, на спину меня взваливъ, понеси! Я какъ пѣшкомъ пойду? у меня нога болитъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ладно, на спину взваливъ, тебя понесу!» Взваливъ далеко пошелъ. Когда онъ въ многолюдное селеніе пришелъ, его жена вышла, у преддверія сидѣла. Нашъ Гилякъ своей женѣ сказалъ: «Я пришелъ, не говори *никому!*» такъ сказалъ. Эта женщина *въ юрту* вошла. Нашъ Гилякъ вошелъ, на среднюю нару взобравшись сѣлъ. Старикъ одинъ поднявшись: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я морской человѣкъ!» Этотъ старикъ: «Въ твоей деревнѣ новости есть-ли?» Нашъ Гилякъ: «Нѣтъ, новостей нѣтъ!» Этотъ старикъ: «Вонъ та женщина —женщина изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты!» Нашъ Гилякъ: «Это моя жена! Если вы сильнѣе, меня убьете, если я сильнѣе, васъ всѣхъ убью! Я воевать пришелъ!» Этотъ старикъ сказалъ: «Ладно, ты самъ думай! Ребята, всѣхъ людей забравъ приведите!» Человѣкъ одинъ отправился, всѣхъ людей забравъ привелъ. Этотъ старикъ: «Ну, давайте воевать!» Нашъ Гилякъ вышелъ: «Ну, въ меня стрѣляйте!» Эти люди много разъ стрѣляли; когда

-нʲĭ̆ӷывың ізи ӽаў ізи куў сік кухарыў. Пасӽ гера́ паньӷej хгера́ ехыў пфорох маӷыў. Маӷнг̣а́ нʲĭ̆ӷывың ӈеның шанх ӈеның ja-ра́ф-піт ӈунывха́рыт. Мызэ-нʲĭ̆ӷывың: «Чің ӣакрух пшыт ӈупывындхун-на́?» ӈаў ітў. Ӈу нʲĭ̆ӷывың ітў: «Кыў-муіфут пшындра́, нʲің арjа́!» ӈаў ітў. Мызэ-нʲĭ̆ӷывың паньӷej херыў: «Ӈала́, пӈорох теӷаў тур кеў шоў-ма́ӷыў ізи арыў ізи хуjа́!» Ӈуң шанх ітў: «Ахгуjа́! Ӈĭ̆ӷывың-тур-нан хгеў ӈарjа́, нʲӈа-рур-ат есӽанд!» Мызэ-нʲĭ̆ӷывың: «Ӈыңка́, чің хуно́н чің тур чің аріндра́!» Мызэ-нʲĭ̆ӷывың твувў кеў шоў-вʲĭ̆ў, ізи ӽаў ізи хуў ізи тоў-ку́зʲĭ̆ў ізи выкызʲĭ̆ў, паньӷej херыў: «Нʲĭ нʲӈа нанығын вʲĭ̆ндра́, тамы́н ӈасӽ-хін вавын Ӈунывве́! Рунд нʲĭ̆ӷывың-lo пшыў чің хгеінындра́, наӽа́j та вʲĭ̆ве́!» Мызэн-ша́нх: «Ӈыңка́, та вʲĭ̆ндра́! Мызэ-нʲĭ̆ӷывың ӄхах гера́, пунд гера́ кузʲĭ̆ў-вʲĭ̆ў. Віфке́ тор-раф ӈаӽў Ӈунывыў. Ӈуң тавух jугнг̣а́, ы́чіх ӈеның пілан ӄхан ӈан мы́чкын наіх ӈан Ӈунывыў. Ӈуң ӄханың jахуў. Ӈуң ы́чіх озʲĭ̆ў. Ӈajымың: «Рунд ахунд? Ты̄~чjа́! Чіхун чвыкызʲĭ̆ндра́! Ӄхоін аӷнʲĭ̆нд; ӄхонг̣а́ ахуў ӈосунд!». Мызэ-нʲĭ̆ӷывың ітў: «Ы́чіха́, чӽаның нʲрукінындра́, свjа́!» Ӈуң ы́чіх озʲĭ̆ў пӽаның поў. Мызэ-нʲĭ̆ӷывың туў Ӈупў. «Чі ӣакрух пшы-нʲĭ̆ӷывың-ңа́?» Мызэ-нʲĭ̆ӷывың ітў:

стрѣлы *у нихъ* всѣ вышли, пашъ Гилякъ въ нихъ стрѣлялъ, ихъ убилъ, всѣхъ перебилъ. Свою младшую сестру забравъ, свою жену забравъ, вернулся, въ свою деревню пришелъ. Когда онъ пришелъ, мужчина одинъ, женщина одна въ его юртѣ расположились. Нашъ Гилякъ: «Вы, откуда пришедши, тутъ пребываете?» такъ сказалъ. Этотъ человѣкъ сказалъ: «Съ голоду умирая пришли, насъ накорми!» такъ сказалъ. Нашъ Гилякъ своей женѣ сказалъ: «Ну, въ нашъ амбаръ взберись, мяса забравъ принеси, ихъ накорми, ихъ убей!» Та женщина сказала: «Не смѣй! Только человѣческаго мяса доставъ меня корми, звѣринаго же мяса не желаю!» Нашъ Гилякъ: «Ладно, васъ убивъ, вашимъ мясомъ васъ накормлю!» Нашъ Гилякъ молотъ взявъ принесъ, ихъ билъ, убилъ, вытащилъ, бросилъ, своей женѣ сказалъ: «Я звѣря промышлять пойду, никуда не отлучаясь, вмѣстѣ съ моей младшей сестрой тутъ живите! Если какой-нибудь человѣкъ пришедши васъ забрать *вознамѣрится*, тогда не ходите!» Наша женщина: «Ладно, не пойдемъ!» Нашъ Гилякъ копье взявъ, лукъ взявъ отправился. *Послѣ того какъ* далеко пошелъ, зимняя юрта одна попалась. Въ эту юрту *когда* вошелъ, старикъ одинъ, большая собака одна, маленькій щенокъ одинъ тутъ оказались. Эта собака залаяла. Старикъ этотъ проснулся. Старикъ: «Чего лаешь? Молчать! Убивъ тебя, выброшу! Спать хотѣлось; когда уснулъ, ты лаемъ меня разбудила!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Старикъ, твоя собака меня укусить собирается, держи ее!» Этотъ старикъ всталъ, свою собаку удержалъ. Нашъ Гилякъ *на нару* забравшись сѣлъ. «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ

«Ӈi nal-ћытá вонынтá!» Ћуӈ ычх: «Чi тунх вiахáj, ӄах рувӈ-унiйк чiхуiндрá!» Мыз-нiӈывынӈ: «Ћахajрó! Ӈi унiйкрох ухмуil пшындрá!» Ћуӈ ычх iтй: «Ухмujá! Чi кый ћуӈ унiйккун кухархáj, ӈiхыiндрá: ӈехlункун сiк унiйк
115 ызн хуй iӈiхарындрá!» Мыз-нiӈывынӈ iтй: «Ӈi кузiн-вiiндрá!» ћай iтй. Ах кузiй, вiфкé. Ычiх ӈеныӈ ћунывый, мiф кызiй. Мыз-нiӈывынӈ ерах вiй зоӄхй момпй: «Ычiхáj!» Ћуӈ ычх: «Рунд?» Мыз-нiӈывынӈ: «Ӈирá!» Ћуӈ ычiх ӽалáй iнтый: «Чi шакрух пшы-ӈiӈывынӈ-ӄá?»—«Ӈi nal-ћытá вонынтá!»—«Есмохрá, наф-ат ћоплаӈ тур iӈiнт-ћаiхнá, есмохрá!» Мыз-нiӈывынӈ iтй:
120 «Чiхун чрур ӈiiндрá!» Ӄхахкыс еспй iхуй, ja-хкызн-мiв-мi-рох jучiй сiй, чхай кей ванхáрый. Ћуных вiфкé, тав-ӈáӽй̆тох вiй, шылыгын-куты-рулк тывый: ӈiӈывынӈ тамыхрá! Ытытá! Мыз-нiӈывынӈ полáхй: «Ћалá, унiйкхунá, кузiн ухмунтá!» Унiйккун кузiг ухмут ухмуфкé, унiйккун сiк мухарынд. Ћуных вiфкé пiлаӈ тав-ӈáӽй̆ ћунывый. Ћуӈ тафтох jугнӑ, ычiх ӈiн
125 мам ӈiнынӈ ћунывый. Ћу мам озiй iнтый: «Антых пшынд-Iы? Ычiхá, озjá!» Ћуӈ ычiх озiй: «Антхá, шакрух пшынд-нá? Чво кей iв-lо?» Мыз-нiӈывынӈ iтй: «Ӈво кей хавриндрá, наф пшыjфó унiйкрох ухмундрá, унiйккун сiк кухаказалъ: «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты!» Этотъ старикъ: «Ты если отсюда пойдешь, шесть братьевъ-людоѣдовъ тебя убьютъ!» Нашъ Гилякъ: «Пусть! Я пришелъ воевать съ людоѣдами!» Этотъ старикъ сказалъ: «Воюй! Если ты, будучи сильнѣе, тѣхъ людоѣдовъ истребишь, спасибо ска-
115 жу: всѣхъ моихъ дѣтей людоѣдъ убивъ пожралъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я отправлюсь!» такъ сказалъ. Вотъ вышелъ, далеко пошелъ. Старикъ одинъ встрѣтился, землю копалъ. Нашъ Гилякъ къ нему подошелъ, за голову его схватилъ: «Старикъ!» Этотъ старикъ: «Чего?» Нашъ Гилякъ: «Это я!» Этотъ старикъ, поднявъ глаза, посмотрѣлъ: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» — «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты!» — «Очень радъ, теперь-то сладкаго мяса *удастся* поѣсть, очень радъ!» Нашъ Гилякъ ска-
120 залъ: «Тебя убивъ, твое мясо ѣсть буду!» Копьемъ кольцувъ убилъ, въ имъ-*же* выкопанную яму опустивъ положилъ, дрова доставъ хорошенько *яму* прикрылъ. Отсюда далеко пошелъ, къ юртѣ одной подошелъ, черезъ открытое отверстіе посмотрѣлъ: людей множество! Ой, ой, ой! Нашъ Гиляжъ закричалъ: «Эй, людоѣды, выходите, воевать давайте!» Людоѣды вышли, воевали, долго воевали, людоѣды всѣ до единаго померли. Отсюда далеко пошелъ, большая юрта одна попалась. Въ эту юрту *когда* вошелъ,
125 старикъ одинъ, старуха одна тамъ находились. Эта старуха поднявшись посмотрѣла: «Гость пришелъ? Старикъ, вставай!» Этотъ старикъ поднявшись: «Гость, ты откуда пришелъ? Въ твоей деревнѣ новости есть-ли?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Въ моей деревнѣ новостей нѣтъ, теперь по пути съ людоѣдами воевалъ, людоѣдовъ всѣхъ перебилъ. Я теперь пойду, когда пойду,

рындра́. Ӈі паф вііндра́, ӈі віха́j, пал-ӈіӈывыцтох ухмуіндра́!» Мыз-ӈіӈывыц кузіӷ віфке́, малхола́ӈ ворох віӷ. Ӈыта́-фіӈ-тафтох jугиға́, ычіх ӈішыц ітӷ: «Олхуна́, чхыф мувé!» Іéхlунгкуп сік кузіт таф-ті фіт, чхыф мухарырт. «Вераха́, ты-во-фіӈ-ӈіӈывыцкуп сіках чхыф мупкjа́!» Ӈу верах кузіӷ-віӷ. Вірóӷ пшыға́, ӈуӈ ычх ітӷ:. «Ах сік чхыв му-lо?» Верах: «Ӈыцка́!» Ӈуӈ ычх: «Антха́, кузіӷ ікус-піӈ-чхыфкунтох ухмуjа́!» Мыз-ӈіӈывыӈ ітӷ: «Ӈі іхlундра́!» — «Каукра́, кузіӷ ухмуjа́!» Мыз-ӈіӈывыц кузіӷ, пфупд jорура́ пхах кера́. «Ӈала́, чхыфкуна́, ӈерах пшывé, ухмунта́!» Ӈуӈ чхыфкун пшыт ухмуфке́; сік кухарыӷ. Мыз-ӈіӈывыц jугыӷ, ӈуӈ ычх керыӷ: «Ычіха́, ӈі сік чехlунгкуп кухаріндра́!» Ӈуӈ ычх черjоӷ, мыз-ӈіӈывыӈ ітӷ: «Jаӈӷ черіонд-на́? Чі черіоха́j, чіхуіндра́!» Ӈуӈ ычх ӈехаӷ тык-рыкӷ, мыз-ӈіӈывыӈ ітӷ: «Ӈі чроӷ-ма́ӷып чајвоіндра́!» Ӈуӈ ычх ітӷ: «Ахгуjа́, ӈі тамын пфо-фііндра́!» Мыз-ӈіӈывыц ітӷ: «Чі кымыjа́! Ӈі вііндра́!» Кузіӷ віфке́, пілаӈ тав-ӈа́хӷ Ӈунывыӷ. Ӈуӈ тафтох jугиға́: ытыта́... ӈіӈывыӈ малхохра́! Ычіх ӈеныӈ озіӷ: «Чі шакрух пшы-ӈіӈывыӈ-ӈа́?» Мыз-ӈіӈывыӈ ітӷ: «Ӈі nal-Ӈыта́ вопыцта́!» Ӈуӈ ычх ітӷ: «Олхупа́, сік кlупд мувé!» Іéхlунгкун кузіт, сік кlунд мут. Мыз-ӈіӈывыӈ ітӷ: «Ӈі чехlунгкунтох ухмуіl пшындра́!» Мыз

съ горнымъ человѣкомъ восвать буду!» Нашъ Гилякъ вышелъ, далеко пошелъ, въ многолюдное селеніе пришелъ. Когда въ среднюю юрту вошелъ, старикъ одинъ сказалъ: «Ребята, медвѣдями сдѣлайтесь!» Его дѣти всѣ вышли, въ сѣняхъ стали, медвѣдями сдѣлались. «Рабъ, пусть всѣ жители этой деревни медвѣдями сдѣлаются!» Этотъ рабъ отправился. *Когда* онъ, *послѣ того какъ* ушелъ, вернулся, этотъ старикъ сказалъ: «Уже всѣ медвѣдями сдѣлались?» Рабъ: «Да!» Этотъ старикъ: «Гость, выйди, съ находящимися на дворѣ медвѣдями воюй!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я боюсь!»—«Нѣтъ, иди, воюй!» Нашъ Гилякъ вышелъ, свой лукъ согнулъ, свое копье взялъ. «Ну, медвѣди, ко мнѣ идите, давайте воевать!» Эти медвѣди подошли, долго воевали; онъ ихъ всѣхъ перебилъ. Нашъ Гилякъ *въ юрту* вошелъ, этому старику сказалъ: «Старикъ, я всѣхъ твоихъ дѣтей перебилъ!» Этотъ старикъ заплакалъ, нашъ Гилякъ сказалъ: «Чего плачешь? Если будешь плакать, тебя убью!» Этотъ старикъ испугавшись притихъ, нашъ Гилякъ сказалъ: «Я тебя заберу, содержать буду!» Этотъ старикъ сказалъ: «Не дѣлай, я (не отлучаясь) въ своей деревнѣ останусь!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты думай! (Твое дѣло!) Я пойду!». Вышелъ, далеко пошелъ, большая юрта одна оказалась. Когда въ юрту эту вошелъ: ой, ой, ой.... людей множество! Старикъ одинъ поднялся: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я изъ деревни, что по серединѣ бухты!» Этотъ старикъ сказалъ: «Дѣти, всѣ тиграми сдѣлайтесь!» Его дѣти вышли, всѣ тиграми сдѣлались. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я съ твоими дѣтьми воевать пришелъ!» Нашъ Гилякъ вышелъ, долго воевалъ,

-нӥ̆ывын кузӥ̆ ухмуфкэ́, паj сік хухáрыӈ. Ӈуных ехыӈ, пфорох пшыӈ, ijáнӈej ӈунывыӈ, ijáсх уигӥ̆р. Панӈejрох итӈ: «Jанкó? Ӈасх рунд нӥ̆ывын генд-нá?» Ӈуӈ шанх итӈ: «Тлы-нӥ̆ывын гендрá!» Мыз̀-нӥ̆ывын итӈ: «Ахӈ генд-нá?» Ijáнӈej итӈ: «Намыӈ-нан гендрá!» Ах iнiнд-ныӈ пычіх аррá. Мыз̀ -нӥ̆ывын панӈej херыӈ: «Ӥні пасх наныгын тлырох макіндрá!» Кузӥ̆ полáхӈ: «Тлы-кэ̆рхуӈá, маӷjá!» Ӈуӈ кэ̆рхуӈ маӷыӈ. Мыз̀-нӥ̆ывын евӈ макыӈ макыфкэ́. Тлырох макнг̊á, тлы-нӥ̆ывын ычіх нiныӈ Ӈунывыӈ. Мыз̀-нӥ̆ывын итӈ: «Ычіхá, намыӈ нӥ̆ывын нàсх хгенкуӈ iнты-ló?» Ӈын ычх: «Ӈыӈкá! Чі туных віфкэ́, мытӄын тав-нáхӈ Ӈунывіндрá; Ӈуп тафтох jугыхáj, ычіх нeныӈ Ӈунывіндрá. 'Чі ӣакрух пшынд-нá?' Ӈаӈ jот-jотіндрá!» Мыз̀-нӥ̆ывын ах кузӥ̆ віфкэ́, мычӄын тав-нáхӈтох віӈ; jугнг̊á ijáсх Ӈуныврá, пхнаӈ -нӥ̆ывын нeныӈ Ӈуныврá, ычіх нeныӈ Ӈуныврá. Ӈуӈ ычіх озӥ̆р: «Чі ӣакрух пшынд-нá?» Мыз̀-нӥ̆ывын итӈ: «Ӥні nal-Ӈытá воныӈтá, пасх наныгыт пшындрá!» Ӈуӈ ычіх итӈ: «Танінг̊á часх?» Мыз̀-нӥ̆ывын итӈ: «Ӈыӏрá! Ӈасх чіӈ jаӈт нàсх кендхун-нá?» Ӈын ычх итӈ: «Ӥнахмаӏыӷ-ӏы пшынд? Joхá, iнiнд-ныӈ пакі арjá!» Мыз-нӥ̆ывын: «Ӥні iнiнд есхандрá, ухмуil пшындрá! Ӈаlвé ухмунтá!» Мыз̀-нӥ̆ывын кузӥ̆р таф ты фӥ̆р, пунд орурá, кхах

всѣхъ рѣшительно перебилъ. Отсюда вернулся, въ свою деревню пришелъ, его жена *дома* оказалась, его младшей сестры не было. Своей женѣ сказалъ: «Что? Мою сестру какой-нибудь человѣкъ забралъ?» Эта женщина сказала: «Небесный человѣкъ забралъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Когда забралъ?» Его жена сказала: «Только вчера забралъ!» Вотъ закуску приготовивъ своего мужа накормила. Нашъ Гилякъ своей женѣ сказалъ: «Я свою сестру на небо искать пойду!» Вышелъ, закричалъ: «Небесная удочка, спустись!» Эта удочка спустилась. Нашъ Гилякъ ухватившись поднялся, долго поднимался. Когда онъ на небо взобрался, небесный человѣкъ, старикъ одинъ, тамъ оказался. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Старикъ, ты не видалъ-ли человѣка, забравшаго вчера мою сестру?» Этотъ старикъ: «Да! Ты, если отсюда далеко пойдешь, маленькая юрта тамъ будетъ; въ эту юрту когда войдешь, старикъ одинъ тамъ будетъ. 'Ты откуда пришелъ?' такъ онъ спроситъ!» Нашъ Гилякъ вотъ вышелъ, далеко пошелъ, къ маленькой юртѣ подошелъ; когда вошелъ, его сестра тамъ была, юноша одинъ тамъ былъ, старикъ одинъ тамъ былъ. Этотъ старикъ, поднявшись: «Ты откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты, свою сестру искать пришелъ!» Этотъ старикъ сказалъ: «Гдѣ твоя сестра?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Вотъ она! Мою сестру зачѣмъ вы забрали?» Этотъ старикъ сказалъ: «Братъ невѣстки пришелъ? Невѣстка, закуску приготовивъ своего старшаго брата накорми!» Нашъ Гилякъ: «Я ѣсть не хочу, я воевать пришелъ! Давайте воевать!» Нашъ Гилякъ вышелъ, въ

геў-шорá: «ћalвé, кузвé, ухмунгá!» Ћуӈ ычіх ітў: «Ні ухмунд есхандрá, шагун малхóхыс черах азў аіндрá!» Мыз-нíӷывыӈ: «Ћыцкá, шоў-маӷвé!» Ћу нíӷывыӈкун шагунд шанхá шоў-мáӷыт. Мыз-нíӷывыӈ ехыў-маӷрá; прафтох jугиӷ: ытытá... шагунд малхохрá! Паӈӷejрох керыў: «Iӈінд-ныў ӈарjá!» Ijáӈӷej iӈінд-ныў jарыў. Iӈрóў твиӷ: «Ні Iаӈгў наныгын вііндрá!» Кузíў пімын ӷочрá, Iаӈгў наныгыў віў віфкé; пiлáӷ ур-міф-ӈахў-тох вiӷ: ытытá... Iаӈгў малхохрá! Теӷаў чхаў кеў ізн чаў ізн хуў, пімын чарнкуў пшыў; пшаф-ті-рох теӷаў кхарiӷ тав-мі-ерхн-тох ехlуг-черjун-ау Iатў. Jугиӷ ijáӈӷej ехlуг ajвуў. Паӈӷej херыў: «Рунд ехlуӈá?» jот-jóтў. Ijáӈӷej ітў: «Аѣмыч-ехlацтá! Ычіхá, меӷ муг ехаіндрá!» Iхымыў. «Пехlуг пы-пы́ў вантujá!» Ћу нíӷывыӈ вы-пыфкé, пехlугах пiла-нíӷывыӈ муӈгт. Мыз -нíӷывыӈ-хін паӈӷej-хін мут, еў-кін iўӈ-кін хгыiў шоў-вíў, ізн тувў выкызў, ћарóў пшыў прафтох jугыў, хоскын кеў jаррá, плыс-ухт херá, пунд герá, кхах керá шоў-вíў віфкé. Пiлаӈ куты-ӈахў ћунывыў. Ћуӈ куты-рулк jугыў jугыфкé; вук-вукуў чај jугыфкé; хал-хáлыў керхӈтох хомўтох маӷыў. Хомўух тывиӷ, нiӷывыӈ-тіф Iатў. Ћуӈ тіф урыў віфкé, мытк'ын тав-нáхў

сѣняхъ сталъ, лукъ согнувъ, копье держа: «Ну, выходите, давайте воевать!» Тотъ старикъ сказалъ: «Я воевать не желаю, множествомъ драгоцѣнностей тебѣ выкупъ заплачу!» Нашъ Гилякъ: «Ладно, тащите!» Эти люди множество драгоцѣнностей притащили. Нашъ Гилякъ назадъ спустился; когда въ юрту вошелъ: ой, ой, ой.... драгоцѣнностей множество! Своей женѣ сказалъ: «Закуску приготовивъ меня накорми!» Его жена, закуску приготовивъ, его накормила. Поѣвши, покончивъ: «Я тюленя искать пойду!» Вышелъ, свою лодку *на воду* спустилъ, тюленя искать пошелъ, далеко пошелъ; когда къ большому острову одному пришелъ: ой, ой, ой.... тюленей множество! *На берегъ* вышелъ, палку взялъ, ихъ билъ, убилъ, свою лодку наполнивъ вернулся; къ преддверію своей юрты подошелъ и когда остановился, внутри юрты голосъ плачущаго ребенка слышался. Когда вошелъ, его жена ребенка держала. Къ своей женѣ обратился: «Что за ребенокъ?» спросилъ онъ. Его жена сказала: «Это мальчикъ! Мужъ *мой*, мы скоро умремъ!» *Ребенка* подала *ему*. «Своего ребенка качая взрости!» Этотъ Гилякъ долго качалъ его; своего ребенка взрослымъ человѣкомъ сдѣлали. *Когда* нашъ Гилякъ и его жена померли, онъ своего отца и свою мать вытащивъ, повезъ, ихъ сжегши бросилъ, потомъ пришедши въ свою юрту вошелъ, юбку взявъ одѣлъ, плисовый халатъ одѣлъ, лукъ взялъ, копье взялъ, отправился, далеко пошелъ. Большая дыра одна встрѣтилась. Въ эту дыру спустился, долго спускался; когда стемнѣло, все еще долго спускался; когда разсвѣло, онъ къ морю, къ берегу спустился. На берегу, когда онъ посмотрѣлъ, человѣческій слѣдъ оказался. По этому слѣду долго ходилъ; маленькая юрта одна стояла. Когда

ӈунывыр̆. Ӈуӈ таѳтох југыӷа̊, ӈајмуӈг мам ӈеныӈ ӈунывыр̆. Ӈу мам ӄхор̆. Мыз̀-ӈи́ӽывыӈ: «Мама́, оз̀ја́, тхерна́!» Мын-ха́врыр̆, чхар̆ кер̆ з̀оӆхр̆ з̀аӷа̊, 180 напы́ тајру́р̆; чај твуфр̆ кер̆ з̀оӆхр̆ з̀аӷа̊, з̀оӆхр̆ух ч̀ох укр̆. Ӈу мам ӽалы́р̆ інты́р̆: «Антх пшынд тајрут; ӄхонта́ ӈз̀оӆхр̆ух ч̀ар маркынд-ӈаіндра́!» Хітір̆ ев-е́вр̆; інты́р̆-інты́ӷа̊: «Тунд рунд с̀ох?» Мыз̀-ӈи́ӽывыӈ ітр̆: «Уӈірк пшыр̆ цс̀андра́, ӈі ӈуӈ уӈірк хундра́!» Ӈу мам ітр̆: «Ӈіхохра́! Ола́, ех̀ос̀тох маӽыр̆, накс̀ кvр̆ ӈах ӀункјА́!» Мыз̀-ӈи́ӽывыӈ маӽыр̆, накс̀ кvр̆ шор̆-те́ӽар̆, пау вахыр̆ 185 јупр̆. Ӈу мам ітр̆: «Ӈала́, ӈах Ӏувкја́!» Мыз̀-ӈи́ӽывыӈ ітр̆: «Ӏуја́, јаӆр̆ Ӏуін керыр̆?» Ӈу мам Ӏур̆: «Чі тол̀-ӈи́ӽывыӈ-і́, ӈі сік јајімунд!» Мыз̀-ӈи́ӽывыӈ ітр̆: «Мама́, јаӆр̆ ч̀алранд-на́?» Ӈу мам ітр̆: «Ӈі ч̀алранд јахзунд!» Мыз̀ -ӈи́ӽывыӈ ітр̆: «Твіја́, јаӆр̆ ч̀алрар̆ Ӏуіl-іхмынд-на́?» Мыз̀ - ӈи́ӽывыӈ кузір̆ віфке́, пілаӷ тав-ӈа́х̆р̆-тох вір̆ југыр̆; пілаӆ ычіх ӈіныӈ ӈунывыр̆, ӈуӈ ычіх 190 озір̆: «Есмохра́! Хазрлаӆ ӈӽак̀ пычкынд, есмохра́!» Мыз̀-ӈи́ӽывыӈ пфундхыс̀ х̆ар̆, јаӷ-ӈі́ф х̆ар̆. «Ыӆ~ыӆ~ыікн ӈіфа́! Рунд-ны́?... Ӈірк рукнд-ӈаіндра́!» Мыз̀-ӈи́ӽывыӈ ч̀ај ја-ӈі́ф х̆ар̆. «Ыӆ~ыӆ~ыікн ӈіфа́!» Ӈуӈ уӈірк мур̆, мыз̀-ӈи́ӽывыӈ кузір̆ віфке́. Малхола́ӷ во-ӈа́х̆р̆-тох вінӷа̊, паз̀р̆-ах-піӆ-тавух

въ эту юрту вошелъ, глубокая старуха одна тамъ была. Эта старуха спала. Нашъ Гилякъ: «Старуха, встань, съ тобой поговорю!» *Такъ какъ* она не слышала, онъ полѣно взялъ, и *послѣ того какъ онъ её* по головѣ ударилъ, она все таки не чувствовала; еще молотъ взялъ и *послѣ того какъ* по 180 головѣ ударилъ, изъ головы кровь потекла. Эта старуха, глаза раскрывъ, посмотрѣла: «Гость пришелъ, я не знала; *когда* спала, на голову мнѣ воды налили, *какъ видно*!» *Руку* поднесла, подержала; когда посмотрѣла: «Это что за кровь?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Людоѣдъ пришедши тебя ударилъ, я этого людоѣда убилъ!» Эта старуха сказала: «Спасибо! Сынъ *мой*, вонъ туда спустись, прутья наруби, меня заставь шаманить!» Нашъ Гилякъ спустился, прутья нарубивъ принесъ, инау настружилъ, её повязалъ. Эта старуха сказала: 185 «Ну, меня заставь шаманить!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Шаманъ, почему отказываешься шаманить?» Эта старуха запѣла: «Ты морской человѣкъ, я все знаю!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Старуха, зачѣмъ обманываешь?» Эта старуха сказала: «Я обмана не знаю!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Кончай, чего-ты обманывая распѣваешь?» Нашъ Гилякъ вышелъ, далеко пошелъ, къ большой юртѣ одной подошедши, вошелъ; глубокій старикъ одинъ тамъ 190 былъ, этотъ старикъ поднялся: «Какъ я радъ! Жирный звѣречекъ пришелъ, какъ я радъ!» Нашъ Гилякъ изъ лука выстрѣлилъ, въ сердце его выстрѣлилъ. «Ой, мое сердце! Что это такое?... Вошь укусила, видно!» Нашъ Гилякъ снова въ сердце ему выстрѣлилъ. «Ой, ой, мое сердце!» Этотъ людоѣдъ умеръ, нашъ Гилякъ вышелъ, далеко пошелъ. Въ многолюдную деревню

йугыў. Йугнӑ́ месх-рамра́ ват-рамра́ ӈанг шанх ӈеныӈ, ӈаймӯнг ычіх ӈіныӈ ӈунывыў. Ӈуӈ ычіх озіў: «Чі йаӈў пшынд-на́? Ургуў ӈхерйа́!» Мызӡ-ӈіӈ̆ы- 195
выӈ ітў: «Чехӏунг-ӈат пшындра́!» — «Ӈыӈка́, хгейа́!» Ӈуӈ ычх ітў: «Ола́, ту ӈіӈ̆ывыӈ авў-війа́!» Ӈуӈ шанх ітў: «Ыта́, ӈах вінкуіха́й прота-чхнай ӈіхмійа́!» Мызӡ-ӈіӈ̆ывыӈ ітў: «Атк-ычіха́, ӈі пат ехіндра́!» Ӈаў ітў. Ӈуӈ ычх ітў: «Пат ӈіхувэ́, кў-нан вівэ́! Ола́, іӈінд-пын пычх-кін іӈвэ́!» Ӈуӈ шанх іӈінд-ныў пычіх-кін роӈінд іӈінд. Мызӡ-ӈіӈ̆ывыӈ іӈро́ў твінгӑ́ кузіў, чхаў тара́ 200
шоў-йу́гыў, ічіра́, тамых тара́, ӈаро́ў цыупкў́ў ах ӄхот; ӈымпа́т ознгӑ́, ӈуӈ ычх ітў: «Ола́, чхыф паныгйа́!» Мызӡ-ӈіӈ̆ывыӈ кузіў, чхыф паныгыў віфкэ́. Піла́г чхыв ӈан ӈунывыў іӈіў. Мызӡ-ӈіӈ̆ывыӈ йа-шоӄ-шоӄ́ў ерах малы́фтох вінгӑ́, пфундхысѣ ӄаў іхысѣ ӈіуў, млохысѣ шоў-пшы́ў. Ӈуӈ ычх ітў: «Еѣмохра́, ӈіхохра́!» Мызӡ-ӈіӈ̆ывыӈ йеро́ў йечў йарыў, чхыв-ӈан-тур сік іӈха́рыў. Мызӡ 205
-ӈіӈ̆ывыӈ паӈ̆ӗй херыў: «Ӈала́, вінатэ́!» Ійа́ӈ̆ӗй: «Ӈыӈка́!» Угрыт пфорох ехт пшыт. Праftох йугнӑ́, ізн таф сік чныр пандў. Мызӡ-ӈіӈ̆ывыӈ кузіў, тав ајро́ў івў ӈунывыў. Чо паныгра́ шоў-пшыра́, нӈа паныгра́ іхуў шор

одну пришедши, онъ въ крайнюю юрту вошелъ. Когда онъ вошелъ, здѣсь находилась со множествомъ мѣдныхъ *побрякушекъ*, со множествомъ желѣзныхъ *побрякушекъ*, такая женщина одна, одинъ глубокій старикъ *тоже*, Этотъ старикъ, поднявшись: «Ты зачѣмъ пришелъ? Хорошенько мнѣ ска- 195
жи!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «За твоей дочерью я пришелъ! — «Ладно. бери!» Этотъ старикъ *затѣмъ* сказалъ: «Дочка, за этого человѣка замужъ иди!» Эта женщина сказала: «Отецъ, *если* ты меня отсылаешь, свою серебряную фигуру мнѣ дай!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Тесть, я завтра назадъ пойду!» такъ сказалъ. Этотъ старикъ сказалъ: «Завтра передпюйте, послѣзавтра идите! Дочка, закуску приготовивъ, вмѣстѣ со своимъ мужемъ кушайте!» Эта женщина, закуску приготовивъ, вмѣстѣ со своимъ мужемъ ѣла. Нашъ Гилякъ, поѣвши, покончивъ, вышелъ, дровъ нарубивъ принесъ, 200
огонь развелъ, табаку покурилъ, потомъ, когда поздно стало, они вотъ спать легли; на другой день, *когда* они встали, этотъ старикъ сказалъ: «Сынъ мой, медвѣдя поищи!» Нашъ Гилякъ вышелъ, медвѣдя искать далеко пошелъ. Большой медвѣдь одинъ встрѣтился, кормился. Нашъ Гилякъ, подкрадываясь, близко къ нему подошедши, изъ лука выстрѣливъ его убилъ, цѣликомъ принесъ. Этотъ старикъ сказалъ: «*Какъ* я радъ, спасибо!» Нашъ Гилякъ сваривъ спялъ, его накормилъ, онъ мясо цѣлаго медвѣдя все *безъ* 205
остатка съѣлъ. Нашъ Гилякъ своей женѣ сказалъ: «Ну, пойдемъ!» Его жена: «Ладно!» Вмѣстѣ въ свою деревню вернувшись пришли. *Когда* въ свою юрту пришли, ихъ юрта вся травой поросла. Нашъ Гилякъ вышелъ, юрту сдѣлавъ, поселившись жилъ. Рыбу ловя приносилъ, звѣря промышляя убивалъ,

-пшырá; hат hунывкé. Ijáнӈej exlуиг ajвуӈ; пехlуиг ajвут hунывывкé. Ывэн
210 exlуиг пila-нíӈывыӈ муӈ. Мывэ-нíӈывыӈ-кiн паньӈej-кiн мут, ывэн exlуиг еӈ -кiн iӈӈ-кiн хгыiӈ шоӈ-вíӈ iвэн пыкывэӈ, hарóӈ твiнгá пшыӈ, пшафтох jугыӈ. Jугнгá hajмýиг ычíх нeныӈ hунывыӈ; hуӈ ычх iтӈ: «Olá, чi шактох вiнд -нá?» Мывэ-нíӈывыӈ iтӈ: «Пеӈ-кiн пiӈӈ-кiн тоӈ-вíт шувыт выкывэынд!»— «Olá, еӈнкуӈ аньӈej панывгыӈ шоӈ-пшывíӈ hунывjá!» Мывэ-нíӈывыӈ кувэíӈ
215 вiфкé; пiлаиг тав-нáхӈтох вiнгá, ычх нiныӈ мам нeпыӈ hат hунывыт. Hуӈ ычх озíӈ: «Olá, чi шактох вiiфунд-нá?» Мывэ-нíӈывыӈ iтӈ: «Ни аньӈej панывгыт вiiфундрá!» Hуӈ ычх iтӈ: «Olá, ни-мýхыс вijá!» Hу мухыс вiфкé, пiлáиг ур-мiф-нáхӈ-тох вiнгá, ычíх нiныӈ hунывыӈ. Hуӈ ычх: «Olá, чi jаӈӈ пшынд-нá?» Мывэ-нíӈывыӈ: «Ни аньӈej панывгыт пшындрá!» Hуӈ ычх: «Нап-
220 кухáj, нехiуиг кejá!» Мывэ-нíӈывыӈ: «Hыӈкá!» Hуӈ ычх iтӈ: «hалá, угрын вiнатé!» Мывэ-нíӈывыӈ-кын угрыт вiт; ерáфтох jугнгá, пхнаӈ-шанх нeпыӈ hунывыӈ.—«Olá, ту нiӈывыӈ авjá!» Hуӈ шанх: «Hыӈкá!» Мывэ-нíӈывыӈ хгеӈ шоӈ-вíӈ. Пфорох вiнгá прафтох jугрá, паньӈej-хiн iнiнд-ныт iнiнтá, hатóт твiт. Мывэ-нíӈывыӈ: «Ни пал-нiӈывыӈтох ухмун вiiндрá!» Пунд герá
225 кувэíӈ теӈафкé. Пал-нiӈывыӈкун-ворох теӈнгá, тав-нáхӈтох jугнгá, ычíх

приносилъ; такъ долго жили. Его жена сына имѣла; своего сына содержа
210 долго жили. Ихъ сынъ взрослымъ человѣкомъ сталъ. Нашъ Гилякъ и его жена померли, ихъ сынъ своего отца и свою мать вытащивъ повезъ, ихъ бросилъ, потомъ покончивъ вернулся, въ свою юрту вошелъ. Когда вошелъ, глубокій старикъ одинъ тамъ былъ; этотъ старикъ сказалъ: «Сынъ *мой*, ты куда ходилъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Своего отца и свою мать повезъ, сжегъ, бросилъ!» — «Сынъ *мой*, сейчасъ-же жену поискавъ привези, *такъ* живи!» Нашъ Гилякъ вышелъ, долго ходилъ; *когда* онъ въ одну большую юрту
215 пришелъ, старикъ одинъ, старуха одна, столько ихъ тамъ жило. Этотъ старикъ поднявшись: «Сынъ *мой*, ты куда направился?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я жену искать направился!» Этотъ старикъ сказалъ: «Сынъ *мой*, на моей лодкѣ ступай!» На этой лодкѣ онъ долго ходилъ *и когда* къ большому острову одному прибылъ, старикъ одинъ встрѣтился. Этотъ старикъ: «Сынъ *мой*, ты зачѣмъ пришелъ?» Нашъ Гилякъ: «Я жену искать пришелъ!» Этотъ старикъ:
220 «Если такъ, мою дочь возьми!» Нашъ Гилякъ: «Ладно!» Этотъ старикъ сказалъ: «Давай, вмѣстѣ пойдемъ!» Съ нашимъ Гилякомъ вмѣстѣ пошли; когда въ его юрту вошли, молодая женщина одна тамъ была.—«Дочь *моя*, за этого человѣка замужъ иди!» Эта женщина: «Ладно!» Нашъ Гилякъ *ее* взялъ, повезъ. Въ свою деревню пришедши, онъ въ свою юрту вошелъ, вмѣстѣ съ женой, закуску приготовивъ, ѣли, потомъ кончили. Нашъ Гилякъ: «Я съ горными людьми воевать пойду!» Лукъ взявъ вышелъ, далеко
225 *въ гору* поднимался. *Когда* онъ до деревни горныхъ людей добрался и въ юрту

ӈеныӈ мам ӈiп мен быӷк Ӈунывыт. Мыз-ӈiӷывыӈ iтӷ: «Чiӈ-ма̀л-ӈiӷывыӈтох ухмуӥl теӷандра́!» Ӈуӈ ычх iтӷ: «Агуја́, ӈiӈ-оӈгарја́!» Мыз-ӈiӷывыӈ кузiӷ ухмуфкэ́, iзн сiк куӷ, пфорох схӷ-ма́ӷыӷ, чо напыгра́ шоӷ-пшыра́. Ӏја̀ӈӷ кузiӷ махра́, чо Ӈет ӈiӈта́. Ӏычх Ӏаӈгӷ напыгыӷ вира́, пiми чаруӷ шоӷ -пшы́р; iзiта́ ја-цо́хкыс̀ том аiта́. Ма̄ кхавикут хот роѐд ӈорох шоӷ-тэ́ӷат сiта́, прафтох маӷыт Ӈунывындхун. Фуру́.

одну вошелъ, старикъ одинъ, старуха одна, вдвоемъ только жили. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Съ вашими горными людьми воевать пришелъ!» Этотъ старикъ сказалъ: «Не дѣлай *этого*, насъ пожалѣй!» Нашъ Гилякъ вышелъ, долго воевалъ, ихъ всѣхъ убилъ, къ своей деревнѣ назадъ спустился, рыбы наловивъ принесъ. Его жена вышла, рыбу почистила, сварили, ѣли. Ея мужъ тюленя промышлять пошелъ, лодку полную привезъ; освѣжевали, изъ ихъ сала жиръ вытопили. Юкалы насушили, *спшала* сняли, *съ спшалъ юкалу* собрали, въ амбаръ снесли, положили, въ свою юрту пошли, жили. Сказано.

Примѣчанія къ № 6.

1 *(стр. 3)*. Хоѐкн — короткая до колѣнъ юбка изъ выдѣланной тюленьей шкуры мѣхомъ наружу, надѣваемая мужчинами въ дорогу поверхъ мѣховаго армяка для предохраненія послѣдняго отъ истиранія и загрязненія во время сидѣнія. Юбки эти изготовляются изъ пестрыхъ шкурокъ молодыхъ тюленей Phoca equestris. Серебристо-сѣрый мѣхъ юбки красиво выдается на черномъ фонѣ собольяго мѣха и придаетъ зимнему гиляцкому костюму очень оригинальный видъ. Женщины не носятъ этихъ юбокъ, но наша героиня вообще сочла нужнымъ одѣться по-мужески, такъ какъ собралась на поиски своего старшаго брата и должна была скрыть свой полъ.

2 *(стр. 3)*. Пѐоӈхӷ ӈеӷикуӷ нора — ‘свои волосы въ одну косу заплела’, т. е. по-мужески, такъ какъ женщины заплетаютъ двѣ косы. — Пѐоӈхӷ — букв.: ‘свою голову’.

3 *(стр. 4)*. Нора, ӈера — вм. нора́, нера́, — обычная неправильность ударенiй въ поэмахъ, должно быть, въ интересахъ ритма.

4 *(стр. 4)*. Чiѐках — ‘маньчжурская шапка’ — войлочная шляпа съ короткими полями, спереди плотно пригибаемыми кверху. Покупается у маньчжурскихъ купцовъ на Амурѣ.

5 *(стр. 4, 5)*. Пшав-алахаф-тох — ‘къ задней стѣнкѣ юрты’. — Къ задней стѣнкѣ зимней юрты приставляется въ наклонномъ положенiи рядъ примыкающихъ другъ къ другу шестовъ, образующихъ навѣсъ, подъ которымъ обыкновенно находятся на привязи упряжныя собаки и кой-какiя хозяйственныя принадлежности. Это-то помѣщенiе и называется алахаф.

6 *(стр. 11)*. Туӈ ыӵх чорјоја́!—'Эй старикъ, молчать!', букв.: 'тотъ старикъ, молчать!' — обычная форма обращенія въ третьемъ лицѣ съ указательнымъ мѣстоименіемъ вмѣсто звательнаго падежа.

7 *(стр. 28)*. Кузіӣ - ӣлыӣ — 'на нѣкоторое время вышла', букв.: 'вышла, отсутствовала'.

8 *(стр. 37)*. 'Завтра твой старшій братъ пойдетъ, зачѣмъ пришла?' — Старикъ, удерживавшій брата героини у себя, испугавшись, повидимому, ея прихода, рѣшилъ его отпустить, но дѣлаетъ видъ, будто и раньше уже было рѣшено его возвращеніе, и съ наивнымъ видомъ спрашиваетъ, зачѣмъ она пришла.—Должно казаться страннымъ, что братъ и сестра не сказали другъ другу въ первый моментъ свиданія ни слова, но такова сила обычая, по которому братья и сестры, — исключая случаи крайней необходимости,—не имѣютъ права говорить другъ съ другомъ.

9 *(стр. 41)*. Кузіӣ-о́зіӣ—'выползла', букв.: 'вынырнувъ поднялась'.

10 *(стр. 47)*. 'Сладко!' — Гиляцкія женщины хорошо знаютъ вкусъ головныхъ паразитовъ, потому-что при чесаніи головы онѣ ихъ раздавливаютъ зубами и выплевываютъ.

11 *(стр. 50)*. 'Зачѣмъ моего раба убили!'—т. е. убитый тюлень былъ рабъ каменной фигуры. — По гиляцкой психологіи, животныя представляютъ собою либо божественныя антропоморфныя существа, принявшія только форму того или другого животнаго, напримѣръ, горный хозяинъ въ видѣ медвѣдя, либо подчиненныхъ этихъ божествъ, какъ въ данномъ случаѣ, либо, наконецъ, представляютъ даже принадлежность какого нибудь божественнаго существа, напримѣръ, малая косатка (Orcus gladiator) — сабля морского хозяина. — Обоготвореніе разныхъ предметовъ, находимыхъ въ желудкѣ или кишкахъ животныхъ, особенно морскихъ, — обычное явленіе въ миѳологіи вообще. Гилякъ, нашедши въ желудкѣ тюленя случайно попавшій туда фигурный камень, естественно принимаетъ его за божество—хозяина животнаго.

12 *(стр. 51)*. 'Я не зная убилъ; возьму тебя, унесу'. — Гилякъ, хотя и извиняется за невольное убійство раба фигуры, но тѣмъ не менѣе не можетъ удержаться, чтобы не забрать её съ собою въ качествѣ всесильнаго фетиша.

13 *(стр. 53)*. 'Мось'—см. № 5, пр. 10.

14 *(стр. 57)*. 'Каменную фигуру на среднюю нару посадилъ', т. е. на самое почетное мѣсто, см. № 5, пр. 2.

15 *(стр. 58)*. 'Его жена и младшая сестра'. — Повидимому, нашъ Гилякъ обзавелся женой въ той деревнѣ, откуда его забрала сестра, и она путешествовала все время съ ними, какъ это видно изъ выраженія: 'своихъ женщинъ привелъ' (стр. 57), хотя пѣвецъ раньше совершенно не упоминаетъ объ этомъ.

16 *(стр. 58)*. Мама́ — 'старуха!' обращеніе, относившееся къ женѣ: Гиляки употребляютъ слова мама́ и ыӵх — 'старуха' и 'старикъ', какъ ласкательныя въ смыслѣ 'жена' и 'мужъ'.

17 *(стр. 64)*. Ӣні ӄерӣтох каукра́ — 'я останусь при своемъ', букв.: 'я не откажусь'.

18 *(стр. 70)*. Тоӣ — 'островъ', собственно морская отмель, совершенно обнажающаяся во время отлива. На такія отмели обыкновенно любятъ выходить морскія животныя грѣться на солнцѣ, и здѣсь ихъ подкарауливаютъ Гиляки, загоняя въ не-

вода. — Каменная фигура, какъ хозяинъ тюленя, повидимому, сама обладала всѣми привычками морского животнаго, и Гилякъ вѣрно расчиталъ, ища её на отмеляхъ.

19 *(стр. 78)*. Чіхыз̀ х̌laj-ńiӈывыӈ кеіндра́ — 'тебя посредникомъ сдѣлаю'. — Х̌laj-ńiӈывыӈ — спеціальный терминъ: 'ораторъ', букв.: 'говорящій человѣкъ'. Въ жизни Гилякъ х̌laj-ńiӈывыӈ'ы — 'ораторы' играютъ огромную роль. Ни одно серіозное дѣло, начиная съ простой гражданской тяжбы и кончая переговорами въ дѣлахъ мести, не обходится безъ оратора, т. е. общепризнаннаго умнаго и обязательно краснорѣчиваго человѣка, который за свои таланты считается вдохновеннымъ свыше и потому способнымъ не только убѣждать, но и властно заставить себя слушать. Въ серіозныхъ случаяхъ вызываютъ искуснаго оратора издалека, за много сотъ верстъ. Подробности см. въ статьѣ Л. Штернберга, Сахалинскіе Гиляки (Этнографическое обозрѣніе 1893 г., кн. II).

20 *(стр. 84)*. Ǹшоў-вій́а — можетъ значить: 'поведи', 'съ собой возьми' и 'понеси'. Во всѣхъ этихъ трехъ значеніяхъ оно употреблено на стр. 83 и 84.

21 *(стр. 89, 90)*. Чво кеў ів-lо?—'въ твоей деревнѣ новости (букв.: сказаніе) есть-ли?'—обычный вопросъ, предлагаемый всякому пріѣзжему. За этимъ вопросомъ слѣдуетъ обыкновенно цѣлый рядъ другихъ стереотипныхъ вопросовъ, близко интересующихъ Гиляка, и прежде всего самые злободневные, въ родѣ того, нѣтъ-ли эпидеміи, не было-ли смертныхъ случаевъ, много-ли рыбы, какъ охота и т. д.

22 *(стр. 90, 91)*. 'Вотъ та женщина—женщина изъ деревни, что́ по срединѣ бухты!', т. е. гиляцкая женщина: нашъ Гилякъ назвался морскимъ человѣкомъ, и поэтому хозяинъ, горный человѣкъ, обращаетъ вниманіе гостя на гиляцкую женщину, какъ на диковину для него.

23 *(стр. 99 и 100)*. 'Съ голоду умирая пришли, накорми насъ!...'—типичный разговоръ, характеризующій нравы въ періоды голодовокъ, когда голодающіе бросаютъ свои деревни и отправляются въ первую попавшуюся юрту, часто къ совершенно незнакомымъ людямъ, въ полной увѣренности, что съ ними поѣлятся по-братски всѣмъ. И такова сила закона гостепріимства, что, несмотря на то, что нашъ Гилякъ узналъ въ гостяхъ людоѣдовъ и рѣшилъ ихъ убить, велѣлъ все таки предварительно ихъ хорошенько накормить мясомъ.

24 (*стр. 130*). 'Медвѣдями сдѣлайтесь!' — Семья старика принадлежала къ роду медвѣдей. По обычному представленію Гилякъ, медвѣди, тигры, да и вообще всѣ животныя, по истинной природѣ своей,—особой породы люди, способные принимать, по мѣрѣ надобности, форму того или другого животнаго (ср. пр. 11).

25 *(стр. 143)*. 'Всѣ тиграми сдѣлайтесь!'—Тигры не водятся въ территоріи Гилякъ, хотя иногда забѣгаютъ изъ сосѣднихъ территорій Ольчей и Орочей, но Гиляки даже на Сахалинѣ имѣютъ вполнѣ точное представленіе, какъ о тигрѣ, такъ и барсѣ, котораго называютъ малымъ тигромъ, и относятся къ этимъ животнымъ съ суевѣрнымъ страхомъ, опасаясь часто даже называть по имени. — Семья старика принадлежала къ роду тигровъ (ср. пр. 24).

26 *(стр. 159)*. Ǹахмаlыӈ-lы пшынд?—'мой братъ невѣстки пришелъ?'—Ахмаlыӈ—коллективный терминъ классификаціонной системы родства, не имѣющій себѣ соотвѣтствующаго въ русскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что по принципу каждый родъ можетъ брать женъ только изъ одного опредѣленнаго рода. Такъ вотъ для всѣхъ мужчинъ перваго рода всѣ мущины второго будутъ ахмаlыӈ, ахмаl, ахмаlк.

Такъ-что ахмаӀыҥ можетъ означать и: тесть, и братъ невѣстки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго мужчину того рода, откуда кто-нибудь изъ сородичей говорящаго взялъ себѣ жену. Терминъ этотъ играетъ важную роль въ половой регламентаціи, такъ какъ за ахмаӀыҥ'а нельзя выдавать замужъ женщинъ своего рода.

27 *(стр. 163)*. Аӡў аіндрá—'выкупъ (калымъ) заплачу (букв.: сдѣлаю)'.—Характерно, что аӡў значитъ и 'калымъ' и 'вира',—свидѣтельство тождественности происхожденія обоихъ институтовъ, такъ что калымъ—та же примирительная вира, но не за убійство, а за похищеніе женщины,—вира, замѣнившая собою кровавую месть.

28 *(стр. 170—173)*. Женщина предлагаетъ мужу, чтобы онъ волшебнымъ качаніемъ превратилъ ребенка во взрослаго человѣка, такъ какъ чувствуетъ приближеніе смерти и, слѣдовательно, необходимость позаботиться о томъ, чтобы сынъ былъ въ состояніи похоронить ихъ, какъ слѣдуетъ.

29 *(стр. 174)*. Плыс̀—искаженное русское плисъ.—Плисовые халаты носятъ только тунгусы и якуты, Гиляки никогда. Сопоставляя это обстоятельство съ тѣмъ, что въ началѣ поэмы фигурируетъ домашній олень, можно предположить, что фабула поэмы навѣяна какой-нибудь тунгусской или якутской сказкой, хотя въ общемъ всѣ детали носятъ чисто гиляцкій колоритъ.

30 *(стр. 179—183)*. Вся эта исторія съ пробужденіемъ старухи—образецъ грубаго юмора дикаря, юмора, имѣющаго большой успѣхъ среди слушателей.

31 *(стр. 197)*. 'Отецъ, если ты меня отсылаешь, свою серебряную фигуру (*фетишъ старика*) мнѣ отдай!'—Эта просьба сильно напоминаетъ библейскую исторію съ Рахилью, которая, вышедши за мужъ за Якова, украла у своего отца его идолы (гатрофимъ—буквально: фигуры, какъ и гиляцкое чхнај).

32 *(стр. 198)*. Атк—тесть, употребляется только при личномъ обращеніи, въ другихъ случаяхъ: ахмаӀыҥ (см. пр. 26).

33 *(стр. 207)*. Ізи таф сік чныр пандў—'ихъ юрта вся травой поросла', букв.: 'травой родилась', 'въ траву превратилась'.

34 *(стр. 211)*. Пыкызў—'бросилъ', 'потерялъ', 'похоронилъ'—обычное выраженіе, употребляющееся всякій разъ, когда рѣчь идетъ о похоронахъ, выраженіе, нынѣ утратившее всякій смыслъ и ведущее, вѣроятно, свое происхожденіе отъ того отдаленнаго времени, когда весь обрядъ похоронъ состоялъ въ томъ, что покойниковъ послѣ обряженія вывозили въ лѣсъ и оставляли на съѣденіе звѣрямъ, какъ это практикуется еще и теперь у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ. Въ настоящее время Гиляки сожигаютъ покойниковъ и, слѣдовательно, о бросаніи и рѣчи быть не можетъ.

35 *(стр. 230)*. 'Изъ его сала жиръ вытопили' (букв.: 'сдѣлали')—Тюленье сало и вообще всякое сало нельзя топить на огнѣ, что̀ считается осквернѣніемъ очага и оскорбленіемъ хозяина огня. Поэтому Гиляки вытапливаютъ жиръ только на солнцѣ, помѣщая сало, предварительно нарѣзавъ его мелкими кусками, въ большіе пузыри.

7.

Аӡмыч̌-ехlуӷ-кiн шанх-ехlаӷ-хiи.

Мытӄыӈ аӡмыч̌-ехlуӷ нiи быр̆к шанх-ехlаӷ ӈунывыт. Шанх-ехlуӷ ӈорох теӻар̆, ма гера́ том гера́ шор̆-ма́ӻыр̆; пасӽ-хiи iнiнд. Кр̆ыӡiгӑ́ шахт кымр̆ сiт тут пасӽ-хiи кхот. Кхофке́ iӡи-таф-хомi: «Ху-ху-хух!.... Нафха! Туӷ таф-ыцкр̆ нiӈывыӈ iвнд-ly? Кхаӡiрlаӷ ӷнаӄ-уцкр̆ iвпд-ly? Jугнате́ -хыр̆!» Ах jугыт хымi тыкт ӻомi тыкт. — «Очч-ат ахр̆-liн чамӈ-lуiныршӑ́ -хар̆ lуi-а́хр̆!»—«Ӈыцка́-i! Туных-афр̆ lуна́!.... Ко-ко~ко! Туӈ тав-ыцкра́ ӷнаӄ iвпд-ly?.... Ӈыӈ сiхӈ-jе́хӈ ӷнаӄ меныӈ ӈунывындхун! Ко~о! Нафху-нар̆ ӈорlаӷ-тур-iнiнд парра́! Ӈо~о! Есмухра́! Нафхо́, чӑӻ-ӌаjа́, нi чхар̆ таiндра́!» Jаӷ-на́фх тук гер̆ шор̆ чӑх пер̆ ах вiр̆; jаӷ-на́фх чхар̆ тар̆ кv гера́ шор̆, чхар̆-ӌар̆ вiр̆ шор̆-пшы́р̆: «Нафхо́! Iкуӡтох ох геjа́!» Кузiр̆ гер̆ шор̆-jу́гыр̆ палыӈ сiр̆, тур̆ аӡмыч̌-ехlуӷ гер̆ шор̆-ка́р̆, кыlаӷ чеӽку ах еспр̆ iхур̆. Зоосхут jаӷ-ту́р iнiнд: «Ӈо~орахра́! Ехунт-ат патын-нан iнате́! Кхо-нбн озн, iннбн вiнате́!» Ах теӻат посд. Кхофке́ ӈеныӈ: «Ы~ы! О~о! Нгаур̆

Мальчикъ и дѣвочка.

Маленькій мальчикъ одинъ только *и* дѣвочка жили. Дѣвочка въ амбаръ взобралась, юкалы взявъ, жиру взявъ принесла; вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ ѣли. *Когда досыта* наѣлись, они (*посуду*) отнесли, на полку поставили, *на нары* забрались, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ уснули. *Послѣ того какъ* долго спали, близъ ихъ юрты (*послышалось*): «Фу-фу-фу!... Товарищъ! Въ этой юртѣ есть-ли кто нибудь? Жирный звѣречекъ есть-ли? Войдемъ!» Вотъ они вошли, вверхъ посмотрѣли, внизъ посмотрѣли. — «Ты когда-нибудь пошаманилъ-бы!» — «Ладно! Здѣсь-то пошаманю!... Ко...ко... ко! Въ этой юртѣ звѣрекъ есть-ли?... Вонъ тамъ звѣрьковъ пара сидитъ! Ко...ко...ко! Теперь сладкаго мяса кусокъ, кажется, будетъ! О, о, о! Очень радъ! Товарищъ, за водой сходи, я дровъ нарублю!» Его товарищъ чумашку взявъ попесъ, воды набравъ вотъ пришелъ; его товарищъ дровъ нарубилъ, топоръ взявъ принесъ, за дровами пошелъ, принесъ: «Товарищъ! На дворѣ корыто везьми!» Вышелъ, взялъ, принесъ, на полъ поставилъ, *на нару* забрался, мальчика взялъ, снесъ, большимъ пожомъ вотъ кольнулъ, убилъ. Порѣзали, его мясо ѣли: «Сла...а...дко! А того завтра съѣдимъ! Выспавшись встанемъ, поѣвши отправимся!» Вотъ они *на нары повыше* забрались, улеглись. *Послѣ того какъ они* долго спали, одинъ: «Ы, ы, ы!

қонд! Ыjк-ɦауўа́!» Ћафкэ́ ja-ɦа́уў пшасхў, уӈіўк муў. Ћу ӈеныӈ: «Нафхо́-о! Jаӆынд-на́, мунд-ӏы? Ӈан ах ɦауў қондра́! Ыjка́!» Ах муў. Мызэ́н-эхӏуɦ ізэ́н-ɦа́уўух чыуў теӽаў. Мызэ́н-эхӏуɦ ітў: «Нанха́, чат моўха́ў-ћунывын-ӏы?» Jаɦ-на́нх ітў: «Ћыӆка́! Чі моўханд-ӏы?»—«Ћыӆка́!» Jаɦ-на́ных ітў: «Куɦ уӈіўкхун ћунывындхун-ӏа?»—«Мундхунта́!» jасх ітнд. Jеɦ-на́ных ітў: «Есмохра́!» Ах кўунгут осд, уӈіўкхун менымыӆ мут ћунывынд. Jаɦ-на́ных ітў: «Асха́, ӈуjа́, ах мут ћупывындхун! Есмохыррá!!» Іа́сх інтыў: «Нанха́, ка́ў пӏук керыў, кузэ́ў ізэ́п рукў шоў-вэ́ў выкызэ́ынгjа́!» Jаɦ-на́ных ка́ў ћуўкӆтох ћытыў: «Lук, кузэ́jа́!» Jа-ӏу́к-ан̀х кузэ́ў, уӈіўк ӈіныӆтох рукў ӽыіў шоў -вэ́ў выкызэ́ў; пшыў ӈеныӈ рукў шоў-вэ́ў выкызэ́ў; пшыў пуўкӆтох jугыў ћунывынд. Мызэ́н-эхӏуɦ ћуныфкэ́, jа-на́ных пілаɦ шапх муў, jа-а́сх мытчкыў. — «Асха́, ӈі чіных віінд, пу-авын вііндра́!»—«Нанха́, ӣактох паӑрк ћунывіӣа?» Jа-на́ных: «Кыха́j моўхара́, аккыjеха́j мурра́!» Поўхуп ӽочў херра́, муррыр - віхывыў - кыс̀ віхывырра́, jолун-кі ӽочў кыузэ́ў іфў, ћаў ӈерра́ кузэ́ў; вінпа таккы́. Jасх ћунывыфкэ́, піla-ӈі́ӽывыӆ муў, пехура́-куɦ - вахеj алыхыў, ӏаўх хочў хёрра́, паӽӏаӆ ћухт хёрра́, кутлах ыгўіӆ ћухт

Ой, ой, ой! Брюхо болитъ! Ой брюхо!» Потомъ его брюхо лопнуло, людоѣдъ умеръ. Другой: «Товарищъ! Что такое, померъ-ли? У меня тоже вотъ брюхо болитъ! Ой, ой!» Вотъ умеръ. Нашъ мальчикъ изъ ихъ брюха вылѣзъ, *вверхъ по нарѣ* поднялся. Нашъ мальчикъ сказалъ: «Сестра, а ты жива-ли?» Его сестра сказала: «Да! А ты живъ-ли?» — «Да!» Его сестра сказала: «А эти людоѣды здѣсь-ли находятся?»—«Померли!» сказалъ ея младшій братъ. Его сестра сказала: «Какъ хорошо!» *Когда* вотъ разсвѣло, встали, людоѣды оба мертвые лежали. Его сестра сказала: «Братъ, посмотри, вотъ они мертвые лежатъ! Какъ я рада!!» Ея братъ посмотрѣлъ: «Сестра, спустись, своей лохматкѣ скажи, пусть пойдетъ, уцѣпится въ нихъ *зубами*, вытащитъ, броситъ!» Его сестра спустилась, подъ полки нагнулась: «Лохматка, выходи!» Ея сучка-лохматка вышла, въ одного людоѣда уцѣпилась, потащивъ выволокла, бросила; вернувшись въ другого уцѣпилась, выволокла, бросила; на свое мѣсто подъ полками спустилась, сидитъ *себѣ*. *Послѣ того какъ* нашъ мальчикъ долго жилъ, его сестра взрослой женщиной стала, ея младшій братъ *еще* маленькимъ былъ.—«Братъ, я отъ тебя уйду, замужъ пойду!» — «Сестра, какъ я одинокій жить буду?» Его сестра: «Если ты будешь сильный, будешь жить, слабый будешь, помрешь!» Свою одежду достала, одѣла, аинскимъ поясомъ опоясалась, цѣльные сапоги достала, травой набивъ одѣла, шапку одѣла, вышла; вышедши, исчезла. Ея младшій братъ, *послѣ того какъ* долго жилъ, взрослымъ человѣкомъ ставъ, открылъ ящикъ стоявшій позади него *на нарѣ*, рубаху доставъ одѣлъ, красный халатъ одѣлъ, поверхъ его черный халатъ одѣлъ, перпичью юбку одѣлъ, много-

хēррá, хоскáң jаррá, петаў-тамlаң-паи̇ фаррá, jолын-кі вассуң-кірң-lукрá іфрá кузіў, кхах керá шоррá, пунд керá шоррá. Тав-аллыхыф віў, тlыуlаи̇ тlаңhі гусіў іспрá заў веңкуў віфкē. Малхолáи̇ ворох віў, hытá-фін̇-тафтох віў, ғаруў перláңhі амых-чфыў hусківуў. Тафтох jугиғá, jа-нáных hунывыў, ычх нінын̇ hунывыў, мам нінын̇ hунывыў, пнаў-ніңывыңкун мінў hунывыт. Hуң ычх озіў hупыў: «Шакрух-ныныгын-ніңывын̇-нá? Пуó-ха пурыў нхерjá!» Hуи̇ ніңывын̇: «Нво nal-hытá піңгрá!» Jа-нáных ітў: «Насх пшынд-lы? Ычхá, кузіў чхаў таў шоў-jугыў ірвіў jарнатé!» Iічх кузіў чхаў таў шоў-jугыў; тур hет хечнд jарт. Hуң ычх ітў: «Нехlуи̇кун тоў lерijá! Ніңывын̇-lерын-ха-чін̇ сікрох lырjá! Чі кыхаj нехlуи̇кун хуррá; чі аккыхáj нехlуи̇кунах піхункуіндрá! Олхунá, кузін lырвé!» Кузід. Теңніт: мыз-ніңывын̇ кыў. Настох макынд: мыз-ніңывын̇ паўк кыў. Выскыт. «Ехын̇ тоңгlантах ев-éвнкун, кымlынтá!» Мыз-ніңывын̇ віў ерых вўскў еллыў. «Ejк наскijá! Твінатé!» Jаи̇-нáскі соцхў іхуў. Hуң ычх: «Ні-ехlуи̇ кунт-оj-ój! Полjон іхувé, ухмувé!» Ухмут, сік ізн ніңывыңкуи̇ хухáрыў. Hуң ычх ту ніңывын̇ раг-рáгунд: «Наңкхáj ніхujá!» Мыз-ніңывын̇ ітў:

узорные наголенники одѣлъ, цѣльные сапоги съ пестрыми голенищами одѣлъ, вышелъ, копье (взявъ) неся, лукъ (взявъ) неся. Къ задней стѣнѣ юрты подошелъ, бѣлаго оленя вытащилъ, сѣлъ на него, ударилъ, погналъ *его*, далеко пошелъ. Въ многолюдное селеніе прибылъ, къ средней юртѣ подъѣхалъ, остановился, своего оленя за уздечку привязалъ. Когда онъ въ юрту вошелъ, его сестра тутъ была, старикъ одинъ былъ, старуха одна была, юношей восемь тутъ было. Этотъ старикъ поднявшись сѣлъ: «Откуда шляющійся человѣкъ? Названіе своей деревни (назвавъ) мнѣ скажи!» Этотъ Гилякъ: «Моя деревня по серединѣ бухты находится!» Его сестра сказала: «Мой младшій братъ пришелъ? Муженекъ, иди, дровъ нарубивъ принеси, (*мясо*) сваривъ его накормимъ!» Ея мужъ вышелъ, дровъ нарубивъ принесъ; мясо сварили, подали, накормили его. Тотъ старикъ сказалъ: «Съ моими дѣтьми поиграй! Въ гиляцкія игры всевозможныхъ названій, во всѣ (*игры*) играй! Если ты сильнѣе, ты моихъ дѣтей убьешь; если ты слабѣе, своихъ дѣтей заставлю тебя убить! Ребята, идите, играйте!» Вышли. На одной ногѣ прыгали: нашъ Гилякъ оказался сильнѣе. Черезъ ремень прыгали: нашъ Гилякъ только оказался сильнѣе. Боролись. «Вонъ того, *что* поплотнѣе, пусть возьметъ, посмотримъ!» Нашъ Гилякъ подошелъ, съ нимъ схватился, сдавилъ его. «Ой спина! Кончимъ!» Спину его сломалъ, его убилъ. Тотъ старикъ: «Моего сына убилъ, ой, ой! Соберитесь *вмѣстѣ*, убейте его, воюйте!» Воевали, онъ всѣхъ ихъ людей перебилъ. Тотъ старикъ на этого Гиляка разсердился: «Въ такомъ случаѣ меня убей!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Сердитый старикъ,

«Тунг ычх раг-рáгунд, ах таһыў чіja!» Чаӄху сівуў віў еспў іхуў, jугыў ппапах кеў шоў-вíў пфорох віў. «Тамы́ў ӈупывjá! Ӈі аӈӭej напыгын вінындра!» Кузíў паӆерхптох іхмі-хы́мыў теӭафкé, wat-ӄхoj-joc̀-waj-рох віў ӈупў сархýў, понтх ӏупў, тамых таў. Озíныў ознáо кетывыў, паӆкў ӈунывыў; пыуптохрá пантатá. Ыўк аінкуў шакрух паўк-ӏу кыwy пшыў, wat-ӭoj тіврá іспў: «Сух-ух-ó, перохрó—о! Есмухрó! Ко—о! Нгноӄ пучкынд есмухрó! Олухунé, пшыве!» Іéхӏунгкун wat-wалыхы́с̀ шотá пшыт, ах ызвут шоў-вíт, шафтох шоў-jýгыд ӈус̀ кігут. Ӈуӈ-таф-пін-мам ітў: «Ӈах-нан ӏунгвé! Верахгá, нӽас̀!» Ӈу верах ӄхас̀ тоў туў іхмынд. «Кó—о! Тунг ӈіӭывыӈ шакрух -пшын-ӈіӭывыӈ-нá? Кехуӆхунá, ітвé!» — «Каук, тоӆ-ӈіӭывыӈтá!» Ах сік інтыт, ітў: «Хауук! чамуӈ-ӏо!» Верах ітў: «Ӈі ӏуíндра! Ху, ху, ху! Пај-вај -já! Ыр-міф-нӈайкрá, пајрох піхун пфыкызыпкýінд парра!» Мам: «А~а-чі! Ӈу верах чаӆраў ӏуіӏ! Наӆгыфкé ӄаў пс̀аў піхункуіпыӆграá!» Верах: «Ӈпӈ! Ӈіхувé-хаў, кымывé!» Ычх ітў: «Пат ӈорӏаӷ тур іӈíндрá!»—«Наух павыв мізн сік кухаріндрá!» Мыз̀-ӈíӭывыӈ ах ӏуў: «Ка-а-а! Рунд кыс̀ іві-ӏó! Пааӆ -ыхзíн-ы~ычх ӈерах маӭjá, кӏунд маў угрын мавvé! Ӈі-ы́тк-тарнд-му-мунг

вотъ я тебѣ!» Ножъ выхватилъ, подошелъ, кольнулъ, убилъ, *въ юрту* вошелъ, свою сестру взялъ, увезъ, въ свою деревню пришелъ. «Никуда не отлучаясь живи! Я жену искать намѣреваюсь идти!» Вышелъ, въ гору быстрыми шагами долго поднимался, къ подножію желѣзной лиственницы подошелъ, сѣлъ, отдохнулъ, въ кисетѣ зачерпнулъ, табаку покурилъ. Когда поднялся, чтобы встать, *оказалось*, *что* онъ прилипъ, такъ и остался; совсѣмъ поздно стало, все такъ же. *Когда* ночь настала, откуда-то *птица* «кыву» явилась, на желѣзную лиственницу опустилась, сѣла: «Уф-уф-уф... устала! Очень рада! Ко-о! Звѣречекъ пришелъ, очень рада! Ребята, сюда!» Ея сыновья съ желѣзной цѣпью явились, вотъ накинули *на него*, притащили, въ юрту втащили, здѣсь привязали. Въ этой юртѣ находившаяся старуха сказала: «Дайте-ка мнѣ пошаманить! Рабъ, мой бубенъ!» Этотъ рабъ бубенъ принесъ, забрался *на нару*, подалъ. «Ко...о...о! Этотъ человѣкъ откуда пришедшій человѣкъ? Духи, скажите!» — «Нѣтъ, это морской человѣкъ!» И всѣ (*духи*) смотрѣли, *одинъ* сказалъ: «Нѣтъ! что за шаманъ!» Рабъ сказалъ: «Я буду шаманить! Ху, ху, ху! Ой, ой, ой! Это островной звѣречекъ, *онъ* всѣхъ рѣшительно насъ убьетъ, пропасть заставитъ, повидимому!» Старуха: «Ах ты! Этотъ рабъ обманывая намѣренъ шаманить! Коли такъ, пойду, тебя побью, велю тебя убить!» Рабъ: «Ладно! Убейте меня, *дѣло ваше* (подумайте)!» Старикъ сказалъ: «Завтра сладкаго мяса покушаемъ!» — «Сегодня вечеромъ насъ всѣхъ перебьетъ!» Нашъ Гилякъ вотъ запѣлъ: «Ка...а...а! Никакого бога нѣтъ при мнѣ! Горный хозяинъ-старикъ, ко мнѣ спустись, два тигра вмѣстѣ *сюда* взберитесь! Сова, ставшая помощникомъ моего отца, спустись!

чео-зéо маӈjá! Ӈi-р-ымк-шарнд тан-дол-фi-фiц-угын-нгhах-lо ӈвес-вéсў теӈjá! Ӈакi-шарнтó тlыуlац чхуiгыў ӈвес-весўшájla! Wат-кхонычрац весѐ -вéсў пшыja, ӈi-нгáуўтох jугыў ӈшоўкуў ӈсivувуjá!» Пал-ызiн-ычх маӈыў jугыў: «Ху-ху-хуф!» Пал-ызiн-ычiх iтў: «Jанў пшынд-нá?» Мыз-нiӈывыц iтў: «Аӈӈej наныгыт пшындрá!» Пал-ызiн ах lуў: «Ру~унд кы~ыс i~ивн, сivуj-ló! Туун палыцух маў угрын клуптухун ӈвес-вéсў макыш, пехlун чывувун вiнгунтá! Ах клунд маў ӈуц таф ах кузiд. Пал-ызiн iтў: «Ӈujá, мiзи -éхlун унiўк евд, iiхун jан-туур iнiнынхунтá!» Клунд iтў: «Чi jанil lунд-нá? Твijá!» Мiзи пал-чаман твiў. Чеу-зéу ах пшыў, томыз-хуты-рулк jугыў, iзи ќхарырын тivў. Чеу-зéу чеў: «Наўкыў нiӈывыц! Унiўкхун ах пiхункунфуў! Тунд тааф зеусхун iзи хуiнынд!... Туц унiўкхун кецграндхун ӈувé! Iзи хуiнфуў jанil-lо?» Чеу-зéу ах твiў. Угн lуў: «Наўкыў нiӈывынá! Пiхуў пфыкызiннынтá! Чорнаўфуў janыj-lo?» Мыз-нiӈывынтох маӈыў jе-р-шáнтым зiтвыў, мыз-нiӈывын сivуў-вусiў, jангах вiнкуў, iзи таф сiк зоосхард, iзи унiўкхун сiк хухард. Мыз-нiӈывыц вiфкé, во-нáхўтох виў: ытытá, малхохрá! Ӈытá-фiц-таф пiljóра уljóра, Ӈанц тавух теӈаў jугыў. Тахў-iвыв ытытá: шагунд малхохрá! Пхнарi-шанх ненын шагунд-нурмi фiў

Моей матери помощница, въ далекомъ морѣ живущая морская утка-звѣрь, ко мнѣ на помощь взберись! Моего старшаго брата помощникъ, бѣлый филинъ, ко мнѣ на помощь явись! Желѣзная крыса, на помощь приди, въ мое брюхо спустись, меня изсушивъ освободи!» Горный хозяинъ-старикъ спустился, *въ юрту* вошелъ: «Уф, уф, уф!» Горный хозяинъ-старикъ сказалъ: «Ты зачѣмъ пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Жену искать пришелъ!» Горный хозяинъ вотъ запѣлъ: «Никакого божества нѣтъ *при мнѣ*, не освобожу! Изъ-подъ этого пола два тигра вмѣстѣ ко мнѣ на помощь поднимитесь, нашего сына освободивъ выпустимъ!» Вотъ два тигра въ эту юрту вотъ вынырнули. Горный хозяинъ сказалъ (*тигру*): «Смотри, нашего сына людоѣды держатъ, убивъ его, его мясо собираются ѣсть!» Тигръ сказалъ: «Ты чего посшь? Копчай!» Нашъ горный шаманъ кончилъ. Сова вотъ явилась, черезъ дымовое отверстіе спустилась, на ихъ столбъ сѣла. Сова запѣла: «Бѣдный человѣкъ! Людоѣды тебя вотъ убить собираются! Эту юрту сломавъ, ихъ убью!... Эти людоѣды веселы, смотрите! Зачѣмъ ихъ убивать?» Сова вотъ кончила. Утка запѣла: «Бѣдный человѣкъ! Убивъ тебя бросятъ! Зачѣмъ молчать?» Къ нашему Гиляку спустилась, на его макушку наступила, нашего Гиляка *съ цѣпи* сняла, выпустила его, ихъ юрты всѣ окончательно сломала, ихъ людоѣдовъ всѣхъ перебила. Нашъ Гилякъ далеко пошелъ, въ деревню одну пришелъ: ой, ой, ой, многолюдная! Къ средней юртѣ, *самой* большой, *самой* высокой, къ такой юртѣ подошедши, *онъ туда* вошелъ. На правой боковой нарѣ, ой, ой, ой: драгоцѣнностей множество! Молодая жен-

ӈунывыр̆. Ӈуӈ паз̆р̆-ів-тох тыкнг̊а́, ычх ӈеныӈ ӈунывыр̆, мам ӈеныӈ ӈунывыр̆. Ычх озір̆: «Чі јаӈр̆ пшынд-на́?» Мыз̀-ӈіӈывыӈ ітр̆: «Таулiулуг шанх наныгыт черах пшындра́!» Ӈуӈ ычх: «Ехӈ шанх-ӈар̆ пшынд-лы? Ӈіӈывыӈ -јох-та́! Чі шор̆-віха́ј, пал̀-ӈіӈывыӈ-кхаллыӈ-ӈахр̆, тол̀-ӈіӈывыӈ-кхаллыӈ -ӈахр̆, енај-е́наг кхаллыӈкун черах ухмун віиндхунта́!» Мыз̀-ӈіӈывуӈ ітр̆: «Ӈахајро́! Ӈі наӈгун ген шор̆-віиндра́!» Ӈуӈ ычх: «Чі вар̆к-ат патух ехын -вівé!»—«Ӈыӈка́!»—«Верахкуна́! Пфара-па́раг іӈінт ныи ізн арвé!» Верахкун іӈінд-ны́т шор̆-ту́т, ах ізн арт. Ӈуӈ ычх ітр̆: «Півыӈ-хін ронін іӈвé!» Ах ӈуг шанх-хін мізн-ӈіӈывыӈ-кін ронінд іӈінт. Іӈінто́т кузіт чіт југыт тхур̆ вызіт теӈат wajхот пос̀т кхот. Ӈымпа́т татнывк ос̀д, ӈуӈ ычх ітр̆: «Мех-верахкун-піаг-шышкы́ӈ-тор̆хыс̀-шагунд-пар̆к-рончд-ре́рнд вівé!» Ах шыркыӈ тор̆ шагундхыс̀ сарут, маӈыт віт віфке́. Ныуӈгут ӈуныгут; кхото́т ос̀д іӈід тот-ма́ӈыт віт пфорох теӈат југыт: «Верахгакуна́, шагунд уркун шор̆-те́ӈын ӈунті́н ехн-вівé!» Віт пфорох віт теӈат. Мыз̀-ӈіӈывуӈ-кін паӈӈej-хін мсныӈ пырк ӈунывыт. Ныуӈку́т кхот. Ырк-ӈытаг̊а́ ізн-то́мыз̀-орыр̆-тох пшыр̆ ӈупр̆ тафар̆: «Кaах...! Пал̀-ӈіӈывыӈкун пат черах ухму́н пшыј-

---

щина одна посреди драгоцѣнностей сидѣла. На противоположную нару *когда* посмотрѣлъ, тамъ старикъ одинъ находился, старуха одна находилась. Старикъ, поднявшись: «Ты зачѣмъ пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Плохую женщину къ тебѣ искать пришелъ!» Тотъ старикъ: «За этой-ли вотъ женщиной пришелъ? Она сосватана! Если ты *ее* заберешь, горныхъ людей родъ одинъ, морскихъ людей родъ одинъ, *еще* разные другіе роды къ тебѣ воевать придутъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Пускай! Я все-таки взявъ увезу!» Тотъ старикъ: «Ты только завтра обратно пойдешь!» — «Ладно!» — «Рабы! Всякаго рода закуски приготовивъ ихъ накормите!» Рабы, закуски приготовивъ, *на нары* подали, вотъ ихъ накормили. Тотъ старикъ сказалъ: «Со своимъ мужемъ вмѣстѣ кушайте!» Вотъ эта женщина вмѣстѣ съ нашимъ Гилякомъ кушала. Поѣвши вышли, помочились, вошли, постельку постлали, забрались, подъ однимъ одѣяломъ улеглись, уснули. На другой день рано утромъ встали, тотъ старикъ сказалъ: «На пяти большихъ лодкахъ съ двадцатью рабами, *до верху* нагруженныхъ однѣми только драгоцѣнностями, отправьтесь!» Вотъ пять лодокъ драгоцѣнностями наполнили, спустились, шли, долго шли. *Когда* стемнѣло, заночевали; выспавшись встали, поѣли, *въ лодку вещи* снесли, отправились, въ свою деревню прибыли, *въ юрту* вошли: «Рабы, драгоцѣнности выгрузивъ, принесши, сложивши, домой вернитесь!» Они отправились, въ свою деревню отправились, прибыли. Нашъ Гилякъ вмѣстѣ со своей женой вдвоемъ только остались. *Когда* стемнѣло, уснули. Въ полночь на ограду ихъ дымового отверстія спустилась (*ворона*), сѣла, застучала: «Ка... ка...ка!... Горные люди завтра къ тебѣ воевать придутъ! Морскіе люди

ніңгра́! Тоӆ-ні́ӈывыӈкун пшын чіхуӆ ітндхунта́! Ӄаах!» Оӡіў віў. Кўӈгт міӡн-ні́ӈывыӈкун іӈта́, ӄхах тоў-јўгыў іррá, hарóў: «Мама́, кӡіў тывја́!» Ја-ма́м кӡіў тывыў, hарóў југнӷ́: «Е~ејхӡухе́ пшыіфунтхун!» Іічх пунт јорура́ кухун гера́ пхах кера́ кӡіў, таф-ты-рох кӡіў. Ехӡухе́ пшыјфухарт ја-ле́фтох пшыт. Ну ні́ӈывыӈкун ітд: «Махтўр ніӈ-ша́нх чі генд-ӏо?» — «Ӈыӈ!»—«Хелакў ухму́іныў гент-hаіх?» Пундхыс міӡн-ні́ӈывыӈ ӽат; мыӡ-ні́ӈывыӈ ӽахырыў, варут. Мыӡ-ні́ӈывыӈ-нан ізн ӽаў, неныӈ ӽаў, hунд муў. Ну ні́ӈывыӈкун мыӡ-ні́ӈывыӈ ӄхахкыс есп іхут. Ну ні́ӈывуӈкун: «Јаӈры маӈ-хаврыў?» Мыӡ-ні́ӈывыӈ е~ехуных чіуваў, мыӡ-ні́ӈывыӈ ітў: «Ні мут-ӏо! Ӽај чіӈах піхнкуіндра́! Чіӈ-ма́ӈхынд ахты́нд; наф-ат пі кыхај, чіӈ сік хухаріндра́!» Ізн ӽаў меныӈ куў; ӄхахкыс ізн ӷакуў ізн сік хухáрыў, мін быўк моўха́т. Черіута́ ехт віт. Мыӡ-ні́ӈывыӈ југыў ііў. «Мама́, ні пеўкун-ӏо піўӈкун-ӏо наныгын віінындра́!» Wa геў іхра́; пфахеј аллыхыў, тота-чхнај ӈан геў ревра́; ајзіӈ-чхнај геў ревра́, кӡіў ах віў віфке́. Ӄханыӽ ӈан пшыў: «Торрорóро! Маӈӏаӈ паӆ-мілк чјахпыў hунывынд, watхыс паінд чјахпынд! Віфке́ чі інтохај чеӽохыс песпінындра́, наӈкуха́ј каӡ hајнындра́!»

придутъ, тебя убить собираются, сказали! Ка... ка!» *Ворона* поднявшись ушла. Когда разсвѣло, наши люди поѣли, (*мужъ*) копье принесъ, наточилъ, потомъ: «Жена, выйди, посмотри!» Его жена вышла, посмотрѣла, потомъ вошедши: «Уже приближаются!» Ея мужъ, лукъ согнувъ, стрѣлы взявъ, свое копье взявъ, вышелъ, къ преддверію юрты вышелъ. Вотъ оттуда уже совсѣмъ подошли, къ его мѣсту пришли. Эти люди сказали: «Правда-ли, ты пашу женщину забралъ?»—«Да!»—«Чтобы воевать, значитъ, ты забралъ?» Изъ лука въ нашего Гиляка выстрѣлили; нашъ Гилякъ отскочилъ, *они* промахнулись. Нашъ Гилякъ теперь въ нихъ выстрѣлилъ, одного застрѣлилъ, тотъ умеръ. Тѣ люди нашего Гиляка копьемъ кольнувъ убили. Тѣ люди: «Почему ты храбрости лишился?» Нашъ Гилякъ оттуда выскочилъ, нашъ Гилякъ сказалъ: «Я не умеръ! Еще васъ заставлю меня убить! Вашу храбрость я знаю; теперь, если я сильнѣе, васъ всѣхъ перебью!» Онъ въ нихъ выстрѣлилъ, двухъ убилъ; копьемъ ихъ кололъ, ихъ всѣхъ перебилъ, двое только въ живыхъ остались. Заплакали, обратно пошли. Нашъ Гилякъ *въ юрту* вошелъ, поѣлъ. «Жена, я своихъ отцовъ, своихъ матерей искать пойду!» Саблю взявъ *на себя* одѣлъ; свой ящикъ открылъ, серебряную фигуру одну взявъ *на шею* повѣсилъ; золотую фигуру взявъ *на шею* надѣлъ, вышелъ, вотъ пошелъ, далеко пошелъ. Заяцъ одинъ встрѣтился: «Торрорòро! Могучій горный чортъ тебя подстерегаетъ, въ желѣзо одѣвшись тебя подстерегаетъ! *Когда* пойдешь, если онъ тебя увидитъ, ножомъ себя будетъ колоть, тогда звонъ будетъ!» Нашъ

Мыз̀-н̀ĭ̆ывыӈ ітнд: «Туӈ ӑ̆ханыӑ̆ чорjо́ja! Пѐаӈ піхупкуjныӈгра́!» Ja-ӷа́ныӑ̆ піӈгӯ-ві́ӯ. Ӈупых віфке́, watхыс̀-паіӈ-мі̀лк ӈунывыӯ, поліп-чхаӯ-тхы тівӯ -ӈунывыӯ. Мі̀лк ітӯ: «Jаӈӯ пшыіфунт-на́? Чі-пі́хупкуін-шы́ӈгра!» Мыз̀-н̀ĭ̆ы-
115 выӈ ітӯ: «Атка́, рупд-lý черых тот-пшындра́!» Ӈу мі̀лк ітӯ: «Рупд тот-шо́ӯ тан, н̀ах н̀у̀нкja!» Мыз̀-н̀ĭ̆ывыӈ ajісіӈ-чхпaj шоӯ-ві́ӯ, ja-wа́j сіӯ. Ӈу мі̀лк: «Ӈыӈ!» Ӈытыӯ. Мыз̀-н̀ĭ̆ывыӈ jохорі́ ішты́ӯ, н̀ĭ̆ывыӈ-ӈа̀л̀ поjаӯ; wa чіуjоӯ есп̀ӯ тул̀угуӯ-ру́л̀к іхуӯ. Ӈуных віфке́, бі̀каӯ таф ӈунывыӯ. Ерах вінга́, пфунд хітіӯ, таӽ̀ej кӯора́, пӽ̀ах ӈузу-waj ӏакура́, ӈуных іхым-ы́хмыӯ jугыӯ;
120 шы воӯ ір̀лыӯ сік з̀оосӽ̀аӯ; іхым-і́хымыӯ понаӷ̆нтох туӯ ӈупыӯ. Іы́мк тукӯ -івыв піӯ ӈунывыӯ, jеӯ ымам-кеӽ̀ре́рхн піӯ ӈунывыӯ, ja-ві́ланг-н̀ĭ̆ывыӈ тахӯ-івыв піӯ ӈунывыӯ, пхнаӯ-шанх ӈунывыӯ. Іе́ӯ озіӯ: «Антхо, ӣакрух пшынд-па́? Чво-ат кеӯ івӯ-ант-ӈаjахна́?» Мыз̀-н̀ĭ̆ывыӈ ітӯ: «Каук, кеӯ хавырыӯ ӈунывынд! Ыг-ап чхеріа́хна, ч-х-нат пшындра́! Віінд-Іы? К̀ерыха́j
125 урнкуӯ ітыjа́!» Jеӯ ітӯ: «Jаӈр н̀іӈ-ӷаӯ пшынг-на́? Н̀іӈ таа́ вііндра́!»—«Махтӯр к̀ернд-Іы? Чіӈ хуӷ̆аріндра́! Ӈуӈ ычх ітӯ: «Jаӈӯ н̀іц-аӯрыны́лнд?» Мыз̀ -н̀ĭ̆ывыӈ ітӯ: «Туӈ тоӈӷ̆о́фтох пшынд, наjохарын пшынтох каук! Чіӈ віінын к̀ерыха́j, н̀еныӈ-а́т іхуно́н твіінындра́! Наjохарын ехын-вінтох каук!» К̀хаӯ

Гилякъ сказалъ: «Заяцъ, молчи! Тебя ударивъ убью!» Его заяцъ убѣжалъ. Отсюда *когда* далеко пошелъ, въ желѣзо одѣтый чортъ встрѣтился, поверхъ сваленнаго дерева сидѣлъ. Чортъ сказалъ: «Ты чего приходишь? Тебя убью!»
115 Нашъ Гилякъ сказалъ: «Дѣдушка, что-то я тебѣ принесъ!» Этотъ чортъ сказалъ: «Что принесъ, давай, мнѣ покажи!» Нашъ Гилякъ золотую фигуру принесъ, *у его ногъ* (подъ нимъ) положилъ. Этотъ чортъ: «Гм!», *при этомъ* нагнулся. Нашъ Гилякъ его затылокъ посмотрѣлъ, человѣческая кожа показалась; саблю обнаживъ кольнулъ, насквозь (*прокололъ*), убилъ. Отсюда далеко пошелъ, большая юрта стояла. Къ ней подошедши, свой лукъ поднялъ, на шестъ повѣсилъ, свое копье внизу поставилъ, отсюда быстрыми шагами *въ юрту* вошелъ; за дверь взялся, потянулъ, всю сломалъ; быстрыми
120 шагами на среднюю нару забрался, сѣлъ. Его мать на лѣвой боковой нарѣ сидѣла, его отецъ за матерью сидѣлъ, его дядя на правой нарѣ сидѣлъ, *тутъ-же* молодая женщина сидѣла. Его отецъ, поднявшись: «Гость, откуда пришелъ? Въ твоей деревнѣ новости, вѣроятно, имѣются?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Нѣтъ, я безъ новостей! Отцомъ тебя звать буду, я за тобой пришелъ! Пойдешь-ли? Если отказываешься, хорошенько скажи!» Его отецъ
125 сказалъ: «Зачѣмъ за нами пришелъ? Мы не пойдемъ!» — «Дѣйствительно отказываетесь? Я васъ всѣхъ убью!» Этотъ старикъ сказалъ: «Въ чемъ наша вина?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Такую даль прошелъ, даромъ не стану приходить! Если вы идти отказываетесь, одного хотя бы убивъ покончу! Съ

еў лохывў іхуў, іўың лохувў іхуў, віў пфіlаң хуў пнаўың-шанх хуў; ізн
hумрых-угўкун тоҳ-рóҳў геў, ҝханаң чарымпхыс̀ навў шоў-вíў пфорох вíў. 130
Hундхунхыс̀ т̀ук хеў lехорыў, понаӈнтох паз̀іў, пут-ратат ч̀аҳр-оз̀іхáрт.
Iéў ітў: «Ес̀мохрá, пфорох пшынтá! Ola, lаңгў напыгjá! Чі lаңгў куў шоў
-пшы́ў нарындхај-нáн нíхынíндрá!» Пфіlаң угрыт віт віфкé, тоў-нáҳўтох віт.
Lаңгўкун ҝхот: ытытá, малхохрá! «Таңгырынкун ізн вафын малхó хупатé!»
Вафт таңгырынкут вафт, пму алвеўк чарнгут шоў-пшы́т шоў-тéӈат тафтох 135
шоў-jугохарт. Iéў ітў: «Hалá, пехалаңтох нíхы́нд! Олá, чхыф напыгыў віў
hіуў шоў-пшы́ў нарjá! Наңхухај-нáн нíхынд!» Пунд герá ҝхах герá ҳомўух
віфкé. Кенг нан теӈынкуў чхыф іншў. Ja шоҝ-шóҝў віў малыфтох фул-фý-
лыў, ерах малыфтох віў пундхыс̀ ҳаў. Ізгыф: «Hуң-hуң!...» Ч̀аҳр-óзіў, hуң
чхыф вез̀ў-пшы́ў. Пмас̀хуў, jаңах перах пшыў пшíкуінфуl; орхаў ч̀акырыў, 140
hустох ес̀пыў іхыс̀ hіуў, ізіў з̀оцхў напў шоў-вíў, праф-лéфтох шоў-вíр
с̀архуў ојоў. Шапххун ч̀а-ч̀ад, віў тафтох jугыў. Jеў ітў: «Піlаң чхыфкыс̀
hіунт-lо? Чі ојонт-ат, піlаң чхыфкыс̀ hіун почіў ојохар!—«Hың! Науваӈи

пустыми руками не стану возвращаться!» *Съ нары* сошелъ, отца колотилъ, убилъ, мать колотилъ, убилъ, (*къ другой нарѣ*) пошелъ, своего дядю убилъ, молодую женщину убилъ; ихъ верхнія пуговицы отрѣзалъ, 130
взялъ, въ бѣлый шелкъ завернулъ, унесъ, въ свою деревню пришелъ. Изъ нихъ мячъ сдѣлавъ, сталъ играть, на среднюю нару бросилъ, они живыми вскочили. Его отецъ сказалъ: «Очень радъ, я въ свою деревню пришелъ! Сынъ, тюленя поищи! Если ты тюленя убивъ принесешь, меня накормишь, спасибо скажу!» Со своимъ дядей вмѣстѣ пошли, далеко пошли, къ отмели одной пришли. Тюлени спали: ой, ой, ой, множество! «Давай быстро ихъ бить, много убьемъ!» Били, быстро били, свою лодку до края на- 135
полнили, привезли, *на берегъ* вытащили, въ юрту все внесли. Его отецъ сказалъ: «Ну, своему сыну спасибо! Сынъ, иди медвѣдя искать, убей, принеси, меня накорми! Тогда спасибо скажу!» Лукъ взявъ, копье взявъ, по берегу долго ходилъ. Кита одного на берегъ выброшеннаго медвѣдь поѣдалъ. Къ нему подкрадываться сталъ, близко подползъ, къ нему близко подошелъ, изъ лука выстрѣлилъ. Его медвѣдь: «У, у, у!...». Вскочилъ, этотъ медвѣдь бросился. *Гилякъ* прицѣлился копьемъ, *тотъ* къ нему подошелъ, собираясь 140
обхватить его *лапами*; (*Гилякъ*) назадъ отскочилъ, туда кольнулъ, его убилъ, шкуру снялъ, голову на спину взваливъ, понесъ, по близости къ своей юртѣ принесъ, отдохнуть *присѣлъ*, запѣлъ. Женщины забарабанили *по бревну*, онъ подошелъ, въ юрту вошелъ. Его отецъ сказалъ: «Большого медвѣдя убилъ? По твоему пѣнію (*судя*), ты большого медвѣдя убилъ, повидимому: *такъ* распѣвалъ!»—«Гм! Средняго медвѣдя! Сейчасъ-же пойдемъ, мясо возь-

чхыф-атн! Мах вiп тур кентá!» Ḥуң ычх iтр̆: «Iкусэ̀-куң-нэ̀снох шоӈ̆-вiп вайфвé!» Ах шоӈ̆-вiт вапфт, шоӈ̆-пшы́т iрвыт jечэ̀д, ерkун азiмуӈ̆. «Olá, чо паныгjá! Е-ḥеӈ̆ң-нo-хуң-ыiнк шоӈ̆-вiӈ̆ еллыңгнаӈ̆ пiмын саруӈ̆ шоӈ̆-пшыjá!» Шоӈ̆-вiӈ̆ еллыцгнаӈ̆, ḥафкé пiмын саруӈ̆ шоӈ̆-пшы́ӈ̆, jуӈ̆куӈ̆ шор-тéӈ̆ыӈ̆. Шанххун маӈ̆ыт, махт хауут; ах хаупкут ҳот коч̀д jуӈ̆кут норох шоӈ̆-тéӈ̆ат сiт. Ḥунывыфкé том аiт. «Olá, мiфмi-фiң-тафтох jугын iвнтá!» Ах пыiхун уӈ̆кут шоӈ̆-jу́гыт сiт. «Ыtá! Ḥалá, мах нухтынтá!» Jугыт Ḥунывыт. Паз̀ӈ̆ -пáлыңух чаты́ jаiт, Ḥузух ҁах пет ӈ̆арат Ḥунывыт, паз̀ӈ̆-Ḥуӈ̆кцух чхаӈ̆ кет шувӈ̆-шу́выт Ḥунывыпдхун. Фуру́.

мемъ!» Тотъ старикъ сказалъ: «На дворѣ находящійся ремень мой съ собой возьмите, *на спину* взвалите!» Вотъ понесли, взвалили, принесли, сварили, сняли, своихъ родителей *досыта нашъ Гилякъ* накормилъ. «Сынъ, рыбы налови! Въ томъ (*дальнемъ*) амбарѣ находящійся неводъ *съ большими очками* понеси, закинь, свою лодку наполни, привези!» Понесъ, закинулъ, потомъ свою лодку наполнилъ, привезъ, выгрузилъ ее, *на берегъ* вытащилъ. Женщины спустились, почистили, сушить развѣсили; вотъ *когда рыба* высохла, сняли *вѣшала, съ вѣшалъ* собрали, потащили, въ амбаръ принесли, сложили. Спустя нѣкоторое время, жиръ вытопили. «Сынъ, въ подземную юрту спустившись, давайте жить!» Вотъ свое имущество потащили, принесли, сложили. «Отецъ, ну теперь переселимся!» Спустились, жили. Въ одномъ *углу* пола колодецъ сдѣлали, оттуда воду черпали, пили, жили, въ другомъ углу дрова брали, жгли, поживали. Сказано.

Примѣчанія къ № 7.

1 *(стр. 6, 7)*. Чамң-Iуiныршá-хаӈ̆ Iуi-ахӈ̆! — букв.: 'шаманомъ распѣвая, пой!'—Подобные обороты съ частицами: хаӈ̆, ахаӈ̆, ахӈ̆ употребляются только въ высокой рѣчи 'людоѣдовъ', шамановъ, и, повидимому, представляютъ весьма древнія формы.

2 *(стр. 16, 17)*. 'Нашъ мальчикъ изъ ихъ брюха вылѣзъ', т. е., кусками вышелъ изъ брюха каждаго изъ съѣвшихъ его людоѣдовъ и снова ожилъ.

3 *(стр. 17)*. Нанхá! — 'сестра!', букв.: 'старшая сестра' (ср. № 1, пр. 6).

4 *(стр. 22)*. Пlук—'своей лохматкѣ'.—Lук, 'собачка-лохматка', считается у Гилякъ могучимъ существомъ, способнымъ на сверхъестественные подвиги.

5 *(стр. 22)*. Ḥуӈ̆кң — помѣщеніе подъ полками (см. № 3, пр. 5), уголъ между нижней полкой и поломъ юрты, гдѣ часто содержатся любимые щенята.

6 *(стр. 26)*. Пу-авын вiiндрá! — 'замужъ пойду!', букв.: 'мужа содержать пойду!'—характерное переживаніе въ языкѣ изъ того отдаленнаго быта, когда мужчины переходили въ роды своихъ женъ (материнскій родъ).

7 *(стр. 27)*. Поӈ̆хун — 'свою одежду'. — Оӈ̆х въ единственномъ числѣ означаетъ собственно: 'шуба', во множественномъ: 'верхняя одежда'.

8 *(стр. 28)*. Муррыр-віхывыр̆ — айнскій тканный изъ разноцвѣтныхъ крапивныхъ нитокъ поясъ. Для изготовленія подобныхъ поясовъ у Айновъ имѣется спеціальный ткацкій станокъ такого же устройства, но меньшихъ размѣровъ, какъ и крупныхъ станковъ для изготовленія матерій для халатовъ. Гилякамъ ткачество незнакомо.

9 *(стр. 28)*. Јолун-кі — 'цѣльные сапоги', т. е. безъ прорѣза на подошвѣ.

10 *(стр. 28)*. Кыуэ̀ір̆ (отъ кыус̀—'сухая трава', и чінд—'класть')—'травой набивъ'. — Гиляки набиваютъ сапоги сухой мягкой травой такимъ образомъ, чтобы трава обхватывала стопу ноги, какъ чулкомъ, для защиты отъ холода и влаги. Траву приходится часто мѣнять, и потому съ осени женщины нѣсколько дней подрядъ занимаются собираніемъ ея въ запасъ на цѣлый годъ.

11 *(стр. 29, 30)*. Пехура́-кунг-вахеј алыхыр̆, букв.: 'позади него (*на нарѣ*) находившійся ящикъ открылъ'.—Ящики съ драгоцѣнностями и одеждой стоятъ на нарѣ ближе къ стѣнѣ юрты и потому они приходятся всегда позади сидящаго на краю нары, обращенному къ очагу.

12 *(стр. 30)*. 'Красный халатъ одѣлъ, поверхъ его черный'.—Гиляки, отправляясь въ гости или въ дальній путь, одѣваютъ нѣсколько самодѣльныхъ халатовъ одинъ поверхъ другого. Являясь въ юрту, они снимаютъ верхній похуже и остаются въ болѣе чистомъ или нарядномъ. Черный халатъ или черная шуба считаются самой нарядной одеждой.

13 *(стр. 31)*. 'Многоузорные наголенники одѣлъ'. — У Гилякъ штаны доходятъ только до колѣнъ, на голени же одѣваются спеціальные такъ-называемые пан̀—наголенники, которые часто изготовляются очень нарядно изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ или обшитые узорами.

14 *(стр. 30—33)*. Хёрра́, јарра́, Фарра́, іфра́ — всѣ эти выраженія переведены однимъ и тѣмъ же словомъ: 'одѣлъ', между-тѣмъ какъ въ гиляцкомъ языкѣ для каждаго рода одѣванія имѣется особый терминъ, — характерная черта, сингуляризма въ языкѣ, проявляющаяся и во многихъ другихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, при опредѣленіи рода движенія (см. № 1, пр. 10).

15 *(стр. 38)*. Ірвір̆ — '(*мясо*) сварилъ'. — Ірвінд — спеціальный терминъ, означающій: 'варить медвѣжье мясо' (ср. пр. 14).

16 *(стр. 40)*. 'Если ты сильнѣе, моихъ дѣтей убьешь'. — Старикъ предложилъ борьбу, предупреждая этимъ только неизбѣжный вызовъ нашего Гиляка, который явился законнымъ мстителемъ за удержаніе сестры безъ выкупа (калыма).—Эпизодъ этотъ хорошо характеризуетъ положеніе женщины, которая въ выборѣ мужа вполнѣ во власти даже младшаго брата. Въ данномъ случаѣ братъ, убивши своего шурина и его семью, увозитъ сестру, добровольно вышедшую замужъ, домой и велитъ ей никуда не отлучаться, т. е. запрещаетъ впредь безъ его согласія выходить замужъ (стр. 48).

17 *(стр. 51)*. Кыwy — шумъ крыльевъ летающей птицы (звукоподражаніе) и вмѣстѣ съ тѣмъ названіе какой-то демонической птицы. Въ данномъ случаѣ это былъ уѝірк — 'людоѣдъ', превратившійся въ кыwy.

18 *(стр. 52)*. Перохро́, нʰоќ, олухуне́, вм. перахра́, нʰак̆, олхуна́,— обычныя намѣренныя искаженія при передачѣ рѣчи демоническихъ существъ.

19 *(стр. 56)*. Кехунхуна́! — 'духи!', точнѣе: 'покровители'. Хотя существа, помогающіе шаману, обыкновенно невидимы (безплотны) для постороннихъ, но для шамана это реальныя существа (звѣри, птицы и т. д.), которыхъ онъ въ экстазѣ дѣйствительно видитъ и слышитъ (ср. № 3, пр. 13). Мало того: гипнотизируя своихъ слушателей, онъ и этихъ послѣднихъ заставляетъ воочію видѣть и слышать своихъ кехнъ.

20 *(стр. 56)*. 'Нѣтъ, это морской человѣкъ!' — отвѣтъ кехнъ на вопросъ старухи. Выраженіе: каук — 'нѣтъ' здѣсь употреблено въ смыслѣ восклицанія нетерпѣнія со стороны кехнъ, старавшихся наперерывъ другъ передъ другомъ, какъ школьники, скорѣе отвѣтить на вопросъ.

21 *(стр. 56, 57)*. 'И всѣ (*духи*) смотрѣли', т. е. на привязаннаго Гиляка, всматриваясь въ него, чтобы удостовѣриться въ правильности своего діагноза.

22 *(стр. 57)*. '*Одинъ* сказалъ: «Нѣтъ! Что за шаманъ!»', иначе говоря: 'Что за славный шаманъ!', желая этимъ выразить одобреніе проницательности шамана. — Въ оригиналѣ пропущено подлежащее '*одинъ*', но по формѣ единств. числа гл. ітр̆ видно, что отвѣтъ былъ произнесенъ не всѣми духами, а только однимъ, и именно такъ называемымъ 'хозяиномъ'. (Ср. № 3, пр. 27 и № 2, пр. 36).

23 *(стр. 58)*. Ыр-міф нгһакра́ — 'это островной звѣречекъ', т. е. человѣкъ, на языкѣ миѳическихъ унїр̆к'овъ — 'людоѣдовъ' (см. № 1, пр. 15).

24 *(стр. 61)*. Рунд кыс̀ іві-ló! — 'никакого бога нѣтъ при мнѣ!,' т. е. никакого предмета, обладающаго чудотворной силой (о значеніи кыс̀ — 'богъ' см. № 4, пр. 8). За неимѣніемъ при себѣ никакого кыс̀, нашъ Гилякъ поэтому призываетъ на помощь кехнъ — покровителей своихъ собственныхъ и своихъ родныхъ, а именно, горнаго хозяина и его тигровъ, сову, утку, филина и крысу.

25 *(стр. 62)*. 'Горный хозяинъ-старикъ, ко мнѣ спустись, два тигра вмѣстѣ сюда взберитесь!' — Горный хозяинъ — самый могучій представитель миѳическихъ горныхъ людей, а тигры — его кехнъ — духи-помощники. Судя по гл. маӈынд — 'подниматься вверхъ' и дальнѣйшему эпизоду (стр. 68) съ появленіемъ тигровъ изъподъ полу, видно, что эти тигры были существа подземныя.

26 *(стр. 62)*. Тарнд — 'помощникъ', но не въ смыслѣ подчиненнаго, а покровителя, помогающаго своему избраннику въ шаманскихъ подвигахъ, иначе говоря, тарнд — синонимъ кехнъ.

27 *(стр. 63)*. Угын-нгһаx̆ — большая утка, букв.: 'утка-звѣрь'. Угын — гиляцкое названіе какого-то особаго вида морской утки очень крупныхъ размѣровъ. Термины: нгһа́, нгһак̆ — 'звѣрь, звѣрекъ' Гиляки примѣняютъ также и къ крупнымъ птицамъ, называя этихъ послѣднихъ пуін-нгһа — 'летающій звѣрь', но мелкихъ птицъ, напримѣръ, синицу, воробья, называютъ чевр̆к — 'птичка'. Чевр̆к, вѣроятно, звукоподражаніе (ср. чирикать).

28 *(стр. 64)*. Теӈjа́ — 'взберись!', т. е. съ моря, такъ-какъ угын живетъ на берегу моря или на морскихъ островахъ и ей, слѣдовательно, придется подняться съ уровня моря въ глубь гористой страны, — движеніе, обозначаемое гл. теӈынд. — Вообще въ воззваніи Гиляка къ своимъ кехнъ можно прослѣдить характернѣйшіе обороты, выражающіе роды движенія въ гиляцкомъ языкѣ.

29 *(стр. 64, 65)*. 'Желѣзная крыса, въ мое брюхо спустись (букв.: 'нырни'), меня изсушивъ освободи!' — Крыса въ гиляцкой демонологіи играетъ роль злого

духа, изсушающаго человѣка, истощая его организмъ такими болѣзнями, какъ чахотка, ракъ желудка и т. п. — Крыса, изсушивъ нашего Гиляка, этимъ дала-бы ему возможность легко высвободиться изъ плотно обхватывавшей его цѣпи.

30 *(стр. 70)*. 'Тигръ сказалъ', т. е., старшій изъ двухъ, (ср. пр. 22).

31 *(стр. 70—75)*. Тигры и сова уклонились отъ помощи Гиляку, вѣроятно, изъ страха передъ силой уӈйр̆к'овъ. Характерно лицемѣрное оправданіе своего безсилія со стороны совы, которая сначала будто-бы пожалѣла бѣднаго Гиляка и хотѣла уничтожить людоѣдовъ, но потомъ вдругъ прониклась жалостью къ этимъ послѣднимъ, потому-что они молъ 'веселы', и покинула своего избраннаго. За то много благородства и силы въ лаконическомъ восклицаніи утки: «Чорцаӈфур̆ јаӈыј-lо?» — 'стануль молчать?', и она, дѣйствительно, единственная, которая рискнула помочь Гиляку.

32 *(стр. 72)*. 'На ихъ столбъ сѣла', т. е., на одинъ изъ четырехъ столбовъ, поддерживающихъ крышу, на тотъ именно, къ которому былъ привязанъ Гилякъ.

33 *(стр. 73)*. Наӈкы́р̆-нйӈывыӈ — букв.: 'человѣкъ, *котораго* жалко'.

34 *(стр 80)*. Ӈуӈ паз̆р̆-ів-тох—'на противоположную нару', букв.: 'на ту, одну изъ двухъ, нару'.—О значеніи паз̆р̆ (одинъ изъ пары) см. № 5, пр. 8.

35 *(стр. 81)*. 'Плохую женщину къ тебѣ искать пришелъ!'—стереотипный оборотъ во время процедуры сватанія. — Дѣло въ томъ, что обыкновенно родители дѣвушки во время предварительныхъ переговоровъ всячески дѣлаютъ видъ, что они совершенно равнодушны къ выдачѣ замужъ своей дочери, прибѣгая для этого чаще всего къ умаленію достоинствъ невѣсты, указывая, напр., на то, что она уродъ, лѣнива, неспособна къ хозяйству и т. д. Подобныя отговорки тянутся иногда часами и способны измучить свата или самого претендента. Во избѣжаніе этихъ долгихъ переговоровъ, претендентъ или сватъ сразу предупреждаетъ, что онъ именно за *плохой*, негодной женщиной пришелъ.

36 *(стр. 82, 83)*. «Нйӈывыӈ-јох-та́!», букв.: 'человѣка невѣста это!'— Замѣчательно, что јох — 'невѣста' въ то же время означаетъ и всякую женщину, съ которой половое общеніе запрещено въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., когда это жена младшаго брата. Сопоставляя это обстоятельство съ тѣмъ, что невѣсту изъ того рода, откуда родъ говорящаго обыкновенно беретъ женъ, называютъ аӈӈ̆ej — 'жена', мы получаемъ явное подтвержденіе того, что раньше браки съ женщинами внѣ опредѣленныхъ родовъ безусловно запрещались, причемъ нарушеніе правила вызывало месть со стороны родовъ, законно притязавшихъ на данную женщину. Это мы видимъ и въ данномъ случаѣ, когда отецъ дѣвушки пугаетъ нашего Гиляка местью нѣсколькихъ родовъ (стр. 83, 84). (Ср. № 6, пр. 26).

37 *(стр. 90)*. Шышкыӈ—морская лодка маньчжурскаго образца.

38 *(стр. 90)*. Роӈчд-ре́рнд—букв.: 'нагрузить *и больше* не мочь', т. е., до крайняго предѣла (ср. № 4, пр. 21).

39 *(стр. 95)*. Пшыр̆—'спустилась', подразумѣвается: ворона, что̀ вполнѣ явствуетъ изъ послѣдующаго звукоподражанія: «ӄаах» (карканье вороны).

40 *(стр. 97)*. 'Жена, выйди, посмотри!', т. е., разузнать, что слышно съ непріятелемъ.—Женщины во время войны считаются неприкосновенными, и потому онѣ могутъ безопасно играть роль развѣдчиковъ во время военныхъ дѣйствій (ср. № 1, пр. 40).

41 *(стр. 111)*. 'Тогда звонъ будетъ!', т. е. отъ ударовъ ножомъ по желѣзному одѣянію.

42 *(стр. 117)*. 'Человѣческая кожа показалась'. — Кожа на шеѣ горнаго чорта была единственнымъ уязвимымъ мѣстомъ, своего рода Ахиллесовой пятой, такъ-какъ съ головы до ногъ онъ былъ одѣтъ въ желѣзо: поэтому-то нашъ Гилякъ и прибѣгъ къ хитрости съ золотой фигурой, чтобы заставить чорта нагнуться и подставить заднюю часть шеи.

43 *(стр. 119)*. Таχ̌ej—сучковатые шесты, которые ставятся близъ юрты спеціально для подвѣшиванія на нихъ разной утвари, оружія и т. п.

44 *(стр. 121)*. Пмам кеχ̌р-е́рхн—'за матерью', букв.: 'по направленію (ерхн) выше его матери', т. е. отецъ сидѣлъ дальше отъ края нары, чѣмъ мать.

45 *(стр. 121)*. Віlаŋ-нiӈывыц (букв.: 'большой человѣкъ'),—спеціальный терминъ для названія младшаго брата отца.

46 *(стр. 124)*. 'Отцомъ тебя буду звать', т. е., 'ты мой отецъ!'

47 *(стр. 130)*. 'Ихъ верхнюю пуговицу' (см. № 1, пр. 26).

48 *(стр. 131)*. 'Изъ нихъ мячъ сдѣлалъ', т. е. изъ пуговицъ, завернутыхъ въ шелкъ.

49 *(стр. 131)*. Пут-ратат ӄаχ̌р̆-озіха́рт — 'они живыми вскочили', букв.: 'своимъ цѣлымъ тѣломъ подскочивъ совсѣмъ встали'.

50 *(стр. 143)*. Чі ојонт-ат, пiлаŋ чхыфкыс̀ hiун почiр̆ ојохар!, букв.: 'ты пѣлъ, большого медвѣдя убилъ, кажется, распѣвалъ!', т. е., старику послышалось, что нашъ Гилякъ, извѣщая пѣшіемъ о счастливой охотѣ, упомянулъ про большого медвѣдя.

8.

Азмыч̀ ӄаχ̌р̆ нiӈывыц.

Азмыч̀ ӄаχ̌р̆ нiӈывыц hунывыт. Асханд чхыв наныгыр̆ вiр̆. Віфке́ мытк̀ы́ц-і-на́χ̌ртох вiр̆. Hуц і: ытыта́... лахі малхохра́! чхыф-iнiн-тiф тамхра́! Мыз̀-нiӈывыц сархур̆ тамх тар̆, кеχ̌рухе́ чхыф нан ӄхаіфур̆. Мыз̀-нiӈывыц пфунд орура́ пху гера́ χ̌ар̆. Hуц чхыф везр̆-пшы́р̆. Мыз̀-нiӈывыц

Три брата.

Братьевъ трое человѣкъ жило. Младшій медвѣдя промышлять пошелъ. *Послѣ того какъ* долго ходилъ, *онъ* къ маленькой рѣчкѣ одной пришелъ. Въ этой рѣчкѣ: ой, ой, ой.... кэты множество! медвѣжьей ѣды слѣдовъ множество! Нашъ Гилякъ отдохнуть *присѣлъ*, табакъ курилъ, *въ это время* сверху медвѣдь одинъ спускаться сталъ. Нашъ Гилякъ свой лукъ согнулъ, свою стрѣлу досталъ, выстрѣлилъ. Тотъ медвѣдь бросился. Нашъ Гилякъ

еспр̆ ӈіур̆; ізро́р̆ сік вапыр̆ шор̆-пшы́р̆. Тафтох југиґа́ ијáкі меныӈ уігі́т. Кузір̆. Хомр̆тох маӈиґа́, ијáкі ӈеныӈ чоӈхр̆ ӈунывыр̆. Ӈузух вір̆, віфке́ ӄај ӈеныӈ чоӈхр̆ ӈунывыр̆. Пакі-чоӈхр̆ хгер̆ шор̆-пшы́р̆; муспірох пшыиґа́, пакі -чоӈхр̆кыс̀ толрох пазір̆ выкызр̆. Прафтох теӈар̆ југыр̆, чхыф-тур ӈер̆ іӈра́, ӈаро́р̆ ӄхах кера́, ѡа хгера́, пунд хгера́, кузір̆ віфке́. Пілáӈ пал-мілк ӈеныӈ ӈунывыр̆, ӈуӈ пал-мілк тур тар̆ іӈір̆. Мыз-ӈі́ӈывыӈ ерах вір̆ ітр̆: «Чі рунд тур іӈінд?» Ӈу мілк ітр̆: «Чакіхун туртá! Ізн хут ізн тур ӈіндрá!» Мыз -ӈі́ӈывыӈ ӄхахкыс̀ еспр̆, ӈу мілк озір̆, ухмуфке́ мілк мур̆. Мыз-ӈі́ӈывыӈ ехыр̆-пшы́р̆, ке́-во-рох вір̆: «Ӈі ӈанхыс̀ ӈіур̆, він цар̆х-мувé!» — «Ӈыӈкá, він тур ӈііндрá!» Мхоӈ ӈі́ӈывыӈ ігрыт пшыт. Мыз-ӈі́ӈывыӈ тур ізн арыфкé, ычх ӈіпыӈ: «Кр̆ызохрá! Ејк ӈаур̆á!» Ја-ӈáур̆ мандр̆ мур̆. Мыз -ӈі́ӈывыӈ ітр̆: «Јаӈграхрá! Ычіх мунд-ӏы?» Ӈу ӈі́ӈывыӈкун ехт віыхарыт. Мыз-ӈі́ӈывыӈ ӄај чхыв наныгыр̆ віфкé. Мыӈкы́ӈ тав-ӈáхр̆ ӈунывыр̆. Ӈуӈ тафтох југиґа́, мамыхч ӈін быр̆к ӈунывыр̆. Ӈу мам х̣аӏы́р̆, мыз-ӈі́ӈывыӈ пшыр̆, ӈу мам черјор̆: «Мілк пшыр̆ ӈіхујныӈгрá! Ӈоӈгарыр̆ кузір̆ вијá!»

копьемъ кольнувъ убилъ; освѣжевавъ, *на спину* всего взвалилъ, принесъ. *Когда* въ юрту вошелъ, его старшихъ братьевъ обоихъ не оказалось. Вышелъ. *Когда онъ* къ берегу спустился, тамъ его старшаго брата одного голова лежала. Отсюда пошелъ, далеко пошелъ, еще одна голова лежала. *Онъ* головы своихъ старшихъ братьевъ подобралъ, понесъ; *когда* къ причалу пришелъ, головы своихъ старшихъ братьевъ въ море бросилъ, потерялъ. Къ своей юртѣ поднялся, вошелъ, медвѣжье мясо сваривъ поѣлъ, потомъ, копье взявъ, саблю взявъ, лукъ взявъ, вышелъ, далеко пошелъ. Большой горный чортъ одинъ встрѣтился, этотъ горный чортъ мясо жарилъ, ѣлъ. Нашъ Гилякъ, къ нему подошедши, сказалъ: «Ты что за мясо ѣшь?» Тотъ чортъ сказалъ: «*Это* твоихъ старшихъ братьевъ мясо! *Я* ихъ убилъ, *я* ихъ мясо поѣдаю!» Нашъ Гилякъ копьемъ его кольнулъ, тотъ чортъ поднялся, долго воевали, чортъ умеръ. Нашъ Гилякъ назадъ вернулся, въ верхнюю деревню пошелъ: «Я одного (*медвѣдя*) убилъ, придите, 'нархами будьте!»—«Ладно, пойдемъ, мясо будемъ ѣсть!» Десять человѣкъ съ нимъ вмѣстѣ пришли. *Послѣ того какъ* нашъ Гилякъ ихъ мясомъ долго кормилъ, старикъ одинъ: «Я совсѣмъ насытился! Ой брюхо!» Его брюхо лопнуло, умеръ. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Что за несчастье! Старикъ умеръ-ли?» Тѣ люди обратно совсѣмъ отправились. Нашъ Гилякъ снова медвѣдя промышлять далеко пошелъ. Маленькая юрта одна попалась. Въ эту юрту *когда* вошелъ, старушка одна только тамъ находилась. Эта старушка глаза подняла, нашего Гиляка увидѣла, эта старушка заплакала: «Чортъ пришелъ, меня убить собирается! Пожалуйста, уходи!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Чего ты

Мыз̀-н̀ĭ̆ывыӈ ітр̆: «Јаӈр̆ н̀іхlунд-на́? Чахр̆ н̀ĭ̆ывыӈ hара́, н̀ан н̀ĭ̆ывыӈта́, чінтыіныт пшындра́!» Ӈу мам: «Н̀і кымlынд, чіхыз̀ мі̀к хендра́!» Мыз̀ -н̀ĭ̆ывыӈ ітр̆: «Н̀і кузін вііндра́!» Мыз̀ - н̀ĭ̆ывыӈ кузі̀р̆ ві̀р̆ віфке́, мал̀холáнг во - на́х̆р̆тох ві̀р̆. Ӈыта́ - фіӈ - тафтох југыр̆, ычіх н̀еныӈ пхнар̆ - н̀ĭ̆ывыӈ мінр̆ н̀ĭ̆ывыӈ hунывыт. Ӈуӈ ычіх озі̀р̆: «Чі ш̀акрух-пшы - н̀ĭ̆ывыӈ - ца́?» Мыз̀ - н̀ĭ̆ывыӈ ітр̆: «Н̀і nal - ӈыта́ - воныӈта́!» Ӈуӈ ычх: «Н̀ахмаlыӈ пшынд -lы?» hар̆ ітр̆. Мыз̀ - н̀ĭ̆ывыӈ ітр̆: «Н̀і ах вііндра́!» Ӈуӈ ычх ітр̆: «Нафха́, наух ӈунгуја́!» Мыз̀-н̀ĭ̆ывыӈ: «Ӈыӈка́!» Ӈуӈ ычх озі̀р̆: «Олхуна́, інѝнд-ны̀н парыр̆ арве́!» Іéхlункун інѝнд-ны̀т јарт. Мыз̀-н̀ĭ̆ывыӈ ін̀ро́р̆ твір̆ јач̀р̆ ізн кымыр̆, тамх-тара́ твір̆ кузі̀р̆, чіро́р̆ југыр̆ ќхор̆. Ӈымпа́т татны̀фк озі̀р̆ ѐтара́, hаро́р̆ кузі̀р̆ ві̀р̆ віфке́. Пііаг тав-на́х̆р̆ ӈунывыр̆. Ӈуӈ тафтох југна́, шанх н̀іныӈ ӈунывыр̆: јс-н̀ін̀а́х н̀іх ѓах-фіра́ н̀іх іті-фіра́. Мыз̀ - н̀ĭ̆ывыӈ ншыр̆, цулн-ӈул̀нјора́: «Антх пшынд-lы? Нафыхнар̆ hорlаӈ тур н̀іінд-варí!» Ун̀ір̆к ітр̆: «Антха́, н̀іхја́, н̀і теӈ̆ыӈ пызі̀нкун херн!» Мыз̀ - н̀ĭ̆ывыӈ ітр̆: «Верахá, агуја, та теӈ̆ја́!» Ӈу верах кузі̀ныр̆ ќхар̆ шылыгыр̆. Мыз̀-н̀ĭ̆ывыӈ тлоі̀р̆ ќхар, ја-ӈа́ч̀х паз̀р̆ пор̆ з̀ар̆ іхур̆, ӈуных кузі̀р̆. Віфке́ с̀архут-ӈунывын

меня боишься? И ты человѣкъ, *и* я тоже человѣкъ, навѣстить тебя пришелъ»! Та старуха: «*Мнѣ показалось* (я думала), я тебя за чорта приняла!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я уйду!» Нашъ Гилякъ вышедши отправился, далеко пошелъ, въ многолюдное селеніе одно пришелъ. Въ среднюю юрту вошелъ, тамъ старикъ одинъ, юношей восемь человѣкъ находилось. Тотъ старикъ, поднявшись: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я изъ деревни, что́ по серединѣ бухты!» Тотъ старикъ: «Мой 'ахмаль' пришелъ?» такъ сказалъ. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я вотъ пришелъ!» Тотъ старикъ сказалъ: «'Навх', сегодня переночуй!» Нашъ Гилякъ: «Ладно!» Тотъ старикъ, поднявшись: «Ребята, закуску приготовивъ, своего 'ахмаль' накормите!» Его дѣти, закуску приготовивъ, его накормили. Нашъ Гилякъ поѣвши кончилъ, *посуду* передавъ имъ отдалъ, табаку покуривъ, кончивъ, вышелъ, помочившись вернулся, спать *улегся*. На другой день рано вставъ одѣлся, потомъ вышелъ, пошелъ, далеко пошелъ. Большая юрта одна стояла. *Когда* онъ въ эту юрту вошелъ, женщина одна тамъ находилась: у нея одинъ глазъ на лбу находился, другой на подбородкѣ находился. Нашего Гиляка увидѣвъ, она захохотала: «Гость пришелъ? Теперь сладкаго мяса покушаемъ, видно!» Людоѣдка сказала: «Гость, подожди меня, я пойду, своимъ хозяевамъ сообщу!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Рабыня, не смѣй, не ходи!» Эта рабыня, собираясь выйти, спустилась *съ нара*, *дверь* открыла. Нашъ Гилякъ быстро спустился, за ногу (одну) её схватилъ, колотилъ, убилъ, оттуда вышелъ. *Послѣ того какъ* долго ходилъ, онъ къ отдыхающимъ

-ӈіӷывыӈкунтох віӽ. Ӈу ӈіӷывыӈкун ітд: «Антха́, пшыја́! Пфво кеӽ пурыӽ ӈіӈ кхерја́!» Мыз-ӈіӷывыӈ ізӈтох віӽ, ӈу ӈіӷывыӈкун ітд: «Чво кеӽ ів-ӏо?» Мыз-ӈіӷывыӈ ітӽ: «Ӈво кеӽ хаврндра́, чіӈ-во-ха кеӽ ів-ӏо?» Ӈу ӈіӷывыӈкун ітд: «Ӈыӈка́, кеӽ івндра́: намыӽ тоӆ-міӆк теӷаӽ, ӈіӈ-воӈкун кундра́!» Мыз-ӈіӷывыӈ ітӽ: «Ӈalвé, угрыхарын він ухмунта́!» Ӈу ӈіӷывыӈкун: «Ӈіӈ тоӆ-міӆк іхӏундра́!» Мыз-ӈіӷывыӈ ітӽ: «Чіӈ іхӏухаj, ӈі паӽк він ухмундра́! Тамы́н тусфіп ӈіхвé!» Мыз-ӈіӷывыӈ Ӈупых віфкé во-ӈа́хӽтох віӽ. Тоӆ-міӆк ӈан ӽомӽ-піӽ кела́ поӡіӽ кхоӽ. Мыз-ӈіӷывыӈ тоӽ-шóхӽ віӽ, кхахкыс jаӆ-мі -куты́-тулк еспӽ. Еспга́ Ӈуӈ тоӆ-міӆк: «Ыjк ӽорхра́!» Кхаы́ӽ мыз-ӈіӷывыӈ пшыӽ міӆк ітӽ: «Рунд міӆк-на́ пшыӽ ӈіхуінынд-на́?» Мыз-ӈіӷывыӈ чаj еспӽ іхуӽ, ӈjонӆаг зоосхаӽ Ӈукӽ-Ӈукӽтох паӡіӽ выкыӡіӽ. Ӈуных віфкé, маӆхоӆаг во-ӈа́хӽтох вінга́, паӡӽ-ах-піг-тафтох jугыӽ. Ӈуӈ таф верах ӈеныӈ Ӈунывыӽ. Ӈу верах ітӽ: «Чі шакрух-пшы-ӈіӷывыӈ-ӈа́? Jаӈӽ ӈрафтох jугынд-на́? Ехус Ӈыта́-піӈ-таф ӈызіг Ӈунывіндра, ӈызіӈтох віја́!» Мыз-ӈіӷывыӈ: «Ӈі jахзундра́! Верахга́, ӈшоӽ-віја́!» Ӈу верах: «Ӈыӈка́, угрын вінатé!» Кузіт угрыт віт; jугга́ ычіх ӈіныӈ мам ӈіныӈ пхнаӽ-шанх ӈеныӈ Ӈунывыт. Ӈуӈ

людямъ подошелъ. Эти люди сказали: «Гость, иди *сюда*! Своей деревни новости намъ разскажи!» Нашъ Гилякъ къ нимъ подошелъ, тѣ люди сказали: «Въ твоей деревнѣ новости есть-ли?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Въ моей деревнѣ новостей нѣтъ, а въ вашей деревнѣ новости есть-ли?» Тѣ люди сказали: «Да, новость есть: вчера морской чортъ забрался, жителей нашей деревни перебилъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Давайте, *всѣ* вмѣстѣ отправившись, воевать будемъ!» Тѣ люди: «Мы морского чорта боимся!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «*Если* вы боитесь, я самъ пошедши воевать буду! *Спокойно* пребывая, здѣсь находясь, меня дожидайтесь!» Нашъ Гилякъ отсюда далеко пошелъ, въ деревню одну пришелъ. Морской чортъ одинъ на берегу навзничь лежалъ, спалъ. Нашъ Гилякъ крадучись подошелъ, копьемъ черезъ отверстіе его рта пронзилъ. *Когда* пронзилъ, тотъ морской чортъ: «Ой, горло!» Глаза поднявъ, нашего Гиляка увидѣвъ, чортъ сказалъ: «Что за чортъ пришелъ, меня убить собирается?» Нашъ Гилякъ, еще разъ *копьемъ* пронзивъ, убилъ его, мелко-на-мелко разрѣзалъ его, во всѣ стороны разбросалъ, потерялъ. Отсюда далеко пошелъ *и, когда* въ многолюдное селеніе одно пришелъ, въ крайнюю юрту вошелъ. Въ этой юртѣ рабъ одинъ находился. Этотъ рабъ сказалъ: «Ты откуда пришедшій человѣкъ? Зачѣмъ въ мою юрту пришелъ? Вонъ тамъ въ средней юртѣ мой хозяинъ живетъ, къ хозяину моему ступай!» Нашъ Гилякъ: «Я не знаю! Рабъ, меня поведи!» Тотъ рабъ: «Ладно, вмѣстѣ пойдемъ!» Вышли, вмѣстѣ пошли; когда вошли, старикъ одинъ, старуха одна, молодая женщина одна тамъ находились. Тотъ

ычх озіў: «Чі шакрух-шшы-нііӈывыӈ-ца?» Мыз-ніӈывыӈ ітў: «Ні nal-ҥыта -воныӈта!» Ҥуӈ ычх ітў: «Чі јаӈў шшынд?» Мыз-ніӈывыӈ ітў: «Ні чіӈтох ухмуіl шшындра!» Ҥуӈ ычх ітў: «Оlхуна, піӈгнта!» Кузіт сік піӈгыт віт пыкызхарыт. Мыз-ніӈывыӈ ҥуных кузіў віфке. Мыткыӈ чныр-таф-на́хў ҥунывыў. Ҥуӈ тафтох југнӡ, ҥајму́ӈ мам нєныӈ ҥунывыў. Кхаlыў інтыў: «Нехlуг шшынд-lу?» Мыз-ніӈывыӈ ітў: «Ҥыӈка, шшындра!»—«Olа́, чі кыр -lo?» Мыз-ніӈывыӈ: «Ҥыӈка, кырндра, іҥінд-ныў нарја!» Ҥу мам кузіў чхаў кеў шоў-југра; тук геў ча́р-ца́р шоў-шшыра; wаи вочў ча́р-маўкра́ рак вочў; јеро́ў јечў, мыз-ніӈывыӈ арыра. Мыз-ніӈывыӈ іҥро́ў твінӡ, ніӈ ачў ҥу мам кымра. Ҥу мам ітў: «Olа́, нах чам-lункја! Ехостох маӈыў накс кчў шоў-те́ӈаў нау вахыў, нупро́ў нах lункја!» Мыз-ніӈывыӈ маӈыў накс кчў шоў-те́ӈаў вахыў; јупро́ў ҥу мам ітў: «Olа́, ачк-хас вангуја!» Мыз -ніӈывыӈ ја-хас хгеў, вангуро́ў іхымыў јаҥах lункў. Lуро́ў твінӡ ітў: «Olа́, чі туных віаха́ј, тав-на́хўтох вііндра́; ҥуӈ тавух југја́, чаӈӈej ҥуӈ таф піндра́! Ні lунд ах сікра́!» Мыз-ніӈывыӈ: «Ҥыӈка́, ҥуӈ тавух југи паӈӈej кеіндра́!» Кхоро́ў озіў віфке́. Тав-на́хў ҥунывыў. Ҥуӈ тавтох југнӡ,

---

старикъ, поднявшись: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты!» Тотъ старикъ сказалъ: «Ты зачѣмъ пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я съ вами воевать пришелъ!» Тотъ старикъ сказалъ: «Ребята, убѣжимъ!» Вышли, всѣ убѣжали, пропали. Нашъ Гилякъ оттуда вышелъ, далеко пошелъ. Маленькая травяная юрта одна стояла. *Когда* въ эту юрту вошелъ, глубокая старуха одна тамъ находилась. Глаза поднявъ, его увидѣвъ (*сказала*): «Мой сынъ пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Да, я пришелъ!»—«Сынокъ, ты *не* голоденъ-ли?» Нашъ Гилякъ: «Да, голоденъ, закуску приготовивъ, меня накорми!» Эта старуха вышла, дровъ набравъ принесла; чумашку взявъ, за водой сходивши, принесла; котелъ поставила, воды налила, будыи положила; сваривъ сняла, нашего Гиляка накормила. Нашъ Гилякъ, поѣвши, покончивъ, чашку вернулъ, этой старухѣ отдалъ. Эта старуха сказала: «Сынокъ, меня заставь шаманить! Вонъ туда спустись, прутья наруби, принеси, ‘инау’ настружи, меня повязавъ, меня заставь шаманить!» Нашъ Гилякъ спустился, прутья нарубилъ, принесъ, настружилъ; *когда* её повязалъ, эта старуха сказала: «Своей тещи бубенъ нагрѣй!» Нашъ Гилякъ ея бубенъ взялъ, нагрѣвъ подалъ, ее заставилъ шаманить. Пошаманивъ, кончивъ, сказала: «Сынокъ, если отсюда пойдешь, къ юртѣ одной придешь; въ ту юрту войди, твоя жена въ той юртѣ будетъ! Моя пѣснь вотъ кончена!» Нашъ Гилякъ: «Ладно, въ ту юрту вошедши, свою жену возьму!» Выспавшись всталъ, далеко пошелъ. Юрта одна стояла. *Когда* въ ту юрту вошелъ, молодая жен-

пхнахр̆-шанх ӈеныӈ ӈунывыр̆. Ӈуӈ шанх иӈинд-ныр̆ мыз̀-ӈиӷывыӈ арыра́; ӈаро́р̆ твиӈа̊ кузи́р̆, чиро́р̆ jугыр̆; кхоро́р̆ ози́р̆ ӈуӈ шанхрох кар jаихур̆ кхор̆. Ӈымпа́т тати ози́р̆, ijа́ӈӷej итр̆: «Ӈала́, винате́, ӈытхунтох винате́!» Мыз̀-ӈиӷывыӈ: «Ӈыцка́, випате́!» Ах угрыт виф-ке́, малхола́ӷ-во-на́хр̆тох вит, ӈыта́-фиӈ-таф-тох jугыт; ӈajму́ӷ ычих ӈеныӈ, ӈajму́ӷ мам ӈиныӈ Ӈунывыт. Ӈуӈ ычх ози́р̆: «Ола́, рунд ӈиӷывыӈ-ца́ шор̆-шпы́инд?» Ӈуӈ шанх: «Hal-ӈыта́-воныцта́-ӈычхта́!» Ӈуӈ ычх итр̆: «Чи jацр̆ ӈехlуӷ кеінынд? Ахгуjа́, чихуиндра́!» Мыз̀-ӈиӷывыӈ итр̆: «Ӈихуjа́, чи кымӏыjа́!» Ӈуӈ ычх: «Тхарпыт итиндра́! Ымӷijа́, ехын-виве́!» Мыз̀-ӈиӷывыӈ паӈӷej-хин угрыт ехт-вит. Пфорох виӈа̊ прафтох jугиӈа̊, ӈajму́ӷ мам ӈиныӈ Ӈунывыр̆. Ӈу мам итр̆: «Ола́, чи ахр̆ вирор̆, наф пшынд-на́?» Мыз̀-ӈиӷывыӈ итр̆: «Ӈи тафк витот наф пшындра́!» Ӈу мам итр̆: «Ола́, чхыв наныгыр̆ ӈиур̆ ӈарjа́!» Мыз̀-ӈиӷывыӈ чхыв паныгыр̆ виф-ке́. Пиӏа́ӷ і-на́хр̆тох виӈа̊, пиӏаӷ чхыф ӈан Ӈунывыр̆. Ӄхахкыс̀ ес̀пр̆ ӈиур̆, млохыс̀ хгыир̆ шор̆-пшы́р̆; изро́р̆ зоос̀хур̆ jер̆ иӈир̆. Ӈу мам итр̆: «Ӈинх ӈарjа́!» Мыз̀-ӈиӷывыӈ итр̆: «Тхарпыт пар̆к иӈинд!» Чаj jеро́р̆ jеч̌р̆, ӈу мам арыр̆. Ӈу мам: «Ес̀мохра́, ӈихохра́, наф-ат ехын виндра́!» Мыз̀-ӈиӷывыӈ итр̆: «Ӈала́,

---

щина одна тутъ оказалась. Эта женщина, закуску приготовивъ, нашего Гиляка накормила; потомъ покончивъ онъ вышелъ, помочившись вошелъ; поспавши всталъ, къ той женщинѣ спустился, *съ ней вмѣстѣ* на одной постелькѣ спалъ. На другой день рано всталъ, его жена сказала: «Ну, пойдемъ, къ моимъ роднымъ пойдемъ!» Нашъ Гилякъ: «Ладно, пойдемъ!» Вотъ вмѣстѣ далеко пошли, въ многолюдное селеніе одно пришли, въ среднюю юрту вошли; глубокій старикъ одинъ, глубокая старуха одна тутъ находились. Этотъ старикъ, поднявшись: «Дочь, что за человѣка ты привела?» Та женщина: «Это мужъ мой, житель деревни, что по серединѣ бухты!» Тотъ старикъ сказалъ: «Ты чего мою дочь забрать собираешься? Не смѣй, убью тебя!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Убей меня, ты подумай!» Тотъ старикъ: «*Это я*, забывшись, сказалъ! Зятекъ, ступайте *себѣ* обратно!» Нашъ Гилякъ вмѣстѣ со своей женой обратно пошли. *Когда* они въ свою деревню пришли, *когда* въ свою юрту вошли, глубокая старуха одна тутъ оказалась. Эта старуха сказала: «Сынокъ, ты послѣ долгаго-ли отсутствія теперь приходишь?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я послѣ долгаго отсутствія теперь прихожу!» Та старуха сказала: «Сынокъ, медвѣдя поищи, убей, меня накорми!» Нашъ Гилякъ медвѣдя искать далеко пошелъ. *Когда* онъ къ большой рѣкѣ одной пришелъ, большой медвѣдь одинъ тамъ оказался. Онъ копьемъ ударилъ, убилъ, цѣликомъ потащивъ принесъ; освѣжевавъ порѣзалъ, сварилъ, ѣлъ. Та старуха сказала: «Немножко меня накорми!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Забывшись, самъ ѣлъ!» Еще сваривъ, снялъ, ту старуху накормилъ. Та старуха: «Очень рада, спасибо, теперь обратно пойду!» Нашъ Гилякъ

ехыр̆ віја́!» Ӈу мам ехыр̆ вір̆, мыз̀-ӈі́ӷывың кузі́р̆, чіро́р̆ jугыр̆ паӈӷej керыр̆: «Ӈала́, ӈі ухмун віиндра́, мінр̆ аӈ ӈаӈ̊а́ пшыиндра́!» Ӄхах гера́, пфунд гера́, пwахај алыхыр̆, тота-чхнај кусі́р̆, пеӄхра́ кроp̆: «Ӈі мухај, туӈ чхнај черjоіндра́, ӈі моp̆хан пшыіфухај, Іуіндра́ ехнавра́ ӈаіндра́, ӈахај: 'Ес̀мохра́, ӈычх пшыіфунта́!' ӈаp̆ ехоррырраја́!» Мыз̀-ӈі́ӷывың кузі́р̆ віфке́, кІунд-мал̀-хола́фтох вір̆. Мыз̀-ӈі́ӷывың ітр̆: «Ӈала́, ухмунта́!» Ӈуӈ кІундхун вез̀р̆-пшы́р̆. Мыз̀-ӈі́ӷывың ӄхахкыс̀ ес̀пр̆ іхуp̆; ч̀ај ӈан пшынкр̆ ес̀пр̆ іхуp̆; ч̀ај ӈан пр̆ынкр̆ ес̀пр̆ іхуp̆; ч̀ај ухмуфке́ сік куха́рыр̆. Ӈуных віфке́, мал̀хола́ӷ-во-ӈа́х̌р̆тох вінӷ̊а́, мыз̀-ӈі́ӷывың Ӈыта́-фіӈ-та́фтох jугыр̆. Пхнаp̆-ӈі́ӷывың мхоӈ ӈі́ӷывың Ӈунывыт, сік пунд шота́, ӄхах тота́. Мыз̀-ӈі́ӷывың: «Чіӈ jаӈыпд Ӈунывындхун-на? Ухмуіха́ј ухмунта́! Чіӈ кыха́ј ӈіхуна́, ӈі кыха́ј чіӈ-хуна́!» Ӈу ӈі́ӷывыӈкун кузі́т ухмуфке́, сік куха́рыр̆. Мыз̀-ӈі́ӷывың Ӈуных віфке́ пал̀-ӈі́ӷывыӈкун-во-рох вір̆, паз̀р̆-ах-піӈ-таф-тох jугыр̆. Ӈуӈ таф ычіх ӈіныӈ мам ӈіныӈ Ӈунывыр̆. Ӈуӈ ычх: «Чі jаӈр̆ пшынд-на́?» Мыз̀-ӈі́ӷывың ітр̆: «Ӈі ухмуіl пшындра́!» Ӈуӈ ычх: «Jаӈр̆ ухмуінынд-на́? Агуjа́!» Мыз̀-ӈі́ӷывың ітр̆: «Пал̀-мілк ӈакі куp̆ іӈіндра́!» Ӈуӈ ычх: «Мама́, вір̆ пнафхун

сказалъ: «Ну, ступай *себѣ* обратно!» Та старуха обратно пошла, нашъ Гилякъ вышелъ, помочившись вошелъ, своей женѣ сказалъ: «Ну, я воевать пойду, черезъ восемь лѣтъ приду!» Копье взялъ, свой лукъ взялъ, свой ящикъ открылъ, серебряную фигуру досталъ, позади себя повѣсилъ: «Если я умру, эта фигура плакать будетъ, если я живой буду возвращаться, она пѣть будетъ, смѣяться будетъ, тогда: 'Какъ я рада, мой мужъ возвращается!' такъ подумаешь!» Нашъ Гилякъ вышелъ, далеко пошелъ, къ мѣсту, *гдѣ собралось* множество тигровъ, пришелъ. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Давайте, воевать будемъ!» Эти тигры бросились. Нашъ Гилякъ копьемъ ударивъ убилъ; еще одного вызвавъ, кольнувъ убилъ; еще одного вызвавъ, кольнувъ убилъ; еще долго воевали, всѣхъ перебилъ. Отсюда далеко пошедши, въ многолюдное селеніе одно пришедши, нашъ Гилякъ въ среднюю юрту вошелъ. Юношей десять человѣкъ тутъ находилось, всѣ съ луками, съ копьями. Нашъ Гилякъ: «Вы чего тутъ сидите? Если воевать хотите, давайте воевать! Если вы сильнѣе, меня убьете, если я сильнѣе, васъ убью!» Эти люди вышли, долго воевали, *онъ* всѣхъ перебилъ. Нашъ Гилякъ оттуда далеко пошелъ, въ деревню горныхъ людей пришелъ, въ крайнюю юрту вошелъ. Въ этой юртѣ старикъ одинъ, старуха одна находились. Тотъ старикъ: «Ты чего пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я воевать пришелъ!» Тотъ старикъ: «Зачѣмъ воевать? Не смѣй!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Горный чортъ моего старшаго брата убивъ съѣлъ!» Тотъ старикъ: «Старуха, ступай, моимъ 'навхамъ' скажи!» Та женщина отправилась, вернулась;

керја́! Ӈу мам кузіӯ-віӯ пшыӯ; југиґа́ ӈуӈ ычх ітӯ: «Ухмујны-ӏо?» Ӈу мам ітӯ: «Ӈыӈка́, ухмуіӏ ітндхунта́!» Мыз-ӈіӯывыӈ кузіӯ ухмуфке́ сік куха́рыӯ. Ӈуных віфке́, піла́нг тор-раф ӈаӽӯтох віӯ. Југиґа́ піланг ычіх ӈіныӈ Ӈупывыӯ. Ӈуӈ ычх ітӯ: «Чі ӈакрух-пшы-ӈіӯывыӈ-ӈа́? Урнкуӯ ітја́!» Мыз-ӈіӯывыӈ: «Наӏ-Ӈыта́-вопыӈта́, ухмуіӏ пшындра́!» Ӈуӈ ычх ітӯ: «Ӈала́, ухмунате́!» Кузіт ухмуфке́, Ӈуӈ ычх куӯ. Ӈуных віфке́, тамла́нг во-ӈа́ӽӯтох віӯ, Ӈы вох ухмуӯ, тоӯйаӈх ӈіӯывыӈ сік куха́рыр. Ӈуных віфке́, пал-мілк-маӯ-Ӈупывын ізӈтох віӯ: «Пал-мілка́, Ӈалве́, ухмунта́!» Ӈуӈ пал-мілк ітӯ: «Ехыӯ пфорох віја́, јаӈӯ Ӈунывынд-на́?» Мыз-ӈіӯывыӈ: «Чіӈтох ухмуно́н пфорох вііндра́!» Ах ухмуфке́ пал-мілк сік хуӯ. Ӈуных ехыӯ пшыфке́ пфорох пшыӯ. Југиґа́ ијаӈӯеј уіге́, јеӵна́ј паӯк Ӈунывыӯ. Мыз-ӈіӯывыӈ ітӯ: «Ӈала́, ӈаӈӯеј јанко́?» Ӈуӈ чхнај: «Тол-ӈіӯывыӈ гендра́, ӈі керіро́-терндра́, ӈі евыхар ӈзаӯ, ӈіхуіӏ ӈі ӈерра́!» Мыз-ӈіӯывыӈ ітӯ: «Він ухмуіндра́!» Ііӈнд-ныр іӈра́, Ӈаро́ӯ твіӯ кузіӯ, чіро́ӯ југыӯ, тамх таро́ӯ ӄхоӯ; Ӈымпа́т татныфк озіӯ ііӈнд-ныр, іӈро́ӯ твіґа́, пунд-гера́ ӄхах кера́ мухыс́ віфке́. Піла́нг ур-міф ӈаӽӯ Ӈуны-

когда вошла, тотъ старикъ сказалъ: «Будутъ-ли воевать?» Эта старуха сказала: «Да, что воевать будутъ, сказали!» Нашъ Гилякъ вышелъ, долго воевали, онъ всѣхъ перебилъ. Оттуда далеко пошелъ, къ большой зимней юртѣ одной пришелъ. *Когда* вошелъ, глубокій старикъ одинъ тамъ находился. Тотъ старикъ сказалъ: «Ты откуда пришедшій человѣкъ? Хорошенько скажи!» Нашъ Гилякъ: «Я изъ деревни, что́ по серединѣ бухты, воевать пришелъ!» Тотъ старикъ сказалъ: «Давай, воевать будемъ!» Вышли, долго воевали, того старика убилъ. Оттуда далеко пошелъ, въ многолюдную деревню одну пришелъ, въ этой деревнѣ воевалъ, пятьсотъ человѣкъ всѣхъ перебилъ. Оттуда далеко пошелъ, къ двумъ встрѣтившимся горнымъ чертямъ (къ нимъ) подошелъ: «Горный чортъ, давай воевать!» Тотъ горный чортъ сказалъ: «Назадъ въ свою деревню ступай, чего тутъ находишься?» Нашъ Гилякъ: «Съ вами повоевавъ, въ свою деревню пойду!» Вотъ они долго воевали, онъ горныхъ чертей всѣхъ убилъ. Оттуда назадъ долго возвращался, въ свою деревню вернулся. *Когда въ юрту* вошелъ, его жены не оказалось, его фигура только тутъ находилась. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Эй, жена моя гдѣ?» Та фигура: «Морской человѣкъ забралъ, ничего я не могъ подѣлать, я ее крѣпко держалъ, онъ меня колотилъ, убить меня мнѣ грозился!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Пойдемъ, воевать будемъ!» Закуску приготовивъ поѣлъ, потомъ кончивъ вышелъ, помочившись вошелъ, табаку покуривъ, спать улегся; на другой день рано всталъ, закуску приготовилъ, поѣвши, покончивъ, лукъ взялъ, копье взялъ, на лодкѣ далеко пустился. Большой островъ одинъ попался. Туда *когда* пришелъ, *когда* въ ту юрту

выр. Ӈусто́х вӥр ӈуӈ тавух jугнӑ́, нӥӈывыӈ неныӈ ӈунывыр ijа́нӈej ӈунывыр. Мыз-нӥӈывыӈ итр: «Чі jаӈр на́нӈej гепд-на́?» Ӈу нӥӈывыӈ тык-рыкха́рыр ӈунывыр. Мыз-нӥӈывыӈ ӄаj итр: «Чі jаӈр тык-рыкха́рыр ӈунывынд-на́? Ухмунате́!» Ӈу нӥӈывыӈ итр: «Ни ухмунд есхандра́, пан̆ӈej хгеjа́!» ӈар итр. Мыз-нӥӈывыӈ чеӽу сівур вӥр еспр іхур, пан̆ӈej хгер шор-те́ӈыр ӈунывыр. Ӈупывыфке́ ijа́нӈej итр: «Тоӆ-нӥӈывыӈкун черах паӈjон пшыjныӈгра́!» Мыз-нӥӈывыӈ: «Ӈахajро́! Ізп пшыха́j ізп куіндра́!» Ӈуӈ шанх итр: «Пат пшыіндхунта́!» Мыз-нӥӈывыӈ: «Ізп пшыхajро́! Іӈінд-ныр ӈарjа́!» Ijа́нӈej іӈінд-ны́р jарыр. Іӈро́р твӥр, тамх таро́р твӥр; кузро́р jугыр ӄхор, ӈымпа́т татны́фк озӥр, wa гера́ ӄхах кера́ пунд гера́ ӽомртох маӈыр, ӈунывыр. Муӈыв-ӈытанӷ́ тоӆ-нӥӈывыӈкун пшыт ухмуфке́. Кенг кутнӷ́ сік хухарыр. Ӈуӈ ырк чхар тантата́ кр̆ункр̆, ӈу нӥӈывыӈкун сік шувр ізп ныкызр̆. Мыз-нӥӈывыӈ прафтох jугыр, пан̆ӈej керыр: «Норох теӈар іӈінт гер шор-ма́ӈыр ӈарjа́!» Ijа́нӈej ӈорох теӈар, іӈінт гер шор-ма́ӈыр jарыр. Іӈро́р твінӷ́: «Ни тоӆ-мілкрох ухмуіндра́!» Пунд гера́ ӄхах кера́ кузӥр, ӽомртох маӈыр полáхр: «Тоӆ-мілка́, теӈjа́, ухмунате́! Мів-мілка́, пшыjа́, ухмунате́!» Тоӆ-мілк пшыр ухмуфке́, тоӆ-мілк кур; чаj ухмуфке́, мів-мілк кур. Праф-

вошелъ, человѣкъ одинъ тамъ находился, его жена тамъ находилась. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты чего мою жену забралъ?» Тотъ человѣкъ совсѣмъ безмолвный сидѣлъ. Нашъ Гилякъ снова сказалъ: «Ты чего совсѣмъ безмолвный сидишь? Давай воевать!» Тотъ человѣкъ сказалъ: «Я воевать не желаю, свою жену забери!» такъ сказалъ. Нашъ Гилякъ, ножъ обнаживъ, подошелъ, кольнулъ, убилъ, свою жену забралъ, привезъ, жилъ. *Послѣ того какъ* они долго жили, его жена сказала: «Морскіе люди къ тебѣ воевать придти собираются!» Нашъ Гилякъ: «Пусть! Если они придутъ, я ихъ убью!» Эта женщина сказала: «Завтра они придутъ!» Нашъ Гилякъ: «Пусть они придутъ. Закуску приготовивъ, меня накорми!» Его жена, закуску приготовивъ, его накормила. Поѣвши кончилъ, табаку покуривъ, кончилъ; вышедши, вошелъ, спать легъ, на другой день рано всталъ, саблю взявъ, копье взявъ, лукъ взявъ, на берегъ вышелъ, тамъ оставался. Въ полдень морскіе люди явились, долго воевали. *Когда* солнце сѣло, онъ всѣхъ перебилъ. Въ эту ночь онъ дрова рубилъ до разсвѣта, тѣхъ людей всѣхъ сжегъ, ихъ потерялъ. Нашъ Гилякъ въ свою юрту вошелъ, своей женѣ сказалъ: «Въ амбаръ взберись, съѣстного достань, принеси, меня накорми!» Его жена въ амбаръ взобралась, съѣстного достала, принесла, его накормила. Поѣвши, покончивъ: «Я съ морскимъ чортомъ воевать пойду!» Лукъ взявъ, копье взявъ, вышелъ, къ берегу спустился, закричалъ: «Морской чортъ, выходи, воевать будемъ! Земной чортъ, приходи, воевать будемъ!» Морской чортъ явился, долго воевали, морского чорта убилъ; снова долго воевали, земного чорта убилъ. Къ

тох теӈаӈ jугрá, паӈӈej керыӈ: «Iӈiнд-ныӈ ӈарjá!» Ijáӈӈej iӈiнд-шы́ӈ jарырá. Iӈрóӈ твиӈ, тамых тарá кузи́ӈ пахкыс̀ тав аиӈ; jаiнтатá ныуӈ; Iныӈ ыӈк jаiнтатá кӈуигá твиӈ. Нухтыт вит, пах-таф пит. Мыз̀-ни́ӈывыӈ Iаӈгӈ нанытыӈ виӈ, му ни́м саруӈ шоӈ-пшы́ӈ; ijáӈӈej изи́ӈ хавурá. Чај чо нанытыӈ виӈ, му ни́м чарнкуӈ ихуӈ шоӈ-пшы́ӈ, ijáӈӈej махуӈ хавурá; хавушкуӈ хоӈ ӈочӈ шоӈ-тéӈаӈ ӈо сирá, ӈохкыс̀ том аитá. Чхыв напытыӈ виф-кé; i-ӈáхӈтох вигá, чхыф ӈан Iупывыӈ. Iуӈ чхыфкыс̀ Iиуӈ шоӈ-пшы́ӈ; изрóӈ jетóт иӈiфкé, сік ӈiхарт. Iуӈ том ӈитá, Iу мā ӈитá, Iат Iунывындхуп. Фуру́. 140

своей юртѣ поднялся, вошелъ, своей женѣ сказалъ: «Закуску приготовивъ, меня накорми!» Его жена, закуску приготовивъ, его накормила. Поѣвши кончилъ, табаку покурилъ, вышелъ, изъ камня юрту сталъ строить; *пока* её строилъ, вечеръ насталъ; *всю* (эту) ночь проработавъ, къ разсвѣту кончилъ. Переселились, въ каменной юртѣ жили. Нашъ Гилякъ тюленя промышлять пошелъ, лодку *цѣлую* (одну) наполнивъ привезъ; его жена освѣжевала, (*кожи*) сушила. Еще рыбу ловить отправился, лодку одну полную наловивъ, привезъ, его жена распластовавъ сушила; *когда рыба* высохла, *опшала* сняла, *съ опшалъ* собрала, понесла, въ амбаръ сложила, изъ сала жиръ выгопили. Медвѣдя промышлять далеко пошелъ; *когда* къ рѣчкѣ одной подошелъ, медвѣдь одинъ тутъ находился. Этого медвѣдя убивъ принесъ; освѣжевавъ, сваривъ, долго ѣли, все безъ остатка съѣли. Тотъ жиръ ѣли, ту юкалу ѣли, такъ жили. Сказано. 140

Примѣчанія къ № 8.

1 *(стр. 3)*. 'Медвѣжьей ѣды слѣдовъ множество', т. е., на берегу валялись объѣдки рыбы, которую медвѣдь ловилъ въ рѣчкѣ или подбиралъ на берегу (выброшенную). Дѣло въ томъ, что во время хода кэты, рыбы такое множество, что медвѣди буквально занимаются рыболовствомъ, переходя рѣчки въ бродъ и вылавливая рыбу лапой. Кромѣ того множество выбившейся изъ силъ рыбы выбрасывается на берегъ и становится добычей медвѣдей.

2 *(стр. 4)*. Кеӽрухé—'сверху', т. е., съ высокаго берега къ рѣкѣ.

3 *(стр. 21)*. 'Чего ты меня боишься? И ты—человѣкъ, и я тоже человѣкъ'—характерная фраза, рисующая воззрѣніе Гилякъ на нормальное отношеніе между людьми, не допускающее никакихъ жестокостей. Достаточно было этой фразы, чтобы старуха, принявшая было нашего Гиляка за чорта-людоѣда, совершенно успокоилась.

4 *(стр. 26)*. 'Мой «ахмаль» пришелъ?', т. е., человѣкъ изъ того рода, откуда сородичи старика берутъ женъ (см. № 6, пр. 26). — На стр. 29 вм. ахmal употреблено: арыӈ, терминъ низовьевъ Тыми и восточнаго побережья.

5 *(стр. 27)*. Нафхá—'навх!'.—Нафх собственно значитъ: 'зять', синонимъ: ымӈi, но этимъ же именемъ называютъ часто другъ друга всѣ члены родствен-

ныхъ черезъ женщинъ родовъ. Только родного тестя нельзя именовать нафх, а непремѣнно атк или ахмаl.—Въ виду малочисленности гиляцкаго племени и, слѣдовательно, большей или меньшей родственности между всѣми родами, терминъ 'навх' сталъ обычнымъ терминомъ обращенія даже по отношенію къ незнакомымъ людямъ, синонимомъ слова: 'другъ'.—Въ материковомъ нарѣчіи такую же роль играетъ терминъ: амаl̀ (отъ: ахмаlк—,тесть'). Даже русскіе на Амурѣ окликаютъ Гиляка словомъ: 'амаля!' (зват. падежъ отъ: ахмаl).

6 *(стр. 32)*. 'У нея одинъ глазъ на лбу находился, другой на подбородкѣ'.—Уродливое расположеніе глазъ — характерный признакъ подземныхъ чертей-людоѣдовъ, уӈйрк'овъ (ср. № 1, пр. 15).

7 *(стр. 36, 37)*. 'Къ отдыхающимъ людямъ пришелъ' т. е., встрѣтилъ людей, которые сдѣлали привалъ на дорогѣ.

8 *(стр. 37, 38)*. Пфво кеӈ пурыӈ ӈиӈ кхерjа́!,—букв.: 'своей деревни сказанія разсказавъ, намъ сообщи!'

9 *(стр. 64)*. Ачк—'теща', такой же коллективный терминъ, какъ и ахмаl—'тесть' (см. пр. 4).

10 *(стр. 64)*. 'Бубенъ нагрѣй'.—Передъ тѣмъ какъ приступить къ камланію, бубенъ нагрѣваютъ надъ очагомъ, для того чтобы звукъ былъ чище и сильнѣе.

11 *(стр. 66, 67)*. 'Сынокъ, если отсюда пойдешь'. — Гиляцкіе шаманы весьма предусмотрительно, подобно греческимъ оракуламъ, облекаютъ свои совѣты и предсказанія въ туманную форму, но это не только не ослабляетъ эффекта предсказаній, но наоборотъ еще усиливаетъ его.

12 *(стр. 71)*. Ӈытхунтох—букв.: 'къ моимъ отцамъ', т. е., въ деревню отца (ср. № 1, пр. 52). Молодая женщина временно только проживала въ той юртѣ, гдѣ нашелъ ее нашъ Гилякъ (ср. № 2, пр. 6).

13 *(стр. 78, 79)*. Олá, чі ахӈ вірóӈ нафъ пшынд-нá?—букв.: 'сынъ, ты, когда отправившись, теперь пришелъ?'

14 *(стр. 79)*. Ӈі тафк вітóт нафъ пшындрá — букв.: 'я, давно отправившись, теперь пришелъ!'

15 *(стр. 90)*. Ӈуӈ кlундхун везӈ-пшыӈ—'эти тигры бросились'.—Глаголъ (пшыӈ) странно поставленъ въ единственномъ числѣ при подлежащемъ во множественномъ числѣ,—явленіе нерѣдкое у гиляцкихъ разсказчиковъ.

16 *(стр. 100, 101)*. 'Ступай, моимъ 'навх'амъ скажи!' 'Навхи' (см. пр. 5) считаются людьми чужеродными и потому обыкновенно не обязаны принимать участія ни въ оборонительной, ни наступательной войнѣ мести, но если воюющій родъ малочисленъ, тогда къ нему на помощь приходятъ и родственники по женской линіи, навх'и, пандф'ы.

17 *(стр. 112)*. Ӈі керірó-терндрá — букв.: 'я не хотѣлъ, *да* не могъ', т. е., пытался воспрепятствовать, но тщетно.

18 *(стр. 126)*. Кенг кутӈгá—'*когда* солнце сѣло', букв.: 'упало': кутӈнд—'падать' (съ высоты): о вещахъ и людяхъ.

19 *(стр. 127)*. Ӈуӈ ырк чхаӈ тантатá кӈункӈ — букв.: 'пока *онъ* эту ночь дрова рубилъ, разсвѣло.

20 *(стр. 134)*. Ӈыӈ ырк jаінтатá кӈунг̣á твіӈ — букв.: 'эту ночь пока работалъ, когда разсвѣло, кончилъ'.

9.

Ӈіӷывыӈ ӈеныӈ іéхылуг.

Ӈіӷывыӈ ӈеныӈ іéхылуг мен быр̆к ӈунывхарт. Ӈунывыфкé jер̆ чо наныгыр̆ вір̆ віфкé. Лахі ӈап іхур̆ шор̆-тéӷар̆, чхар̆ тар̆ шувыр̆, шар̆ сік іӈіхарыр̆. Ч̣ай вір̆ кхай-чо іхур̆ шор̆-тéӷар̆, чхар̆ тарá шувыр̆, шар̆ сік іӈіхарыр̆. Ӈунхé пхыр̆ ехыр̆ пшыр̆, пехӏыӈтох: «Олá! Ыткрунд-зіг кунд хаврндрá, мег наф-ат кыр̆хыс̆ муіндӈаіхнá! Ола, ч̣ах пеjá, шор̆-пшы́р̆ ӈахjá!» Іéхӏуг піӏаг тук мéхр̆ ч̣ар-ӈар̆ шор̆-пшы́р̆ jахыр̆: тук мéхырым сік рахарыр̆: «Ыjкá~а, кр̆ыӡахрá! Олá, наф-ат ні муіныӈгрá!» Понтх гер̆ тамых тарá; тамых тарóр̆ твір̆. Jер̆ мур̆, хгыір̆ шор̆-кӳзір̆. Шор̆-вірóр̆, тыӏыфтох вінѓ, міф кызір̆ сір̆. Ӈуных ч̣ай вір̆ віфкé, піӏанд тав-ӈáхр̆ вір̆ jугыр̆. Ӈајмӳӈ ычіх ніныӈ ӈупывыр̆. Мыз̆-ні́ӷывыӈ понаӷн-івывтох тур̆ ӈупыр̆. Ӈуӈ ычіх озір̆: «Антыхá, шакрух-пшы-ні́ӷывыӈ-ӈá? Чер̆-ыӈкр̆ морханд-ӏы?» Мыз̆-ні́ӷывыӈ ітр̆: «Наух нанá ӈер̆ мункт шор̆-пшы́т, міф кызтóт сіндрá!» Ӈуӈ ычх: «Ӈыӈ~ӈ! Jаӈграхрá! Ні-нáфх-ычх панájjур̆ мур̆ лахчін! Чі наф шактох

Гилякъ одинъ *и* его мальчикъ.

Гилякъ одинъ *и* его мальчикъ вдвоемъ только жили. *Послѣ того какъ* долго жили, его отецъ рыбу ловить пошелъ, далеко пошелъ. Кэту одну убивъ, *на берегъ* принесъ, дровъ нарубивъ, *огонь* развелъ, зажаривъ все безъ остатка съѣлъ. Снова пошелъ, кунжу убивъ, *на берегъ* принесъ, дровъ нарубивъ, *огонь* развелъ, зажаривъ все безъ остатка съѣлъ. Оттуда вернувшись, обратно пришелъ, своему мальчику (*сказалъ*): «Сынъ мой! Отецъ *твой* ничего не убилъ, обоимъ намъ теперь съ голоду умереть придется! Сынъ, воды начерпни, принесши меня напой!» Его мальчикъ *съ* двумя большими чумашками за водой пошелъ, принесши его напоилъ: онъ обѣ чумашки (все) безъ остатка выпилъ: «О, я совсѣмъ насытился! А теперь, сынъ мой, мнѣ умирать надо!» Свой кисетъ взявъ, табаку покурилъ; табаку покуривъ кончилъ. Его отецъ умеръ, *онъ*, потащивъ *его*, вынесъ. *Когда онъ его* понесъ и въ далекое мѣсто отошелъ, *онъ*, землю раскопавъ, *туда* положилъ. Оттуда снова пошелъ, далеко пошелъ, къ большой юртѣ одной пришедши вошелъ. Глубокій старикъ одинъ тамъ находился. Нашъ Гилякъ на среднюю нару забравшись сѣлъ. Тотъ старикъ, поднявшись: «Гость, *ты* откуда пришедшій человѣкъ? Твой отецъ живъ-ли?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Сегодня только-что своего отца умершаго повезъ, землю раскопавъ, похоронилъ!» Тотъ старикъ: «Гм...! Горе какое! Мой другъ-старикъ неожиданно умеръ

вйфунд-на́? Анӈ̆ej панығыр̆ вйфха́j, уру́нкр̆ йхерыр̆ йах lункjа́!» Мыз̀-нйӈ̆ывын: «Ӈыӈка́! Lуjа́! Анӈ̆ej панығlах пар̆к, нй тусто́х пшынтыӈгра́!» Ӈуӈ ычх йтр̆: «Ӈalá, екусто́х маӷыр̆ накс̀ куjа́, шор̆-те́ӈ̆ар̆ нау вахыр̆ нjупjа́!» Мыз̀-нйӈ̆ывын маӷыр̆, накс̀ кур̆ шор̆-те́ӈ̆ар̆, вахро́р̆ ijупыр̆, ja-хах̀с гер̆ вангур̆ jечр̆ ихымыр̆: «Ургур̆ lуjа́!» Пхаз̀ зар̆: «Kwa, kwa, kwa! Туӈ-па́л-фйнг -пйlанг-атк мар̆ угрын нерах маӷве́, йан tleylar̆ йан йӈ̆рйр̆! Туӈ-то́л-фйнг -пахрыц-тунг нвезйр̆ теӈ̆jа́! Тйнд ныхыхыр̆ hуріур̆ теӈ̆jа́! Нй кыха́j, ту нйӈ̆ывын куна́; нй акіха́j, муна́!» Мыз̀-нйӈ̆ывын йтр̆: «Чі нерах ухмуінынд-la? Пйlанд уігындра́! Tловыр̆-waj пон, чхначіх паз̀р̆ пон, чӈ̆очін тугур тулкун чрувхаріндра́!» Озйр̆ вір̆ jанг-ца́чіх паз̀р̆ пор̆, lовр̆-waj пора́ ӈочр̆, тугур тулкур̆ сік шувр̆ выкыз̀харыр̆. Ӈуных кузйр̆ вйфке́. Ило-на́хр̆ пырк hунывыр̆, hу нох тугур пojур̆. Ӈу норох мавыр̆ jугыр̆, hajму́—уӈ мам нін hунывыр̆, пхнар̆-шанх нінын, мен быр̆к hунывхарт. Ӈуӈ шанх вір̆, hу мамрох вір̆: «Ымка́, антх пшыӈгра́, jахзу-нйӈ̆ывын пшыӈгра́! Озйр̆ ыпдыjа́!» Ӈу мам озйр̆, пе-нінгах̀ пез̀-пе́зр̆ кхalыр̆ інтыр̆: «Антх пшынд-lы? тajрут кхонд! Olá, інінд-ныр̆ антх арjа́!» Iехlуиг рах̀ hеро́р̆ jечр̆ jарра́. Мыз̀-нйӈ̆ывын інро́р̆

и нѣтъ *его!* Ты куда-*же* теперь направляешься? Если жену искать направился, *то*, хорошенько мнѣ сказавъ, меня заставь шаманить!» Нашъ Гилякъ: «Да! Шамань! Только потому, что жену ищу, я сюда пришелъ!» Тотъ старикъ сказалъ: «Ну, вонъ туда (*къ рѣчкѣ*) спустившись, прутья наруби, принесши, ‘инау’ настругивъ, меня повяжи!» Нашъ Гилякъ спустился, прутья нарубивъ принесъ, настругивши его повязалъ, его бубенъ взявъ нагрѣлъ, *съ огня* снявъ подалъ: «Хорошенько шамань!» *По* бубну своему ударивъ: «Куа, куа, куа! На той горѣ живущіе большіе волки, двое вмѣстѣ ко мнѣ спуститесь, одинъ бѣлый, одинъ черный! Въ томъ морѣ живущій красный сивучъ ко мнѣ на помощь явись! Громомъ, дождя и гремя, явись! Если я сильнѣе, этого человѣка убью; если я слабѣе, помру!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты со мною сразиться собираешься? Большой грѣхъ это! Тебя подъ мышку схвачу, за ногу (одну) схвачу, тебя поволоку, въ огонь запихаю, тебя окончательно сожгу!» Поднявшись подошелъ, за ногу (одну) его схватилъ, подъ мышку схватилъ, поволокъ, въ огонь пихнулъ, всего сжегъ, окончательно бросилъ. Оттуда вышелъ, далеко пошелъ. Одинокая *свайная* юрта попалась, изъ этой юрты дымъ поднимался. Къ этой юртѣ поднялся, вошелъ, тамъ глубокая старушка одна оказалась, молодая женщина одна, вдвоемъ только тутъ жили. Эта женщина пошла, къ этой старушкѣ подошла: «Матушка, гость пришелъ, незнакомый человѣкъ пришелъ! Встань, посмотри!» Эта старуха поднялась, свои глаза протерла, глаза подпявъ посмотрѣла: «Гость пришелъ? *Ничего* не зная, спала! Дочка, закуску приготовивъ, гостя накорми!» Ея дочь, ‘буду’ сваривъ, сняла, его накормила.

твір̆ јач̆р̆ іхымрá. Ӈу мам ітр̆: «Olá, чі туных віфкé, манӀаӷ нӥӈывыӈкун ухмуӥl чіхт Ӈунывхарынрá, намыр̆ нӥ мындрá!» — «Ухмухајрó! Ні кернтох каукрá! Нін пыр̆кыт Ӈунывнá, нӥ пфінынтох каукрá! Ачк-мамá, wa ів-Ӏо?» Ӈу мам: «Івндрá!» Мыз̀-нӥӈывыӈ: «Пфуá нӥхмыјá!» Ах гер̆ Ӈузух кузір̆ віфкé, Ӈу нӥӈывыӈкунтох вір̆. Ӈу нӥӈывыӈкун wa шонд wa шоррá, кхах тонд кхах торрá, пунд шонд шоррá, кv шонд шоррá, чхар̆ тонд торрá. Мыз̀-нӥӈывыӈ ізнтох Ӏсф вір̆ кхарыр̆: «Ту нӥӈывыӈкун, јаӈынд-Ӈунывын-нӥӈывыӈкун-нá? Нерах ухмуӥl Ӈунывхáј, урýнкун нхервé!» Ычх неныӈ: «Чі кыхáј, нінӈ кухаріндрá; нінӈ кыхáј, чіхун чвыкызіндрá!» Мыз̀-нӥӈывыӈ ітр̆: «Ӈалá, еӈнкун нінхвé!» Мыз̀-нӥӈывыӈ ізн хар̆, пхнар̆-нӥӈывыӈ неныӈ кур̆. Ӈу нӥӈывыӈкун пај сік хат, мыз̀-нӥӈывыӈ хат. Мыз̀-нӥӈывыӈ чај ізн хар̆, неныӈ кур̆; чај ізн хар̆, чај неныӈ кур̆. Ӈу нӥӈывыӈкун сікым піӈгыт віт пыкызхарыт. Мыз̀-нӥӈывыӈ Ӈуных віфкé, малхолáн-во-нáхр̆тох вір̆ југыр̆. Ӈуӈ таф пхнар̆-нӥӈывыӈ чакр̆ нӥӈывыӈ Ӈунывхарт, ычх неныӈ мам неныӈ пхнар̆-шанх неныӈ Ӈат Ӈунывхарт. Ӈуӈ ычх озір̆: «Антхá, чі шакрух шшыӈ -нӥӈывыӈ-ӈá?» Мыз̀-нӥӈывыӈ ітр̆: «Нal-Ӈытá фіӈгрá!» Ӈуӈ ычх: «НехӀуӈкун шшырра-Ӏо? Черах ухмуӥl вІт!» Мыз̀-нӥӈывыӈ ітр̆: «Каукрá, ізн шшын

Нашъ Гилякъ поѣвши кончилъ, *посуду* подавъ, возвратилъ. Та старуха сказала: «Сынъ *мой*, ты, *когда* отсюда далеко пойдешь, могучіе люди *встрѣтятся*, *которые*, чтобы воевать, тебя дожидаясь пребываютъ, *такъ* вчера я слышала!» — «Пускай воюютъ! Я очень желаю! Я одинъ на свѣтѣ, мнѣ себя жалѣть нечего! Бабушка, японская сабля есть *у тебя*?» Та старуха: «Есть!» Нашъ Гилякъ: «Свою саблю дай мнѣ!» Вотъ взялъ, оттуда вышелъ, далеко пошелъ, къ тѣмъ людямъ подошелъ. Тѣ люди сабли имѣли, копья имѣли, луки имѣли, топоры имѣли, палки имѣли. Нашъ Гилякъ, къ нимъ близко подошедши, остановился: «Эй люди, зачѣмъ вы тутъ находитесь? Если для того, чтобы со мной воевать, тутъ находитесь, *то* хорошенько мнѣ скажите!» Старикъ одинъ: «Если ты сильнѣй, насъ убьешь; если мы сильнѣе, тебя убивъ, тебя бросимъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ну, скорѣе меня убейте!» Нашъ Гилякъ въ нихъ выстрѣлилъ, юношу одного убилъ. Тѣ люди всѣ сразу выстрѣлили, въ нашего Гиляка выстрѣлили. Нашъ Гилякъ снова въ нихъ выстрѣлилъ, одного убилъ; снова въ нихъ выстрѣлилъ, снова одного убилъ. Тѣ люди всѣ убѣжали, совсѣмъ пропали. Нашъ Гилякъ оттуда далеко пошелъ, въ многолюдное селеніе одно пришелъ, *въ юрту* вошелъ. Въ той юртѣ юношей три человѣка жило, старикъ одинъ, старуха одна, молодая женщина одна, столько *ихъ* тутъ жило. Тотъ старикъ, поднявшись: «Гость, ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Въ серединѣ бухты живу!» Тотъ старикъ: «Моихъ дѣтей ты видѣлъ? Съ тобой воевать пошли!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Нѣтъ, я ихъ не видѣлъ;

хавръндра́; ізн ншыха́j, ӈіхухарiӈахна́! Ӈі сныф кета́, ізн енанд тіф кета́, ӈінтың хавръндкунта́!» Ӈуң ыӵх: «Олхуна, пакіхун нанығын вівé!» Мыз -ӈíӈывың: «Ӈан чің ухмуiл варк ныха́j, пакі нанығын вііндра́!» Кузір вір віфкé; пілаң тав-ӈа́хр ӈунывыр. Ӈуң тавтох jугнӑ, шанх ӈеның пілаг wаӈ -мі пір, velахjо́харыр, пс̀ур-íхымыр. Мыз̀-ӈíӈывың jокхун гер, ja-ва́р гера́, ja-фа́ӈхун гера́, iӈгін (iӈiп) кера шікухарыр. Ӈуң шанх ітр: «Тана́, ӈларх ӈіхымыр хенкjа́! Jахзу-ӈíӈывың jаңр ӈвархун-lo ӈокхун-lo кер шікухарынд -на́?» Мыз̀ - ӈíӈывың ітр: «Чі ӈавіны-l? Чі ӈавіха́j, чіхмын чах хенкуіндра́!» Ӈуң шанх ітр: «Ӈыңка́, чавіндра́!» Мыз̀-ӈíӈывың іо́кхун іхымыр, jангах хенкура́, вавыт ӈунывыт. Ijа́ӈӈej іӈінд-ны́р роӈінд іӈінта́, ӈатóт твінӑ, ijа́ӈӈej ітр: «Ӈала́, ӈытк-ворох вінатé!» Мыз̀-ӈíӈывың ітр: «Каукра́, ӈі пфорох нан вііндра́: ӈакі пшыр, пфо-фір кыргыз̀ муіфур ӈунывынт фуруңгра!» Ijа́ӈӈej ітр: «Joро варк-ӈавр ӈытк-ворох вінóн ехын вінатé!» Мыз̀-ӈíӈывың: «Каукра́, ах ехын вііндра́! Чі керыха́j, чупха́рынон чвапын чрор-вііндра́!» Паӈӈej упро́р вапыр шор-вір, прафтох вір. Jугнӑ ijа́кі ӈунывыр, кыр-

---

еслибы я ихъ видѣлъ, *они* меня убили-бы! Я другой дорогой ходилъ, они другой дорогой ходили, меня они не видѣли!» Тотъ старикъ: «Ребята, своихъ старшихъ братьевъ искать ступайте!» Нашъ Гилякъ: «Если только *для того, чтобы* со мной воевать, вы *это* дѣлаете, *то и* я своего старшаго брата искать пойду!» Вышелъ, пошелъ, далеко пошелъ; большая юрта одна попалась. Въ эту юрту *когда* вошелъ, женщина одна въ большомъ котлѣ сидѣла, совершенно голая, мылась. Нашъ Гилякъ ея верхнюю одежду взялъ, ея штаны взялъ, ея наголенники взялъ, ея сапоги взялъ, въ охапку держитъ. Та женщина сказала: «Давай сюда, рубаху мою (мнѣ отдавъ) дай одѣть! Незнакомецъ зачѣмъ мои штаны, мою верхнюю одежду взявъ, въ охапку держитъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты за меня замужъ пойдешь-ли? Если ты за меня замужъ пойдешь, *одежду* тебѣ отдавъ, тебѣ одѣться дамъ!» Та женщина сказала: «Ладно, за тебя пойду!» Нашъ Гилякъ ея одежду возвратилъ, ей одѣться далъ, вмѣстѣ сидѣли. Его жена закуску приготовила, *они* вмѣстѣ ѣли, потомъ когда кончили, его жена сказала: «Давай, въ деревню моего отца пойдемъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Нѣтъ, я въ свою деревню сейчасъ пойду: мой старшій братъ пріѣхалъ, *онъ* въ своей деревнѣ съ голоду помирать началъ, говорятъ!» Его жена сказала: «На короткое время только въ отцовскую деревню отправившись, *потомъ* обратно пойдемъ!» Нашъ Гилякъ: «Нѣтъ, сейчасъ же обратно пойдемъ! Если ты не хочешь, я, тебя связавъ, *на плечи* тебя взваливъ, понесу!» Свою жену связавъ, *на плечи* взвалилъ, понесъ, къ своей юртѣ пришелъ. *Когда* вошелъ, его старшій братъ тамъ находился, съ голоду помиралъ, плашмя лежалъ.

гыз̀ муӈфуў̆ кеӈы̀~ыў̆ ӈунывыў̆. Іјáкі ітў̆: «Аc̀хá, чі пшынд-ӈы? Ак індьјá, еӈ̆нкуў̆ чо паныгыў̆ ӈарјá!» Іјác̀х кузіў̆ му ӈоч̀ў̆ віфкé, пiлкаў̆ тун ӈан пшыў̆ іхуў̆ шоў̆-пшы̀ў̆. «Јохá, еӈ̆нкуў̆ јеў̆ ӈарјá! Мама, пас̀х -хiн рорун јевé!» Јетóт јеч̀д јарт, тун-ӈан-тур сік iӈiхарыў̆. «Кў̆ызохрá! Наф пас̀х-іхунд ӈiнд сік-ӈаіхнá! Наух пыў̆к чiӈ пшынá, чiӈ-ахў̆ наух пыў̆к ӈі-іятынá, ӈан твіiнтӈаіхнá!» Ӈаў̆ітрóў̆ теӈаў̆ півывтох позіў̆ муў̆. Іјáӈӈej: «Ыч̀іхá! Кхонд-ӈы, мунд-ӈы? Јаӈынд-нá? Ас̀ха, пшыў̆ індьјá!» Іјác̀х пшыў̆ інтыў̆: «Мызэ̀н ыч̀іх муў̆ лахчіндрá!» Мыз̀-ӈі̀ӈывың пшыў̆ інтыў̆: «Јаӈграхráj! Ӈакі муў̆ лахчін! Шоў̆-він шувнтá!» Пакі хгыі̀ў̆ шоў̆-ві̀ў̆ шувў̆ выкызў̆. Праftох пшыў̆ југыў̆; југнг̀ ыч̀х ӈiныӈ ӈунывыў̆. «Ту ӈі̀ӈывың ӈакрух-пшы-ӈі̀ӈывың-ӈá? Јаӈў̆ ӈрафтох југынд-нá? Чіхун чвыкызіндрá!» Мыз̀-ӈі̀ӈывың ітў̆: «Чі јаӈў̆ пшыў̆ ӈрафтох југынд-нá? Чіхун чвыкызіндрá!» Ӈуӈ ыч̀х ітў̆: «Уіхрá! Чі јаӈў̆ нанкуў̆ітнд-нá?» Мыз̀-ӈі̀ӈывың пеӄхурá-хун-кӽах кеў̆ ӈоч̀ў̆ есп̀ў̆, ӈуӈ ыч̀х куў̆, шоў̆-кузіў̆ толрох пазіў̆ выкызў̆. Мыз̀-ӈі̀ӈывың праftох југыў̆, тамх таў̆; јанг шоў̆кунг̀, кучлырох чіу ӏатў̆, хаз̀-зіу. Мыз̀-ӈі̀ӈывың кузіў̆ інтыў̆: ӈајмýӈ мам ӈеныӈ чам-ӏуў̆

Его старшій братъ сказалъ: «О младшій братъ, ты пришелъ? Старшаго брата посмотри, живо, рыбу наловивъ, меня накорми!» Его младшій братъ вышелъ, лодку *на воду* спустивъ, далеко пошелъ, большого сивуча одного увидѣлъ, убилъ, привезъ. «Невѣстка, живо сваривъ, меня накорми! Жена, вмѣстѣ со своей 'младшей сестрой' варите!» Сваривъ сняли, его накормили, мясо цѣлаго сивуча все безъ остатка съѣлъ. «Я вполнѣ насытился! Теперь *уже* добычу своего младшаго брата ѣсть больше не придется! Сегодня только я васъ видѣть буду, вы тоже сегодня только меня видѣть будете, такъ кончить придется!» такъ сказавъ, *на нару* забрался, на свое мѣсто легъ, умеръ. Его жена: «Мужъ мой! Ты спишь-ли, умеръ-ли? Что съ тобой? О 'младшая сестра', иди, посмотри!» Ея 'младшая сестра' пришла, посмотрѣла: «Нашъ мужъ совсѣмъ умеръ!» Нашъ Гилякъ пришелъ, посмотрѣлъ: «О горе какое! Мой старшій братъ совсѣмъ умеръ! Давайте, повеземъ *его*, сожжемъ!» Своего старшаго брата вытащилъ, повезъ, сжегъ, потерялъ. Въ свою юрту пришедши вошелъ; *когда* вошелъ, старикъ одинъ тамъ оказался. (*Старикъ*): «Тотъ человѣкъ откуда пришедшій человѣкъ? Зачѣмъ въ мою юрту вошелъ? Тебя убивъ, тебя брошу!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты чего пришелъ, въ мою юрту вошелъ? Тебя убивъ, тебя брошу!» Тотъ старикъ сказалъ: «*Это большой* грѣхъ! Ты зачѣмъ такъ сказалъ?» Нашъ Гилякъ копье, лежавшее позади него, взялъ, къ себѣ притащилъ, кольнулъ, того старика убилъ, вынесъ, въ море бросилъ, потерялъ. Нашъ Гилякъ въ свою юрту вошелъ, закурилъ; *когда* онъ докурилъ, на дворѣ шумъ послышался, бубна шумъ. Нашъ Гилякъ вышелъ, посмотрѣлъ: глубокая старуха одна

пшыіфуў. Мыз-нїӈывың ітў: «Чі јаӈў чам-ӏуў пшыіфунд-на́?» Ӈу мам: «Ола́,
80 черах ӏуіныт пшындра́! Чі урыў ӈунывынд-ӏу, аккіў ӈунывынд-ӏу, пшыіныт пшындра́!»—«Аккіт ӈунывіндра́, та ӈрафтох југја́!» Ӈу мам черјура́ ехыў вира́. Мыз-нїӈывың југыў, праф-палынг хызїў; хызїфке́, пїлаӈ тав-ӈа́хў ӈунывыў. Ӈуӈ тафтох југыў івў, паӈӈејхун сік шоў-јўгыў. Ӈунывыт міф -мі́лк мундхун. Фуру.

шаманя приближалась. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты чего шаманя прибли-
80 жаешься?» Та старуха: «Сынъ *мой*, къ тебѣ шаманить намѣреваясь пришла! Хорошо-ли живешь ты, худо-ли живешь, посмотрѣть намѣреваясь пришла!»—«Я худо живу, въ мою юрту не входи!» Та старуха плача назадъ пошла. Нашъ Гилякъ *въ юрту* вошелъ, въ полу своей юрты *сталъ яму* копать; *послѣ того какъ* долго копалъ, большая юрта одна оказалась. Въ эту юрту спустился, жилъ, своихъ женъ всѣхъ перевезъ. Жили, подземными чертями стали. Сказано.

Примѣчанія къ № 9.

1 *(стр. 3)*. Шаў—'зажаривъ'. — Гиляки зажариваютъ рыбу, протыкая ее рожномъ и ставя передъ огнемъ поочередно то одной, то другой стороной. На очагѣ избѣгаютъ жаритъ, опасаясь, какъ-бы не попала въ огонь капля жира, который очень недолюбливается 'хозяиномъ' огня.

2 *(стр. 4)*. Кунжа—см. № 3, пр. 8.

3 *(стр. 7)*. Тук—'чумашка', берестяная посуда, (въ данномъ случаѣ) берестяное ведро. — Чумашки бываютъ самыхъ различныхъ видовъ и размѣровъ, смотря по назначенію. Чумашки, служащія столовой посудой, особенно употребляющіяся на медвѣжьемъ праздникѣ, далѣе тѣ, которыя кладутъ въ могильные домики покойниковъ, бываютъ богато изукрашены узорами и рѣзьбой.

4 *(стр. 14)*. Лахчїн—'и нѣтъ его'.—Лахчінд—трудно переводимый гиляцизмъ, употребляющійся въ самыхъ различныхъ значеніяхъ, чаще всего въ смыслѣ 'окончательно'.

5 *(къ стр. 20, 21)*. Волки и сивучъ были звѣри-покровители (кехӈ) старика-шамана.—Волки на Сахалинѣ встрѣчаются рѣдко, преимущественно на низинахъ въ самой сѣверной части острова и на югѣ въ территоріи Айновъ.

6 *(стр. 21)*. 'Громомъ, дождя и гремя, явись', т. е. сивучъ долженъ гремѣть и вызвать дождь при своемъ появленіи.

7 *(стр. 23)*. 'Большой грѣхъ это!'—Старикъ предательски обманулъ Гиляка, притворившись сначала глубоко огорченнымъ смертью его отца, пообѣщавъ вышаманить ему счастливый исходъ въ его поискахъ жены, а потомъ измѣннически призвавъ своихъ кехӈ, чтобы съ ихъ помощью убить его. Понятно поэтому удивленіе и негодованіе нашего героя.

8 *(стр. 26)*. Туґур поjуў—букв.: 'огонь поднимался'.

9 *(стр. 32)*. Ні ќернтох каукра́—букв.: 'я не нежелаю' = 'очень желаю' (въ гиляцкомъ два отрицанія усиливаютъ утвержденіе).

10 *(стр. 35, 36)*. Wa шонд wa шорра́ и т. д.—букв.: 'сабли носили, сабли неся и т. д.', поэтическій оборотъ тавтологіи.

11 *(стр. 51, 52)*. 'Женщина одна въ большомъ котлѣ сидѣла, мылась.'—Образъ голой женщины, купающейся въ котлѣ, хотя и не заимствованный обязательно, но во всякомъ не могъ сложиться исключительно въ гиляцкой обстановкѣ, такъ-какъ Гиляки никогда не принимаютъ ваннъ и даже не купаются въ рѣкѣ. Женщины далѣе даже на ночь не снимаютъ той части костюма, которая скрываетъ genitalia. Обычай купаться въ котлахъ—японскій обычай, и Гиляки имѣли возможность наблюдать его среди японцевъ, которые съ прошлаго вѣка завели свои колоніи въ южной части Сахалина.

12 *(стр. 59)*. 'Мой старшій братъ пріѣхалъ'.—Старшій братъ жилъ отдѣльно отъ младшаго брата и отца, вѣроятно въ семьѣ тестя, какъ это часто бываетъ у Гилякъ. По случаю голодовки, онъ вернулся въ родную деревню, надѣясь тамъ найти себѣ пропитаніе. Поэтому-то нашъ Гилякъ и торопился домой, чтобы спасти брата.

13 *(стр. 65)*. 'Жена, вмѣстѣ со своей 'младшей сестрой' (ась̀х) варите!'.—Подъ 'младшей сестрой' подразумѣвается здѣсь невѣстка, жена младшаго брата: жены братьевъ называютъ другъ друга 'сестрами', потому что, сообразно древнимъ принципамъ гиляцкаго брака, братья должны были брать женъ изъ одного и того же рода и изъ одного и того же нисходящаго ряда, такъ что жены братьевъ обязательно должны были быть сестрами родными или боковыми, что́ по гиляцкой терминологіи обозначается одинаково. Оттуда, если жены братьевъ взяты даже изъ разныхъ родовъ, какъ въ данномъ случаѣ, онѣ все же называютъ другъ друга сестрами.

14 *(стр. 72)*. 'Старикъ одинъ находился'.—Старикъ былъ унѝўк-людоѣдъ.

15 *(стр. 78)*. 'Глубокая старуха'.—Это была, вѣроятно, жена убитаго старика, пожелавшая волшебствомъ отомстить за его смерть Гиляку.

16 *(стр. 83)*. Пан̀ӈејхун—'своихъ женъ', т. е. свою жену и вдову старшаго брата, которую еще при жизни этого послѣдняго, по гиляцкому обычаю, онъ называлъ 'женой' и имѣлъ на нее супружескія права. Со смертью старшаго брата младшій даже обязанъ былъ жениться на его вдовѣ (левиратъ).

10.

Пхнаӈ-ӈіӈывыӈ ӈін быӈк.

Пхнаӈ-ӈіӈывыӈ ӈін быӈк навӈ. Муӈыв-чін ыӈк-зін кусˇ вахыӈ. Чеӈ муӈыв ыӈк чахӈ кусˇ аіӈ; чеӈ муӈыв ыӈк чахӈ кхах-кеп аіӈ; муӈыв ӷаӈ, ӷаӈ ыӈк пунд аіӈ; hарóӈ твіӈ. Хосˇхыӈ кеӈ јарá; віхывыӈ геӈ віхывра; пеӄхрá-хуӈ -тыусˇ-чхнај геӈ ревра́; hарóӈ кузіӈ, пӈорох теӈаӈ, том гера́ ма́ гера́ шоӈ -ма́ӈыӈ. Ӏӈірóӈ твіӈ; пхухуп сік гера́, пфундхуп сік гера́, пхахун сік гера́ кузіӈ. Ӏезнарох теӈаӈ, тусˇк поllуӈ сˇоӄх-сˇóӄхӈ, чхнај јаіӈ, мхоӈ-ӈіӈывыӈ -чхнај јаіӈ, пунд-lо кхах-lо ку-lо hуӈ чхнајхун кімыӈ. «Ӏalвé, пал-ӈіӈывыӈтох ухмувé! Пал-ӈіӈывыӈ ӈеӈ-акі кундра́, тол-ӈіӈывыӈ ӈеӈ кундра́: ні тол-ӈіӈывыӈтох ухмуіндра́, чіӈ пал-ӈіӈывыӈтох ухмувé!» Ӏуӈ чхнајхун кныӈгыт віт. Мызˇ-ӈіӈывыӈ маӷыӈ, пеӈінтох мавыӈ, лыгні-ӈжы-ӈеӈ геӈ, шамінтох тол-тхых кˇоӈ. Кˇофкé ур-міф-ӈáхӈтох кˇоӈ, сˇархуӈ тамх таӈ твіӈ. Ӏузух чај віӈ, віфкé. Ур-міф-ӈáхӈтох вінá, тав-ӈáхӈ hунывыӈ; hуӈ тафтох

Одинокій юноша.

Юноша одинъ только жилъ себѣ. День и почь все древки *для* стрѣлъ обтачивалъ. Три дня, три ночи древки *для стрѣлъ* готовилъ; три дня, три ночи древки для копій готовилъ; шесть дней, шесть ночей луки готовилъ; потомъ кончилъ. Нерпичью юбку взявъ одѣлъ; поясъ взявъ одѣлъ; позади него (*на нарѣ*) лежавшую мѣдную фигуру взявъ, *на шею* повѣсилъ; потомъ вышелъ, въ свой амбаръ взобрался, жиру взявъ, юкалы взявъ, принесъ. Поѣвши кончилъ; свои стрѣлы всѣ забравъ, свои луки всѣ забравъ, свои копья всѣ забравъ, вышелъ. Въ гору пошелъ, пихту срубилъ, раскололъ, фигуры сдѣлалъ, десять человѣческихъ фигуръ сдѣлалъ, луки, копья, стрѣлы этимъ фигурамъ далъ. «Ну, ступайте, съ горными людьми воюйте! Горные люди старшаго брата моего отца убили, морскіе люди моего отца убили: я съ морскими людьми воевать буду, вы съ горными людьми воюйте!» Эти фигуры удалились. Нашъ Гилякъ (*съ горы*) спустился, въ свой амбаръ поднялся, котиковыя негдальскія лыжи взялъ, внизъ (къ морю) *спустился*, по поверхности морской пошелъ. *Послѣ того какъ онъ* долго ходилъ, къ острову одному подошелъ, привалъ сдѣлалъ, табаку покурилъ, кончилъ. Оттуда снова отправился, далеко пошелъ. *Когда* къ острову одному подошелъ, юрта одна тамъ стояла; *онъ* къ той юртѣ подо-

вĭр̆ jугыр̆. Ыч̀іх н̀еныӈ ӈajмýӈ мам н̀ішыӈ мен пыр̆к ӈунывхарт. Ӈуӈ ыч̀х
оз̀ір̆: «Антхá, ш̀акрух пшынд-нá?» Мыз̀-н̀іӈ̆ывыӈ ітр̆: «Ӏаӈгр̆ наныгыт
пшынѓ̣ помафкé пшындрá!» Ӈуц ыч̀х ітр̆: «Чі шау-воныӈ-ӈá?» Мыз̀-н̀іӈ̆ы-
выӈ ітр̆: «Н̀і пал̀-н̀іӈ̆ывыӈтá! Ыч̀іхá, нал̀-ӈытá-воннын чі іх-ӏо?» Ӈуӈ ыч̀х:
«Ӈыӈкá, н̀і іхундрá!» Мыз̀-н̀іӈ̆ывыӈ ітр̆: «Чі н̀еp̆ кунт-í!» Чеx̆у сівуp̆ вір̆
есп̀р̆ іхуp̆, ja-мáм з̀ap̆ іхуp̆. Кузір̆ ехыp̆ теӈ̆ap̆. Прафтох jугнѓ̣, чхap̆-чхнaj
н̀еныӈ пшыp̆ ӈунывыp̆. Мыз̀-н̀іӈ̆ывыӈ ітр̆: «Кеp̆ ів-ӏо?» Ӈуӈ чхap̆-чхнaj
ітр̆: «Кеp̆ івндрá! Н̀іӈ пал̀-н̀іӈ̆ывыӈтох ухмут теӈ̆ындхун, пал̀-н̀іӈ̆ывыӈкун
сік ізін кухарындрá, пал̀-мілк ӈан кундрá! Сікрá кеp̆, ехын віындрá!» Мыз̀
-н̀іӈ̆ывыӈ ітр̆: «Аувосtох ухмун вівé! Н̀іӈ̆ывыӈ-ат-ітнд сік кувé, ту-мíф
-фінг-нӈа сік кувé, ту-мíф-пінг-мілк сік кувé!» Ӈуӈ чхнaj ітр̆: «Ӈыӈкá,
ухмун віындрá!» Ӈуӈ чхнaj кузір̆ вір̆. Мыз̀-н̀іӈ̆ывыӈ пенінтох теӈ̆ap̆ мавыр̆,
мā герá том герá шор̆-мáӈ̆ыр̆ інір̆. Ӏнрóр̆ твінѓ̣ кузір̆, му ӯоч̀рá вір̆. Мыч̀-
кыӈ ур-міф-нáх̆ртох вінѓ̣, ытытá.... Ӏаӈгр̆ малхохрá! Теӈ̆ap̆ ізін пафыр̆ сік
хур̆; пімн чарур̆ шор̆-пшыр̆, шор̆-тéӈ̆ap̆ ӈалыныр̆-тхы чір̆. Ӏезнáрох теӈ̆ap̆,
кхој н̀ех полур̆, чхнaj аір̆, мех̆р̆ аір̆, ӈарóр̆ шор̆-мáӈ̆ыр̆: «Туӈ чхнajхунá, ту

шелъ, *туда* спустился. Старикъ одинъ, глубокая старуха одна вдвоемъ только тутъ жили. Тотъ старикъ, поднявшись: «Гость, откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «На охоту за тюленемъ отправившись, совсѣмъ заблудившись, *сюда* попалъ!» Тотъ старикъ сказалъ: «Ты житель какой деревни?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я горный человѣкъ! Старикъ, жителя деревни, что̀ по серединѣ бухты, *это* ты убилъ?» Тотъ старикъ: «Да, я убилъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ты моего отца убилъ!» Ножъ обнажилъ, подошелъ, кольнувъ убилъ, его старуху бить *сталъ*, убилъ. Вышелъ, обратно отправился. *Когда онъ* въ свою юрту вошелъ, деревянная фигура одна, *уже* пришедши, тутъ находилась. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Новости есть-ли?» Та деревянная фигура сказала: «Новости есть! Мы съ горными людьми воевать ходили, горныхъ людей всѣхъ (ихъ) перебили, горнаго чорта одного убили! Больше новостей нѣтъ, я домой пойду!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Въ нижнюю деревню воевать ступайте! *Всякаго, кто* только человѣкомъ зовется, всѣхъ убейте, въ той землѣ звѣрей живущихъ всѣхъ убейте, въ той землѣ чертей живущихъ всѣхъ убейте!» Та фигура сказала: «Ладно, воевать пойдемъ!» Та фигура *изъ юрты* вышла, отправилась. Нашъ Гилякъ въ свой амбаръ пошелъ, поднялся, юкалу взявъ, жиру взявъ, принесъ, ѣлъ. Поѣвши, покончивъ, вышелъ, лодку на воду стащилъ, отправился. Къ маленькому острову одному *когда* подъѣхалъ: ой, ой, ой... тюленей множество! *На берегъ* выбрался, *быстро сталъ* ихъ бить, всѣхъ убилъ; свою лодку наполнивъ привезъ, *на берегъ* вытащилъ, на помостъ сложилъ. Въ гору отправился, лиственницу одну срубилъ, фигуры сдѣлалъ, двѣ (*фигуры*) сдѣлалъ, потомъ при-

Іаңгр̆кун сік э̀ін хаувé! Ӈі аӈ̆ӷ̆ej нанығынд вііндрá!» Ӈуң чхнajхун маӷыт, Ӈу Іаңгр̆ э̀ іт хавутá. Мыз̀-ӈíӷ̆ывың wa гер̆ іхра, пунд гер̆ шорра, к̆хах кер̆ шорра, кузір̆ кныңкр̆ вір̆. Віфкé тав-ӈáх̆р̆тох вір̆ jугыр̆, мам ӈеныӈ Ӈунывыр̆. Ӈу мам іт̆р̆: «Чі ш̀акрух-пшы-ӈíӷ̆ывың-ңá?» Мыз̀-ӈíӷ̆ывың іт̆р̆: «Ӈі nal-Ӈытá-воныңтá!» Ӈу мам іт̆р̆: «Чі jаңр̆ пшынд-нá? Аӈ̆ӷ̆ej нанығыр̆ пшыхáj, ургур̆ ытjá!» Мыз̀-ӈíӷ̆ывың іт̆р̆: «Ӈі чехlуг-ңат пшындрá! К̀ерхáj ургур̆ ӈхерjá!» Ӈу мам іт̆р̆: «Чі ваp̆к-ат геjіхај, наугух шоp̆-віjá!» Мыз̀ -ӈíӷ̆ывың іт̆р̆: «Ӈalá, ачкá, угрын чехlуңтох вінатé!» Ӈу мам мыз̀-ӈíӷ̆ывың -кін угрыт віфкé. Пілаң тав-ӈáх̆р̆ Ӈунывыр̆. Ӈуң тафтох jугңá̊, пхнаp̆-шанх ӈеныӈ Ӈунывыр̆, поч-урахрá, мес̀х рамхрá wat тамхрá. Ӈу мам іт̆р̆: «Olá, ту ӈíӷ̆ывың авjá!» Ӈуң шанх іт̆р̆: «Ымá, чі ітңá̊, агуj-lo? Jавн вііндрá!»— «Ымӷ̆ijá, наугух вівé!» Мыз̀-ӈíӷ̆ывың-кін паӈ̆ӷ̆ej-хін угрыт ехт пфорох пшыт. Тафтох jугңá̊, чхаp̆-чхнај ӈіныӈ Ӈунывыр̆. Мыз̀-ӈíӷ̆ывың іт̆р̆: «Чхаp̆ -чхнаjjá, кер̆ ів-lo?»—«Ӈыцкá, кер̆ івндрá!»—«Ӈіӷ̆ывың к̆ха-чіңг сік ку-lo?» Ӈуң чхаp̆-чхнај іт̆р̆: «Ӈіӷ̆ывың к̆ха-чіңг сік кундрá, ңӈа к̆ха-чіңг сік кундрá, уӈíр̆к сік кундрá, мілк сік кундрá, ӈі наф-ат ехын вііндрá!» Ӈуң чхнај кузір̆

несъ: «О фигуры эти, тюленей этихъ освѣжевавъ, вывялите! Я жену искать пойду!» Тѣ фигуры къ берегу спустились, тюленей тѣхъ освѣжевавъ вывялили. Нашъ Гилякъ саблю взявъ одѣлъ, лукъ взявъ понесъ, копье взявъ понесъ, *изъ юрты* вышелъ, удалился. *Послѣ того какъ онъ* долго ходилъ, къ юртѣ одной подошелъ, *туда* спустился, старуха одна тамъ оказалась. Та старуха сказала: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я житель деревни, что̀ по серединѣ бухты!» Та старуха сказала: «Ты зачѣмъ пришелъ? Если жену искать пришелъ, то хорошенько скажи!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Я за твоей дочерью пришелъ! Если ты не желаешь, то хорошенько мнѣ скажи!» Та старуха сказала: «Если только ты *её* взять намѣренъ, *то* сегодня *же* увези!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Давай, теща, вмѣстѣ къ твоей дочери пойдемъ!» Та старуха съ нашимъ Гилякомъ вмѣстѣ далеко пошли. Большая юрта одна стояла. *Когда они* въ ту юрту вошли, молодая женщина одна тамъ находилась, совсѣмъ красавица, сережекъ *на ней* множество *было*, желѣзныхъ побрякушекъ множество. Та старуха сказала: «Дочка, за этого человѣка замужъ иди!» Та женщина сказала: «Матушка, *разъ* ты сказала, смѣю-ли *перечить?* За него замужъ пойду!»—«Зять, сегодня-же ступайте!» Нашъ Гилякъ вмѣстѣ со своей женой вернулись, въ свою деревню пришли. *Когда* въ юрту вошли, деревянная фигура одна тамъ находилась. Нашъ Гилякъ сказалъ: «О деревянная фигура, новости есть-ли?»—«Да, новости имѣются!»—«Людей всякаго рода всѣхъ убили?» Та деревянная фигура сказала: «Людей всякаго рода всѣхъ убили, звѣрей всякаго рода всѣхъ убили, людоѣдовъ всѣхъ убили, чертей всѣхъ убили, теперь-же назадъ

ехыр̆ вір̆. Мыз̀-н̀íӈывыӈ кузір̆, чхар̆ тара́ шор̆-jугра́ ічіра́, паи̯ӈ̆ej керыр̆: «Аи̯ӈ̆ejjа́, кузір̆ пеи̯нтох макыр̆ ма́ геjа́ том геjа́!» Jаи̯ӈ̆ej кузір̆ теӈ̆ар̆, ма́ гера́ том гера́, шор̆-ма́ӈ̆ыр̆ ін̀інт. Іи̯ро́р̆ твінг̊а́: «Н̀і тлырох макіндра́!» Тамх тара́, hаро́р̆ кузір̆, таф-ты-фір̆ hупыр̆: «Н̀ер̆-тарынд-чхуігыр̆ н̀ерах пшыjа́!» мыз̀-н̀íӈывыӈ hар̆ ітна́. Hуӈ чхуігыр̆ ерах пшыр̆, мыз̀-н̀íӈывыӈ макыр̆, ja -ӈ̆а́рыр̆ тівр̆. Hуӈ чхуігыр̆ пуір, тлырох шор̆-ма́кыр̆ макыфке́. Тлы-міфтох макиг̊а́, тіф на̀хр̆ hунывыр̆. Hуӈ тіф урыр̆ віфке́, тав-на́хр̆ hунывыр̆. Мыз̀ -н̀íӈывыӈ hуӈ тафтох jугиг̊а́, ычх н̀еныӈ мам н̀іныӈ hат hунывыт. Hуӈ ычх озір̆: «Антыха́, ш̀акрух пшынд-на́?» Мыз̀-н̀íӈывыӈ ітр̆: «Ур-мівух пшындра́, чіӈ тлы-н̀íӈывыӈ сік хухарішыд!» Hуӈ ычх ітр̆: «Агуjа́, jаӈр̆ н̀іӈ куінынд -на́?» Мыз̀ - н̀íӈывыӈ: «Чіӈах та hунывынкуіндра́, чіӈ сік хухаріндра́!» Озір̆ вір̆, hуӈ ычіх кур̆, ja-мам̀ хура́, hузух кузір̆ віфке́, малхола́н̀ во-на́хр̆тох вір̆. Вінг̊а́ hыта́-фіӈ-тафтох jугыр̆. Jугиг̊а́, ытыта́.... н̀íӈывыӈ малхохра́! Ычіх н̀еныӈ озір̆: «Чі ш̀акрух-пшыӈ-н̀íӈывыӈ-ӈа́?»—«Н̀і ур-мівух пшындра́! Мілк-lо тлы-н̀íӈывыӈ-lо, тлы-мілк-lо сік шор̆-пшы́н ухмунта́!» Hуӈ ычх: «Олхуна́, він мілк-lо н̀íӈывыӈ-lо сік хген шор̆-пшы́н ухмунда́!» Hу н̀íӈы-

---

пойду!» Та фигура вышла, назадъ пошла. Нашъ Гилякъ вышелъ, дровъ нарубилъ, *въ юрту* принесъ, *огонь* развелъ, своей женѣ сказалъ: «Жена, выйди, въ нашъ амбаръ взберись, юкалы возьми, жиру возьми!» Его жена вышла, *въ амбаръ* взобралась, юкалы взяла, жиру взяла, *въ юрту* принесла, ѣли. Поѣвши, покончивъ: «Я на небо взберусь!» Табаку покурилъ, потомъ вышелъ, у предверія юрты сѣлъ: «О филинъ, отца моего помощникъ, ко мнѣ явись!» нашъ Гилякъ такъ сказалъ. Тотъ филинъ къ нему явился, нашъ Гилякъ поднялся, на него верхомъ усѣлся. Тотъ филинъ полетѣлъ, къ небу съ нимъ поднялся, долго поднимался. Когда на небесную землю поднялись, тропа одна тамъ оказалась. *Послѣ того какъ* по той тропѣ долго ходилъ, юрта одна попалась. Нашъ Гилякъ, *когда* въ ту юрту вошелъ, старикъ одинъ, старуха одна, столько *ихъ* тамъ было. Тотъ старикъ, поднявшись: «Гость, откуда пришелъ?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Изъ острова пришелъ, васъ, небесныхъ людей, всѣхъ убить намѣреваюсь!» Тотъ старикъ сказалъ: «Не смѣй, чего ты насъ убить собираешься?» Нашъ Гилякъ: «Я вамъ жить не дамъ, васъ всѣхъ перебью!» Поднявшись, подошелъ, того старика убилъ, его старуху убилъ, оттуда вышелъ, далеко пошелъ, въ многолюдное селеніе одно пришелъ. Пришедши, въ среднюю юрту вошелъ. *Когда* вошелъ, ой, ой, ой... людей множество! Старикъ одинъ, поднявшись: «Ты откуда пришедшій человѣкъ?»—«Я изъ острова пришелъ! И чертей, и небесныхъ людей, и небесныхъ чертей, всѣхъ приведите, воевать давайте!» Тотъ старикъ: «Ребята, ступайте, и чертей, и людей, всѣхъ забравъ при-

выӈ кузіӣ віӣ, міӀк сік ӈіӈывыӈ сік геӣ шоӣ-ншыӣ. Мыз-ӈіӈывыӈ кузіӣ: «Ӈalвé, ухмунтá!» Кузіт ухмуфкé, паj сік хухарыӣ. Ӈунхé пхыӣ маӷыӣ. Пшафтох југиӷ, јаӈӈej Ӈунывыӣ. «Ӈalá, паӀ-ӈіӈывыӈ-ворох він івнатé, паӀ-міӀк мунатé!» Паӈӈejхін угрыг паӀрох маӄыт Ӈунывыт, паӀ-міӀк мундхун. Фуруӣ.

ведите, воевать давайте!» *Одинъ* (тотъ) человѣкъ вышелъ, отправился, чертей всѣхъ, людей всѣхъ забравъ привелъ. Нашъ Гилякъ вышелъ: «Ну, давайте воевать!» Вышли, долго воевали, всѣхъ рѣшительно перебилъ. Оттуда обратно спустился. *Когда* въ свою юрту вошелъ, его жена тамъ была. «Давай, въ селеніе горныхъ людей пойдемъ, жить станемъ, горными чертями сдѣлаемся!» Вмѣстѣ со своей женой въ гору поднялись, тамъ жили, горными чертями стали. Сказано.

Примѣчанія къ № 10.

1 (Къ общему содержанію поэмы). Особенный интересъ представляютъ эпизоды съ фигурами, которыя оказываются мастерами на всѣ руки, то героями, которые, по приказу своего господина, побѣдоносно избиваютъ цѣлыя породы людей, звѣрей и чергей, то покорно исполняютъ черную работу рабовъ (чистятъ и валятъ убитыхъ тюленей). Интересно далѣе, что фигуры, предназначенныя для подвиговъ, изготовлены изъ пихты, а предназначенныя для черной работы—изъ лиственницы,—обстоятельство весьма важное, если принять во вниманіе, что, по воззрѣніямъ Гилякъ, и прародителями всѣхъ трехъ народностей Сахалина (Гилякъ, Айновъ и Ороковъ) были тоже различныя породы деревьевъ: елка, пихта, лиственница.—Вѣра въ волшебныя свойства фигуръ, хотя бы искусственно сдѣланныхъ человѣкомъ, кроется въ представленіи, что все, имѣющее внѣшнее подобіе живого существа, обязательно обладаетъ и соотвѣтствующей душой, свойства которой зависятъ отъ божественныхъ свойствъ матеріала, изъ котораго тотъ или другой объектъ сдѣланъ (дерева, желѣза и т. д.). А обоготвореніе деревьевъ и неодушевленной природы (ужъ не говоря о животныхъ) составляетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ религіозной философіи Гилякъ.

2 *(стр. 5)*. 'Мѣдную фигуру на шею повѣсилъ'.—Подобныя фигурки (обыкновенно деревянныя или свинцовыя), изображенія человѣка, того или другого животнаго или даже отдѣльныхъ органовъ человѣческаго тѣла (напр., языка, желудка), одѣваемыя на шею, считаются вѣрнымъ средствомъ противъ извѣстныхъ болѣзней. Такъ, свинцовая фигурка человѣка излѣчиваетъ отъ чахотки, деревянныя изображенія желудка, языка, руки и т. д.— отъ болѣзней соотвѣтствующихъ органовъ человѣка, и т. д. Металлическія фигурки, изображающія человѣка, тигра, медвѣдя, имѣютъ кромѣ того свойство придавать человѣку крѣпость и мужество.

3 *(стр. 11)*. Пеӈін вм. пӈо—'свой амбаръ'—діалектическая особенность нарѣчія Ады-Тыми и восточнаго побережья Сахалина. Любопытно, что во множественномъ числѣ возстановляется первоначальное ӈо (мызн ӈо, чіӈ ӈо, ізн ӈо).

4 *(стр. 16)*. Пшынг̊á—вм. вінг̊á—'отправившись'.

5 *(стр. 17)*. 'Я горный человѣкъ'. — Нашъ Гилякъ прибѣгъ къ обману, для того чтобы, не подавая никакихъ подозрѣній, разузнать, дѣйствительно-ли старикъ убилъ его отца.

6 *(стр. 27)*. Пафыр̆ — 'быстро сталъ ихъ бить'. — Пафынд — 'наносить быстрые, непрерывные удары'. Такой пріемъ необходимъ при сухопутной охотѣ на тюленей, для того чтобы нѣкоторыя особи не воспользовались медлительностью охотника и не ускользнули въ море.

7 *(стр. 37)*. Ачка́ — 'теща' — такой же коллективный терминъ родства для цѣлой категоріи женщинъ, какъ и ахмаlк — 'тесть' (см. № 6, пр. 26).

8 *(стр. 49)*. 'О филинъ, отца моего помощникъ!' — ср. № 7, пр. 24, 25, 26.

9 *(стр. 51)*. Ja-ӷа́рыр̆ тівр̆ — букв.: 'на его спину сѣлъ', т. е., верхомъ усѣлся.

11.

Ычх ӈеныӈ мам ӈіныӈ.

Ычх ӈеныӈ мам ӈіныӈ hат hунывынд, пілаӈ таф-піт hунывыт. Hунычкé іічх чо наныгыр̆ вір̆, пычх іхірб-тéрыр̆. Ныункур̆ кхор̆, hымпáт іхірб-тéрыр̆. Кхор̆ кохызр̆, hымпáт јајівур̆. Азмычь-ехlуӈ пандр̆. Пехlуӈ мукскрá хітір̆ сугрá, кузір̆ тывыр̆: тахрухé ніӷывыӈ ӈеныӈ мухыс теӷыр̆. Hу мам тафтох југыр̆, hу ніӷывыӈ јарі југыр̆. — «Мамá, ӈујá, чычх ніӷывыӈ іхунрá, ах пшын чі-зіӈ чіхуіl ітндхунтá! Еӷнкур̆ пехlуӈ пандојá!» — «Шактох еӷнкун вантуірá!» — «Чі нурр̆ак выпахáј пандіндрá!» Hу ніӷывыӈ кузір̆ вір̆. Hу мам пехlуӈ выпыр̆ нурр̆ак выпыр̆, іéхыlуӈ путы-ншын-науар̆. «Olá, јер̆ паныгыр̆ вијá, таныхlін јаӈ-наӈіӷыф-ат

Старикъ одинъ, старуха одна.

Старикъ одинъ, старуха одна (столько *всего*) жили, въ большой юртѣ жили. *Послѣ того какъ* долго жили, (ея) старикъ рыбу ловить пошелъ, *старуха* его ждала-ждала, не дождалась. *Когда* поздно стало, уснула, на другой день ждала-ждала, не дождалась. Уснула, забеременѣла, на другой день разрѣшилась. Мальчикъ родился. Своего ребенка *къ люлькѣ* привязала, подняла, повѣсила, вышла, посмотрѣла: съ западной стороны человѣкъ одинъ на лодкѣ подъѣзжалъ. Эта старуха въ юрту вошла, тотъ человѣкъ вслѣдъ за нею вошелъ.—«Старуха, смотри, твоего старика люди убили, вотъ придутъ, и тебя тоже убьютъ, говорятъ! Сейчасъ же своего сына взрости!»—«Какъ его сейчасъ взрощу?»—«Если его четыре раза покачаешь, онъ выростетъ!» Тотъ человѣкъ вышелъ, отправился. Эта старуха своего сына покачала, четыре раза покачала, ея мальчикъ взрослымъ сталъ. «Сынъ, своего отца искать ступай, гдѣ-нибудь его кости хоть найдешь можетъ быть! Сту-

інтыінд һавріаӄ! Віјá!» Іéхlуӈ пунд геў шорá, ӄхах кеў шорá, кузіў віфкéˊ. Маӆхолáӈ ворох віў, һытá-фіӈ-таф һуӈ тавух југыў. Ычіх ӈеныӈ мам ӈеныӈ верах ӄаӄў пхнаў-шанххуп меныӈ пхнаў-ӈіӈывыӈ ӄаӄў һат һунывхарт. Һуӈ ычх ітў: «Шакрух-пшы-ӈіӈывыӈ-ӈá? Пфо пурјá! Чі епхáј чіхуіндрá; чі ітхáј та чіхуіндрá! Ӈі-пхéрынд мы-l?« — «Hal-һутá-воныӈтá! Чіӈ һаіх ӈеў кундхун?» Һуӈ ычх ітў: «Һыӈ, махтуртá, чеў кундрá! Хозў ехархáј ухмувé! Чі кыхáј, ӈехlуӈкун куіндрá; акехáј ӈехlуӈкунах піхункрá!» Мызˇ-ӈіӈывыӈ ітў: «Ычх јаӈграхрáј! Чат јаӈынд-ná? Ӿонахў пехlуӈкунах паўк ӈерах ныпкуінд? Чавў, ухмунатé!» Таѳтірох кузід ухмут ухмуфкéˊ, мызˇ-ӈіӈывыӈ һытарохһó іхухарыў; ӄај ухмуфкéˊ, мызˇ-ӈіӈывыӈ муў; ӄај моўхáў, ӄај ухмут, пај сік хухарыў. Ехыў пшыў, іўрыӈ: «Olá, пытк уѝкінд јаі-lo?» Іéхlуӈ: «Һыӈкá, сік хухарындрá! Ымá, ӈі пат аӈӈej наныгын вііндрá, тамы́ў урнкуў һунывјá!» Ӄхах керá, пунд герá, ӿомў-кеў віў віфкéˊ. Lаўкуў-теӈын-чхаў-тхы тівў ѝархуў, тамх-táў тўак тамх-táў. Іўпыӈ-туіны-сӿаў: «Ејкá!.... Ту ӈіӈывыӈ-ӈіӈывыӈá, тунхéˊ пхыјá, чі маӈаӈ уӈіўктох вііныӈгрá, пнаӈӈыф тоў-віныӈгрá!» Мызˇ-ӈіӈывыӈ ітў: «Туӈ

пай!» Ея сынъ лукъ взявъ понесъ, копье взявъ понесъ, вышелъ, далеко пошелъ. Въ многолюдное селеніе пришелъ, въ среднюю юрту, въ ту юрту вошелъ. Старикъ одинъ, старуха одна, рабовъ трое, молодыхъ женщинъ двѣ, юношей трое, столько *всего* тутъ проживало. Тотъ старикъ сказалъ: «Откуда пришедшій человѣкъ? Свою деревню назови! Если утаишь, убью тебя; если скажешь, не убью! Мною тебѣ сказанное слышалъ-ли? — «Я изъ деревни, что̀ по серединѣ бухты! Ваши, вѣроятно, моего отца убили?» Тотъ старикъ сказалъ: «Да, правда, твоего отца убили! Если ты сердито *настроенъ* (думаешь), воюй! Если ты сильнѣе, моихъ дѣтей убьешь; если слабѣе, своихъ дѣтей заставлю тебя убить!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «О, о, о старикъ! А ты чего-же? Зачѣмъ своихъ дѣтей только на меня напускаешь? Ты бы самъ, давай воевать!» Къ преддверію юрты вышли, воевали, долго сражались, нашъ Гилякъ до половины ихъ перебилъ; снова долго воевали, нашъ Гилякъ умеръ; снова ожилъ, снова воевали, всѣхъ рѣшительно перебилъ. Вернулся, пришелъ, его мать: «Сынъ, за своего отца выкупъ добылъ ли?» Ея сынъ: «Да, всѣхъ перебилъ! Матушка, я завтра жену искать пойду, *никуда* не отлучаясь, хорошенько живи!» Копье взявъ, лукъ взявъ, берегомъ пошелъ, далеко пошелъ. На принесенномъ волнами, *на берегъ* выброшенномъ деревѣ сѣлъ, привалъ сдѣлалъ, табаку покурилъ, три раза курилъ. Прибитое *къ берегу* бревно, *на которомъ онъ* сидѣлъ, (*заговорило*): «Ой, *больно!*.... О (этотъ) человѣкъ-человѣкъ, отсюда вернись, ты къ могучему людоѣду придешь, свою кость понесешь!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Это прибитое *къ берегу* бревно ничего не понимаетъ! *Стоитъ*-ли возвращаться?»

туіны-сӽаў ызін-ы́зінгынд! Пхынк-јахў?» Озіў кныңкў віў віфкэ́. Тав-нӓ́хў hунывыў, кӽан нӓн афў-waj кігуў hунывыў. Hуң таф lасі́нг̣, hуң кӽаныңахуў. Hузмірох нііӷывың-ау кӽо—от. Мыз-ні́ӷывуң тлоіў віў. Уніўкхун кузіт іўыт тут евд, walыхыскыс ізівыт шоў-пшы́т прафтох шоў-јуґыд. Ізн ычіх озіў hупыў: «Хо—о́! Хазіпола́ң нhаӽх пычкыў певнкунд! Есмухро́, hорlаң туск ынінд! Мах ӽанда́! Ех ворох ңаўх ңавэ́!» Ех ворох верах віў, ңаўх геў шоў-пшы́ў. «Мах ӽаја́!» Ізн ңаўх кӽаў, мыз-ні́ӷывың кучімпа́ noll6. Hуң ычх туў евў. Мыз-ні́ӷывыц пенінгнауун, ненің евнд; чај пенінгнауў нен евў; hымра́ң ефкэ́.... Мыз-ні́ӷывың кузіў віў, ныччіх паўк панінд іхут, ірўр нід. Мыз-ні́ӷывың віфкэ́, тамлаң во-нӓ́хўтох віў, hыта́-фің-тафтох віў југыў. Југнг̣а́: ніӷывың тамхра́, hуң таф lылы чарыд hунывхарт. Понаӷын-hытарох туў hупыў, понтх вусіў тамх-та́р. «Верахкуно́, інінд ныи антх арвэ́! Мыміоў віінын антх hallах jсхој-ly, еӷнкун інінд ныи антх арвэ́!» Інінд хечд јарт.—«Антыха́, шакрух-шы-ніӷывың-ңа́, ургуў ітја́!»— «Ні nal-hыта́-воныңта́! Ыт-ахў уіге́, ым-ахў уіге́, ак-ахў уіге́, наных-ахў уіге́, ныўк hунывыфкэ́, аӈ̈ej наныгыт шшындра́! Ту-мів-ңа́чх-ах-пін-шанх

Поднялся, удаляясь пошелъ, далеко пошелъ. Юрта одна стояла, собака одна подъ крылечкомъ (*лѣтника*) привязана была. *Когда* онъ мимо той юрты прошелъ, та собака залаяла. Внутри (*юрты*) человѣческіе голоса раздавались. Нашъ Гилякъ бѣгомъ пустился. Людоѣды вышли, за нимъ погнались, догнали, схватили, къ цѣпи привязавъ, повели, въ свою юрту привели. Ихъ старикъ поднявшись сѣлъ: «О, о, о! Здоровый звѣрекъ пришелъ, поймать себя далъ! Очень радъ, сладкаго мясца поѣдимъ! Сейчасъ-же давайте, застрѣлимъ! Вонъ въ ту деревню за 'нарх'омъ ступайте!» Въ ту деревню рабъ отправился, 'нарх'а взялъ, привелъ. «Сейчасъ же стрѣляй!» Ихъ 'нархъ' выстрѣлилъ, нашъ Гилякъ повалился, *неподвижно* лежитъ. Тотъ старикъ, на него забравшись, навалился. Нашъ Гилякъ зашевелился, (*еще*) одинъ навалился; снова зашевелился, *еще* одинъ навалился; такъ *еще многіе* навалились.... Нашъ Гилякъ выбрался, пошелъ, своего старика только *они* на смерть задавили, его мясо съѣли. Нашъ Гилякъ далеко пошелъ, въ многолюдное селеніе одно пришелъ, къ средней юртѣ подошедши вошелъ. *Когда* вошелъ: людей множество, ту юрту совсѣмъ переполнивъ, жили. *Онъ* на середину средней нары забрался, сѣлъ, свой кисетъ *изъ-за пазухи* доставъ, закурилъ. «Рабы, закуску приготовивъ, гостя накормите! Можетъ быть гость торопится пойти, скоро, закуску приготовивъ, гостя накормите!» Закуску подавъ, его накормили.—«Гость, откуда пришедшій человѣкъ, хорошенько скажи!»—«Я изъ деревни, что́ по серединѣ бухты! Ни отца нѣтъ *у меня*, ни матери нѣту, ни старшаго брата нѣту, ни старшей сестры нѣту, одинокій долго жилъ, жену искать пришелъ! У конца Ноги этой Земли живущую женщину искать

нанығыт пшындрá, напы ты̄нд-lы?»—«Ћыцкá, ты̄ндрá! Чі туных віфкé чр̆ак с̀архур̆ віындрá. Нухгі іéр̆кун-тафтох чі вір̆ jугыхáj, 'jанр̆ пшынд-нá?' Ћан jот-jóтіндхунтá!» Кузір̆ віфкé, тав-нáхр̆тох вір̆ jугыр̆. Ычх нін мам нін Ћунывыт. «Ћалá, jанр̆ пшынд-нá? Ітíнд-latр̆ пшыхáj, ургўр ытjá!» Мыз̀-нíj̆ывын ітр̆: «Ітíнд-latlax пшынтыңгрá, анj̆ej нанығыт пшынтыңгрá!» Ћуң ычх: «Ћың!.... Верахá, теj̆ар̆ ē~ес̀-пінг-шáнх-ехlунг керjа, jангах маңынкjá!» Верах кузір̆ теj̆ар̆. «Ћырá, чытк чазіңгрá!» Маңыр̆. — «Ту нíj̆ывын авjá!» — «Ту нíj̆ывың авін парахáj, піхуіндрá!» — «Ымj̆íjá! Шанх чес̀хангá, jаңі-lо? Енанг шанх нанығыр̆ віjá!» Мыз̀-нíj̆ывын кузір̆ віфкé. Тав-нáхр̆ Ћунывыр̆, но̀ нахр̆ Ћунывыр̆. Вір̆ jугыр̆, Ћajмýнг мам нін быр̆к Ћунывыр̆: «Olá, jанр̆ пшынд-нá? Анj̆ej нанығыр̆ пшынд-lо? Чанj̆ej, ē~eнеj̆ң-но̀ чанj̆ejхун Ћунывындрá, теj̆já!» Мыз̀-нíj̆ывың теj̆ар̆, jугыр̆, пхнар̆-шанх менын Ћунывыт. Ызн-тахрухгé теj̆ар̆ Ћупыр̆, понтх lупр̆ ункр̆, ас̀хандрох кымы, гер̆ рар̆; чaj нанj̆андрох кымы, Ћунт гер̆ рар̆. Нанj̆анд ітр̆: «Інінд ныи нінц арвé!» Інінд ныт ізн арт, чахр̆ым ронíхарт інінд. Інтóт твіт кхот, Ћымпáт татын озд інінд твіт. Мыз̀-нíj̆ывын ітр̆:

пришелъ, еще далеко-ли?»—«Да, далеко! Ты, *послѣ того какъ* отсюда далеко пойдешь, трижды привалъ сдѣлавъ, придешь. Сперва, *когда* ты, къ юртѣ ея 'отцовъ' пришедши, *туда* войдешь, 'зачѣмъ пришелъ?' такъ спросятъ!» Вышелъ, далеко пошелъ, къ юртѣ одной подошедши вошелъ. Старикъ одинъ, старуха одна тамъ жили. «Ну, зачѣмъ пришелъ? Если, сказать *что-нибудь* имѣя, ты пришелъ, хорошенько скажи!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Сказать *что-то* имѣя пришелъ, жену искать пришелъ!» Тотъ старикъ: «Ладно!... Рабъ, ступай, вверхъ по теченію живущей дѣвушкѣ скажи, пусть она придетъ!» Рабъ вышелъ, отправился. «Ну-ка, твой отецъ тебя зоветъ!» Пришла. — «За этого человѣка замужъ иди!» — «Если за этого человѣка замужъ идти придется, себя убью!» — «Зять! *Разъ* дѣвушка тебя не хочетъ, что подѣлаешь? Другую женщину искать ступай!» Нашъ Гилякъ вышелъ, далеко пошелъ. Юрта одна стояла, амбаръ одинъ стоялъ. Подошедши вошелъ, глубокая старуха одна только тамъ находилась: «Сынъ, зачѣмъ пришелъ? Жену-ли искать пришелъ? Твои жены, вонъ въ той (*что̀* въ гору) свайной юртѣ твои жены находятся, ступай!» Нашъ Гилякъ *туда* поднялся, вошелъ, молодыхъ женщинъ двѣ тамъ находились. Между ними, *на нару* забравшись, сѣлъ, въ своемъ кисетѣ зачерпнувъ закурилъ, младшей сестрѣ далъ, *она* взяла, курила; снова старшей сестрѣ далъ, та взяла, курила. Старшая сестра сказала: «Закуску приготовивъ, насъ накормите!» Закуску приготовивъ, ихъ накормили, втроемъ всѣ вмѣстѣ ѣли. Поѣвши кончили, спали, на другой день рано встали, поѣли, кончили. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Сегодня-

«Наух вііндʼ-ла?» Ӈуӈ шанх ітӽ: «Ӈалá, наух ӈхунóн, пат-нан вінтá!» Ӈухут ӈымпáт мухыс̀ ехт пшыт. Пфорох пшыгӄ, јіӽӈ муӽ ӈунывыӽ. Піӽӈ шувӽ. Паӈӽејхун ӈунывыт: ӈен тоӽ чо напыгынд, ӈенах пес̀-авнкунд. Вірóӽ пшыгӄ, ијáӈӽej уігé. Ӈіӽывыӈ-ӈеныӈ-кын-угрыт-вінʻ-тіф-ӏат, ізн-árі шуӽ віӽ віфкé. Ӈыіӈ-тів ӏатӽ. Віфкé, інтыӽ: ијáӈӽej онтх мысіӽ гыіӽ шоӽ-вívӽ. Туӽ ќхахыс̀ ес̀пӽ іхуӽ, паӈӽej геӽ шоӽ-шы́ӽ. Ӈуныфкé ӈіӽывыӈ ӈеныӈ шпыӽ: «Паӽіон ухмун пшыјныӈгрá, патух пшыјныӈгрá, ӈах-ан ітвуӽ ітјá!»—«Пшыхајрó, ќерптох каукрá, пшыхајрó!» Кузіӽ віӽ. Мыз-ӈíӽывыӈ Ӈымпáт ӈуныфкé, Ӈымпáт татн ѣетрá, wa геӽ іхурá, пунд јорурá, ќхах герá, мус̀пірох маӈыӽ ӈунывыӽ. Мухыс̀ екрухé шаӈхá ӈíӽывыӈ пшыјвохарт. Ерах пшыт ухмут, сік хухарыӽ. Тсӽаӽ пшафтох југыӽ інірá, Ӈарóӽ кузіӽ јемі лынг-лы́нгыӈ-тів-урыӽ теӽаӽ теӽафкé. Тав-ӈáхӽ ӈунывыӽ. Ӈуӈ тафтох југынӄ, ычх ӈеныӈ ӈунывыӽ, мам ӈіныӈ ӈунывыӽ. «Ычхá, чехӏунʻкун ӡактох віндхун-нá? ургуӽ ӈхерјá! Чхыф наныгыт віндхун-ӏы?» Ӈуӈ ычх: «А? рунд?» Мыз-ӈíӽывыӈ ітӽ: «Ӈалá, чехӏунʻкунну ухмуіӏ теӽандрá! Пеакехáј муна́, пікухáј ізн хуна́: Ӈајны́т теӽандрá!»—«Ӈехӏунʻкун чо наныгыт

ли пойдемъ?» Та женщина сказала: «Ну, сегодня передневавъ, завтра пойдемъ!» Передневавъ, на другой день на лодкѣ обратно поѣхали. *Когда* въ свою деревню пришелъ, его мать мертвая лежала. Свою мать сжегъ. Его жены тутъ жили: одну *съ собою* взявъ, рыбу ловить *отправился*, одну домъ караулить оставилъ. *Когда онъ, послѣ того какъ* отправился, вернулся, его жены не оказалось. Былъ слѣдъ *ея* ухода вмѣстѣ съ однимъ человѣкомъ, *онъ* вслѣдъ за ними погнавшись пошелъ, далеко пошелъ. Зайца слѣдъ оказался. *Послѣ того какъ онъ* далеко *(по слѣду)* пошелъ, увидѣлъ: его жену въ мѣшокъ положивъ, *(заяцъ)* таща уносилъ. Нагналъ, копьемъ кольнувъ убилъ его, свою жену забравъ принесъ. *Послѣ того какъ* долго жили, человѣкъ одинъ пришелъ: «Воевать придутъ, завтра придутъ, 'что я сказалъ', скажи!»—«Пусть приходятъ, *очень желаю* (отказа нѣтъ), пусть приходятъ!» *Тотъ* вышедши отправился. Нашъ Гилякъ слѣдующій день *долго* сидѣлъ, на другой день рано одѣлся, саблю взявъ одѣлъ, лукъ согнулъ, копье взялъ, къ причалу спустился, сидѣлъ. На лодкѣ оттуда *(съ моря)* много человѣкъ приближаются. Къ нему подъѣхали, воевали, *они* всѣхъ перебилъ. Пошелъ, въ свою юрту спустился, поѣлъ, потомъ вышелъ, вверхъ *(въ гору)* по чистой тропѣ поднялся, долго поднимался. Юрта одна стояла. Въ ту юрту *когда* вошелъ, старикъ одинъ тамъ находился, старуха одна находилась. — «Старикъ, твои дѣти куда отправились? хорошенько мнѣ разскажи! Медвѣдя-ли искать отправились?» Тотъ старикъ: «А? что?» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Ну, съ твоими дѣтьми воевать пришелъ! Если я слабѣе, умру, если я сильнѣе, ихъ убью: затѣмъ пришелъ!»—«Мои дѣти рыбу ловить отправились!» Нашъ

віндхунта́!» Мыз-нӥ́ӈывуӈ кузӥр снарі вӥр, сік ізн кухáрыр, ӄáj шшыр, ӈуӈ
ічх-кін мам-хін хухарыр. Ӈуных теӈар теӈафке́, пілаӷ аткхун нур ӈуныбыт. «Атхуна́, чіӷтох ухмуіl теӈандра́!» Атхун озд везд-ма́ӷыт. Перах
шшынкр ӄаҳр-ӄа́ҳр ізн чевр, ізн хухарыр. Ӈунхе́ пхыр ехыр пшафтох
маӷыр. Jугыр інӥр; інро́р твір тамх кер рара́. Кузӥр му ӷочра́ вӥр, шамі
ҳофке́. Тор-на́ҳртох ҳонга́, пілаӷ тав-на́ҳр ӈунывыр. Ӈуӈ тафтох jугыр,
мам ӈунывыр, ычх нёныӈ ӈунывыр, пхнар-нӥӷывыӈ мінр нӥӷывыӈ ӈунывынт. «Ӈала́, антха́, чі ӏыӏы маӷlаӷ нӥӷывыӈ-і!» Мыз-нӥ́ӈывыӈ ітр: «Тауӈ
ітнд-ӈара́?» Ӈуӈ ычх: «Tleolaӷ lаӷгр ітндра́! Паф-ӈунывын-нӥӷывыӈ-ат
шаунд чсалахар-ӈунывын-нӥӷывыӈ івнд? Ӈаінны, нӥӷывыӈ маӷlанд ах
ӈajахна́!» Мыз-нӥ́ӈывыӈ ітр: «Jаӷр махын ншінкруӈ-ӈа́? Чі ычх кеӷгранд,
ах нар сік ӈаіхна́! Чехlуӷкун кухаріндра́!» Мыз-нӥ́ӈывыӈ чаӄр-о́зӥр, іёхlуӷ
нінын чар іхур, wахыз ізн ваувір, сік хухарыр. Ӈуӈ ычх: «Oj-oj-о́j! Ту
нӥӷывыӈ oj -oj-о́j кеӷграр шшыр, нехlуӷкун сік іхухар-о́j! Чај шамра́ӷгун
морхajра́! Oj ӷосхо́j!» Мыз-нӥ́ӈывыӈ ехыр теӈыр, шфорох теӈар ӈунывыр.
Ӈуныфке́ ӈajымы́р мур пыкызнд. Фуру́.

Гилякъ вышелъ, вслѣдъ за ними пошелъ, всѣхъ ихъ перебилъ, снова пришелъ, того старика и старуху окончательно убилъ. Отсюда *въ гору* пошелъ, далеко пошелъ, четыре большихъ тигра тамъ лежали. «Тигры, съ вами воевать пришелъ!» Тигры поднявшись бросились. Къ себѣ *ихъ* подпустивъ, подскочилъ, ихъ кольнулъ, ихъ перебилъ. Оттуда обратно вернулся, къ своей юртѣ спустился. Вошедши поѣлъ; поѣвши кончилъ, табаку взявъ курилъ. Вышелъ, лодку стащивъ отправился, въ море далеко отправился. Къ отмели одной *когда* прибылъ, большая юрта одна тамъ находилась. Въ эту юрту вошелъ, старуха тамъ находилась, старикъ одинъ тамъ находился, юношей восемь человѣкъ тамъ находилось. «Эй, гость, ты очень могучій человѣкъ!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Кто сказалъ?» Тотъ старикъ: «Бѣлый тюлень сказалъ! *Среди* нынѣ живущихъ людей кто тебѣ подобный человѣкъ живущій имѣется? Нѣтъ, могучимъ людямъ конецъ (*насталъ*), вѣроятно!» Нашъ Гилякъ сказалъ: «Зачѣмъ *такъ* крѣпко меня обижаешь? Ты старикъ веселый, *такимъ* всѣмъ уже конецъ, вѣроятно! Твоихъ дѣтей перебью!» Нашъ Гилякъ вскочилъ, его сына одного ударивъ убилъ, саблей ихъ рубилъ, всѣхъ перебилъ. Тотъ старикъ: «Ой, ой, ой! Этотъ человѣкъ веселый пришелъ, моихъ дѣтей всѣхъ перебилъ! Еще какъ я въ живыхъ останусь? О горе!» Нашъ Гилякъ обратно пошелъ, въ свою деревню пришелъ, жилъ. Послѣ того какъ долго жилъ, состарился, умеръ, пропалъ. Сказано.

Примѣчанія къ № 11.

1 *(стр. 4)*. Јајівуў—букв.: 'его держала, содержала'.

2 *(стр. 5)*. *'Къ люлькѣ* привязала, подняла, повѣсила' — Гиляки не пеленаютъ дѣтей, но укладываютъ ихъ совершенно свободно на устланномъ стружками и поверхъ ихъ мѣхомъ днѣ деревянной корытообразной люльки, сверху плотно укрываютъ, и наконецъ люлька обвязывается поперегъ ремешками, такъ что, при малыхъ размѣрахъ люльки, ребенокъ, хотя не спеленанный, тѣмъ не менѣе ни двигаться, ни выпасть изъ люльки не можетъ. Увязанную такимъ образомъ люльку подвѣшиваютъ на свободно двигающихся ремняхъ къ стропилѣ, и, благодаря подвижности ремней, люлькѣ можно придать по желанію то горизонтальное, то вертикальное положеніе. Это можетъ даже сдѣлать самъ ребенокъ, болтая ножками, которыя лежатъ не въ глубинѣ люльки на одномъ уровнѣ съ туловищемъ, а на наружномъ плоскомъ выступѣ корытца. Это дѣлается съ той цѣлью, чтобы оба нижнія извергающія отверстія приходились постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, у самаго края корытца, гдѣ имѣется спеціальное выводное отверстіе, черезъ которое изверженія выходятъ въ берестяной пріемникъ, привязанный съ нижней стороны дна. Наружные органы изверженія обложены берестой, которая ежедневно мѣняется, такъ что, благодаря всѣмъ этимъ приспособленіямъ, ребенокъ всегда въ опрятномъ состояніи, не причиняя хлопотъ матери.

3 *(стр. 8)*. 'Если его четыре раза покачаешь, онъ выростетъ'.—Магическое дѣйствіе опредѣленнаго числа качаній весьма обыкновенный мотивъ гиляцкаго волшебнаго эпоса (ср. № 6, стр. 171, 2).

4 *(стр. 10)*. Путы-ншып-науаў—'взрослымъ сталъ', букв.: *'чтобы* свое тѣло увидѣть хватало *его'* (науанд—сред. гл.: 'хватать'), т. е., появилась растительность на лицѣ, усы, которые онъ могъ видѣть.

5 *(стр. 10, 11)*. 'Его кости хоть найдешь можетъ быть'.—Если Гилякъ умираетъ на чужбинѣ и нѣтъ возможности привезти его тѣло для сожженія въ родной деревнѣ, то необходимо, по крайней мѣрѣ, доставить на родину хоть маленькую косточку, взятую изъ остатковъ погребальнаго костра.

6 *(стр. 18, 19)*. Нашъ Гилякъ упрекаетъ старика въ томъ, почему онъ, убившій его отца, заставляетъ своихъ дѣтей выходить на поединокъ, а самъ уклоняется отъ борьбы.

7 *(стр. 22)*. Ускінд—'платежъ, вира, выкупъ', уплачиваемый родомъ убійцы роду убитаго. Взысканіе виры—религіозная обязанность сородичей, но кровавое возмездіе считается высшей формой удовлетворенія, поэтому нашъ Гилякъ самодовольно, на вопросъ матери о выкупѣ, отвѣчаетъ, что всѣхъ перебилъ.

8 *(стр. 24)*. Іаўкуў-теўын-чхаў — букв.: 'во время прибоя (іаў) пришедшее *на берегъ* бревно'. Характерно, что бревно разсматривается, какъ живое, самопроизвольно движущееся существо (ср. также туіны-сѫаў [стр. 25] отъ тунд—'вверхъ идти').—Іаўкуў—существительное (іаў) въ нарѣчной формѣ.

9 *(стр. 24)*. Еікá!—'больно!', т. е., отъ того, что Гилякъ на немъ усѣлся.

10 *(стр. 26)*. 'Свою кость понесешь', т. е., погибнешь неестественной смертью, и придется на себѣ свои кости нести въ селеніе мертвыхъ,—участь, постигающая всѣхъ лишенныхъ обрядоваго сожженія.

11 *(стр. 28)*. Афў — 'крылечко', собственно площадка передъ входомъ въ свайную юрту, настланная изъ накатника на одномъ уровнѣ съ поломъ.

12 *(стр. 31)*. За 'нарх'омъ ступайте!'.—'Нарх'—см. № 1, пр. 18.

13 *(стр. 34)*. Евў—'навалился', букв.: 'держалъ'.

14 *(стр. 34, 35)*. Исторія съ бѣгствомъ нашего Гиляка требуетъ объясненія. Дѣло въ томъ, что людоѣды устроили надъ нимъ 'медвѣжій праздникъ', какъ это видно изъ того, что былъ приглашенъ 'нарх' для торжественнаго убіенія его. А одинъ изъ обязательныхъ обрядовъ праздника состоитъ въ томъ, что, когда раненый медвѣдь падаетъ, на него наваливается нѣсколько человѣкъ (одинъ поверхъ другого) и душатъ его, чтобы ускорить агонію. Вотъ на нашего Гиляка навалился сначала старикъ, надѣясь одинъ съ нимъ покончить, но нашъ Гилякъ нарочно сталъ шевелиться, чтобы побольше людей навалилось и придавили старика, который, какъ навалившійся раньше другихъ, слѣдовательно, долженъ былъ выдержать тяжесть тѣлъ всѣхъ участниковъ празднества. Улучивъ удобный моментъ, Гилякъ (чудеснымъ образомъ) незамѣтно высвободился, а старика тѣмъ временемъ на смерть задавили и потомъ его мясо, вмѣсто нашего Гиляка, съѣли.

15 *(стр. 39)*. Мыміоў віінын антх hallax jехоj-lў — букв.: 'потому что (hallax) гость торопится отправиться можетъ быть'.

16 *(стр. 42)*. 'У конца Ноги этой Земли', т. е., у южной оконечности Сахалина (см. № 1, пр. 23), значитъ, въ землѣ Айновъ.

17 *(стр. 48)*, 'Вверхъ по теченію живущей дѣвушкѣ', т. е., живущей въ деревнѣ, расположенной выше по теченію, чѣмъ селеніе старика.

18 *(стр. 50)*. 'Если за этого человѣка замужъ придется идти, себя убью'.— Самоубійство вслѣдствіе насильственной выдачи замужъ обычное явленіе въ гиляцкомъ быту. Совершаются они обыкновенно въ сообществѣ съ возлюбленнымъ, съ полной вѣрой въ немедленное переселеніе въ счастливую страну млы-wo (см. № 1, пр. 46).

19 *(стр. 50)*. 'Зять! Разъ дѣвушка тебя не хочетъ, что подѣлаешь?' — Съ нашей точки зрѣнія должно казаться страннымъ, что старикъ называетъ нашего Гиляка зятемъ, послѣ того какъ его сватовство отвергнуто, но, по гиляцкимъ воззрѣніямъ, зятемъ называется всякій, имѣющій право брать жену изъ извѣстнаго рода: это такой же коллективный терминъ, какъ и ахмаlк (см. № 6, пр. 26, также № 4, пр. 17).—У Гилякъ не всегда справляются съ волей дочери (ср. № 5, пр. 9), но у Айновъ, гдѣ дѣло въ данномъ случаѣ происходитъ, воля дѣвушки обыкновенно уважается.

20 *(стр. 56)*. 'Младшей сестрѣ далъ, она взяла, курила', — символическій актъ предложенія и принятія любви (ср. № 3, пр. 18).

21 *(стр. 63)*. Ьыіц — одно изъ названій зайца въ западно-сахалинскомъ и материковомъ нарѣчіи.

22 *(стр. 65)*. 'Что я сказалъ'—это слова старшаго въ родѣ, формально пославшаго вѣстника съ объявленіемъ войны.

23 *(стр. 69)*. 'По чистой тропѣ', т. е., широкой, хорошо протоптанной.

24 *(стр. 85)*. 'Зачѣмъ такъ крѣпко меня обижаешь?....' — Нашъ Гилякъ принялъ комплименты старика за насмѣшку и поэтому ему отвѣчаетъ тѣмъ же: 'Ты старикъ веселый, такимъ уже всѣмъ конецъ, вѣроятно'.

12.

Таф ӈахў пыўк.

Таф ӈахў пыўк ӈунывынд, ӈо ӈахў пыўк ӈунывынд, ӈaly-ӈытá ӈунывынд, ӈіӈывың ӈіның пыўк ӈунывыў. Чо наныгыў віў, ӈаӈ-чіӷ іхын хавырыў шыў, урыныў ӄхоў. Ӈымпáт озіў ӄхах пунд шоў віў, чхыф наныгыў. Піlаӷ таj ӈахў віў, ах інтыў: чхыф ӈан ӈунывыў, аллыс ініў. Фул-фýлыў јатў віў, озіў nolахў; пфезіў-пшы́шкў еспў; пнаӈвынкў, тот ўукў. Ӈіуў ӈыіў шоў-мáӈыў ізіў, чхаў-чхнај јајіў. «Ӈalá, аувосtох віў, ӈаўх геў шоў-пшы́р!» Чхнај віў ӈіӈывың-ворох віў, тафтох југыў. Ыч̇іх ӈіның: «Јаӈў пшынд -нá?»—«Ӈізың чхыф ӈіуў чіӈ-ӈаў прыӈгынд, му ӎехў чарн вівé, тур ӈох чіӈ јарінд!» Чхнај кузіў. «Ӈіӈывыӈкун ӎех ӈіӈывың він інвé!» Ах кузд маӈыд, му ӯоч̇д кікут. «Варын віӈтá!» Чхнај тлоіў віў, пшафтох југыў, тур ӈеў. Ӎех ӈіӈывың југыт ах інінд. Мам ӈеның ја-ӈáуў мадырыў ах муў. Кузіт ехт ах віт. Мызӈ-ӈíӈывың ӄхосӄаӈ јарра́ ах віў; ӄхах торра пунд шорра wa хурра іхмы-хмы́ў віў. Чныр-таф југыў, мам ӈіның пыўк ӄхоў.

Юрта одна только.

Юрта одна только была, амбаръ одинъ только былъ, посредине бухты были, человѣкъ одинъ только тамъ жилъ. Рыбу ловить пошелъ, ни одной не убивъ пришелъ, голодный спать *легъ*. На другой день всталъ, съ копьемъ и лукомъ отправился, медвѣдя искалъ. На большую тундру одну вышедши, вотъ увидѣлъ: медвѣдь одинъ тамъ находился, ягодами кормился. Прикорнувши, подкравшись подошелъ, всталъ, закричалъ; давъ *ему* на себя броситься, (*копьемъ*) кольнулъ; далъ *ему* себя придавить, (*тотъ*) руку укусилъ. *Медвѣдя* убивъ, потащилъ, принесъ, освѣжевалъ, деревянную фигуру сдѣлалъ. «Ну, въ нижнюю деревню ступай, 'нарх'овъ взявъ приведи!» Фигура отправилась, въ гиляцкую деревню пришла, въ юрту вошла. Старикъ одинъ: «Зачѣмъ пришелъ?»—«Мой хозяинъ, медвѣдя убивъ, за вами послалъ, двѣ лодки наполнивъ, отправьтесь, мясомъ, жиромъ васъ накормитъ!» Фигура вышла. (*Старикъ*): «Двадцать человѣкъ отправьтесь, кушайте!» Вотъ вышли, *къ берегу* спустились, лодку стащили, на весла сѣли. «Въ перегонку пойдемъ!» Фигура бѣгомъ пустилась, въ свою юрту пришла, мясо сварила. Двадцать человѣкъ вошло, вотъ ѣли. У одной старухи (ея) брюхо лопнуло, вотъ умерла. Вышли, обратно вотъ пошли. Нашъ Гилякъ, юбку одѣвъ, вотъ отправился; копье неся, лукъ неся, саблю одѣвъ, скорымъ шагомъ пошелъ. Въ травяную

«Ачк, оӡйа, ӄхонд-на? Оӡйа!» Оӡиӈ ооԓхар: «Ԋехӏуҥ пшынд, тайруут ӄхонд! Кыр-ӏ?» — «Ҥы!» — «Чах пейа, wаԝ маӈкйа!» Ē геӈ пӡоԓхӈ йаӈ, ԋиӈк wаԝ чарыӈ, йеӈ. Хор-ӄхорыӈ. «Аӏсӄа, шамраԓгунд иԋинд-па?» Йеӄӈ: «Ола, иԋийа!» Ӏувӈ іхымыӈ, ах ӏупӈ, ԋинх хітіӈ ԋилхкыӡ йелыл: ԋорынд! Сік иԋиӈ: ах wаԝ уӄӏыӈ кӈызінд.—«Ачка, тамых ԋарйа!»—«Ола, ачк тамых хавырынд, пхыйа, уԋиӈк чіхіныԓгра!»—«Ес, вііндра!»—«Ԋуԓгуйа, ачк ах чамын ӏункйа! Ехос-тох маӈыӈ накс кӏйа, нау вахйа!» Маӈыӈ ах іхӈ, нау вахыӈ йупӈ. «Ӄхас вангуйа!» Ах вангуӈ йеӄӈ ах іхымыӈ. Ах ӏуӈ: «Ола, чі туԓых віахай, уԋиӈк-ке....! Тота-ӏоімуҥ тумыӈ толлух війа; ԋуных віахай, міф-чоԓхӈ-ах-тахӈ суг-но ԋунвінд!....» Пук румыӈ ӄоӈ, ах ізн кун-гуӈ ах тівӈ, «пукоо!» чеӈ віла—а. Ізн шанх кузіӈ, посіӈ мызіх кусіӈ: «Ҥhака, пытйа, мызіх тывйа!» Маӈыӈ іспӈ. Евӈ шоӈ-йугыӈ, тота-чфаӈ ызвыӈ, пекра ԋуз кывуӈ. «Ах пакыв-ӄінд, верахга, іԋінд ныӈ ԋіԓ йарйа!» Ах йаӈ іԋра, тхуӈ вызыӈ ӄхоӈ. Осҥа...., ԋіӈывыԓ waj-хут ӄхот. Осд. «Верахга, кузіӈ тывйа!» Верах кузіӈ тывыӈ; тауроӈ муӈыв-ԋытанҥа йугыӈ: «Пай-вай! Йахзуҥ-міфтох пшыт ԋуны-

---

юрту вошелъ, старуха одна только спала. «Бабушка, встань, ты спишь? Встань!» Встала, закряхтѣла: «Мой сынъ пришелъ, *ничего* не зная, спала! Голоденъ-ли?—«Да—а!»—«Воды начерпни, котелъ налей!» Гребень взяла, свою голову чесала, вшей котелъ полный *капустила*, варить *поставила*. Закипѣло. «Противно, какъ ѣсть стану?» Сняла: «Сынъ, кушай!» Ложку дала, *онъ* вотъ черпнулъ, немножко *ко рту* поднесъ, языкомъ лизнулъ: сладко!. Все съѣлъ: вотъ котелъ (*пальцами*) вылизалъ, насытился.—«Бабушка, табакомъ *угости* (меня накорми)!»—«Сынъ, у бабушки табаку нѣту, вернись, людоѣдъ тебя убьетъ!»—«Нѣтъ, пойду!»—«Переночуй, бабушку вотъ заставь пошаманить! Вонъ туда (*къ рѣчкѣ*) спустись, прутья наруби, 'инáу' настружи!» Спустился, вотъ нарубилъ, 'инáу' настружилъ, ее повязалъ. «Бубенъ нагрѣй!» Вотъ нагрѣлъ, *съ огня* снялъ, вотъ подалъ. Вотъ запѣла: «Сынъ, ты отсюда если пойдешь, людоѣда неводъ....! Серебряной форелью обернувшись, по морю ступай; оттуда если пойдешь, *у* конца Головы Земли, на западѣ, *надъ моремъ* висячая *свайная* юрта находится!...» *Онъ*, кукушкой обернувшись, пустился, вотъ на конецъ ихъ шестовъ усѣлся, «ку—ку!» закричалъ, *хвостомъ* замахалъ. Ихъ женщина вышла, улеглась, *одну* грудь обнажила: «Пташечка, сюда приди, на грудь садись!» Спустилась, усѣлась. Ее схватила, *въ юрту* внесла, къ серебряной цѣпи привязала, позади себя тамъ привязала. (*Женщина:*) «Вотъ вечернюю ѣду, о рабъ, ѣду приготовивъ, насъ накорми!» Вотъ накормилъ, *она* поѣла, постель постлала, уснула. Когда проснулась....., съ человѣкомъ подъ однимъ одѣяломъ спала. Встали. «Рабъ, выйди, посмотри!» Рабъ вышелъ, посмотрѣлъ; спустя много времени, послѣ полудня пришелъ: «Бѣда! Въ невѣдомую землю пришедши находимся!»—«Рабъ обма-

выид!»—«Верах чалхант!» Кузіӈ інтыӈ ах југыӈ: «Ӈіӈывын чалханд ӈшоӈ -пшы́нд!» Ӈу ӈіӈывын ах ітӈ: «Аӈӈej хejl чхенд, јаӈыл?—«Пымк-lо інтын хаврнд, пытк-lо інтын хаврнд, пасх-lо індын хаврнд!» Ӈеріунд. Ӈу ӈіӈывын ітӈ: Уігы́нд, јаӈӈ ӈерјунд-на́? Уіхара́, чорјоја́!» Шанх ітӈ: «Јаӈӈ генд-на́? Ӈшоӈ-віӈ ӈвыкызја́!» —«Аӈӈej хаврид чхеӈдра́!» Ах ныут ах кхот. Тро -кымыӈух чхнај кыррē кутӈ кааф, Ӈуных тугуртох туӈ. «Ӈіӈывын паӈјон ухму́н пшыінын́нд!»—«Ӈахајро́! Кхоінынд, мраӈгіхра́!» Ӈаӈ ітро́ӈ чај кхонд озіӈ: «Пса́ӈ зоосхо́інд!» Ах піӈгӈ віӈ. Ӈымна́т татын кен мавынд уігі́нд, тыфч шівӈ. Кыла́н тај тамых хоӈхру́ӈ Ӈыта́рох ранга́, мехӈнйаӈх ӈіӈывын пшыт, ах кхахкыс ах есӈінд. Мыз-ӈіӈывын чаӈрынд, пнавх есӈӈ іхуӈ, тлоіӈ тафтох југыӈ, пундхыс ізн хаӈ ізн хуӈ, ӈін быӈк моӈха́ӈ ехыӈ. Пфо- рох віӈ ах Ӈаӈгӈ нангыӈ, му ӈім саруӈ пшыӈ. Іа́ӈӈej кузіӈ маӷыӈ јуӈку́ӈ, Ӈалныӈ сіӈ ізіӈ хітіӈ, хаувуӈ. Ӈалныӈ зуӈ, туу́ӈ јеӈ іӈіт. Lele хоӷла́н ӈіӷывын муӈ Ӈунывынд, пахкыс таф кеӈ Ӈунывынд. Фуру́.

ныва́етъ!» Вышла, посмотрѣла, затѣмъ вошла: «Человѣкъ обманулъ, меня сюда привезъ!» Тотъ человѣкъ вотъ сказалъ: «Чтобъ женой *своей* сдѣлать, тебя забралъ, чего *тебѣ*?» — «Ни матери своей не повидала, ни своего отца не повидала, ни своей младшей сестры не повидала!» Плакала. Тотъ человѣкъ сказалъ: «Грѣхъ, зачѣмъ плачешь? Очень грѣшно, замолчи!» Женщина сказала: «Зачѣмъ взялъ? Вынеси меня, брось меня!»—«Жены не имѣя, тебя взялъ!» Вотъ поздно стало, вотъ уснули. Съ верхней полки фигура скатившись упала, стукнулась, оттуда (*съ полу*) на очагъ забралась. (*Фигура*): «Люди, войной собираясь, воевать придутъ!» — «Пускай! Спать хочу, надоѣдаешь!» Такъ сказавъ, снова уснулъ, (*потомъ*) поднявшись: «Тебя побивъ изломаю!» Вотъ *она* скрылась. На другой день рано, *на разсвѣтѣ* (солнце не поднялось), на скамеечкѣ усѣлся. *Когда* онъ длинную трубку, табакъ (трубкой) свернувъ, до половины выкурилъ, двѣсти человѣкъ пришло, вотъ копьемъ вотъ кольнули. Нашъ Гилякъ вскочилъ, своего ‘навх’а кольнувъ убилъ, убѣжавъ въ юрту вошелъ, изъ лука въ нихъ стрѣлялъ, ихъ убилъ, одинъ только живой вернулся. Въ свою деревню пришедши, вотъ на тюленей охотился, лодку *цѣлую* (одну) наполнивъ, пришелъ. Его жена *изъ юрты* вышла, *къ берегу* спустилась, перетащила, на помостъ положила, освѣжевала, (*шкуры*) развѣсила, высушила. Помостъ обмыла, мяса наварила, ѣли. Очень богатымъ человѣкомъ (сдѣлавшись) жилъ, изъ камня юрту сдѣлавъ жилъ. Сказано.

Примѣчанія къ № 12.

1 *(стр. 11)*. Варын вінтá—букв.: 'равняясь пойдемъ', т. е., догоняя другъ друга, въ перегонку,—обычное развлеченіе Гилякъ, когда нѣсколько лодокъ отправляется куда-нибудь вмѣстѣ, особенно въ праздничные моменты, напр., во время родовыхъ жертвоприношеній морскому хозяину.

2 *(стр. 11)*. 'Фигура бѣгомъ пустилась (*берегомъ*)' т. е., для того, чтобы прибыть домой раньше гостей и успѣть все приготорить къ ихъ пріѣзду.

3 *(стр. 19)*. Уѐлыр̆—'вылизалъ', но не непосредственно языкомъ изъ чумашки, а предварительно выбирая остатки пальцами,—обычный экономный способъ чистки посуды.

4 *(стр. 19)*. Тамых нàрjá!—'табакомъ накорми'. — Гиляки смотрятъ на куреніе, какъ на ѣду и питье: выраженіе тамых танд —'табакъ курить' буквально значитъ: 'табакъ пить'. Точно также Айны вмѣсто 'курить' говорятъ: 'пить' (ікý).

5 *(стр. 20)*. Еѐ — букв.: 'не хочу': еѐ — восклицаніе, сокращенное отъ еѐханд—'не хотѣть'.

6 *(стр. 23, 24)*. 'Людоѣда неводъ!.... Висячая юрта будетъ!'.... Оба предложенія не окончены. Въ первомъ случаѣ пропущено не только сказуемое 'будетъ', но и что неводъ людоѣда протянутъ поперегъ берега и, слѣдовательно, служитъ засадой для проходящихъ; во второмъ пропущено самое главное, именно, что́ слѣдовало сдѣлать нашему Гиляку, для того чтобы пробраться въ висячую юрту и раздобыть себѣ жену. — Эти пропуски объясняются только экстазомъ пѣвца, который, волнуясь и спѣша, боясь потерять приливъ вдохновенія, пропускаетъ иногда такія подробности, которыя должны выясниться въ дальнѣйшемъ (въ данномъ случаѣ обращеніе въ кукушку). Нерѣдко пропуски бываютъ такіе важные, что по окончаніи сеанса пѣвецъ вынужденъ разъяснять слушателямъ ихъ недоумѣнія (см. Предисловіе: психологія пѣвца). — Нужно добавить, что и сами шаманы, подобно пиоіямъ, тоже часто выражаются туманно, не заканчивая своихъ прорицаній, что́ могло имѣть мѣсто и въ данномъ случаѣ.

7 *(стр. 23)*. Міф-чóӈхр̆-ах-тахр̆ — 'у конца Головы Земли, на западѣ, *надъ моремъ*'. Послѣднія два слова только подразумѣваются, потому-что къ западу отъ Головы Земли (м. Маріи) берегъ материка уже совершенно теряется и видно одно только Охотское море.

8 *(стр. 24)*. 'Висячая юрта', т. е., висѣвшая въ воздухѣ, — образъ, часто встрѣчающійся въ гиляцкомъ эпосѣ.

9 *(стр. 24)*. Пук румыр̆ — 'кукушкой обернувшись'. — Замѣчательно, что кукушка въ миѳологіи и религіи Гилякъ играетъ роль, живо напоминающую роль этой птицы въ миѳологіи и культѣ индо-европейскомъ. У Гилякъ она—могущественная покровительница любви. Ея перья,—въ видѣ-ли пережженнаго порошка, подмѣшаннаго къ табаку возлюбленной, или въ цѣльномъ видѣ зашитыя въ ея платье,—могучій талисманъ для пріобрѣтенія благосклонности. Даже въ могильныхъ домикахъ покойниковъ, вмѣстѣ съ другими необходимыми принадлежностями существованія, помѣщается и деревянное изображеніе кукушки.—Данный случай,—обращеніе нашего

Гиляка въ кукушку, для добыванія себѣ ласкъ женщины, поразительно напоминаетъ исторію съ Зевсомъ, обратившимся въ кукушку, для того чтобы овладѣть Герой,— исторія, которой такъ не хотѣлъ вѣрить Павзаній.

10 *(стр. 24)*. Куӈ-гуӈ — шесты, накатникъ, которымъ кроются крыши свайныхъ юртъ: кукушка спустилась на край одного изъ шестовъ висячей юрты.

11 *(стр. 25)*. 'Ихъ женщина', т. е., обитательница висячей юрты.

12 *(стр. 27)*. Павыв-і̀нінд — 'вечерняя ѣда', ужинъ. Регулярно Гилякъ ѣстъ утромъ, сейчасъ послѣ сна, и вечеромъ передъ сномъ, по окончаніи дневныхъ работъ. Въ теченіи дня ѣда нерегулярна, всякій разъ какъ является аппетитъ и имѣется чѣмъ удовлетворить его. Вечерняя ѣда играетъ роль нашего обѣда и всегда состоитъ изъ варева и чая. Особеннымъ разнообразіемъ она отличается лѣтомъ, благодаря обилію свѣжей рыбы, ягодъ и кореньевъ.

13 *(стр. 28)*. 'Съ человѣкомъ вмѣстѣ подъ однимъ одѣяломъ спали', т. е., кукушка ночью обратилась въ человѣка, который спалъ вмѣстѣ съ женщиной.

14 *(стр. 28)*. 'Выйди, посмотри', т. е., посмотри, гдѣ мы находимся.

15 *(стр. 35)*. 'Съ верхней полки фигура скатившись упала': эта была, вѣроятно, фигура, раньше сдѣланная нашимъ Гилякомъ по какому-нибудь случаю и потомъ заброшенная на полку. Теперь она предупреждаетъ Гиляка объ опасности.

16 *(стр. 36)*. Мраӈгіхра́— букв.: 'очень усталъ, мнѣ очень надоѣло'.

17 *(стр. 38)*. Тамых хоӈхру́ў—'табакъ (трубкой) свернувъ', т. е., пѣльный листъ табачный свернулъ сигарой и вставилъ въ трубку,—одинъ изъ любимыхъ пріемовъ куренія, который Гилякъ себѣ позволяетъ впрочемъ только въ видѣ роскоши: обыкновенно онъ набиваетъ трубку крошеннымъ табакомъ.

18 *(стр. 39)*. Своего 'навх'а кольнулъ, т. е., брата своей жены, явившагося во главѣ сородичей отомстить за похищеніе женщины.

13.

Мам н̀ін.

Мам н̀ін ӈунывынд, мітку́~уӈ таф-піў ӈунывынд. Чо інтеј-lý, рунд іні-lý. Маѝч-вускул хера́, тот паз̀іў чоӈхыў пыкыз̀ў. Урыӈ-урны́ў ах ӈунывыфке́, куз̀іў, тафтыро́х мусп̀ірох х̀омў́тох маӷыў. Х̀аѝ-чо́ муў теӷанд. Ӈунд ӈшыў ін̀іў, нгауў ӄонд, поз̀іў пхарынд. Ехlуиг панд аз̀мыч̀. Пехlуиг

Старуха одна.

Старуха одна жила, въ крошечной юртѣ жила. Рыбы не находила, ничего не ѣла. Въ халатъ изъ рыбьей кожи одѣта была, руку одну сломавъ потеряла. *Послѣ того какъ* голодая вотъ долго жила, она вышла, на дворъ (*вышла*), къ причалу, къ берегу спустилась. Кунжу дохлую *на берегу* выбросило. Ее увидѣвъ съѣла, брюхо заболѣло, *она* легла, стонала. Ребенокъ

хитĭр шĭкр̆. Мам ӄхор̆, ыр̆к нăхр̆ ӈымпáт-нан озĭр̆ пехӏуг інтыр̆: уігé! Праф-тох ах теӈыр̆ jугыр̆, нĭӈывуӈ нĕнĭӈ ӈунывыр̆. Мам півтох тур̆ ӈупыр̆, ӄхалáр̆ інтыр̆: «Антыхá, чво танí шаспінд?»—«Амáмынд, памат пшынд! Мамá, танá, нарjá!» — «Ні хаврн, рунд-анкыс хаврнд! Рунд чарінд-нá?»—«Ымá, ні чехӏуг! Ні кыхáj, чо хун чарнá, ӈajмыр̆-муjныф-тоӈó~о, чазіран ӈунывындрá!» Мам ітр̆: «Ӈыцкá, урндыгрá! Олá, чо наныгjá!» Кузĭр̆, іéхӏуг ах вір̆, чо наныгыр̆, мхонг кур̆ пшыр̆, шор̆-тéӈыр̆, іéр̆ jечр̆, нірӈ сір̆, пымк арыр̆. Нірӈ кер̆ ӡур̆ хитíр̆ ӈунтíр̆, кузĭр̆, чхар̆ тар̆ шор̆-jугыр̆ шувр̆, тук гер̆ шор̆, чах пер̆ шор̆-тéӈыр̆, пымык ахыр̆. «Ні вііндрá, анӈej наныгынд вііндрá, муӈыв токр̆ пшыіндрá!» Кузĭр̆ ӄхах кер̆ шорá, меучоӈ торá, хомр̆-тох маӈыр̆, на-мé тітвыр̆ ах вір̆. Во-нáхр̆тох вір̆, цаах рафтох ӈытá-фіӈ -тáфтох jугыр̆. Ычіх нĕныӈ мам ніныӈ пнар-нĭӈывыӈ цах нĭӈывыӈ, ӈуӈ ычіх позр̆ ӈунывынд. Озĭр̆: «Jаӈр̆ пшынд-нá?» Мыз-нĭӈывыӈ: «Ехӏуг ів-І?» — «Ні́н івнд!» — «Пехӏуг ніхмійá!» — «Верахкунó, теӈан гевé, тотá -тыфч шівнгуп шор̆-маӈвé!» Теӈат шор̆-мáӈыт. — «Ӈу нĭӈывыӈ авjá!» — «Ӈыцкá!» — «Ах піӏа мухыс вівé, шагундхыс чіӈ му сарýінд. Верахкунó,

---

родился, мальчикъ. Своего ребенка подняла, *къ груди* прижала. Старуха уснула, ночь одну *спустя*, на другой день встала, на своего ребенка посмотрѣла: нѣтъ *его*! Къ юртѣ своей вотъ поднялась, вошла, человѣкъ одинъ тамъ находился. Старуха на свое мѣсто забралась, сѣла, глаза поднявъ, посмотрѣла: «Гость, твоя деревня гдѣ находится?»—«*Я* пѣшкомъ ходилъ, заблудившись пришелъ! Старуха, давай, меня накорми!»—«Не имѣю, совсѣмъ ничего не имѣю! Чѣмъ накормлю?»—«Матушка, я сынъ твой! Если я постараюсь, рыбу *ловя* (убивая), тебя кормить буду, до тѣхъ поръ, пока не состарившись умирать станешь, тебя содержать буду!» Старуха сказала: «Ладно, хорошо! Сынъ, рыбы налови!» Вышелъ, ея сынъ вотъ пошелъ, рыбу ловилъ, десять убивъ вернулся, принесъ, сварилъ, *съ огня* снялъ, въ чашку положилъ, свою мать накормилъ. Чашку взявъ вымылъ, поднялъ, (*на мѣсто*) поставилъ, вышелъ, дровъ нарубивъ принесъ, огонь развелъ, чумашку взявъ понесъ, воды набравъ принесъ, свою мать напоилъ. «Я пойду, жену искать пойду, черезъ пять дней приду!» Вышелъ, копье (взявъ) неся, ружье неся, къ берегу спустился, *по* двѣ сажени шагая, вотъ пошелъ. Въ деревню одну пришелъ, къ шести юртамъ, въ среднюю юрту вошелъ. Старикъ одинъ, старуха одна, юношей шесть человѣкъ (*было*), тотъ старикъ лежа пребывалъ. Поднялся: «Зачѣмъ пришелъ?» Нашъ Гилякъ: «Дочь имѣется-ли?»—«Одна имѣется!»—«Свою дочь мнѣ отдай!»—«Рабы, ступайте, возьмите, на серебряную скамеечку усадивъ, принесите!» Пошли, принесли. —«За этого человѣка замужъ ступай!» — «Ладно!» — «Вотъ на большой лодкѣ ступайте, 'драгоцѣнностями' вашу лодку наполнятъ! Рабы,

му ӷочвé!» Шагундхыс ізн му сарýт, ах вiт. Пфорох вiт теӷат, шагунд јуӷкунд ах твiт. Тафтох југынґ́, іы́мк муӷ. Кузiӷ чхаӷ таӷ, пымк ԛавӷ, шагундхы́с шоӷ-кýзiӷ шувӷ. Југыӷ: «Ча̀ӷ-ԛајá!» паӈӷej херыӷ. Іа́ӈӷej кузiӷ ча̀ӷ-ԛаӷ пыкы́зӷ. Кузiӷ наныгыро́-тéрынд. Југӷ кхоӷ. Тыiӷ: чатыј -рулк југыӷ іа́ӈӷej југынд. Ԋымпáт ознґ́, Ԋуԛ чатырох віӷ, југiӷ југуфкé. Тав-на́хӷ Ԋунывыӷ. Југыӷ іа́ӈӷej Ԋунывыӷ. — «Чі јаԛыӷ пшынд-на́?» — «Чхнат пшындрá!» — «Јаԛӷ ні-ԛаӷ пшынд-на́? Тус-пінд Ԋунывнатé!» — «Ѐ—ес̀, каукрá, пфорох вінатé!» Зiéпӷ, ехт вiт. Прафтох југынґ́, пал-мiлк Ԋунывыӷ. — «Шастух вінд?» — «Паӈӷej-ԛат вiт!» — «Чіхун-і́!» — «Аӷӷó!» — «Чіԛ хун тур ніінд!» — «Ахгујá!» Пал-мiлк кvхіс̀ ніӷывыԛ кvвӷ, тот-вас̀ чоԛхӷ ах ітiӷ ініӷ. Ніӷывыԛ кхах геӷ, пал-мiлк сiéвӷ іхуӷ, ӷыiӷ шоӷ-кузiӷ, выкызӷ југыӷ: «Tollan хеваԛкыс̀ пшы шаӷкынтá!» Ах кхаáӷ шаӷкыӷ ах Ԋунывынд. Фуру́.

лодку спустите!» 'Драгоцѣнностями' ихъ лодку наполнили, вотъ *они* отправились. Въ свою деревню прибыли, *на берегъ* вышли, 'драгоцѣнности' вотъ выгрузили, вотъ кончили. Когда въ юрту вошли, его мать умерла. Вышелъ, дровъ нарубилъ, свою мать завернулъ, *вмѣстѣ* съ 'драгоцѣнностями' вынесъ, сжегъ. *Въ юрту* вошедши, (*женѣ*): «По воду сходи!» своей женѣ сказалъ. Его жена вышла, по воду пошла, пропала. Вышелъ, искалъ-искалъ, *найти* не могъ. *Въ юрту* вошелъ, уснулъ. Снится *ему:* въ глубь полыньи спустившись, его жена спустилась. На другой день вставши, къ этой полыньѣ подошелъ, спустился, долго спускался. Юрта одна тамъ была. Вошелъ, его жена тамъ находилась.—«Ты зачѣмъ пришелъ?»—«За тобой пришелъ!» — «Зачѣмъ за мною пришелъ? Здѣсь давай жить!» — «Не желаю, нѣтъ, въ свою деревню пойдемъ!» *За руку* схватилъ, *они* обратно пошли. *Когда* въ свою юрту вошли, горный чортъ тамъ находился. — «Куда ходилъ?»—«За своей женой ходилъ!»—«Тебя убью!»—«Не смѣй!»—«Васъ убивъ, мясо буду ѣсть!»—«Не смѣй!» Горный чортъ топоромъ Гиляка рубилъ, руку одну отрубилъ, вотъ опалилъ, ѣлъ. Гилякъ копье взялъ, горнаго чорта кольнувъ, убилъ, поволокъ, вытащилъ, потерялъ, *въ юрту* вошелъ. (*Женѣ*): «Толстой веревкой нашу дверь привяжемъ!» Вотъ (*къ двери*) добрался, привязалъ, вотъ жили. Сказано.

Примѣчанія къ № 13.

1 *(строка 2).* 'Рыбы не находила', т. е., дохлой, выброшенной на берегъ.

2 *(стр. 2, 3).* Образъ этой одинокой старушки въ крошечной юртѣ, безпомощной, потерявшей руку, не имѣющей никакой другой одежды, кромѣ халата изъ рыбьей кожи, питающейся дохлой рыбой, и то рѣдко попадающейся, весьма типиченъ

для гиляцкаго быта: часто случается, что все населеніе какой-нибудь далекой уединенной деревушки вымираетъ отъ цынги, оспы и т. п. эпидемической болѣзни, и случайно остается въ живыхъ какой-нибудь безпомощный ребенокъ, дряхлая старуха, которые, если не подоспѣетъ случайная помощь, погибаютъ еще болѣе мучительной смертью, чѣмъ ранѣе погибшіе односельчане.

3 *(стр. 4)*. Хаӥ-чо́ муў теӈанд — букв.: 'кунжа умершая *на берегъ* вышла', выраженіе, которое должно понимать не какъ метафору, а въ прямомъ значеніи, т. е., что кунжа намѣренно выбросилась на берегъ, чтобы спасти старуху и дать ей сына-кормильца (ср. № 3, пр. 8, № 11, пр. 8).

4 *(стр. 10)*. Ӈajмыў-мујныф-тоӈо́~о — букв.: 'до начала смерти (мујныф), *когда* состарится' (ӈajмыў).

5 *(стр. 24)*. *Вмѣстѣ* съ 'драгоцѣнностями' вынесъ, сжегъ, т. е., удѣлилъ изъ своихъ 'драгоцѣнностей' матери для загробной жизни: завернулъ её въ китайскіе шелка, одѣлъ въ дорогія шубы, снабдилъ серьгами, браслетами, побрякушками, дорогой трубкой и т. д.

6 *(стр. 25, 26)*. 'Снилось ему: въ глубь польньи спустившись, его жена спустилась'.—Его жена пропала во время хожденія по воду и вѣроятнѣе всего утонула въ полыньѣ, въ то время какъ собиралась набрать воды. Это и послужило поводомъ къ сновидѣнію. Дальнѣйшія подробности: спусканіе мужа въ глубь полыньи и уговариваніе со стороны жены поселиться навсегда въ подводномъ царствѣ весьма напоминаютъ аналогичные мотивы изъ европейской миѳологіи и эпоса.

14.

Exlyҥ ӈin byўk.

Exlyҥ ӈin byўk павнд, пilанд тыф-пінд пуў-туі-тавраф ӈунывыфкэ́. Ӈиӈывың меның угрыт ишыт jугыт, понаӈнтох тут ӈупт.—«Тунд таф-ыцкў ӈиӈывың івнд-ly, уігынд-ly? (маӈч-оӄ-хенд ітнд). Ӈиӈывың-exlyҥ е~ејхнех, іхунатэ́!» Урdla-ӈиӈывың ітў: «Ахгујá, наӕхрá!»—«Еӈнкун-нан іхунатэ́, halá

Одинокій мальчикъ.

Мальчикъ одинокій жилъ себѣ, въ большой юртѣ, пылью поднимающейся кормясь, долго жилъ. *Вотъ* два человѣка, вмѣстѣ пришедши, вошли, на среднюю нару забравшись сѣли.—«Въ этой юртѣ человѣкъ есть-ли, нѣтъ-ли? (въ халатъ изъ рыбьей кожи одѣтый *человѣкъ* сказалъ). Человѣческій мальчикъ вонъ онъ, давай убьемъ его!» Хорошій человѣкъ сказалъ: «Оставь, жалко!»—«Поскорѣе давай убьемъ его, ну-ка, сейчасъ же убьемъ его!» одѣ-

-мах іхунатé!» манч-оӄ-хенд ітнд. Урдла-нӥӈывыӈ: «Нас̀хрá! Ах кузӥӄ вӥіндрá!»—«Чі вӥјá, нӥ Ӈунывын, іхнóн вӥіндрá!» јанг манч-оӄ-хенд ітнд. Ах урдла-нӥӈывыӈ кузӥӄ вӥӄ, ах манч-оӄ-хенд-ехлаг іхуӄ, кузӥӄ вӥӄ, вӥфкé. Ныункуӄ Ӈуныгуӄ, ишы аірá, Ӈаррóӄ ах ӄхоӄ. Х̌офкé ырк-Ӈытанг̣ јаӈшӥӄ: ехлуг-терјунгт-ау Ӏатӄ! Манч-оӄ-хенд клуӄ, озӥӄ клоіӄ піӈгыӄ. Вӥфкé вео-Ӏанд толрох оӄхаӄ кутӄ муӄ. Мызн ехлуг ихынд, ишафтох вӥӄ југыӄ. Ӈупыфкé піла-нӥӈывыӈ муӄ. Кхах керá, пунд герá, чхопӈ-кханд шорá, ӄы-нèӈ тытá, толь-тхых кӧнд. Вовкé тӏеулаг тоӄрох кӧӄ, Ӈупыӄ с̀архуӄ тамх таӄ. Ӈузмірох: «Аj зоӈгӄзá! Нӥӈывыӈ ныныгынд ваӈá! Ні чоӈгӄ х̣от!» Јыхзіг-шанх: «Тана́, нӥ-хáс̀ шапріјá, нах Іунгјá!» Ах Іуӄ: «Кыа, кыа, кыа, уігы́нд, тас̀пінд-тарá! Кузӥӄ твијá!» Кузӥӄ тыкыӄ... «Чіінын аӈ̣нахрá!» Вӥӄ ігіӈ јахымыӄ, ментеӄ чіӄ, корраӄ. Іскуӥӄ іны заӄ. «Ыӈ-еорá!.. Антх-кірох чінд! Чхызігыхарá! Антыхá, југнатé!» Угрыт југыт. «Ызігыj, антых-кірох чінд, індыјá!—«Ӈымпӄаі-лáх чхнендрá! Інінд ныӄ антх јархијá!» Ӄах̌ Ӈеӄ чо Ӈеӄ, таугуӄ-тур Ӈеӄ, нӥӄӈ сіӄ хеч̀ӄ јарыӄ. Інӥӄ кӄызӥӄ.—«Ахӄ

тый въ халатъ изъ рыбьей кожи сказалъ. Хорошій человѣкъ: «Жалко! Вотъ вышедши уйду!» — «Ты ступай, я останусь, убивъ его, пойду!» ему въ халатъ изъ рыбьей кожи одѣтый сказалъ. Вотъ хорошій человѣкъ вышедши отправился, вотъ въ халатъ изъ рыбьей кожи одѣтый мальчика убилъ, вышедши отправился, далеко пошелъ. *Когда* поздно стало, на ночлегъ расположился, балаганъ сдѣлалъ, потомъ вотъ заснулъ. *Послѣ того какъ* долго спалъ, послѣ полуночи, проснулся: плачущаго ребенка голосъ слышался! Одѣтый въ халатъ изъ рыбьей кожи испугался, вставъ, убѣжалъ, скрылся. *Послѣ того какъ* долго ходилъ, въ глубокую воду головой внизъ упалъ, умеръ. Нашъ мальчикъ вернулся, къ своей юртѣ пришедши вошелъ. *Послѣ того какъ* долго жилъ, взрослымъ человѣкомъ сталъ. Копье взявъ, лукъ взявъ, палки съ кружочками взявъ, негдальскія лыжи одѣвъ, по поверхности морской пошелъ. Затѣмъ къ бѣлой отмели пришелъ, сѣлъ, отдыхалъ, табакъ курилъ. Изъ-подъ земли: «Ой голова *моя!* Человѣкъ *(по ней)* ходитъ какъ-будто-бы! У меня голова заболѣла!» Ея хозяйка: «Давай, мой бубенъ принеси, меня заставь шаманить!» Вотъ запѣла: «Кыа, кыа, кыа, нѣтъ *(никого),* гдѣ *ему* быть? Выйди, посмотри!» *Та* вышла, смотрѣла.... «Мочиться очень хочется!» Подошла, надъ его обувью ноги разставила, *на корточки* присѣла, мочиться стала, зашипѣло. *Онъ,* ногу поднявъ, въ 'vagina' ударилъ. «Ой спина!... Въ сапоги гостю намочила! Ой бѣда! Гость, *въ юрту* пойдемъ!» Вмѣстѣ вошли. «Хозяинъ, въ сапоги гостю намочила, посмотри!» — «За это тебя ругать буду! Закуску приготовивъ, гостя *хорошенько* накорми!» Будыі наварила, рыбы наварила, тюленьяго мяса наварила, въ чашку положивъ, подала, его кормила. Поѣлъ, насытился. — (*Хозяйка*): «Когда пойти соби-

віінд?—«Наух вііндра!» — «Ӈунухгуја! Ӈі наух павыв чамыӈ ӏуіндра!»— «Ӈыӈка!» Ах ӈунугуў. «Верахга, ӄхаз вангуија, јаӷ-паӷ таӈа!» Геў, вау іхзіў, ӄхаз геў шоў заў. «Чі уррыхра, ӏыӏы ӏупгјоў!.... Ува, таф чоосхојныӈгра! Патынкуў заў ӏуја!» Ах ӏуў: «Шас ншын ӏуіра?.... Чі туных віфке, унііўк-кеўхоў інтоіндра, ӈаххај ханчо румў віја!» — «Ӈыщка!» — «Ӈуных віфке, ніӽывыӈкун ӏаӈгў напыгындра! Шав-урӏаӷ-ӏаӈгў румја, кузіў ізнах песпынгја, ізн осымыўкун вах-вахіў гејаӈ!» — «Ӈыӈка!» Ах геў інра, ӈароў кузіў, пен ізра ах віў віфке; шав-урӏаӷ-ӏаӈгў румў віў: ототаӈ, ніӽывуӈ-во маӏӽонд, му маӏхохра, ӄханыӈ маӏхохра, чхыф маӏхохра!—«Ӈунт евунт, ах чхыф евнта!» — «Агуіндра!» — «Чі оосхéј!» Ӈеныӈ аллыхре~еў інтыў: «Індывé, ё~ејхні ӏаӈгў шаф-урыхра! Ерах ӄон наінта!» Ерах ӄот. Кузіў. «Ӈыӈ-ех! Кў-кў-гў-гў-гў-гў!» Ах југыў. — «Наз-аӏвах!» — «Ё~ej, махтур, ај госімуў!.... Нафхунај, хове́j, шав-урӏаӷ-ӏаӈгў еспыт, нас вахунд!» Му ӽоӈнд чахў ніӽывыӈ угрыт, меныӈ кікунд, ӈеныӈ наінд. Кузінкут. «Ӈы-ні! Ӈы-ні!» Ах ӽоӈнд, еніміт. «Кў-гў-гў-гў!» Ах есныт: «Пата!...

раешься?»—«Сегодня пойду!»—«Переночуй! Я сегодня вечеромъ шаманить буду!» — «Ладно!» Вотъ заночевалъ. «Рабъ, бубенъ нагрѣй, поясъ *шаманскій* подай!» Взяла, инау повязала, бубенъ взявъ понесла, ударила. (*Хозяинъ*): «Ты очень хорошо (*барабанишь*), здорово барабанитъ!... Постой, юрту разнесешь! Потихоньку колотя, шамань!» Вотъ запѣла: «Куда посмотрѣвъ, пѣть стану?.... Ты, *послѣ того какъ* отсюда далеко пойдешь, людоѣда крючекъ увидишь, тогда, кунжей обернувшись, ступай!»—«Ладно!»—«*Послѣ того какъ* оттуда далеко пойдешь, люди тюленя промышлять будутъ! Въ тюленя съ красивымъ чернымъ пятномъ обратись, вынырнувъ, ихъ заставь тебя кольнуть, ихъ остроги оторвавъ, забери!» — «Ладно!» Вотъ взялъ, поѣлъ, потомъ вышелъ, лыжи одѣлъ, вотъ отправился, далеко пошелъ; тюленемъ съ красивымъ чернымъ пятномъ обернувшись, пошелъ: ой, ой, ой, гиляцкихъ деревень множество, лодокъ множество, собакъ множество, медвѣдей множество! (*Переговариваются*): — «Тѣ водятъ (*медвѣдя*), вотъ давай *тоже* медвѣдя водить!» — «Не надо!» — «Ты трусъ!» Кто-то обернулся, посмотрѣлъ: «Смотрите, вонъ тамъ тюлень съ прекраснѣйшимъ чернымъ пятномъ! Къ нему (*на лодкѣ*) отправившись, давайте острогу пустимъ!» Къ нему направились. *Голову показалъ* (вынырнулъ). «Вотъ онъ! Ку-ку, гу-гу!» (*подражаніе рычанію тюленя*). Вотъ *(назадъ)* нырнулъ. — «Ремень оборвалъ!» — «Ой, ой, ой, дѣйствительно, ой острога (*пропала*)!».... (*Кричитъ по направленію къ берегу*): «Товарищи, сюда, *я* тюленя съ красивымъ чернымъ пятномъ кольнулъ, *онъ* ремень оборвалъ!» Лодку спустивъ, три человѣка вмѣстѣ (*пустились*), двое гребли, одинъ острогой работалъ. Заставили вынырнуть. «Вонъ онъ! Вонъ онъ!» Вотъ острогу спустили, направили. «Ку-

Ӈың, ӑахў!... Нафхунáj, ӽовéj, мхоӈ му ӄон највé! Ӏаӈгў шав-ýрӏанд есӈыт, наас̀ есӈыт ӑахýндра!» Ататá, малӽондрá ӈіӈывың! Сік посімуў ӑах-ӑáхоӷард! Сік теӈарынд, тафтох јухарынд: ізн-т̀анí-ехыӏун ӽхов-ӏатў! «Тол̀ -ӈіӈывың-чамың кевé, пал̀-ӈіӈывың-чамың кевé, тлы-ӈіӈывың-чамың кевé, міф-ӈіӈывуӈ-чамың кевé!» Ныўӈ чамың кет шоў-пшыт. Пал̀-шамӈ ітў: «Ӈах -нан ӏункvé, танвé, ӽас̀ танвé~е, јаӷ-пáӷ нау танвé!» Ах ӏуў озіў кыпыў: «Ко~о, ко~о, ко~о, толла-мілык јаӷах ӷауў ӽхонгунд! Ӈа~а фуj!.... Аллыхзінд!» Ах твіў теӈаў ӈупыў. «Тол̀-шамнá, ӏујá!» Тол̀-ӈівух-чамӈ озінд: «Ӄхаз̀ тапырвé!.... Ко-ко-кó, тугур-мам јаӷах ховӏатынкунд! Тугур-мам іхӏунд, ӣактох ӏувіўá? Алӆӷахзінд твіндрá!» — «Тлы-ӈіӈывың озіў ӏујá!» — «Танывé, нау ӄхас танвé!.... Хо-хо-хó, хо-хо-хó, пал̀-мілк іхынынд, аллыхзінд!» Твіў. Міф-чаманӈ ах ӏуў: «Кыа-кыа-кыа, тахуў-міф -nal-ӈытá-воӈың шав-уріаӷ-ӏаӈгў тумыў ӣшынд. ӈунд-нан ӏіхӏаӷ чамың, ӈунтах-ы-нан ӏункvé!» Мыз̀-ӈіӈывың ӏаўх ваа керá ӄхас̀ герá: «Аккéін чамың ӏуунд-ат, руунд фуріўá?... Тууӈ-тол̀-наасќí-піі-фіӷ-туунгáj тӏеӳӏаў ӈвес̀-весјé! Анх-ӈаӽў зівунтá, ӈвес̀-вéзў тууӈ тол̀ зіувенкў ӈуурјоў-шаајӏá,

---

ку-гу-гу!» Вотъ ударили: «Тихонько!... Ой, оборвался (*ремень*)!... Товарищи, сюда, на десяти лодкахъ отправившись, острогу пустите! Тюленя съ красивымъ чернымъ пятномъ кольнулъ, ремень, *когда* кольнулъ, оборвалъ!» Ой, ой, ой, людей множество! Всѣ ихъ остроги оторвались! Всѣ вернулись, въ юрту *толпой* вошли: дочь ихъ богатѣя (*внезапно*) заболѣла! (*Отецъ*): «Морского человѣка-шамана возьмите, горнаго человѣка-шамана возьмите, небеснаго человѣка-шамана возьмите, подземнаго человѣка-шамана возьмите!» Четырехъ шамановъ достали, привели. Горный шаманъ сказалъ: «Заставьте меня шаманить, давайте, бубенъ давайте, поясъ, инáу давайте!» Вотъ запѣлъ, поднялся, сталъ: «Коо, коо, коо! Морской чортъ ея брюхо заставляетъ болѣть! Га....га....фуй! (*звукоподраженіе выдыханію*)... Помочь невозможно!» Вотъ кончилъ, *на нару* забрался, сѣлъ. «Морской шаманъ, пой!» Морской человѣкъ-шаманъ поднялся: «Бубенъ давайте!.... Коо, коо, коо, огня старушка ее болѣть заставляетъ! Я огня старушку боюсь, какъ шаманить стану? Помочь не умѣя, кончилъ!» — «Небесный человѣкъ встань, шамань!» — «Давайте инáу, бубенъ давайте!..... Хо, хо, хо, хо, хо, хо, горный чортъ убить собирается, помочь не могу!» Кончилъ. Подземный шаманъ вотъ запѣлъ: «Кыа, кыа, кыа, западной земли, середины бухты житель, тюленемъ съ красивымъ чернымъ пятномъ обернувшійся, пришелъ, онъ-то понимающій шаманъ, его-то заставьте шаманить!» Нашъ Гилякъ, въ одной рубашкѣ оставшись, бубенъ взялъ: «Худой шаманъ поетъ, что скажетъ?.... Въ серединѣ этого моря живущій сивучъ бѣлый, ко мнѣ на помощь явись! Громъ-самка одна, ко мнѣ на помощь явившись, это море гремѣть заста-

ḥуурjоў туунд тунá ḥiирух куузjá, туунд таф-наасκí ўуукjá!» Ах ўкуў. «Ваáа! Зосхojныцгрá!» Туў ḥуң шанх: «Кóо-кó-о-фýj! Ḥа-а-а-фýj!» Iфў урыў. «Чiң оосмыўкун ге~ejнындрá!»—«Ḥыңкá, гejá!»—«Ḥанх-зiунтá, о-осмуўкын geja!» Ḥа~áj! Озмыўкун кучў ĸхас чаў хорре~е! — «Шаунт осмыў?»....— «Ḥосмыў!»...—«То~о ааххыт твiиндрá!» Тууў ḥупыў: «Атɣы-ычхáj, осjá, кеў-кéў пурiнатé!» Ах озiў: «Рунд кеў пурiнд?»—«Ḥi чехlуг ajт, урын-куфтох ниχмijá! Енаң ниўывың iχмiхáj iхиндрá!»—«Чi ваўк-ат есхаг хавы-рыў гejахáj гejá!»—«Ḥыңкá, хор-lах паўк туң-тóɣоф пшынтыкрá!» Ычх iтў: «Olхунó, чхыв наныгын ḥiун пнафх арвé!» ĸхах кетá, пунд гетá, меның угрыт чхыв наныгыт ах вiт. I ḥаχў ḥунывыў. Ытытá! Лахi маlхохрá, чхыф iнiхрá! Ах jавнд, афвi jajiт. Кеанậ вук-ву-вý, ах ḥан маɣыў, ах чо ниў, ах ĸат. «О-о-о-о!» Куajў iзнтох теɣыў. ĸхах гет ах еспыт. «Ургуў еспijá!» Ах ḥiут iзiт, ḥеның чоңхў паныў. Ḥымпáт ах маɣыт во-léфтох ḥуныт ḥарыхут. «О! О! О!» ojунд.... «Ытытá! Шанххун ṫа-ṫаинд таурохрá!» Ḥафкé: «Ах ṫа-ṫанд, ḥala-мáх!» Шоў-мáɣынд ḥорох хiтiд сiнд, тафтох маɣыд jугынд.

вивъ, взбушуй *его*, бушуя (гремя), о сивучъ этотъ, изъ-подъ пола выпырни, въ стропило этой юрты *зубами вцѣпись* (укуси)!» Вотъ вцѣпилась. «Ой, ой, ой, *юрту* сломаешь!» Подошелъ, той женщинѣ: «Коо, коо, коо, фуй! Ха~а—фуй!» Подулъ, выздоровѣла. «Ваши остроги достану!»—«Ладно, достань!»—«Моя самка-громъ, остроги достань!» *(Вдругъ)*: «Ой, ой, остроги *сверху* свали-лись, по бубну ударились, загрохотали!»—«Чья острога?»—«Моя острога!»....—«Вотъ конецъ, кончилъ!» На нару забрался, сѣлъ, (*къ хозяину*): «Дѣдушка, вставъ, о новостяхъ потолкуемъ!» Вотъ всталъ: «О какихъ новостяхъ толковать?» — «Я надъ твоею дочерью шаманилъ, за то, что вылѣчилъ *ее*, мнѣ отдай! Если другому человѣку отдашь, убью его!»—«Ты, если только охотно берешь, возьми!»—«Конечно, только потому, что ее желаю, въ эту даль забрался!» Старикъ сказалъ: «Ребята, медвѣдя поискавъ убейте, своего 'навх'а (*шурина*) накормите!» Копья взявъ, луки взявъ, двое вмѣстѣ медвѣдя искать вотъ пошли. Рѣчка одна попалась. Ой, ой, ой! кэты множество, медвѣди *тутъ* вдоволь кормились! Вотъ караулить засѣли, огорожу сдѣлали. Спустя нѣкоторое время стемнѣло, вотъ одинъ *къ берегу* спустился, вотъ рыбу ѣлъ, вотъ они выстрѣлили. «О, о, о!» (*звукоподражаніе рычанію медвѣдя*). Заметался, на нихъ пошелъ. Копья взявъ, вотъ кольнули. *(Одинъ другому)*: «Хорошенько коли!» Вотъ убили, освѣжевали, одинъ голову *медвѣдя на спину* взвалилъ. На другой день вотъ спустились, неподалеку отъ деревни сѣли, отдыхали. «О, о, о!» закричали.... «Ой, ой, ой! бабы игрою долго задержались!» Потомъ: «Вотъ барабанятъ, идемъ!» *(Голову)* понесли, въ амбаръ подняли, положили, къ юртѣ спустились, вошли. Старикъ поднявшись сѣлъ.—«Одного

Ыч̀іх оз̀іў̆ hупыў̆: «Н̀ап hіу-l?—«Hың, н̀аńхыс̀ hіунд!»—«Пil-l?»—«Hың, пілáнд!» — «Нарl?» — «Hың, тоj-нáунд!» — «Еӈнкунын пнафх пнаных іс̀н jарвé!» Ах jет, jетóт jесі̀нд, ах пілаң hаңхў̆ саррут іс̀н jарт. Ах іні̀нд: «Товé, кр̆ызі̀ндрá!»—«Ымӈ̆іjá, пат н̀шуг̀ур-мухыс̀ вівé! Пфорох вінг̀á, tleyланг мурың н̀ан ыгр̆ың tлаңhі н̀ан-арá н̀і-мý шоў̆-пшынгjá!» Ныунгут к̆хот, hымпáт татын ос̀д, мурох к̆от jугыт, ах віт віфкé, пфорох теӈат, прафтох jугыт. Tleyланг мурың н̀ап гет му сіт; ыгр̆ін tлаңhі н̀ан гет сіт. Ах hу му ехў̆, оў̆ ах пан̀ӈ̆ej-хін мін быр̆к hунывынд. Нуныфкé іáн̀ӈ̆ej кікурá, іч̀х najрá, lаңгў̆ наныгыт віт. Тоў̆-н̀áх̆ў̆ віт, тоў̆р̆ух lаңгў̆ к̆хондхун. Чоңгў̆-ч̀аў̆ шоў̆ -ві́ў̆, ізн ч̀аў̆ ізн хуў̆, пімун сарунд. Ехт пшыт hалыныў̆тох jуў̆кут шоў̆-тéӈыт ізі̀т х̀аувут. «Ні чхыф наныгындрá!» К̆хах кеў̆ шоррá, пунд геў̆ шоррá, ах jемí теӈаў̆. Теӈафкé і-н̀áх̆ртох теӈыў̆: тенгі мал̀ӈохрá! Нупў̆ с̀архуў̆. Кехрухгé пал̀-мілк-шаманң к̆хас̀-рорá jе-лéфтох пшыў̆: «Ху-ху-хýх!» Пал̀-нівух -шаманң lунд: «Хо-хо-хó!» Ах lуў̆: «Туу н̀іӈ̆вуң-ңá, таактох віінынд-нá?»— «Чхыф нангындрá!» —«Коо-кóо-кóо.... манг̀ан пал̀-мілк.... коо-кóо кóо.... чіхынындрá!»—«Н̀іхухajрó!»—«Н̀хат-ліхў̆-іңкрá!...»—«Чорjojá!» Пундхыс̀

убили?» — «Да, одного убили?» — «Большого-ли?» — «Да, большого!» — «Жирнаго-ли?» — «Да, въ пять пальцевъ толщиной *жиру*!» — «Живо своего шурина, свою старшую сестру, ихъ накормите!» Вотъ сварили, сваривъ сняли, вотъ большую чумашку наполнили, ихъ кормили. Вотъ поѣли: «На-те, насытились!» — «Зять, завтра на моей огненной лодкѣ пойдите! *Когда* въ свою деревню придете, бѣлую лошадь одну, чернаго оленя одного тоже на моей лодкѣ пришлите!» Когда стемнѣло, уснули, на другой день рано встали, къ лодкѣ спустились, вошли, вотъ поѣхали, долго ѣхали, къ своей деревнѣ подъѣхали, въ свою юрту вошли. Бѣлую лошадь одну взявъ, въ лодку помѣстили; чернаго оленя одного взявъ, помѣстили. Вотъ та лодка обратно пошла, тогда вотъ съ женой своей вдвоемъ только жили. *Послѣ того какъ* долго жили, его жена, на гребкахъ работая, мужъ острогой управляя, на тюленя охотиться отправились. Къ отмели одной пріѣхали, на отмели тюлени спали. Дубинку взявъ, пошелъ, ихъ билъ, ихъ убилъ, свою лодку наполнилъ. Вернулись, пріѣхали, къ помосту вытащивъ сложили, освѣжевали, высушили. (*Мужъ*:) «Я медвѣдя поищу!» Копье взявъ понесъ, лукъ взявъ понесъ, вотъ въ гору пошелъ. *Послѣ того какъ* долго поднимался, къ рѣчкѣ одной поднялся: горбуши множество! Сѣлъ, отдыхалъ. Сверху горный чортъ-шаманъ, бубенъ неся, къ его мѣсту подошелъ. «Ху-ху-хухъ!» Горный человѣкъ-шаманъ пѣлъ: «Хо, хо, хо!» Вотъ пѣлъ: «О человѣкъ этотъ, куда направился?» — «Медвѣдя искалъ!» — «Коо, коо, коо.... могучій горный чортъ .... коо, коо, коо... тебя убить собирается!» — «Пусть меня убьетъ!» — «Мой волкъ безшерстный, *ко мнѣ*!...» — «Молчать!» Изъ лука въ его брюхо выстрѣлилъ. «Ой,

јe-ŋа́уӈ хӑӈ. «Ы̀јк ŋауӈа!» К̆хахкыс̀ есп̆ӈ ах іхуӈ. Чхыф паӈк толрох ӷочӈ выкызӈ: ӏаӈкуӈ кӑр пыкызӈ. Ӊуных ча̀j віӈ віфкс́, піӏаŋ ірох віӈ: ахыс̀ тамында́! Шанх ӈепыӈ ахыс̀ кыӈ. Тарн-ӏнтыӈ, ӊуӈ шанх: «Јаӈӈ ӈі -ӏндынд-на́? Ӈі ваӈк ӈіӈывыӈ-ӏа́?» Ӊуных ихыӈ маӷыӈ jугыӈ, ијáӈӈej черіоӈ: пычх пал-мі̀лк іхумба́ ӏакрынт черіундра́.—«Пал-мі̀лк ӈіхункуі-1?»—«Міфкыс̀ тав јајнате́!» Тав ајт jугут Ӊунывыт, ӏыӏы хӑӷӏа ӈіӈывуӈкун ӏыӏы хӑӷӏа ӈівух мут Ӊунывынд. Фуру́.

брюхо!» Копьемъ кольнулъ, вотъ убилъ. Медвѣдя только къ водѣ стащилъ, бросилъ: по теченію спустился, пропалъ. Оттуда снова пошелъ, далеко пошелъ, къ большой рѣкѣ пришелъ: лопуху множество! Женщина одна лопухъ рвала. Голову поднявъ, посмотрѣвши, та женщина: «Чего на меня смотришь? Развѣ я *одна* только человѣкъ?» Оттуда назадъ пустился, *въ юрту* вошелъ, его жена плакала: *что* мужа ея горный чортъ убилъ, думая, плакала!—«Развѣ горному чорту позволю себя убить?»—«Давай, изъ земли юрту сдѣлаемъ!» Юрту сдѣлали, вошли, жили, очень богатыми людьми, очень богатыми людьми стали, жили. Сказано.

Примѣчанія къ № 14.

1 *(стр. 2)*. Пуӈ-туі-тавраф Ӊунывыфкѐ—еще можетъ быть переведено: 'нищей' (тавраф, сущ. форма отъ тавранд—'кормиться') *изъ* сора (пуӈ) подымающагося 'долго жилъ' т. е., отъ голоду глоталъ поднимавшуюся съ полу пыль, кормился одной пылью.

2 *(стр. 12)*. Чхопӈ-к̆ханд—палка съ надѣтой на нее ближе къ нижнему краю кружочкомъ (чхопӈ). Ее употребляютъ во время хожденія на лыжахъ, упираясь ею въ снѣгъ, особенно при подъемѣ и спускахъ въ гористыхъ мѣстахъ, причемъ кружочекъ служитъ для того, чтобы палка при упираніи не уходила глубоко въ снѣгъ. Кружочки на палкахъ — особенность тунгусскихъ племенъ-оленеводовъ, въ частности Негда, ближайшихъ сосѣдей Гилякъ на Амурѣ съ древнѣйшихъ временъ.

3 *(стр. 14)*. 'Изъ подъ земли и т. д.'—Дѣло въ томъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нашъ Гилякъ сдѣлалъ привалъ, подъ землей, совсѣмъ близко къ поверхности, было селеніе морскихъ людей. Случайно, въ то самое время, какъ Гилякъ расхаживалъ по отмели, изъ одной подземной юрты вышла рабыня. Шаги Гиляка по *тонкой* почвѣ отмели приходились надъ самой головой женщины, которая поэтому и почувствовала боль въ головѣ: 'Ой голова! Человѣкъ по ней ходитъ будто-бы'.

4 *(стр. 16)*. Кузі̀ӈ-твіjа́! — выйди, посмотри, т. е., выберись на верхъ изъ-подъ земли (кузі̀нд буквально и значитъ вынырнуть (см. № 1, пр. 10) и посмотри!' Рабыня такъ и сдѣлала, но Гиляка, лежавшаго на землѣ и отдыхавшаго, она не замѣтила и потому ничего не подозрѣвая, присѣла на корточки прямо надъ нимъ. Только послѣ хорошаго удара со стороны ошеломленнаго неожиданностью Гиляка, рабыня спохватилась, и Гилякъ въ видѣ удовлетворенія былъ приглашенъ въ юрту,

хорошо угостился, и вдобавокъ хозяйка устроила ему прорицательный сеансъ.— Нужно замѣтить, что въ гиляцкомъ эпосѣ картина присѣданія на корточки — обычная обстановка романтическихъ приключеній.

5 *(стр. 22)*. Јаң-пáң—шаманскій поясъ съ побрякушками изъ кусочковъ стараго желѣза, жести и разной другой случайно подобранной металлической ветоши. Назначеніе побрякушекъ — производить шумъ при камланіи для запугания злыхъ духовъ. Самый терминъ јаң-пáң — звукоподражаніе.

6 *(стр. 23)*. 'Постой, юрту разнесешь!', т. е., отъ черезъ-чуръ сильныхъ ударовъ по бубну юрта можетъ обрушиться. — Подобныя обращенія иногда являются простыми комплиментами искусству шамана, но чаще всего ихъ нужно понимать буквально (ср. исторію стѣнъ Іерихона, павшихъ отъ звука трубъ Іисуса Навина).

7 *(стр. 26)*. 'Тюленемъ съ красивымъ чернымъ пятномъ обернись'.—Вѣроятно, рѣчь идетъ о Phoca mutmularis Schleg., Largha Pall. Характерная черта этого вида — черныя пятна на спинѣ. Чѣмъ темнѣе цвѣтъ этихъ пятенъ и чѣмъ они обильнѣе и гуще, тѣмъ цѣннѣе считается тюлень.

8 *(стр. 29)*. 'Медвѣдей множество', т. е., медвѣдей, откармливавшихся въ клѣткахъ для медвѣжьяго праздника.

9 *(стр. 30)*. Ḫупт евунт, ах чхыв евнтā! — букв.: 'тѣ держатъ, вотъ давайте *тоже* медвѣдя держать!' Тутъ 'держать' (евунд) употреблено вм. 'водить' (нынгынкунд), такъ-какъ во время веденія медвѣдя его съ обѣихъ сторонъ удерживаютъ веревками, привязанными къ ошейнику. Цитата эта — отрывокъ переговоровъ на берегу среди группы молодежи, которая, соблазнившись примѣромъ другихъ, выведшихъ своихъ медвѣдей на прогулку, сговаривается, чтобы и имъ вывести своего медвѣдя. Вслѣдствіе отказа со стороны нѣкоторыхъ приняться за дѣло, иниціаторы предложенія огрызнулись и обозвали ихъ трусами.

10 *(стр. 32)*. Кӯ-кӯ-гӯ-гӯ... подражаніе рычанію тюленя, пріемъ, употребляемый Гиляками для того, чтобы заставить тюленя, привлеченнаго обманчивымъ зовомъ товарищей, поднять голову изъ воды и тѣмъ дать возможность пустить въ него острогу.

11 *(стр. 32)*. Наз̀-ал̀ ʿвах — букв.: 'ремень оборвалъ' *(тюлень)*. — Острога прикрѣплена къ длинному ремню, который обматывается вокругъ древка. Послѣ нанесенія удара, ремень быстро отматывается отъ древка и распускается, причемъ конецъ его крѣпко удерживается сидящими въ лодкѣ. Благодаря гибкости и длинѣ ремня, задѣтый острогою звѣрь можетъ барахтаться во всѣ стороны, не особенно натягивая ремень, который поэтому легче удержать въ рукѣ, чѣмъ мало сгибаемое древко. Но бываетъ часто, какъ въ данномъ случаѣ, что ремень обрывается отъ напряженія, и звѣрь уходитъ вмѣстѣ съ острогой.

12 *(стр. 34)*. 'Заставили вынырнуть', т. е., звукоподражаніями рычанію тюленя (ср. пр. 10).

13 *(стр. 38)*. Тангі (маньчжурское слово),—господинъ, чиновникъ,—понятіе, вошедшее въ гиляцкій обиходъ вслѣдствіе общенія съ маньчжурами, пріѣзжавшими съ торговыми и политическими цѣлями вплоть до появленія русскихъ на Амурѣ, да и Гиляки сами предпринимали далекія путешествія вверхъ по Уссури для мѣновой торговли съ маньчжурами. Въ гиляцкомъ быту тангі употребляется, какъ синонимъ урдӀа-нӀӈывыӈ, т. е., богачъ, уважаемый человѣкъ.

14 *(стр. 42)*. 'Га-а-фуй'—звукоподрожаніе дуновенію. Дѣло въ томъ, что однимъ изъ пріемовъ лѣченія являются дуновенія шамана надъ больнымъ, заключающіяся въ томъ, что либо шаманъ обратно вдуваетъ унесенную злымъ духомъ и отобранную у него душу, либо вдуваетъ въ больное мѣсто своего кеӈӈ (см. № 3, пр. 13), который долженъ изгнать злого духа.

15 *(стр. 44)*. Туґур-мам — 'огня старушка', т. е., хозяйка домашняго очага. По представленіямъ Гилякъ, это маленькая сгорбленная старушка, живущая въ очагѣ и часто видимая среди огня иногда въ обществѣ старика, хозяина огня. Характерно, что только богъ очага и порога рисуется въ образѣ женщины: пережитокъ материнскаго рода. Остальные родовые боги — мужчины, нііӈывыӈ'ы (паль-ніӈывыӈ, толь-ніӈывыӈ и т. д.). Хозяйкѣ огня приносятъ жертвы (кормятъ) табакомъ, рисомъ, водкой и т. д.

16 *(къ стр. 47)*. Въ тотъ самый моментъ, когда подземный шаманъ приступилъ къ камланію, въ юрту вошелъ нашъ Гилякъ, — обстоятельство, о которомъ пѣвецъ не считаетъ нужнымъ предупредить слушателей, такъ-какъ это выясняется изъ дальнѣйшаго. Такой, весьма частый пріемъ рѣчи въ формѣ діалога, безъ вставочныхъ, пояснительныхъ предложеній, придаетъ бо́льшую живость, драматичность эпической рѣчи.

17 *(стр. 47)*. 'Съ западной земли', т. е., съ материка, приходящагося съ запада о. Сахалину.

18 *(стр. 49)*. 'Въ одной рубашкѣ оставшись' т. е., снялъ съ себя верхнюю одежду, для того, чтобы съ большей легкостью производить камланіе, требующее большихъ усилій (бѣганіе по юртѣ, метанія, неистовые крики, кувырканія и т. п. манипуляціи).

19 *(стр. 49)*. 'Худой шаманъ поетъ', — пріемъ церемонности со стороны нашего Гиляка, хорошо сознающаго свою силу, но по гиляцкому этикету считающаго необходимымъ поскромничать передъ слушателями.

20 *(стр. 50)*. Толь-наські — букв.: 'морская спина', т. е., средина моря.

21 *(стр. 51)*. Анх-нахр зівунтá — букв.: 'о самка одна, громъ!'. Тутъ подъ громомъ подразумѣвается не акустическое явленіе, а существо, его производящее, каковымъ является сивучъ. Такимъ образомъ громъ не единичное существо, не единичное божество, а цѣлая группа существъ, издающихъ громоподобные звуки.— Духи женскаго пола обладаютъ въ шаманскомъ культѣ бо́льшей силой, чѣмъ духи мужескаго пола, поэтому чаще всего призываются самки.

22 *(стр. 53)*. 'Подулъ, вылѣчилъ' (см. пр. 14).

23 *(къ стр. 54, 55, 56)*. По окончаніи сеанса лѣченія, нашъ Гилякъ рѣшилъ удивить свою аудиторію чудеснымъ возвращеніемъ оторванныхъ острогъ. Дѣйствительно, по приказу Гиляка, сивучъ спускаетъ сверху одну за другой остроги, которыя подаютъ съ грохотомъ на бубенъ, и каждый при этомъ съ восклицаніями удивленія узнаетъ свою острогу.

24 *(стр. 57)*. Ні чехlуӷ айт—букв.: 'я надъ твоей дочерью поработалъ'.

25 *(стр. 58)*. Есхаӷ хавырыр — букв.: 'не не хочешь', т. е., если очень хочется.

26 *(стр. 62)*. Афві јајіт—'огорожу сдѣлали', т. е., скрылись въ засадѣ, окруживъ себя вѣтками, срубленными деревьями и т. д.

27 *(стр. 66)*. 'Въ амбаръ подняли', т. е., положили на площадку передъ входомъ въ амбаръ. Это амбаръ, спеціально назначенный для храненія останковъ медвѣдя и принадлежностей праздника. Онъ—табу для всего посторонняго. При возвращеніи съ удачной охоты на медвѣдя, голову его устанавливаютъ на площадкѣ амбара, окружаютъ ее яствами, табакомъ, оружіемъ, и тутъ же возлѣ этого амбара, передъ лицомъ священнаго животнаго, совершаются первыя торжественныя трапезы.

28 *(къ стр. 67, 68)*. 'Одного убилъ-ли? и т. д.'—Этотъ діалогъ между старикомъ и сыномъ представляетъ характерный образчикъ лаконической рѣчи, возвышающейся до драматизма.

29 *(стр. 69)*. Товé — букв.: 'унесите' (посуду, изъ которой они угощались),—обычный способъ выраженія того, что гости вполнѣ насытились.

30 *(стр. 70)*. 'На моей огненной лодкѣ', т. е., на пароходѣ, называемомъ Гиляками туґур-му (огонь-лодка).

31 *(стр. 83)*. 'Медвѣдя только къ водѣ потащилъ', т. е., когда онъ потащилъ убитаго шамана къ водѣ, оказалось, что это не человѣкъ, а медвѣдь, временно обернувшійся человѣкомъ.

32 *(стр. 86)*. 'Развѣ я одна только человѣкъ?', т. е., 'что ты во мнѣ увидѣлъ особеннаго?'.

ОТДѢЛЪ I.

ПОЭМЫ.

Б.

НА ЗАПАДНОМЪ ДІАЛЕКТѢ (ПОДДІАЛЕКТЪ ПОБЕРЕЖЬЯ АМУРСКАГО ЛИМАНА).

(НЫЗЫТЫНЦ).

15.

Ыкiлы hejманăх, ыкiлы hejмаў нiн.

Ыкiлы hejманăх, ыкiлы hejмаў нiн, ыlы сiч iфт ынi-lo. Hejмаў ыкыlы haх нiра. Чо нынгынц ерiрох мыӷыў кеўхоц. Пiрныў-оўк-мадыў iгiч кыриц, hыц хура, hыц шамáвьў тыфтох шамывц, твыск-i-дыв-лы́ч, тота-воўх адla-боўх аўы-вшунг: «Утгу-нiвух падjа!» Коц кўугыч, hеманх озд, пejмаў озыч, пejмаў ууц: «Нiвх пнаўунг маннy-вéте-барец!» Хоро́ў озд: «Ытыка́, ымыка́, озjа́, ынijа́, сiц малӷоц сык!».... Hejмаў умгу гejн вiц. Поӷla тхагуў, хах hejмаў тувiц. — «Чi jаў пшыд-на́?» — «Поӷla тхагут умгу генехта́!» — «Ылiчгу, нoӷla iнты́кыч нагiвé». Умгу мыӷыц: «Ытыка́, ымыка́, наӷ-jа́т мыӷгуц-на́?» — «Olá, ытк-кехў анмаjа́!» Воӷla онхарнга́ пiв -lувў-чарlуў пытреў: «Раздох каукре́!» Hонхаў пуц егыч. Хах hejмаў-ытык

Бѣдная старуха, бѣдный старикъ одинъ.

Бѣдная старуха, бѣдный старикъ одинъ совсѣмъ не имѣли чего ѣсть. Старикъ въ изодранной шапкѣ ходилъ. Рыбу ловить къ рѣкѣ пошелъ, на крючокъ ловилъ. Сазана съ 'обратной' чешуей поймалъ, *къ берегу* присталъ, его убилъ, его понесъ, въ юрту принесъ, кедровый срубъ ему сдѣлалъ *изъ чередующихся* серебряныхъ перекладинъ, золотыхъ перекладинъ изъ прутьевъ *кедра*-самца. (*Старикъ сазану*): «Мужчину роди!» Уснули, разсвѣло, старуха проснулась, своего старика разбудила, своему старику кричитъ: «Человѣкъ молодой въ китайской одеждѣ будто одѣтый!» Выспавшись, (*юноша*) проснулся: «Батюшка, матушка, встаньте, ѣшьте, всего-всего много!».... Старикъ жену (*для сына*) купить отправился. *Чтобы* дочку его высватать, къ царю старикъ въ домъ пришелъ.—«Ты зачѣмъ пришелъ?»—«Твою дочку высватавъ, въ жены возьму!»—«Рабы, мою дочку самую старшую приведите!» Женщина пришла: «Батюшка, матушка, меня зачѣмъ призвали?» — «Дочка, (*на сидящаго*) позади отца посмотри!» Его дочь послѣ этого, своей березовой ложкой рѣзной ударивъ себя *по колѣну, воскликнула*: «Не ровня *мнѣ*!» Затѣмъ вышла, обратно пошла. Царь на старика-отца

waaў̯ᵑ̇: «Ыӏчгó, ӈejмаў̆ чавé!» Ӈejмаў̆ тыпт, кӏырох тыпч заᵑ̇. Ӈejмаў̆ тоᵑ̇ егіч пшыфтох егіч. Ӈejманх: «Олá, ытык пшыᵑ̇, ытк ӈаў̆-ваўкч!» Ӈejманх тоᵑ̇. Ӈejмаў̆ оў̯ӏа: «Ытыкá, умгу ныӈгјá гејнетé, ӈі умгу хавриᵑ̇!» Ӈолá ытык: «Заныра́! Ӈі шактох выніᵑ̇-ná?» — «Віјá, ӈі кырлыхтá!» Ӈejмаў̆ віᵑ̇, кыӏы-wo ерох віᵑ̇, тота моӈчá ыў̆ыӈ најх-оќ керá. «Ӈемаў̆á, дыфтох вінытé!» Угрыт віᵑ̇, тывырᵑ̇, параругé пуў̆-тівра́, Ӏыгыў̆-Ӏы́гыў̆ мавыᵑ̇ антых-ві́выᵑ̇. Ќах: «Ӈejмаў̆-андз̯á, ӈі-Ӏывӏа-ты́фтох јаў̆ыў̆ пшыд-ná? Пірныᵑ̇-ná пшыў̆ тывуᵑ̇-lá?» — «Мыіры́, чоў̯ӏа гејныт пшыз̯ра́!» — «Ыӏчá, ӈоў̯ӏа пагјá, мывгујá!».... Умгу: «Ытыкá, ӈаў̯-јаў̆ мывгуᵑ̇-ná?»—«Олá, ытык-кеҳў̆ аӈмајá!» — «Ытыкá, чхоў̆-ајрá Ӈумныхтá, наᴐ̀хрá івныхтá!» Ӈемаў̆: «Ӈі перархгут поў̯ӏадох чхеныхтá!» Ӈемар егыч. Пејманіхтох вінáн: «Ӈejмайхá, мегé поў̯ӏадох умгу геᵑ̇!... Олá, ныт вінетé!» Ќан-гіў̆ віньᵑ̇; пумгудох нагід віᵑ̇. Пумгу кет шыпрыᵑ̇. Оў̯ӏа панᵑ̇ утгу-ола мен, аᴐ̀хаᵑ̇ ыкыᵑ̇. «Олá, умгу ныӈгынд віныхтá! Намáгуў̆ Ӈумјá! Умгу мен геныхтá! Оў̯ӏа ыкыᵑ̇ фіт-нічыᵑ̇рá!» | —«Ыӏтыкá, чі він-нáн еў̯гуў̆ пшыныд-lá, таурныд-lá?» | —

разсердился: «Рабы, старика поколотите!» Старика вытащили, на дворъ вытащили, поколотили. Старикъ заплакалъ, вернулся, въ свою юрту вернулся. Старуха: «Сынъ, отецъ пришелъ, отецъ въ крови весь!» Старуха плакала. Старику сынъ (*говоритъ*): «Батюшка, жену поищи, давай купимъ, я жены не имѣю!» Тогда старикъ *въ отвѣтъ*: «Побьютъ! Я какъ пойду?»— «Ступай, я позабочусь!» Старикъ пошелъ, въ большое селеніе (туда) пришелъ, серебряную палицу неся, въ черную собачью шубу одѣтый. (*Сынъ царя*): «Старикъ, въ юрту пойдемъ!» Вмѣстѣ *съ нимъ* отправился, въ юрту вошелъ, къ простѣнку пробравшись сѣлъ, ноги подобравъ (*на середину кары*) забрался, ноги подобравъ усѣлся. Царь: «Старикъ-гость, *ты* въ мою бѣдную юрту зачѣмъ пришелъ? Звѣря-ли гоняя, пришедши въ домъ вошелъ?»—«'Мыиры', *чтобы* дочь твою купить, *я* пришелъ!»—«Рабъ, дочь мою приведи, пусть придетъ!».... Женщина: «Отецъ, меня зачѣмъ призвалъ?»—«Дочь, *на сидящаго* позади отца посмотри!»—«Отецъ, твою волю исполняя жить буду, съ удовольствіемъ *такъ* буду!» Старикъ: «Я, *тебя* себѣ высватавъ, для сына тебя возьму!» Старикъ вернулся. Къ своей старухѣ пришедши: «Старуха, мы своему сыну жену купили!... Сынъ, завтра пойдемъ!» На собакахъ идти собрались; *чтобы* свою женщину забрать отправились. Свою женщину забравъ привезли. Дѣти родились, мальчиковъ двое, младшій *и* старшій. «Сынъ *мой*, жену искать пойду! Счастливо живи! Двухъ женъ куплю! Старшій сынъ взрослымъ человѣкомъ сталъ!» (*Старшій сынъ*): «Отецъ, ты, *послѣ того какъ* пойдешь, скоро-ли придешь, долго-ли про-

«Olá, ытык чігláф аід ныгны~ых! | Моӈханыӌ-lá, кыс-хавӈ андlух муныӌ -ывӈ-jеӷалá, | Чігlыф аідó!» | — «Ытыкá, чі муныӌ-ывӈ-jеӷалó! | Пымыкагé | мен баӈк пачáк вандут?» | — «Olá, кінму hумjá!» | Вытык віӌ, мык -кенг-пукс lарроӈ, пык наӷрі тівpá, пык теӌ: «Чрот мык-кенг-пукс пот мывӌ!» Сывӈк-кінын тывут. «Чіхт чіныгыт куныӌ-евӈ-jаӷыló!» Вікé, тадоl-негу-сывӈк-умгу, hыӌ нівх-іт-умгу! «Кеныхтá! Урмуму-нівх пырт нынгыт hатаӌ фурhарá!» Мек-нáвх хоӌ; хорóт ознáн: нанылыт тыф, jегеӈ lаӈх керá, towla lаӈх керá! Хорóт ознáн: нана-умгу торпа кефчуӈ wын чімӈ!... Хоӈ-хóрынӌ. — «Оконó, егеjӈá, тамáӈ hумыjá!» — «Ныӌа, полыӈ-міф тывнáн ні шактох егеjӈá? Чевд hумнахана!.... Еӈнахана! Тамáт чыві-lo! Умгаӈ-во івӌá, чрод пфодох еӈныхтá!» Мек-нáвх пык: «Ныенá, еӈнетé, тавруpá!» Мегé умгу: «Чі-чывыд вінахана!»—«Агідlá!»—«Нах пугujá, ні пурhá!... Меге вінахана! Меге вікé, мегé-му-мых-чаӡ-lаӈ нелвуӌ! Еӈнахана!» Вікé кырыӌ: «Ныенá, пujá, чры-чры-hутых манныӌpá!» Кырӌ, воӷla мыӷыӌ: «Ытыкá, чі пшыд-la!» Асхаӌ ыткрох: «Мывныхтá!» Ымыка: «Olá,

---

будешь?»—«Сынъ, отецъ по всему свѣту мучаясь бродить будетъ! Въ живыхъ-ли останусь или несчастный, не достигшій мѣста, погибну, быть можетъ, *все же* весь свѣтъ обойду!» — «Отецъ, ты погибнешь быть можетъ! Съ матерью вдвоемъ только своего младшаго брата взростивши *жить будемъ*!»— «Сынъ, счастливо живи!» Его отецъ пошелъ, на цѣпь восходящаго солнца забрался, кукушка на плечѣ его сидѣла, кукушкѣ пѣлъ: «Тебя неся, за цѣпь восходящаго солнца ухватившись, поднялся!» Къ чорту въ юрту вошли. (*Чортъ*): «Убивъ тебя, пожравъ тебя, не уничтожить-ли *тебя*, пожалуй?» Далеко пошли, на утесѣ далекаго моря чортъ-женщина *оказалась*, та у людей прославленная женщина! (*Кукушкъ*): «Возьму *её*! Волшебникомъ *по свѣту* кружась и бродя, я странствовалъ довольно!» Наши товарищи уснули; поспавши крѣпко, проснувшись: юрта *оказалась* новая, *женщина* въ синюю рубаху одѣта, въ желтую рубаху одѣта! Крѣпко поспавши, проснувшись: эта самая женщина, рукава засучивъ, котелъ повѣсила!... *Котелъ* закипѣлъ. (*Женщина*): «Муженекъ, *уже* не воротиться тебѣ, тутъ живи!»—«Конечно, на островѣ очутившись, я какъ возвращусь? Тебя держа жить буду! (*иронически*).... Домой вернусь! Здѣсь съ тобой жить не стану! Дома жена у меня, тебя забравъ въ свою деревню вернемся!» Нашему товарищу кукушка: «Ну, *домой* возвращаемся, замѣшкались!» Наша женщина: «Съ тобою вмѣстѣ пойду?» — «Ну, да!». — «Дайте мнѣ выйти, я на дворъ выйду!»... (*По возвращеніи*): «Мы ѣдемъ! *Послѣ того какъ* мы ушли, по посу нашей лодки забилъ валъ, заливаетъ! Въ путь!» Долго ѣхали, приставать стали. (*Женщинѣ*): «Ну, выходи, на самую середину мыса взберемся!» *Когда* пристали, его сыновья *на берегъ* спустились: «Отецъ, ты пріѣхалъ!»

чытык, чі ӄаӽ хунга́н, чытык муӆ, holá, ытк чрорӆ!» Поӻla моӄра́ паӄхтох мыӻыӽ: «Паӽх геӽ шамувӈа́!».... Хорыӆ, hопӻоке́ ваӄх ваӆ, сывӽк-умгу тоӆ, тот-аӄх кера́: «Ыj, ыj, ej! Тоӄхта́, ытkрі́ Ыгы, фіт-выӽк лулгу чіӆгрӆ, ӽola-ӄі́вух пхегуӆ, ӽоӽкора́!» Воӻla паӄрох мывӆ, ӽех ігіӆ, шоӽ-мыӻыӆ, уска-кыla-ӄо чіӆ: «Ымыка́, іӛја́, шыкја́, сеоја́!» Хорке́. Паӄрох мыкхарт, хыӽм шамыхт, пымык пытык јарт. Толрох ӽоӆ, laӆгӽ іхт, помі ігіч, пытык іӄіӆ. «Ымыка́, ытыка́, чывӈ ӄвад-выӆ, сыкы чывӈ јарӆ ыӄгуӆ, ыӽк-форhара́!» Ӄонха́т ӽорке́, ӽорӆ сід іӆ іхт, пымык арт. «Атыка́ ычіка́, ӄі ыӽк фурhара́ hумыщ!» Ыгуге́ ӽорке́ муӆ. .Сыкра́.

Младшій сынъ отцу: «Пойдемъ!» Мать: «Сынъ *мой*, твой отецъ, когда ты въ люлькѣ лежалъ, пропалъ, а теперь вотъ отецъ тебѣ радость доставляетъ!» Своихъ дѣтей поцѣловалъ, къ своей женѣ подошелъ: «Свою ‘младшую сестру’ забери, въ домъ веди!».... Разбогатѣлъ, послѣ этого свою женщину бить сталъ. Чортъ-женщина заплакала, серебряную ‘женщину’ держа: «Ой, ой, ой! Стану плакать, отца нѣтъ у меня, *я* одна *на свѣтѣ*, одинокую обижаютъ, богатый человѣкъ къ себѣ взялъ, мученье!» Дѣти въ тайгу пошли, лисицъ поймали, принесли, въ большой амбаръ съ сѣнями сложили: «Матушка, освѣжевай, въ юрту снеси, высуши!» Сильно разбогатѣли. Въ тайгу все ходили, въ изобиліи *добычу* приносили, свою мать, своего отца кормили. На море ходили, убивали, дельфиновъ убивали, ихъ мать, ихъ отецъ ѣли. (*Старшій сынъ*): «Матушка, батюшка, вы меня взростили, *и я* васъ всѣмъ содержалъ, кормилъ, теперь довольно!» Потомъ все богатѣли, богато жили, (*внуки*) всякую ѣду добывали, своихъ родителей кормили. (*Сынъ*): «Дѣдушка, бабушка, я довольно уже пожилъ!» Наконецъ богатыми людьми померли. Конецъ.

Примѣчанія къ № 15.

1 *(ко всему тексту)*. Текстъ записанъ на островкѣ Лангръ, близъ материковаго побережья, сѣвернѣе устья Амура; языкъ его—западный діалектъ (поддіалектъ побережья Амурскаго Лимана). — На этомъ діалектѣ говорятъ всѣ Гиляки материка и Гиляки западнаго берега Сахалина, отъ с. Пильво (на югѣ) до с. Помръ. Содержаніе поэмы въ нѣкоторыхъ деталяхъ носитъ слѣды общенія съ китайцами и маньчжурами, наприм. въ терминахъ ӄах и моіры (см. пр. 3 и 11), но во всемъ остальномъ сохраняетъ часто гиляцкій колоритъ.

2 *(стр. 3)*. Пірӆыӽ-оӽк-мадыӽ—‘сазана съ обратной чешуей’, т. е., съ чешуей, идущей въ направленіи, обратномъ обыкновенному. — Пірӆыӽ—сазанъ, карпъ, Cyprinus Carpio,—рыба, въ изобиліи ловящаяся въ Амурѣ.—Необычное расположеніе чешуи въ глазахъ Гиляка служило непреложнымъ доказательствомъ сверхъестественныхъ свойствъ сазана.

3 *(стр. 8)*. Хăх—'царь': такъ сами Гиляки переводятъ этотъ совершенно чуждый для нихъ, заимствованный терминъ, такъ-какъ въ ихъ собственномъ быту совершенно отсутствуютъ элементы власти. Всѣ термины, означающіе представителей власти, заимствованы отъ маньчжуровъ, китайцевъ и русскихъ.

4 *(стр. 11)*. 'Березовой ложкой рѣзной'. — Гиляки славятся рѣзьбой на своей утвари. Ложки — излюбленный объектъ для орнаментировки и самой сложной рѣзьбы; особенно любимы обильные подвѣски въ видѣ фигуръ или кружковъ, вырѣзанные вмѣстѣ съ ложкой изъ одного цѣльнаго куска. Въ фантазіи Гиляка царская дочь, даже выходя по дѣлу, не разстается со своей березовой рѣзной ложкой, которая составляетъ какъ бы аттрибутъ ея достоинства. Въ частности, въ данномъ случаѣ, судя по термину чарlуӈ—'рѣзной', ложка была украшена кудряшками 'іпау' (см. № 2 пр. 23), такъ-что ложка имѣла значеніе и амулета.

5 *(стр. 13)*. Ытк цаӈ-ваӈкч, букв.: 'отецъ—кровь только', т. е., весь обратился въ кровь, ни одного цѣлаго мѣста не осталось, весь въ крови.

6 *(стр. 14)*. 'У меня жены нѣтъ!' — въ смыслѣ: 'я безъ жены жить не могу!'.

7 *(стр. 16)*. 'Серебряную палицу неся, въ черную собачью шубу одѣтый'.— На этотъ разъ сынъ постарался, чтобы старика приняли съ почетомъ, и потому снабдилъ его серебряной палицей и черной шубой изъ шкурокъ молодыхъ собакъ (najx), считающейся самымъ почетнымъ одѣяніемъ у Гилякъ.—Палица употребляется въ обыденной жизни только на дуэляхъ изъ-за личныхъ оскорбленій или при столкновеніяхъ изъ-за женщинъ.

8 *(къ стр. 16)*. Пѣвецъ пропустилъ въ своемъ разсказѣ, что приглашеніе исходило отъ сына царя деревни, что̀ имъ было дополнено въ бесѣдѣ по поводу содержанія поэмы.

9 *(стр. 17)*. Параругэ́ — въ простѣнкѣ между двумя окнами въ юртѣ маньчжурскаго образца.

10 *(стр. 18)*. 'Въ мою бѣдную юрту' — обычный пріемъ самоуничиженія передъ гостемъ по этикету Гилякъ.

11 *(стр. 19)*. Мыiры́—собственное имя царя, по объясненію разсказчика, но скорѣе это заимствованное у сосѣдей нарицательное имя: начальникъ, царь и т. п., такъ-какъ въ поэмахъ собственныя имена никогда не встрѣчаются. Пѣвецъ самъ, вѣроятно, слышалъ поэму не изъ первыхъ устъ и не могъ добиться точнаго значенія иностраннаго термина.

12 *(стр. 25, 26)*. 'Двухъ женъ куплю! Старшій сынъ взрослымъ человѣкомъ сталъ!', т. е., теперь онъ уже можетъ двухъ женъ содержать и отлучаться изъ дома, потому что у него уже имѣется взрослый сынъ-работникъ. — Фіт-нічыц̇ра́ — человѣкомъ сталъ, букв.: 'свое тѣло увидѣлъ' (пі + ыт + нічыц̇ра́).

13 *(стр. 26—29)*. Эти строки поются на манеръ пѣсни. Раздѣленія горизонтальными чертами означаютъ отдѣльные стихи.

14 *(стр. 30)*. Мык-кеӈ-пукс—'цѣпь восходящаго солнца',—интересная деталь солярнаго мноа. Пукс — 'цѣпь' употребляется еще въ значеніи 'ремень', на которомъ привязывается ножъ къ поясу, и въ значеніи 'сбруя' (сабачья), что могло-бы подать поводъ къ представленію о солнцѣ, какъ о животномъ въ упряжи (индо-

европейскій конь), но въ данномъ случаѣ необходимо придерживаться толкованія самихъ Гилякъ, въ смыслѣ цѣпи, по которой спускается и поднимается движущееся по небу солнце. Такой же образъ, только о цѣпи луны, находимъ у грековъ (см. ст. «Die Mondgöttin» въ «Aüsführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie» Рошера, вып. 36, стр. 3165).

15 *(стр. 30)*. 'Кукушка на плечѣ его сидѣла'.—Отправляясь искать себѣ вторую жену, нашъ Гилякъ взялъ въ помощь себѣ кукушку, которая, какъ въ индоевропейской миѳологіи, искусна въ обдѣлываніи любовныхъ и матримоніальныхъ дѣлъ. (Сравни акад. А. Н. Веселовскаго, «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха», стр. 67—72, баллада: «Кукушка и Горлица» (варіанты на языкахъ славянскихъ и романскихъ, турецкомъ и турецко-персидскомъ). Ср. также № 12, пр. 9.

16 *(стр. 31)*. Куныц̣-евр̆-jаӈы-lо!, букв.: 'убью тебя пожалуй',—плеоназмъ послѣ предшествующаго 'убивъ тебя, *безъ остатка* пожравъ', поэтому въ текстѣ переведено синонимомъ: 'уничтожить'.

17 *(стр. 35)*. 'Муженекъ и пр.'—Подъ волшебнымъ вліяніемъ кукушки женщина воспылала страстью къ нашему Гиляку и называетъ его ласковымъ именемъ: оконо́ — 'мужъ, возлюбленный', и предлагаетъ ему остаться. Тотъ сначала иронически соглашается, но потомъ категорически требуетъ, чтобъ она слѣдовала за нимъ.

18 *(стр. 37)*. Умгар̆-во ivц̣ра́—'дома жена у меня', букв.: 'женина деревня имѣется', характерное переживаніе въ языкѣ материнскаго періода, когда мужья переходили на жительство въ селенія женъ. Можетъ-быть, въ этомъ выраженіи отразилось и вліяніе Айновъ, которые часто оставляютъ своихъ женъ въ домѣ родителей, приходя къ нимъ поочередно на временное жительство.

19 *(стр. 43)*. 'Свою младшую сестру'.—Жены одного человѣка зовутъ другъ друга сестрами, пережитокъ строя, когда жены брались только изъ одного опредѣленнаго рода.

20 *(стр. 44)*. 'Серебряную женщину держа': вѣроятно, серебряную фигуру женщины, талисманъ.

21 *(стр. 44)*. Фiт̀-выр̆к — 'одна *на свѣтѣ*', букв.: 'свое тѣло только' отъ: пi + ыт + выр̆к.

22 *(стр. 48)*. 'Теперь довольно!', повидимому, въ смыслѣ, 'пора отдохнуть'.

ОТДѢЛЪ II.

СКАЗАНІЯ.

А.

НА ВОСТОЧНО-САХАЛИНСКОМЪ ДІАЛЕКТѢ.

(ТЫЛГУНД).

16.

Намгуў маў.

Кінгах намгуў маў воӈӈ-чоӆхў-waj ӧіт ӈушывуӧкӗ. Кенг мӗхў, ӏонг мӗхў; тулӧ ахў тіврá, толӧ ахў кхаврá; нгһа ахў панді-ӏý; панд кхавў мурá, тулӧ ахў кыӆгыӆ мурá. Ӈаў наӧ-нан јасх хемі турá, јакі јамі карá. Ӈарóў јакі нугі туў; паск ншынгӭ напы уігы́нд. Чај хемі тунд, фаск ӏахў, јаск паз-тамкхыс самрá ілмрá; накірох шоў каў, јаск пакі хімў. Јакі хгеў інінд: «Ӈорахрá!... Ӈалá, чі шаных індынд-нгӭ?» Јаск ітў: «Екыс тоӏа кхој пандындрá, ӏелé тӏырох мавндрá, ӈунд осух гендрá!» — «Ӈалá, угры́н ӈустох вінатé!» јакі ітнд. — «Каукрá, пат-нан вінатé! Наӆӈафкé кенг поіхáј пај -вајé! Менг кхавіндрá!» Ах пхыт кат. Ӈымбáт анзі тут. Ерх тунгӭ: «Ӈы-

---

Двѣ синицы.

Первоначально двѣ синицы подъ кровомъ кочки жили, долго жили. Два солнца, двѣ луны (*были*); зимою (тоже) холодно было, лѣтомъ (тоже) жарко было; звѣря (тоже) не родилось; родившееся отъ жары умирало, зимою (тоже) отъ мороза умирало. Вотъ теперь младшій братъ вверхъ (*по рѣкѣ*) поднялся, старшій братъ внизъ (*по рѣкѣ*) спустился. Потомъ старшій братъ первый пришелъ; своего младшаго брата *когда* посмотрѣлъ, *его* еще не было. Снова вверхъ (*по рѣкѣ*) отправился, своего младшаго брата встрѣтилъ; его младшій братъ, въ одной рукѣ *что-то* зажавъ, въ ротъ клалъ; къ своему старшему брату неся подошедши, младшій братъ старшему далъ. Старшій братъ взявъ ѣсть сталъ: «Сладко!... О, ты гдѣ нашелъ?» Младшій братъ сказалъ: «Неподалеку толстая лиственница растетъ, до самаго неба поднимается, у ея подножія досталъ!» — «Давай, вмѣстѣ туда пойдемъ!» старшій братъ сказалъ. — «Нѣтъ, завтра ужъ пойдемъ! Вскорѣ когда солнце покажется, худо будетъ, намъ жарко будетъ!» Вотъ назадъ спустились. На другой день снова *вверхъ по рѣкѣ* отправились. Туда

ӈірá ӈі генд! Ћалá, јамўајá!» Јакі ах іӈіў. Ћуӈ-ќхój-ызыӷ-вандунд-ћунчíнд -іӈінд јакі іӈіфкé: «Ћалá, твијá, ызіӷкун маӷіныӈгрá, менгрох ухмуіныӈрá! Чі ӈеўіныӈгрá!» — «Рунд-ат ызіӷ івынд-лы? Меӷ кыс меӷах іӈікуіныў вандунд!»—«Каукрé! Ћаррá ызіӷкун маӷыӈрá! Тангыў індыјá!» Јакі тангў індыӷá: тлыерхнух ајзіӷ-чевўк ӈан ћарá тота-чевўк кікрух ізінтох маӷынд.—«Ћалá, шаунд-ӌы чіӈ хер-ӈá? Чіӈ іӈіндӷá, ӈіӈінд јускијá! Наӈкынд аллахзіхáј ухумунатс!» Намгуў асканд ітў: «Ӈујá, ћымрaлах ӈі ітындрá, ызіӷ івіныӈгрá! Чі ӈі-ítынд мыінд кернд!.... Ћалá, чіӈ тлы-ӈіӷывыӈкун, ћалá, чіӈ ваўк ухумуіхáј ухумундá!» Ах тота-чевўк нугірá, намгуў аканд јерхн пірá, ајзіӷ-чевўк јерхн пірá, намгуў асканд арірá. Ах мавт. Ћафкé тота-чевўк пугі кучўрá, намгуў акант кучўрá. Ајзіӷ-чевўк маврá, намгуў асканд маврá; кікў-пін-тлырох ћустох маврá ајзіӷ-чевўк ћус піў. Намгуў ерах мавыў: «Ћалá, чі ӈерах ухумуінынд тус-тхах пшынд-лы?» ћаў ітў. Іӈáігыўкыс ајзіӷ-чевўк ѣаў... ћавысхі выўк! Індыӷá: піla чхыф аӈӷ-ӷћа муў вінд! Намгуў чхыф муў јарé вінд. Ћафкé толрох маӷыў орыў піў по-

---

подъѣхавъ: «Вотъ тутъ я бралъ! Ну, попробуй!» Старшій братъ вотъ ѣлъ. *Послѣ того какъ* пищу, взрощенную и положенную тамъ хозяиномъ той лиственницы, старшій братъ долго ѣлъ, *младшій сказалъ*: «Ну, кончай, хозяева придутъ, съ нами воевать будутъ! Ты отяжелѣешь!» — «Какой же хозяинъ имѣется тутъ? *Это* нашъ богъ, чтобы насъ накормить, взростилъ!» — «Нѣтъ! Вотъ уже хозяева спускаются! Вверхъ посмотри!» Старшій братъ *когда* вверхъ посмотрѣлъ: съ неба золотая птичка одна (тоже), серебряная птичка одна (тоже) сверху къ нимъ спускаются. — «Эй *вы*, кто вамъ позволилъ? *Послѣ того какъ* вы съѣли, за мою ѣду заплатите! Если же не въ состояніи, воевать будемъ!» Синица-младшій братъ сказалъ (*старшему*): «Видишь, вѣдь я тебѣ говорилъ, что хозяинъ имѣется, ты мною сказаннаго слышать не хотѣлъ!... (*Къ хозяевамъ*): «Эй, вы, небесные люди, эй, если только вы воевать хотите, давайте воевать!» Вотъ серебряная птичка впередъ *полетѣла*, синица-старшій братъ за нею, золотая птичка за ними, синица-младшій братъ позади. Вотъ поднялись. Спустя *нѣкоторое время*, серебряная птичка первая упала, *за ней* синица-старшій братъ упалъ. Золотая птичка поднялась, синица-младшій братъ поднялся, въ верхнее небо (туда) поднявшись, золотая птичка тамъ усѣлась. Синица къ ней поднялась: «Ты, со мною воевать желая, вотъ куда забралась?» такъ сказала. Своими крыльями золотую птичку ударила.... кожа только! *Когда* посмотрѣла: *она*, въ большого медвѣдя-самку обратившись, пошла! Синица, въ медвѣдя обратившись, за нимъ пошла. Потомъ *самка* къ водѣ спустилась, на берегу

ӡір. «Ћалá, чі віф сік-Ћы?» Ћаў чхыф ітнд. Ћарóў тамкхыс̀ ӡаў; Ћарóў індыңґ́: наф ЋаңгЎ аӈ-ңЋа муў вінд! Ћың памгуў пі ЋаңгЎ аў-ңЋа муў јарі вінд. Ћафкé анӡі ќхарыў Ћунывынд. Ерех віў: «Ћалá, чі-віф сік-Ћы?» Ћаў ітЎ. Тамкхыс̀ ӡаў, Ћарóў індыңґ́: наф Ћој аѝіх-с̀о! Намгуў анӡі пі аў-с̀о муў вінд. Ћафкé ҳомўтох теӈыў поӡіў Ћунывыў. Ерах віў, Ћы намгуў ітЎ: «Ћалá, чі ч̀ај віјá!» Ах віў рукЎ, Ћунд наф шанкЎ муў віў; Ћу намгуў наф ѝіӈвуң муў јарі теӈыў, тафтох југуў. «Ћалá, чі-вііныф сік-Ћы?» Ћаў Ћың намгуў ітынд. Ћың шанкЎ ітынд: «Ћыңкá, ѝі-éўкунтох пымкрох пшындрá, ѝі ч̀ај шас̀тох віішa?»—«Ћалá, ѝі чі-пшы́фтох пшындңґ́, чі ч̀ај вііны́нд уігіхáј, ѝі ах чхеіныңгрá!» Ћаў ітынд. Ћафкé ен-вух јеў пшыў: «Ћалá, чі намгуў-ѝіӈывың ѝі-éхаlаң кејахáј, lоң ѝаҳЎ куја! (Ћаў ітнд). Чwо кең мéхЎ, ѝі-éхаlаң ќхавўкыс̀ муіндрá! Чі кең ѝаҳЎ курá Ћахáј, ѝі пехlаң чіхмііндрá!» Ћаў Ћуң ычіх ітЎ. Ћу намгуў: «Ћыңкá, наңхáј ѝі кең ѝаҳЎ lоң ѝаҳЎ куіндрá!» Ћаў ітрóў ах кузіў віў. Віфкé. Кеўхң ѝаҳЎ індыңґ́, тол -Ћытá таф ѝаҳЎ Ћунывыў. «Ћалá, ѝі кең куіныт пшындрá!» Ћаў ітЎ. Кеўхңух пілá таlѝі ерах теӈынд, јырхырóх макыў. Ћуң таlѝі ах ќоў, Ћуң таф-

---

разлеглась. «Ну, твое хожденіе кончено-ли?» такъ медвѣдь сказалъ. Потомъ *самку* лапой ударилъ; потомъ, *когда* посмотрѣлъ: теперь *она*, въ тюленя-самку обратившись, пошла! Та синица сама въ тюленя-самца обратилась, за той пошла. Спустя *нѣкоторое время*, та снова остановилась. Къ ней подошедши: «Ну, твое хожденіе кончено-ли?» такъ сказалъ. Лапой ударилъ, потомъ, *когда* посмотрѣлъ: теперь *это* 'гой'-самецъ! Синица тоже, сама въ самца-рыбу обратившись, пошла. Потомъ самка на берегъ выбралась, разлеглась. Къ ней подошедши, та синица сказала: «Ну, ты еще походи!» Вотъ подошла, укусила, та теперь, въ женщину обратившись, пошла; та синица теперь, въ Гиляка обратившись, за ней пошла, въ юрту вошла. «Ну, твои хожденія кончены-ли?» такъ та синица сказала. Та женщина сказала: «Конечно, я къ своимъ отцамъ, къ своей матери пришла, куда мнѣ еще ходить?»—«Ну, *послѣ того какъ* я на мѣсто твоего прибытія прибыла, разъ только ты снова ходить не собираешься, я тебя *замужъ* возьму!» такъ сказалъ. Спустя *нѣкоторое время*, изъ другой деревни ея отецъ пришелъ: «Ну, если ты, синица-Гилякъ, мою дочь *замужъ* взять хочешь, луну одну убей! (такъ сказалъ). Въ твоей деревнѣ два солнца, моя дочь отъ жары умретъ! Если ты одно солнце убьешь, я свою дочь тебѣ отдамъ!» такъ тотъ старикъ сказалъ. Та синица: «Ладно, въ такомъ случаѣ я солнце одно, луну одну убью!» Такъ сказавъ, вотъ вышелъ, отправился. Долго ходилъ. *Когда онъ* море одно увидѣлъ, *тамъ* среди самой воды юрта одна стояла. «Эй, я солнце убить пришелъ!» такъ сказалъ. Изъ моря большая треска къ нему вышла, *онъ* на верхъ ея забрался. Та треска вотъ пошла, въ ту

тох југыр̆. Ӈуӈ таф ычїх ӈеныӈ ӈунывыр̆ ӄхонд. Јосуірб-тёрыр̆, твувр̆ ӈакр̆ кеӈ, је-пр̆ámі ӡафкё ӈыӈ ычїх озїр̆: «Чі јаӈр̆ ӈосунд-нґ̣?» Ӈы ӈіӈ̆вуӈ ітр̆: «Ӈалá, ӈі кенг ӈахр̆ куна́ ӈі ІонГ ӈахр̆ куна́ Ӈаіньіт пр̆індрá! Ӈі-хотóн Іонг ахр̆ мёхр̆, кенг ахр̆ мёхр̆; нґӈа ахр̆ панд Ӈар̆ ӄхавр̆ мура́, тулф ахр̆ чхар̆ -lo нґӈа-lo панд Ӈар̆ кыӈ мура́; Ӈалáх кенг ӈахр̆ Іон ӈахр̆ куна́ Ӈаіньіт черах пшыіндрá!» Ӈар̆ Ӈы ӈіӈ̆ывыӈ ітнд. Ӈанґ̣ Ӈыӈ ычїх: «Ехыс̀ ӄхој мёх пандынд, Ӈуӈ ӄхој ӈех волур̆ шајá, Ӈарóр̆ тугу́р ічијá!» Ӈар̆ Ӈуӈ ычїх керыр̆. Ах Ӈы ӈіӈ̆ывыӈ кузїр̆ теӈ̆ыр̆, Ӈуӈ ӄхој волур̆, шар̆ шахарыр̆, Ӈарóр̆ тугу́р чір̆. Куӈ ычїх ерах теӈ̆ыр̆: «Ӈалá ч̓ах ӈајá, ех wаӈ маркјá!» Ах маркр̆ шор̆ -вір̆ тугу́ртох ӄхавур̆. Ӈу wаӈ ӄхор̆-хор̆. Ӈы ӈіӈ̆ывыӈ ваӈ-lефух Ӈупр̆ Ӈунывынд. Ӈуӈ ычїх wat-ӄхаркыс̀ Іупр̆, wаӈрох хоч̓р̆ сір̆. Ӄхор̆-ӄор̆ Ӈафкё сік ч̓ах кечїхарыр̆, наӈіӈ̆ыф-чіӈ рунд-зіӈ lelé хаврнд. Ӈанґ̣ хгыр-кырыр̆ гер̆, ӄхонунд чармпхыс̀ ӈаврóр̆ ыхыс̀ пазїр̆; чр̆ак пасінґ̣ наф wat-ӈіӈ̆ывыӈ: «Ӈалá, наф-нан вір̆ кенг-lo Іонг-lo куjá! (Ӈар̆ Ӈыӈ ычїх ітр̆).... Ӈалá, мурӈ пуі-мурӈ пшыjá!» Ӈанґ̣ шакрух-lу́ мурӈ пшынд. Ӈыӈ ычїх ку ч̓ех пунд ӈахр̆ іхімрá: «Ӈалá, маӄыр̆ Ӈупjá!» Ӈар̆ Ӈыӈ ычїх ітынд. Ах Ӈы ӈіӈ̆ывыӈ

юрту спустилась. Въ той юртѣ старикъ одинъ находился, спалъ. Будилъ-будилъ, разбудить не могъ, молотъ одинъ взялъ, *и послѣ того какъ* его по виску долго билъ, старикъ проснулся: «Ты зачѣмъ меня разбудилъ?» Тотъ Гилякъ сказалъ: «Ну, *чтобы* солнце одно убить, луну одну убить, *я* пришелъ! Въ моемъ городѣ и луны двѣ, и солнца два; поэтому звѣрь родившись отъ жары вотъ умираетъ, зимою тоже и дерево, и звѣрь родившись отъ холоду умираютъ; поэтому, чтобы солнце одно, луну одну убить, къ тебѣ пришелъ!» такъ тотъ Гилякъ сказалъ. Тогда тотъ старикъ: «Вонъ тамъ двѣ лиственницы растутъ, изъ тѣхъ лиственницъ одну сваливъ, поруби, потомъ огонь разложи!» такъ тотъ старикъ сказалъ. Вотъ тотъ Гилякъ вышелъ, *въ гору* пошелъ, ту лиственницу свалилъ, рубить *сталъ*, всю цѣликомъ порубилъ, потомъ огонь разложилъ. Тотъ старикъ къ нему пришелъ: «Ну, по воду сходи, вонъ въ тотъ котелъ налей!» Вотъ налилъ, принесъ, надъ огнемъ грѣть сталъ. Тотъ котелъ закипѣлъ. Тотъ Гилякъ возлѣ котла сидѣлъ. Тотъ старикъ желѣзной лопатой его подобралъ, къ котлу поднесъ, *туда* положилъ. Кипѣло, потомъ вся вода выкипѣла, ни костей, ни чего другого совсѣмъ не осталось. Потомъ соскребъ, собралъ, въ бѣлый шелкъ завернувъ, это бросать *сталъ*; *послѣ того какъ* трижды бросилъ, тогда желѣзный человѣкъ *явился*: «Ну, теперь ступай, солнце и луну убей! (такъ тотъ старикъ сказалъ)..... Эй, лошадь, летающая лошадь явись!» Послѣ этого откуда-то лошадь явилась. Тотъ старикъ три стрѣлы, лукъ одинъ ему далъ: «Ну, взобравшись, *на коня* садись!» такъ тотъ старикъ сказалъ. Вотъ тотъ

мавыр̆ ӈупр̆, ӈыӈ ыч̀іх мурӈ ч̀ар̆, ӈамба́ ӈы мурӈ пуінд кныӈкр̆ вінд. Віфке́ кенг ӈа̀х̌р̆ мавыр̆, ах мыз̀-ні́ӷывыӈ х̌ар̆ ах іхыр̆, ах пхыр̆ пр̆ыр̆: «Ӈала́, ні ах кенг хуӈгра́, ӈала́, ч̀ай ӏонг хуіндра́!» ӈар̆ ӈы ні́ӷывыӈ ітынд. Ӈыӈ ыч̀іх: «Ӈала́, ч̀ай к̆хој шаја́!» Ах ӈы ні́ӷывыӈ теӷыр̆, к̆хој сік шахарыр̆, анзі туґур ічір̆, ч̀ах wаӈ мар̆кр̆. Ах je-wа́ӈ к̆хор̆-х̆о́рыр̆, ч̀ай ӈы ні́ӷывыӈ хоч̌р̆ wаӈ сір̆. К̆хор̆-х̆о́рыр̆ ӈаро́р̆ ч̀ай хгыр̆-кырыр̆, хгер̆ чармпхыс̀ ӈавро́р̆ ч̌ра́к паз̀ір̆, ӈаӷа̊ анзі wat-ні́ӷывыӈ! Ах енаӈ мурӈкыс̀ анзі вір̆. Ӏонг ах мавыр̆ ах х̆ар̆ іхыр̆ пхыр̆ пшыр̆. Ыч̀іх ітр̆: «Ӈала́, ні-му́рӈ чмыр̆ ájá!» ӈар̆ ӈыӈ ыч̀іх ітр̆. Ӈы ні́ӷывыӈ ітр̆: «Ӈыӈка́!» Ӈыӈ ыч̀іх тывӯс̀-чфар̆ ӈы ні́ӷывыӈ хімр̆. Ӈы ні́ӷывыӈ ах вір̆ теӷыр̆, ӈафке́ таххеј інтыр̆. Ӈуз̀мірох ні́ӷывыӈ -шанкр̆-awy-ӏатынд: «Ӈала́, ыма́, ні куз̀ін тыкіндра́!» — «Аӷо́, каукра́!» — «Ӈаха́ј напы̀ ні куз̀ін тыкіндра́!» ӈар̆ ӈым ранкр̆ ітр̆. Лір̆ӈ ітр̆: «Ӈала́, чі куз̀іха́ј куз̀ја́!» Ах ӈым ранкр̆ куз̀ір̆, ӈы ні́ӷывыӈ інтыр̆.—«Ӈала́, ні чхеіныт шшындра́!» — «Паj-ваје́!» ӈар̆ ӈым ранк ітынд. — «Јаӈӏах паj-ваjенд-ӈа̊?» Ӈаӷа̊ ӈым ранкр̆: «Тунд ні́р̆ыӈ мур̆кіх̀унта́! Ӈала́, тунд чвар̆кыс̀ јупја́!» Ах ӈы ні́ӷывуӈ чвар̆кыс̀ ӈу мур̆кі јупр̆. Ӈаро́р̆ lelé наф вук-вуку́нд. Ӈыӈ

Гилякъ взобравшись сѣлъ, тотъ старикъ лошадь ударилъ, послѣ этого та лошадь полетѣла, исчезла изъ виду. *Послѣ того какъ* долго ходили, солнце одно поднялось, вотъ нашъ Гилякъ выстрѣлилъ, вотъ убилъ его, вотъ назадъ пришелъ: «Ну, я вотъ солнце убилъ, давай, еще луну убью!» такъ тотъ Гилякъ сказалъ. Тотъ старикъ: «Ну, еще лиственницу поруби!» Вотъ тотъ Гилякъ *въ гору* пошелъ, лиственницу всю цѣликомъ порубилъ, снова огонь разложилъ, воду въ котелъ налилъ. Вотъ его котелъ закипѣлъ, снова *старикъ* того Гиляка поднесъ, въ котелъ положилъ. Выкипѣло, потомъ снова соскребъ, собралъ, въ шелкъ завернувъ, трижды бросилъ, потомъ снова желѣзный человѣкъ *явился*! Вотъ на другой лошади снова поѣхалъ. Луна вотъ взошла, вотъ выстрѣлилъ, убилъ ее, назадъ пришелъ. Старикъ сказалъ: «Ну, за мою лошадь заплати!» такъ тотъ старикъ сказалъ. Тотъ Гилякъ сказалъ: «Ладно!» Тотъ старикъ желтую (мѣдную) цѣпь тому Гиляку далъ. Тотъ Гилякъ вотъ пошелъ, *въ гору* поднялся, спустя *нѣкоторое время изъ-подъ земли торчащую сучковатую* съ отростками палку увидѣлъ. Изъ-подъ земли гиляцкой женщины голосъ послышался: «Ой, мама, я выйду, посмотрю!»—«Нельзя, нѣтъ!»—«Все таки я выйду, посмотрю!» такъ та женщина сказала. Ея мать сказала: «Ну, если *хочешь* выйти, выходи!» Вотъ та женщина *изъ-подъ земли* вышла, того Гиляка увидѣла. *Гилякъ*: «Ну, я взять тебя пришелъ!»—«Нельзя!» такъ та женщина сказала.—«Почему нельзя?» Послѣ этого та женщина: «Вотъ это (*сучковатая палка*) — моей матери рога! Вотъ этой цѣпью ихъ свяжи!» Вотъ тотъ Гилякъ цѣпью тѣ рога связалъ. Послѣ этого совсѣмъ теперь темно стало. Та женщина сказала:

ранкр̆ ітр̆: «Ћалá, мен тымрáр̆ ңыунд ӣактох віінд-нгá? Кен ахр̆ уігé lон ахр̆ уігé! Чі кен ѝахр̆ lон ѝахр̆ морк̆авујá, ћахáј чігрын вііндрá!» ћар̆ ћым ранк кернд.—«Ѝні ӣактох морк̆авіӣá?—«Ехс̀ к̆хој івндрá, шы-зін івндрá, ћус̀тох вијá, ћың шы шілгијá, ћахáј кен-с̀хңај м̀ех̆р̆ івіндрá, lон-с̀хңај м̀ех̆р̆ івіндрá, ћахáј lон ѝах̆р̆ вахýр̆ тlыерхнтох паз̀јá, кен ѝах̆р̆ вахýр паз̀јá; кен ѝах̆р̆ керá, lон ѝахр̆ керá, міф кызір̆ сір̆ выкызјá, ћахáј ні чігрын вііндрá!» ћар̆ ћым ранк керыр̆. Ћы ні̆ңывың ах вір̆, шылгыр̆, lон ѝах̆р̆ кен ѝах̆р̆ вахýр̆ хімінтох паз̀ір̆, lон ѝах̆р̆ гер̆ шор̆-кýзір̆ міф кызір̆ сір̆ выкызінд, ћарóр̆ ћым ранк хгер̆ шор̆-вір̆, куң ычіхтох мурың чмыр̆ аір̆ іхмы́нд, ћарóр̆ пфорох вір̆.—«Ћалá, ні кен ѝах̆р̆ lон ѝах̆р̆ кундрá!» ћар̆ ћың ычіх керыр̆ ітнд. — «Ћыңкá, н̀ехlан наф-ат хгер̆ шор̆-вијá!» ћар̆ ћы ні̆ңывың ћың ычіх кернд. Ах ћым ранк хгер̆ пфорох шор̆-вінд. Јакí ћунывра́, тота-зевр̆к герá пан̆ңej херá, ћар̆ ћунывынд. Нав-ат кен ахр̆ ѝах̆р̆ lон ахр̆ ѝах̆р̆, нав-ат чхар̆ ахр̆ пандрá, нћа ахр̆ пандрá, ћаңкыт ћунывынд, ћуң к̆хорыр̆кыс̀ сік мухарт! Наңгвухé рунд-рунд пандр̆ морк̆ханд. Фуру́.

«Мы при такой темнотѣ куда пойдемъ? И солнца нѣтъ, и луны нѣтъ! Ты солнце одно, луну одну воскреси, тогда съ тобой пойду!» такъ та женщина сказала.—«Какъ-же мнѣ воскресить *ихъ*?»—«Вонъ тамъ лиственница есть, *тамъ* дверь какая-то имѣется, туда ступай, ту дверь открой, потомъ солнца два изображенія будутъ, луны два изображенія будутъ, тогда, луну одну сорвавъ, къ небу брось, солнце одно сорвавъ, брось; *затѣмъ*, солнце одно взявъ, луну одну взявъ, землю раскопавъ, *туда* положи, потеряй, тогда я съ тобой пойду!» Такъ та женщина сказала. Тотъ Гилякъ вотъ пошелъ, дверь открылъ, луну одну, солнце одно сорвалъ, вверхъ бросилъ, луну одну, солнце одно взялъ, вынесъ, землю раскопавъ, положилъ, потерялъ, потомъ ту женщину взялъ, увезъ, тому старику, за лошадь платя, отдалъ, потомъ въ свою деревню отправился. — «Ну, я солнце одно, луну одну убилъ!» такъ тому старику сообщая сказалъ. — «Отлично, мою дочь теперь возьми, увези!» такъ тому Гиляку тотъ старикъ сказалъ. Вотъ ту женщину забралъ, въ свою деревню увезъ. Его старшій братъ *тамъ* жилъ, серебряную птичку взялъ, своей женой сдѣлалъ, такъ жилъ. Теперь уже и солнце одно, и луна одна, теперь уже и деревья стали расти, и звѣрь сталъ расти, вотъ такъ жили, тѣ въ богатствѣ всѣ померли. Съ тѣхъ поръ все рождавшееся жило. Конецъ.

Примѣчанія къ № 16.

1 (*ко всему тексту*). Основа сюжета этого сказанія — существованіе въ старину нѣсколькихъ солнцъ и гибельное вліяніе этого порядка вещей для всего органическаго міра, окончившееся только убіеніемъ всѣхъ солнцъ, кромѣ одного,—

встрѣчается не у однихъ Гилякъ. Аналогичныя легенды найдены, напримѣръ, у Орочей (сказаніе о трехъ солнцахъ: «Объ Орочахъ Императорской гавани», изслѣдованіе В. П. Маргаритова, СПБ., 1888 г., стр. 28), у Чукчей—г. Богоразомъ, причемъ у послѣднихъ наоборотъ солнце воскрешается усиліями ворона, расклевавшаго его оболочку. Трудно поэтому рѣшить вопросъ, образовался-ли миоъ у каждой народности самостоятельно или принадлежитъ къ циклу миѳовъ миграціонныхъ. Во всякомъ случаѣ нельзя изъ миѳа объ убіеніи солнца сдѣлать заключеніе о первоначальномъ пребываніи той или иной народности въ жаркомъ климатѣ, потому-что поводомъ къ созданію миѳа могли послужить и такія явленія, какъ кометы, вулканическія изверженія и т. п. Но гиляцкій миоъ, помимо общей основы сюжета, представляетъ совершенно самостоятельный интересъ. Въ 1-хъ, какъ дѣйствующія лица, особенно герои-синицы, такъ и вся обстановка и детали носятъ чисто мѣстный характеръ и не имѣютъ ничего общаго въ этомъ отношеніи съ другими, намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстными варіантами. Далѣе, кромѣ двухъ солнцъ въ гиляцкомъ миѳѣ, въ отличіе отъ другихъ варіантовъ, фигурируютъ и двѣ луны, столь же убійственно дѣйствующія своимъ холодомъ, какъ и солнце своимъ жаромъ. И, наконецъ, поразительно сходство нѣкоторыхъ деталей гиляцкаго солярнаго миѳа съ таковыми въ индо-европейской миѳологіи (см. ниже). Благодаря этимъ особенностямъ, миоъ этотъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе для фольклора и сравнительной миѳологіи.

2 *(стр. 1)*. Намгуў—синица, Parus palustris, var. borealis.

3 *(стр. 2)*. Воӈӈ-чоӈхў-waj—'подъ кровомъ кочки' букв.: 'подъ головкой кочки'.—Воӈӈ—'кочка на тундрѣ'. Благодаря тундровой влагѣ и тѣни отъ кочки, синицы, устроившія свое гнѣздо въ нижней части кочки, легко укрывались въ теченіи дня отъ невыносимаго жара двухъ солнцъ.

4 *(стр. 2)*. Кенг мѣхў lонг мѣхў—'солнца два, луны двѣ'.—Судя по употребленнымъ въ данномъ случаѣ числительнымъ мѣхў, солнце и луна причисляются Гиляками къ классу неодушевленныхъ предметовъ (см. ст. автора, «Образцы матеріаловъ по изученію гиляцкаго языка и фольклора», пр. 14 въ «Изв. Ак. Н., т. XIII, № 4), но это представленіе относится только къ видимымъ свѣтиламъ, представляющимъ лишь обиталища живыхъ существъ, 'хозяевъ' солнца и луны (ср. I, 3, пр. 27).

5 *(къ стр. 2—4)*. Два солнца вызывали нестерпимую жару, отъ которой все живущее умирало, а двѣ луны—такой-же губительный холодъ.—Поразительно, что воззрѣніе на луну, какъ на источникъ холода, встрѣчается и въ индо-европейской миѳологіи. У индусовъ мѣсяцъ устами своего посланника-зайца говоритъ слону: «Я удержу свои лучи, и тѣло твое и твоихъ спутниковъ будетъ уничтожено жаромъ» (Benfey Pantschatantra, 229). Въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ такой стихъ: «Місячокъ ся бере заморожити горы, долины и верховины глубокъ поточейки и быстры річейки». (Потебня, «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, II, Колядки и Щедровки», стр. 181, 182).—Образованіе такого воззрѣнія могло произойти и вполнѣ самостоятельно, подъ вліяніемъ ассоціированія ночной прохлады съ луной и аналогіи между бѣлыма лучами луны и бѣлизной снѣга.

6 *(стр. 9)*. 'Нѣтъ, завтра уже пойдемъ',—т. е., на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, до появленія солнца.—Странствованіе братьевъ происходило на разсвѣтѣ, и близость наступленія утра пугала младшаго брата, почему онъ и предлагаетъ отложить путешествіе до разсвѣта слѣдующаго дня, дабы избѣгнуть палящихъ лучей поднявшагося солнца.

7 *(стр. 11)*. 'Старшій братъ вотъ ѣлъ'.—По объясненію разсказчика, братья лакомились пищей, находившейся на днѣ озерца-болотца, близъ котораго росла лиственница.

8 *(стр. 11)*. Ӄхоj-ыӗiнг—'хозяинъ лиственницы'.—Вся природа раздѣлена по областямъ (море, гора и т. д.) между богами-хозяевами, но и каждый отдѣльный значительный объектъ, какъ дерево, утесъ, можетъ имѣть своего отдѣльнаго хозяина. Терминъ 'хозяинъ' въ смыслѣ бога встрѣчается не только у первобытныхъ народовъ: терминъ «баалъ», напримѣръ, у семитскихъ народовъ (Баал-зевув—'хозяинъ мухъ' и т. д.).

9 *(стр. 15)*. 'Золотая птичка одна, серебряная птичка'—хозяева лиственницы.—Золотыя и серебряныя птицы—обычные спутники солярнаго мифа, какъ символы солнца и луны. Такими, повидимому, онѣ являются и въ данномъ случаѣ у Гилякъ. Тѣмъ страннѣе должно показаться то обстоятельство, что отецъ золотой птицы самъ требуетъ отъ синицы убійства одного солнца (стр. 37), но первобытному человѣку такъ свойственно переносить земную психологію на обитателей небесъ, что подобныя противорѣчія ему не кажутся особенно странными.

10 *(стр. 21)*. 'Серебряная птичка первая упала, *за ней* синица-старшій братъ упалъ': серебряная птичка такимъ образомъ осталась побѣжденной и вынуждена была принять условія побѣдителя—выйти за него замужъ (ниже, стр. 86).

11 *(стр. 22)*. 'Въ верхнее небо (туда) поднялось', т. е. въ одно изъ небесъ, находящихся за видимымъ небомъ.

12 *(стр. 24)*. 'Кожа только!', т. е., при ударѣ крыльями синица почувствовала только ощущеніе прикосновенія къ кожѣ, самой же золотой птички уже не оказалось: она обратилась въ медвѣдя.

13 *(стр. 24)*. 'Синица въ медвѣдя обратившись', т. е. въ медвѣдя-самца.

14 *(стр. 29)*. 'Гой'. См. № 2, пр. 3.

15 *(стр. 34, 35)*. 'Разъ только ты снова ходить не собираешься, я тебя замужъ возьму', т. е., если состязаніе въ бѣгѣ уже кончено, то синица считаетъ себя вправѣ требовать побѣжденную въ бѣгѣ золотую птичку замужъ,—любопытное отраженіе столь распространеннаго у первобытныхъ народовъ способа пріобрѣтенія жены путемъ изловленія ея въ спеціальномъ бѣговомъ состязаніи (обычай, существующій и у нашихъ калмыковъ).

16 *(стр. 36)*. 'Синица-Гилякъ' — характерное выраженіе, рисующее антропоморфное воззрѣніе на животный міръ. Ср. № 2, пр. 13.

17 *(стр. 44)*. Ӈі-хотӧн — 'въ моемъ городѣ'. — Хотӧн—маньчжурское слово, хорошо знакомое Гилякамъ, часто предпринимавшимъ до прибытія русскихъ торговыя поѣздки къ маньчжурамъ на Уссури. Въ формѣ «котанъ» слово это является кореннымъ и въ аинскомъ языкѣ и входитъ, какъ составное слово, въ многія названія деревень, напр., Сахъ-Котанъ, Моганъ-Котанъ и т. д.—Но Гиляки въ обыденной рѣчи вовсе не употребляютъ этого термина, такъ-что маньчжуризмъ этотъ съ нѣкоторымъ основаніемъ можетъ навести на мысль о заимствованіи самого сюжета если не отъ маньчжуровъ, то отъ ближайшихъ ихъ сосѣдей на Амурѣ, Гольдовъ и Ольчей.

18 *(стр. 52)*. Wat-ӄхаӄкыс̀ Іупӯ—'желѣзной лопатой подобралъ', букв.: 'зачерпнулъ', т. е., подъ сидящаго Гиляка подсунулъ лопату и, поднявъ его такимъ образомъ, спустилъ въ котелъ.

19 *(стр. 53)*. 'Соскребъ', т. е., со стѣнокъ и дна котла.

20 *(стр. 54)*. 'Въ бѣлый шелкъ завернувъ'.—Шелкъ играетъ магическую роль въ эпосѣ Гилякъ. Ср. № 1, стр. 54—56.

21 *(стр. 55, 56)*. 'Лошадь, летающая лошадь'.—Лошадь—совершенно чуждое гиляцкому быту животное, но хорошо знакомое имъ изъ быта маньчжурскаго, см. пр. 16.

22 *(стр. 67)*. Таххеj інтыр̆—'сучковатую палку увидѣлъ'.—Таххеj—принадлежность гиляцкой утвари: сучковатый шестъ съ короткими отростками вѣтвей, служащими для подвѣшиванія различныхъ предметовъ. На дворѣ близъ юрты такіе шесты укрѣпляются въ землѣ для подвѣшиванія мелкихъ вещей, въ юртѣ они укрѣпляются надъ очагомъ для подвѣшиванія котла по желанію на той или другой высотѣ. См. пр. 24.

23 *(стр. 69)*. Ранкр̆—'женщина', терминъ, въ этимологическомъ отношеніи явственно тождественный съ ранр̆—сестра, что̀ указываетъ на то, что нѣкогда у Гилякъ, какъ и многихъ другихъ первобытныхъ народовъ, оба понятія выражались однимъ терминомъ. Любопытно, что въ западномъ нарѣчіи терминъ умгу—'женщина' одного корня съ ымк—'мать'.

24 *(стр. 72, 73)*. 'Это (*сучковатая* палка)—моей матери рога! Вотъ этой цѣпью ихъ свяжи'!.... 'Послѣ этого совсѣмъ темно стало'.—Темнота явилась вслѣдствіе перевязыванія роговъ подземной женщины, слѣдовательно, послѣдняя была владычицей обоихъ свѣтилъ, и солнца, и луны. Въ миѳологіи оба образа часто смѣшиваются. Видъ луны на ущербѣ скорѣе всего могъ породить образъ 'рогатой'. Любопытно сравнить подобные же образы изъ индо-европейской миѳологіи, напр., изображенія на обѣтныхъ камняхъ Астарты въ видѣ луны между рогами коровы, уже не говоря объ обычномъ олицетвореніи солнца и луны въ видѣ быка и коровы.—Кстати замѣтимъ, что сучковатая палка (таххеj) ближе всего напоминаетъ вѣтвистые рога оленя.—Цѣпь, которой Гилякъ перевязалъ рога владычицы свѣтилъ, даетъ и новое важное объясненіе для цѣпи солнца и луны въ Гиляцкой и греческой Миѳологіи (№ 15, пр. 14): это арканъ, набрасываемый на рогатое свѣтило (корова, олень и т. п.) для поднманія и спусканія его, или же для того, чтобы взбираться на него. Умѣстно припомнить, что терминъ пукс—(№ 15)—означаетъ кромѣ цѣпи, еще ремень, сбруя, арканъ для изловленія домашнихъ оленей.

25 *(стр. 76)*. 'Вонъ тамъ лиственница имѣется'... Замѣчательна таинственная роль лиственницы во всѣ важнѣйшіе моменты разсказа, что̀ вполнѣ гармонируетъ съ культомъ этого дерева, которому Гиляки приписываютъ даже свое происхожденіе.

26 *(стр. 77—81)*. 'Солнца два изображенія, луны два изображенія'..... Изображенія эти были, очевидно, души свѣтилъ, изъ которыхъ одна, брошенная на небо, продолжала свое существованіе, а другая, закопанная въ землю, окончательно погибла.

27 *(стр. 86)*. 'Серебряную птичку взялъ, своей женой взялъ', т. е., какъ призъ побѣды въ бѣговомъ состязаніи. Ср. пр. 15.

17.

Malax-нахзіў-івн-шанххун.

Куґі ԛаў ніӈывыԛ јосд ӄонт. Ӿофкé чаlу јонд пāнмат. Тоӆ-наскірох віт, таныӈоў-таугуў еспынд. Ізн ѣанґі ітў: «Тывýс-аӷм-фанд ів-lо?» Нíныԛ: «Ԋыԛ!» — «Наз-ормах тулк јучівé!» Ах наз-ормах тулк јучíд ах вусíд ах зат -íхут; тур нíиых-нíиых кетá, ԛох нíнх-нíнх гетá. Ектох појанд вінд. Оўхаў кікујрó-терт наԛгут віт. Віфкé јемé тыкт: тенґі потат паӈl-паӈlá, му-нáхў -чíнґ уіґé, шанххун hаlыныў-тхы фіт чо махт. Теӈат пімын іԛlыт јечíd hунчíт, ах угрыхáрт теӈат. Шанххын ԛах hунывынд. Пілаґ шанх ітў: «Теӈын іиíнд-ныи антхкун арвé!» Ӿахрт маӷынд теӈат, чо hет ізн арт. Куґíхун ітынд: «Науг-ат тускунóи пат-нан віíндрá!» Ах hунгут. Паkыв чо hет іиíнтá ўаӄ јет іиíнтá. Теӈат пост ӄхот. Шаанґá ненын озў ӄаў ах јајахуў, ах чозíот, ах ітӈырох маkыў: «Ыԛ-ын-ыԛ!» Ах мунд: ја-málах нахзіў івнд.

Женщины съ vagina dentibus armata.

Айновъ шесть человѣкъ *тюленя* бить поѣхали. *Послѣ того какъ* долго ѣхали, туманъ спустился, заблудились. По хребту морскому плыли, крупнаго тюленя кольнули. Ихъ хозяинъ сказалъ: «Носитъ-ли кто-нибудь мѣдное кольцо?» Одинъ: «Да!» — «Конецъ ремня въ отверстіе продѣньте!» Вотъ конецъ ремня въ отверстіе продѣли, вотъ *тюленя* притянули, вотъ *по головѣ* били, убили его; мяса немного взяли, жиру немного взяли. На ту сторону *ихъ вѣтромъ* погнало. Назадъ гребли, выгрести не могли, такъ *и* поплыли. *Послѣ того какъ* долго плыли, *по направленію* къ берегу посмотрѣли: горбуша развѣшанная для сушки краснѣется, лодки ни одной *на берегу* нѣтъ, женщины на помостѣ сидятъ, рыбу чистятъ. Пристали, свою лодку потянули, вытащили, поставили, вотъ всѣ вмѣстѣ *къ юртѣ* пошли. Женщинъ шесть тамъ было. Старшая женщина сказала: «Ступайте, закуску приготовивъ, гостей накормите!» *Съ помоста* соскочивъ, спустились, *въ юрту* пошли, рыбы наварили, ихъ накормили. Айны сказали: «Сегодня здѣсь переночевавъ, завтра отправимся!» Вотъ заночевали. Вечеромъ рыбы наварили, ѣли, рису наварили, ѣли. *На нары* забрались, легли, уснули. Спустя *нѣкоторое время*, одинъ *изъ нихъ* всталъ, спустился, вотъ *къ женщинѣ* на постелькѣ легъ, вотъ пошептались, вотъ на нее забрался: «Ой, ой, ой!»

Хофкé нiнын озр̆ hус̀-пiндрох кар ах мавыр̆ jajахур̆, чозjот ах iтг̆ырох мавыр̆: «Ыӈ-ыӈ-ыӈ!» Ах мур̆. Iзн т̀анг̀ озiр̆ кузiр̆ хомр̆тох маг̆ыр̆, lуlуму-рыӈ пах гер̆ шор̆-тéг̆ар̆ шор̆-jугыр̆ тег̆ар̆. Позр̆óр̆ озр̆ такр̆-iвыв-кевахыс̀-пiнг-шаных ерах вiр̆ мавыр̆, jajахор̆ чозijор̆, hафкé кехззiр̆: итг̆ырох мавыр̆, ах пах учíр̆, рукр̆ нахзiр̆кун зоос̀хар̆, нiнх-зiнг уигiнкр̆. Hунт ах ерах ныр̆ пiвывтох тур̆ кхор̆. Jанг-угхчiӈ нeныӈ пах гер̆ нeнтох кар̆ ах jajахор̆, кехыззiр̆, пах учíр̆, нахызiр̆ сiк зоос̀хыр̆, ныр̆ пiвывтох тур̆ кхор̆. Hымпáт татн ознг̊á шанххун wajхот кхот. Ах куг̃iхун кузiд чiт. Jугнг̊á уигехарт, шанххун пы̆рк hунывг̆árт. Кузiт шанххун маг̆ыт чо махут. Hех̆ртох тын-чiу lатр̆. Маг̆ыт. Шыlыхр̆ кхос̀-такá jугыр̆: «Чiӈ jанд hунывындхун-нá? La-ызiнг-шанххунтá! Нiг̆ывыӈ-iвыв наныгын вiвé!» Ӈыункут шанххун тег̆ат, чо hет iнiнтá, тхур̆ пызтá кхот. Ыр̆к озд, wан̀ ыниххӈарнт чах ыниххӈарнт, пiмынтох маг̆ыт jугыт. Ах вiт тазыӈарох кот. Хоӈгр̆ тег̆анг̊á, шанххун ос̀д маг̆ыд, тол̀-ватф пiт пс̀акывт, пыӈы́ зат lаерхнтох тыуpiут. Вiфкé. Тав-нáх̆р̆ hунывыр̆. Тег̆ат пiмн iр̆lыт jec̀д тег̆ат jугыт. Ыч̀х нeныӈ мам нiнын

И умеръ: на ея vagina зубы имѣлись. Потомъ *еще* одинъ всталъ, къ тамъ находившейся *женщинѣ* спустился, вотъ поднялся, на ея постельку легъ, пошептались, вотъ на нее забрался: «Ой, ой, ой, ой!» И умеръ. Ихъ хозяинъ всталъ, вышелъ, на берегъ спустился, круглый камень взялъ, понесъ, *въ юрту* принесъ, *на нару* забрался. Полежавъ всталъ, къ женщинѣ, лежавшей на лѣвой нарѣ, на концѣ, *примыкающемъ къ средней нарѣ*, къ ней подошелъ, поднялся, на постельку ея легъ, пошептался, затѣмъ скрежетъ раздался: *онъ* на верхъ ея забрался, вотъ камень всадилъ, она укусила, зубы всѣ поломалъ, ничего не оставилъ. *Тогда* онъ вотъ съ ней совокуплялся, на свое мѣсто пошелъ, уснулъ. Его работникъ одинъ *тоже* камень взялъ, къ одной пошелъ, вотъ на постельку легъ, заскрежетало, камень всадилъ, зубы всѣ переломалъ, совокупился, на свое мѣсто пошелъ, уснулъ. На другой день рано, *когда они* проснулись, женщины въ положеніи совокупленія спали. Вотъ айны вышли, помочились. *Когда* вошли, *мужчинъ* совсѣмъ не стало, женщины однѣ только лежали. Вышли, женщины *на берегъ* спустились, рыбу чистили. Съ горы топота шумъ послышался. Спустились. *Кто-то* дверь открылъ, голову просунулъ: «Вы чего тутъ сидите? Это женщины хозяина вѣтра! Человѣческое жилище искать ступайте!» Стемнѣло, женщины пришли, рыбы наварили, ѣли, постельки постлали, уснули. Ночью *Айны* встали, котелъ уворовали, воды *хозяйской* уворовали, къ своей лодкѣ спустились, вошли. Вотъ поѣхали, подальше отъ берега держались. Юго-восточный вѣтеръ *когда* поднялся, женщины встали, къ *берегу моря* спустились, у самой воды стали, полы подняли, свои vulva *водой* брызгали, къ вѣтру подкачивались. *Айны* долго плыли. Юрта одна стояла. Пристали, свою лодку потянули, поставили, *къ юртѣ* пошли,

hунывынд. Hуң ычх мулӗ ҵаҳр-óзр ӈеньң тагрох момпр ірlыр; ҵаҳр-озір hунд рырур ӈендох вір шах момпр ірlыр; ҵаҳр-óзір ӈінтох вір іqlыр; ҵаҳр-óзр ӈіныңтох вір шах момпр ірыlыр тіңгр-шіңгр, тотхыс ҙар воlур. Тык-waj рымк-кымá wat-lуквыр гер joңхты-хуты-рулк еспр вочр тугур lакур шар. Кузір шытр лаф! tloір. Тын-тын-тын hекtох теӽар. Кугі кар шыlыгын нынгá тыңгр-шіңгыр.—«Мамá, чі шамрáңкр пычх учінд-нá? Ітыjá! Чі ітын хаврхáj чіхуіндрá!»—«Е-е-кеӽң-тро-кымр-іхыlын-waхкaj-мі-хуг-вар-мег -wакыс jуllíт пычх учíндра!» Кугіхун ах гет jуllíт jуlliфкé. Чоңгр тыкр нахррí мампр; ҵаj jуllíт, нахррí тыкр; перах-пéрах чывут tloід маӽыт пімн ӽосд. Тазіңáрох конгá, hехрухé hуң ычх tloір маӽіфур, хомртох маӽыр мрыр, куа-кýа, хозі-ракáр. Пазр-тáмык хечр ізн му-мра ҙар таф! ңгуl -ңгуljóр ізн шор-тéӽіфур. «Ку wa jацынд-нá?» Wахыс іхывр соңхр. Ҵаj пазр-тáмык ізн му-мра ҵар ңгуl-ңгуljóр ізн шор-тéӽejфур.—«Ку wa jаңынд-нá?» Wахыс іхывр соңхр. Віт віфкé. Тав-нáхр пырк hунывыр. Теӽат jугыт, мам нінің ычх неньң hунывт. Ычх озір кузір; нілырóр jугыр:

вошли. Старикъ одинъ, старуха одна тамъ находились. Тотъ старикъ долго улыбался, *потомъ* вскочилъ, одного *Айна* за переднюю часть головы схватилъ, *къ себѣ* потянулъ; *снова* вскочилъ, того пустилъ, къ другому подошелъ, за переднюю часть головы схватилъ, притянулъ; *снова* вскочилъ, къ другому подошелъ, притянулъ; *снова* вскочилъ, къ другому подошелъ, за переднюю часть головы схватилъ, притянулъ, *тотъ* не поддался, рукой его ударилъ, повалилъ. Подъ нару руку засунувъ, желѣзный рожонъ досталъ, въ задній проходъ вонзилъ, поставилъ, въ очагъ воткнулъ, жарилъ. *Затѣмъ* вышелъ, дверь закрылъ, хлопъ! побѣжалъ. Топотъ раздался, въ гору поднимался. Айнъ пошелъ *и* когда попробовалъ открыть дверь, не поддастся. — «Старуха, ты какъ своего старика впустишь? Скажи! Если не скажешь, тебя убью!» — «Обоюдоострой саблей, лежащей въ выдвижномъ ящикѣ, *что* вонъ тамъ на высокой полкѣ, *дверь* продолбивъ, своего старика впущу!» Айны вотъ достали, долбили, долго долбили. Голова прошла, плечи застряли; снова долбили, плечи проходить стали; съ трудомъ пролѣзли, бѣгомъ *къ берегу* спустились, свою лодку стащили. *Когда* подальше отъ берега отъѣхали, оттуда (*съ горы*) тотъ старикъ бѣгомъ спускаться сталъ, къ берегу спустился, въ воду полѣзъ, *руками по водѣ* шлепаетъ, по шею *въ водѣ былъ*. Одной рукой ухвативъ, *онъ по* кормѣ ихъ лодки ударилъ, хлопъ!, улыбнулся, *къ берегу* ихъ тащить сталъ. *Хозяинъ*: «Та сабля гдѣ?» Саблей его рубилъ, отрубилъ (*руку*). Снова другой рукой по кормѣ ихъ лодки ударилъ, улыбнулся, ихъ *къ берегу* тащить сталъ. «Та сабля гдѣ?» Саблей его рубилъ, отрубилъ (*руку*). Поѣхали, долго ѣхали. Юрта одна одинокая стояла. Подъѣхали, вошли, старуха одна, старикъ одинъ

«Ћallо́, мінӑ̆ муӈыв тылӀгунна́, мінӑ̆ ыӑ̆к нӀаступна́! Чіӈ нӀхоӑ̆ allін ӄхоха́j, нӀі чіӈ хун іиіна́; нӀі ӄхоха́j, чіӈ-нан нӀіхувé!» Куґі кузіӑ̆ тыкыӑ̆, пімын іптыӑ̆: кыкуӑ̆ уіге́ меи уіге́ тыфч уіге́ мызрых уіге́! Jугыӑ̆ муӈыв ныкӑ̆ тылӀнгуӑ̆, ыӑ̆к ныкӑ̆ нӀастуӑ̆. Куґі ӄхojl-іхымыӑ̆, тут ӡат joсut. Ӄхojныи́н аӈнін хаврыӑ̆, куґі тылӀгуӑ̆ муӈыв ныкӑ̆ ыӑ̆к ныкнӀастуӑ̆. Ћуиг уиіӑ̆к-ычх ӄхоӑ̆. Jаи-ма́м: «Ычіхуj, осjо́-хоӑ̆, ӄхонд-нохӑ̆!» Ћафкé мам ӄхоӑ̆. — «Варнакхуна́j, ознд кузнд кікуӑ̆ ajна, мын ajна, мызрых ajна, тыфч ajна авé!» Кузід ajіт, Ћафкé jугыт ах твінд. Озіӑ̆ ӗетаӑ̆; кузіт маӈыт, пімн ӈоч̌д віт. Тол-рол кузіӑ̆, kwa-kwa ӄоӑ̆ ӄхоз-рака́. Пазӑ̆-та́мык хечӑ̆ ізн-му́-мӑра ӡанна́, таф! муln-мulнjоӑ̆ ізн тоӑ̆ kwa-kwá. — «Jаӈынд -ны́?» — «Чыт!»... Ixывыӑ̆.... Jаи-чо́ӈхӑ̆ теӈаӑ̆ ӽомӑ̆ піӑ̆ кēlахарыӑ̆: «Ыjка́~а, тота́~а!».... Куґіхун віфкé, чхныӑ̆-тав-нах Ћунывыӑ̆. Теӈат. Jугынґа́ мам нінын ыӑ̆к Ћунывыӑ̆. Ӄхaláӑ̆ ізн іптыӑ̆, ніх-ґах чаljонд: «Наӑ̆хыӑ̆-нііӈывыӈкуна́! Ніґӄухпшау-ґау-ґавут пшындхуна́, наӑ̆хыӑ̆ -нііӈывыӈкуна́!» Wat-laӑ̆хыӈ кеӑ̆ шоӑ̆-кӧӑ̆ пуӑ̆кӈ хыты́~ы ах еспӑ̆, теиґі

тамъ жили. Старикъ всталъ, вышелъ; пробывъ *нѣкоторое время* въ отсутствіи, пришелъ: «Ну-те, восемь дней вы ‘сказанія’ разсказывать будете, восемь ночей вы ‘сказки’ пѣть будете! Если вашъ ‘духъ бодрости’ слабѣе моего *окажется и* вы уснете, я, васъ убивъ, съѣмъ; если я усну, тогда вы меня убьете!» Айнъ вышелъ, посмотрѣлъ, свою лодку посмотрѣлъ: веселъ нѣтъ, руля нѣтъ, сидѣній нѣтъ, укрючинъ нѣтъ! *Въ юрту* пришелъ, четыре дня ‘сказанія’ разсказывалъ, четыре ночи ‘сказки’ пѣлъ. Айнъ засыпать сталъ, *товарищи* подошли, толкали, разбудили его. Ко сну *больше* не клонило, Айнъ *еще* четыре дня ‘сказанія’ разсказывалъ, четыре ночи ‘сказки’ пѣлъ. Тотъ чортъ-старикъ уснулъ. Его старуха: «Старикъ, встань, *чего* спишь?» Затѣмъ *и* старуха уснула. (Хозяинъ-Айнъ): «Эй работники, встаньте, выйдите, весла дѣлайте, руль дѣлайте, укрючины дѣлайте, сидѣнія дѣлайте!» *Тѣ* вышли, сдѣлали, потомъ *въ юрту* пришли, вотъ кончили. *Хозяинъ* всталъ, одѣлся; вышли, *къ берегу* спустились, свою лодку стащили, поѣхали. Голый (*чортъ*) вышелъ, *по водѣ* шлепая пошелъ, по шею. Одной рукой схватилъ, ихъ корму ударилъ, хлопъ!, улыбнулся, ихъ потащилъ, *по водѣ* зашлепалъ. (*Работники хозяину*):« Чего смотришь?»—«Что я!»... *Саблей* ударилъ... Его голова *на берегу* показалась, на пескѣ навзничъ *тѣломъ* лежалъ: «Ой, ой, рука!».... Айны долго ѣхали, травяная юрта одна стояла. Подъѣхали. *Когда* вошли, старуха одна только тамъ жила. Голову поднявъ, на нихъ посмотрѣла, слезы капали: «О несчастные люди! На половину своихъ растерявъ, *вы* приходите, о несчастные люди!» Желѣзную вилку достала, понесла, къ помѣщенію подъ нижней полкой нагнулась, кольнула, горбушу одну убила,

ӈан хуў шоў-туў туг цау-цáу-уцкў іўкыў коч̌ў; јероў јеч̌ў ӈіўк-ніўк -іцкў ізн арыў, сік ініхарт. Кымы~ы-ӈаінґ̣ ч̌ај ніўк хуў; ч̌ај інінд ӈафкé кўызт шаґ̣ґ̣ут. «Оllохунó, тамых ӈахувé!» Понтх рутут, ізн сікым ја-ррáј сіт, теґ̣ӈ еч̌т сіт. Хајі ӈымыс-чіг хаункуў! Куґіхун ітнд: «Тамґ̣ аґ̣ӈінд!» Мам теґ̣ыў пфаҳ̌ej allыхыў, ӈорlаг lоча-тамых нўах-нўáх-ејцкў ізн ахў. «Ӈорlаг тамыхтá!» Мам ітў: «Аӈ ч̌аҳ̌ чіц ајвуіндрá! Чіц-ыцкў аӈґ̣ej івта-ló? Exlуг івта-ló?»—«Ӈыцкá!»—«Паӈґ̣ej торјахн-нá?»—«Ӈыцкá!»—«Нацкухáј вівé! Чіц туных віфкé, ќарыў-мех̌ў-рос-кетывыц-ніґ̣ывыцкунтох віахáј, ојіі ліӈгвé! Ӈузух віфкé, ќхонґі-ызіг-ҳарыўух-пандыц-ніґ̣ывыц- кунтох віахáј, ојіі піцгнавé! Ӈузух віахáј повырыў-ќхајјаў-ніґ̣ывыц-awy -ќхо~оў чіц туіндрá; ојіі піцгнавé! Ӈузух віфкé пілац тав-ӈáҳ̌ў ӈунывінд, ӈуных теґ̣авé! Пнаґ̣ц-ніґ̣ывыц ніныц ӈунывіндрá, ӈу ніґ̣ывыц ітінд: 'Чіц паўк пҳоrоlрох пшынд-ӏы?' Нацкухáј ітвé: 'Чымк чхнаунд': „Наўхыў -ніґ̣ывыцкунá, ізн тоў-віјá!“» Маґ̣ыт пімн ґ̣осд ах віт. Віфкé ќхарыў-мех̌ў -рос-кетывыц-ніґ̣ывыцкунтох віт. Ојіі, ојіі! Піцгынд. Ӈуных віфкé, ќхонґі -ызнг-ќхаўґ̣ўх-пантыг-ніґ̣ывыцкунтох віт. Ојіі! Піцгыт. Віфкé повырыў

принесла, ее на равные куски порѣзала, на огонь поставила; сваривъ сняла, по куску имъ раздала, все съѣли. *Чашки* передали и когда *обратно* получили, еще кусокъ оказался; снова ѣли, потомъ насытившись *чашки* вернули. (*Старуха*): «Дѣти, табакомъ меня угостите!» Свои кисеты вытряхнувъ, они всѣ въ ея трубку наложили, уголь достали, положили. Затянулась, даже пепла не осталось! Айны сказали: «Табаку хочется!» Старуха забралась (*повыше на нару*), свой ящикъ открыла, крѣпкаго русскаго табаку по листу имъ роздала. «Крѣпкій табакъ!» Старуха сказала: «Три года содержать *васъ* буду! У васъ жены есть-ли? Дѣти есть-ли?»—«Да!»—«За своими женами скучать будете?»—«Да!»—«Въ такомъ случаѣ отправляйтесь! *Послѣ того какъ* вы отсюда пойдете, если къ людямъ, спинами подвое *другъ къ другу* прилипшимъ, придете, ой, ой, ой, бѣгите! Оттуда, *послѣ того какъ* пойдете, если къ людямъ, растущимъ изъ спины хозяина бузины, придете, ой, ой, ой, бѣгите! Оттуда, когда пойдете, гулъ голосовъ людей, пучащихъ *море* пузырями, до васъ дойдетъ; ой, ой, ой, бѣгите! Оттуда, *послѣ того какъ* пойдете, большая юрта одна будетъ, туда войдите! Юноша одинъ тамъ будетъ, тотъ человѣкъ скажетъ: 'Вы сами по собственной думѣ-ли пришли?' Тогда скажите: 'Твоя мать тебѣ слово посылаетъ': "Несчастные люди это, ихъ отвези!"» *Къ берегу* спустились, свою лодку стащили и отправились. *Послѣ того какъ* долго ѣхали, къ людямъ, спинами по-двое *другъ къ другу* прилипшимъ, подошли. Ой, ой, ой! Убѣжали. Оттуда долго ѣхали, къ людямъ, изъ спины хозяина бузины растущимъ, пришли. Ой, ой, ой! Убѣжали. Послѣ того какъ долго ѣхали, подъ пѣной голоса

-мiрох-ӄхаi~i-ӈiӈывыӈ-awy ӄхо~о́, повырыр-мiрох! Ojajiй! Піӈгынд. Віфкé пiлаӈ тав-ӈа́ӽр̆ ӈунывыр̆. Віт ӈуных теӈат. Пиаӈӈ-ӈiӈывыӈ ӈеныӈ маӈыр̆: «Чiӈ јаӈынд пшындхун? Паӽк ӽоролрох пшындхун?» — «Каукра́, чымк чхнаур̆: 'Наӽхыр̆-ӈiӈывыӈкуна́, iзн тор̆-вiја́ iзн воррох!'»—«Ӈыӈка́! Мых -пiр̆-кiкунд-меныӈ ӈi ваӽк ӈiнтывé! Мен̆-вонт таммы пмых ерыхраф паӽк iнтыр̆ пмiф iнтоха́j, напы таа iтја́! Малыхај: 'Е~ejхні мiзн отых!' Ӈахајна́н теӈанавé! Паӈӈej чiрӈ ѓык ӈаӽр̆ ѵоосхуна́ етару́-ӈiр̆ ӈаӽр̆ ѵоосхуна́!» Мiзн куѓiхун ах теӈат теӈафкé: «Е~ejхні мiзн отых!» Allахрет iнтыт теӈат паӈӈej-хiн-тахр̆ух чiрӈ ѓык ӈаӽр̆ зоосхут етару́-ӈiр̆ ӈаӽр̆ зоосхут. Вавыт теӈат пшафтох теӈат југыт ӈунывыт. Фуру́.

людей *море* пучащихъ гуломъ раздавался, подъ пѣной! Ой, ой, ой! Убѣжали. *Послѣ того какъ* долго ѣхали, большая юрта одна стояла. Пошли, тамъ пристали. Юноша одинъ *къ берегу* спустился: «Вы чего пришли? Сами по своей думѣ пришли?—«Нѣтъ, твоя мать тебѣ слово послала: 'Несчастные люди это, ихъ отвези, въ ихъ деревню!'»—«Ладно! На носу двое гребущихъ, только на меня смотрите! Рулевой, неподвижно на носъ (свой), туда только глядя, если свою землю увидишь, все таки *ничего* не говори! Когда приблизитесь, *скажите*: 'Вотъ нашъ калъ!' Такимъ только образомъ *къ берегу* подъѣзжайте! Своей жены новую чумашку одну поломаете, большую тарелку одну поломаете!» Наши Айны поѣхали, долго ѣхали. (*Рулевой*): «Вонъ онъ нашъ калъ!» Обернулись, посмотрѣли, *къ берегу* пристали. Вмѣстѣ со своими женами, посерединѣ *поставивъ*, по новой чашкѣ одной сломали, тарелку одну поломали. Вмѣстѣ поднялись, къ своей юртѣ поднялись, вошли, жили. Сказано.

Примѣчанія къ № 17.

1 *(стр. 1)*. Миѳъ о женщинахъ съ vagina dentata встрѣчается не у однихъ Гиляковъ: онъ найденъ г. Богоразомъ у Чукчей и г. Боазомъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, но утверждать съ увѣренностью миграціонность этого миѳа трудно, потому-что генезисъ его легко можетъ быть сведенъ къ довольно часто встрѣчающемуся физіологическому явленію у женщинъ: судорожному сокращенію влагалища во время coitus'a, отчего получается такъ называемый penis captivus.

2 *(стр. 2)*. 'Айновъ шесть человѣкъ'... Въ другихъ варіантахъ дѣйствующими лицами являются Ороки и Гиляки. Скорѣе всего, судя по нѣкоторымъ деталямъ, основа миѳа аинскаго происхожденія.

4 *(стр. 3)*. Таныӈор̆-таугур̆ — особый крупный видъ тюленя, шкура котораго идетъ на обувь (передки и подошвы). Особенно часто встрѣчается на восточномъ берегу о. Сахалина.

5 *(стр. 3)*. 'Ихъ хозяинъ'... Хозяиномъ лодки у Гилякъ и у Айновъ считается тотъ, кто является иниціаторомъ похода и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ опытнымъ охотникомъ, обыкновенно онъ же собственникъ лодки и всего снаряженія. Соучастниками бываютъ либо равноправные сородичи хозяина, либо батраки, либо (въ прежнее время) рабы, какъ это, повидимому, было въ настоящемъ случаѣ.

6 *(стр. 3)*. Тывýс̀-аӷм-Фанд ів-ło?—букв.: 'мѣдное кольцо носящій есть-ли', т. е., носитъ-ли кто кольцо, служащее обыкновенно для натягиванія лука. Въ данномъ случаѣ кольцо потребовалось для продѣванія черезъ него конца ремня отъ остроги, дабы онъ не выскользнулъ изъ рукъ вмѣстѣ съ раненымъ тюленемъ, который обыкновенно изо всѣхъ силъ стремится уходить отъ преслѣдователей и вырвать изъ ихъ рукъ ремень вмѣстѣ съ наконечникомъ остроги.

7 *(стр. 20)*. Wajхот к̆хот—'въ положеніи совокупленія спали', т. е., вмѣстѣ съ Айнами, умершими во время совокупленія.

8 *(стр. 20)*. 'Мужчинъ совсѣмъ не было', т. е., покойники куда-то исчезли.

9 *(стр. 22)*. К̆хос̀-така́ југыр̆—'голову просунулъ' букв.: 'въ уровень *съ* шеей вошелъ'.

10 *(стр. 26)*. Пыӈы́ з̀ат—букв.: 'свои vulvae ударяли *водой*': подставляли ихъ прибою волнъ.

11 *(стр. 26)*. 'Къ вѣтру подкачивались', т. е., съ хозяиномъ вѣтра совокуплялись. Морская вода и пѣна—сперма его.

12 *(стр. 28—30)*. Старикъ пробовалъ, кто изъ его гостей потяжелѣе, т. е. болѣе мясистый и жирный, и потому остановилъ свой выборъ на послѣднемъ, который, будучи схваченъ, не поддался, оставшись сидѣть на мѣстѣ.

13 *(стр. 39)*. 'Та сабля гдѣ', т. е., обоюдоострая сабля, взятая у старухи.

14 *(стр. 43)*. К̆хор̆ — 'духъ бодрости'. — Это особое сверхъестественное существо (изъ класса міф-ӈіӈывыӈ—'подземныхъ людей'), поддерживающее бодрость и преодолѣвающее сонъ. Оно по виду похоже на душу, иные рисуютъ его въ видѣ птички (у Айновъ душа—птичка). Каждый человѣкъ имѣетъ своего к̆хор̆. Оно любитъ вступать въ борьбу съ себѣ подобными и одерживать надъ ними побѣды. Особенно нуждаются въ помощи этого духа сказочники, которые иногда подрядъ ведутъ свой разсказъ цѣлые сутки. Бодрость сказочника поддерживаютъ особыя лица (туузиӷ-ӈіӈывыӈ) изъ среды слушателей, которыя время отъ времени обязаны подбадривать пѣвца восклицаніями: Ӈыӈ, Ӈыӈ! Горе, если они засыпаютъ на своемъ посту! Духъ поэзіи ихъ убиваетъ.

14 *(стр. 55)*. Старуха была хозяйка моря, божество, дающее человѣку рыбу. Дѣлаетъ она это такимъ образомъ. Въ юртѣ на полкѣ въ разныхъ чумашкахъ хранится икра всѣхъ сортовъ. Время отъ времени она бросаетъ въ море пригоршни этой икры и отъ размѣровъ бросаемой икры зависитъ обиліе рыбы въ данный сезонъ.

15 *(стр. 56)*. Ӈур̆кӈ—помѣщеніе подъ нижней полкой, играющее вообще волшебную роль въ быту Гилякъ (ср. № 7, пр. 5).

16 *(стр. 55—60)*. Хозяйка моря, владычица всѣхъ рыбъ, не изъ скупости нарѣзала только одну рыбину для проголодавшихся гостей, которые легко могли съѣсть нѣсколько десятковъ рыбъ: она хотѣла поразить ихъ чудомъ, насытивъ ихъ одной. Чудо особенно рельефно выразилось въ послѣднемъ моментѣ: когда

гости протянули свои чашки для второй порціи, старуха ничего туда не положила, а между тѣмъ въ нихъ волшебнымъ образомъ оказалось еще по куску.

17 *(стр. 60)*. 'Даже пепла не осталось',—фактъ, наивно рисующій всемогущество старухи, одной затяжкой опустошившей цѣлую трубку вмѣстѣ даже съ пепломъ!

18 *(стр. 66)*. Повырыр-ӄхаjjар-ӈiӈывыц-awy-ӄхо~ор — букв.: 'гулъ (ӄхоор) человѣческихъ голосовъ, заставляющихъ подниматься (ӄханд—'подниматься' + анд—'дѣлать) пузыри'.—Интересно тутъ представленіе о бѣлакахъ, представляющихъ собою пузыри слюны отъ разговора морскихъ людей.

18 *(стр. 77)*. 'Только на меня смотрите', т. е., не оглядывайтесь назадъ.

19 *(стр. 78)*. Злыя божества завистливы и не любятъ, когда люди радуются, завидѣвъ свою землю, и потому юноша совѣтуетъ Айнамъ обмануть завистниковъ и не оглядываться, дѣлая видъ, что они вовсе не рвутся къ родному берегу, и даже приблизившись къ нему, называть его не своей землей, а каломъ. И въ обыденной жизни Гиляки строго соблюдаютъ эту хитрую политику при приближеніи съ моря къ своей деревнѣ.

20 *(стр. 79)*. 'Новую чумашку одну поломаете',—повидимому, жертва божеству за благополучное возвращеніе. Ломаніе — непремѣнное условіе освобожденія души чашки для слѣдованія къ божеству.

18. (варіантъ № 17).

Орныркун ԛаӈ ӈiӈывыӈ joсit ӄофкé. Чaly joԛгыт пāhмат віфкé. Ӄхalӄхálыԛгыт тывнг̣á, міф ыры-нан індыт. Теӈафкé. Тенгі-вотанд паӈl-ваӈláр hунывыр. Мыз-ӈiӈывыԛкун теӈафкé. Міфтох теӈнг̣á тав-нáхр hунывыр. Hуӈ тафтох теӈнг̣á шанххун варк hунывт; iнінд-ныт iзн артá. Hатóт пакыв ӄхонг̣á ӈіныӈ озір ӄар, чозjотá ехнавтá hафкé: «Ы, ы, ы!» hампá таkы. Чaj ӈеныӈ вір хlajрá ехнаврá, hафкé hунт-ан мур. Hымпáт татн ознг̣á кутlерхн-

---

Женщины съ vagina dentibus armata.

Ороковъ шесть человѣкъ *тюленя* бить *въ море* отправились. *Такъ-какъ* туманъ спустился, *они* долго блуждая ходили. На разсвѣтѣ когда всматриваться стали, они землю чуть-чуть увидѣли. Долго *къ берегу* ѣхали. Горбуша-юкала *на берегу* краснѣлась. Наши люди долго *къ берегу* ѣхали. *Когда* на берегъ вышли, тамъ юрта одна стояла. *Когда* въ ту юрту вошли, женщины однѣ тамъ оказались; закуску приготовивъ, ихъ накормили. Потомъ вечеромъ, когда уснули, одинъ *Орокъ* поднялся, *къ женщинѣ* пробрался, пошептались, посмѣялись, затѣмъ: «Ой, ой, ой!», *и* послѣ этого *все* умолкло. Снова одинъ *къ женщинѣ* отправился, калякалъ, смѣялся, затѣмъ и этотъ

ух орныр̆ ӈіныӈ југыр̆: «Јаӈынд тусʼіндхун-ны́? Вівé!» Ӈуӈ орныр̆кун кузʼіт віфкé. Пілáн тав-ӈáхр̆ ӈунывыр̆. Ӈуӈ тафтох теӻат. Југӈа̊ пілаӈ уӈір̆к-ычх ӈіныӈ ја-мáм ӈарá ӈіӻывыӈ-ехлуӈ шанх-ехлуӈ ӵахр̆ аівут ӈунывхарт. Ӈуӈ ычх озʼір̆ пшыр̆, орныр̆ ӈеныӈ ӵар̆ іхур̆ ӻочр̆. Waӈмі сірóр̆ ӈуӈ ычх кузʼір̆ јемінтох тloір̆, теӻнпá такы́р̆. Ӈуӈ шанх-ехлуӈ ітр̆: «Е~кеӻн-ваҳej-куӈ-wa хген шы зоосʼхун кузʼінтá!» Орныр̆кун ӈу wa хгет, ӈу шы зоосʼхут кузʼіт, ӈуӈ шанх-ехлуӈкун кетá кузʼіт. Віфкé. Malxoláӈ wo-náхр̆тох вінӈа̊ ӈуӈ шанх-ехлуӈ ітр̆: «Ехунірá! Ӈі-ы́тк-раф ехунірá!» Теӻат југыт. Ӈуӈ ычх озʼір̆: «Ӈіхохрá, ӈехлуӈкун кет шор̆-пшынтá! Ӈехлуӈкун чіӈ хімін-дрá!» Мызʼ-ні́ӻывыӈ ітр̆: «Ӈыӈкá!» Ӈуӈ ычх ітр̆: «Пат ехын теӻвé!» Ӈымпáт озʼіт ізʼнах му-ӵáкр̆кызʼір̆ теӻнкур̆: «Пфорох теӻыхáј му ӈім tleyлаӈ tлаӈі сіна́, ӈім ыгрын tлаӈі сіна́, ӈім пахрын tлаӈі сіна́ ӈмухунах пшыӈгвé!» Мыз-ні́ӻывыӈкун пфорох теӻытá, tleyлаӈ tлаӈі ӈім сітá, ыгрын tлаӈі ӈаҳр̆ чітá, пахарын tлаӈі ӈаҳр̆ сітá, ӈатóт ӈу мухунах кхоӈгт теӻат прафтох југытá кхазʼ аітá, толʼ-ні́ӻывыӈ-шанхкыс̆ кеӻӈ кет lундхун. Аӈ ӵахр̆ ӈаӈа̊ мундхун.

умеръ. На другой день рано, когда они проснулись, со двора Орокъ одинъ вошелъ: «Чего вы тутъ сидите? Уходите!» Тѣ Ороки вышли, далеко пошли. Большая юрта одна стояла. Къ той юртѣ подошли. Когда *въ юрту* спустились, глубокій старикъ-«униркъ» одинъ, его старуха также вмѣстѣ съ «человѣческими» дѣтьми, дѣвушками тремя тамъ проживали. Тотъ старикъ вставъ подошелъ, Орока одного ударивъ убилъ, *къ котлу* притащилъ. Въ котелъ *его* уложивъ, тотъ старикъ вышелъ, вверхъ (*въ гору*) побѣжалъ, взбираясь исчезъ. Та дѣвушка сказала: «Вонъ въ томъ ящикѣ лежащую саблю взявъ, дверь взломавъ, выйдемте!» Ороки ту саблю взяли, ту дверь взломавъ вышли, тѣхъ дѣвушекъ забравъ вышли. Долго шли. Въ многолюдное селеніе одно *когда* пришли, та дѣвушка сказала: «Вонъ она! Моего отца юрта вонъ она!» Подошли, вошли. Тотъ старикъ, поднявшись: «Спасибо, моихъ дочерей забравъ привели! Моихъ дочерей вамъ отдамъ!» Нашъ человѣкъ сказалъ: «Ладно!» Тотъ старикъ сказалъ: «Завтра обратно пойдете!» На другой день встали, ихъ на трехъ лодкахъ *старикъ* отправилъ: «*Когда* въ свою деревню придете, въ одну лодку бѣлаго оленя положивъ, въ одну чернаго оленя положивъ, въ одну краснаго оленя положивъ, мои лодки отошлите!» Наши люди въ свою деревню пріѣхали, бѣлаго оленя въ одну *лодку* положили, чернаго оленя въ одну *лодку* положили, краснаго оленя въ одну *лодку* положили, потомъ тѣ лодки отправивъ, пошли, въ юрту спустились, бубенъ сдѣлали, изъ морской женщины «кехн» сдѣлали, шаманили. Три года спустя померли.

Примѣчанія къ № 18.

1 *(ко всему тексту)*. Разсказъ представляетъ краткій варіантъ № 17, записанный со словъ подростка Индына изъ с. Аркы-во, представляющій интересъ не только по нѣкоторымъ особенностямъ языка, но и по деталямъ сюжета.

2 *(стр. 2)*. Тенгі-вотанд — букв.: 'горбушьи сушки' (потанд—'сушить'), т. е., развѣшанныя для сушки на вѣшалахъ распластованныя горбуши (Salmo Proteus). Массы такой развѣшанной рыбы видны на далекомъ разстояніи, благодаря интенсивному красному цвѣту мяса лосося («красная рыба»). Горбуша изъ лососевыхъ самая ранняя рыба по времени появленія въ теченіи лѣта, послѣдней является кета (Laxi, S. lagocephalus).

3 *(стр. 5)*. Ӈампа́ таку́ — 'послѣ этого *все* умолкло', букв.: 'потомъ не стало'.

4 *(стр. 7)*. 'Орокъ одинъ вошелъ', таинственный благодѣтель, явившійся, правда, нѣсколько поздновато, предупредить Ороковъ о грозящей имъ опасности.

5 *(стр. 9)*. Старикъ-«униркъ».—Униркъ см. № 1, пр. 15.

6 *(стр. 9)*. Ӈиӈывыӈ-ехіуӷ шанх-ехіуӷ — 'человѣческія дѣвушки', 'человѣческія дочери', букв.: 'дѣти человѣческія, дѣвушки', т. е., дѣвушки были не «унирки», которые по наружности отличаются отъ людей (№ 1, пр. 15), а настоящіе люди, должно быть, попавшіе въ плѣнъ къ «унирку». Правда, какъ видно изъ дальнѣйшаго, дѣвушки принадлежали къ племени «морскихъ людей» (стр. 22), но эти послѣдніе по наружному виду ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ.— Характерно это выраженіе 'человѣческая дѣвушка', 'человѣкъ-дѣвушка', обнаруживающее антропоморфное представленіе о дѣвушкахъ-лисицахъ, медвѣдяхъ, птицахъ и т. п., ср., напримѣръ, синица—Гилякъ (человѣкъ) (№ 16, пр. 16). Поучительно сопоставить гиляцкихъ «дочерей человѣческихъ» съ библейскими «дщерями человѣческими» (бнос адам), «сынами человѣческими» и т. п.

7 *(стр. 9)*. Аівут—'вмѣстѣ съ', букв.: 'содержа у себя'.

8 *(стр. 11)*. 'Та дѣвушка', т. е., одна изъ дѣвушекъ.

9 *(стр. 16)*. 'Нашъ человѣкъ'—повидимому, старшій изъ Ороковъ, хозяинъ лодки.

10 *(стр. 21)*. Тоӆ-ӈиӈывыӈ-шанх—букв.: 'морской человѣкъ женщина': уведенныя дѣвушки были дочери морского человѣка.

11 *(стр. 21)*. Изъ морской женщины «кехн» сдѣлали, т. е., во время камланія морская женщина Орокамъ служила божествомъ-покровителемъ. «Кехн» (кеӈӈ) см. № 3, пр. 13.

19 (варіантъ № 17).

Ожыныў тоў ӈіӷывыӈ јоѕт ќот. Чаly јоў leў-віт такў-мігвтох ќот. Wo -ӈытыіх теӷат, уӈіўкунтох теӷат југут. Ӈундхун wat-lуквуўкыѕ ін-оӈхті чабіныт. Піныт кузіт маӷд му хоч̌іт. Ӈундхун ізн тут маӷет ізн мўарох ѕат чалмкыѕ кетывут ізн ӷыіт јоч̌іфут. Wахыѕ ізн тамык хывут walt. Ӈунух віт wo-нáќў теӷат. Шанкхун ваўк ӈуневунд. Теӷат ӈунхут. Ыўк ӈунд ӈена віў, ӈум шанк јајехуў ныў је-ӈój ѕоӈкў муў. Наф ныўм ӈіӷывыӈ паўк (ӈенагі муў: ӈум шанк ајахуфкé је-ӈój ѕоӈкў ах іхынд). Віфкé віт ычыіх ӈентох віт. Чо-lo ваѓкіх моўкáт, ӈундхун хуў ізн аівуў. Ыўк ч̀аќў ізн хоч̌іў: ізн позінд ӈаӈкў ізн нантхыівыў ізн мусні теӷнкў. Аӈі мекў ӈуневут ӈу ӈіӷывыӈкун мухарт сік мухарнд.

Ороковъ пять человѣкъ *тюленя* бить поѣхали. Туманъ поднялся, *они* блудили, на материкъ попали. Какъ разъ къ селенію подъѣхали, къ «унир-камъ» пріѣхали, *въ юрту* вошли. Тѣ желѣзнымъ рожномъ ихъ въ задній проходъ колоть собирались. Убѣжали, вышли, *къ берегу* спустились, лодку стащили. Тѣ за ними вслѣдъ спустились, по ихъ кормѣ ударили, ладоньями прилипли, ихъ потащили, *на берегъ* вытащить собирались. *Ороки* саблей имъ руки рубили, отрубили. Оттуда отправились, къ деревнѣ одной подъѣхали. Женщины *одни* только тамъ жили. Вошли, заночевали. Ночью одинъ изъ нихъ пошелъ, съ той женщиной улегся, совокупился, *ему* penis отрѣзала, *онъ* умеръ. Теперь четверо человѣкъ только *осталось* (одинъ умеръ: та женщина во время совокупленія, penis отрѣзавъ, вотъ убила его). Отправились, шли, къ старику одному пришли. Всякая рыба у него въ ящикахъ живая *хранилась*, эти *рыбы* убивалъ, ихъ содержалъ. *Послѣ* трехъ ночей *ихъ* отпустилъ: они *въ лодку* легли, такъ ихъ столкнулъ, къ ихъ причалу пригналъ. Два года тамъ проживъ, тѣ люди окончательно померли, всѣ окончательно померли.

Примѣчанія къ № 19.

1 *(ко всему тексту)*. Этотъ краткій варіантъ, записанный г. Пилсудскимъ отъ Гиляка Іанім изъ окрестностей Рыковска и проредактированный авторомъ, представляетъ интересъ нѣкоторыми очень любопытными лингвистическими особенностями и характерной деталью въ изображеніи хозяина моря (пр. 3).

2 *(стр. 1)*. Такў-мігвтох — ‘на материкъ’, букв.: ‘въ западную землю’, т. е., Ороки обогнули весь восточный берегъ и сѣверную оконечность острова, за-

тѣмъ попали на Охотское побережье. Здѣсь рѣчь идетъ объ Орокахъ восточнаго побережья Сахалина.

3 *(стр. 7)*. Старикъ оказался хозяиномъ моря, такцанд. Онъ даетъ жизнь рыбамъ и имѣетъ всегда живую рыбу въ ящикахъ, разставленныхъ вокругъ юрты. Въ каждомъ ящикѣ особый сортъ. Скобля чешую или кожу со своихъ рыбъ, онъ бросаетъ соскобленное въ море, гдѣ оно превращается въ рыбу. Хозяинъ моря—благодѣтель людей и спасаетъ заблудившихся или терпящихъ крушеніе. Иногда его рисуютъ обитающимъ на небѣ и прогуливающимся тамъ на лыжахъ (млечный путь—слѣдъ его лыжъ).

4 *(стр. 9)*. 'Они легли, такъ ихъ столкнулъ', т. е., старикъ велѣлъ имъ лечь въ лодку лицомъ внизъ, чтобы они ничего не видѣли (ср. № 17, пр. 19 и 20), и затѣмъ оттолкнулъ ихъ отъ берега, послѣ чего они тотчасъ очутились у причала своей деревни.

5 *(стр. 10)*. 'Два года проживъ, тѣ люди окончательно померли'.—Хозяинъ моря отпустилъ ихъ домой только для того, чтобы кости ихъ лежали въ родной землѣ, а затѣмъ вскорѣ забралъ ихъ души къ себѣ. Души утонувшихъ всегда остаются у хозяина моря, не отправляясь вовсе въ обычную обитель мертвыхъ, мы-wo.

20 (варіантъ № 17).

Куґіхун тор̆ ӈіӈывың ӈоныф јост ӄонд; ныр̆н кікра́ ӈенаӈ мені вора́ ӈат ӄондхун. Віфке́ чаlу јор̆. Ӈы ӈіӈывыӈкун lер̆-віт. Віфке́ мівтох теӈга̊: ена міф! Ӈаӈкет віфке́ тав-ӈа́кр̆тох віт теӈат. Ӈанга̊ ӈуӈ таф еӆіх ӈенагара́ мамы ӈенагара́ мен быр̆к ӈуневундхун. Ӈың ыӆіх ӈы ӈіӈвуӈкун ајвур̆ аӈі ӈакр̆. Ӈаро́р̆ толф ізн му хоӆра́ ізін јумі фіӈгра́, Ӈаро́р̆ куӆlух ізн аркура́, Ӈаро́р̆ нантхы́вр̆. Ӈанга̊ ізн му нар̆к вір̆. Віфке́ ізп му ӄар̆, нанга̊ ост тывнд пwo-Ӈыты́х теӈат. Ӈато́т пшафтох теӈат. Ӈуневуфке́ анӡі сік мухарт.

Айновъ пять человѣкъ весной *тюленя* бить поѣхали; четверо гребли, одинъ руль держалъ, такъ ѣхали. *Послѣ того какъ* долго плыли, туманъ поднялся. Тѣ люди блудить стали. *Послѣ того какъ* долго ѣхали, *когда* къ берегу подъѣхали: другая земля! Такъ и пошли, къ юртѣ одной пришли, вошли. Затѣмъ въ той юртѣ старикъ одинъ, старуха одна вдвоемъ только жили. Тотъ старикъ тѣхъ людей содержалъ годъ одинъ. Потомъ лѣтомъ ихъ лодку *на воду* спустилъ, ихъ на дно положилъ, потомъ сверху ихъ накрылъ, потомъ оттолкнулъ. Затѣмъ ихъ лодка сама пошла. *Послѣ того какъ* долго плыли, ихъ лодка остановилась, тогда они поднялись, посмотрѣли, къ самой своей деревнѣ подъѣхали. Тогда они въ свою юрту пошли. Поживши, они снова окончательно померли.

Примѣчанія къ № 20.

Этотъ варіантъ представляетъ сокращеніе предыдущаго съ пропускомъ эпизода съ женщинами и людоѣдами, но съ замѣной Ороковъ Айнами; за то новы детали чудеснаго возвращенія героевъ на родину.

21.

Ӈіӻывыӈ-шанх-хгєн-паӆ-ӈіӻывын.

Амых-wo lelé malxolá wo ӈы-wóӈ-куӈ-тав-ӈаӽр меныӈ рувун-ӈіӻвуӈкун жот аӈӻej ӈеныӈ ajвутá. Ӈыӈ шанк lelé чхызіӈылá рунд-рýндрох манӆаӈ шанк. Ӈафкé ншак наф-нан івнхун цаӽхон ах пат марінд ӈандхун. Ӈаӈ̣á мызн-шáнк варá енаӈ шанкхун ныӽн шанк ӈарá ӈат угрыхарнд пі -ќхáӽк-ан-пӏыфтох теӻат. Наф-нан ќхаӽк афкé, ӈуӈ урӏан шанк ӈіх ншыӽ маӻыӽ ӈупыӽ. Јарóӽ ӈуных чаќӽ-óсінынд ӈустос кетывыӽ тіӈгӽ-шышы́. Пхоміхе таз̀-lo акызіндтох ехадыӽ, пlевуххé наныххаӽ уігé! Наф-нан пнафкхун olaxil: «Нафхуна́!» ӈаӽ полахнхаӽ, уігé! Паj ʕаф ваӽк: «Нафхуна́!»... Ӈаӈ̣á рунд-ат тукӽ ӈігіхкыс выре́ ӈаӈкуӽ індыін-ӈевó-ӈајакн; наӈгуllах урýнкуӽ інтыӈ̣á: lelé lафкуӽ-туӽпык хітірá, ӈуӈ урӏаӈ ќоскаӈ ӈарá wасуӈ

Горный человѣкъ, женившійся на гиляцкой женщинѣ.

Въ селеніи, *что̀* у устья, въ многолюдномъ селеніи, въ юртѣ одной, въ томъ селеніи находившейся, два брата вмѣстѣ одну жену содержали. Эта женщина весьма-весьма на все таланная женщина *была*. Какъ-то разъ вотъ мужья на охоту на другой день вотъ идти собирались. Тогда наша женщина тоже, другія женщины, четыре женщины, тоже такъ вмѣстѣ на свое *обычное* мѣсто копанія сараны отправились. Вотъ *въ то время какъ* онѣ сарану копали, та хорошая женщина, одну замѣтивъ, подошла, присѣла. *Когда она*, её выкопавъ, хотѣла подняться, *оказалось*, *что* прилипши *на мѣстѣ* осталась. Думая, что около себя гдѣ-нибудь зацѣпилась, около своего мѣста искала-искала, нѣтъ ничего! Тогда, своихъ подругъ кликнуть собираясь: «Подруги!» такъ кричать все пыталась, *но* не вышло ничего! Только шопотъ одинъ: «Подруги!»... Спустя *немного*, что-то такое вдали глазомъ чуть-чуть такъ будто-бы увидѣла; потомъ, когда хорошенько разсмотрѣла: въ налобникѣ изъ многихъ бѣлокъ, въ красивой юбкѣ, въ пестрыхъ голенищахъ, въ сапогахъ съ цѣльными передками, такой человѣкъ сидѣлъ. Спустя *немного*,

кірӈ пірá joln-кі фірá hаи̇̀ нiӈ̆вуӈ joк̆(?) тівхарыр̆. Ӈуневунг̣á, наф-нан hы нiӈ̆вуӈ хернд: «Ынajé! Чі jаӈш nолахынынд-нá? Jаӈш ӈаз̀акырынд-нá? Ӈафр̆ цс̀охр̆ чмот ехырlах, ӈафр̆ черах пшінра! Чі ӈавіны-lо́? Ӈат чхeil ехарыт пшіннрá!» Ӈанг̣á hым шанк наф-нан ітынд: «Чі варк̆ хellакр̆ hail ехарыр̆ пшінг̣á, нi керынфудро́; мыj-lo нанкун чавін-hajехнá; чі-рыф чаркін-хар̆? Віеф півнкунтох olхендхыс̀, нанкун чавінд-hаіхнá! Півнхун оӈгарнlах jаӈі -lо́?» Ӈанг̣á jаз̀імыц̣ хернд: «Хӈанкр̆ маӈынд-hахéj фіӈгуӈ чавр̆-hанкр̆ ӈаӈ маjá: hар̆ півынхун lыс̀-lыс̀ір̆ із̀нах маӈынкjá! Ыз̀н ӈішыр̆ маннкуро́р̆, наф -нан jугур̆ кеӄх-ок̀ ӈакр̆ керá, ус̀кыр̆-ок̀ ӈакр̆ керá, hар̆ наф-нан пга-ӈу́тох теӈjá, hахéj нi маӈын чга-ӈу́ kel-шахур̆-hытыі фін чіхыныӈгрá, hахéj hус̀-тох ӈерах теӈjá, нi hуных чхеіныӈгрá!» hар̆ хернд. Ӈанг̣á hым шанк наф -нан оз̀ір̆ маӈынд. Наір̆ пакыф кум-паз̀імыц̣-ітым-паранкур̆-фіӈгун-чавр̆ -hанкр̆ ӈаӈ марá, півнхун шор̆-макінын; чаj чавр̆-hанкр̆ мхокр̆ марá, hаро́р̆ наф-нан hыӈ ырк ӄхоиг̣á, понаӈӈ-піц-ас̀хан-паз̀імыцрох тур̆ jajхур̆ ӄхорá. Ӈымпáт татн ос̀г̣á jівнхун наф-нан пфах-вáхт ах макындхун. Ӈанг̣á мізн -шáнк наф-нан кеӄх-ок̀ ӈакр̆ кусір̆ херá, ус̀кыр̆-ок̀ ӈакр̆ хусір̆ херá, наф

вотъ тотъ человѣкъ сказалъ: «Эхъ *ты*! Ты зачѣмъ кричать собиралась? Чего испугалась? Потому что думаю, что тебя всю цѣликомъ полюбилъ, я къ тебѣ пришелъ! Ты пойдешь-ли за меня замужъ? Я, вѣдь, тебя забрать думая, пришелъ!» Тогда та женщина вотъ сказала: «*Разъ* ты, только чтобы взять меня, такъ думая, пришелъ, то я отказываюсь; *если же* не послушаешь *меня*, тогда пойти за тебя придется; твоему приказу перечить-ли? Хотя своихъ мужей опасаюсь, все же за тебя идти придется! Своихъ мужей хотя жалѣю, да что подѣлаешь?» Тогда ея возлюбленный сказалъ: «Если такъ, то когда *домой* придешь, шесть отдѣльно хранимыхъ чумашекъ *жертвенныхъ* изготовь, такъ своихъ мужей снарядивъ, ихъ *на охоту* выпроводи! Ихъ повидавъ, выпроводивъ, потомъ въ юрту вернувшись, лисью шубу одну взявъ, барашковую шубу одну взявъ, такъ вотъ къ своему «медвѣжьему амбару» приди, тогда я пришедши, у твоего «медвѣжьяго амбара», посреди развилины *древесной* сидя, тебя дожидаться буду, тогда туда ко мнѣ взберись, я оттуда тебя возьму!» такъ сказалъ. Тогда та женщина вотъ поднялась, пошла. Въ тотъ же вечеръ *она* тѣ ея возлюбленымъ указанныя, такія именно, отдѣльно хранимыя *жертвенныя* чумашки, шесть *ихъ* сдѣлала, *чтобы* ея мужья *ихъ* съ собой забрали; еще десять *жертвенныхъ* чумашекъ сдѣлала, потомъ въ ту ночь поспавши, къ младшему возлюбленному своему, на средней нарѣ лежавшему, забралась, съ нимъ на одной постелькѣ спала. На другой день рано вставши, ея мужья вотъ снарядившись вотъ и отправились. Тогда наша женщина вотъ лисью шубу одну доставъ взяла, барашковую шубу одну доставъ взяла, затѣмъ дочери сестры

-нан јівнхун-ранж-ехalуҥ (јоҥ-шáнк наф-нан ћым пнафх-шанк) хернд: «Ћalá, ӈі намў-áнык ќхарќ-ԛат вінґ̣, наф-нан пал-ӈіӈывың маӈыў ӈерах херыфкé перхнтох ӈвылыңгуў ӈі геіныңгрá. Наух татын ӈің-ҥа-ӈу́-кel -шахуўтох маӈыў ӈіхіl ітыңгрá!» Ћарá кеў аірóў наф-нан ћуных кузіў. Ја-нáфк-шанк наф-нан пal-ва ќхахаў вімбá jal-ва кеў; ћанґ̣ панішак ћуных ухмундхун. Је-рáмк чхеф-чхеврóў jal-вá тырјóр, хітімбá т̄ааў; ћанґ̣ чај тумбá jal-вá кеў, ћат наф-нан панішак ухмут теӈандхун. Ћафкé пҙа-ӈу́ кеԛé. Ындынґ̣: махтýркыс ћы ӈіӈывың маӈыў, ћың-ҥа-ӈу́-чве-кel-шахуў-ћыты́ фіў ӈомінтох ізн ӈішы́ў. Ћанґ̣ ћым шанк пнафк-шанк кернд: «Ӈујá, ћы ӈіӈывуӈ ћынірá, інды-lo?» Ја-нáфк-шанк наф-нан індынд, ћарá анӡај хіцімбá т̄наћајнымбá; анӡај тумбá jal-вá кеў. Ћанґ̣ ћы ӈіӈывуӈ ћыты́ ћаў ӈjoћajáх, ћанґ̣ ћың тівla la маӈымбá ћың шанк-ехlуҥ-ԛыгрыхтох маӈымпá lуҥћajáa, ћамбá ћың шанх-ехlуҥ кучумбá маскынкыс муў. Мурóў моќáў. Ізн ӈішы́јак, ћанґ̣ је-нáфк-шанк ћы ӈіӈвуԛтох віў он ќос-ќос тыкут, ћың-ҥа-ӈу́-чвс-кel-шахуўерхнтох полó ћампá такы́. Ћым шанк-ехalуҥ наф-нан черјорá пшафтох маӈынд. Ћаў ћуневуфкé

своихъ мужей (ихъ жена той своей «навх») сказала: «Ну, когда я третьяго дня по ягоды ходила, вотъ «горный Гилякъ» пришелъ, со мной долго бесѣдовалъ, къ себѣ меня переманилъ, меня взять собирается. Сегодня рано, къ развилинѣ нашего «медвѣжьяго амбара» пришедши, меня ждать будетъ, сказалъ!» Затѣмъ, исторію разсказавъ, вотъ оттуда вышла. Ея «навх» тогда, за ней съ крикомъ пустившись, ее схватила; послѣ этого все тутъ боролись. *Наконецъ* свою руку вырвавъ, отъ нея высвободилась, поднявшись побѣжала; *эта* затѣмъ снова пустилась, ее схватила, такъ вотъ все борясь шли. Наконецъ ихъ «медвѣжій амбаръ» показался. *Когда* посмотрѣли: дѣйствительно, тотъ человѣкъ пришедши, посреди развилины дерева, *что* у того «медвѣжьяго амбара», сидя, въ ихъ сторону смотрѣлъ. Тогда та женщина своей «навх» сказала: «Смотри, вотъ тотъ человѣкъ, видѣла?» Ея «навх» вотъ посмотрѣла, тогда *женщина* снова поднялась, и бѣжать пустилась-было; *та* снова погналась, не схватила. Тогда тотъ человѣкъ нагнулся, вотъ свиснулъ, затѣмъ тотъ холодный вѣтеръ спустился, къ груди той дѣвушки спустился, *въ грудь* ударилъ, тогда та дѣвушка свалившись «немножко» умерла. Умерши ожила. *Когда* на нихъ посмотрѣла: уже ея «навх» къ тому человѣку подошла, другъ друга за шею обняли, на ту развилину дерева, у «медвѣжьяго амбара» повалились, потомъ исчезли. Та дѣвушка тогда заплакала, въ свою юрту пошла. Спустя нѣкоторое время, ея дядья охоту кончивъ, *домой* пришли. Тогда эта женщина имъ разсказала, сообщеніе сдѣлала. Послѣ этого младшій братъ пошелъ, близъ «медвѣжьяго амбара»

jакіхун ԛаřехот твіт маӈындхун. Ћанґ̣ ћым шанк ізін херыў кеў аінд. Ћанґ̣ асканд теӈыў пґа-ну̀-ћеřкенухе́ ізн тіф нанығынд. Ћанґ̣ ізн пхуў-тхыхе́ пут-ратáт віін-тіф-latхаřjáх, ћанґ̣ ћунхе́ пхыў пшафтох маӈынд пwоныґ-ніӈвуԛ сік опуў наф-нан ізн арíў вінд. Віфке́ ѐархуў нàхўтох вімбá, чавў-ћанкў нàкў ћуѐ хшоў.... Ћафке́ ћын чавў-ћанкў сікхаř, ћанґ̣ ћуԛ кеќ-оќ-надырых паѐíў ћуѐіх хшорá, ѐaj ќхадыў-муц̣-ћытá ћуѐіх хшорá, ћафке́ сік: чхыф-тіф паřк! Ѐвет вітá амамд вітá. Ах пажыф токў ќхонґ̣ наф-нан ћыԛ аканд: «Ѐнат тунд тамla нііӈвуԛкун тон пхыінынрá! Шанкум нѐеныԛ крыгрыхыс̀ тыԛ тамla нііӈвуԛ jаԛíl? Ах lумў-тіґ вахтá, урын-у́рыпыў вірá!» Ћанґ̣ jаѐк ітынд: «Ћыԛкá, чіԛ пхывé, нàт паřк наух він, ћунхунóн пхыіндрá!» Наф-нан ћыԛ тамla-нііӈвуԛ сік пхынд. Мізн-нáфк нѐен быўк вінд, пілáԛ палрох маѐынд, ћанґ̣ екыс̀ пілáԛ таф нàкў ћуневунґ̣á, малáфтох маѐґ̣á, ћуԛ-таф-шыхе́ шыіыгыў куѐнґ̣ jаѐӈѐej паге́-ку́ѐінд, ѐaj jівн jарí куѐінд. Ћанґ̣ мізн-нáфк: «Маѐхá! Чі німбыдыў нàніӈѐej кехáj, ћалá пут ратáн wатын ухмунатé!» Ћанґ̣ jаніӈѐej: «Маѐхá, рундхыс̀ ыlхil чавінд-нґ̣á? Тынд тоӈóфтох прур-зіґ чоřкуў пшынд, наřхрá!» Наф-нан півнеřкнтох tlоіныjах, ћанґ̣ ћум пал-ніӈвуԛ кымáў евмбá наф-нан шы-хуты́ руѐ-

---

ихъ слѣдъ искалъ. Затѣмъ, *когда* надъ холмомъ ихъ слѣдъ хожденія цѣлымъ тѣломъ показался, онъ тогда оттуда обратно пошелъ, въ свою юрту пришелъ, людей своего селенія всѣхъ собралъ, затѣмъ за ними въ погоню отправились. *Послѣ того какъ* долго ходили, когда къ привалу одному пришли, чумашка *жертвенная* одна тутъ висѣла.... Наконецъ, когда тѣ *жертвенныя* чумашки всѣ кончились, тогда отъ той лисьей шубы пола одна тамъ висѣла, далѣе половина спинки тамъ висѣла, наконецъ все кончилось: медвѣдя слѣдъ только! Бѣгомъ пошли, *все* пѣшкомъ шли. Вотъ *послѣ того какъ* пять ночей *въ дорогѣ* спали, теперь тотъ старшій братъ: «*Что касается* меня, я этотъ народъ возьму *и домой* вернусь! Изъ-за одной бабы столько народу зачѣмъ *губить?* Вотъ ужъ припасы кончились, голодные идемъ!» Тогда его младшій братъ сказалъ: «Ладно, вы вернитесь, я же самъ сегодня пойду, переночевавъ обратно пойду!». Вотъ тотъ народъ весь вернулся. Нашъ другъ только одинъ пошелъ, на высокую гору поднялся, потомъ, *когда* на вершинѣ большая юрта одна оказалась *и* онъ близко *къ ней* подобрался, изъ дверей той юрты, дверь открывъ, вышедши, его жена появилась, далѣе за ней ея мужъ вышелъ. Тогда нашъ другъ: «Эхъ ты! Коли ты, не боясь меня, мою жену забралъ, такъ всѣмъ тѣломъ схватившись, давай сразиться!» Тогда его жена: «Эхъ ты! Ради какой выгоды я за тебя пошла? Этотъ въ такую даль *весь* (все его мясо) высохши пришелъ, несчастный!» Затѣмъ *когда* къ своему мужу побѣжала было, тогда тотъ «горный человѣкъ» руку протянувъ схватилъ, затѣмъ, въ дверь толкнувши, исчезъ.

кумбá mle-mlé. Тафтох jугуў, пішк-фішкíў alx-álаханд маскус чхыф пазíў- 60
кыс позá момбрá, пазíўкыс ja-хы̆цін момбрá наф-нан: «Ћалá, тундхыс пхоў-
кыў Іызíў маŋjá!» турé ерах пазínд. Ћаŋ̇á ћыц маскус чхыф паррá ћаў
ерах маŋынд. Ќахкыс вахнтыў еспыў туррé іхыс пазínд. Ћаŋ̇á ћыц нíŋы-
выц анʒај ћыты̆ пјоћаŋ̇á мізн-нáфк маскенкыс мурóў мошкáў. Тыкŋ̇á куц
таф ахў уігé, ћоћахан порýхаў, ќавí ваўк, таф-чíŋ уігé! Ћаў ћуныхé пхыў 65
порох маŋыў. Цах аћ нау паћíшак пхос-кхоцгў ћуневурóў, наф-нан озíў
віхыврá ћарóў наф-нан рунд-дунд наныгынд. Lelé ћузíхункў хген барáў,
тав-раф вапў јушкунд пал-іхунд ушкунд. Ћаў ћундхыс шанхá шаŋунд керá,
наф-нан ћундхыс шанхá шанх кеў, lelé пшаф пазíў чарункуў. Ћымрáнкў
ыл̇хíнд пурý ћымбочíнд фурý. 70

Въ юрту спустившись, онъ, пестраго въ пятнахъ маленькаго медвѣдя одной 60
рукой за шею схвативъ, другой за спину того схвативъ, затѣмъ *со словами*: «Ну, имъ свою глотку поправить ступай!» швырнулъ, въ него бросилъ. Тогда тотъ маленькій медвѣдь *ноги* расправивъ къ нему спустился. *Этотъ* его копьемъ на лету кольнулъ, швырнулъ, на того бросилъ. Тогда тотъ человѣкъ снова нагнулся, свиснулъ, послѣ этого нашъ другъ, *послѣ того какъ* «немножко» умеръ, ожилъ. *Когда* онъ осмотрѣлся, той юрты уже не было, пусто, чисто *кругомъ*, снѣгъ *одинъ* только, юрты и слѣда нѣтъ! 65
Такъ оттуда обратно пошелъ, въ свою деревню пришелъ. Шесть лѣтъ ровно все скучно проживъ, наконецъ всталъ, опоясался, затѣмъ вотъ за всякимъ *звѣремъ* охотиться отправился. Много *добычи какъ будто* нарочно положенной взялъ, «клѣтками» *сложенную* на спину взваливъ, потащилъ, лѣсную добычу потащилъ. Такъ *вотъ* за нее много драгоцѣнностей получивъ, на нихъ много женъ взялъ, совсѣмъ полюрты наполнилъ. Такъ богачемъ говорятъ такимъ сталъ, говорятъ. 70

Примѣчанія къ № 21.

1 *(стр. 2—3)*. 'Два брата вмѣстѣ одну жену содержали',—оборотъ, рисующій своеобразныя общія права братьевъ на своихъ женъ, а именно, право каждаго младшаго брата на общеніе съ женами старшихъ братьевъ.

2 *(стр. 3, 4)*. Рунд-рýндрох маŋlаŋ шапк—букв.: 'на все могучая женщина', т. е., мастерица на всякія домашнія работы, особенно на шитье, вышиваніе и т. п.

3 *(стр. 4)*. Цаўхон—'на охоту', букв.: 'сторожить', т. е., петли и самострѣлы ставить.

4 *(стр. 4)*. Івнхун—'мужья', т. е. мужья героини и другіе мужчины селенія.

5 *(стр. 6)*. Пі-ӄха́рк-ан-пІыфтох—букв.: 'на свое сараны копанія (анд 'копать') (свое) мѣсто' (Іыф).—Такъ-какъ сараной запасаются впрокъ и, слѣдовательно, въ значительныхъ количествахъ, то для собиранія ея отправляются на нѣсколько дней на спеціальныя изобилующія этимъ луковичнымъ мѣста, чаще всего попадающіяся на горахъ, на границѣ древесной растительности. Во время этихъ отдаленныхъ экскурсій чаще всего происходятъ романтическія приключенія и случаи похищенія женщинъ.

6 *(стр. 9)*. Паj т̂аф парк—букв.: 'только дыханіе одно', т. е., у нея вмѣсто крика выходилъ только тихій, какъ дыханіе, шопотъ.

7 *(стр. 14)*. Цс̀охр̆—'тебя цѣликомъ', букв.: «твое 'все безъ исключенія'» (чі + ч̀охр̆).

8 *(стр. 18, 19)*. 'Шесть отдѣльно хранимыхъ жертвенныхъ чумашекъ изготовь, такъ своихъ мужей выпроводивъ'.—Жертвенныя чумашки (чавр̆-Іанцкр̆) дѣлаются изъ бересты и покрываются сложнымъ рѣзнымъ орнаментомъ. Хранятся онѣ отдѣльно въ амбарѣ, откуда ихъ достаютъ только въ торжественные случаи жертвоприношеній, т. е., когда нужно въ нихъ помѣщать разныя яства для «кормленія» боговъ или убитыхъ на охотѣ звѣрей, соболя, лисицу, медвѣдя и т. д.—Во время охоты мужья героини особенно нуждались въ этихъ чумашкахъ, потому что, какъ передъ началомъ охоты, когда убиваютъ «горному хозяину» собаку, такъ и послѣ каждаго убитаго звѣря, необходимо 'кормить' яствами то бога-хозяина, то бога-звѣря.—Причина, почему требовалось непремѣнно изготовить шесть чумашекъ (по три на каждаго «мужа»), заключается въ томъ, что число «три» и всѣ кратныя трехъ для мужчины магическое число (по числу перьевъ на стрѣлѣ); точно также какъ для женщины «два» и кратныя двухъ (по числу концовъ чумашки, обыкновенно изготовляемой женщинами). При погребеніи, наприм., мужчину одѣваютъ въ 1, 3, 6, 9 и т. д. халатовъ, женщину въ 2, 4, 8, 16 и т. д.

9 *(стр. 20)*. 'Лисью шубу, барашковую шубу взявъ'.—Шубы эти, получаемыя обыкновенно въ приданное и обыкновенно вовсе не одѣваемыя, хранятся лишь какъ «драгоцѣнности» (№ 1, пр. 25), и переходятъ по наслѣдству отъ матери къ дочерямъ или уничтожаются у погребальнаго костра ихъ обладательницы для слѣдованія за ней въ другой міръ.—Барашковыя шубы покупаются у китайцевъ.

10 *(стр. 21)*. Нга-н̀у́, нга-н̀о̀ — 'медвѣжій амбаръ' имѣетъ слѣдующія значенія: 1) амбарчика, рядомъ съ мѣстомъ убіенія выкармливаемаго медвѣдя: туда кладутъ всѣ предметы, играющіе роль при убіеніи (стрѣлы, колчанъ, ремни, также временно голову медвѣдя) и души которыхъ медвѣдь заберетъ съ собой; 2) священнаго (въ смыслѣ неприкосновенности) дерева, растущаго близъ обычнаго мѣста убіенія; въ него пускаютъ во время состязанія пробныя стрѣлы и на него навѣшиваютъ тѣ же предметы, которые въ другихъ случаяхъ кладутся въ амбарчикъ (№ 1); 3) въ переносномъ смыслѣ вся площадка, гдѣ происходитъ убіеніе. Въ данномъ случаѣ слово употреблено въ послѣднемъ значеніи. Обыкновенно священнымъ деревомъ близъ родового мѣста убіенія выбирается дерево необыкновенной формы, растущее двойнымъ стволомъ. Оно называется чве (см. стр. 35). Въ развилину этого дерева сѣлъ герой разсказа. Выбралъ онъ это мѣсто потому, что онъ самъ былъ «горный человѣкъ», т. е., либо самъ медвѣдь, либо хозяинъ медвѣдя, и потому мѣсто это такъ или иначе ему очень близкое: убиваемый медвѣдь посылается съ подарками хозяину.

11 *(стр. 21)*. 'Въ древесную развилину', см. пр. 10.

12 *(стр. 24)*. 'Еще десять чумашекъ сдѣлала': эти десять она уже prorrio moiu для себя сдѣлала съ тайной цѣлью какъ будто случайно ронять ихъ по дорогѣ, для того чтобы оставлять по пути слѣды, по которымъ мужья съумѣли бы впослѣдствіи отыскать ее.—Число «десять» характерно, какъ кратное двухъ (пр. 8). Похитителю эти захваченныя чумашки не могли внушать подозрѣнія, потому-что она могла захватить ихъ для будущей жизни: женщинамъ кладутъ въ погребальный домикъ такія чумашки.

13 *(стр. 25)*. 'Къ младшему своему мужу пошла'.—Она спала со старшимъ братомъ, ея формальнымъ мужемъ, на боковой нарѣ и отправилась на среднюю къ младшему «мужу» отдать ему свои прощальныя ласки.—Можетъ показаться страннымъ, какъ это героиня, любя своихъ мужей, все таки исполняла желанія соблазнителя. Но Гиляки вѣратъ въ непреодолимый гипнозъ, которымъ подвергаются люди, когда они приглянутся какому-нибудь богу-звѣрю. Многія психическія болѣзни со смертельнымъ исходомъ приписываются любви, которой воспылало къ человѣку то или другое животное. Несчастному, если его полюбила лисица, все слышится ея запахъ, грезится ея образъ и въ концѣ концовъ въ медленной меланхоліи онъ умираетъ, отправляясь къ своему жестокому невольному возлюбленному или возлюбленной.

14 *(стр. 28)*. 'Той своей «навх»', т. е., дочери сестры своихъ мужей.—«Навх»—непереводимый терминъ родственной номенклатуры, такъ-какъ онъ употребляется одинаково какъ по отношенію къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. Такъ напр., мужья героини въ свою очередь «навх'ами» называли сыновей ея братьевъ.

15 *(стр. 32—33)*. 'Все тутъ боролись', т. е., двигались впередъ, борясь другъ съ другомъ: 'навх' не пускала ее, а та все тащила ее впередъ.

16 *(стр. 35)*. Ӈыӌ-нӑ-ӈу-чве-кеӀ-шахуў—'посреди развилины дерева, что у того «медвѣжьяго амбара»'. —Чве—'священное дерево'. См. пр. 10.

17 *(стр. 38, 39)*. 'Свиснулъ, затѣмъ тотъ холодный вѣтеръ спустился'...—Характерно тутъ реальное объясненіе происхожденія вѣтра: горный хозяинъ былъ и хозяиномъ вѣтра, который (вѣтеръ) является ничѣмъ инымъ, какъ могучимъ свистомъ этого всемогущаго существа.

18 *(стр. 40)*. 'Немножко умерла', т. е., замертво упала. У Гилякъ такое представленіе о смерти, что она можетъ наступать нѣсколько разъ, но съ возможностью снова ожить: понятіе «умереть» въ нашемъ смыслѣ Гилякъ выражаетъ словами: «окончательно умереть»—мухарнд, въ отличіе отъ мунд—'умереть' съ возможностью ожить.

19 *(стр. 42)*. 'На ту развилину дерева повалились, потомъ исчезли', т. е., сквозь развилину и стволъ дерева прошли и исчезли подъ землей.

20 *(стр. 43)*. Јакіхун—'ея дядья', букв.: 'ея старшіе братья', т. е., старшіе по возрасту.

21 *(стр. 45)*. 'Надъ холмомъ ихъ слѣдъ хожденія цѣлымъ тѣломъ показался', т. е., тутъ они изъ подъ земли наверхъ поднялись.

22 *(къ стр. 45—50)*. На каждомъ привалѣ, гдѣ бѣглецы ночевали, женщина сначала оставляла на видномъ мѣстѣ (надвѣшивала) по чумашкѣ, потомъ по отрѣзку отъ своихъ шубъ. Когда эти вещественные слѣды кончились, начались слѣды медвѣжьи, т. е., герой и героиня обратились въ медвѣдей.

23 *(стр. 54)*. 'На вершинѣ большая юрта'.—По представленію Гилякъ, горный хозяинъ имѣетъ юрту на вершинѣ самой высокой горы.

24 *(стр. 58—59)*. 'Къ своему мужу побѣжала', т. е., она бросилась къ своему прежнему возлюбленному.

25 *(стр. 60)*. Медвѣженокъ былъ сынъ горнаго хозяина и похищенной Гилячки.

26 *(стр. 62)*. Чхыф парра́—'медвѣдь *ноги* расправилъ', т. е., расправилъ, какъ крылья при летаніи, такъ-какъ, подброшенный отцомъ, онъ сверху, на лету спустился на нашего Гиляка.

27 *(къ стр. 59—63)*. Эта сцена, когда взбѣшенный ревностью горный хозяинъ, швырнувъ Гиляка въ юрту, хватаетъ одной рукой за шею своего сына-медвѣженка, а другой — соперника и, махая имъ по воздуху, бросаетъ его, наконецъ, въ послѣдняго со словами: «Ступай поправлять свою глотку», и далѣе, этотъ медвѣженокъ, спускающійся по воздуху къ своей жертвѣ, подобно хищной птицѣ, расправляя свои ноги, какъ крылья, — по силѣ, движенію и изобразительности чрезвычайно характерное для гиляцкаго эпоса мѣсто.

28 *(стр. 67)*. Lelé ḥyзіхункр̆ хген бара́р̆, букв.: 'много здѣсь положенной *добычи* бралъ будто-бы', т. е., онъ въ тайгѣ нашелъ готовую, какъ будто для него нарочно сложенную добычу. Дѣйствительно, для него ее сложилъ самъ горный хозяинъ, какъ выкупъ за похищенную женщину.

29 *(стр. 68)*. Тав-раф — 'клѣтками', т. е., на подобіе того, какъ у насъ лѣсъ складываютъ для сушки.

22 (варіантъ № 21).

Аз̀міч меныӈ рувта́ шанх ǹеныӈ із̀н ранр̆. Шанх меныӈ угрыт ӄхар̆к ӈат віндхун. Мыз̀-ǹіӈывыӈ-аǹӈej уігы́нд, енафтох вінд; із̀н ранр̆ пар̆к ӽар̆к анд, пнафх вувунд ја-на́фх полахн хаврнд: наӈкр̆ пар̆к ӄхар̆к анд. Ч̀ај полахнд: «Навха́, ехнате́!» Ја-на́фх-awy latнд: «Нукó, ǹіхја́!» Ах пшынд угрыт ехынд. Ḥунывыфке́ мыз̀н ǹіӈывыӈкун ӈар̆хут віндхун. Ḥуӈ пакыв

Мужчинъ двое братьевъ, *ихъ* жена одна и ихъ сестра *жили*. Обѣ женщины вмѣстѣ по сарану отправились. Нашего Гиляка жена пропала, куда-то ушла; ихъ сестра сама сарану копала, свою невѣстку кликала, ея невѣстка не откликалась: такъ сама сарану *и* копала. Снова кликнула: «Невѣстка, вернемтесь!» Ея невѣстки голосъ послышался: «Погоди, меня подожди!» Вотъ пришла, вмѣстѣ вернулись. Спустя нѣкоторое время наши Гиляки на охоту отправились. Въ этотъ вечеръ жена нашего Гиляка *ничего*

мыз-нӥ́ӷывыӈ-аӈӷej iи̇ хаврнд. К̆хондхун. Iзн ранр̆ хорóр̆ ырк jар̆́инд: jанг -на́фх енаӈ нӥ́ӷывыӈ нeныӈ jахзу нӥ́ӷывыцкiн хlаiта́ ехнавта́. Iзн ранр̆ кымlи́нд та к̆хоiнд кр̆уха́j hу нӥ́ӷывыӈ iдын jаjмiнд. Jар̆ір̆ hунывынд. Hафке́ ах к̆хонд ч̀аj jар̆́инд ах кр̆ур̆-х̆аl-х̆а́lынд: ку нӥ́ӷывыӈ уигы́нд, jанг-на́фх пар̆к hунывынд! Hуӈ шанх пнафхрох jот-jóт хаврнд. Ах цыунд. Мыз-нӥ́ӷывыӈ -аӈӷej ч̀аj iи̇ тiнг хаврнд. Jанг-на́фх пар̆к iнрóр̆ ах к̆хондхун. Ку нӥ́ӷывыӈ ч̀аj пшыр̆ jанг-на́фххiн х̆лаiта́ ехнавта́ hандхун. Мызн-ша́пх: «Наф-ат та к̆хоiндра́, кр̆ур̆-х̆аl-х̆аlыха́j hу нӥ́ӷывыӈ iдын jаjмындра́!» hар̆ кымlынд. Hафке́ ах к̆хонд hарóр̆ jар̆iнг̊а́ ку нӥ́ӷывыӈ ч̀аj уигы́нд. Jот-jóт тiнг хаврнд. Jанг -на́фх пхехра-хунг-вай̆хej аlыхыр̆ шаӷындхун хгусiр̆ ѐвгур̆ разнд ах iтр̆: «Тунд пыч̀х кымынд, тунд jасх хымынд, нафха́, тунд ч̀iхмынд!» hар̆ iтнд. Пыч̀хкун-хымiнд пiла вӑх̆ej сiнд пнафх-хiмiнд мат̀кi вӑх̆ej сiнд, hарóр̆ твiнг̊а́ ерхалí ѐтар̆ кузр̀а jугра́ hар̆ iхмынд. Hафке́ ах̆к хгер̆ нера́ ах кузiр̆. Jанг -на́фх jарi кузiр̆. Iндынг̊а́: ек̆хтох теӷынд, ах jарi теӷынд вiр̆ евнд. Jанг-на́фх хгыiр̆ вiнд; мызн-ша́нх мес̀х-lo wat-lo сiк вахыр̆ пыкызнд, нств сiк чох паркынд. Накс̀ еспынд вуурра́ евр̆-порра́. Hафке́ нга-нӯ-lеф нӥ́ӷывыӈ нeныӈ

не ѣла. Спать *легли*. Ихъ сестра поспавъ ночью проснулась: ея невѣстка съ чужимъ человѣкомъ однимъ, незнакомымъ человѣкомъ болтала, смѣялась. Ихъ сестра рѣшила не спать и когда разсвѣтаетъ, того человѣка разсмотрѣвъ, узнать. Бодрствовала. Затѣмъ вотъ уснула, снова проснулась, уже разсвѣло, свѣтло стало: того человѣка нѣтъ уже, ея невѣстка одна только была! Та женщина свою невѣстку не разспрашивала. Вотъ стемнѣло. Нашего Гиляка жена снова ничего не ѣла. *Послѣ того какъ* ея золовка сама поѣла, вотъ они уснули. Тотъ человѣкъ снова пришелъ, съ ея невѣсткой болтали, смѣялись. Наша женщина: «Теперь ужъ спать не буду, когда на разсвѣтѣ свѣтло станетъ, этого человѣка разсмотрѣвъ, узнаю!» такъ подумала. Потомъ вотъ уснула, затѣмъ когда проснулась, того человѣка снова уже не было. Ни о чемъ не разспрашивала. Ея невѣстка открыла ящикъ, стоявшій позади нея на нарѣ, «драгоцѣнности» достала, на кучки раздѣлила, затѣмъ сказала: «*Вотъ* это своему мужу даю, это его младшему брату даю, *а* тебѣ, золовка, вотъ это даю!» такъ сказала. Своихъ мужей «дачки» въ большой ящикъ сложила, своей золовки «дачку» въ маленькій ящикъ сложила, затѣмъ покончивъ много платьевъ на себя одѣвъ, стала безпрестанно то выходить изъ юрты, то *обратно* входить. Наконецъ шапку доставъ одѣла, затѣмъ вышла. Ея золовка вслѣдъ за нею вышла. *Когда она* посмотрѣла: та въ гору поднимается; она, тогда вслѣдъ за нею поднялась, подошла, ухватилась за нее. Ея невѣстка её *за собой* поволокла; наша женщина свои сережки, свои побрякушки всѣ оборвавъ растеряла, лицо ея все въ крови. Прутомъ ее колола, она плакала, назадъ тянула. Наконецъ близъ медвѣжьяго

ḥунывынд. Нанґа̊ ḥу ӈиӈывыӈ мызэн-шáнх херынд: «Ахгуjá, jаӈр̆ евнд?» Мызэн-шáнх мын тінг хаврнд пај-ӈшак пнафх вор̆-пóрыр̆ вувыр̆ іхмынд. Ḥафкé ḥу ӈиӈывыӈ пjоḥанд, нанґа̊ мызэн-шáнх ах мупд ḥарóр̆ морхáнд. Јанг -нáфх уігы́нд ку ӈиӈывыӈ уігы́нд, угрыт-він-тіф latнд. Ḥуӈ тіф урыр̆ вінд нанґа̊: нґá-ӈу-халымыр̆-wајух вііндхун. Наӈкр̆ пхыр̆ прафтох маӈыр̆ jугынд івыв пір̆ позір̆ ḥунывынд, вуур̆ іхмынд іӈ-діг-хáвырыр̆ ḥунывынд, ырк-зінг муӈыв-чінг пај-ӈшак вуур̆ іхмынд. Ḥафкé павыв ӈахр̆ кханкун ахындхун тахр̆тох му-зіу latнд хlајн-awy latнд. Ах јосундхун тафтірох хlаіта́ ḥат іхмындхун; ӈеныӈ-тáв-alыхыфтох-вір̆-чіу-latнд, ӈеныӈ ах тафтох jугыр̆: «Ах кхондхун-lы?» ḥар̆ітнд. Мызэн-шáнх тык-шы́кр̆ ḥунывынд. Мыз-ӈиӈывыӈ чај ітр̆: «Јанд-нґá, кхонд-lo, мундхун-lo?» Мызн-шáнх нацы тыкр̆ -шы́кр̆ ḥунывынд. Мыз-ӈиӈывыӈ тур̆ ḥупыр̆ тугу̊р̆ чар̆ јар-шу́гур̆ ах унд тугу̊р̆тох ночр̆ сір̆ чхар̆ кер̆ тугу̊р̆ ічір̆ таф хal-хálыӈкр̆ півыв ншыр̆: ијáн-ӈеј уігі́р̆; паэр̆ івыв ншыр̆: јео-рáнр̆ фукунтох позір̆ ḥунывынд. Нанґа̊ іáсх ах jугынд понаӈӈтох тур̆ ḥупынд, нанґа̊ іáкі: «Јаӈынд-нá, сік мундхун-lo? Ку ӈаӈӈеј ӣактох вінд-нá?» Нанґа̊ ізн ранр̆ озір̆ ḥупынд. Пео-рáнр̆-ӈетф ншынґа́: чох паркнд! Іáкі ітр̆: «Јаӈынд-нґа̊? Чі-ӈéтф чох паркынд, рунд ншыр̆

амбарчика человѣкъ одинъ оказался. Тогда тотъ человѣкъ нашей женщинѣ сказалъ: «Не смѣй, чего держишь?» Наша женщина не послушалась, все-таки свою невѣстку назадъ тянула, все плакала. Наконецъ тотъ человѣкъ свиснулъ, послѣ этого наша женщина вотъ умерла, затѣмъ воскресла. Ея невѣстки не стало, того человѣка не стало, совмѣстнаго хожденія слѣдъ *только* остался. По этому слѣду пошла, оказалось: *они* подъ доской медвѣжьяго амбара исчезли. Такъ и вернулась въ свою юрту, пришла, вошла, на свое мѣсто улеглась, все плакала, ничего не ѣвши пребывала, день и ночь все плакала. Наконецъ однажды вечеромъ собаки залаяли, съ того берегу шумъ лодки послышался, говоръ послышался. Вотъ подъѣхали, въ прихожей все разговариваютъ; одинъ къ задней стѣнкѣ юрты подошелъ (послышалось), другой вотъ въ юрту вошелъ: «Что, спятъ что-ли?» такъ сказалъ. Наша женщина молчала. Нашъ Гилякъ снова сказалъ: «Что такое, спятъ что-ли, умерли что-ли?» Наша женщина все-таки молчала. Нашъ Гилякъ пошелъ, сѣлъ, огонь добылъ, свой огонь вотъ зажегъ, къ очагу поднесъ, положилъ, дрова взялъ, огонь развелъ, юрту освѣтилъ, на свое мѣсто посмотрѣлъ: его жены нѣтъ; въ другую сторону посмотрѣлъ: его сестра навзничь лежала. Затѣмъ младшій братъ вотъ вошелъ, къ средней нарѣ пробрался, сѣлъ, тогда его старшій братъ: «Что такое, всѣ померли? А жена моя куда пошла?» Тогда ихъ сестра поднялась, сѣла. Когда они на лицо своей сестры посмотрѣли: кровь только! Ея старшій братъ сказалъ: «Что такое? Твое лицо все въ крови, что съ вами приключилось?» Тогда ихъ сестра сказала:

чің ахдунд-нґа́?» Нанґа́ ізн ранр̆ ітр̆: «Јахзу-н̀ің̆ывың пшыр̆ н̀і-на́фх хгыр̆. Шор̆-віінынґа́ пнафх вот; порнґа́ н̀і-на́фх н̀і хгыір̆ накс̀ н̀і-н̀е́тф чевр̆ чох нукынд, hафке́ нґа-н̀у-леф н̀іің̆ыв н̀еныӈ hунывыр̆. ‘Јаӈр̆ евнд-на́, рыруја́!’» hар̆ ітнд, наӈханапы н̀і наӈгыт евынд, hафке́ hу н̀іің̆ывыӈ пјоhанд нанґа́ н̀і мунд hато́т мор̆ха́нд: н̀і-на́фх уігы́нд hу н̀іің̆ывың-тінг уігы́нд! Наӈгыт пхыт прафтох маӈынд hунывынд.» Нанґа́ іа́кі ітр̆: «Туӈ ур-міф-н̀іің̆ывың іхlундох каук!» hар̆ ітр̆. Hун ыр̆к к̆хон-тінг хаврндхун. Hымпа́т пан̀ӈ̆ej-тіф урт вінд-хун к̆хах тота́ пунд шота́. Віфке́: пал̀ерхнтох-мавын-тіф: ијáн̀ӈ̆ej-hухт чхар̆ кроў hунхунд мыз̀-н̀іің̆ывың індынд. Hуных віфке́: ч̀ај lар̆х н̀ах̆р̆ чхар̆ кроў hунывынд. Ч̀ај hуных віфке́: вар̆ чхар̆ кроў hунывынд. Hуных віфке́: кі-lо пан̀-lо чхар̆ кроў hунывынд. Мыз̀-н̀іің̆ывыӈкун індыт: hунхе́ hуктох мыз̀н -ша́нх-тіф паз̀р̆ ӈачх н̀іің̆ывыӈ-тіф паз̀р̆ ӈачх чхыф-тіф hар̆ вінд, hу н̀іің̆ывың чхыф-тіф пар̆к: hат угрыт мавындхун. Hафке хымінтох тывндхун: ізн ан̀ӈ̆ej н̀іің̆ывың н̀еныӈ вор̆ н̀ір̆к наныгынд: ізн ан̀ӈ̆ej hупра́ hу н̀іің̆ывың ја-фа́т мутнд. Ијáсх ітр̆: «Tloін вінате́!» Нанґа́ ијáкі ітр̆: «Аӈ̆ӈ̆о́, фул̀-ву́лын вінате́» hар̆ ітнд. Ах фул̀-ву́лынд мавындхун, ізн lефтох макт; ијáкі ах

«Неизвѣстный человѣкъ пришелъ, мою невѣстку утащилъ. *Когда онъ ее* тащить сталъ, я за свою невѣстку ухватилась; *когда я ее* назадъ тянула, моя невѣстка меня поволокла, прутомъ мнѣ лицо колола, кровь потекла, наконецъ близъ медвѣжьяго амбарчика человѣкъ одинъ очутился. ‘Чего держишь, пусти!’ такъ сказалъ, «все-таки я все ее держала, послѣ этого тотъ человѣкъ свиснулъ, тогда я умерла, затѣмъ воскресла: моей невѣстки не стало, того человѣка совсѣмъ не стало! Такъ и вернулась, къ своей юртѣ пришла, жила». Тогда старшій братъ сказалъ: «Того островного человѣка нисколько не боюсь!» такъ сказалъ. Въ эту ночь совсѣмъ не спали. На другой день по слѣду своей жены отправились, копье неся, лукъ неся. Долго шли: въ гору поднимающійся слѣдъ *оказался: тамъ* его жены *маньчжурскій* халатъ на деревѣ висящимъ нашъ Гилякъ увидѣлъ. Оттуда долго шли: опять рубаха одна на деревѣ висящей оказалась. Дальше оттуда долго шли: штаны на деревѣ висящими оказались. Еще оттуда долго шли: и сапоги, и наголенники на деревѣ висящими оказались. Наши Гиляки посмотрѣли: оттуда туда *(внизъ)* нашей женщины слѣдъ — наполовину человѣческій слѣдъ, наполовину медвѣжій слѣдъ (такъ шла), того человѣка медвѣжій слѣдъ только: такъ вмѣстѣ въ гору поднимались. Спустя нѣкоторое время вверхъ посмотрѣли: ихъ жена, человѣка одного держа, вшей ищетъ: ихъ жена сидѣла, тотъ человѣкъ на ея колѣни (полы) голову положилъ. Его младшій братъ сказалъ: «Убѣжимте!» Тогда старшій братъ сказалъ: «Не смѣй, подкрадываясь пойдемъ!» такъ сказалъ. Вотъ подкрадываясь взбирались, къ ихъ мѣсту добрались; старшій братъ вотъ лукъ натянулъ, вотъ

пунд іӆ̆ынд ах ӽанд. Ӈу ӈіӈ̆ывыӈ ӄхоӄхтох пыӏн-бы̆ӏнӆ̆ маӈынд. Мыз̀-ӈіӈ̆ывыӈкун ја-хікрух ӄаӄрнд мавт паӈ̀ӈ̆ej тамык вот ӄхоӄхтох тӏоіндхун. Маӈыфкэ́ паӈ̀ӈ̆ej шоінд. Ӈалыныӆ̆ јаітóт кі-lo паӈ̀-lo-кыс̀ шувыд. Ӄаj ӈуных маӈыфкэ́ ӈалыныӆ̆ јаіт паӈ̀ӈ̆ej хытіт ӈалыныӆ̆-тхы сіт ӄаj іóӄхун шувыт шоінд. Ӈатóт пфорох маӈыт. Ӈунывыфкэ́ ізн аӈ̀ӈ̆ej ах мунд. Нанга̊ чхыф-lo охрыв-lo ӏыӏы malхó хунд кӆ̆у-гӆ̆у наныгыт ӈунывындхун. Фуру́.

выстрѣлилъ. Тотъ человѣкъ внизъ покатился. Наши Гиляки черезъ него перепрыгнули, на верхъ забрались, свою жену за руку схватили, внизъ побѣжали. *Когда они* далеко спустились, *они* свою жену колотить стали. Помостъ сдѣлавъ, сапоги и наголенники *подъ нимъ* жгли. Дальше оттуда далеко спустились, помостъ сдѣлали, свою жену подняли, на помостъ положили, опять ея шубы жгли, ее коптили. Потомъ въ свою деревню спустились. Спустя нѣкоторое время ихъ жена вотъ умерла. Послѣ этого и медвѣдей, и соболей очень много убивали, постоянно на охотѣ находились. Сказано.

Примѣчанія къ № 22.

1 *(стр. 17).* Пычхкун-хымінд — ‘своихъ мужей «дачки», т. е., доли, отобранныя для мужей.—Мы прибѣгли въ этомъ случаѣ къ чисто народному выраженію «дачка» (доля), такъ-какъ оно этимологически ближе всего къ гиляцкому хымінд—‘давать’, которое здѣсь употреблено въ смыслѣ существительнаго.

2 *(стр. 18).* Ерхалí вэтаӆ̆ кузрá југрá ӈаӆ̆ іхмынд — букв.: ‘много (*платья*) *на себя* одѣвъ, выходила, входила, такъ давала’, т. е., одѣла на себя нѣсколько паръ всякаго рода платья и стала метаться изъ юрты на дворъ и обратно, пока, наконецъ, не рѣшилась окончательно уйти.—Эти мучительныя колебанія совершенно соотвѣтствуютъ всему ея прежнему поведенію: отказу отъ пищи, молчаливой замкнутости по отношенію къ золовкѣ, машинальнымъ поступкамъ (раздѣлъ своего имущества, выдававшій всѣ ея планы, и т. д.) По всему видно, что это не было состояніе обыкновенной любви, когда женщины гиляцкія прибѣгаютъ къ хитростямъ и тайному бѣгству, а состояніе того страшнаго гипноза, о которомъ упомянуто въ № 22, пр. 13, т. е. воображаемой любви къ какому-нибудь звѣрю, которая иногда оканчивается острымъ помѣшательствомъ въ формѣ импульсивнаго бѣгства въ тайгу съ трагическимъ финаломъ голодной смерти.

3 *(стр. 20).* Ӈств сік чох паӆ̆кынд, букв.: ‘лицо все кровь только’.

4 *(стр. 26).* Нанга̊ — ‘оказалось’, букв.: ‘послѣ того’.

5 *(стр. 26).* ‘Подъ доской «медвѣжьяго амбара» исчезли’, т. е., забрались на ту доску, гдѣ обыкновенно послѣ убіенія укладываютъ медвѣжью голову, и насквозь черезъ нее провалились сквозь землю. Часто такой доской служитъ доска,

поставленная за привязаннымъ между столбами медвѣдемъ и служащая цѣлью для пробной стрѣльбы. Ср. № 21, пр. 10 и 19.

6 *(стр. 30)*. Ӈеныӈ-тав-аӀыхыфтох-віӷ-чіу-Ӏатнд—букв.: 'шумъ послышался (чіу Ӏатнд) одного къ задней стѣнкѣ подошедшаго'.

7 *стр. 33)*. 'Свой огонь вотъ зажегъ' т. е. трутъ и другія горючія вещества, употребляемыя при добываніи огня кресаломъ.

8 *(стр. 38, 39)*. Рунд пшыӷ чіӈ ахдунд-нгӑ? букв.: 'что такое пришло, на насъ напало?'

9 *(стр. 44)*. 'Того островного человѣка не боюсь'.—Мужъ принялъ похитители сначала за островного человѣка, но, какъ впослѣдствіи оказалось, судя по маршруту преслѣдованія, это былъ горный человѣкъ.

10 *(стр. 50)*. Шанх-тіф паӡӷ ӈачх ӈіӷывыӈ-тіф паӡӷ ӈачх чхыф-тіф, букв.: 'женщины слѣдъ: одна нога — человѣческій слѣдъ, другая нога — медвѣжій слѣдъ'.

11 *(стр. 52)*. 'Его жена, человѣка одного держа, вшей искала', т. е., мужчина положилъ голову къ ней на колѣни, и она искала вшей, — обычный способъ чистки головы у Гиляковъ.

12 *(стр. 57 — 58)*. Женщину подвергли очищенію огнемъ: устроили помостъ, на немъ усадили женщину, а подъ нимъ жгли ея одежды, и въ дыму отъ этого страннаго топлива ее коптили. Замѣчательно, что именно такой способъ очищенія, точнѣе говоря, изгнанія злого духа, примѣняется при лѣченіи случаевъ остраго помѣшательства, при чемъ топливомъ служатъ не только всякая ветошь и тряпье, издающія зловоніе, но и непосредственно зловонныя вещи.

Изъ этого эпизода позволительно заключить, что въ основаніи легендъ, подобныхъ настоящей, лежатъ случаи остраго помѣшательства и импульсивнаго бѣгства въ тайгу лицъ, страдающихъ маніей любви къ сверхъестественнымъ существамъ, звѣрямъ и т. д. Ср. пр. 2.

23.

КӀунд-шанх-ген-ӈіӷывыӈ.

Аӡмыч меныӈ рувӈ іӡн раныӷ ӈіныӈ. Аӡханд ӈіухаӷ шоӷ-пшыӷ іӈіхаӷ, ена-ӈіӷывыӈ-арынд аіӷ, ӈароӷ парӈныӈ-аӷӈ-ахтох шоӷ-кӧр шоӷ -тӗӷыӷ. ӇіӀыроӷ маӷынгӑ пут выӷкӷ маӷыӷ. Ӈафкӗ іӡн ранӷ ӈаунтаӷ: «Ӈаӡх

Гилякъ, женившійся на женщинѣ-тигрѣ.

Мужчинъ два брата, ихъ сестра одна *жили*. Младшій *братъ медвѣдя* убилъ, привезъ, *хорошенько* поѣлъ, *для* другихъ людей угощеніе сдѣлалъ, потомъ къ нижнему мысу *мясо на лодкѣ* повезъ, *на берегъ* выгрузилъ. Спустя нѣкоторое время когда вернулся, *однимъ* только тѣломъ своимъ

tiv-lo: kĭунд-шанх геінынд!... Ылха Кетрох ӑан пфala-bálанд ӑханың шоў-ту́н іхуна́ вара-па́раң чо-манч хген шоў-ту́н моċ аін чауна́; ні-пна́фкрох jугынд ўоніnд тамых тандра́!» Муў hарóў моўха́р. Ньң ылха Кетрох ӑат пфala-bálан ӑханың сік гет, пфара-ва́раң чо-манч сік гет шоў-ту́т моċ ajіт чух-чу́гыт, пфaly-bálанд ӑханың сік кут, hарóў теӻа́р паньӻej геў маӻыў hунывындхун. Пфуру́.

вернулся. Послѣ этого ихъ сестра *кликушей* запѣла: «Моего младшаго *брата* дорога *вотъ она:* онъ тигра-женщину взять собирается!... Будущимъ лѣтомъ на Кетъ отправившись, всѣхъ сортовъ собакъ привезши убью, всѣхъ сортовъ рыбью кожу забравъ, привезши, «мось» сдѣлавъ, жертвовать буду; къ своей невѣсткѣ зайду, вмѣстѣ табаку покуримъ!» *Послѣ этого* умерла, затѣмъ ожила. Слѣдующимъ лѣтомъ въ Кетъ поѣхали, всѣхъ сортовъ собакъ всѣхъ забрали, всѣхъ сортовъ рыбью кожу всю забрали, привезли, «мось» сдѣлали, жертвовали, всѣхъ сортовъ собакъ всѣхъ убили, потомъ *въ гору* пошелъ, свою жену взялъ, спустился, жили. Сказано.

Примѣчанія къ № 23.

1. *(Ко всему тексту).* Сюжетъ требуетъ объясненія. Всякая удачная охота на медвѣдя обязательно влечетъ за собою религіозное родовое празднество, во время котораго мясо медвѣдя должно быть частью съѣдено, частью увезено къ родственникамъ съ материнской стороны. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ герой разсказа увозитъ все мясо куда-то въ тайгу, — величайшее преступленіе, жестоко караемое богами. Только нѣчто чрезвычайное могло заставить нашего Гиляка совершить такое преступленіе: это именно любовь къ женщинѣ-тигру, существу еще болѣе могущественному, чѣмъ медвѣдь! На этой женщинѣ онъ и, какъ оказывается, женился. Поводомъ къ возникновенію подобной легенды могъ послужить случай специфической болѣзни первобытныхъ народовъ, порождаемой, вѣроятно, сновидѣніями и склонностью къ навязчивымъ идеямъ и состоящей въ воображаемой любви къ какому-нибудь представителю животнаго міра. Одержимый такой болѣзнью, нашъ герой могъ отвезти все мясо въ горы, какъ жертву и дань любви роду своей возлюбленной. Если онъ при этихъ обстоятельствахъ въ горахъ погибъ или умеръ даже по возвращеніи, это должно было послужить несомнѣннымъ доказательствомъ того, что онъ пошелъ къ возлюбленной. Пѣснь кликуши (стр. 4—7), въ трансѣ угадывающей причину таинственнаго увоза медвѣжьяго мяса ея братомъ, и затѣмъ предбрачныя жертвоприношенія, слишкомъ напоминающія погребальныя (см. стр. 8), повидимому, подтверждаютъ наше предположеніе, что герой легенды въ дѣйствительности погибъ, и причина гибели была соотвѣтственно растолкована шаманомъ или шаманствующей истеричкой-кликушей.

2 *(стр. 2).* hіухаў, hіухарыў — 'окончательно убилъ'. — hіунд — спеціальный терминъ, примѣняемый только по отношенію къ медвѣдю, причемъ часто

объяснительное дополненіе (медвѣдь) совершенно опускается, такъ какъ употреблять всуе имя священнаго животнаго считается несовсѣмъ безопаснымъ.

3 *(стр. 3)*. 'Для другихъ людей угощеніе сдѣлалъ', т. е., изъ различныхъ блюдъ, за исключеніемъ медвѣжьяго мяса, которое онъ съ собою увезъ.

3 *(стр. 3)*. Парцнын-аӯц-ахтох—'къ нижнему мысу', букв.: 'къ нижнему концу (т. е., ближе лежащему къ устью) *прибрежнаго* увала'. — Дѣйствіе происходило на берегу р. Тыми, гдѣ прибрежные увалы образуютъ безконечный рядъ извилинъ, замыкающихся съ обоихъ концовъ мысами, однимъ, ближе лежащимъ къ верховью, другимъ — къ устью. Герой нашъ поѣхалъ, значитъ, внизъ по теченію, къ ближайшему мысу.

4 *(стр. 4)*. Маӯынґ̊ — 'когда вернулся', букв.: 'когда спустился', т. е., спустился съ горы, куда понесъ мясо.

5 *(стр. 4)*. Пут выӯкр̆ маӯыӯ—'однимъ тѣломъ своимъ только спустился', т. е., вернулся ни съ чѣмъ, безъ медвѣжьяго мяса.

6 *(стр. 4)*. Ћаунтар̆—'*кликушей* запѣла'. — Среди Гилякъ очень много субъектовъ «кликушничающихъ» (ћаутанд-цiӯывынґ), больше всего женщинъ. Припадки выражаются конвульсіями и бормотаніемъ или напѣваніемъ безсвязныхъ словъ. Чувствуется боль во всемъ тѣлѣ («душа уходитъ»). Въ это время больной находится въ безсознательномъ состояніи. Припадки часто заканчиваются глубокимъ обморокомъ, послѣ котораго больной, очнувшись, часто не безъ помощи холоднаго душа, разсказываетъ про видѣнное имъ во время своей «смерти», про чертей, горныхъ, морскихъ, небесныхъ и. т. д. людей, и все это принимается, конечно, съ глубокой вѣрой въ реальность видѣній.

7 *(стр. 5)*. Кет—такъ называется у Гилякъ все восточное побережье о. Сахалина. У русскихъ оно извѣстно подъ именемъ Тро (искаженное орокское Доро). На этомъ побережьи расположены самыя высокія горы средней части острова, и именно на вершинахъ этихъ горъ скорѣе всего должна была жить возлюбленная изъ племени хозяина тигра.

8 *(стр. 5 — 6)*. Тигръ считается гораздо могущественнѣе медвѣдя, а потому и жертвы ему воздаются болѣе богатыя: собаки, для него убиваемыя, должны быть всѣхъ сортовъ, а «мось» — изъ кожъ всѣхъ сортовъ рыбы, между тѣмъ какъ медвѣдь довольствуется часто «мосемъ» изъ кожи одного только сорта рыбы. «Мось» см. № 5, пр. 10. — Перечисленныя въ пѣснѣ кликуши и въ дальнѣйшемъ разсказѣ предбрачныя жертвоприношенія въ дѣйствительности имѣютъ мѣсто въ погребальномъ ритуалѣ и въ частности въ случаѣ смерти, причиненной тигромъ, чѣмъ вполнѣ подверждается высказанное нами въ концѣ пр. 1 предположеніе о происхожденіи легенды.

9 *(стр. 6—7)*. 'Къ своей невѣсткѣ зайду, съ ней вмѣстѣ табаку покурю', т. е., къ женщинѣ-тигру, женѣ брата. Эти слова она произноситъ съ особенной гордостью. Въ самомъ дѣлѣ: породниться съ тигромъ и запросто покурить съ нимъ вмѣстѣ табаку (т. е., поочередно затягиваясь изъ одной трубки) — перспектива, которая можетъ вскружить голову любому, даже самому гордому представителю гиляцкаго племени.

10 *(стр. 7)*. Муӯ—'умерла', т. е., упала въ обморокъ, см. № 21 пр. 18.

24.

Чхыф-пу-авын-шанх.

Шанх меныӈ пыр̆к вавд ӈунывынд ӈо фіт ӈунывынд. Чо наныӈгыт пар̆к ӈувal чар, ӈаӈгр̆ наныӈгыт ӈувal чар: ыӆхіт ӈунывыт. Пат тамат ӈунывыт, ӈымпат рунд-рунд аінд: ыӆхіт ӈунывынд. Ӆшак угрыт ыр̆кт ӆат віт. Фет ах пӗарут ехт пӗорох пшыт макіфут. Ӈінгарух макт уӗкынтох jугыд ӈувмірох чіу latр̆. Ijаӗк: «Рунд-нг̣ чіу latнд, наныха?» Інаных ітр̆: «Таjӈ̆уӈгра! Рунд ӈанд jajмуіша!» Jаӗх ітр̆: «Іхlытныӈгра, шактох jугіша!» І-наных ітр̆: «Уplакра, jугнате!» Jаӗх ітр̆: «Jугнате!» Угрыт jугд шіlыгыд: понаӈ̆ӈтох тывыт: тур̆ сік jехарыр̆ ӈірӈ чір̆ івыв кур̆ ӈунывынд!... Ішвыв піт — «Нанка!» jаӗх ітр̆, «рунд ӈанд jаімыша!» Ӈы наных ітр̆: «Таjӈ̆уӈгра, ӈат іӈіахна!» Ах jе-наных хгер̆ іӈіш паӗк херыр̆: «Ӈіjа!» Е-jаӗк ітр̆: «Еӗхандра, ӈат іхlунд!» Jе-наных ітр̆: «Ӈат іӈінон ӄхоінындра!» Ах ӄхот ах меныӈ ӄхот. Ӈыӈ ыр̆к jе-наных ӽlajныр̆, jаӗк тыкыр̆ інтыр̆: lele туӷур hелелор̆! Jаӗк іхlур̆ ӄхо-рерыр̆. І-наных паіӈшак ӽlajор̆. Jаӗк ах ӄхор̆ тajрур̆, hарор̆

Женщина, вышедшая замужъ за медвѣдя.

Женщины двѣ *вдвоемъ* только вмѣстѣ жили, въ амбарѣ жили. *Всякій разъ какъ* рыбу ловили, все тутъ полно было, тюленя когда били, *все* тутъ полно было: въ изобиліи жили. Одинъ день дома сидѣли, другой день что-нибудь дѣлали: въ изобиліи жили. Однажды вмѣстѣ по ягоды пошли. Набрали, вотъ полно наложили, обратно пошли, къ своему амбару пришли, подниматься стали. По лѣстницѣ поднялись, въ сѣни вошли, извнутри шумъ послышался. Младшая сестра: «Что это за шумъ слышенъ, сестра?» Старшая сказала: «Не знаю! Что это такое, не понимаю!» Младшая сестра сказала: «Боюсь, ни за что не войду!» Старшая сестра сказала: «Ничего, войдемъ!» Младшая сказала: «Ну, войдемъ!» Вмѣстѣ вошли, дверь открыли, на среднюю нару посмотрѣли: мясо все сварено, въ блюдо положено и на нару поставлено!... На свою нару сѣли. — «Сестра!» сказала младшая, «что это такое, не понимаю!» Та старшая сестра сказала: «Не знаю, но я ѣсть буду!» Вотъ старшая сестра взяла, ѣла, своей младшей сестрѣ сказала: «Ѣшь!» Младшая сестра сказала: «Не желаю, я боюсь!» Старшая сестра сказала: «А я поѣвши спать собираюсь!» Вотъ онѣ спали, вотъ обѣ спали. Ночью старшая сестра *съ кѣмъ-то* разговаривать стала, младшая приподнялась, посмотрѣла: *кругомъ какъ* огнемъ свѣтитъ! Младшая сестра испугалась, спать не можетъ. Старшая сестра все разговариваетъ. Младшая

јашіў тыкыў: ах кўруў ќхаl-хálыр! Пнаных ншыў і-нáных уіґé! Чех-зéх ч̀ахў-óзіў в̀етаў tloіў ќхаў кузіў, муспірох маӈыў му наныгыў: му н̀аќў уіґé, н̀аќў hунывыў. Маӈыў ӷоч̀ў кікў ќоў пнаных-тіфтох ќоў тывыў: чхыф-тіф-н̀аќў, је-нáных-тіф-наќў, чхыф-тіф-кін угрыт. Језгыф в̀еў је-нáных tloіў угрыт хімі макт. Јаск ізн тів урыў маӈыў, ізн туў маӈыў tloірá ізн туў маӈыў. Тав-н̀áќў hунывыў. Hуӈ тафтох југыў, је-нáӈых-ч̀оӈхў по-наӈӈ-hытá фіў. Јасх туў пнаных-ч̀оӈхў кеў. Јаск ітў: «Чі есмуў пу-авынд? Урахра!» Је-нáных-ч̀оӈхў ітў: «Уріптох ехарынд!» Јасх ітў: «Hымралáх ітындрá, іні̀ндхун ні іхlут ітнд! Јаӈ-вá ахтын хаврн-lо? Чі геў ін̀іў, јаӈ-вá ахтын хаврн-lо?» Је-нáных-з̀оӈхў вууў. Јасх пнанах-з̀оӈхў геў hузус̀ ч̀аў. Hуӈ чхыф hуўкыӈух кузіў hавјохарыў. Мшанх tloіў кузіў піӈгў віў ші-тіў еўфáіў сік јавхуў. Hуӈ чхыф ќаў ші рукў: wat ваўк! Сік јаг-нáхзіў ч̀оосххаре́. Мшанк tloіў ехыў пфорох пшыў, пшафтох југыў усќыӈтох југыў. Је-нáных hузмі фіў ќхоў. Јаск југыў: «Чі ахў пшынд?» Наных ітў:

сестра наконецъ уснула, *ничего больше* не слыша, затѣмъ проснулась, приподнялась: уже разсвѣло, свѣтло стало! Свою старшую сестру посмотрѣла: ея старшей сестры не оказалось! Засуетилась, вскочила, одѣлась, бѣгомъ спустившись (*съ нары*) вышла, къ причалу спустилась, лодку искала: одной лодки не оказалось, одна осталась. Подошла, спихнула, грести *стала*, поѣхала, къ слѣду своей старшей сестры подъѣхала, посмотрѣла: медвѣжій слѣдъ одинъ, ея старшей сестры слѣдъ одинъ, съ медвѣжьимъ слѣдомъ вмѣстѣ. Ея медвѣдь бѣгомъ, ея старшая сестра бѣгомъ вмѣстѣ въ гору поднялись. Младшая сестра по ихъ слѣду *въ гору* поднялась, за ними вслѣдъ *въ гору* побѣжала, за ними вслѣдъ забралась. Юрта одна стояла. Въ ту юрту вошла, ея старшей сестры голова по серединѣ средней нары лежала. Младшая сестра *на нару* забралась, своей старшей сестры голову достала. Младшая сестра сказала: «Ты по любви замужъ пошла? Недурно!» Ея старшей сестры голова сказала: «Думала, что хорошо *будетъ!*» Младшая сестра сказала: «Вѣдь говорила я, говорила, что боюсь *этихъ* закусокъ! Почему не послушалась? Ты взяла, ѣла, почему не послушалась?» Ея старшей сестры голова заплакала. Младшая сестра голову своей старшей сестры взяла, со всѣхъ сторонъ колотила. Тотъ медвѣдь изъ-за угла вышелъ, пасть разинувъ. Наша женщина бѣгомъ вышла, убѣжала, дверь закрыла, плюнула, всю заклеила. Тотъ медвѣдь подошелъ, въ дверь зубами вцѣпился: желѣзо только! Всѣ свои зубы сломалъ. Наша женщина бѣгомъ обратно пустилась, въ свою деревню пришла, въ свою юрту вошла, въ сѣни вошла. Ея старшая сестра внутри находилась, спала. Младшая сестра вошла: «Ты когда пришла?» Старшая сестра сказала: «Медвѣдь меня за-

«Чхыф ӈі хгеӽ ӈі шоӽ-віӽ, сік ӈут ӈіхарыӽ ӈі-ӵо̀ӵхӽ паӽк ӈунчіӽ. Чі ӈі -зо̀ӵхӽ хгеӽ ӈузу̀с ӵаӽ іхмуфке́, ӈі моӽхауӽ; наӵкыт ӈі пшынд пшаф піт чіхт ӈунывыт». Јаск ітӽ: «Меп нафат чхыф пшынтох каук, мен муіныф паӽк!» (јаск ітӽ).

бралъ, меня увезъ, все мое тѣло съѣлъ, мою голову только оставилъ. Ты мою голову взяла, во всѣ стороны колотила-колотила, я воскресла; такъ-то я пришла, въ своей юртѣ находясь тебя дожидалась». Младшая сестра сказала: «Къ намъ теперь уже медвѣдь не придетъ, мы начнемъ только помирать!» (младшая сестра сказала).

Примѣчанія къ № 24.

1 *(стр. 3)*. Ӈузаl чар = ӈузаl чарјонд, букв.: 'тутъ наполняли', т. е., всегда у нихъ все въ изобиліи ловилось.

2 *(стр. 5)*. Пс̀арут, букв.: 'себя (п' = пі) наполнили'.

3 *(стр. 24)*. Ӈузу̀с — 'со всѣхъ сторонъ', букв.: 'тутъ и тамъ' (ӈузу̀с — повидимому, удвоеніе отъ ӈуз̀ — 'тутъ'.

4 *(стр. 24)*. 'Своей старшей сестры голову взяла, со всѣхъ сторонъ била', очевидно для того, чтобы вытряхнуть одну изъ маленькихъ душъ, имѣющихъ свое мѣстопребываніе въ головѣ. Эта маленькая душа сейчасъ же по освобожденіи воскрешаетъ человѣка, превращаясь въ дубликатъ умершаго, какъ это и случилось съ нашей героиней ('ты во всѣ стороны колотила (голову), я воскресла' стр. 30).

5 *(стр. 31)*. 'Мы начнемъ только помирать', т. е., медвѣдь заставить насъ умереть, чтобы забрать ихъ къ себѣ послѣ смерти.

25.

Пал-аӈӷej-хген-ӈіӷывыӈ.

Ӈен быӽк пігрыӽ ӵаӽехоӽ вінд. Наф-нан павыв чхаӽ танд, ӈафке́ јашара́ пілӓ́н-ихухупд ӈахӽ! Ӈуневунѓ̣ шактох паӽк-ӏу шанк-awy ӏун-awy пакі́-факі́ маӷыӽ, ӈафке́ паге́ чіу ӈаӽ маӷымкуӽ індынд: чемраң пітӏ́ ӈарӗ́ӽ

Гилякъ, женившійся на горной женщинѣ.

Одинъ *Гилякъ* самъ одинъ только на охоту отправился. Вотъ вечеромъ онъ дрова рубилъ, вдругъ передъ нимъ большая сопка одна *появилась!* Спустя нѣкоторое время откуда-то женскій голосъ, поющій голосъ все ближе и ближе *съ горы* спускаться сталъ, наконецъ *сама* показалась, шумъ *побрякушекъ* послышался, такъ *ее* спускающуюся увидѣлъ: *съ* коромысломъ на плечахъ такъ

маӈынд. Ынаје́, оӣ-lo wat тамlахра́! Ынаје́, меӡк рамра́! Чемраӷ пітӣ hарӗ́р̆ ч̣ах ӆаӣ маӈынд, ја-ӆа́р̆ехун-ірох маӈынд. Hаӷа́ наф-нан пхт оӆіӣ іфӯхареӣ індынд; ч̣ах пӗро́р̆ пхыӣ теӽеjфунд. Hаӷа́ мызӕн навх пхыхыӡ турӗпа́зіӣ ч̣аӣкрыӣ ерах віӣ ја-ӷа́уӣ-hытых ӡікуӣ наф-нан еӆӣ іхмыӣ ӡікуӣ; ухмуӣ-ухмуро́р̆ мlоӈфу-зіӷ-мlоӈфура́, hаро́р̆ ӄхаlы́ індынӷа́: ӡшуӡк-шы ваӣк ӡікуӣ ухмунд!... Наф-нан hуӈхе́ теӽаӣ. Індынӷа́: ја-ша́нк hуӈхе́ кныӆкуӣ, псемраӷ пітӣ hарӗ́р̆ jе-wа́т-ӆіу черjоӣ кныӆкуӣ вінд. Півӣырох jугуӣ, lele кым шанк hуівундхыӡ іӊін-ӆіӷ кедра́. Урпынтата́ теӽыӣ поӡіӣ ӄхонд. Hаро́р̆ hымпа́т татын оӡіӣ, ӆаӣехон дінӷ хавра́ ку ӡшанк hуівундхыӡ. Паjӆшак поӡінтата́ ӆыуӣ. Намӣ-ырӆухе́ куӡіӣ, ан-ӡаj чхаӣ танд. Hаӷа́ ан-ӡаj кым шанк паге́, ан ч̣ах ӆар псемраӆ пітӣ hарӗ́р̆ маӈынд. Нав-ат маӈыфӗ́р̆кентох ан-ӡаj ч̣аӣкӣ туре́-віӣ, ан-ӡаj ја-ӷа́уӣ-hыта́х ӡікуӣ хітіӣ jal laӣ-lapа́, hаро́р̆ ӄхаlы́ інтынӷа́: ја-ша́нк кныӆкуӣ маӈыӣ, ан-ӡаj ч̣ах пӗӣ ӡшікхун хечіӣ hеӡ тівхарнкура́, гыlан таj гусіӣ, рунд-тунд-чфаӣку-аj-hап-hонтек кусіӣ, тамх lупӣ наф-нан тугур ункуӣ тамых танд. Мызӕн навх пата́-анкуӣ токӣ-шо́кӣ ерах маӈыӣ. Маlыфтох маӈынӷа́ чхыф-поӆ-іхӣ пal-ва

спускалась. Ой, ой, ой, на платьѣ побрякушекъ множество! Ой, ой, ой, сережекъ множество! *Съ* коромысломъ на плечахъ такъ по воду спускалась, къ его охотничьей рѣчкѣ спускалась. Тогда вотъ *онъ* свой топоръ поднялъ, на него оперся, посмотрѣлъ: *она*, воды набравъ, обратно *въ гору* подниматься собирается. Тогда нашъ другъ свой топоръ отбросилъ, вскочилъ, къ ней подошелъ, за животъ самый *её* обхватилъ, затѣмъ прижималъ, обнимая; крѣпко прижимая *её*, глаза зажмурилъ, когда открылъ ихъ и посмотрѣлъ: свою еловую дверь только обнималъ!.... Послѣ этого оттуда вверхъ пошелъ. Когда онъ посмотрѣлъ: его женщина оттуда удалялась, со своимъ коромысломъ на плечахъ (такъ вотъ), своими побрякушками шумя, съ плачемъ удалялась. Въ свой шалашъ зашелъ, очень по той женщинѣ тоскуя, ѣсть ничего не желалъ. Голодный *на нару* забрался, легъ, уснулъ. Затѣмъ на другой день рано проснулся, ловушекъ ни одной не поставилъ, о той своей женщинѣ все думая. Пока онъ все время лежалъ, стемнѣло. О вчерашнюю пору вышелъ, снова дрова рубилъ. Вотъ снова та женщина показалась, снова по воду съ коромысломъ на плечѣ такъ спускалась. Тогда по направленію къ спуску снова прыгнулъ, бросился, опять за самый животъ обхватилъ, поднялъ, на воздухъ поднялъ, потомъ *глаза* раскрывъ, посмотрѣвъ: его женщина удаляясь *къ рѣкѣ* спускалась, снова воду набрала, свои ведра вынула, на берегъ поставила, длинную трубку достала, разными цѣпочками обвѣшанный, такой кисетъ достала, табаку набрала, затѣмъ огонь зажгла, закурила. Нашъ другъ тихонечко подкрадываясь къ ней спустился. Близко подошедши, подобно *тому*, какъ бросаются на медвѣдя, на нее набросился,

пӕ̀кывыр̆, наф-нан евнд. Ӈым щанк пата́ ӈытыр̆, ӈанг̣а́ је-зо́ӆкр̆-тмынк тоӆ-рох маӻымпа́. Ӈуных наф-нан анар̆ ӣ̈кур̆, ухмур̆; кхалы́ ӈар̆ индынг̣а́: кӏа хун пӏан чӏеуӏан пах ӣ̈кур̆ ухмур! Индынг̣а́ наф-нан турре́ пӕ̀фкыӕ̀ пазӣр̆, Ӈым шанк аіф-нынкур̆ нех-воцір̆ ӈуневунд. Мызӣн навх наф-нан чоррр-хар̆, наф-нан умр̆ чондох чінг хавр̆, піфшытох теӻыр̆ jугур̆ пок̆хун чіу-сіур̆ хітір̆ х̆аура́. Наф-нан кынӌ шанх паге́ теӻыр̆ пшікхун коцір̆; ја-шы́мых-орыр̆ чіро́р̆ ја-шы́ чакевыр̆ jугунд, ја-кур̆-еркепухе́ маӻыр̆ ӈупынд. Ӈанг̣а́: «Тыӌ шапк нӕ̀сіӌгрунд нӑрахра́! Ні чонд хаврінд! Ӆар̆хухаj конунд нӑн поӌ ӆарі-ныныф-ціng; сік выкызта́!» Ӈанг̣а́ ја-ша́пк ітынд: «Ні цсіӌгрунд хавриндра́, чі пар̆к нвінкоијо́р̆ вір̆ пшуӕ̀к-шы ва тікур̆, ні тама́т тамых тахар; аіф-чінг нвінкоијо́р̆ lele маӻыр̆ тоӆ-хуӌ-чаф пар̆к тікур̆! Ӈар̆ ӈуневун хавр-lo? Наф-ат ӈан пер̆кенух черах jугундра́!» Ӈанг̣а́ мызӣн нафк ітынд: «Наф-ат нӧӌ-гарjа́, ні чхel ехарундра́!» Ӈанг̣а́ Ӈым шанк ітынд: «Нан Ӈат ехарундра́!» Наф-нан ах Ӈуных вавендхун Ӈат ӈуневыфке́, наф-нан порох паӈ̆ej тор̆ ма-ӻынд, Ӈунд lele паӆ-аӈ̆ej гер̆, ах нар̆ рунд-дунд іхынд ушкунд.

вотъ держитъ. Та женщина тихонько нагнулась, тогда онъ черезъ ея голову въ воду бухнулъ. Здѣсь вотъ все же продолжалъ обнимать *её*; *но когда*, глаза раскрывъ, посмотрѣлъ: на днѣ лежавшій большой бѣлый камень крѣпко обнималъ! Посмотрѣвъ, выскочилъ, свой камень бросилъ. Та женщина, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ и давеча, сидѣла. Нашъ другъ вотъ насквозь промокъ, вотъ разсердился, не глядя ни на кого, къ своему ша-лашу пошелъ, вошелъ, свою одежду снялъ, повѣсилъ, сушилъ. Вдругъ та женщина показалась, *къ шалашу* взобралась, свои ведра поставила; близъ двери помочившись, его дверь открыла, вошла, близъ его сидѣнія опустилась, сѣла. Тогда онъ: «Та женщина меня мучитъ страшно! Смотрѣть *на неё не хочу!* Если бы я ловушки ставилъ, бѣляка одного хоть поймалъ-бы; *теперь* все потерялъ!» Тогда его женщина сказала: «Я тебя не мучила, ты самъ меня выпустивши пошелъ, свою еловую дверь только обнималъ, я спокойно табакъ *себѣ* курила; точно также, меня выпустивъ, ты совсѣмъ *въ воду* спустился, въ водѣ лежавшій камень только обнималъ! Развѣ не такъ было? Теперь я добровольно къ тебѣ пришла!» Тогда нашъ другъ сказалъ: «Теперь меня пожалѣй, я взять тебя думаю!» Тогда та женщина сказала: «Я тоже такъ думаю!» Тогда вотъ здѣсь вмѣстѣ когда такъ пожили, онъ вотъ въ свою деревню, жену свою забравъ, отправился, ту настоящую горную женщину *въ жены* взялъ, вотъ тогда дичь всякую убивалъ, приносилъ.

Примѣчанія къ № 25.

1 *(стр. 2)*. Пігрыў, букв.: 'самъ съ собой'.

2 *(стр. 6)*. 'Ја-ԓа́ўехун-ірох' — 'къ его охотничьей рѣчкѣ', т. е., къ его рѣчкѣ, по которой онъ пришелъ ставить петли и ловушки. — Рѣчки каждой родовой территоріи распредѣляются въ личное пользованіе между отдѣльными семьями и лицами и остаются въ ихъ исключительномъ распоряженіи во все время фактическаго пользованія: двухлѣтнее непользованіе своей рѣчкой обращаетъ ее въ res nullius, и ею можетъ пользоваться всякій членъ рода.

3 *(стр. 9)*. Ќхаӏы́ — букв.: '*когда* свѣтло стало', т. е., когда снова открылъ глаза.

3 *(стр. 20)*. Чхыф-поц-іхў — 'подобно тому, какъ бросаются (схватываютъ) на медвѣдя', т. е., набрасываясь животомъ на голову, — способъ, употребляемый всякій разъ, когда нужно связать медвѣдя при вывожденіи его изъ клѣтки, или когда выгоняютъ медвѣдя изъ берлоги зимою.

4 *(стр. 24)*. Аіф-ныкнуў — 'какъ ни въ чемъ не бывало', букв.: 'примѣръ дѣлая'.

5 *(ко всему тексту)*. Происхожденіе подобныхъ разсказовъ, въ частности такихъ странныхъ деталей, какъ напр., обниманіе двери или камня, вмѣсто женщины, или неожиданное появленіе сопки и т. п., вполнѣ объясняются своеобразными условіями жизни одинокаго охотника-Гиляка въ сезонъ ловли соболя. Сейчасъ по окончаніи хода рыбы, въ концѣ сентября, Гилякъ отправляется на свою родовую рѣчку. Здѣсь онъ устраивается вплоть до ледостава въ крошечномъ балаганчикѣ. Сначала онъ цѣлыми днями чиститъ рѣчку отъ коряжинъ, ставитъ петли и ловушки, затѣмъ, по окончаніи всѣхъ приготовленій, ежедневно дѣлаетъ обходъ своимъ снастямъ. Если погода хороша, если охота удачна, Гилякъ сытъ, веселъ и здоровъ. Но бываетъ, что охота неудачна, провизія вышла, задуваютъ бураны, продолжающіеся днями, втеченіи которыхъ на нѣсколько шаговъ удалиться отъ балагана невозможно, не рискуя погибнуть. Ужаснѣе всего ночи, когда каждое завываніе вѣтра, каждый вой звѣря, каждый странный шумъ наполняетъ воображеніе Гиляка всѣми ужасами его ужасной миѳологіи (примѣры увидимъ въ дальнѣйшихъ текстахъ). Истощенный голодомъ и холодомъ, въ жестокой лихорадкѣ онъ начинаетъ бредить, галлюцинировать. . . . . Но, наконецъ, буранъ уляжется, опять наступаетъ ясная погода, и, если организмъ выдержитъ, охотникъ снова побредетъ къ своимъ ловушкамъ, но галлюцинаціи одиночества, особенно галлюцинаціи эротическія, не скоро его оставятъ, и ему будетъ слышаться женское пѣніе, звонъ женскихъ побрякушекъ, онъ увидитъ, наконецъ, и свою возлюбленную, которая, послѣ горячихъ объятій, окажется его собственной дверью. И, по возвращеніи къ своимъ сородичамъ, охотникъ будетъ искренно разсказывать о своихъ галлюцинаціяхъ, какъ о самой реальной дѣйствительности. Впрочемъ, даже при самыхъ благопріятныхъ для охоты условіяхъ галлюцінаціи совершенно возможны подъ вліяніемъ одного только фактора одиночества, потому-что такія явленія извѣстны изъ жизни сидящихъ въ одиночномъ заключеніи.

26 (варіантъ № 25).

Кінгах ӈіӽывың ӈеныг паӈк ӈунывынд, ӈіӽывың ахӈ јахзурá. Ӈаҡкє́ кӏыерхнух шанх ерах југынд. — «Ӈалá, чі јаӈӈ ишынд-иґа́?» — «Черах чмаіындра!» ӈаӈ ӈым ранх ітнд. — «Ӈалá, ӈі чхеіндра!». Ах ӈым ранх ах кузіӈ. Ӈың ӈіӽвың ерах віӈ ишікӈ. Інтынґа́: е ӈаӽӈ ишікӈ! Ан-ӡі індынґа́: енафух ӄај віӈ. Ехыс ӈазіӈ, ӄај віӈ евӈ; індынґа́: ӈіф паӈк! Ихыс ӈазіӈ. Чај індынґа́: ан-ӡі віӈ. Чај віӈ евӈ. Індынґа́: ӄха!ымыӈ паӈк! Ӈым ранх віра́х.

Однажды человѣкъ одинъ одиноко жилъ, человѣка никакого не зная. Наконецъ со двора женщина къ нему *въ юрту* пришла. — «Эй, ты зачѣмъ пришла?» — «Къ тебѣ въ гости пришла!» такъ та женщина сказала. — «Ну, я тебя *въ жены* возьму!» Тогда та женщина вотъ вышла. Тотъ человѣкъ къ ней подошелъ, *её* обнялъ. *Когда* посмотрѣлъ: гребень только обнималъ! Снова *когда* посмотрѣлъ: *она* съ другой стороны снова подошла. Гребень бросилъ, снова подошелъ, схватилъ; когда посмотрѣлъ: береза только! Бросилъ её. *Когда* снова посмотрѣлъ: она опять пришла. Снова подошелъ, схватилъ. *Когда* посмотрѣлъ: доска только! Та женщина уже ушла.

Примѣчаніе къ № 26.

1 *(ко всему тексту)*. Основа сюжета — эротическая галлюцинація одиночества (см. № 25, прим. 5).

2 *(стр. 1)*. Ӈіӽывың ахӈ јахзурá, букв.: ‘человѣка даже (также) не зная’.

27.

Ӏаӈгӈ-иу-авн-шанх.

Шанх ӈен быӈк ӈунывыӈ: поч-урнд-ӏо, татá шанх-ӏо! Муӆк геӈ ӄах ӈаӈ маґыӈ, ӄах ӈеӈ шоӈ-тéґаӈ. Азімыч ӈеныӈ шы!ыгыӈ југуӈ інтыӈ, ӈу

Женщина, вышедшая замужъ за тюленя.

Женщина одинокая жила: прекрасполицая, красавица женщина! *Вотъ* ведро взяла, по воду пошла, воды набрала, принесла. Мужчина одинъ дверь открылъ, вошелъ, посмотрѣлъ, на ту женщину посмотрѣлъ. Улыбнувшись,

шанх цшыў. Мул-муљóў туў ӽомі сівў. Ћуң шанх ітў: «Чеӽхандра!» ћаў ітў. Плоток геў кузір маӷыў кеўхңтох кныңкў віў. Ћуң азімыч̀ паўк таф піў ћунывыў: «Аніӈej наныгыт ћаі-ló! Ѝат ӷоӽкó! Уј, уј, уі, аніӈej уигé! Аніӈej кехаў тымрáңгут! Уј, уј, ӷоӽкó! Ѝат-ан-пі-поч̀-ýрндтох-ехарнгá -шанх ѝеӽканта́! Наңкфурó јаңі-ló?» Ћуң шанх ах віў віфкé. Кеўхңух куп ѝан теӷаў ӽомўтох пшіў ч̀акў-óзіў ніӈвуң муў: татá ніӈву-lo, поч̀-урахрá! Зелві јоцім бāрá, чоңкў кылахрá! «Чіхыӽ пупек хеіндрá! Еӽмохрá! Поч̀ -ýрlан-азімыч̀хыӽ пыч̀ кеінынд!» Ћу ніӈывың цўыілахó: ћу шанх нігáх-ӡак ћукў! Віў шікуў, ћу ніӈвуң тыкуў: «Равнатé!» Ах тамык-рáмык віт. Віфкé. . . Тав-ѝáхўтох віт, кылíх мің-а-рá. Југут. Ћуң тафтох југнá ћаімý мамыхч̀ ћунывыў: «Ѝехlаңкун шшындхунтá! Еӽмохрá! Туң ћупвé! Таф толохóн пыўк хајнапы̀ туң ћупвé! Ѝехlаңкун шшынд еӽмохрá!» Ах тут ћупт, ћу ніӈвуң паніӈej хеў: «Чај хавуја, ранатé, кырахрá!» Јаніӈej каў чај ӽавуў, ах јечíў, чај рат ах: «Мамá, чај раіны-lo?» — «Ћыңкá, чај раіндрá! Чај ніўң маўкын ѝахвé! Чіңхыӽ пі-крыгрыў кеінындрá! Ѝычíх шактох вінд-lo! Ујé, ујé, јаңграхрá! Шаӽтох вінд-lo! Ымӷыјá, кузíў паӀрох нгá наныгыў віјá!» Ах кузíў віў. Вінгá тlангінан цжыў ішіро́-тéрыў. Маӷыў

на нары забрался, повыше сѣлъ. Та женщина сказала: «Не хочу тебя!» такъ сказала. Платокъ взяла, вышла, спустилась, къ морю удаляясь пошла. Тотъ мужчина одинъ въ юртѣ остался: «Жену искалъ напрасно! О горе мнѣ! Ой, ой, ой, жены нѣтъ! Жену избралъ, вотъ такъ-то! Ой, ой, горе! Женщина, *которую* я-то считалъ своей красавицей, меня не хочетъ! Что подѣлаешь? Та женщина, вотъ пошла, долго шла. *Вотъ* изъ моря тюлень одинъ вышелъ, *на берегъ* выбрался, вскочилъ, человѣкомъ сталъ: красавецъ мужчина, прекраснолицый! Волосы приглажены, коса длиннѣйшая! *Женщина:* «Тебя муженькомъ своимъ сдѣлаю! О радость! Прекраснолицаго мужчину своимъ мужемъ сдѣлаю!» Тотъ человѣкъ, когда посмотрѣлъ: у той женщины слезы текли! Она подошла, обняла, того человѣка обняла: «Давай вмѣстѣ жить!» Вотъ они рука въ рукѣ пошли. Долго шли. . . . Къ юртѣ одной пришли, восемь саженъ въ длину имѣла. Вошли. Въ ту юрту когда вошли, глубокая старушка жила: «Мои дѣти пришли! О радость! Тутъ садитесь! Въ юртѣ хотя и грязно все, все-таки присядьте! Мои дѣти пришли, о радость!» Вотъ они *на нары* забрались, сѣли, тотъ человѣкъ своей женѣ сказалъ: «Чаю свари, пить будемъ, очень проголодался!» Его жена пошла, чай сварила, вотъ сняла, чай пили, потомъ: «Старуха, чаю пить хочешь-ли?» — «Да, чай пить буду! Чаю чашку наливъ, меня напоите! Я васъ своими поварами сдѣлаю! Мой старикъ куда -то запропастился! Ой, ой, несчастіе! Куда запропастился! Зятекъ, ступай, въ тайгу звѣря искать ступай!» Вотъ онъ вышелъ, отправился. Пошедши,

ӈупыр тамых тар кымлір кымлі-кымлефкэ́ осір ах маӷыр југыр: «Ӈі тлаӷі ӈан туіро́-терыӈгра́! Јаӈі-ло́? Ӈат-ан ӷоско́! Азімыч муінынд ӈаіло́! Ӈана́ ӈар азімыч мунд ӈара́!» Кузір ах чо панығыр вір, і-ру́лку́ чевыл гера́ вір, ӈој ӈан хур шор-ка́р паніӈ̧ej арра́, ӈу мам арра́. Ӈафкэ́ ехаӷаӷ шанк-ехаӷаӷ ӈеныӈ івт, ӈафкэ́ пілаӈ шанх мур, ах шанк урахра́, пу авіндра́. Ах ніӈ̧вуӈ ерах пшынд гет віт, пфорох віт наӈкат. Ӈафкэ́ ӈу-мам-ычіх пшыр, тлаӷі маре хур. Пымӷі ах тлаӷі-рур ӈар вінкур. Је-мы́ӷі маӷыр тлаӷі-рур папро́р маӷыр. Тлаӷі-рур јет інінд кр̆ызінку́. «Ымӷіја́, кр̆ызінку́ ініја́, ні-іхын-тла́ӷі-рур іхмы́р іниjá! Чат ӈа наныгыр вііхар іхынтох чіӷ хавр̆, нарkра́! Чі азімыч муінынд ӈаі-ло́! Ӈі-тыӈ-авлі́пк-ычіх-іхын-тур парк ніра́!»... Ах ымӷі оскар кузір ӈукр̆-ӈу́кур ӈжыро́р: «Уjс, уj, оскан віі-пындра́!» Ах тныцкр̆ вір віфкэ́. Тав-на́хр̆тох југӈ̧а́, ӈајму́ӈ ычіх ӈунывыр. Тур понаӷӈ тівр̆: «Ычіха́ вавын ӈуневнате́!» Ӈуӈ ычіх наӈ̧а́ітр̆: «Ӈыцка́!» Ах ӈу ніӈ̧вуӈ чхар ӈар вір. Вавт ӈуневыфкэ́ је-мӷі́ітр̆: «Аніӈ̧ej, ычіха́, кер̆-ло пі віінынд?» Ычіх муівыр̆: »Аӷӷо, тівіја́! Ӈі муіта-ло́ јехојло́!» Ӈымпа́т озінӈ̧а́ пычіх ӈунӈ̧а́: јечіх мур̆! «Уj, уj, нарkра́! Наӈкфуро́, јаӈі-ло́!» Позір

оленя одного увидѣлъ, нагнать не могъ. Спустился, сѣлъ, табакъ курилъ, думалъ, *послѣ того какъ* долго думалъ, поднялся, вотъ пошелъ, *въ юрту* вошелъ: «Я за оленемъ однимъ гнался, *нагнать* не могъ! Что подѣлаешь? Я несчастный! Не стать мнѣ мужчиной! Чего ради мужчиной сталъ!» Вышелъ, вотъ рыбу ловить пошелъ, по рѣчкѣ, шестъ взявъ, пошелъ, гоя одного убилъ, принесъ, свою жену накормилъ, ту старуху накормилъ. Потомъ ребенокъ, дѣвочка у нихъ родилась, потомъ *она* взрослой женщиной стала, красавицей женщиной, замужъ захотѣлось. Вотъ люди къ ней явились, *замужъ* взяли, ушли, въ свою деревню ушли, вотъ такъ-то. Потомъ той старухи мужъ пришелъ, оленей двухъ убилъ. Своего зятя вотъ за оленьимъ мясомъ послалъ. Зять пришелъ, оленье мясо на спину взваливъ, пришелъ. Оленье мясо сварили, ѣли, досыта *ѣли*. «Зять, досыта ѣшь, мясо мною убитаго оленя здорово ѣшь! Ты-то звѣря искать ходилъ, ничего не убилъ, жалко! Не стать тебѣ мужчиной! Мною, такимъ слабымъ старикомъ, добытое мясо ты ѣшь только!»... Вотъ зять разсердился, вышелъ, кругомъ посмотрѣвши, *сказалъ*: «Ой, ой, разозленный ухожу!» Вотъ изъ виду исчезъ, далеко пошелъ. *Когда* въ юрту одну вошелъ, глубокій старикъ тамъ находился. Пробрался, на среднюю нару сѣлъ: «Старикъ, вмѣстѣ жить давайте!» Тотъ старикъ тогда сказалъ: «Ладно!» Вотъ тотъ Гилякъ за дровами пошелъ. *Послѣ того какъ* вмѣстѣ пожили, зять сказалъ: «*За* женой, старикъ, пойти-бы хотѣлъ?» Старикъ хворый былъ: «Нѣтъ, оставайся! Я умру быть можетъ!» На другой день, *когда* онъ проснулся, своего старика посмотрѣлъ: его старикъ мертвый былъ!» Ой, ой, жалко! Такъ-то,

ӄхоӈ, ӈымпáт оӵнáᵒ ах муівыӈ. Ӈунывыфкέ теӻаӈ півтох поӡіӈ ӷауӈ ᵒқоӈ: «Ӈыӵá, ӷауӈ ᵒқохрá!» Поӄ геӈ фічíӈ ах муӈ: поӄ геӈ пфанірá ӈаӷáᵒ муӈ.

что подѣлаешь?» Легъ, уснулъ, на другой день, когда проснулся, вотъ больнымъ оказался. Посидѣвъ, *на нару* забрался, на свое мѣсто легъ, брюхо болѣло. «Ой, брюхо болитъ!» Свою шубу досталъ, прикрылся и умеръ: свою шубу досталъ, закрылся и такъ умеръ.

Примѣчанія къ № 27.

1 *(стр. 2)*. Татá шанх-ӏо, букв.: «вотъ ужъ какая женщина!»

2 *(стр. 28)*. Пымӻі — 'своего зятя'. — Ымӻі — 'зять' — коллективное названіе цѣлаго ряда лицъ, имѣющихъ право жениться на женщинахъ даннаго рода, и потому, какъ и въ данномъ случаѣ, это названіе не всегда предполагаетъ дѣйствительное родство. На Амурѣ терминъ «навх», весьма близкій къ термину «ымӻі», превратился въ простой терминъ обращенія, въ смыслѣ «другъ, товарищъ».

3 *(ко всему тексту)*. Интересъ этого текста заключается въ томъ, что, въ противоположность предыдущимъ текстамъ этого цикла съ героями-возлюбленными изъ животнаго царства, здѣсь герой-тюлень трактуется съ чисто человѣческой точки зрѣнія, какъ существо страдающее отъ неприспособленности къ новой средѣ и новымъ формамъ борьбы за существованіе. На охотѣ онъ неудачникъ, всѣ его дразнятъ и попрекаютъ каждымъ кускомъ мяса. «Не стать тебѣ мужчиной! Ты ѣшь только мясо, добытое слабымъ старикомъ!», упрекаетъ его старикъ. И онъ бѣжитъ обозленный куда глаза глядятъ, ища гостепріимства у больного старика. Съ большимъ художественнымъ тактомъ авторъ заставляетъ несчастнаго героя умереть такъ же жалко, безпомощно, какъ и жилъ: «шубой прыкрылся и умеръ». Нужно замѣтить, что такой финалъ не представляетъ ничего необыкновеннаго: заразныя болѣзни (въ данномъ случаѣ герой заразился отъ больного старика) убиваютъ Гилякъ, какъ и вообще первобытныхъ людей, съ чрезвычайной быстротой, часто за какія-нибудь сутки и того меньше.

28.

Кєх̌-пу-авн-шанх.

Руі-вуӈкун ӏылы-вέрун-ӈунывын-шанх-ехӏунг-ӈенынӈ ајвут. Вех-ты -фінг ӏылы х̌оӻӏа-ніӻывынӈ геінхаӈ керыд. Шӑнгі-ніпг х̌оӻӏаӈ геінхаӈ керыд.

Женщина, вышедшая замужъ за лисицу.

Въ селеніи Дуи жила весьма славившаяся дѣвушка одна. Вяхтинскій житель, очень богатый человѣкъ, сильно *ее* взять хотѣлъ, отказали. Танговскій житель богатый сильно её взять хотѣлъ, отказали. Затѣмъ съ за-

Ӈафкэ́ тахр̆ух пілан'шыр̆кың сарут теӈат; ӷаӷат, нанӷ́ ізн кымыр̆ кек-ок шанха́ гера́. Мусп̀іх пшы аіт івыт ӈунывхарт. Ӈато́т ӈым паӈыв теӈат к̆хот. Ыр̆к-ӈытанӷ́ ӈуң шанх озір̆ ізн ӷшыр̆: сік кех̆ вар̆к!.... Азрыңкр̆ ток̆-ро́к̆р̆ кузір̆ теӈар̆ ер̆кун херыр̆. Песхар̆ тот маӈыт ізн ар̆пт ізн чат ізн хуфкэ́, чах̆р̆ чоңхр̆-тмынк чаӄрт кузіт вііпдхун. Наңхур̆ тукр̆-міф кех̆ івнд.

надной стороны большая *морская* лодка, биткомъ набитая, подъѣхала; сватали, потомъ имъ *дѣвушку* отдали, лисьихъ шубъ множество получивъ *за нее*. *Тѣ* у причала балаганъ сдѣлавъ, жили, поживали. Послѣ этого въ тотъ вечеръ *на свои постели* забрались, уснули. Въ полночь та женщина проснулась, на нихъ посмотрѣла: все лисицы только!.. Тихонько крадучись вышла, *къ юртамъ* поднялась, своимъ «отцамъ» разсказала. *Тѣ* свои палки взяли, *къ берегу* спустились, *выходъ* загородили, ихъ *палками* били и, ихъ перебивъ, черезъ три головы перескакивая, *изъ балагана* выбравшись, ушли. Съ тѣхъ поръ въ посюсторонней землѣ стали водиться лисицы.

Примѣчанія къ № 28.

1 *(стр. 2)*. Руі-вуцкун'.... ајвут — букв.: 'жители с. Дуи весьма славящуюся дѣвушку одну содержали'.— Сел. Дуи (по гиляцки: Дуі и Руі) находилось въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь русскій постъ того же имени на западномъ берегу о. Сахалина. Съ приходомъ русскихъ мѣстные Гиляки выселились въ сосѣднія селенія.— Выраженіе «весьма славящаяся дѣвушка» нужно понимать такъ, что она повсюду славилась своими достоинствами, главнымъ образомъ, своей хозяйственностью и мастерствомъ въ шитьѣ и вышиваніи.

2 *(стр. 2)*. Вех-ты=Віах-ту (на западномъ нарѣчіи)—селеніе на западномъ берегу о. Сахалина, на берегу озера того же имени, въ 100 верст. къ сѣверу отъ П. Александровска. Получило свое названіе отъ: віах —'съѣдобный молюскъ, по виду напоминающій сосиску', и ту — 'озеро'.

3 *(стр. 3)*. Шанґі — сел. Танги на западномъ берегу о. Сахалина, въ 40 в. къ сѣверу отъ п. Александровска.

4 *(стр. 4)*. 'Съ западной стороны', т. е., съ материка.—Такр̆-міф — букв.: 'земля по ту сторону *пролива*'.

5 *(стр. 4)*. Ӈафкэ́ тахр̆ух.... теӈат — букв.: 'затѣмъ съ той стороны, большую *морскую* лодку наполнивъ, пріѣхали'.— Лодка была биткомъ набита всякими «драгоцѣнностями» для покупки невѣсты.

6 *(стр. 4)*. 'Сватали'.... Процедура сватанія весьма продолжительная, потому-что по гиляцкому этикету, какъ бы выгодны ни были предложенія, сразу согласиться не полагается. Наоборотъ, необходимо всячески отказываться даже отъ

всякаго желанія выдавать свою дочь замужъ, необходимо рисовать ее въ самомъ мрачномъ свѣтѣ и тянуть переговоры, какъ можно дольше.

7 (*стр. 4*). 'Отдали'; въ текстѣ: кымыӯ, единств. число: подразумѣвается подлежаще е— отецъ.

8 *(стр. 5)*. 'Лисьи шубы получивъ'.— Лисьи шубы у Гиляк̀ъ входятъ въ число объектовъ, считаемыхъ «драгоцѣнностями», см. № 1, пр. 25.

9 *(стр. 5)*. 'Жили, поживали', потому-что процедура сватанія продолжалась много дней (пр. 6).

10 *(стр. 5)*. 'Въ тотъ вечеръ', т. е., въ тотъ вечеръ, когда пріѣзжіе забрали дѣвушку въ свой балаганъ.

11 *(стр. 6)*. 'Все лисицы только', т. е., всѣ спавшіе въ балаганѣ оказались лисицами.— Для Гиляка въ такомъ фактѣ нѣтъ ничего особеннаго. Есть цѣлые роды кеӽ-ӊіӈывыӈ —'лисицъ-людей', и часто лисицы влюбляются въ своихъ «сыновъ и дочерей человѣческихъ»; тогда человѣкъ теряетъ аппетитъ и сонъ, ему грезятся лисицы, онъ слышитъ повсюду ихъ запахъ. Чтобы спастись отъ такого навожденія, надо жевать икру и сплевывая бросать за дверь и въ дымовое отверстіе. Все же иногда лисицѣ удается взять человѣка изморомъ: онъ умираетъ, и душа его переходитъ жить къ полюбившей его лисицѣ.

12 *(стр. 8)*. 'Черезъ три головы перескакивая', повидимому, магическое средство для того, чтобы избѣгнуть мести могучихъ лисицо-людей.

13 *(стр. 8)*. Тукӯ — 'по сю сторону', т. е., Татарскаго пролива. Тукӯміф — о. Сахалинъ по отношенію къ материку.

14 *(стр. 8)*. 'Съ тѣхъ поръ въ посюсторонней землѣ лисицы стали водиться', потому-что души убитыхъ лисицъ не могли уже перебраться на материкъ и вынуждены были остаться на Сахалинѣ.— Есть другое преданіе, исходящее, повидимому, отъ Айновъ, что въ древности на Сахалинѣ лисицъ не было, но впослѣдствіи переселились сюда съ какого-то островка близъ залива Терпѣнія (Юж. Сахалинъ). Названіе этого островка — кеӽ-рамӀаӈ-уӯ —'островъ богатый лисицами'.

29.

Ӊіӈывыӈ-урін-чхыф.

Wo-ӊáӽӯ ӊіӈывыӈ ӊеныӈ ӈа паныгыӯ вінд, ӈафкé чхыф-чіф інтынд. Пхыӯ пфорох пшынд кеӯ пурд. Ах ӊіӈывыӈ оппунд јаріінынд. Ах јаріт

Благодѣтельный медвѣдь.

Въ одномъ селеніи Гилякъ одинъ пошелъ на охоту, затѣмъ медвѣжій слѣдъ замѣтилъ. Вернулся, въ свое селеніе пришелъ, новость разсказалъ. Вотъ *онг* людей собралъ, *чтобы* его выслѣдить. Вотъ они по его слѣду

віт: ізн чхыф кеӈхӆтох віӈ маӆыӈ ӄорыфух hіylаф аіӈ івынд. Lыlы нуӆ-
рынд! Ӊіӆывыӆ маӆінтох паj-воjё! Hу ӊіӆывыӆкун орыӈ піт ӄарндхуп.
«Hалá, шаунд маӆіінд?» Ӊеныг ах ітӈ: «Hалá, ӊізвун ӊӆочвё!» hаӈ ітынд.
Ах тнохкыс ізівут, ах кікӈух hіylафтох ӆочінд, тнох рырут ерах ӆочінд.
Hу ӊіӆывыӆкун hатóт пфорох вііт пнафх выкызіт. Ізн нафх іӊінт ахӈ уігё.
hаӈ hіylаф ӄомі фіӈ урӈ-урӈыр hунывынд. Hафкё песнох паӈк ӊір. Hафкё
ах ӄхоӈ тыіӈ ізгыф херыӈ: «Hалá, ӊерах jугjá!» hаӈ хернд. (Ӊыӆ ӊіӆывыӆ
ӄхонг̣ тыінд). Hароӈ осінг̣ ах пысгыфтох jугыӈ ӽоміх позінд. Hафкё ӄхоӈ
ах тыіӈ ізгыф херыӈ: «Hалá, кырхáj маtн тохыӊ момujá! Чах торхáj пазіӈ
момujá!» hаӈ ізгыф хернд. (Jанг ӄхонг̣ тыінд). Jайінг̣: «Ах кырыхрá!» hаӈ
кымlыӈ. Ах пізгыф ӆачх хгеӈ момуӈ ах кӈызір. Hафкё: «Чаj чáх торохрá!»
hаӈ кымlыӈ. Ах пізгыф ӆачх хгеӈ момуӈ ах кӈызіӈ. Ах hонеф аінд, hалá
іlызгыф кузіӈ віінынд. Hанг̣ ӄхоӈ тыіӈ іlызгыф херыӈ: «Ӊі пат макіндрá!
ікустох кузнг̣ ӊерах макыӈ ӊі-нáхӈ-шахӈ тывӈ макыӈ, hахáj пфорох вінг̣
ӄханын чахӈ чфуроӈ рыруӈ ӊерах пшынкjá!» hаӈ іlызгыф ах кузіӈ, hын
ӊіӆывын кернд. (Ӊын ӊіӆывын ӄхонг̣ тыінд). Ӊымпáт іlызгыф ах кузіӈ,

---

пошли: ихъ медвѣдь къ морю направился, спустился, подъ утесомъ берлогу сдѣлавъ жилъ. Очень крутой *обрывъ!* Человѣку спуститься невозможно! Тѣ Гиляки, на краю *обрыва* находясь, остановились. «Ну, кто желаетъ спуститься?». Одинъ вотъ сказалъ: «Ну, меня обвязавъ спустите!» такъ сказалъ. Вотъ ремнемъ его обвязали, вотъ сверху въ берлогу спустили, ремень выпустили, ему *его* сбросили. Тѣ Гиляки потомъ въ свое селеніе отправились, своего товарища бросили. Ихъ товарищу кушать совсѣмъ нечего было. Такъ *вотъ*, подлѣ берлоги сидя, голодалъ. Послѣ этого свой ремень только ѣлъ. Затѣмъ однажды, *когда* онъ уснулъ, ему приснилось, *что* его медвѣдь сказалъ: «Ну, ко мнѣ спустись!» такъ сказалъ. (Тому Гиляку, *когда* онъ спалъ, снилось). Потомъ, *когда* проснулся, *онъ* вотъ къ своему медвѣдю *въ берлогу* спустился, подлѣ *него* легъ. Послѣ этого, *когда* уснулъ, ему приснилось, *что* его медвѣдь сказалъ: «Ну, если ты голоденъ, мизинецъ соси! Если воды жаждешь, другой *мизинецъ* соси!» такъ его медвѣдь сказалъ (Ему, *когда* онъ спалъ, снилось). *Когда* проснулся: «О ѣсть хочется!» такъ подумалъ. Тогда онъ медвѣжью лапу взялъ, пососалъ и насытился. Потомъ: «О, еще воды жажду!» такъ подумалъ. Тогда медвѣжью лапу взялъ, пососалъ и жажду утолилъ. Наконецъ, весна настала, вотъ его медвѣдь выйти собирается. Тогда онъ уснулъ *и* снится *ему*, *что* его медвѣдь сказалъ: «Я завтра поднимусь! Когда я наружу выйду, *ты* на меня взберись, на мою спину усѣвшись взберись, потомъ, въ свою деревню пришедши, трехъ собакъ обвязавъ спусти, ко мнѣ пришли!» такъ его медвѣдь тому Гиляку сказалъ. (Тому Гиляку во снѣ снилось). На другой день его хозяинъ вотъ вышелъ, тотъ Ги-

ӈын ӈіӈывын кузіӈ, іы́згыф-наӽӈ-ша́ӽӈ-тхы-рох мавыӈ іӈпынд. Ах іы́згыф ӈус тхырох мавыӈ ӽхарыӈ, ӈын ӈіӈывын ах маӷыр пфорох віӈ, ӽханыӈ ӄаӽӈ чфуро́ӈ ерах вігынд: ан-ӈа́ӽӈ-парінд-усӄі ӽханыӈ ӄаӽӈ іхмынд.

Умӏа ӈіӈывын шаунд ак-о́сӄі ерах пнафкхун козінд; шамраӈктох іхіӈа́ ӈат кымӏіндхун. Ӈафке́ ігры́т вінӷ́, јаӷ пі маӷіны-ӏах ікыкы індыт, ӷочт выкызіт іных вінд. Ӈаӷ́ наӈк пхыӈ пхысӄыс́ пфорох пшыӈ, наф ӄај моӈ-ӽхаӈ ӈунывынд. Нав-ат зыӈ пнафкунтох урнд.

лякъ вышелъ, къ своему медвѣдю на спину, на верхъ взобравшись усѣлся. Вотъ его медвѣдь туда на верхъ *утеса* поднялся, остановился, тотъ Гилякъ вотъ спустился, въ свою деревню пошелъ, трехъ собакъ связавъ ему отправилъ: за годъ своего *кормленія* трехъ собакъ отдалъ.

Сварливый человѣкъ, трусливѣйшій человѣкъ *былъ*, его товарищи ненавидѣли; какъ бы убить его, такъ думали. Вотъ, когда вмѣстѣ съ нимъ отправились, такъ какъ онъ самъ желалъ *въ берлогу* спуститься, *они* согласились, спустили его, бросили, ушли отъ него. Затѣмъ *онъ* самъ съ помощью своего бога вернулся, въ свою деревню пришелъ *и* теперь снова жить сталъ. Теперь уже присмирѣлъ, со своими товарищами ладитъ.

Примѣчанія къ № 29.

1 *(ко всему тексту).* Сказка о медвѣдѣ-спасителѣ — одна изъ самыхъ популярныхъ у всѣхъ инородцевъ Амурскаго края. Въ основѣ ея лежитъ коренное воззрѣніе на медвѣдя, какъ на благодѣтельное человѣку существо,— воззрѣніе, имѣющее свое основаніе въ дѣйствительной кротости и миролюбіи сѣвернаго медвѣдя. Подобное воззрѣніе на дикихъ звѣрей весьма обыкновенно у всѣхъ первобытныхъ народовъ и легло въ основаніе теротеизма (подробно см. ст. автора «Теротеизмъ» въ слов. Брокгауза и Ефрона). Въ частности эта сказка о спасеніи изъ берлоги медвѣдя напоминаетъ исторію спасенія Даніила изъ логова льва, что́ доказываетъ существованіе аналогичныхъ сюжетовъ у ассиро-вавилонянъ.

2 *(къ стр. 3).* Слѣдъ привелъ Гилякъ къ краю прибрежнаго утеса, у подножія котораго медвѣдь устроилъ свою берлогу.

3 *(стр. 22).* 'За годъ кормленія трехъ собакъ отдалъ', т. е., за зиму, ибо у Гилякъ каждые полгода считаются за годъ.— Отплата медвѣдю за кормленіе крайне характерное мѣсто, рисующее наивное отношеніе Гиляка къ своимъ богамъ, основанное на принципѣ do ut des.

4 *(къ стр. 23—26).* Эти строки — случайное прибавленіе разсказчика къ сказкѣ, служащее объясненіемъ, почему товарищи такъ предательски поступили съ героемъ, вызвавшимъ непріязнь своимъ хвастовствомъ и сварливостью. Объясненіе столь же варварское, сколько и наивное. Характерно выраженіе: пхысӄыс́ пхыӈ — 'со своимъ богомъ вернулся', такъ хорошо рисующее воззрѣнія Гилякъ на медвѣдя.

30.

Варіантъ № 29.

Wo-нáхр нiӈвуӈ нeныӈ пхiрох вiр. Пшыр чхыф-тiф ӈшыр iтр. Тамla -нiӈвуӈ чхыф-тiф jарiiпынд ах вiт. Вiфкé. Кeрхӈ-орыртох чул-рiфух маӈыд iзн чхыф hiylаф аiр iвнд. Шактох маӈiрá! «Ћalá, шаунд маӈiiнд-нá!» Ненын: «Тнохкыс нiзвун нӈочвé!» — «Ћеӈкá, чӈочiндра!» Ах iзвут ах ӈотнд, hивylафтох кiкрух тнох рырут ерах сiк маӈрáрынд. Ћу нiӈвуӈкун пхыт вiнд пфорох пшынд. Ћы нiӈывын hiylаф-тафты пiр hунывынд hiylафтох jугыныр. Ах jугыр. Пiзiгыфкiн wajход hунывындхун. Ћу нiӈвуӈ ах кырыр. Ћувд чхыф пӈачх шапрыр, hу нiӈвуӈ гер момыр. Ах чах торрыр пӈачх пазр шапрыр ерах хытiр матн тохыпы момыр ах твiр. Ћу нiӈвуӈ ах кхojн аӈнiр ах кхор тыiр: «Ћalá, чроп мавындрá! Нӈарыд-тхы ургур iрпijá! Пфорох вихáj кханыӈ тор iзivурóр рыруja пирх пшыӈкjá!» Ах крур iзгыф ах кузiр тафты пiр кыпырыр. Ћы нiӈывын кузiр мавыр ja-ӈарыр тывр je-мlá вор мавыр hустхырох мавыр. Чхыф кыпрыр нiӈывын маӈыр, iзгыф вiр нiӈывын пфорох вiр. Кханыӈ тор паскiр iзвур рырур вiнгынд.

Въ одной деревнѣ Гилякъ одинъ въ тайгу пошелъ. Пришедши *(домой)* сказалъ, *что* медвѣжій слѣдъ видѣлъ. Много человѣкъ, *чтобы* медвѣжій слѣдъ выслѣдить, вотъ отправились. Долго шли. На берегъ моря по обрыву утеса спустившись, ихъ медвѣдь берлогу сдѣлавъ жилъ. Какъ туда спуститься! «Ну, кто хочетъ спуститься?». Одинъ: «Ремнемъ меня обвязавъ меня спустите!».—«Ладно, спустимъ тебя!». Вотъ его обвязали, вотъ спустили, въ берлогу сверху ремень спустили, къ нему весь окончательно спустился. Эти Гиляки обратно пошли, въ свою деревню пришли. Тотъ Гилякъ у предверья берлоги стоялъ, въ (его) берлогу собираясь войти. Вотъ вошелъ. Со своимъ медвѣдемъ вмѣстѣ «на одной постелькѣ» спали. Тотъ Гилякъ вотъ проголодался. Тотъ медвѣдь свою лапу протянулъ, тотъ Гилякъ взялъ, сосалъ. Вотъ воды пить захотѣлось *ему*, *тотъ* другую лапу протянулъ, къ нему поднялъ, *тотъ* мизинецъ пососалъ, вотъ и готово. Тому Гиляку спать захотѣлось, вотъ уснулъ, *и* снилось *ему:* «Давай, тебя понесши *наверхъ* взберусь! На моей спинѣ хорошенько верхомъ сиди! *Когда* въ свою деревню придешь, *ты*, пять собакъ обвязавъ, спусти, ко мнѣ пришли!». Вотъ разсвѣло, его медвѣдь вотъ вышелъ, у преддверія юрты сталъ. Тотъ Гилякъ вышелъ, забрался, на его спину сѣлъ, за его уши держась поднялся, на *самый* верхъ *утеса* поднялся. Медвѣдь остановился, Гилякъ сошелъ, его медвѣдь ушелъ, Гилякъ въ свою деревню пошелъ. Пять собакъ ремнями обвязалъ, спустилъ, *медвѣдю* отправилъ.

31.

Ӈіӷвуӈ маӷӏанд ара́, кӏунд ӈіхыӏанд ара́.

Пымӷі-ехӏунг ара́ ерӄін пехӏунгкін ӵахӄ угрыт ԛаӄхот маӄыт. Пшырох маӄыта́ чхаӄ тата́ тоӏ выэта́ паӄрох чаута́ ӵах пета́ југыта́ тугур выэта́. Ӈатоо́т ізи ӈіӈга́ піаӷ кӏунд пшыӄ ізи шымых аӄпыӄ. Ӈу ӈіӷывуԛкун піврыіх пырӄ чіта́ акта́ пӏавыс пырӄ шувыта́. Ӈуныфке́ ізи ер ӄхоӄ тыіӄ піхлундрох ерах ӄаӄ: «Ныигыфке́ пшугур ӄахуӄ выкызіӄ пшыха́ј ургуӄ ітја́! Ныигыфке́ евӄх хаврыӄ пшыха́ј ургуӄ ітја́! Ныигыфке́ ԛак хаврыӄ пшыха́ј ургуӄ ітја́! Пфаллы-валлыӷ чарымп аӈніӄ пшыха́ј урнкуӄ ітја́: ӈат хаврехна́ пхвохі хаэ-хаэха́ј черахыт інтеіхна́! Пфаллы-валлыӷ ӄханыԛ аӈніӄ пшыха́ј урнкуӄ ні херја́!» Наӷа́ ӈуԛ кӏунд ітӄ: «Чавыӄ ӄхоӄхајро́! Чехӏуг-амых маԛхындра́: јаӷ кыха́ј ніхура́; ні кыха́ј іхуна́—ӈахап науфуӄ ітја́! Чіԛ пымӷі-ехӏунгкінат маӷве́ ехве́!» Ӈаӷа́ ӈуԛ ычх озіӄ пехӏунгтох: «Оӷӏа́, аа́нд чхнаунд мыӏ-ӏо? Та амых маԛх-маԛхја́ ні чнэсэнend мыӏ (чхімі́ ӄехарыӄ?)! Оӷӏа́, менгат ехын маӷнате́, ныӄкунд упја́!» Јехӏуг ітӄ: «Ыта́

Храбрый Гилякъ и благодарный тигръ.

Отецъ со своимъ сыномъ и сыномъ своего ‘зятя’ втроемъ вмѣстѣ на соболиный промыселъ пошли. Къ *своему* балагану добрались, дровъ нарубили, морю жертвоприношеніе сдѣлали, горѣ жертвоприношеніе сдѣлали, воды набрали, *въ балаганъ* вошли, огню жертвоприношеніе сдѣлали. Потомъ, *когда* они поѣли, большой тигръ пришелъ, ихъ дверь загородилъ. Эти люди въ самомъ балаганѣ своемъ мочились, испражнялись, подстилки свои только жгли. Затѣмъ ихъ отецъ уснулъ, *и* снится *ему: онъ* къ своему тигру (къ нему) подошелъ, *говоря: «Если ты* явился, *потому-что* свое кресало (оборвавъ) потерялъ, *то* прямо скажи! *Или если ты* явился, *потому что* трута не имѣешь, *то* прямо скажи! *Или если* ты явился, *потому что* кремня не имѣешь, *то* прямо скажи! *Можетъ быть ты*, въ разныхъ *дорогихъ* матеріяхъ нуждаясь, явился, *то* прямо скажи: я, *хотя самъ* не имѣю, *но, если* въ своемъ селеніи поищу, для тебя достану! *Или быть можетъ*, въ разнаго рода собакахъ нуждаясь, *ты* пришелъ, прямо мнѣ скажи!» Тогда тотъ тигръ сказалъ: «Твоего добра мнѣ не надо! *А вотъ* твоего сына уста бахвалятся: *если* онъ сильнѣй, пусть меня убьетъ; *ежели* я сильнѣй, я его убью — я *такой* наказъ посылаю, скажи ему! Ты же вмѣстѣ съ сыномъ своего ‘зятя’ домой ступайте!» Послѣ этого старикъ всталъ, своему сыну *сказалъ*: «Сынъ мой, вотъ тебѣ наказъ, слышалъ? Не бахвальствуй ртомъ — кричалъ я тебѣ, *ты* не послушался,

15 фурыр̆ чвалс пои кре́~еи порii-ló? Ыта́, jацр̆ ӈiиых вiiиынд-иа́?... ӈi... ӈiаӈ.... Ӈiхjа́, иiхjа́ iхмi-ló!» Jер̆ пiр̆кунд упра́, iы̀мӡi-ехlуиг пiр̆кунд упра́ jер̆ iтр̆: «Ӈalа́, екруна́рох вiр̆ ӈiцах маӷыцкjа́!» Нанг̣а́ ӈуц клунд екруна́рох вiр̆ мыз̀-ӈiӷывыц куӡiд маӷыхарт. Ча̀j пшыр̆ шымых ар̆пыр̆. Ӈанга́ мыз̀-ӈiӷывыц lар̆х выр̆к хера́ пшор̆пыиг хемру́р̆ jеча́ мыча̀кы̀иг чуркыр̆-ку-
20 кер̆ шора́ ерах ка̀р̆. Мыз̀-ӈiӷывыц iхвiныиг̣а́ оти-о́тныр̆. Мыз̀-ӈiӷывыц jе-мlá тахур̆ чiча̀выр̆ ча̀хырыр̆ куӡiр̆ толаиг кхоj чвор̆ маӄыр̆. Iхlу́нд jарi шур̆ куӡiр̆ ча̀хырыр̆ jаиӷi ниiкохе́ рукiхе́хрур̆ ӈортыр̆ куча̀р̆ хаӡмул̀ jугыр̆ jаиг ах муiнд. Маӷыр̆ jозi момпр̆ iр̆лыфке́ сiвур̆ ӈуӡ wajрох ӈучур̆. Маӷыр̆ пхах кера́ пфунд гера́ ча̀х пера́ чхар̆ тара́ ӈаро́р̆ твиг̣а́ р̆акх кер̆ jера́. Iӈро́р̆ jаиг
25 твиг̣а́ хlунд пшыр̆ кхорi ӈар̆. Пунд хiтiр̆ ха̀jныг̣а́ орхар̆ оти-о́тныр̆ вiр̆. Ча̀j пшыр̆. Мыз-ӈiӷывыц iӈро́р̆ твiр̆ куӡiр̆ jаиг мулуиг тивр̆. Вiфке́ пал̀-кхатф. Ӈусѐтхы пiлаиг таф ӈа̀х̆р̆ ӈупывыр̆. Ӈуц таф тафти оӡ iтиг iкур̆ клунд пгахыр̆ тiв-тiвур̆ ӈунывыр̆. Iхlу́нд ӈуц iкур̆ ӈыта́рох вiг̣а́ менте ӈар̆. Мыз̀-ӈiӷы-

---

вотъ тебѣ теперь! (*Обращаясь къ сыну 'зятя'*): «*Ну*, сынокъ, мы оба назадъ идемъ, свою постель свяжи!» Сынъ сказалъ: «Отецъ, *не за* поясъ-ли твой
15 ухватившись, волочась удержать тебя? Отецъ! Почему ты безъ меня идти хочешь?.... Ой, ой, ой! Меня подожди, меня подожди — не проситься ли?» Отецъ связалъ свою постель, сынъ его 'зятя' свою постель связалъ, отецъ (*обращаясь къ тигру*): «Въ сторону отошедши, насъ пропусти!» Послѣ этого тотъ тигръ въ сторону отошелъ, наши Гиляки вышли, *окончательно* ушли. Снова *тигръ* подошелъ, дверь загородилъ. Тогда нашъ Гилякъ въ рубашкѣ только (одѣтый), съ засученными рукавами, маленькій китайскій топоръ (взявъ) неся, къ нему (*тигру*) подступилъ. *Послѣ того какъ* нашъ Гилякъ
20 сталъ *топоромъ* рубить, *тигръ* назадъ поддался. *Тогда* нашъ Гилякъ, между его ушами наступивъ, подскочилъ, на толстую лиственницу полѣзъ, взобрался. Его тигръ за нимъ вверхъ полѣзъ, подскочилъ, задокъ сапога чуть-чуть откусивъ оборвалъ, сорвался, упалъ, въ развилину попалъ, вотъ *онъ* помирать *сталъ*. *Гилякъ* спустился, за *его* (*тигра*) затылокъ ухватился *и*, *послѣ того какъ* долго тянулъ, *съ развилины* высвободилъ, *тотъ* внизъ свалился. Слѣзъ, свое копье взялъ, свой лукъ взялъ, воды набралъ, дровъ нарубилъ, потомъ кончивъ, «буду» взявъ, сварилъ. *Когда* покушалъ, *послѣ того какъ* кончилъ, тигръ пришелъ, заглянулъ. *Гилякъ*
25 лукъ поднялъ, и *когда онъ* стрѣлять *собрался*, *тигръ* назадъ пятясь отошелъ. Снова явился. Нашъ Гилякъ поѣвши кончивъ, вышелъ, на него верхомъ сѣлъ. *Послѣ того какъ долго* шли, горная плѣшь *оказалась*. Тамъ наверху большая юрта одна стояла. Передъ той юртой *на* собаковязи тигровыхъ шкуръ много висѣло. Его тигръ, къ серединѣ этой собаковязи подошедши, присѣлъ. Нашъ Гилякъ всталъ, его тигръ (назадъ) отряхи-

выӈ озіӷ іхлу́нд оӷхаӷ луӈ-лу́ӈ чів ӈаӷ... та-та́ ӈіӷв-ló! Піхлу́нд ӷахыӷ кі-тіӷ ікуӷ крора ӈу ӈіӷывыӈ ітӷ: «Нафха́, jугпатé!» Тафтох jугпг̣а́ тахӷ-івыв ӈajму́ӷ мам ӈіныӈ ӈajму́ӷ ычх ӈеныӈ кхойӷерхпух мычкбӣӈ шапх-ехlуӷ ӈі-ныӈ тівӷ ӈупывыӷ. Ӈу ӈіӷывыӈ ітӷ: «Ыта́, ыма́, ӈі пхнафрох ӈіхыlах шоӷ -пшыӈгра́ ехыӈ паӕх іхміl шоӷпшындра́!» Ӈуӈ ычх ітӷ: «Чі ваӷк-ат паӕх пшыӈгрор херыӷ кымlы-вíla!» Чо-роӈо пхыjк-рур-lо чхыф-тур-lо ӈіт. Кеӷ кучг̣а́ тафтірох ӈіӷывыӈ пшыт хlаіта́ ехыпнафта́. Тафтох jугыпкуӷ іӕн ӈшыг̣а́ мінӷ ӈіӷывыӈ jугохарт. Іӕн jугг̣а́ іӕн керыӷ: «Аӕха́, ӈі пхнафрох ӈіхыlах шоӷпшындра́ ехыӈ паӕх іхміl шоӷпшындра́!» Jаӕх ітӷ: «Чі ваӷкра іхміха́j іхміjа́ ӈат ӄеритох каукра́!» Нанг̣а́ мыӡ-ӈіӷывыӈ ітӷ: «Пат тат пфорох ехеіндра́!» Ӈымпа́т ӷах ӈіӷывыӈ ӷа́ ерыххаlі вап-ре́рыт jа ворох шоӷма́ӷыт. Ӈыӈ ӈылха́ толв маӈчу ӈат тут ӈаллых ӵахӷ сарут маӈчу ыӡіӷ ӈундрох тут. Маӷынг̣а́ маӈчу ыӡіӷ шапх: «Ӈіӷвыӈа́, чі кlунд-шапх генті?» Нанг̣а́ мыӡ-ӈіӷывыӈ: «Ӈыӈка́!» — «Кылаӷ таj тунд чаӈӷej охарындра! Туӷ пІоток чаӈӷej охарындра ітуӷ ӷайх чаӈӷej охырандра!» Ӈаӷ ітӷг̣а́ мыӡ-ӈіӷ-выӈ геӷ ехыӷ пфорох пшыӷ. Ӈуӈ тіlф ӈаӷхоӷ маӈінынг̣а́ ijа́ӕх ігрыр

ваться *сталъ, шкуру* стряхнулъ.... сразу въ человѣка *превратился!* Свою тигровую шкуру поднявъ, на шестъ повѣсивъ, этотъ человѣкъ сказалъ: «Другъ, *въ юрту* пойдемъ!» *Когда они* въ юрту вошли, на средней нарѣ глубокая старушка одна, глубокій старикъ одинъ *сидѣли,* впереди нихъ маленькая дѣвочка одна сидѣла. Тотъ человѣкъ сказалъ: «Батюшка, матушка, я изъ благодарности къ своему другу *его* привелъ, чтобы эту сестру свою дать ему, *его* привелъ!» Тотъ старикъ сказалъ: «Ты только, за своимъ *младшимъ* братомъ пославъ, *съ нимъ* потолковавъ, подумайте!» И рыбу, и выдры мясо, и медвѣдя мясо ѣли... *Когда* солнце сѣло, за юртой люди явились, балакали, смѣялись. *Когда* ихъ *въ юрту* входящими *нашъ Гилякъ* увидѣлъ, *оказалось,* восемь человѣкъ вошло. Когда они вошли, *старшій братъ* къ нимъ обратился: «О младшій братъ, я, изъ благодарности къ своему другу, *его* привелъ, *чтобы* вотъ эту сестру нашу дать *ему, его* привелъ!» Младшій братъ сказалъ: «Если ты только даешь, дай, а мнѣ не жалко!» Тогда нашъ Гилякъ сказалъ: «Завтра въ свою деревню возвращусь!» На другой день шесть человѣкъ, множество пушнины нагрузивъ *на себя,* въ его деревню снесли. На другой годъ лѣтомъ къ маньчжурамъ поѣхали, три лодки нагрузивъ, къ маньчжурскому начальнику поѣхали. *Когда они къ нему* пришли, жена маньчжурскаго начальника сказала: «Гилякъ, *это* ты на тигрѣ-женщинѣ женишься?» Тогда нашъ Гилякъ: «Да!» — «Эту большую трубку твоей женѣ посылаю, этотъ платокъ посылаю, эту 'буду' посылаю!» *Послѣ того какъ она* такъ сказала, нашъ Гилякъ взялъ, вернулся, въ свою деревню пришелъ. Осенью, *когда старшій братъ* на охоту пойти *собирался,* млад-

ӈаӄхоӄ маӄiныӄ. Наӈа̊ ijáкi тахтаӄ: паɔ̀х ӈефкé jаӈах агуцкӄ. Пакi маӄыӈкрóӄ jарí маӄыӄ. Маӄыфкé пшырох маӈа̊ ijáɔ̀к маӄыӄ чхаӄ тарá ɬах перá ӈарóӄ твiӄ jугыӄ туґур iчiрá ӈарóӄ твiӈа̊. Кеӈ ары́ куч̀ӈа̊ кlунд чiву луӈ ӈаӈ тiву latӄ. Наӈа̊ ijáкi iтӄ: «Аɔ̀хá, меӈ аӄыӄкунтá! Iзнух аи̯ӈ̆ej кejнындрá! Та iзн хlуjá!» Наӈа̊ тафтiрох пшыт ӽlаiӈ ау lат! Наӈа̊ миз̀-ни̯ӈ̆ывыӈ кузiӄ: «Нафхунá, тоjá, тамх тавé!» Iу ни̯ӈ̆ывыӈкун ехнавтá ӽlаiтá, ӈаӈа̊ jугыхарт тут ӈунд. Ӈеныӈ ijáɔ̀х ӈачх цшыӈа̊ ачыхт. Мыз̀-ни̯ӈ̆ывыӈ iтӄ: «Jаӈынд ачӈ̆анд ӈунд ӈаɔ̀хрá!» Iни̯нтá ӈатóт ӽхохарт ӈымпáт озiд вiт. Вiфкé iзн тафтох вiт jугӈа̊ jаи̯ӈ̆ej ӈуныврá. «Нафхупнá ни̯ пат ехiндрá!» Ӈымпáт паи̯ӈ̆ej геӄ ехыӄ пфорох маӈыӄ ӈунывыпт.

шій братъ его съ нимъ вмѣстѣ на охоту пойти захотѣлъ. Тогда старшій братъ ругаться сталъ; *послѣ того какъ онъ* своего младшаго брата *долго* ругалъ, его остаться заставилъ. Давъ своему брату уйти, онъ вслѣдъ за нимъ пошелъ. *Послѣ того какъ* онъ *долго* шелъ, *когда* въ балаганъ пришелъ, *онъ* (младшій братъ) *въ лѣсъ* пошелъ, дровъ нарубилъ, воды набралъ, потомъ кончивъ вошелъ, огонь развелъ, потомъ кончилъ. *Когда* солнце едва закатилось, шумъ топота тигра, такой шумъ послышался. Тогда старшій братъ сказалъ: «Братецъ, это наши 'тести'! У нихъ женщину взять собираюсь! Не бойся ихъ!» Затѣмъ *они* за балаганомъ появились, разговоръ слышался. Тогда нашъ Гилякъ вышелъ: «Друзья, на-те, табакъ курите!» Тѣ люди смѣялись, балакали, потомъ вошли, *на нары* забрались, сѣли. *Послѣ того какъ* одинъ ногу младшаго брата замѣтилъ, *имъ* совѣстно стало. Нашъ Гилякъ сказалъ: «Чего совѣститься, это мой младшій братъ!» Покушали, потомъ *здорово* выспались, на другой день встали, пошли. Послѣ того какъ долго шли, къ своей юртѣ пришли. *Когда* вошли, его жена *тутъ* была. «Друзья, я завтра домой пойду!» На другой день, свою жену взявъ, вернулся, въ свою деревню пришелъ, жили,

Примѣчанія къ № 31.

1 *(ко всему тексту)*. Этимъ текстомъ открывается первая серія варіантовъ (№№ 31—34 вкл.) о благодарныхъ животныхъ, именно о тигрѣ. Сюжетъ этотъ, какъ это видно и изъ варіантовъ, не можетъ считаться специфически гиляцкимъ, тѣмъ болѣе, что на территоріи Гилякъ тигръ — рѣдкое явленіе, въ частности на Сахалинѣ онъ и вовсе не попадается. Болѣе обыченъ тигръ въ территоріяхъ Гольдовъ и Орочей, и среди нихъ именно сюжетъ наиболѣе разработанъ и богатъ деталями и варіантами, и поэтому по праву можетъ онъ считаться общимъ достояніемъ инородцевъ Пріамурскаго края. Съ точки зрѣнія сравнительнаго фольклора сюжетъ представляетъ особенный интересъ. Не только по темѣ, но и по нѣкоторымъ деталямъ, сказанія о благодарномъ тигрѣ примыкаютъ къ легендамъ о благодарныхъ

животныхъ греко-римскаго цикла (Ср. Aug. Marx, «Griechische Märchen von dankbaren Thieren», Stuttgart, 1889, pp. 56 и 57). Невольно вспоминаются всѣмъ извѣстныя исторіи съ Эльписомъ, Ментором, Андрокломъ и аналогичные сюжеты въ баснях Эзопа. Особенно поразительнымъ является слѣдующее совпаденіе. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ исторій фабула построена на томъ, что человѣкъ вынимаетъ занозу изъ лапы льва, причемъ послѣдній сознательно обращается за помощью къ человѣку. Подобную же исторію мнѣ пришлось слышать среди инородцевъ Амурскаго края. (См. ниже, II, 36, пр. 5, въ концѣ). Здѣсь не левъ, а тигръ подходитъ къ балагану Ороча, протягивая къ нему лапу съ занозой. Орочъ вынимаетъ ее, смазываетъ раненое мѣсто древесной сѣрой, и благодарный тигръ отплачиваетъ Орочу богатой добычей. Если не предположить въ этомъ случаѣ случайнаго вліянія заѣзжаго европейца—что̀ допустить трудно—,то совпаденіе является весьма знаменательнымъ. Трудно, конечно, сказать, имѣемъ-ли тутъ дѣло съ явленіемъ миграціи сказаній, такъ какъ сравнительный фольклоръ представляетъ немало примѣровъ самостоятельнаго созданія почти тождественныхъ мнѣній при условіяхъ, при которыхъ возможность заимствованія недопустима. Впрочемъ, единичнымъ варіантомъ о занозѣ и нѣкоторыми мелкими деталями, которыя будутъ отмѣчены въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, сближеніе съ классическими сказаніями и ограничивается. Во всемъ остальномъ тексты Амурскаго края носятъ яркую печать полной самобытности, отражающей все своеобразіе природы, бытовыхъ условій и міровоззрѣнія той или другой туземной народности. — Въ частности по отношенію къ Гилякамъ, слѣдуетъ сказать, что они различаютъ два вида тигровъ. Первый — благодѣтельное существо. Онъ хозяинъ горъ, посылающій человѣку въ добычу лѣсныхъ звѣрей. Онъ никогда не нападаетъ на человѣка и, наоборотъ, всячески ему покровительствуетъ. За это ему оказывается поклоненіе. Почитается грѣхомъ не только убивать тигра, но „ломать“ (топтать) его слѣдъ. Наткнувшись на слѣдъ животнаго, ему бросаютъ самую драгоцѣнную вещь въ пути — огниво. Найденный трупъ тигра хоронятъ въ особомъ срубѣ и приносятъ ему жертвоприношенія. По облику и образу жизни это настоящій человѣкъ, облекающійся временами въ шкуру тигра. Другой видъ тигра, часто называемый Гиляками чхорамiанд, относится къ разряду самыхъ страшныхъ мiлк'овъ (чертей), весьма губительныхъ для человѣка. По размѣрамъ онъ будто-бы меньше кошки, ходитъ то на 3-хъ, то на 2-хъ, то на 1 пальцѣ. Можетъ убить человѣка на разстояніи. Чаще всего представители этого вида ходятъ стаями. Они подгрызаютъ корни дерева, на которое взобрался убѣгающій отъ нихъ человѣкъ. Чтобы спастись, человѣкъ наноситъ себѣ ножомъ рану, и кровь вызываетъ борьбу между звѣрями, кончающуюся взаимнымъ поѣданіемъ другъ друга. И странное дѣло: это миѳическое, маленькое по размѣрамъ животное Гиляки постоянно смѣшиваютъ съ тигромъ и часто называютъ ихъ безразлично kIунд.

2 *(стр. 2)*. ‘Сыномъ своего зятя’. О значеніи термина ‘зять’ ср. I,8, пр. 5.—Согласно принципу, что „‘зятя’ кормить надо“, Гилякъ всегда беретъ съ собою на промыселъ молодыхъ людей изъ того рода, въ который уходятъ замужъ женщины его собственнаго рода. При дѣлежѣ добычи ‘зятья’ получаютъ долю на равныхъ правахъ съ сородичами.

3 *(стр. 2)*. Цӑрхот—‘на соболиный промыселъ’, точнѣе, ставить самострѣлы, петли и западни, главнымъ образомъ, на соболя.—Каждый Гилякъ имѣетъ свою наслѣдственную рѣчку для осенняго промысла. На берегахъ этой рѣчки онъ проводитъ

ежегодно недѣль 5—6 сейчасъ по окончаніи сезона ходовой рыбы. Въ центрѣ промысла онъ ставитъ охотничій балаганъ, гдѣ отдыхаетъ послѣ утомительныхъ обходовъ своихъ петель и ловушекъ. Въ этомъ балаганѣ, удаленномъ на много верстъ отъ всякаго жилья, Гиляку нерѣдко приходится переживать тяжелыя испытанія, когда на дворѣ бушуетъ цѣлыми днями сахалинская пурга, припасы истощились, добывать новыя нѣтъ никакой возможности, и къ ужасамъ бушующей стихіи присоединяются и ужасы голода... Тогда-то передъ лихорадочнымъ воображеніемъ суевѣрнаго дикаря проходятъ въ реальной очевидности всѣ фантасмагоріи его демонологіи. Въ переживаніяхъ подобныхъ моментовъ кроется источникъ происхожденія всего цикла охотничьихъ легендъ вродѣ разбираемаго текста.

4 *(стр. 3, 4)*. Выэ̀та... чаутá — 'жертвоприношенія сдѣлали'. — Первый актъ по прибытіи въ балаганъ — это жертвоприношенія водѣ, горѣ и огню. Жертвоприношенія частью состоятъ изъ заранѣе заготовленныхъ и принесенныхъ изъ дому предметовъ — съѣдобныхъ кореньевъ, ягоднаго студня 'моċ', табаку и т. п. — и на мѣстѣ изготовленныхъ блюдъ — похлебокъ, кашъ и т. д. — Для выраженія жертвоприношенія горѣ употребленъ глаголъ — чаунд, для другихъ двухъ случаевъ — выэ̀нд. Это объясняется различіемъ въ манипуляціяхъ при жертвахъ горѣ, водѣ и огню. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ жертвенные объекты опускаются соотвѣтственно въ огонь и въ воду, въ то время какъ жертвы лѣсу бросаются вверхъ, иногда въ разныя стороны.

5 *(стр. 5)*. 'Подстилки жгли', т. е., разводили огонь хвойными вѣтками, которыми обыкновенно устилаютъ полъ для сидѣнья.

6 *(стр. 5—10)*. Предложеніе тигру кресала, собакъ, матерій и т. д. живо иллюстрируетъ воззрѣніе Гиляка на это животное, какъ на человѣческое существо, по своимъ потребностямъ и образу жизни ничѣмъ не отличающееся отъ человѣка.

7 *(стр. 7)*. 'Кресало потерялъ...скажи'. — Интересно сопоставить, что, когда Гилякъ наталкивается на слѣдъ тигра, онъ бросаетъ ему въ жертву огниво и трутъ.

8 *(стр. 10)*. Чавыр̀ ӄхорхаjрó! — букв.: 'А ты будь себѣ богатъ!'.

9 *(стр. 11)*. 'Твоего сына уста бахвалятся', т. е., что юноша непочтительно отзывался о тигрѣ, — преступленіе немаловажное въ глазахъ Гиляка, который считаетъ грѣхомъ даже называть тигра его настоящимъ именемъ.

10 *(стр. 15)*. 'Отецъ, не за поясъ-ли твой ухватившись'... — просьба, конечно, ироническая, долженствующая изобразить невозмутимое отношеніе героя къ предстоящему поединку съ тигромъ.

10 *(стр. 20)*. Іхвынынґ̊ — 'рубить сталъ', въ данномъ случаѣ рубилъ въ воздухѣ, т. е., размахивалъ топоромъ.

11 *(стр. 21)*. 'На толстую лиственницу полѣзъ, забрался'. Любопытно отмѣтить, что въ исторіи съ Эльписомъ и благодарнымъ львомъ, разсказанной у Плинія, герой сначала тоже спасается отъ льва *на дерево*. (Ср. Magx, op. cit., p. 56).

12 *(стр. 22)*. Хаэ̀мул̀ jугыр̀ — 'въ развилину попалъ', т. е., въ пространство между стволомъ и сукомъ. — Хаэ̀мул̀ — собственно терминъ для особаго рода ловушки на волковъ. Она состоитъ изъ укрѣпленнаго въ землѣ высокаго шеста, совершенно гладкаго, но у котораго съ одной стороны, ближе къ верхушкѣ, оставленъ заостренный сучекъ, образуя развилину. Верхушка шеста тоже заострена и на остріѣ

укрѣплена приманка. Звѣрь, карабкаясь за приманкой, обыкновенно застреваетъ ногой или шеей въ развилинѣ, или же попадаетъ на остріе сучка. Въ данномъ случаѣ тигръ попалъ въ развилину шеей и сталъ задыхаться. — Развилина фигурируетъ во всѣхъ варіантахъ, изъ чего можно заключить, что фабула основана на дѣйствительномъ случаѣ, когда Гилякъ, преслѣдуемый тигромъ, забрался на дерево и спасся только благодаря тому, что тигръ попалъ шеей въ развилину. Въ *одномъ* изъ варіантовъ (№ 1) фатальная для тигра развилина оказалась не случайно, а выросла ad hoc, спеціально въ помощь герою, который побѣдилъ такимъ *образомъ* тигра не силой, а своимъ волшебствомъ, покровительствомъ какого-нибудь божества. Такъ, повидимому, понимаютъ этотъ разсказъ и инородцы, ибо, не чувствуя за собой сверхъестественной помощи, никто не сталъ-бы непочтительно отзываться о тигрѣ и тѣмъ паче такъ спокойно принимать вызовъ страшнаго звѣря.

13 *(стр. 24 и слѣд.)* 'За его затылокъ ухватился и пр.'. — Тигръ попалъ шеей въ развилину, поэтому Гилякъ, чтобы высвободить тигра, вынужденъ былъ сначала тянуть его за загривокъ кверху и потомъ уже бросить на земь. Въ другихъ варіантахъ Гилякъ просто отрубаетъ сукъ, и тигръ падаетъ. Сопоставленіе соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ разныхъ варіантовъ показываетъ, что, освобожденіемъ тигра изъ развилины, Гилякъ именно имѣлъ въ виду возвращеніе его къ жизни. Въ варіантѣ первомъ (стр. 35) прямо говорится даже, что Гилякъ „воскресилъ" его. Въ варіантѣ № 3 тигръ самъ проситъ пощады: „Пожалуйста, меня освободи, я съ вами жить вѣдь не могу, я къ вашей пищѣ не привыкъ! Освободи меня, я къ себѣ домой пойду!" Великодушный поступокъ Гиляка какъ нельзя болѣе естественъ. По его понятіямъ, на великодушіе тигръ въ свою очередь не можетъ не отвѣтить тѣмъ же, а онъ — хозяинъ всѣхъ звѣрей, владыка людского благополучія. И, дѣйствительно, тигръ щедро отблагодарилъ своего *спасителя*. Остается еще отмѣтить любопытное совпаденіе. Въ гиляцкомъ сказаніи *человѣкъ* спасаетъ звѣря отъ удушенія, то же въ греческихъ сказаніяхъ. Правда, въ послѣднихъ вмѣсто развилины фигурируетъ кость, застрявшая въ глоткѣ, но фактъ удушенія на лицо.

13 *(стр. 24, 25, 26 рус. тек.)*. Высвободивъ тигра, Гилякъ думалъ, что дѣло кончено, что тигръ уйдетъ и отблагодаритъ его издали. Оказалось, что тигръ снова явился, избѣгалъ столкновеній, но въ то же время и выказывалъ явное намѣреніе не уходить. Такъ какъ враждебности нельзя было уже ожидать отъ спасеннаго врага, то герой нашъ сообразилъ, что тигръ хочетъ его съ собой взять, чтобъ за общей трапезой дружбу съ нимъ заключить. Поэтому онъ и сѣлъ верхомъ на тигра.

14 *(стр. 27)*. 'Горная плѣшь оказалась', т. е., вершина горы, лишенная растительности. Въ такихъ именно мѣстахъ, на высочайшихъ вершинахъ и живутъ хозяева горъ—тигры.

15 *(стр. 27)*. Оз̀ ітіңг ікуў—'собаковязь', букв.: шесть, вбитый концами, т. е., поперечный шестъ между двумя вертикальными. Обыкновенно такія поперечины служатъ для привязыванія къ нимъ собакъ, но часто на нихъ развѣшиваютъ одежду, мѣха и т. п.

16 *(29)*. Оўхаў лун̀-лу̀н чів ӈаў—'(назадъ) отряхиваться сталъ, стряхнулъ *шкуру*': чтобъ стряхнуть шкуру, тигръ всѣмъ туловищемъ поддался назадъ, т. е., сталъ на заднія лапы.

17 *(стр. 29)*. Та-та́ ӈіўв-ló! — букв.: 'О, о, совсѣмъ человѣкъ!', т. е.,

тигръ превратился въ настоящаго человѣка, — обычное представленіе о животныхъ, какъ о людяхъ, временно одѣвающихъ на себя шкуры того или другого животнаго.

18 *(стр. 39, рус. тек.)*. Гилякъ на этотъ разъ пока вернулся въ свою деревню безъ жены, хотя она уже была ему отдана: таковъ гиляцкій обычай, по которому послѣ сговора невѣста на нѣкоторое время остается въ домѣ родителей, пока не будетъ готово приданное.

19 *(стр. 41)*. 'На другой годъ лѣтомъ къ маньчжурамъ поѣхали'. — Въ прежнее время болѣе зажиточные Гиляки лѣтомъ на лодкахъ предпринимали далекія торговыя экспедиціи на Сунгари въ ближайшій маньчжурскій городъ для обмѣна пушнины на китайскія одежды, шелка, ханшинъ, разнаго рода крупу и т. п. Нашъ Герой, получивъ богатую добычу пушнины отъ тигра, разумѣется, тоже поѣхалъ, да еще на трехъ лодкахъ.

20 *(стр. 49)*. 'Братецъ, это наши «тести»!': въ виду того, что старшій братъ сосваталъ жену у тигровъ, то всѣ тигры по отношенію ко всѣмъ его сородичамъ — 'тести'. Ср. I, 6, пр. 26.

21 *(стр. 52, 53)*. 'Послѣ того какъ одинъ ногу младшаго брата замѣтилъ, имъ совѣстно стало'. — Тигры сразу не замѣтили младшаго брата, который намѣренно скрылся отъ нихъ въ дальнемъ углу. Замѣтивъ случайно ногу его, они смутились: для тигровъ всякій «человѣкъ» — запретенъ, табу, и, по понятіямъ Гилякъ, долженъ быть предметомъ религіознаго отвращенія и страха. Но старшій братъ, уже состоявшій съ тиграми въ родственномъ союзѣ, успокоилъ ихъ сообщеніемъ, что замѣченный ими человѣкъ — его же братъ, слѣдовательно, состоитъ съ ними въ такихъ же родственныхъ отношеніяхъ, какъ и онъ самъ, и потому не представляетъ опасности табу.

22 *(стр. 84)*. 'Къ своей юртѣ пришли', т. е., къ юртѣ тигровъ.

32.

Варіантъ № 1.

Ӈиӈвуӈ маӷӀанд ӈеныӈ ах-ахмӯр маӷӀанд, ӵакӂр рувунд ендá аӵканд ӈыӈí маӷӀанд. Уграхарт ӵарехот маʁнд. Ӈаӷа́ напá ӈиӵк воӵ каврындатá пі маʁыӂр. Ыӂк наф-нан ӄхонд, ӈаӷа́ ӈыӈ ыӂк ыӂк-ӈытá ӈаӷа́ ӈым піӀан кӀунд пшыӂр, ізӈ шымых оӵкӯӂ позінд. Ӈаӷа́ ендá аканд пугí озіӂ інтыӂ наф-нан патáнкуӂ пнафкун јоӵунд. Ӈаӷа́ јаӵкхун оӵіт. Ӈуӈ кӀунд індыгá,

---

Храбрый человѣкъ одинъ *жилъ*, чрезвычайно храбрый, *изъ* трехъ братьевъ самый младшій вонъ тотъ храбрецъ былъ. *Вотъ* вмѣстѣ (*всѣ три брата*) на охоту *въ гору* пошли. Затѣмъ еще не успѣли *они* петли поставить, *какъ* онъ (*тигръ*) явился. Ночью вотъ они спали, затѣмъ въ ту же ночь въ полночь вотъ тотъ большой тигръ пришелъ, поперегъ ихъ порога улегся. Потомъ самый старшій *братъ* первый проснулся, его увидѣлъ, затѣмъ тихонечко своихъ товарищей разбудилъ. Тогда младшіе братья встали.

lelé чхызіхьĭландох іхlунд. Наф-нан ишавух па чітá оттá ћымрáнкут. Lумў ахў куӆla па чітá, рунд ћіі-ló! Паћіћак урын-ўрынгыт ћуневынд. Ћанґ́ наф-нан тох муӆыф ћіхунд. (Ћың акыф чагé?) паћіћак урын-ўрынгыт. Ћафкé ышк ћаҳў ќхофкé арá кшунґ́, наф-нан ендá аканд тыінд ћың кlунд херид: «Ћалá, чің аканд менан пхын ехвé!» (ћаў херид)... Ћанґ́ наф-нан ћың ендá аканд наф-нан пі хlунд керид: «Еноjé! Чіңгў рундва аӆніў маӆыў тымрáнкуў ћің шым оѣкóў ћуневунд-гá? Ехарид latхáj ітjá!» Ћуң кlунд херид: «Чіңгох jаӆенінд уігінрá, чің аѣкћіфтох па аӆеніхрá! Ћалá озіхáj паѣк кедў ітjá, повó ітjá!» Ћанґ́ мізн нафк наф-нан оѣінд ћанґ́ паѣкхун кедў: «Ынajé, ћі наф ќот тыінд lelé чхызігьĭлантох тыіңгрá!...» Ћанґ́ jаѣк ћың маnlанд наф-нан ітынд: «Шамрá-шамрáнкуў тыіхáj рункуў ітjá, акіlантох тыіхáj напá рункуў ітjá!» Ћанґ́ наф-нан jакі ітынд: «Шамрáнкуў ітынднґ́ манхáj напá ітіахпá: мізнтох jаӆенінд уігіў ітыңгрá, пај чің ћіфтох па аӆеніў ітыңгрá!» Ћанґ́ jаѣк херид: «Jаніша, jагах хеllакў ћі ћіфтох па аӆеніў аӆешінґ́ jаніша! Манфудў jаніша! Чің меның ах кузін ехвé, чіндó-ат уріахнá!» Наф-нан jакі меның піжігуўкун уптóт наф-нан

Того тигра *когда* увидѣли, чрезвычайно перепугались. Теперь они въ своей юртѣ только мочились, испражнялись, такъ жили. Припасы же на дворѣ всѣ сложили, ѣсть нечего было! Все время голодая пребывали Такъ вотъ пять дней дневали. Все время голодали. Послѣ этого однажды ночью, *послѣ того какъ* они долго спали, едва разсвѣтать стало, вотъ самому старшему брату снится, *что* тотъ тигръ ему говоритъ: «Ну, вы, старшіе, оба къ себѣ вернитесь!» (такъ сказалъ).... Тогда затѣмъ тотъ самый старшій братъ вотъ своему тигру: «О горе! Ты быть можетъ нуждался въ чемъ-нибудь пришелъ, потому поперегъ нашей двери засѣлъ? *Коли* нужда есть, скажи!» Тотъ тигръ сказалъ: «Васъ мнѣ не нужно, только сердце вашего младшаго брата мнѣ *крайне* нужно! Вотъ, *когда* проснешься, своему младшему брату скажи, вотъ такъ скажи!» Послѣ этого нашъ другъ вотъ проснулся, потомъ своимъ младшимъ братьямъ разсказалъ: «О горе, давеча, *когда* спалъ, я сонъ видѣлъ, очень страшный сонъ видѣлъ!...» Тогда младшій братъ, тотъ храбрый, вотъ сказалъ: «Что-бы тебѣ ни снилось, хорошенько скажи, если худое снилось, все же хорошенько скажи!» Тогда вотъ старшій братъ сказалъ: «Какъ-бы ни было сказано, но разъ ты храбрый, все же сказать придется: ‘насъ ему не нужно’, сказать велѣлъ,— ‘только твое сердце ему нужно’— сказать велѣлъ!» Тогда младшій братъ сказалъ: «Ничего, хоть онъ передалъ, *что* мое сердце ему непремѣнно нужно, ничего! Хоть и страшный *онъ*, ничего! Вы оба вотъ вышедши домой ступайте, къ вамъ *онъ* милостивъ будетъ!» Послѣ этого

кузіін нахры́. Ӈанг̊а́ ізін клунд пактох кеjа́р̆ вір̆ ізн тіф аір̆ кузін-гуіны́. Ах jакі меныӈ кузіт ах кныӈкут ехт маӷхары́, наф-нан ізн клунд ч̀аj пшімба́ ліф. Ӈанг̊а́ Ӈым манґланд: «Ӈала́, чі хеllакр̆ ні ніфтох па аӷенір̆ пшыр̆. Ӈымбро́р̆ Ӈуневуга́ шаӈых пласікуі-ло́!» Наф-нан пшоръныӈ кемту́р̆ jеӈір [тус̀ па акѐхаренкура́(?)]: «Ӈала́, тафті Ӈытыро́х отан-о́теныр̆ вір̆ ӈах перах кузінкуjа́!» Ӈар̆ ітынд. Наф-нан махту́р̆кіс̀ отан-о́теныр̆ кузір̆ екунг̊а́ пір̆ Ӈуневыр̆ jахпыр̆ перах кузігун. Ӈанг̊а́ наф-нан мізін нафк пал̀ва́ ч̀ар̆ туре́ кузінд jе-зо́ӈкр̆ кікр̆ух ч̀акр̆ Ӈус̀ пін нан̀тох вімна́ кетыф мерк-ло зар̆ кізінаро́х мавнг̊а́, наф-нан jа-хлу́нд шаjо́р̆ йтыр jаныӷі нел̀кухы́ кыф-ке́кр̆, наф-нан жахы́р̆: нана́ пантыӈ каз̀імыӈ і хlунд маӷба́ іты́хыс̀ Ӈыӈ каз̀імыӈ кынд. Ӈанг̊а́ мізін нафк ч̀акр̆ маӷыр̆ jе-шандым ціцівыр̆ ч̀акрынд: Ӈанг̊а́ вір̆ ӄах кера́ шор̆ пшыр̆; наф-нан ихы кер̆ шор̆ пшыр̆ Ӈым каз̀імыӈ наз̀ір̆ такіфке́ соӈкр̆ ні хlунд wajрох гуӈур̆ ні хlунд моркау́р̆. Ӈыӈ клунд наф-нан па тхусір̆ jахез̀у-jа́хез̀у шагунд ерахалі шіӈ-вуӈ кімр̆ jаӷах порох шор̆-ма́ӷынкунд. Ӈум боцінт.

оба старшихъ брата, свои постельки связавъ, теперь идти собираясь *котомки* на спину взвалили. Тогда ихъ тигръ, въ сторону отступивши, имъ дорогу давъ, *ихъ* выпустилъ. Вотъ его оба старшихъ брата вышли, скрылись, домой пошли, совсѣмъ спустились, тогда ихъ тигръ пришелъ, разлегся. Тогда тотъ храбрецъ: «Ну, ты велѣлъ сказать, что, сердца моего желая, *ты* пришелъ. *Разъ* ты неотступно тутъ засѣлъ, отъ тебя дѣться некуда!» Затѣмъ рукава высоко засучивъ... *къ тигру обратился*: «Ну, къ серединѣ преддверія попятившись, меня къ себѣ подпусти!» такъ сказалъ. Тотъ вотъ дѣйствительно попятился, отошелъ, тамъ сталъ, караулитъ, къ себѣ его ожидая. Тогда вотъ нашъ пріятель къ нему бросившись вышелъ, на голову его вскочилъ, къ стоявшей тутъ елкѣ бросившись, ухватился, дважды *за вѣтки* хвать, наверхъ забрался, тогда его тигръ вверхъ взглянувъ подпрыгнулъ, задокъ сапога *зубами* схвативъ, чуть чуть оборвалъ, вслѣдъ затѣмъ повисъ: на неожиданно выросшую развилину тигръ спускаясь шеей (въ эту развилину) попалъ. Послѣ этого нашъ пріятель спрыгнувъ спустился на его макушку наступивъ спрыгнулъ; затѣмъ пошелъ, копье взявъ принесъ; затѣмъ свой топоръ взявъ принесъ, отъ той развилины сукъ (одинъ) отрубивъ, повалилъ, его тигръ внизъ упалъ, *онъ* своего тигра воскресилъ. Этотъ тигръ теперь ему выкупъ далъ, всякихъ рѣдкихъ цѣнностей множество своему Гиляку далъ, его въ деревню отвезъ. Вотъ такъ.

Примѣчанія къ № 32.

1 *(стр. 2)*. 'Изъ трехъ братьевъ самый младшій вонъ тотъ храбрецъ былъ'. Характерно, что и въ гиляцкомъ эпосѣ, какъ и въ эпосѣ другихъ народовъ, напр., въ эпосѣ русскомъ, роль героя всегда приписывается младшему брату; наоборотъ, старшій братъ (ср. № 36) часто играетъ роль неудачника, хотя въ семейной іерархіи онъ занимаетъ положеніе равное съ отцомъ.

2 *(стр. 3)*. Пі мавыў — 'онъ пришелъ', вм. 'тигръ пришелъ', хотя о тигрѣ здѣсь рѣчь идетъ въ первый разъ: характерный пріемъ, рисующій почтительное отношеніе къ тигру и избѣганіе по возможности произносить его имя всуе.

3 *(стр. 11)*. Чіңгў — 'Вы'. — Гилякъ обращается къ тигру «на вы», какъ обращаются въ общежитіи, и то сравнительно рѣдко, только къ особо уважаемымъ, пожилымъ особамъ.

4 *(стр. 14)*. 'Только сердце вашего младшаго брата мнѣ крайне нужно'.— Сердце у Гилякъ считается, какъ и у другихъ народовъ, существеннѣйшей частью организма: сердце жертвенныхъ животныхъ отдается божествамъ; съѣсть сердце того или другого животнаго равносильно пріобрѣтенію силы и храбрости обладателя этого органа.

5 *(стр. 22)*. Тіф аіў — 'дорогу далъ', букв.: 'слѣдъ сдѣлалъ'.

6 *(стр. 25)*. Шацых піаскуі-ló — 'отъ тебя дѣться некуда!', букв.: 'какъ сдѣлать, чтобы тебя миновать' (отъ гл. Іасіңд — миновать).

7 *(стр. 27)*. 'Попятившись, меня подпусти!'.— Гиляку необходимо было отступленіе тигра для того, чтобы имѣть возможность разбѣжаться и сдѣлать большой прыжокъ прямо на голову звѣря.

8 *(стр. 32)*. 'На неожиданно выросшую развилину'. Ср. № 31, прим. 12.

33.

Варіантъ № 2 (записанъ по русски).

Одинъ Гилякъ со своимъ сыномъ осенью на соболиный промыселъ отправились. Вотъ они елокъ нарубили, балаганъ построили. Сынъ говоритъ: «Какой-бы чортъ ни пришелъ, я его нисколько не боюсь: убью его!» Отецъ говоритъ: «Такъ не говори: грѣхъ это! Боюсь!» Сынъ снова: «Ничего не боюсь! Какъ бы ни были велики палки (*моихъ противниковъ*), моя всѣхъ больше!» Около балагана, противъ самого входа, росла толстая береза съ развилистымъ сукомъ въ верхней части. Вечеромъ, когда отецъ съ сыномъ сидѣли въ балаганѣ, тигръ вдругъ очутился у входа, караулить сталъ. Когда Гиляки увидѣли это, отецъ обратился къ тигру: «Спрячь лицо свое, я хочу выйти, я боюсь тебя!» Тигръ спряталъ лицо (отвернулъ голову), и отецъ выбрался изъ балагана. Сынъ остался. Сынъ хочетъ выйти, тигръ не даетъ. Тигръ думаетъ себѣ: «Коли ты сильнѣе, меня убьешь, ежели я сильнѣе,

тебя убью!» Нашъ Гилякъ хочетъ поверхъ тигра проскочить, тигръ поднимаетъ голову вверхъ и не пускаетъ. Пробуетъ Гилякъ низомъ проскочить, тигръ голову внизъ опускаетъ и выхода не даетъ. Тогда нашъ Гилякъ дѣлаетъ видъ, будто низомъ проскочить собирается. Тигръ присѣлъ, а въ это время Гилякъ черезъ него перескочилъ, прямо на березу перескочилъ, на самую верхушку забрался. Тигръ за нимъ пустился, но не поспѣлъ: онъ головой попалъ въ развилину и повисъ. Гилякъ тогда съ дерева слѣзъ и сталъ дожидаться, пока тигръ начнетъ помирать. Когда Гилякъ увидѣлъ, что тигръ совсѣмъ помирать начинаетъ, онъ однимъ махомъ срубилъ сукъ, на которомъ тотъ повисъ, и тигръ на землю опустился. Гилякъ смотритъ: тигръ на ноги сталъ... Стоитъ, не уходитъ. Оба смотрятъ другъ на друга. Тогда Гилякъ подумалъ: тигръ меня вѣрно дожидается. Гилякъ усѣлся верхомъ на тигра, тигръ въ путь пустился. Отецъ нашего Гиляка тѣмъ временемъ домой вернулся, сына ждалъ, сына нѣтъ. Онъ уже думалъ, что тигръ съѣлъ его сына... Тигръ повезъ Гиляка по горамъ, по тайгамъ, наконецъ, до своего мѣста на самой высокой горѣ довезъ. Юрта зимняя, гиляцкія собаки на привязи, медвѣжатникъ... Тигръ къ своей юртѣ поднялся. Тутъ тигровыя шкуры кругомъ висѣли. Гилякъ слѣзъ, оглянулся, на тигра посмотрѣлъ: тигра уже не было, передъ нимъ стоялъ человѣкъ, а рядомъ съ нимъ на землѣ лежала тигровая шкура. Человѣкъ этотъ шкуру на шестѣ повѣсилъ и пошелъ въ юрту. Отецъ его на боковой нарѣ сидѣлъ. Сынъ ему сказалъ: «Я думалъ, что я сильнѣе окажусь Гиляка, что я его убью, а теперь — если бы не онъ, ты бы своего сына больше не увидѣлъ-бы. Это онъ подрубилъ сукъ, и я живой вернулся! Теперь изъ благодарности я его къ себѣ привелъ». Отецъ тигра подумалъ: «Если бы мой сынъ на суку висѣть остался, онъ бы непремѣнно померъ: значитъ, этотъ Гилякъ все равно какъ будто мнѣ другого сына досталъ. Надо ему за своего сына хорошій выкупъ дать!» Старикъ пошелъ, приготовилъ нарты, нагрузилъ полныя парты соболей, положилъ еще туда бѣлаго медвѣженка и Гиляка домой отправилъ. Отецъ Гиляка думалъ, что сынъ его уже совсѣмъ пропалъ. Вотъ онъ изготовилъ изображеніе сына, въ юртѣ поставилъ, чтобы смотрѣть на него. Вдругъ сынъ домой вернулся. Отецъ изображеніе сломалъ. Сынъ отдалъ соболей и думаетъ: «Опять къ нему (тигру) пойду за соболемъ!» Пошелъ въ тайгу, искалъ, искалъ своего тигра, не нашелъ. Онъ разбогатѣлъ, богатымъ умеръ. Сказано.

Примѣчанія къ № 33.

1 *(Ко всему тексту).* Варіантъ этотъ, какъ и слѣдующій, записанный сразу по русски, заключаетъ очень интересныя подробности, дополняющія сюжетъ. При

записываніи въ оригиналѣ разсказчику приходится говорить медленнѣе, и потому передача выходитъ болѣе схематичной и менѣе богатой деталями.

2 *(стр. 3)*. 'Какой бы чортъ ни пришелъ, я его нисколько не боюсь!' Вотъ въ этой детали, отсутствующей въ другихъ варіантахъ, завязка сюжета: Гиляк ъ позволилъ себѣ совершить великій грѣхъ — своего рода lèse-majesté тигра — и накликалъ на себя бѣду.

3 *(стр. 5)*. 'Какъ бы ни были велики палки моихъ противниковъ, моя всѣхъ больше!'.—Дѣло въ томъ, что во время поединковъ (по дѣламъ чести) Гиляки дерутся на палкахъ, иногда даже просто тормазами отъ саней (березовыя палки съ желѣзными наконечниками). Фехтованіе «дубинками» — составляетъ особое искусство, въ которомъ молодежь совершенствуется съ самаго ранняго возраста. Выраженіе: «моя палка всѣхъ больше» употреблено въ фигуральномъ смыслѣ, т. е., что герой ловчѣе и сильнѣе своихъ противниковъ.

4 *(стр. 9, 10)*. Просьба отца о томъ, чтобы тигръ, спрятавъ свое лицо, выпустилъ его, и послѣдовавшее затѣмъ лойяльное исполненіе этой просьбы со стороны тигра хорошо передаетъ наивную вѣру Гиляка въ справедливость своего страшнаго «бога», который не станетъ дѣлать зла человѣку, ничѣмъ передъ нимъ не провинившемуся.

5 *(стр. 28, 29)*. 'Юрта зимняя, гиляцкія собаки на привязи, медвѣжатникъ'... — картина, рельефно изображающая представленіе о тиграхъ, какъ о настоящихъ людяхъ, ведущихъ такой же образъ жизни, какъ и Гиляки, но только въ тайгу выходящихъ въ тигровыхъ шкурахъ.

6 *(стр. 41)*. 'Положилъ туда бѣлаго медвѣженка'.... — Медвѣженокъ — цѣнный подарокъ на случай устройства медвѣжьяго праздника. Интереснѣе всего въ этомъ эпизодѣ, что бѣлые медвѣди вовсе не встрѣчаются не только на Сахалинѣ, но и во всемъ Приамурскомъ краѣ, но было-бы рискованно связывать этотъ эпизодъ со страной бѣлыхъ медвѣдей. Скорѣе можно предположить, что бѣлый цвѣтъ животныхъ такъ же связывается съ поднебеснымъ царствомъ тигра, какъ темный цвѣтъ съ царствомъ подземнымъ.

7 *(стр. 43)*. 'Изготовилъ изображеніе сына, въ юртѣ поставилъ, чтобы смотрѣть на него'. — Изготовленіе изображеній умершихъ и установленіе ихъ въ домахъ не можетъ считаться типичнымъ гиляцкимъ обычаемъ. Онъ встрѣчается у гольдовъ и у другихъ тунгусскихъ племенъ, что̀ указываетъ на тунгусскій первоисточникъ сюжета. — Обрядъ извѣстенъ также у обскихъ Остяковъ, которые даже укладываютъ куклы покойниковъ съ собою на постеляхъ.

34.

Варіантъ № 3 (записанъ по русски у племени Негда).

Шесть человѣкъ пошли въ тайгу самострѣлы ставить. Ночью старику снится: кругомъ ихъ балагана собрались тигры, грозятся никого не выпустить, если имъ не оставятъ въ добычу самаго младшаго, мальчика 14-ти лѣтъ. Что подѣлаешь: ушли, мальчика оставили. Тигры день и ночь передъ дверью стоятъ, выходить никакъ нельзя, даже испраж-

няться невозможно. Тогда мальчикъ говоритъ: «Я вѣдь все равно отъ васъ не уйду, дайте мнѣ выйти хоть испражниться!» Такъ сказалъ. Штаны спустилъ и ждетъ. Наконецъ, тигры согласились пустить его. Тигры въ сторону отошли, а мальчикъ прыгъ на дерево съ развилиной, которое противъ входа въ багаганъ стояло. Замѣтивъ это, тигръ одинъ за мальчикомъ вслѣдъ пустился. Совсѣмъ было схватилъ его, но мальчикъ вырвался и еще выше на дерево забрался, а тигръ за сукъ головой зацѣпился и повисъ. Увидѣвъ это, остальные тигры розбѣжались, а тотъ, что на суку повисъ, взмолился: «Пожалуйста, меня освободи, я съ вами вѣдь жить не могу, я къ вашей пищѣ не привыкъ! Освободи меня, я къ себѣ домой пойду!» Мальчикъ сукъ срубилъ, тигра освободилъ, тигръ къ себѣ домой пришелъ. Мальчикъ на другой день петли поставилъ, много соболей, самыхъ лучшихъ соболей попало. Трехъ 'Чук-Чумӯ' поймалъ. Днемъ соболей ловилъ, а на ночь къ нему горпая женщина спать приходила. Наконецъ, мальчикъ съ богатой добычей домой отправился. Ночью, тайкомъ онъ въ свой домъ пробрался, всю добычу въ сундукъ спряталъ, только одного совсѣмъ бѣлаго соболя па виду оставилъ. Рано утромъ мать его встала, видитъ, мальчикъ пришелъ. Очень обрадовалась. Раньше все плакала, думала, сына тигры скушали, теперь сыномъ все радовалась, о добычѣ не горевала, на плохого соболя и глазомъ не посмотрѣла. Въ этой деревнѣ жилъ очень богатый Негда, самый богатый, самый хорошій человѣкъ былъ. Онъ въ эту ночь во снѣ видѣлъ все, что съ мальчикомъ приключилось. Вотъ онъ къ нему приходитъ, спрашиваетъ: «Ну, какъ промышлялъ?» Мальчикъ показалъ одного соболя, самого плохого.—Я не такихъ соболей смотрѣть пришелъ! А чѣмъ питался?—Рябчиками!—А что поймалъ?—Вотъ этого соболя!—Сказалъ тебѣ, что не его смотрѣть пришелъ! Мальчикъ показалъ другихъ получше. Тотъ снова: «Я не ихъ пришелъ смотрѣть!» Наконецъ, мальчикъ показалъ своихъ 'Чук-Чумӯ'. «Вотъ эти-то я и пришелъ смотрѣть! Отдай ихъ мнѣ, я тебѣ свою послѣднюю дочь отдамъ!» Мальчикъ богатымъ человѣкомъ сдѣлался. Сказано.

Примѣчанія къ № 34.

1 (стр. 1). Племя Негда, по гиляцки Ӯры, одно изъ тунгусскихъ племенъ, живущее по р. Амгуни, притоку Амура. Представители его не только часто встрѣчаются, въ качествѣ пріѣзжихъ, на территоріи Гилякъ, но и нерѣдко селятся навсегда среди послѣднихъ, теряя современемъ свой языкъ и народность. Настоящій текстъ записанъ мною отъ Негда, пріѣхавшаго навремя съ Амгуни для рыбной ловли, недалеко отъ сел. Тыръ на Амурѣ.

2 *(по всему тексту).* Этотъ варіантъ, несмотря на обиліе интересныхъ деталей, наименѣе фантастичный. Въ немъ отсутствуетъ, и не случайно, самый сказочный пассажъ, пребываніе героя въ гостяхъ у тигра. Все остальное даетъ возмож-

ность предположить дѣйствительность случая, подавшаго поводъ къ легендѣ. Часто случается, что группа охотниковъ, подошедши къ своему балагану, замѣчаетъ свѣжіе слѣды тигровъ и, испугавшись, на время уходитъ съ этого мѣста. Могло случиться, что кто-нибудь изъ компаніи, молодечества ради, наперекоръ увѣщаніямъ, рѣшилъ остаться въ балаганѣ, да при этомъ еще и позволилъ себѣ непочтительно отозваться о тигрѣ. Ничего невозможнаго нѣтъ также въ эпизодѣ со спасеніемъ героя на деревѣ и застреваніемъ тигра въ развилинѣ. Остальное — богатая добыча, собранная героемъ, послѣ того какъ онъ остался безъ конкуррентовъ на всемъ протяженіи охотничьей рѣчки, какъ нельзя болѣе естественно. Отдѣльные эпизоды, вродѣ мольбы тигра, являются уже обычными прикрасами фантазіи.

3 *(стр. 15, 16).* 'Тигръ взмолился: «Пожалуйста освободи.... вѣдь я къ вашей пищѣ не привыкъ»' — безподобная по наивности иллюстрація антропоморфированія животныхъ.

4 *(стр. 19).* Лук-Іумӈ—'мохнатый соболь', мѣхъ котораго считается самымъ цѣннымъ.

5 *(стр. 20).* 'На ночь къ нему горная женщина приходила', — фактъ, не представляющій ничего особеннаго для психологіи первобытнаго человѣка, для котораго все, что совершается во снѣ, явленіе реальнаго порядка, а видѣть во снѣ сеансъ съ «горной» женщиной можетъ всякій, особенно герой, который только что спасъ отъ смерти «горнаго» человѣка — тигра.

6 *(стр. 22).* 'Совсѣмъ бѣлаго соболя на виду оставилъ'. Бѣлый (свѣтло-сѣрый) соболь считается самымъ малоцѣннымъ (лѣтнимъ) соболемъ, но чтобы матери сдѣлать сюрпризъ своей богатой добычей, онъ самого плохого и положилъ на видномъ мѣстѣ.

7 *(стр. 28).* 'Онъ въ эту ночь во снѣ видѣлъ все, что съ мальчикомъ приключилось'.—Ему, конечно, незачѣмъ было во снѣ все видѣть, такъ какъ у Негда, какъ и у Гиляк̀ъ, всякая новость со всѣми подробностями распространяется съ непостижимой въ нашемъ быту быстротой.

8 *(стр. 30).* 'А чѣмъ питался?'. — Этимъ вопросомъ богачъ хотѣлъ уличить героя въ неправдѣ, такъ какъ во время охоты обыкновенно питаются главнымъ образомъ мясомъ пушнины, и если бы герой, дѣйствительно, убилъ одного только бѣлаго соболя, то онъ не могъ бы долгое время продержаться въ тайгѣ.

35.

Пал̀-мі̀лк-кӀунд.

Пеурáнӈ-ехӀаӷ јеӈ јехлаӷ ч̀ахӈ̀ цаӈхот вінд. Пал̀рох пшырох мавынд туӷур выз̀нд пал̀рох чух-ч́угынд тол̀рох выз̀нд ах чхаӈ̀ танд ч̀ах фенд таф-

---

Тигръ—горный чортъ.

Сынъ (его) сестры, отецъ и его сынъ втроемъ ставить петли пошли. Въ гору, къ своему балагану поднялись, огню жертвоприношеніе сдѣлали, горѣ жертвоприношеніе сдѣлали, морю жертвоприношеніе сдѣлали, затѣмъ дровъ

тох jугынд... Кlунд пшынд ах iзн шымх jаcпынд hунывынд. Ах тыiнд: «Туґур хаврыў пшынд-lо? Ԛак хаврыў пшынд-lо? Евўх хаврыў пшынд-lо? Ханың аӈвiў пшынд-lо? Шаӈунд аӈнiў пшынд-lо?»—«Каук, чымӈi-ехlуң цат пшындрá!» Ы҆чх iтў: «Ӈуңгарjá! Агуjа!» Ах ќхот jаң озў, кlунд iнтыў уiгé, пымӈi-ехlуң iнтыў уiгé! Ах кузiў... ах кlунд ах рукынд чох укынд. Ах jугыў: «Ыта́, ах меңг ехlуң ах iхунд, оcjá!» Jеў озiў: «Оlá, маӈjá, чымк чаcх муjныңгрá!» Jехlуң: «Ec̀, ыта́, чi маӈjá: ӈi кеў-пуриха́j ӈехан чалӈафурiн iтындрá!» —«Каук, оlá, чi маӈjá!»—«Ыта́, угрын вiнатé!» Ќхах тонд jехlуң меучо тонд ҷай jеў пунд шонд ах вiт. Ах кlунд индыiнд: ах iзн-éхlуң iнiнд. Jеў ќхах тоў, кlунд ах весnд, ах ехlуң тlоiнд ах ќхахкыc̀ ах есniнд ах jеў есniнд ах iхунд. Ах вiт iнтыiт ах намых кет ухўкуп гет lаўх гет. Ах кlунд зiт ах hаlыныў аjт ах сiт ах ехт ах пшафтох макынд. Чхаў тат ах шувынд ҷах фет ах wаи ӈочiнд ўах hенд... Ханың меўк ву ~ву!... «Ыта́, пўаx̌ туґуртох jукjá! Пiңгнатé!» Ах кузiнд. «Ыта́, толрох ҷаxрjа́.»...—«Тус̀ тани? Меўк вуву чалханд: ӈiӈывың уiгé!» — «Ыта́, тсӈнатé!» Ах jугiнд чхаў соңкў

нарубили, воды набрали, въ юрту вошли... Тигръ явился и передъ ихъ дверью засѣлъ. Вотъ снится: «*Не потому ли, что* огнива не имѣешь, *ты* явился? *Не потому ли, что* кремня не имѣешь, явился? *Не потому ли, что* трута не имѣешь, явился? Въ собакахъ нуждаясь, *не* явился-ли? Въ цѣнностяхъ нуждаясь, *не* явился-ли?» — «Нѣтъ, *я* за сыномъ твоего 'зятя' пришелъ!» Старикъ сказалъ: «Пожалѣй, не тронь!» Вотъ они уснули, сынъ *старика* проснулся, на тигра посмотрѣлъ — нѣту, сына своего 'зятя' посмотрѣлъ — нѣту! Вотъ онъ вышелъ.... тигръ кусалъ *кого-то*, кровь текла. Вотъ обратно вошелъ: «Отецъ, нашего юношу тигръ убилъ, встань!» Отецъ всталъ: «Сынъ мой, домой ступай, твоя мать, твой младшій братъ умереть могутъ!» Сынъ: «Нѣтъ, отецъ, ты ступай; *если* я новости буду разсказывать, скажутъ, что я неправду говорю!»—«Нѣтъ, сынъ мой, ты ступай!»—«Отецъ, вмѣстѣ пойдемъ!» Копье взяли, сынъ ружье взялъ, еще отецъ лукъ взялъ, вотъ пошли. Вотъ они тигра увидѣли: онъ ихъ юношу пожираетъ. Отецъ съ копьемъ былъ, тигръ вотъ бросился, вотъ сынъ прибѣжалъ, копьемъ кольнулъ, вотъ отецъ кольнулъ, вотъ убили. Вотъ подошли, посмотрѣли, вотъ косу взяли, пуговицы взяли, рубашку взяли. Вотъ съ тигра шкуру сняли, вотъ помостъ сдѣлали, вотъ сложили, вернулись, въ свой балаганъ вошли. Дровъ нарубили, зажгли, воды набрали, котелъ повѣсили, 'буду' сварили.... Собаки дважды залаяли!... «Отецъ, нашу 'буду' въ огонь вылей! Убѣжимъ»! Вотъ вышли. «Отецъ, въ воду прыгни! *Чортъ*: «Шумъ гдѣ же? Дважды лаяли, — обманъ: людей нѣтъ!» — «Отецъ, *на берегъ* выйдемъ!» Вотъ вошли, дровъ наломали, на очагѣ разложили,

туґур сінд ах туґур ічінд ах оӡд ах маӈыд. Луӆjонд чіу lатнд... ах кlунд пшыінд. Кхахкыӡ тмаӡхут... уіге!... Пшафтох ах маӈынд jугынд. «Мама́, ніӈвың геjа́, кlунд мізн exlуг куӆгра́! Ќанкыӡ маӈында́!» Ах ныуў ќхот. Ӈымпа́т маӈынд кlундрох вінд ах ӈоч̀т ӈоӆчінд ах рыінд ах шоў-ма́ӈынд ах пшавlефтох Ӈунчі́нд пшафтох jугынд. «Мама́, ніӈывыӆтох моӡjаjjа́! Olá, ќхан геjа́!» Jexlуг ах віў ќхан геў шоў-пшы́ў. Теӈанд нах jаjід сіт ќханың кут чух-чу́гыд ах пшафтох маӈыд jугыд Ӈунывыд, ніӈывың пал-мілк оӡхат Ӈунывынд.

огонь развели, затѣмъ встали, отправились. Топотъ раздался... то тигръ приближается. Копьемъ прицѣлились... не стало *его*!... Къ своему дому подошли, вошли: «Старуха, народъ собери, тигръ нашего юношу убилъ! Мы на собакахъ пойдемъ!» Вотъ поздно стало, уснули. На другой день пошли, къ тигру подошли, сняли, *на сани* сложили, повезли, привезли, близъ своего дома сложили, въ домъ вошли. «Старуха, для народа 'мось' приготовь! Сынъ, собакъ возьми!» Сынъ пошелъ, собакъ взялъ, привелъ. Поднялись, клѣть срубили, сложили, собакъ умертвили, *горл* жертвоприношеніе сдѣлали, въ свой домъ вернулись, вошли, жили, Гиляки, на горнаго чорта сердясь, жили.

Примѣчанія къ № 35.

1 *(ко всему тексту)*. По началу (особенно разговоръ во снѣ съ тигромъ) это варіантъ предыдущихъ сказаній, но въ дальнѣйшемъ содержаніе прямо противоположное. Герой оказывается жертвой, а тигръ не благодѣтелемъ, не горнымъ человѣкомъ, а горнымъ чортомъ. Но по этому самому именно текстъ служитъ непосредственнымъ дополненіемъ къ предыдущимъ, завершая двойственное представленіе о тигрѣ, то какъ о благодѣтельномъ, то какъ о враждебномъ человѣку существѣ (Ср. I, 1, пр. 29).

2 *(стр. 6)*. Чымӈі еӈlуг ӆат пшындра́ —'За сыномъ твоего «зятя» пришелъ!'.—Этотъ же сынъ 'зятя' вначалѣ (стр. 2) названъ 'сыномъ сестры',—иллюстрація того, что обычно жены брались изъ рода матери, именно такъ, что мущина женился обязательно на дочери брата своей матери.

3. *(стр. 8)*. 'Тигръ кусалъ кого то, кровь текла'.— Гилякъ увидѣлъ только кровь, а, можетъ быть, и слѣдъ тигра, но самого тигра, утащившаго свою жертву въ тайгу, уже не было.

4 *(стр. 15)*. 'Съ тигра шкуру сняли', т. е., шкуру вмѣстѣ съ головой, причемъ, согласно ритуалу, во время сниманія шкуры, колютъ звѣря ножомъ, чтобы ему больно сдѣлать.

5 *(стр. 15)*. 'Помостъ сдѣлали, вотъ сложили', т. е., на помостъ сложили останки тигра и его жертвы впредь до перевезенія ихъ въ селеніе. Обычай устраивать помосты для останковъ объясняется необходимостью обезопасить ихъ отъ расхищенія звѣрьми, но во всякомъ случаѣ съ теченіемъ времени это стало религіознымъ требованіемъ.

6 *(стр. 16.)*. Гиляки вернулись въ балаганъ, а не въ селеніе, вѣроятно, потому, что провозились съ останками до сумерекъ, и въ селеніе было уже возвращаться поздно.

7 *(стр. 24)*. 'Собаки дважды залаяли', — признакъ приближенія чорта, обыкновенно посылающаго на развѣдки своихъ собакъ, которыя двукратнымъ лаемъ сообщаютъ о присутствіи человѣка. Чортъ былъ сородичъ убитаго тигра или его собственная душа, явившаяся отомстить за себя.

8 *(стр. 19)*. 'Вотъ вошли... огонь развели, затѣмъ встали, отправились'. — Возвращеніе Гилякъ въ балаганъ, повидимому, совершенно безцѣльное, объясняется тѣмъ, что они передъ этимъ, убѣжавъ отъ чорта, залили огонь, между тѣмъ тушеніе огня на очагѣ считается большимъ грѣхомъ противъ «хозяина» огня; поэтому они и вернулись, чтобы возстановить огонь и искупить свой грѣхъ.

9 *(стр. 20, 21)*. 'Старуха, народъ собери.... мы на собакахъ пойдемъ', т. е., поѣдемъ доставить останки убитаго. Обрядъ перевезенія обставляется весьма торжественно при обязательномъ присутствіи всѣхъ сородичей. Церемонія состоитъ въ томъ, что на особо изготовленныя носилки укладываютъ шкуру звѣря, снятую вмѣстѣ съ головой; надъ послѣдней усаживаютъ на корточкахъ трупъ убитаго и цѣликомъ его закутываютъ въ шкуру звѣря; если тѣло съѣдено, его замѣняютъ деревяннымъ пояснымъ изображеніемъ. На нарты укладываютъ особо тушу звѣря. Затѣмъ процессія съ носилками, при громкихъ завываніяхъ сопровождающихъ, направляется къ селенію. Такъ поступаютъ, когда случай имѣлъ мѣсто съ медвѣдемъ. Въ данномъ случаѣ (см. стр. 22) останки были перевезены на саняхъ.

10 *(стр. 24)*. 'Поднялись, клѣть срубили, сложили', т. е., останки перенесли съ берега, гдѣ расположено было селеніе, нѣсколько подальше, въ гору. Тамъ, по ритуалу погребенія человѣка, задраннаго звѣремъ, устраивается клѣть по образцу медвѣжатника, обкладываютъ ее внутри священными стружками «іна́у» и туда помѣщаютъ останки въ томъ видѣ, въ какомъ они были на носилкахъ (см. пр. 9). Послѣ этого раскладываютъ костеръ, и сородичи, усѣвшись по обѣимъ сторонамъ послѣдняго, рѣжутъ мясо звѣря на кусочки и перебрасываютъ черезъ огонь, причемъ сидящіе на противоположной сторонѣ ловятъ ихъ ножами. Цѣлую ночь дежурятъ на случай мнимаго появленія звѣря-мстителя.

36.

Ӈіхыӏа кӏунд.

Куґі-ніӈвуӈ ӄа̀кр̆ ніӈвуӈ пыр̆к ӈунывынд шанк ахр̆ уіге́. Аӄканд меныӈ тоӆ̀-іхынынд роӈо́ паӆ̀-іфынынд роӈо́ напыгындхун, ізи акі паӆ̀іӈак

Благодарный тигръ.

Айну трое человѣкъ одиноко жили, даже женщины *у нихъ* не было. Младшіе оба то за морской добычей, то за лѣсной добычей охотились, ихъ

hyєtха ві-lý: тамы́р ірві́р пасkхун ар-аррá пасkхун чахр̆кнд̣ ізн отрá. Hафкé нiйáк: «Наф-нан наух-ку-ат hыры̀ ihyєtхá віiндрá!» Hар̆ ітрóр̆ kах пы торá hар̆ вінд, јасхун тамы́т іхынд. Вук-вукó hанд̣ ізн акі пшынд: «Нга пакінтункуфкé ут енiлацк сік шыф пар̆кыр̆ пшыр̆ југунд!» Hанд̣ јасkхун іу́ шыф аіфкé фіу́ hанд̣ аӈзај вінд іхірб́-террá. Hын ыр̆к нiхýнд hымпáт менын угры́т пакі нанегыт віфкé ізн акі тіф kомр̆-hытá херá чхыф наф-нан тіф веср̆ пшынд, hуных есныи тіф latынд; hафкé је-рáмк -кыін-ціф іврá, ӈачх-кыін-тіф іврá. Hын конкóлар̆ hекур̆ hер̆кентох теӈнд̣ пiлан ур̆ hакр̆ івынд. Hун ур̆ комí чхыф анiхнá нан келá позір̆ kонд. Ендá асkанд kах па тор̆ ток-шóкр̆ теӈанд. Малафтох теӈнд̣ ізіхыф ехýр̆... «hуу ~ук...!» чакр̆ озір̆ hуктух турé вір̆, hyє тузінд, kах кецір̆ ізінд: науr̆waj тулкур̆ міфтох маӈымбá чыфанд! Ізіхыф кныцкур̆ верi вінд hанд̣ hун ур̆ алхт, індынд̣ ізн акі урмі хур̆ hунывынд. Hанд̣ чхар̆ нельк-нéльк wale-balt пакі панітá hатóт улаф тхырох мавт сарехот тамх татá нхolан-гólан пурт, кер̆ аітá сарe-

---

старшій же братъ никогда и по надбережью не выходилъ: *никуда* не отлучаясь стряпней *занимался*, своихъ младшихъ братьевъ кормя; *когда* его младшіе братья пообносятся, онъ ихъ обшивалъ. Потомъ однажды (*старшій братъ говоритъ*): «Ну, сегодня хоть по-надъ берегомъ похожу!» Такъ сказавъ, копье только взявъ, такъ пошелъ, его младшіе братья дома дожидались. *Когда* стемнѣло, ихъ старшій братъ пришелъ: «*Послѣ того какъ* далъ себя звѣрямъ искусать, мое тѣло все сплошь — одна рана, *вотъ такъ* я пришелъ!» Тогда *послѣ того какъ* младшіе братья его раны *долго* лѣчили, онъ послѣ этого снова отправился, его ждали-ждали, не дождались. Ту ночь переночевавъ *дома*, на другой день оба младшихъ брата вмѣстѣ своего старшаго брата искать ходили; *послѣ долгихъ поисковъ* слѣдъ ихъ старшаго брата по срединѣ *морского* берега оказался, затѣмъ слѣдъ бросившагося *на него* медвѣдя шелъ, далѣе, слѣдъ удара копьемъ оказался, затѣмъ слѣдъ волочившейся руки былъ, *далѣе*, слѣдъ волочившейся ноги былъ. *Когда* они черезъ *прибрежную* возвышенность перевалили на поляну, *тамъ* большая клѣть стояла. Около этой клѣти медвѣдица одна навзничь лежа спала. Самый младшій братъ съ копьемъ только подкрадываясь пошелъ. *Когда онъ* близко подошелъ, его медвѣдица почуяла.... «хуу ~ук!...» *(звукоподражаніе)*, вскочила, оттуда бросилась; *нашъ Гилякъ* подскочилъ, копье поднялъ, метнулъ: подъ брюхомъ прошло, на землю упавъ стукнулось! Его медвѣдица убѣжала, тогда ту клѣть открыли; *когда* посмотрѣли, (*то оказалось:*) ихъ старшій братъ въ клѣти лежалъ. Тогда лѣсинъ нѣсколько срубили, своего брата прикрыли, потомъ на вершину возвышенности забрались, привалъ сдѣлали—табакъ курили, о своемъ горѣ толковали, разговаривали,

хота́. Ӈафкэ́ шаӄтох паӈк-ӏу: «ӄа~ах!» ӈац ау ӏатынд. Ыпаје́! Ау катыӈгра́ мӏа-хуты́ аӈпехаӈ ӏеӏс казіӈпоӈӏа ау! Јакі іты́: «Ыпаје́! Кунд-ыкӈ́ рунд ау -на́! Ехнате́ мах!» ӈаӈ ітнд. Ӈанг̣а́ јаӄк: «Нукó, рунд ау ӈанд, јаӈкуӈ́ јаӈі-мындга́? Пііац кӏунд и̇а́н тархыӏафтанг̣а́ тымран ау хусіӈ́ таӄ-та́ӄ авӏіӈ́ поӏахшанд пурыӈра́! Ӈат ерах віінынра́!» Ӈанг̣а́ јакі ум-у́мӈ́ ӄерид ӈаіро́ терыфк. Јаӄк оӡіӈ́ пфунд гера́ пхах кера́ ӈаӈ ӈыӈ најумірох маӈынд. Маӈыфкэ́. Ӈуӈ пііац кӏунд вең умӏац тоӏаф наи̇тоӄ ӈауӈ́ ӈытáх оӏенд. Ӈанг̣а́ ӈы наи̇-алафӈеӈ́кентох віӈ́ машку́нтох ӽаӈ. Ӽампа́ паӈк пӏокру́ӈ́ ӄахыӈ́ куті̇нд. Ӈанг̣а́ ӈы кӏунд вівэ́ ӈаӈ аӏахріӈ́ ајвын наӈкуӈ́ ӈуневынд. Ӈафкэ́ мыӡ-па́фх јарі́ вінд, угры́т вінд. Віфкэ́. Катым пал̇ ӈытá піӏа́ц тав и̇а́кӈ́ ӈуневуи̯а́ ӈыӈ тафтох макт. Ӄаныӈ-ікуӈ́-такырох віӈ́-маӈымба́ пол̇-во́л̇ куру́хуӈ́ чіу ӈанг̣а́ тата́ и̇іӈ́ву-ӏо поч̇ урхра́ пандын урахра́ чоӈкӈ́ кыӏахра́! Ӈы и̇іӈ́вуӈ ітынд: «Наи̇ӄра́ пнафк хавеӈ́ха́ј и̇і пуо́ хавӈ́кој-ӏо́!» Ӈаӈ ітро́ӈ́ угры́т југунд понаӈцтох тут ӈупиг̣а́ ӈукрыхы фінг ыч̇іх оӡіӈ́ мізн-на́фк ӈеӈ́кнтох чуи̇~чуи̇ ӈаӈ іхымынд, ӈаро́ӈ́: «Наркыӈ́ и̇іӈ́вуӈ-на́, и̇еӈ̨аӏуг чхаврха́ј и̇і пеӈ̨аӏуш цшыі-ӏо́! (ӈаӈ ітнд). Ӈаӏа́, шагуіныф паӈк пі вап-реренкуӈ́ тоӈ́ маӈіха́ј уру́н-

---

отдыхали. Потомъ откуда-то: «чя ~ях!» (*звукоподражаніе*) — такой крикъ послышался. Ой, ой, ой! Крикъ могучій, уши совсѣмъ оглушилъ, страшно пронзительный крикъ! Старшій братъ сказалъ: «Это что за крикъ? Вернемся-ка!» такъ сказалъ. Тогда младшій: «Погоди, что это за крикъ, развѣ ты знаешь? Большой тигръ, когда ему болитъ что-нибудь, такой крикъ испуская, прося кругомъ о помощи, кричитъ — такъ говорятъ! Я къ нему пойду!» Тогда его старшій братъ разсердившись отговаривалъ, да не помогло. Его младшій братъ поднялся, свой лукъ взявъ, свое копье взявъ, такъ вотъ къ тому ручью внизъ сталъ спускаться. Спустился. Того большого тигра сердитый змѣй къ толстой ели по срединѣ живота придавилъ. Тогда онъ за эту елку туда подошелъ, *хорошо* цѣлясь выстрѣлилъ. Послѣ выстрѣла *змѣй* весь съежился, сорвался, упалъ. Тогда тотъ тигръ пошелъ, потомъ обернулся, остановился, такъ и сталъ. Тогда нашъ Гилякъ за нимъ пошелъ, вмѣстѣ пошли. Долго шли. *Когда* посреди голой горы большая юрта одна встрѣтилась, они къ той юртѣ поднялись Къ столбу для привязыванія собакъ тигръ подошелъ, *навзничь на зѐмь* бросился, шумъ трещанія (*послышался*), затѣмъ такой вотъ человѣкъ *явился*, лицомъ красивый, ростомъ большой, съ косою длинной! Тотъ человѣкъ сказалъ: «Спасибо тебѣ, если бы моего друга не было, я бы въ свое селеніе не вернулся!» *Послѣ того какъ онъ* такъ сказалъ, *они* вмѣстѣ *въ юрту* вошли, на среднюю нару забрались и, когда усѣлись, на боковой нарѣ сидѣвшій старикъ поднялся, въ сторону нашего друга обнюхивать сталъ, потомъ: «Дорогой человѣкъ, еслибы мой сынъ тебя не имѣлъ, я бы своего сына не увидѣлъ! (такъ сказалъ). Ну, дра-

куў ітjа́! Ӈіӈвуӈ сӈаlуи хгеjахаj уру́нкуў ітjа́!» ӈаў ітид. Ӈанга́ ӈыӈ ычіх-
акуўерхи ӈыӈ поӈ урlаӈ шанк ӈеныӈ ӈунывыид. Ӈанга́ мызи-на́фк: «Ӈіӈ- 35
вуӈ-еӈаlуи-ан jаӈеніндра́!» ӈаўітид. Ӈанга́ ӈыӈ ычіх: «Тыӈ ӈеӈlуи кеjа́!»
Ӈаў ітнга́ мызэ-на́фх ах ӈыӈ шанктох кӑў ӈупевыид. Ӈуцхе́ урlанкува́ нах
муӈв ӈіхуро́ў порох ехыў наӈіӈеj тоў маӈыид. Ӈунд ко̆рид. Пал-іхунд
ушку́хаў ӈузаl чарыў. Куґі ча̀нґі мунд. Пуру́. Ӈум бочінд тыӈгунд пуру́.

годѣнностей сколько только самъ въ состоянiи понести, коли съ собою взять согласенъ, хорошенько скажи! 'Человѣческую' дѣвушку если взять согласенъ, хорошенько скажи!» такъ сказалъ. Рядомъ съ этимъ старикомъ красивая женщина (одна) сидѣла. Тогда нашъ другъ: «'Человѣческую дѣвушку' 35
желаю!» такъ сказалъ. Затѣмъ тотъ старикъ: «Эгу дочь мою возьми!» Послѣ этихъ словъ нашъ другъ къ этой женщинѣ подошелъ, сѣлъ. Отсюда, ровно шесть дней поживъ, въ свое селенiе вернулся, свою жену съ собой привезъ. Онъ разбогатѣлъ. За лѣснымъ звѣремъ всюду ходилъ, вездѣ полно было. Аинскимъ старшиной сдѣлался. Сказано. Вотъ такъ сказка сказывается.

Примѣчанiя къ № 36.

1 *(ко всему тексту)*. Этимъ текстомъ характеризуется вторая серiя сказанiй о благодарномъ тигрѣ, совершенно другого типа, чѣмъ первая (№№ 31—34 вкл.). Здѣсь, въ противоположность первой серiи, гдѣ тигръ попадаетъ въ бѣду по собственной винѣ, нападая на человѣка, фабула приближается къ греческимъ сказанiямъ, гдѣ благодарный звѣрь своими страданiями привлекаетъ сочувствiе и помощь человѣка. Другой отличительной особенностью фабулы является участiе змѣя, нападенiе котораго на тигра и является завязкой исторiи. Какъ увидимъ дальше, участiе змѣя свидѣтельствуетъ несомнѣнно о миграцiи сказанiя съ юга, скорѣе всего изъ Уссурiйскаго края. Характерный варiантъ изъ Орочской территорiи см. пр. 6.— Въ разбираемомъ текстѣ большое мѣсто занимаетъ романтическiй эпизодъ съ медвѣдицей, но это эпизодъ совершенно случайный, такъ какъ въ другихъ варiантахъ онъ не повторяется.

2 *(стр. 2)*. 'Айну трое человѣкъ'.— Хотя героями фигурируютъ Айну, тѣмъ не менѣе разсказъ не можетъ считаться аинскаго происхожденiя, такъ какъ на территорiи Айну ни тигровъ, ни змѣевъ, подобныхъ фигурирующимъ въ разсказѣ, не имѣется. Гиляцкiй разсказчикъ, конечно, могъ слышать эту исторiю впервые отъ какого-нибудь Айну, но къ этимъ послѣднимъ она несомнѣнно была занесена изъ Амурскаго края. На языкѣ же Айну это послѣднее слово означаетъ и названiе народа, и «человѣкъ».

3 *(стр. 12)*. Уў — 'клѣть', амбаръ для храненiя вяленой рыбы.

4 *(стр. 16)*. 'Ихъ старшiй братъ въ клѣти лежалъ'. — Медвѣдица не съѣла Гиляка, а убила его только изъ любви къ нему, желая, чтобы онъ (его душа) сталъ ея мужемъ,—обычная исторiя медвѣжьихъ романовъ съ «сыновьями и дочерьми человѣческими». Ср. II, 21, гдѣ героями романа являются медвѣдь и гиляцкая женщина.

5 *(стр. 16)*. 'Лѣсинъ нѣсколько срубили, своего брата прикрыли' —

для защиты отъ звѣрей, въ расчетѣ, что они вернутся и предадутъ тѣло обрядовому погребенію.

6 *(стр. 24)*. Вец умlаң — 'сердитый змѣй'. — Сами Гиляки утверждаютъ, что подобныхъ змѣевъ, т. е., лазящихъ, да такихъ крупныхъ, которые могутъ задушить тигра, не водится въ ихъ странѣ. У нихъ водится только обыкновенная гадюка чңа. Терминъ «вец» не гиляцкій, это скорѣе всего аинское слово (по аински wen значитъ: худой, отвратительный; въ соединеніи — вен бе — чортъ, духъ тьмы; въ соединеніи — wen-be-sani — чортъ, *змѣй*; см. соотв. слова въ Ainu-english Dictionary, by John Batchelor, 2 изд., 1905 г.). Разсказы про подобныхъ змѣевъ автору пришлось слышать у Орочей Императорской Гавани. Ихъ два вида — ңанда и сіму. Первые попадаются въ верховьяхъ р. Самарги. Длиною бываютъ въ сажень и такой толщины, что черенъ копья входитъ въ нихъ свободно; шея и спина краснаго цвѣта, брюхо — желтаго. Людей не трогаютъ, но бываютъ «худые», которые даже медвѣдя убиваютъ. Судя по этому описанію, а также тому обстоятельству, что змѣй прижалъ тигра къ дереву «по серединѣ живота», можно заключить, что рѣчь идетъ о крупномъ представителѣ рода Coluber. Въ зоологической литературѣ есть указанія на наличность въ Японіи и въ Уссурійскомъ краѣ лазающихъ ужевидныхъ этого рода (напр., Coluber Schrenkii Str., Coluber dione Pall.), но, за отсутствіемъ какихъ либо деталей, болѣе точное опредѣленіе невозможно. Любопытно, что сказаніе о подобнаго рода змѣяхъ В. Г. Богоразъ нашелъ у Чукчей, въ территоріи которыхъ рептиліи вовсе отсутствуютъ, и къ которымъ подобное сказаніе могло проникнуть только черезъ тунгусовъ, пришельцевъ изъ Амурскаго края. Не знаемъ только, почему г. Богоразъ счелъ возможнымъ по чукотскому описанію опредѣлить этого змѣя, какъ видъ Boa constrictor. Что сказаніе о тигрѣ и змѣѣ идетъ скорѣе всего отъ Орочей, убѣждаетъ меня слѣдующій разсказъ, слышанный мною, въ видѣ семейной исторіи, отъ Ороча Императорской гавани, Ивана Кузнеца (онъ же Иванъ Михайловичъ). По его словамъ, одинъ изъ его предковъ однажды сидѣлъ въ своемъ охотничьемъ балаганѣ въ вершинѣ рѣки, у подножія высокой горы, и услышалъ очень близко отъ себя страшное рычаніе тигра. Вышелъ и увидѣлъ, что на деревѣ сидитъ тигръ, а подъ нимъ страшный змѣй «сіму». Онъ изъ лука убилъ змѣя, а тигру смазалъ ужаленное мѣсто сѣрой. Спустя нѣкоторое время тигръ подошелъ къ его балагану и протягиваетъ лапу съ занозой. Орочъ ее вынулъ, снова помазалъ сѣрой. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ счастливъ на охотѣ.

7 *(стр. 24)*. 'Того большого тигра сердитый змѣй къ толстой ели придавилъ'. Аналогичную исторію разсказываютъ Гиляки, какъ о дѣйствительномъ фактѣ, про медвѣдя и сивуча. Недалеко отъ с. Нгамбево (Восточн. берегъ Сахалина) есть мысъ, возлѣ котораго сивучи любятъ выходить полежать на отмеляхъ. Однажды медвѣдь подошелъ къ отмели и набросился на сивуча, но тотъ ластами сжалъ его такъ сильно, что медвѣдю пришлось бы совсѣмъ худо, еслибъ не случайно наблюдавшій эту сцену Гилякъ, который копьемъ убилъ сивуча и освободилъ медвѣдя. Тотъ ему отплатилъ щедрымъ 'тхусінд' (выкупомъ).

37.

Варіантъ № 1.

Кінгах ӈіӷвуӈ ӈенагі ӈуневуфкӗ. Ах ᵍа нанегыӈ віӈ; ӈахмыӈ-ку шорá ӈаӈ вііт. Віфкӗ ау мыӈ атк ау мыӈ. Ерах віӈ індыᵍа̊ чӈа пілан кӏунд чхаӈтоᵭ елӈ, муіфыӈ полахынд. Ӈаӈкӈ ерах віӈ, ӈахмыӈ-кухыᵭ ӽаӈ walӈ. Ӈуӈ кӏунд наф моӈкáӈ хімі маʁыӈ ӽаӈ індыӈ ӽај маʁыӈ ӽаӈ індыӈ. Ӈы ӈіӷвуӈ кымӏыӈ: «Ӈжоӈ маʁінынд ӈаіндрá». Ӈаӈ кымӏыӈ ӈаróӈ індыᵍа̊: панӹ ӈуневуӈ. Ах ерах віӈ ірхӹ шівӈ. Ӈуӈ кӏунд ӈу ӈіӷвуӈ тоӈ віӈ хімінтох ӈуᵭ тхырох маʁᵍа̊ тав ӈакӈ індыт. Ӈаᵍа̊ ӈуӈ кӏунд наф пнахе-ӈіӷвуӈ муӈ. Ах тафтох југут јеӈ кеӈ ітӈ. Ӈаᵍа̊ јеӈ ӈііхыӈ пехӏаᵑ уᶊкӏӈ ᵍа ваӈк ту ӈаӽӈ чаруӈ ӈу ӈіӷвуӈ кімӈ. Ӈу ӈіӷвуӈ ах порох маʁыӈ. Ӈанд фуруӈ.

Однажды Гилякъ одинъ жилъ. Вотъ звѣря искать пошелъ; двухконечную стрѣлу неся, такъ ходилъ. *Послѣ того какъ* долго шелъ, *онъ* крикъ услышалъ, тигра крикъ услышалъ. Къ нему подошелъ *и когда* посмотрѣлъ, *оказалось*: змѣй большого тигра къ дереву придавилъ; *тигръ* помирая вопитъ. Вотъ *Гилякъ* къ нему подошелъ, двухконечной стрѣлой выстрѣлилъ, поналъ. Тотъ тигръ теперь ожилъ, въ гору направился, остановился, посмотрѣлъ, снова пошелъ, остановился, посмотрѣлъ. Тотъ Гилякъ подумалъ: «Меня, повидимому, съ собою забрать намѣревается». Такъ подумалъ, потомъ посмотрѣлъ: все еще стоитъ! Вотъ къ нему подошелъ, къ нему на спину усѣлся. Тотъ тигръ того Гиляка въ гору повезъ; на ту вершину забравшись, юрту одну увидѣли. Тогда тотъ тигръ (теперь) молодымъ человѣкомъ сдѣлался. Вотъ въ юрту вошли, *тигръ* своему отцу новости разсказалъ. Послѣ этого его отецъ благодарилъ, за своего сына заплатилъ, одними только соболями нарту цѣлую наполнилъ, тому Гиляку далъ. Тотъ Гилякъ вотъ въ свое селеніе спустился. Такъ сказано.

Примѣчанія къ № 37.

1 *(ко всему тексту)*. Въ этомъ варіантѣ отсутствуетъ вступительный эпизодъ съ медвѣдицей, который, повидимому, въ предыдущемъ текстѣ случайно припутанъ къ фабулѣ.

2 *(стр. 1)*. Ӈахмыӈ-ку—'двухконечная стрѣла', — стрѣла вилообразная, очень распространенная въ сѣверной Сибири вплоть до самоѣдовъ, но Гиляки, въ среду которыхъ она занесена тунгусскими выходцами, употребляютъ ее крайне рѣдко. Эта маленькая деталь служитъ указаніемъ на то, что мѣсто дѣйствія относится не къ территоріи Гилякъ, а къ территоріи тунгусскихъ племенъ Амура.

3 *(стр. 3)*. Чӈа — 'змѣй'. — Здѣсь уже аинскій терминъ «вең»,

употребленный въ предыдущемъ варіантѣ и свидѣтельствовавшій объ иноземномъ происхожденіи сюжета, отсутствуетъ. Впрочемъ, разсказчикъ счелъ нужнымъ при устномъ дополненіи подчеркнуть, что такихъ «чңа» на Сахалинѣ не имѣется.

38.

Туґур-ызіңтох акін ңіӈывың.

Торӈ ңіӈвуң тулыв ңаӈхот ах паӆрох ах макт. Ах ңӈы-а́йт ах ңымпа́ӈыв ах інд-а́йт ах чух-чу́гыт ах журухір ах ңаӈхот. Ах ыӡмунд ңахун ңыы хаврнд, ах і-на́вхун ңа маӆхо́ іхынд. Ыӡң умӈ журухун сік геӈ. Ңымпа́ӈыв ыңіңт-а́йӈ кv геӈ пӏев чіра́ ңіӈ ңаӈхӈ кера́ туґур арнт: «Ыӡң івха́й ыңйа́!» Пхv геӈ фтуґур кvвӈ ах теӈыд хот. Ңың ыӈк ваңвоӈ ах тыіӈ ах ңіӈвуң ах херыӈ: «Чі тама́ӈ ңаӈхойа́!» Ах прафтох від, ах ваңвоӈ па̄ркы́ӈ пшы фіӈ тама́ӈ. Ңіӈвуң ңіның пшыӈ херыӈ: «Ңі-ра́фтох угрын вінатé ні науту́ндра́!» Угрыт віт тафтох ах југыд: ңа маӆхо́! Ңіӈвуң ңеның ңствухе́ шыф јупра́. Ңа мех чмуӈа́йра́: «Ңаӈхофуӆ-туґур-кыв-ңіӈвуңтох вінґа́ ітйа́: ‘Ылхы толыф пунд-ӏо, ку-ӏо, ӄхах-ӏо лыс-лыср́оӈ ңуңхе́ ныныгыйа́: ңан кыха́й чіхіндра́, чі кыха́й ңіхйа́!’ — маӈыха́й іхтыйа́!» Ңың толв ңы ңіӈвуң ныӈгыфке́ пыхксынд.

Гилякъ, оскорбившій хозяина огня.

Пять человѣкъ зимою ловушки ставить въ тайгу пошли. Вотъ *они* балаганъ сдѣлали, вечеромъ ѣды изготовили, жертвоприношенія дѣлали, самострѣлы установили. Хозяину соболей совсѣмъ не попало, товарищи же его много поймали. Хозяинъ разсердился, самострѣлы свои всѣ забралъ. Вечеромъ яства изготовилъ, то́поръ взялъ, возлѣ себя поставилъ, чашку одну взялъ, огонь кормилъ, *говоря*: «Если *у тебя* хозяинъ имѣется, пусть кушаетъ!» *Затѣмъ* свой топоръ взялъ, очагъ свой изрубилъ, *послѣ этого* на нары забрались, уснули. Въ эту ночь повару снилось, что человѣкъ ему говоритъ: «Ты тутъ оставайся, свои ловушки ставь!» Вотъ *всѣ* по домамъ разошлись, поваръ одинъ въ своемъ балаганѣ остался. Человѣкъ одинъ пришелъ, сказалъ: «Въ мой домъ вмѣстѣ пойдемъ — мнѣ *это тебѣ* передать велѣли!» Вмѣстѣ пошли, въ домъ вотъ вошли: соболей множество! Человѣкъ одинъ съ повязанной раной на лицѣ *тутъ сидѣлъ*. Двадцать соболей вручивъ *ему* за трудъ, *сказалъ*: «*Когда* придешь къ Гиляку, изрубившему очагъ во время начала охоты на соболя, скажи: ‘*Пусть онъ на* будущій годъ лѣтомъ лукомъ, стрѣлами, копьемъ запасшись, повсюду тутъ походитъ: *если* я сильнѣе, тебя убью, если ты сильнѣе, меня убьешь’—*когда* придешь, ему скажи!» Въ то лѣто тотъ Гилякъ во время охоты погибъ.

Примѣчанія къ № 38.

1 *(стр. 3)*. Ы̀змунд—'хозяинъ', т. е., богатый человѣкъ, хорошій охотникъ, всѣми уважаемая въ селеніи личность, въ данномъ случаѣ и лицо, снарядившее охотничью экспедицію.

2 *(стр. 5)*. 'Если у тебя хозяинъ имѣется, пусть кушаетъ!'—Дѣло въ томъ, что «огонь», вѣрнѣе—«хозяинъ» огня, считается посредникомъ между человѣкомъ и всѣми божествами. Поэтому, когда охотникъ приноситъ жертву огню, онъ считаетъ, что этимъ самымъ онъ пріобрѣлъ милость и «хозяина» лѣса, обезпечивъ себѣ счастливую охоту. Явная несправедливость, оказанная нашему герою «огнемъ», вызываетъ въ немъ бѣшенный взрывъ озлобленія, заставляющій его забыть самые сильные императивы его вѣры, и онъ разражается не только богохульствомъ, но кончаетъ величайшимъ преступленіемъ, кощунственнымъ разрушеніемъ очага.

3 *(стр. 8)*. 'Человѣкъ одинъ пришелъ' — то былъ секундантъ, присланный оскорбленнымъ «хозяиномъ» огня, чтобы черезъ повара передать вызовъ Гиляку-оскорбителю.

4 *(стр. 9, 10)*. 'Человѣкъ одинъ съ повязанной раной на лицѣ' — то былъ «хозяинъ» огня, получившій рану отъ топора Гиляка, рубившаго очагъ.

5 *(стр. 11, 12)*. 'Если я сильнѣе, тебя убью и т. д.'.—Тутъ любопытно это равноправіе между богомъ и человѣкомъ. Вмѣсто того, чтобы покарать его властной рукой, божество вызываетъ своего врага на поединокъ, какъ равный равнаго, по общепринятому церемоніалу.

39.

Чаӈмк-еӈlаг.

Нѝӈвуӈ ӈеныӈ пыр̀к паврáа. Кер̀хыӈух кузѝг чо чохыс̀ аѝӈej херáа. Јаѝӈej ха чаӈмк хаурáа. Еӈlаг пандрáа пiлаѝӈвуӈ муӈ̀ wa хурáа, ӈоныв нары ӈундхыс̀ чхыф курáа і-зо̀ӈхӈ̀ кувӈ̀ іхрáа. Ы̀тх ӈеныӈ ірох талх ӈаӈ̀ тунáа ӈалыныӈ̀тхы ычіх ӈеныӈ ӈунывыӈ̀ талх иніӈ̀. Ычіх ітрáа: «Ӈворох угрын

Сынъ Матери воды.

Гилякъ одинъ одинокій жилъ. Вышедшую изъ моря рыбу въ жены взялъ. Его жены имя было Мать воды. Мальчикъ родился, взрослымъ сталъ, саблю носилъ, весной постоянно ею медвѣдя билъ, его голову рубя убивалъ. *Однажды* старикъ одинъ *вверхъ* по рѣчкѣ за *мерзлой* рыбой отправился. На помостѣ старикъ одинъ сидѣлъ, мерзлую рыбу кушалъ. Старикъ сказалъ: «Въ мою деревню вмѣстѣ давай пойдемъ!» Вмѣстѣ пошли.

вінатé!» Угрыд вітá. І-рáфтох југнá паэ̆р івыв пілáнг нiӈывуӈ нéныӈ ḥылх поэ̀рá паэ̆р нéтв парá. Паэ̆р-нéтв-ванг-нiӈвуӈ: «Чаӈымк-еӈланг пауфурыр̆ iтjá: ылха ḥоныв ḥерук ырыӈ ḥухjé маӈiныӈгрá пфуá хухáреp̆ нiхjá!» Ыч̀х маӈрá чаӈмк-ехlанг херрá; кругру нарá муӈв-мýӈв iр̆рá. Ылха ḥоныв паэ̆р-нéтв-ванг-нiӈывыӈ маӈнạ́ х̌омр̆ ватыв кенг нан теӈыр̆ ḥунывра. Ḥу нiӈывыӈ чхыф муррá пілáра. Чаӈмк-еӈланг прырá. Ḥунд чхыф весн̀ạ́ ḥорхыр̆ ч̀ах̌р̆ сыwоiныгạ́ чеӈ-чéӈаp̆ ḥупывыр̆. Наӈкlах утхыс̀ ч̀ах̌р̆ маӈыр̆ éвр̆-elр̆-ýхмур̆. Пнавх-навх рырут. Ізхыф еḱтох теӈрá муррá, чаӈмк-еӈланг ḱохтох маӈрá муррá.

Когда въ его юрту вошли, на боковой нарѣ большой человѣкъ одинъ головой къ входу лежалъ, половина лица *у него* повязана была. Человѣкъ съ повязанной половиной лица: «Сыну Матери воды скажи, *что* я вѣсть посылаю: на другой годъ весной во время хода селедки тогда *съ горъ* спущусь, *пусть* свое копье одѣвши меня дожидается!» Старикъ спустился, сыну Матери воды передалъ; тотъ свою саблю постоянно день денской точилъ. На другой годъ весной, *когда* человѣкъ съ повязанною полови-
10 виной лица *къ морю* спустился, на прибрежномъ пескѣ китъ одинъ на берегъ вышедши лежалъ. Тотъ человѣкъ медвѣдемъ сталъ, большущимъ сталъ. Сынъ Матери воды пришелъ. Когда тотъ медвѣдь *на него* бросился, онъ назадъ отскочилъ *и, когда онъ* захотѣлъ обнажить *саблю, она* не поддавалась. Тогда *онъ* со всей силы наскочилъ, обхвативъ его душить сталъ. *Потомъ* другъ друга выпустили. Медвѣдь (его) вверхъ пошелъ, умеръ, сынъ Матери воды внизъ пошелъ, умеръ.

Примѣчанія къ № 39.

1 *(ко всему тексту)*. №№ 39, 40, 41 представляютъ варіанты одного и того же сюжета, состоящаго изъ 2-хъ эпизодовъ. Первый: отъ Гиляка и женщины-рыбы (Матери воды) рождается мальчикъ, который впослѣдствіи дѣлается могучимъ побѣдителемъ медвѣдей. Второй: «хозяинъ» медвѣдей, очень обиженный тѣмъ, что сынъ женщины-рыбы убиваетъ его японской саблей, а не традиціоннымъ копьемъ, вызываетъ его на бой, причемъ оба погибаютъ. Послѣднимъ эпизодомъ тексты эти отчасти примыкаютъ къ тексту № 38, гдѣ «хозяинъ» огня, онъ же «хозяинъ» медвѣдей, тоже вызываетъ на бой Гиляка. Сюжетъ варіантовъ скорѣе всего аинскаго происхожденія. За это говоритъ прежде всего то, что именно у Айну наиболѣе обычны разсказы о половомъ общеніи людей съ обитателями моря. Далѣе, варіанты записаны отъ Гилякъ, которые живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Айну. Наконецъ, то обстоятельство, что божественное происхожденіе героя идетъ со стороны матери, а не со стороны отца, особенно говоритъ за происхожденіе сюжета отъ Айну, у которыхъ до сихъ поръ сохранился родъ материнскій. Что касается весьма странной концепціи единоборства между сыномъ женщины-рыбы и медвѣдемъ, которое почему-то обязательно оканчивается

смертью обоихъ противниковъ, то одна маленькая деталь даетъ нить для объясненія, именно, то, что сцена единоборства происходитъ почему-то непремѣнно близъ выброшеннаго на берегъ кита, который между тѣмъ никакой роли въ сюжетѣ не играетъ. Въ дѣйствительности, китъ выведенъ далеко не зря; намъ думается, что выброшенный китъ и есть главный, хотя и закулисный, герой разсказа. Дѣло въ томъ, что дохлый китъ оказывается часто страшно ядовитымъ для людей и животныхъ. Случалось, что цѣлыя селенія погибали послѣ пиршества у трупа кита. Такъ какъ и медвѣдь не прочь полакомиться китомъ, то бывали, конечно, случаи, что медвѣдя находили мертвымъ рядомъ съ китомъ, надъ которымъ онъ пировалъ. Такое рѣдкое зрѣлище двухъ «боговъ», лежащихъ мертвыми рядомъ или даже одинъ поверхъ другого, легко породило легенду объ единоборствѣ двухъ одинаково могучихъ божественныхъ противниковъ, кончившемся смертельно для обоихъ. Въ дальнѣйшей трактовкѣ китъ антропоморфируется и превращается уже въ сына человѣка и женщины-«рыбы». Это опять таки совершенно въ духѣ психики Айну или Гиляка. Послѣдніе полагаютъ, что китъ не выбрасывается на берегъ, а самъ по своей волѣ приходитъ (Гилякъ такъ и говоритъ: кенг теӯыр̆—'китъ на берегъ вышелъ'); приходитъ же онъ, конечно, не зря, а по дѣлу, дѣлу серіозному, самое же серіозное дѣло это, съ точки зрѣнія туземца, дѣло амурное, любовь къ Гиляку, имѣвшая въ результатѣ рожденіе героя разсказа (Ср. первыя слова текста: 'вышедшую изъ моря рыбу въ жены взялъ'). Что въ другихъ варіантахъ эта «рыба» (китъ) превращается въ камбалу, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго: превращенія животныхъ, по представленію первобытныхъ людей, являются самымъ обычнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ, дохлый китъ, фигурирующій въ разсказѣ, повидимому, безъ всякаго основанія, въ дѣйствительности, — тотъ коготь, по которому узнаемъ льва въ первичной формѣ этого страннаго разсказа, который легко можетъ показаться символическимъ (борьба двухъ стихій—Воды и Земли), но въ самомъ дѣлѣ покоится на самыхъ реальныхъ наблюденіяхъ, по своему вполнѣ реально истолкованныхъ первобытнымъ человѣкомъ.

2 *(стр. 2)*. 'Одинокій жилъ', т. е., безъ жены, что̀ и побудило его на общеніе съ рыбой-женщиной.

3 *(стр. 3)*. 'Саблю носилъ', т. е., японскую саблю.—У инородцевъ Сахалина японскія сабли служатъ только objets de luxe. Какъ орудіе охоты, сабля и безполезна, развѣ только для самообороны. Только человѣкъ необыкновенной физической силы могъ бы рискнуть броситься на медвѣдя саблей. Такимъ, очевидно, легенда и желаетъ изобразить нашего героя. Въ послѣдній моментъ борьбы онъ душитъ медвѣдя въ своихъ объятіяхъ.

4 *(стр. 5)*. 'За мерзлой рыбой отправился'.—На сѣверномъ и среднемъ Сахалинѣ, гдѣ ходовая рыба продолжаетъ попадаться и поздней осенью, когда морозы уже достаточно крѣпки, рыбу къ концу сезона уже не вялятъ на солнцѣ, а сохраняютъ мерзлой въ амбарѣ близъ мѣста лова и перевозятъ ее въ зимнее селеніе съ наступленіемъ саннаго пути. — Мерзлую рыбу употребляютъ въ сыромъ видѣ.

5 *(стр. 8)*. 'Пусть свое копье одѣвши меня дожидается'.—Медвѣдь настаиваетъ, чтобы сынъ Матери воды не съ саблей явился, а съ обычнымъ оружіемъ—копьемъ, требуя боя на честныхъ, общепринятыхъ условіяхъ, считая саблю нечестнымъ орудіемъ боя.

6 *(стр. 11)*. 'Большущимъ сталъ', что̀ доказываетъ, что это былъ самъ «хо-

зяинъ» медвѣдя, который мыслится Гиляками, какъ самый крупный экземпляръ медвѣдя.

7 *(стр. 13)*. 'Когда хотѣлъ саблю обнажить, она не поддавалась'. — Сынъ Матери воды не выполнилъ условій боя, явившись съ саблей, вмѣсто копья, и былъ наказанъ: сабля не поддавалась, и ему пришлось биться голыми руками.

40.

Варіантъ № 1 (записанъ по русски).

Первый человѣкъ родился въ селеніи Руи. Однажды онъ рыбу ловить пошелъ. Поймалъ Таӈмык-чо (Рыба-мать-воды), совокупился съ ней и живой ее снова въ море бросилъ. Снова на другой день рыбу ловить пошелъ, снова поймалъ Таӈмык-чо, съ ней совокупился и въ море снова живой бросилъ. Много разъ Гилякъ такъ сдѣлалъ, никому объ этомъ ничего не сказалъ. Лѣтомъ Таӈмык-чо мальчика родила, на берегъ его въ песокъ бросила. Одинъ Гилякъ его увидѣлъ. «Что за мальчикъ!» — подумалъ онъ: «Если отецъ есть у него, пусть придетъ и возьметъ его!». Въ селеніе вернулся, всѣмъ новость разсказалъ. Отецъ узналъ, мальчика взялъ, на берегу балаганъ сдѣлалъ, мальчика посадилъ, рядомъ съ нимъ большую японскую саблю положилъ. Травы коӈ-хонг набралъ, постельки приготовилъ, вмѣстѣ жить стали, никто ничего не зналъ. Вотъ уснули. Отцу снится: Мать воды-рыба ему говоритъ: «Это твой сынъ! Смотри, чтобы никто не узналъ! Если другой Гилякъ увидитъ его, онъ непремѣнно умретъ! Хорошенько своего сына корми! Рыбы у тебя много будетъ, лѣсного звѣря, соболя, медвѣдя — всего у тебя вдоволь будетъ!» Послѣ этого рыбы у него въ изобиліи стало. Осенью пошелъ петли ставить, пятьдесятъ соболей поймалъ! Медвѣдя въ горахъ искалъ, трехъ медвѣдей убилъ! Черезъ годъ мальчикъ совсѣмъ взрослымъ сталъ, съ японской саблей все носился. Вотъ старикъ уже совсѣмъ одряхлѣлъ, сынъ его кормить сталъ. Рыбу ловилъ, рыбы множество ловилось. Когда на медвѣдя ходилъ, саблей множество убивалъ, одной только саблей тридцать медвѣдей убилъ! Одной только саблей убивалъ, ни лука, ни копья никогда не носилъ. Однажды онъ самаго большого медвѣдя встрѣтилъ. Медвѣдь хотѣлъ его съѣсть, тотъ его по головѣ саблей рубить сталъ. Медвѣдь еле живой убѣжалъ. Сынъ Матери воды-рыбы домой вернулся, спать легъ. Снится ему: горный человѣкъ пришелъ, голова его — сплошь дыра и кровь. Горный человѣкъ говоритъ: «Сынъ Матери воды-рыбы, ты постоянно намъ головы рубишь саблей! Зову тебя на бой! Если ты сильнѣе, ты меня убьешь, если я сильнѣе, тебя убью! Давай драться!». Снова сынъ Матери воды-рыбы на медвѣдя пошелъ. Самый большой мед-

вѣдь явился. Медвѣдь сразу за саблю, висѣвшую на поясѣ, ухватился. Сынъ Матери воды-рыбы хотѣлъ саблю обнажить, не могъ. Тогда онъ руками медвѣдя обхватилъ. Долго-долго боролись, цѣлый день боролись. Наконецъ, оба, и сынъ Матери воды-рыбы, и самый большой медвѣдь оба мертвыми легли. Сказано.

Примѣчанія къ № 40.

1 *(къ стр. 1)*. Сел. Руи, въ настоящее время не существующее, было расположено у устья р. Александровки (нынѣшній постъ Александровскъ). Нынѣшній русскій постъ Дуи, въ 10 вер. отъ Александровска, ведетъ свое названіе отъ гиляцкаго Руі = Дуі.

2 *(ко всему тексту)*. Въ этомъ варіантѣ являются совершенно новыя и очень интересныя подробности. Оказывается прежде всего, что сынъ Матери Воды — родоначальникъ нынѣшнихъ Гилякъ. Далѣе, божественный ребенокъ, подобно богамъ и героямъ древности, Моисею, Озирису и т. д., оказывается случайно найденнымъ на берегу воды. Нѣкоторыя другія подробности, напр., то, что немедленно, послѣ нахожденія ребенка, рядомъ съ нимъ положили японскую саблю, сыгравшую столь фатальную роль въ жизни героя, даютъ основаніе предположить японское происхожденіе героя-найденыша. Нужно принять во вниманіе, что японскіе рыбаки, временно пріѣзжающіе на Сахалинъ, вступаютъ въ эфемерныя связи съ туземками и уѣзжая оставляютъ послѣ себя потомство. Въ настоящее время подобныя связи стали обычными явленіями. Нужно думать, что въ прежнее время, когда японцы только случайно попадали на островъ, подобныя связи считались осквернительными, и дѣти, рожденныя отъ японца, по крайней мѣрѣ, у Гиляковъ несомнѣнно убивались. Спасти ихъ отъ смерти можно было путемъ изоляціи: этимъ объясняются слова рыбы-Матери воды: «Если другой Гилякъ увидитъ его, онъ непремѣнно умретъ» (стр. 14).

3 *(стр. 7)*. 'Одинъ Гилякъ его увидѣлъ' — явное противорѣчіе началу, гдѣ отецъ героя рисуется 'первымъ' и, слѣдовательно, единственнымъ человѣкомъ, жившимъ въ то время. — Въ гиляцкихъ разсказахъ о первомъ человѣкѣ подобныя противорѣчія весьма обычны. Но въ данномъ случаѣ противорѣчіе могло возникнуть вслѣдствіе двойного значенія слова ӈiӈывыӈ, означающаго и — Гилякъ и человѣкъ, и можетъ быть поэтому истолковано въ томъ смыслѣ, что отецъ героя былъ первымъ и единственнымъ Гилякомъ въ с. Руи, а остальные были Айну.

4 *(стр. 10)*. 'Рядомъ съ нимъ японскую саблю положилъ'. — Надъ колыбелью новорожденнаго вѣшаютъ изображенія всѣхъ родовъ оружія для отпугиванія злыхъ духовъ. Подобной же цѣли должна была служить и японская сабля, которая въ глазахъ туземцевъ играетъ роль оружія, обладающаго волшебными свойствами. Поэтому, напр., посредники въ дѣлахъ мести и войны опоясываются обязательно японскими саблями, ихъ охраняющими. У нашего Героя въ его охотничьихъ подвигахъ сабля тоже играла волшебную роль.

41.

Варіантъ № 2. Ќаврі-еӈланг.

Ӈіӈвуӈ ӈеныӈ wo ӈахў віў, ќеўќуў ќаврі ӈан хуў хітіў му сір јајхоў толрох пасў прафтох теӈыў. Пат аӈзі ќеўќуў ќаврі іхыў му сіўјајхоў толрох пасў прафтох теӈыў. Ӈіӈвуӈ-шанх-аӈӈеј-еӈланг азміч ӈеныӈ пантыў пілаў хомўух ќаврі-еӈланг інтыў. Ах геў вантуў wa еврá. Ќаврі-еӈланг пілагў чхыфтохо пфахіў хvф-кv́вў еуў-éуў. Ӈафкé ӈіӈвуӈ-шанх-еӈланг ӈеныӈ ӈаўхоў ныныгыў пхіх таф інтыў. Ерах віў ӈыӈ тавух ӈіӈвуӈ гет шот-јýгыд інд-ájт јарта. «Та ӈіхlујá! Пасќрох віхáј ітјá: ‘Аӈ-áӈ wахыз ӈіӈ хvф-кv́вынд хоӈдрá! Кухыз-нан ӈіӈ ха́ја, тóта-тамлáӈ-ќхахкыз ӈі-еспіјá, wахыз ӈхvф-кv́вынд ӈі есханд! Ыlхы толв кенг чворох малывух теӈеіндрá ӈі маӈн іӈііндрá, пфуа шорá ӈерах пшыјá! Ӈі кыхáј чіхііндрá; чі кыхáј ӈіхііндрá’—маӈыхáј іхтыјá, ќаврі-еӈланг часх наутунд іхтіјá». Ӈуӈ тулв ѓјаў ізн-wó-lевух кенг теӈыў. Ќаврі-еӈланг пфуа герá ах віў. Пілá чхыф кенг іӈіў.

Сынъ камбалы.

Гилякъ одинъ въ деревню одну пошелъ, удочкой камбалу одну поймалъ, поднялъ, въ лодку положилъ, совокупился съ ней, въ море бросилъ, домой отправился. *На*завтра снова удочкой камбалу поймалъ, въ лодку положилъ, совокупился, въ море бросилъ, домой отправился. *У этого Гиляка* отъ его жены, гиляцкой женщины, сынъ одинъ родился; большимъ ставъ, *онъ* на *прибрежномъ* пескѣ нашелъ сына камбалы. *Отецъ* взялъ *его*, взростилъ, саблей снабдилъ. *Когда* камбалы сынъ сталъ большимъ, *онъ* медвѣдей, саблей рубя, сталъ убивать. Послѣ этого сынъ гиляцкой женщины (одинъ), отправившись ставить ловушки, въ тайгѣ увидѣлъ юрту. *Когда онъ* къ ней подошелъ, обитатели этой юрты взяли его, привели *въ юрту*, приготовили ѣду, накормили его. (*Одинъ изъ нихъ сказалъ ему*): «Не бойся меня! *Когда ты* къ своему младшему брату придешь, *ему* скажи: ‘Изъ года въ года ты насъ рубишь саблей—*намъ* больно! Стрѣлами только въ насъ стрѣляй, много-серебряннымъ копьемъ меня коли, рубленія *же* (меня) саблей не люблю! На будущій годъ лѣтомъ около твоего селенія китъ *на берегъ* выбросится, я спустившись его ѣсть буду, *тогда*, свою саблю взявъ, ко мнѣ приди! *Если* я сильнѣе, тебя убью; *если* ты сильнѣе, меня убьешь’—*такъ* вернувшись скажи, сыну камбалы, своему младшему брату вызовъ *этотъ* передай!» По прошествіи этой зимы, близъ ихъ селенія китъ выбросился. Сынъ камбалы свою саблю взявъ вотъ явился. Огромный медвѣдь кита ѣлъ. Сынъ

Ќаврі-еӈlаӷ аєрыӈгў віў. Чхыф веєў хvвў ах полў ах прукыӈгў.... Ах муў, чхыф мунд. Аєх ӊіӈвуӈ-шаӊрух-паптыӷ-еӈlаӷ ӊеныӈ наӈкыў інтыў ах муў ах чхыф ах муў! Ах прафтох ихыў-віў јеўтох ах віў ах ітыў. Ах јеў віў інтыў: ах еӈlаӷ муў чхыф ахў муў: чхыф-тіӷ ӊіӈвуӈ-тіӷ вара мундхун!

камбалы подкрадываясь подошелъ. Медвѣдь бросился, *тотъ саблей* рубить сталъ, вотъ упалъ, вотъ далъ себя терзать. Вотъ *онъ* умеръ, и медвѣдь умеръ. Младшій братъ, родившійся отъ гиляцкой женщины, такъ и нашелъ *ихъ*: и *братъ* умеръ, и медвѣдь умеръ! Домой вернулся, къ своему отцу пошелъ, сказалъ. Его отецъ пошелъ, увидѣлъ: и сынъ умеръ, и медвѣдь тоже умеръ: тутъ же и медвѣдь, тутъ же и человѣкъ, оба померли!

Примѣчанія къ № 41.

1 *(ко всему тексту)*. Этотъ варіантъ записанъ въ селеніи Пильво, селеніи, которое еще очень недавно состояло изъ смѣшаннаго населенія Гилякъ и Айну. Типичная аинская подробность этого варіанта—появленіе камбалы въ качествѣ Матери воды. Легенда о первомъ человѣкѣ совершенно исчезаетъ.

2 *(стр. 9)*. 'Рубишь насъ саблей—намъ больно!' — Гиляки воображаютъ, что медвѣди сами даютъ «хорошее мѣсто», дабы ударъ сразу оказался смертельнымъ. Такъ-какъ сынъ Матери воды рубилъ саблей по головѣ (вмѣсто ударовъ въ сердце), то, понятно, медвѣдь не могъ давать «хорошаго мѣста» и сильно поэтому мучился.

3 *(стр. 9)*. 'Копьемъ много-серебряннымъ насъ коли'. — Копья Гилякъ украшаются искусной серебряной инкрустаціей съ изображеніями животныхъ и разныхъ другихъ фигуръ, и, такъ какъ медвѣдь обыкновенно уноситъ съ собою душу того копья, которымъ онъ былъ убитъ, въ даръ своему хозяину, то, понятно, что медвѣди заинтересованы въ томъ, чтобъ копья были какъ можно богаче инкрустированы.

42.

Варіантъ № 3. Ќхангі-еӈlаӷ.

Ӊіӈвуӈ-wo івнд. Ӊіӈвуӈ ӊеныӈ тулв ќеўхонд ќхангі ќеўхонд. Кхангі ӊан толлух кузінд, ыӈкрох ревнд, ӊарўў толрох пасынд, прафтох пшынд.

Сынъ вахни.

Гиляцкое селеніе было. Гилякъ одинъ зимою удилъ, вахню удилъ. Вахня одна изъ моря вышла, *Гилякъ* въ ротъ ....., потомъ *ее* въ море бросилъ, въ свой домъ вернулся. Переночевалъ, на другой день снова *къ морю*

Ӈунхунд ӈымпа́т ӵај маӈынд, ӵај ќеӈ̆хонд, ӵај ќхангі ӈан тоӆлух кузі́нд, ӵај ыӈкрох ревнд, тоӆрох пасы́нд. Тынд толыв ку ӈіӈ̆вуӈ хомӈ̆тох маӈынд. Толлух еӈ̆ланг ӈеныӈ кузі́нд, ӈыӈ ӈіӈ̆вуӌефтох пшынд јочі́нд: «Ты wo ӈеӈ̆ тана?» Јеӈ̆ итынд: «Тајора́, еӈ̆-ќха ітја́!» Еӈ̆-ќха ітнд.—«Ӈі ӈыӈ хаунд, чі неӈ̆ла!» Угрыт теӈ̆нд еӈ̆кі ӈунывынд. Піла ӈіӈ̆вуӈ мунд. Ӈы wоныӈ енанд таф піг ӈехаӈ̆ (сік мынд); ӈыӈ тафтох віӈ̆ сык іхӈ̆. Ӵај енанд таф піг ітхаӈ̆ ӵај сык іхӈ̆. Ӈы wоныӈ паӆрох чауд кызӈ наныгынд: «Мілк маӈхланд пшыја́, ты ӈіӈ̆вуӈ іхја́! Паӆ-мілк пшыја́, зымаӈхланд мілк ӈала́ пшыја́!» Паӆ-мілк пшыӈ̆ ухмонд; ін ќхах ӈагмырнд ќхах ухмонд. Паӆ-мілк мунд. Ӈіӈ̆вуӈку тоӆрох выӡнд: «Тоӆ-мілк маӈхла мілк івха́ј пшыја́ ухмуја́!» Тоӆ-мілк пшыӈ̆ ухмонд, вара ухмонд: тоӆ-мілк-тіг ӈіӈ̆вуӈ-тіг вара мундхун. Твінд.

пошелъ, снова удилъ, снова изъ моря вахня одна вышла, снова *Гилякъ* въ ротъ ....., въ море бросилъ. Въ это лѣто Гилякъ этотъ *однажды* на берегъ вышелъ. Изъ моря мальчикъ одинъ вышелъ, къ тому Гиляку подошелъ, спросилъ: «Гдѣ *тутъ* въ этомъ селеніи мой отецъ?» Отецъ его сказалъ: «Не знаю, имя отца скажи!» Имя отца сказалъ. — «Меня такъ зовутъ, ты сынъ мой!» Вмѣстѣ *въ селеніе* пошли, съ отцомъ вмѣстѣ жилъ. Взрослымъ человѣкомъ сталъ. Житель этого селенія, обитатель другой юрты *о немъ очень* обидно отзывался (всѣ слышали); *онъ* въ ту юрту пошелъ, всѣхъ убилъ. Снова обитатель другой юрты наболталъ, снова всѣхъ убилъ. Жители этого селенія «горѣ» жертвоприношеніе сдѣлали, бога молили: «Могучій чортъ, явись, того Гиляка убей! Горный чортъ, приди, самый могучій чортъ, приди!» Горный чортъ пришелъ, сразились; его копье двуконечное копье было— такъ сразились. Горный чортъ умеръ. Гиляки «морю» жертвоприношеніе сдѣлали: «Морской чортъ, могучій чортъ *коли* имѣется, приди, сразись!» Морской чортъ пришелъ, сразились, одинаково сразились: и горный чортъ, и Гилякъ оба померли. — Конецъ.

Примѣчанія къ № 42.

1 *(стр. 2)*. 'Вахню удилъ'. — Вахню ловятъ зимой, продолбивъ небольшое отверстіе во льду. Орудіемъ ловли служитъ своеобразная уда, состоящая изъ желѣзнаго крюка (длиною около 16 стм.), привязаннаго на короткомъ шнурѣ къ палкѣ.— Вахня держится очень близко къ поверхности воды.

2 *(стр. 9)*. Ӈехаӈ̆—'обидно отзывался', букв.: 'крѣпко ругалъ', т. е., издѣвался надъ темнымъ происхожденіемъ сына вахни. Въ подобныхъ случаяхъ Гиляки называютъ человѣка: ытк хаврнд — 'неимѣющимъ отца', и это считается тяжкимъ оскорбленіемъ.

3 *(къ стр. 10 и 14)*. '«Горѣ»... «морю» жертвоприношеніе сдѣлали', т. е., «хозяевамъ» горы и моря. «Хозяева» сами по себѣ добрыя существа, но могутъ насылать и злыхъ духовъ, чертей, — выродковъ изъ среды своихъ же сородичей.

N 4058-16/907